

ФЕЛИКС КРАСАВИН

**СИЛУЭТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ
В ИНТЕРЬЕРЕ ВЕКОВ**

Иерусалим
Издательство ЛИРА ☆ 2022

Красавин Феликс. Силуэты современников в интерьере веков. Сборник философских и социологических произведений.

Автор сборника детство провел в детдоме, поскольку родители были репрессированы (отец – за монографию о невозможности построения социализма в отдельно взятой стране). После школы рабочей молодежи и ремесленного училища, в 1948 году поступил в Ленинградское Высшее морское арктическое училище. Был арестован курсантом, в 1950 году, 20-летним юношей, осужден к 25 годам «за контрреволюционную деятельность», в тюрьмах и лагерях провел шесть лет. Через несколько месяцев был арестован повторно «за организацию забастовки» и осужден к 8 годам лагерей, срок отбыл полностью, в Иркутской области, затем в Мордовии.

После освобождения работал в Нижнем Новгороде, на заводе. От поступления на истфак отказался, поскольку в списке приемных экзаменов была история партии. Много учился самостоятельно. Начал писать свои философские произведения критического направления, а также исторические исследования по вопросам формирования и функционирования власти. Публиковался крайне редко, как правило, в журналах Литвы.

По его мнению, человек должен к концу жизни сформировать свое мировоззрение. Прослойку священников и интеллигенции считал надеждой общества, определяя ее как нравственно и концептуально мыслящую часть общества.

В 1993 году с семьей репатриировался в Израиль. Скончался 10 июня 2021 г. в Иерусалиме.

В данный сборник входят наиболее значимые его произведения: «Силуэты современников в интерьере веков», «В последние годы халифата», а также ряд биографических очерков и эссе.

ISBN 978-965-7181-38-6

Редактор – Елена Косоновская

Издательство ЛИРА – Jerusalem, Nicaragua str., 7/1, 96586

Printed in Israel

*„Самое важное в существе Бога –
это Дух Отчий.“*

Феликс Красавин

СИЛУЭТЫ СОВРЕМЕННОКОВ В ИНТЕРЬЕРЕ ВЕКОВ

Семенящей походкой XX век спешит к кулисам, чтобы покинуть сцену. Как и его предшественник, он хочет выглядеть при этом победителем, еще полным сил и преисполненным чувства собственного достоинства. Слов нет – список его побед велик и впечатляющ, и самая громкая из них это, конечно, потрясающий воображение научно-технический прогресс. Попыхивая трубой локомотива, он разогнался по узким рельсам XIX века и взмыл ввысь «соколом» братьев Райт на стартовой черте XX-го, чтобы к его финишу «шаттлы» сновали в космос и обратно с регулярностью почтовых дилижансов времен Диккенса, а межконтинентальные морские и воздушные линии, автостреды и всепроникающие телекоммуникации сшили все страны планеты в единую звучащую миллионами голосов и мерцающую миллиардами огней ризу – некое подобие гётевской «живой одежды богов». Научный гений человечества добрался-таки до той вершины, на которой он может теперь «понимать то, что не способен себе представить». Догнал и запряг в колесницу своих исчислений первородного скакуна Вселенной – свет, исхитрился взвесить то, что не имеет границ, нашел следы, ведущие к началу Вселенной, и проследил игру превращений ее «начальных пылинок» до границ, за которыми они исчезают. Он извлек из бездны микромира яростную энергию атомов, и в тени атомных электростанций в полдюжины и более гигаватт паровые котлы нашей юности выглядят детскими заводными игрушками, а служившие тысячелетия людям в качестве основных энергоносителей лошади и быки – и вовсе муравьями. Сотворение величественной техносферы, заключившей в свои несентиментальные объятия старушку Землю, ознаменовало подлинно триумфальную победу человека над природой, о которой, если верить историкам прогрессистского толка, он мечтал, еще сидя в неотопливаемой пещере во тьме доисторических времен.

Триумфальные победы над вековыми врагами людей – болезнями, достигнутые благодаря открытиям в области медицины, резко сократили прежде всего детскую, а затем и общую смертность.

Но прироста населения в странах, пожавших более всех плодов этих побед, не произошло, потому что столь же резко сократилась рождаемость. Гордые своими достижениями, народы сочли, что имеют полное право на заслуженную награду, и стремление к комфорту и наслаждению несколько оттеснило идейные ценности, являющиеся ему помехой. В число устаревающих идей, наряду с излишней религиозностью (или с религиозностью вообще), моральным ригоризмом, уважением к традиционным общественным ценностям и пр. и пр. попала, в том числе и обязанность продолжения рода. Мнение шекспировского кузена Бенедикта о том, что «мир достаточно населен», приобрело широкую популярность среди обеспеченных кругов стран Запада. И даже начавшийся в середине века по неведомым причинам демографический взрыв на планете, слабо затронул охваченную жаждой получать от жизни как можно больше удовольствий передовую часть человечества. В силу этого её доля довольно быстро и значительно снизилась по сравнению с отсталыми народами третьего мира. Досадный недостаток рабочих рук, начавший ощущаться вскоре, заставил старушку Европу несколько поступиться своим консерватизмом и вслед за бесцеремонно либеральной Америкой приотворить пошире свои ворота для разноцветных братьев по Адаму. Ведь кто-то должен, в конце концов, хотя бы убирать улицы. Однако толпы хлынувших со всех концов земли иностранцев, отнюдь не поголовно жаждущих убирать улицы или заниматься погрузо-разгрузочными работами, но почти поголовно не умеющих выполнять какую-либо квалифицированную работу, не столько решили проблему рабочих рук, сколько обострили социальные проблемы. Тогда догадались начать переносить основную массу средств производства, связанных с технологией, не требующей высокой квалификации, туда, где много рабочей силы, а не наоборот.

В результате границы рынка стали стремительно расширяться, а в мировом лексиконе появились новое амбивалентное понятие «глобализация». Естественные процессы размыва границ сначала между сословиями, а затем и между народами плохо поддаются регулированию. Никакими китайскими стенами или римскими валами невозможно остановить «великое переселение народов», когда оно начинается. Либерализм исполнил свою миссию, создав ООН, проведя деколонизацию народов, и воплотив свою заветную мечту – Мировой Рынок. Приспособиться к последствиям ему вряд ли по зубам. Здесь потребуются принципиально новые идейные ценности, которые помогут соединить своеобразие этнических форм религии, демократии и культуры на региональном уровне и единую мировую структуру, обеспечивающую свободу и безопасность населения планеты, ограниченную, разумеется, доминирующими в мире интересами. Когда на нашем веку сбылась еще одна вековая мечта человечества и впервые за незначительным исключением все народы мира, сумев договориться об установлении единого зеркала правовой культуры на земле, приняли «Всеобщую Декларацию Прав Человека», казалось бы, торжество либерализма достигло апогея. Этот великолепный документ мог бы стать поворотной вехой всей мировой истории, если бы при этом голодающая половина населения планеты ценила свои права выше, чем пищу, или если бы высокоразвитые страны выделяли не один, а, скажем, десять процентов своих доходов на помощь слаборазвитым. Но поскольку передовая экономика такие фокусы запрещает, а в мире пока ежедневно умирают от голода тридцать пять тысяч детей, принятая «декларация» хорошо звучит только на ограниченном пространстве нашей планеты, населенном по преимуществу сытыми людьми.

Чтобы не преувеличить яркость благодетельных красок на полотне, следует, отметить, что за сто лет социального прогресса уголовная преступность и террор возросли настолько, что стали представлять более реальную угрозу для жизни,

чем все ракетно-бомбовые запасы великих держав; распутство – чем биологическое оружие, а вечно спешащие по делам или по кабакам люди в автомобилях – чем все танковые армии мира; что полное вытеснение живой совести из правовой культуры чеканными формулами либеральной справедливости превратило правосудие в эффективный защитный механизм для плодовитых потомков Папаши Вотрена и Ваньки Каина, кишасших во всех щелях демократических структур общества; что моральный индифферентизм рыночной цивилизации предоставил широкие возможности для легализации разнообразнейших пороков и беспрепятственного растления незащищенных душ смолоду. Хорошо корреспондирует эта исполненная внутренней динамики картина со служащим ей фоном пейзажем планеты, загаженной общими силами научно-технического прогресса и массового туризма столь основательно, что наиболее вероятным концом нашего праздника жизни представляется становящаяся не по дням, а по часам все более неотвратимой экологическая катастрофа.

Есть немало и других, отступивших за давностью лет в тень, грустных тем, но из песни слова не выкинешь – они тоже принадлежат веку. Две мировые войны, два людоедских режима, накренившие было наш ковчег до такой степени, что лишь чудом он не перевернулся. Такое трудно забыть, но желание забыть если не самую длившуюся почти четыре десятка лет бойню народов, погубившую больше человеческих жизней, чем все войны мировой истории вместе взятые, то, по крайней мере, понять причины, породившие её и питавшие её длительность и беспощадность, – такое желание не ослабевает и даже усиливается. Это хорошо заметно по тому, как средства массовой информации – надежнейший уловитель колебаний в интересах потребителей их продукции и в настроениях заказчиков – подают материалы на эти темы. Будь то на телевидении или в периодической печати – это нечто вроде комиксов, где картинки, документальные кадры или свидетельства очевидцев наглядно рассказывающие, как солдаты

бежали в атаку, как стреляли пушки, как падали бомбы на города, иногда – как расстреливали пленных и заключенных и наполненные трупами котлованы, а подписи – скупые, полные сдержанной скорби пояснения. Что касается причин, то для размышлений предлагается информация об idiotских выходах кайзера Вильгельма или о сексуальных проблемах Гитлера и паранойе Сталина. Вообще интерес к плохо поддающимся наглядному изображению явлениям не поощряется как нетипичный для массового зрителя и читателя, лишь от случая к случаю бегло напоминает, что у этих субъектов были бредовые планы переделать мир. Какие факты международной жизни способствовали возникновению этих планов? – это уже вопрос, уводящий в дебри политики, от которой и так у большинства нормальных людей уши вянут, а у ненормального меньшинства могут возникнуть неконструктивные аналогии с сегодняшним днем. Да и что это в принципе может дать? Задаваться вопросом, зачем тот или иной маньяк составляет бредовые планы бессмысленно уже потому, что планы-то бредовые. Зачем, к примеру, усатому господину понадобилось подойти к сидящему на террасе кафе Жоресу и выстрелить ему в затылок? – А чёрт его знает! Или сопливному мальчишке вспрыгнуть на подножку автомобиля и застрелить эрцгерцога? Мало ли разных психов, которые, наслушавшись всякого политического вздора и вообразив себя героями мировой истории, способны открыть пальбу по проезжающему ВИПу? И ничто лучше не доказывает случайного характера причин, влекущих иногда за собой величайшие трагедии, чем тот факт, что из-за Принципа, – как тогда говорили, – началась мировая война. А из-за того, что Освальд всадил за три секунды четыре пули в несчастного Джона Кеннеди, в мире не произошло ровным счетом ничего сопоставимого по масштабу. Только не надо всяких домислов и притянутых за уши доказательств, что президент был хладнокровно расстрелян группой снайперов-профессионалов, действовавших по заданию Столь могущественных лиц, что даже «Совесть Америки» – Председатель Верховного суда был вынужден закрыть глаза

на это. Склонность к демонизации событий рождается от нездорового интереса к природе преступлений и инфантильного желания заглянуть в подвал с жуткими тайнами. В действительности всё проще и, в то же время, непостижимей. Всевластный случай вмешивается в судьбы людей и народов и тогда бессмысленно искать черную кошку в темной комнате, где её нет. А то, что любое событие может оказаться кому-то выгодным, а кому-то нет, – это естественно и не нуждается для своего объяснения в гипотезах о заговорах и всё такое прочее. Мы слишком забили себе головы принципом причинности и не даем себе отчета от каких случайных мелочей порой зависит исход событий, меняющих ход истории. В насморке, одолевшем Наполеона в канун Ватерлоо, больше правды истории, чем во всех рассуждениях знатоков стратегии об этой битве. Устойчивое предубеждение средств массовой информации против широких обобщений и крупномасштабных концепций в сочетании с явным преферансом, оказываемым ими всему случайному, спонтанному, самым своим трудно поддающимся объяснению возникновением, порождающему множество – и чем больше, тем лучше – разнообразных догадок, примечательно и совсем не случайно. Интеграционные процессы, резко ускорившиеся в последнюю четверть века, прежде всего – в экономике развитых стран, одновременно с установлением постоянной координации в деятельности всех бирж мир – знамение пришествия царствия Рынка как государя всея земли, привели к объединению деятельности всех ведущих информационных агентств мира, предуготовив тем самым орган для выражения единой мировой идеологии, единого духа мира сего. Само же формирование такой идеологии было чрезвычайно ускорено разразившемся в нашем веке демографическим взрывом, в результате которого население Земли почти что учетверилось за сто лет (в то время как за первую тысячу лет нашей эры оно едва удвоилось) причем наиболее интенсивно этот процесс происходил не в развитых странах. Но и в последних он слабее всего затронул высокообразованную часть общества, которая,

впрочем, и до того никогда не отличалась склонностью к интенсивному размножению. Таким образом количество интеллектуалов на земле пропорционально резко сократилось, а доля интеллигентов (образованных людей мыслящих нравственно и концептуально) – стала и вовсе ничтожной. А если учесть могущественное влияние атеистических представлений, отпраздновавших свой бал именно в нашем веке, в свете которых такие понятия как смысл жизни и человеческое достоинство имеют право на существование только в пределах какой-нибудь чахлой социологической модели, и не менее могущественное влияние рынка, отношение которого к духовным ценностям определяется ясным соображением, что миллиард покупателей билетов стоимостью десять долларов на кинофильм с участием Шарон Стоун ровно в сто раз выгодней, чем миллион покупателей книг Мигеля де Унамуно, Мартина Бубера или Клайва Льюиса, даже если они стоят по сто долларов за штуку, то не приходится в таком случае сомневаться в отсутствии какого-либо заметного влияния в современном мире человека разумного на человека обыкновенного. В то время как влияние последнего на процесс формирования мировой идеологии велико как никогда. Его главные жизненные цели и основные стремления служат материалом, из которого на наших глазах она производится. Теперь этим занимаются не харизматические идеологи, как в минувшие века, а сотрудники СМИ, политологи и экономисты, историки и социологи, сексологи и криминалисты, диетологи и искусствоведы, бригадным способом с учетом всех вкусов потребителей и конъюнктуры рынка варят эту питательную похлебку для народов с таким расчетом, чтобы хватило на всех.

Наивысшее достижение

Собственно, во все времена основные компоненты массовых идеологий были одни и те же. Разнообразие им придавали налагающиеся различия религиозного, национального и сословного характера, менявшиеся и чередовавшиеся от

эпохи к эпохе. В начале же и в конце пути каждой мировой цивилизации неизбежно торжествовала общечеловеческая идеология, что было естественным следствием максимальной однородности человеческого общества в эти эпохи. Три фундаментальных естественных стремлений человека: свобода, благополучие и безопасность, нареченные так Джоном Локком, составляют ее основу. На протяжении веков у разных народов они именовались так или иначе, но содержание их всегда оставалось неизменным, поскольку зиждутся они на основных человеческих инстинктах: самоутверждения и роста, добычи пищи и размножения, и самосохранения.

Основная масса человечества

В первобытном племени, сознанию которого факт его выделенности из окружающей живой природы еще не был вполне очевиден, человек находился всецело в сфере своих естественных интересов. Его человеческий дух, дух разума, милосердия и творчества, еще реял над бездной его воображения, полной младенчески туманных, нерасчлененных образов, не способных пробудить в нем ни начатков осмысления действительности, ни его нравственного чувства. Детский эгоизм его был им неосознаваем, и только действующие внутри племени запреты на убийства, увечья и кражи служили ему первыми межевыми камнями для отделения зла от добра. Сочиненные им мифы свидетельствуют, что он верил в существование некой высшей по отношению к его миру незримой реальности – мира могущественных духов, способных благодатным или роковым образом влиять на его жизнь, и в то, что их можно задобрить приношением главного своего достояния – мяса убитых животных. Ум ему представлялся таким же свойством его тела, как чутье, зрение и слух, хотя он и не знал толком, с какой частью тела нужно его отождествлять. Мышление его было конкретно, как у всех детей, общие понятия лишь едва брезжили в его мозгу и смысл жизни, о котором он не имел еще никакого понятия, сводился для него к простому наличному бытию. Главной ценностью этого бытия была сила, прежде

всего сила жизни, живущая в крови и в дыхании человека, а также во всем, что движется и дышит, и даже в том, что неподвижно и бездыханно, как скала, она тоже может пребывать. В ком её, по воле духов, предков оказывалось много, тот был могуч и яростен в бою, удачлив в охоте, мудр в совете и богат детьми. В чем её было много, будь то камень, дерево или копье, то обладало чудодейственной силой, способной помогать или поражать. Уменье жить заключалось в том, чтобы ублажать жертвами духов и знать, как получать помощь и защиту от источников чудесной силы. Во всем остальном наш дальний предок жил по свычаям и обычаям своего племени, связанными с потребностью в росте, размножении и безопасности.

Такие люди живут и сейчас за границами мира цивилизации, в лакунах истории, где время стоит недвижно в течение тысячелетий, но осталось их крайне мало. Зато громадное количество людей чрезвычайно близких по типу мышленья и принципам поведения к первобытным людям, живет в цивилизованном обществе, составляя его большую часть и определяя, того не ведая, главные черты его духовной физиономии. Они живут в железобетонных чашах городов – муравейников и в белоснежных виллах на берегах озер, окруженных лесопарками, умело пользуясь обслуживающей их техникой, не снившейся ни Жюлю Верну, ни Герберту Уэллсу, и работают, свободно манипулируя сложными механизмами и аппаратурой, успешно решая технические задачи. Но когда жизнь ставит перед ними психологические задачи сугубо личного характера, они чувствуют себя жертвой обстоятельств, становятся похожи на больных, которым предстоит серьезная операция и на участливые вопросы друзей отвечают упавшим голосом, что у них «проблемы». Они всячески пытаются уклониться от решения этих, требующих от них включения в работу собственного разума и совести, задач, с затаенной инфантильной надеждой, что они рассосутся сами собой. А когда они не рассасываются, упрощают условия задачи таким образом, чтобы подогнать их к какому-нибудь общеупотребительному алгоритму, решить их «по свычаям и обычаям» своей

среды, своего племени. Именно это стремление жить «просто», жить «как все» роднит их более всего с доисторическими предками. Но здесь же скрывается и главное их различие. Человек первобытный прост, потому что он таков и есть, а «человек обыкновенный» (такое наименование представляется более подходящим для определения типа, чем «средний» или «массовый», поскольку отражает то стремление к обыкновенности образа жизни, стремление жить «как все», которое его более всего характеризует) просто потому что хочет оставаться простым, избегая сложности жизни и не желая заглядывать себе в душу, давно уже непростую. Не хочет человек взрослеть и выходить из первобытного детства на свободу в самостоятельную жизнь, вот и валяет Ваньку пред Господом Богом. Свободой своей он очень дорожит, но только детской свободой, понимаемой исключительно как свобода своей воли жить, как хочется, свобода от уроков и наставлений, от надзора и от ответственности, и от идей, всегда направленных на то, чтобы подчинить себе жизнь человека. К любым идеям общего порядка его отношение совершенно соответствует взглядам того кучера – знакольца Генриха Гейне, который дал безупречное определение понятию «идея»: «это всякий вздор, что заводится в головах у тех, кто много о себе воображает».

Человеку разумному, мыслящему самостоятельно, мировоззрение, которое он выработал, смысл жизни, который он исповедует, помогают, лучше или хуже, ориентироваться в меняющемся мире, определять свою позицию при смене жизненных ситуаций и выбирать свою линию поведения. Человек обыкновенный такой возможности не имеет. Поскольку само понятие смысла жизни как чего-то отличного от его воли воспринимается им как категория чуждая и враждебная его свободе, противостоящая понятию «просто жить». Он защищается от него своим «здравым смыслом», старается сделать его посмешищем в своих глазах, лишенной всякого «практического смысла» выдумкой ничего не смыслящих в реальной жизни «профессоров» или же, наоборот, – подозревает, что

это – «хитрая пропаганда», чтобы обманом заставить его самого отдать «им» свою свободу и служить им. «Они» – это архетипическое понятие для обозначения неких «темных сил», заполняемое конкретным содержанием, соответствующим месту и времени и поэтому весьма разнообразным. Образом, наиболее часто служащим для него наполнителем, являются евреи, причем это не только евреи как таковые, но и широкие круги «евреев», смотря по обстоятельствам, это демократы, пацифисты, интеллектуалы, гуманисты или наоборот: богатые, хитрые, всюду пролезающие, хотящие все захватить – в общем глобалисты и масоны. А могут быть даже просто людьми, говорящими правильным литературным языком, то есть, не как все. Вообще, если отбросить от слова «еврей» широкий набор отрицательных эпитетов, сопутствующих ему в массовом сознании, и оставить только два: «чужой» и «умный», станет очевидно, что эти признаки закреплены в массовом сознании в равной степени и за евреями, и за интеллигентами. И хотя последние никоим образом не составляют большинства между первыми, а первые – между последними, все же некоторое общее поле, ставшее основанием для отождествления и равно неприязненного и подозрительного отношения со стороны людей обыкновенных, существует. Почти с научной точностью характер этой подозрительности выражен в крылатой строке: «Знаем мы эти жидовские штучки – разные Америки открывать и закрывать!»

Окончательное поражение идея смысла жизни терпит в сознании ревнителя древней воли при столкновении с его верой в судьбу и в случай. Обитающая в темном космосе двулика и незрячая Судьба – верховное божество обыкновенного человека. Независимо от того, каким силам поклоняется он осознанно (властям, богатству, исключительности своей нации или иным страстям), в его подсознании всегда живет страх перед беспощадным слепым роком и надежда на благосклонность удачи. Невзирая на повязку, закрывающую ей глаза, в глубине души он – всегда раб Судьбы, предстоящей пред ним

всегда неожиданно в образе Случая, который самой своей сущностью отрицает всякий смысл. Ему дана власть утверждать в душах людей бессмысленность жизни и произвол бессмысленности над миром от начала бытия. Приносит он бедствие или удачу – он равно бездушен и оттого слеп, что не смотрит на людей, а лишь поверх их голов – на свое надмирное непостижимое начало – неотвратимую Судьбу. Немудрено, что боится её уверовавший в неё как в единую действительную Владычицу человек и бежит, ища защиты от неведомых бед, к её людям, торгующим около ворот страхов и надежд самыми надежными сведениями, можно сказать, из первых рук, о том, что было, что будет и на чем сердце успокоится.

Однако лукавая говорящая надвое мудрость халдеев и цыган не успокаивает сердца. Их льстивые посулы и туманные предостережения порождают только новые сомнения и тревоги в презревшей разум душе.

Вот тут явственней всего и обнаруживает себя роковое различие, отличающее нашего современника, человека обыкновенного от простого человека первобытных времен. При всей своей простоте наш далекий предок обладал верой в Некую Высшую Силу над собой, как бы он ее не представлял, как Великую Богиню Мать или Добрый Дух Солнце, или как-либо еще, но над этими смутными представлениями реяло потерянное воспоминание о Едином подлинном Боге. И он твердо верил, что, умерев, не превратится в ничто, а будет жив каким-то образом, и, хороня ближнего, клал в могилу его главное орудие и священное ожерелье из раковин или бус и клал ему на грудь священные цветы, чтобы поднести их Великой Матери, как это делалось на земле. Эта вера в Бога и в бессмертие души защищала его от страхов, мучающих нынешних, увы, обыкновенных безбожных людей.

Где ж находит бедный обыватель равнодушно, как большая дорога, шумящего мира опору и защиту на пути из никуда в никуда от бесчисленных несчастных случаев, стерегущих его за каждым кустом в кромешной чаще бессмысленности?!

Конечно же, в массе таких же как он сам, в великом множестве людей, желающих просто жить, как им хочется, а не так, как хочется кому-то другому. Если обстоятельства разрешают, они всегда голосуют за это и уверены, что правда на их стороне, потому что их – большинство. Они любят этот мир и себя в этом мире, и близких своих, но им хочется жить лучше. На их знамени всегда написано: «За лучшую долю!», и каждый идущий под этим знаменем сознает, что он – в большинстве. Каждый раз, «когда вместе со всеми он скажет «да» и вместе со всеми «нет», он ощущает прилив чувства уверенности и защищенности. Как бы он ни был мал, он выражает волю громадного, подавляющего большинства, и это отлично известно статистике и, само собой разумеется, средствам массовой информации.

Потому-то они так любят мелкие, имеющие широкое хождение и хорошо конвертируемые истины и допускающие множество вариантов толкования гипотезы, но органически не переваривают, как тот кучер, непопулярные идеи, пытающиеся обнаружить общий смысл в большом количестве сенсационных в своей разрозненности фактов. Большинство всегда право. Вкусы и потребности большинства – источник выгоды, а выгода – самая надежная, самая подлинная альтернатива смыслу, совести и Богу, увенчивающая вместе с силой двуглавую корону мира.

Таким образом, благодаря законам рынка и прогрессу единомыслия среди наиболее быстро размножающейся части человечества, средства массовой информации совершили в течение века несравнимую ни с каким другим институтом цивилизации карьеру: из средств информации они превратились в рупор мирового общественного мнения и даже более того: в структуру, которая еще не закончила своего формирования, но уже формирует мировое общественное мнение. Это уже не четвертая, а, как минимум, вторая власть, легко и непринужденно забравшая у просветительных, идеологических и религиозных институтов самую весомую часть их духовной власти – непосредственное влияние на язык, образ мыслей и

конкретные представления всего населения земли без различия происхождения, образования и вероисповедания.

Количество людей, располагающих некоторыми возможностями получать информацию помимо СМИ, обладающих некоторыми способностями читать между строк и понимать смысл умолчаний, слишком мало, чтобы хоть сколько-нибудь эффективно воспрепятствовать СМИ обкатывать вкруговую всю массу душ человеческих под единый духовный стандарт – золотую посредственность, самородную обыкновенность. Очень вероятно, что рождение этой замечательной структуры, этого чуда электронного всеведения и насыщения всех ушей слышанием и всех очей видением, этого чудовища, призванного истребить разновидность человека разумного и, обеспечив безраздельное господство людей обыкновенных, провозгласить начало эры мира и безопасности на планете, окажется самым значительным достижением прожитого нами века. Собственно, само рождение органа всемирной правды, видимо, состоится несколько позднее, а зачатые произошло в седой древности, когда впервые жрецы, купцы и опричники владыки всего Шумера и Аккада или фараона Верхнего и Нижнего Египта осознали, в чем совпадают их интересы. Но нет сомнения, что длительный период вынашивания плода близится к уже очевидному концу на глазах ныне живущих поколений. Мировой дух изрядно попутешествовал по странам и эпохам, меняя фасон своего походного мундира и масть коня при каждом суждении на поле боя между очередными идеологическими системами, прежде чем в финал вышли два последних претендента и схватились не на жизнь, а на смерть на арене нашего века. На этот раз суть разногласий была уже совершенно свободна от затемнявших их в прошлом привходящих соображений и заключалась в полярной противоположности точек зрения на трех китов идеологии – свободу, благополучие и безопасность, и, естественно, на способы их достижения.

Среди народов, сохранивших верность идеалам своей драчливой юности, высшей ценностью которых, как в начале и ныне, и, по всей видимости, присно, является сила, власть и

«слава, купленная кровью», нет различий во взглядах на веру в то, что свобода суть добровольное подчинение «нашей» власти как источнику совершенной мудрости и добра, что благополучие – блага, получаемые от этой власти за самоотверженный труд и верную службу, а мир – это светлое будущее всего человечества, когда закончится борьба за него полной победой этой замечательной власти на всей планете. Основным носителем господствующей идеологии в любом обществе является общественно активный слой обыкновенных людей. Среди воинственных народов этот слой всегда был представлен «верными служаками», внешне и внутренне являвших собою добросовестный слепок с горячо почитаемого верховного образца. Эти верные люди, любящие сапоги, ремни и блестящие бляхи, во все времена были искренне и глубоко убеждены, что только вследствие крайнего духовного невежества или коварного обмана другие народы упорствуют в своем нежелании признать над собою их во всех отношениях превосходную власть. Но, увы, нет единства в роде человеческом, которое бы не включало в себя противоположности, извечно борющиеся друг с другом.

У народов, которые, достигнув зрелых лет, сумели своим трудом создать прочное доходное хозяйство, сложилась совершенно иная система ценностей, где главенствующее место стало принадлежать богатству. Здесь основным носителем духа общества стал жаждущий успеха человек дела, свято верящий, что, если знать, как (производство), знать, что почем (рынок), и уметь привлечь необходимый капитал (предприимчивость), то успех обеспечен; что хорошо составленный договор, в котором точно и надежно закреплены выгоды и обязательства сторон – это единственно рациональная основа любых человеческих отношений, как деловых, так и супружеских, и общественных, и международных. Свобода в его представлении – главное условие успешной деятельности и достижения счастья, благополучие – прямой результат такой деятельности, а безопасность – мир, основанный на превосходящей потенциальную угрозу системе средств защиты и системе

договоров с соседями о совместной обороне. В следствии развития таких представлений и сам институт власти лишился в значительной степени своего горного величия и расшитого львами и лилиями покроя, превратившись в коллегия государственных служащих, призванных во главе с избранными народом верховными администраторами обеспечивать в рамках общественного договора (конституции) свободу, безопасность и порядок для занятого умножением богатства и благополучия населения страны.

В евангелии от Локка те самые три кита: «жизнь, свобода и собственность», где «собственность» суть благополучие, а «жизнь» – безопасность жизни, и свобода – прежде всего свобода от государства в частной инициативе, будь то слово или дело, и в личной жизни. Государство существует «только для обеспечения» гражданам права на них.

То, что люди по преобладанию в них тех или других естественных склонностей всегда делились на «ловцов», «дельцов» и «пахарей», ценивших и почитавших превыше всего соответственно «сталь», «золото» и «землю», ведомо испокон веков. И если испокон веков одни были убеждены, что «потом добывать то, что может быть приобретено кровью – лень и малодушие», а другие по прошествию веков накопления опыта цивилизации – что только в поте лица своего добытое богатство является основой личного и общественного благосостояния и что «богатство непременно следует за добродетелью» (хотя чаще всего не за той, которая проливает пот), то взаимопонимания и мира между народами со столь разными символами веры не может быть в принципе. Споры между «златом» и «булатом» – самый распространенный и пошлый сюжет истории, разыгрывавшийся на тысячу ладов в разных частях мировой сцены и в разных актах мировой драмы, но только в нынешнем акте он захватил всю сцену, разделив актеров на два стана и поставив под сомнение само существование «Глобуса». Согласно представлениям большого числа участников и официальному резюме, фатальный мировой конфликт происходил между «свободным миром» и

коалицией дегенерирующих имперских режимов, впадших в последней стадии своего существования в фашизм. И это действительно так, поскольку каждый человек в свободном мире пользуется свободой стремиться любыми, кроме противозаконных, путями к благополучию и безопасности, в то время как в тоталитарном – только один человек и те, кому он разрешит. И, соответственно, главная «пятая сущность» свободного мира – богатство возникает и зиждется на обстановке свободного выбора и обмена, а квинтэссенция тоталитарного – власть – в атмосфере страха и насилия. Но если заглянуть в природу вещей чуть глубже, легко увидеть, что и власть, и богатство – никакие не квинтэссенции, а всего лишь разные проявления единой сущности – инстинкта самоутверждения, воля к удовлетворению которого осуществляется по-разному. С этой точки зрения мировые войны нашего века по сути своей были конфликтом подобного с подобным, как и множество других. С величайшим напряжением сил либеральные маммониты в первом акте одержали верх над свирепыми булатопоклонниками, три милитаристские империи разом рухнули в прах. Но их дух, не угасший в имперских народах, почти немедленно воспрянул из этого праха, чтобы воплотиться в фашистских режимах, жаждущих реванша за поражения, которые потерпели в прежних ипостасях.

Новые порядки

В порядке подготовки к грядущим битвам, сразу и без раскачки началось на всем черном, коричневом и красном пространстве сколачивание военно-полицейских опорных сооружений и опалубки для последующей заливки народных масс в фундаменты будущих тоталитарных империй. Одновременно началась, чтобы уже не прекращаться, переборка и очистка этих масс от всего, что может помешать схватываться бетону. Каждый, кто как-либо проявил несогласие с установленными порядками или выразил тень сомнения в божественной непогрешимости новой власти, рассматривался как тайный сторонник или платный агент государств враждебной идеологии и

подлежал строжайшей изоляции от общества или просто ликвидации. Быстрый рост массы военнопленных в этой превентивной войне с собственными народами потребовал радикально реформировать пенитенциарную систему, главное место в которой теперь отводилось не тюрьмам, а концентрационным лагерям, позволяющим при малых затратах на строительство сосредоточивать в хорошо проветриваемых местностях многотысячные партии заключенных.

По мере успешного воздвижения вавилонских башен уголовных утопий стремительно увеличивающаяся масса людей, предназначенных быть стертыми с лица земли посредством принудительного труда, в условиях, приближенных, насколько это возможно, к условиям преисподней, составила исчисляемое в годы расцвета фашизма десятками миллионов, население целого континента. Выкроенный из сферы обитания живых и накрытый смертной тенью он простирался от бранденбургских пустошей и болот до бесконечных сопот Колымы и от тундры Заполярья до отрогов Тибетских гор.

Критики пороков общества – мятежники, пророки и вольнодумцы погибали в темницах, на эшафотах и кострах со времен Хеопса до наших дней, но только в наши дни, в годы существования небывалых в прошлом государств-людоедов, свободомыслящие люди из всех народов и сословий и целые сословия и народы были объявлены заклятыми врагами народа и народной власти, особо опасными государственными преступниками и образовали никогда дотоле не существовавшее сословие политических заключенных, намного превосходящее своим числом сословие рабов в мировой империи древнего Рима.

Особый запах и колорит нашему веку придали новые технологии ликвидации людей, позволившие пропускать их через конвейер смерти значительно быстрее, чем забивается скот на бойнях, а также – производства колючей проволоки, основного материала при строительстве зон постепенного уничтожения. Запах дыма, начавших подниматься небесам сначала с окраин Москвы и Ленинграда, потом закурившихся

близ Мюнхена, Веймара и Берлина, а затем, уже на полную мощность, повалил из труб Треблинки, Освенцима и прочих вводимых в эксплуатацию предприятий «по очистке». Не исчез он и после того, как погас пожар войны и застроились пепелища. Он въелся в историю века и еще долго, надо полагать, не выветрится, потому что, несмотря на впечатляющие результаты миротворческих усилий влиятельнейших политических деятелей второй половины века, дымок этот продолжает куриться в подсознании человечества. Что касается колорита серых барачных зон, расплзшихся лишайными пятнами по физиономии века, то он тоже плохо поддается освещению посредством красочных Всемирных фестивалей молодежи «За мир и дружбу» и песен-танцев под калиновым кустом. И сквозь многоцветный радостный нескончаемый хор вод торжественных юбилеев, парадов, выставок, достижений и фестивалей всего, в чем закружился до упаду наш старенький век, то тут, то там проступают очертания лагерных зон в «кружевах» проволочных заграждений и костлявые силуэты вышек с бдительными автоматчиками.

«Всё хорошо?»

Конечно, население светлой стороны планеты, где не меркнут идеалы равенства, братства и свободы, где и ночи светлы от сиянья реклам великого множества процветающих на свободе компаний, никоим образом непричастно к тому, что творилось в странах, народы которых впали в разного толка социализм, где и в полдень стояла тьма. Но для полноты картины века следует отметить, что новое (если и не внезаконное, как в лагере социализма, то во всяком случае внеобщественное) сословие возникло и там, под равно согревающим всех солнцем либерализма. Это сословие вечных безработных, существующих на социальное пособие и уже не желающих или утративших надежду изменить свой статус; сословие ненужных обществу, праздноживущих людей – неистощимый почвенный слой преступного мира. При всем различии в материальном и правовом положении сословия лишних людей

свободного мира и сословия политзаключенных крепостного мира социализма, есть общее в их духовном статусе: и те, и другие лишены права на человеческое достоинство. Одни – фактически как ни на что не годные отбросы общества, хотя и сохраняющие все свои гражданские права вплоть до права быть избранным главой государства, другие – и юридически, и фактически, как преступники и рабы.

В XIX веке Россия и США не без тяжких внутренних борений признали право на человеческое достоинство за всеми своими подданными. В XX-м общий ход вещей привел к возвращению в лоно цивилизации сословий, объективно лишенных этого права. Человечество – единый организм и его болезнями болеют все народы, естественно, каждый по-своему, в соответствии с духом и образом жизни. Казалось бы, при наличии мощной экономики и многомиллионных трудовых резервов с одной стороны и повсеместного экологического неблагополучия и народов, живущих в постоянном страхе перед голодной смертью – с другой, было бы разумно и в высшей степени человечно решить проблемы ликвидации массовой безработицы созданием системы зеленых кордонов экологической защиты, организацией сельскохозяйственных комплексов для учреждения мирового продовольственного фонда, способного обеспечивать эффективную помощь народам, оказывающимся из-за стихийных бедствий перед угрозой вымирания от голода, соединив их в один узел, как острейшие проблемы выживания рода человеческого и в физическом, и в моральном смысле. Подобные проекты столь же реалистичны в свете идеалов гуманизма, сколь фантастичны с деловой точки зрения. В рыночной экономике нет места филантропическим начинаниям, финансирование которых не укладывается в квоту милостыни, установленной мудрыми маммонитянами: не более 1% от прибыли. Что свыше этого – это уже вложение капитала и должно приносить прибыль. А то, что не выгодно, то вне рынка, и если лишено источников питания – то и вне жизни. Ко всему «лишнему» рынок, в принципе, так же беспощаден, как социализм – к «чуждому», с той лишь разницей,

что последний сживает со света, а первый, будучи верен идеалам свободы, предоставляет своей участи. Что делать? Такова жизнь. И даже там, где всё в порядке, далеко не все в порядке.

Мудрость позиции «нашим и вашим»

Однако, не рыночная цивилизация с её избранниками и отверженными является основной темой данного очерка, а её антиподы прежде всего, те, что обитали вне закона на темной стороне планеты. Представление о них в обществе, которое отрешило их от себя, менялось в соответствии с изменениями самого этого общества. Первоначально, в контексте советской идеологии, политические заключенные квалифицировались как «зловонная куча человеческих отбросов», как самые отъявленные, самые отпетые и разложившиеся «бесчестные элементы», как «вонючая падаль» и «поганые псы». Сходных взглядов по этому вопросу придерживались и добрые соседи в Третьем Рейхе: «Большинство заключенных имеет рабские души... Это отъявленные преступники и отбросы общества... больные отеком мозга, косоглазые, всякого рода уроды, полувреи и множество представителей низших рас». По мере угасания идеологической потенции эмоциональную красочность времен Больших процессов в советском обществе сменила медицинская точность формулировок, нашедшая свое классическое выражение в диагнозе профессора Андропова: «Лица, страдающие вялотекущей шизофренией». Это безусловно корректней с научной точки зрения и даже гуманней по отношению к «страдающим», чем «косоглазые больные отеком мозга» доктора Гиммлера.

После краха тоталитарных режимов, каждого в свой черед, наступала пора причисления политэзков к лику «жертв политических репрессий». Уцелевшим раздавали золотые нимбы из папье-маше и величали «узниками совести». Ненадолго на них установилась настоящая мода. Политические деятели новой волны, особенно из тех, кто успешно держался на старой, стремились подчеркнуть свои дружеские отношения со

жмурящимися в свете юпитеров бывшими узниками. Дошло даже до того, что державный кобель красно-бурой масти, добела отмывшись и отправившись с визитом в самый вертеп демократии, взял с собой пару узников повидней, чтобы они, стоя одесную и ошую – от него, свидетельствовали тем самым буржуинам, что с ним действительно произошло чудо и перед их глазами – «новая тварь» одной с ними демократической породы.

Но долго такая музыка, само собой разумеется, играть не могла. Пришла пора – и раньше всех лопнуло терпение у немецких патриотов. Один за другим стали поднимать голоса общественные деятели, историки, публицисты, призывая положить конец моральному террору, которому «жертвы» подвергают Германию, и разоблачить сочиненные ими в корыстных целях мифы о лагерях уничтожения, крематориях и душегубках, которых на самом деле никогда не существовало. В России покаянный период окончился, не начавшись. Во-первых, потому, что каяться в общем-то было некому: бывшие члены ЦК КПСС и генералы КГБ, засунули партбилеты за образа и, не мешкая приняв крещение в демократическую веру, подались в капитализм, прихватив в качестве первоначального капитала весь партийный «общак». Среднее звено вины за собой, естественно, не ведало, так как вместе со всем народом было всего лишь исполнителем приказов свыше. А народ, сколько себя помнит, всё тужится понять, в чем причина, что жизни не было и нет: то ли он сам во всем виноват, то ли все перед ним виноваты. Вторая же причина была в том, что никто толком не знал, в чем, собственно, каяться и как. Некоторые бывшие сексоты КГБ надели было крестики и начали застенчиво заглядывать в церковь, но вскоре перестали, не увидев в том для себя никакой реальной пользы, поскольку бояться-то, как оказалось, было нечего. А через пару лет уже пошла волна совершенно противоположного раскаяния. Горько обиделся советский народ на свою родную власть за то, что себя не соблюла, перерядилась, как дешевая потаскуха в «рыночную демократию» и, пока он хлопал глазами,

глядя, как вывески меняют, дочиста его обобрала, и отпустила с Богом пастись на зеленую травку. Жжёт ему душу обида и стыд за то, что всю жизнь он пахал, всех кормил, а теперь остался ни с чем. И за державу тоже обидно, за утрату бывшего грозного величия, когда все его боялись, а теперь любая шпана, Чечня или Литва какая-нибудь, ему зубы показывает и он должен это терпеть. И кто во всем этом виноват, в этом случае никаких сомнений не вызывает. Найдешь гада по змеиному шипу. Всё началось с этих «борцов за права человека», за «демократизацию жизни», с недосидевших диссидентов – не нашлось на них Лаврентия! Всех подчистую повыпускали на горе народу. Вот они и расстарались: все оклеветали, продали, предали паскуды, а им еще компенсацию платят, чтобы у них яд силы не потерял.

Ни в чем и никогда так убедительно не обнаруживает себя духовное единство власти и самой патриотической части народа, как в половодье охранительной идеологии, наступающем всякий раз при политическом и духовном банкротстве великодержавного общества. На языке российской национальной гвардии, поднимающей из окопов своих чудо-богатырей с двуглавым орлом на лбу и с красной звездой в сердце, слово «правозащитник» – вновь синоним платного агента западных спецслужб, а «демократ» – грязное ругательство.

Забавно, что даже в маленьком Израиле, которому Сам Бог не велел «следовать за большинством на зло», даже там, в густой траве идеологии выживания любой ценой, то тут, то там поднимают головки цветы советской охранительной. В принципе конечно, нет ничего удивительно, что множеству генералов и офицеров Армии Обороны Израиля, давно уже, по выходу на пенсию, служащим в государственном аппарате или подвизающимся в политике и бизнесе, не доставляет никакого удовольствия, что в их стране разгуливают с независимым видом и распускают языки субъекты, которых кумир их киббуцной и пальмаховской юности содержал в ГУЛАГе. Не удивительна и острая антипатия к таковым как к закоренелым

мятежникам и ругателям высших властей со стороны духовных вождей избранного народа, паче всего ревнующих о заселении Святой земли только искренне преданными Галахе настоящими евреями и о недопущении на её целомудренные пажити детей нечестия и разврата из стран рассеянья. Естественно и то, что представителей светского истеблишмента, биографически не связанных ни с Пальмахом, ни с синагогой, тоже чувствительно раздражает неконформизм плохо «абсорбирующейся» части репатриантов из России и тревожит резко усилившаяся конкуренция в сфере квалифицированного труда, в связи с наплывом дипломированных и безденежных родственников. Но чтобы уловить и верно понять это недовольство, слегка прикрытое пыльными лозунгами обветшавшего, но пока никем не отмененного сионизма, и уловить гневный ропот патриотических сил, доносимый ветром из бывшего социалистического отечества, и творчески слить эти подземные духовные струи, чтобы в русскоязычной прессе Израиля мог возникнуть родник советской охранительной идеологии, для этого нужны были резонаторы особой чуткости и диапазона, и они нашлись. Конечно, в среде репатриантов из тех степей, где некогда привольно паслись россинанты, конечно, успешно прошедших абсорбцию и жаждущих оказаться хоть чем-нибудь полезными своим новым, но уже любимым властям, и, конечно же, это были опытные и вполне профессиональные защитники политических и моральных устоев общества и им было нетрудно войти в новую колею. Стоило только сменить фразеологию и без всякого принуждения новые, хотя и немолодые, дети Израиля зашебетали бойко и радостно. Кто славил родину там, стал славить её и тут. Кто клеймил её врагов там, тот и тут не дает им спуска. Из рядов этих ветеранов и прозвучали смелые разоблачения низкого морального облика чуждых здоровому израильскому обществу элементов, которые были политическими преступниками там и легко могут стать социально опасными тут. Обнаружились хорошо осведомленные свидетели, что это, в основном,

невротики с психическими отклонениями (нечто вроде вялотекущей шизофрении). Другие их соратники убедительно доказывают, что эти субъекты занимались там своей деструктивной деятельностью исключительно из корыстных побуждений (платные агенты враждебных спецслужб). Третьи с неподдельным сожалением вынуждены признать как очевидцы, что для политзаключенных была характерна крайняя моральная нестойкость и, оказавшись за решеткой, они поголовно предавали друг друга, а в лагерях становились в очередь к оперуполномоченным (разложившиеся бесчестные элементы, рабские души). Разброс мотивов, питающих рецидивы охранительной идеологии, в разных странах необыкновенно широк. Она способна привлечь под свое крыло и бывшего советского деятеля искусств, решившего, что так дальше жить нельзя, и ставшего деятелем политическим, и бывшего члена Политбюро ЦК Французской компартии, разочаровавшегося в коммунизме и обратившегося в мусульманство, и бывшего израильского министра, уличенного в крупных финансовых махинациях и всецело посвятившего себя после этого духовному руководству обществом, и почтенного историка, сохранившего в душе верность идеалам юности, прошедшей в рядах СС.

Царь в голову верноподданных приходит свыше

Сила, способная духовно объединить столь разные фигуры велика и примитивна, и иной быть не может. Представляется наиболее вероятным, что эта глубокая инстинктивная убежденность родственна той, что господствует в животном мире – в примате силы. В человеческом обществе логовища голой силы, не стесненной ничем человеческим, находятся в глубине дремучих чащ «силовых структур», окружающих деспотическую власть, и в джунглях уголовных банд. От этих логовищ идет густой запах насилия, «прямого действия». Вокруг них – атмосфера восхищения и страха, в которой воображением фанатичных поклонников сильной власти творятся мифы о ее величии и благодатности для народа (потому как

без строгости с нами нельзя). Невелик секрет, что «великая сила» сильных мира сего появляется у них только с началом возникновения мифов о ней, обнаружившей себя в их чрезвычайной решительности и крайней беспощадности. Как это ни печально, но люди, которые именно в решительной бесчеловечности видят свидетельство силы и уверены в безусловном её превосходстве над всеми человеческими качествами, составляют, увы, немалую часть рода человеческого. Сильная и страшная в своем величии и непредсказуемости власть – их подлинное божество, которому они поклоняются как всемогущему на земле наместнику далекого небесного Бога или как гениальным вождям, воплотившим в себе волю миллионов, или просто как главарю банды, захватившей власть над местечком, городом или страной. Это своего рода религия поклонников Великой Святой Силы, страшной, но справедливой, в произволе которой они видят лишь подтверждение истинности своей веры, а в вере своей – самоутверждение. Добровольный раб всегда солидарен со своим деспотом и даже когда его казнят по воле последнего, он умирает с именем владыки на устах. Иродиане всегда едины с Иродом и чтут в нем Отца, не ведая, что они его сами и породили своею иродовой верой. И если кто-нибудь усомнится в подлинности величия Ирода, то тем самым возведет хулу на веру иродиан и на них самих, за что ему и будет отплачено искренней ненавистью.

Вот из этой самой стихии и черпала во все времена свою жизненную силу и кадры охранительная идеология. Явившаяся на свет, держась за пятку идеологии апологетической, она вскоре заняла в практической жизни первенствующее положение. Прославление идола власти – дело важное, но охрана – ещё важнее. Убеждать народ, что его власть – самая-самая, дело нехитрое, поскольку он и так в этом убежден. Необходимо внедрить в его сознание, что противники «нашей власти» – враги народа, что следить за ними и доносить на них – гражданский подвиг, а беспощадная расправа с ними – торжество справедливости, свершаемой во имя безопасности и блага самого народа. Превратить весь народ в доносчиков

было заветной мечтой всех вождей советского народа, но, несмотря на прочность иродовых традиций в российском массовом сознании и на господствующее положение иродиан-сталинщины в партии, это оказалось нелегким делом. Даже внутри самой партии внедрение новых моральных норм сталкивалось с определенными трудностями, о чем свидетельствует замечательное выступление зав. отделом печати ЦК ВКП(б) С. И. Гусева на XIV съезде партии: «Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть, должен смотреть и доносить... Если мы от чего-то страдаем, то это не от доноительства, а от недоноительства». Товарищу Гусеву верить нужно, в РСДРП он с самого её начала, во всех комитетах перебивал на секретарских постах: и в Петербургском аж в 1905 г, и в Петроградском ВРК в славном Октябре, и в ЦКК РКП(б), и в Политуправлении Республики покомандовал в Гражданскую – в общем, партию свою знал и ведал, что говорил. Действительно, пришлось ей некоторое время пострадать от недостаточного доноительства, но потом ее секретарь, став «Лениным сегодня», основательно вправил ей мозги, заставив, ради грядущего блага народа, расстрелять и уморить голодом пять миллионов «кулаков и подкулачников» и два миллиона «троцкистов и бухаринцев», после чего она в этом смысле полностью поправилась.

С народом, конечно, тяжелее. Доверия, оказанного ему партией, он на все сто процентов не оправдал. Ну а если брать по сравнению с другими народами, то его в этом деле никто не обошел. Нет у них той преданности, той ревности о пользе державы родной. И совершенно заслужено российские пролетарии возглавили великий марш охваченных гневом миллионов по центральным площадям городов Советского Союза, Германии, Китая, требующих смертной казни для предателей и врагов народа, в панораме нашего века, века «восстания масс». И нельзя убрать простершийся над этой панорамой серый полог безбожия, под которым так гордо реют красные знамена с золотыми серпами и молотами и с черными свастиками. Без него просто была бы нереальна картина. Миллионы

взметенных вверх рук, миллионы отверстых ртов, только: «Ура!!!» и «Смерть!!!» И миллионы казненных, истребленных в войнах и карательных операциях, забитых до смерти в следственных тюрьмах и сгинувших в лагерях. И миллионы статуй-кумиров и портретов-икон во славу полудюжины моральных дегенератов, вознесенных нечистой силой над народами и осатаневшими от величия, от пролитой крови и от страха. Столь полная утрата человечности мыслима лишь при полном безбожии и если не замечать, не желать видеть опустошения душ человеческих и мерзости, проникающей в святое место, то вся картина века будет неверна и недоступна пониманию потомков.

Каждый век мог претендовать на то, что к нему относятся слова Экклезиаста: «И сказал я в сердце своем, чтобы испытал Господь сынов человеческих и увидели они, что сами по себе они животные». Каждый из минувших веков, но наш – более всех минувших. Не менее легиона «экклезиастов» посвятили свой талант тому, чтобы помочь сынам человеческим уверовать, что они – животные. Собственно, мысль, что человек приобретенный им по случаю разум «для того лишь смог употребить, чтоб из скотов скотиной быть» была высказана И.-В. Гёте еще в начале XIX века и к концу его обросла солидной аргументацией философского, биологического и психологического порядка. Есть основания полагать, что глубже всего она проникла в мозги следователей НКВД-ГБ и их коллег из РСХА. Убеждение, что основное различие между людьми сводится к тому, сколько нужно бить каждую отдельную человеческую особь, чтобы она обнаружила готовность предать всех и вся, являлось своего рода «профессьон де фуа» этих опытейших специалистов по «работе с людьми». Лучшие из лучших этого элитарного корпуса подлинных «инженеров человеческих душ» несомненно заслужившие на картине место в непосредственной близости к «великим кормчим». Откуда же вдруг взялась эта нечисть на горе вроде бы процветавшей цивилизации – и каково её имя?! Она в самом деле появилась на свет неожиданно, сразу же после Первой мировой войны, на

которую все её участники возлагали большие надежды. Видимо, так уж предопределено было самим ходом событий, ускользавшим от понимания главных действующих лиц и следовавших за ними народов. Прежде всего, естественно, утратили все надежды побежденные империи и правившие ими отжившие свой век милитаристские династии. Но и победителям вскоре пришлось произвести горькую переоценку плодов своей победы. Хотя Романовы, Гогенцоллерны и Габсбурги оказались выброшенными из истории и были вынуждены смириться с этим, народы, с которыми они расстались, не смирились. Дух имперской самости, гнездящийся в затененной части их сознания, отравлял их души ненавистью за понесенное поражение и к победителям, и к своим повелителям, виновным во всем: в позоре, в бездарной гибели миллионов солдат, в разрухе и голоде. И если ненависть к победителям была бессильна, то свои господа были под рукой и находились в растерянности. Вот к их горлу и потянулись руки чувствующих себя обманутыми и преданными ими патриотов. Именно в этот момент выныривает из возбужденных толп хищная физиономия бестии, ставшей известной под именем «фашизм».

Тот факт, что имя это родилось на итальянской земле (*fascia* по-итальянски – «связка, объединение») отнюдь не означает, что родина фашизма – Италия. Его настоящая родина Россия, в Италии он победил пятью годами позднее. Да и по части реализации фашистских идеалов она далеко отстала от России и Германии, оставшись и в лучшие годы фашизма его недоразвитым и неполноценным детищем. Хотя «дуче» выглядел много импозантней германского «фюрера», не говоря уж о кремлевском недомерке, но по фашистским меркам недомерком в этой компании оказался именно он. Ни политически, ни идеологически ему не удалось поработить народ Италии столь полно, унижить и растоптать представление о человеческом достоинстве в его сознании столь основательно, как тем в своих империях. Но как бы то ни было, название самого отвратительного политического режима, со-

зданного людьми, звучит по-итальянски. Слово «фашист» сегодня известно всем. Но даже хорошо образованный человек затрудняется обычно дать определенный ответ, что это за зверь такой? Он может рассказать много и даже очень много на эту тему, но его ответ, как и статьи энциклопедических словарей на эту тему, будет лишен ясных и четких определений. Равно отсутствует определение этого преступного феномена и в юридическом лексиконе, что делает его практически неподсудным. На Нюренбергском процессе, единственном прецеденте международного суда над фашистами, их судили за войны, начатые без объявления войны, за преступления против человечности, но фашизм на скамье подсудимых не сидел. Отнюдь. Он сидел среди главных обвинителей и судей, на почетном месте. В это самое время его карательные войска вели истребительную войну против народов Прибалтики и Западной Украины. Только что самым преступным и особо жестоким образом он изгонял с родных земель и насильственно переселял семь народов Северного Кавказа, Крыма и Поволжья. При этом от голода и холода погибло большинство стариков и детей. Дюжина главных преступников были награждены за командование этими «войсковыми операциями» высшими воинскими наградами, орденами Суворова и Кутузова.

В период сердечного согласия сталинского Союза с гитлеровским рейхом были захвачены Литва, Латвия и Эстония. Власть в этих странах передана местным коммунистам под контролем НКВД. Командный состав и офицерский корпус армий был расстрелян. Их семьи и семьи ушедших в леса, чтобы начать партизанскую войну с оккупантами, были отправлены в Сибирь, на голую землю, чтобы сами себе строили жилье и колхозы по советскому образцу. Наиболее влиятельная часть духовенства и интеллигенции была заключена в северные концлагеря. Таким же образом были советизированы Западные Украина и Белоруссия, Бессарабия и, совместно с гитлеровцами, по-братски разделена пополам Польша. Последующие «операции по зачистке» – расстрелы без суда всего офицерского состава армии и далее все по списку.

В течение четверти века с лишним советско-фашистский союз осуществлял последовательный геноцид оккупированного и своего населения, уничтожив в ходе репрессий гораздо более человеческих жизней, чем фашистская Германия. Однако никто не обнаруживал намерения предъявить ему обвинения за эти преступления.

Разумеется, прежде всего потому, что поблизости находились миллионы советских солдат и тысячи танков. С другой стороны, было очевидно, что если бы начались разборки между победителями, кто и насколько запятнан действиями, несовместимыми с человеческой моралью и международным правом, то хрупкому консенсусу, возникшему между ними в борьбе с общим врагом, немедленно бы пришел конец. Ведь если смотреть на вещи беспристрастно, то выдача Чехословакии Гитлеру в обмен на фальшивый вексель на мир тоже было поправимым заключенным с этой страной соглашением и соучастием в развязывании войны. И превентивное потопление французского флота у африканских берегов с двумя тысячами ни в чем не повинных моряков – тоже массовое убийство. И ликвидацию Дрездена со всем его населением иначе не назовешь как военным преступлением, совершенным исключительно в порядке мести и устрашения. По тем же самым мотивам были произведены атомные фейерверки в Хиросиме и в Нагасаки, слизнувшие огненным языком более двухсот тысяч душ за три месяца до Нюрнбергского трибунала. И то, что при этом предполагалось припугнуть не только микадо, но и заклятого друга «дядюшку Джо», чтобы заставить его отказаться от дальнейшего «освобождения народов» на Западе и на Востоке, никак не оправдывает совершенного злодеяния. Конечно, соображениями политики оправдать это нетрудно: кто же будет делать её в белых перчатках, особенно когда на дворе такая погода?! – но не с юридической и, тем более, не с моральной. Во всяком случае у западных членов Трибунала было достаточно резонов, чтобы не вытаскивать скелетов из громадного черного шкафа за спиной их восточного соседа. Кроме всего прочего, они на самом деле считали вероятным,

что смогут найти приемлемую форму соглашения с ним для установления послевоенного миропорядка. Уроки Мюнхена для них оказались недостаточно назидательными. Им так хотелось верить, что они уверили себя в том, что «фашизм» и «коммунизм» – вещи разные, что «коммунизм» намного приличней, и что поэтому, учитывая, разумеется, и его самые крупные в мире вооруженные силы, и его невероятно возросшую в результате разгрома гитлеровского рейха популярность, с ним следует наладить, насколько это возможно, взаимовыгодное сосуществование.

Цена Союза

Только лишь стреляный воробей, мистер Уинстон Черчилль, не клевал эту мякину. Хотя, вероятно, не раз вспоминал свою браваду в разгаре войны, когда заявил, что готов заключить договор с самим сатаной, чтобы загнать Гитлера в ад. Договор состоялся, inferнальную сторону в нем представлял «маршал Сталин», и германский фюрер через пару лет отправился по указанному адресу.

Но действия подобных договоров не прекращаются по достижении оговоренных целей. Платить по нему пришлось гораздо дольше, чем предполагалось, и первому – сэру Уинстону, когда во время трудной дискуссии в Потсдаме о границах в Европе за его спиной, как перст судьбы, возникла скромная фигура мистера Эттли.

Первого из политических деятелей западного мира, разглядевшего подлинную физиономию фашистской бестии, вынырнувшей из германского подполья, деятеля, объединившего и организовавшего на смертельную борьбу с ней народ своей страны в самый трудный час его истории, приведшего его к победе и лучше всех из сидевших с ним за столом во дворце «старого Фрица» понимавшего, с какой еще более опасной бестией им приходится иметь дело теперь, его народ Англии «прямым изъявлением своей воли» выставил из Уайт-Хауса и, само собой, из-за стола переговоров, предпочтя ему его «управдома», Лорда-Председателя Совета коалиционного

правительства, мистера Клемента Ричарда Эттли. Драматизм ситуации для сэра Уинстона заключался не в том, что этот застенчивый выходец из средних классов, замечательный только своей бесцветностью, сменил его, потомка семи поколений джентльменов, правивших Англией, в кресле премьера. В другое время это было бы даже несколько комично, если учесть, что в предыдущем кабинете развязные языки обозревателей величали миролюбца Невила Чемберлена «старым кроликом», а Эттли, обязанного своим положением лидера оппозиции полемизировать с ним в палате, «листочком салата, дрожащим от храбрости». Воистину драматично для Черчилля было то, что в этот важнейший момент истории, когда должны были решаться судьбы мира, Великобритании будет представлять уже не он, а этот «салатный листок», пропитанный со времен своей адвокатской молодости, как уксусом, социалистическими идеями. «Доброму старому Уинни», такому проныцательному и опытному в вопросах мировой политики, было очень нелегко понять, что именно потому, что для него главным было вершить судьбы мира в соответствии с интересами Британской империи, а главной заботой мистера Эттли были условия жизни народа Англии, улучшению которых считала себя призванной служить его лейбористская партия, она оказалась после окончания войны нужнее для народа, вынесшего эту войну на своих плечах, чем консервативная партия сэра Уинстона. После шести лет беспримерно тяжелой войны, после всех потерь, разрушений и предельного напряжения сил для всех народов Европы самой насущной потребностью было восстановление условий жизни, и повсюду, где существовал демократический строй, к власти пришли правительства, ориентированные прежде всего на социально-экономические проблемы.

В силу старения мировой цивилизации начало века ознаменовалось треском разваливавшихся политических конструкций, отживших свой век. Идеи демократизации и деколонизации, которым упорно сопротивлялся век XIX, после крушения пяти самых реакционных империй, хлынули из затопленной

социальными возмущениями Европы и растеклись по всему ранее покоренному ею миру. Освобождение от произвола и насилия стало мейнстримом второй половины века. Возникшие было фашистские образования, охваченные идеей нового порабощения народов, более полного и жестокого, просуществовали ничтожные исторические сроки, будучи сокрушены этим течением. Дольше всех продержался фашистский Советский Союз, но, протянув семь с половиной десятков лет, и он в силу собственной дегенерации развалился на куски. Однако, благодаря своей исключительной лживости, русский фашизм сумел продлить свой век под маской демократической республики и продолжает политически и оружием поддерживать последнюю, уже послевоенную генерацию фашизма в странах ислама.

Сила мира сего

Какая же сила объединяет истых последователей Мухаммеда и облекшееся в ризы демократии православие? Да та же самая, которая под самыми разнообразными личинами открыто борется за власть над миром уже третий век – сила атеизма. Именно он является главным духовным корнем фашизма и множества других мелькающих в истории идей насилия или растления и вдохновляемых ими режимов. Простое безбожие – неверие в существование Бога – это лишь одна и исторически не самая распространенная форма атеизма. Существует и более эмоциональная и искренняя атеистическая точка зрения, согласно которой Бог есть зло. Прочитав высказывания Прудона, молодой Маркс пришел в восхищение от их краткости и точности. Но это годится только для интеллектуальной элиты, в широких массах, кроме твердокаменных большевиков и членов ордена СС, она не приобретает популярность. Более всего создатель этого вероучения поощряет смешанные формы, когда «рациональное зерно» неприязни к Богу соединяется с сомнением в его благодати, подозрением его в деспотизме, манипуляциями с его заповедями и – почему нет? – с простеньким сомнением в его существовании. Все это,

в зависимости от обстоятельств, хорошо драпируется или в ризы благочестия, или в тогу прекраснородного гуманизма. Самый любимый его маскарадный костюм – это «Ангел света». В этом облики он является чаще всего своим избранникам: лжепророкам, ересиархам, учителям тайных знаний, проповедникам утопий и великим вождям народов – всем главным наставникам человечества во лжи.

Всякое большое преступление начинается с большой лжи. Для того чтобы привлечь массы (а без них по-настоящему большого преступления не совершишь) и повести их к преступной цели, необходимо их предварительно обмануть. Заставить их поверить, что переносимые ими лишения и горести, постоянно сопутствующие жизни широких масс в истории, всех их превращают в праведников, а коварных их поработителей и грабителей (тех, кому хорошо живется в этом мире) – во врагов Божьих и человеческих, отомстить которым их священное право, после чего их ждет счастливая жизнь в равенстве, братстве и свободе от тирании Бога, жизнь людей, ставших, как боги. Для того, чтобы убедить правящие круги в необходимости широких карательных акций и превентивных военных действий против соседей, надо заставить их поверить, что соседи завидуют им и стремятся посеять смуту в их государстве, а внутри его зреет разветвленный заговор и промедление смертельно опасно. Поскольку большие или меньшие факты для таких подозрений найти можно, то два этих типа провокаций, подгоняемых в деталях к конкретным ситуациям, беспроблемно действуют в течение всей истории. И старый «месье с копытом» довольно потирает руки, посмеиваясь над тщетными усилиями миротворцев погасить ненависть и остановить кровопролития войн и мятежей.

Наибольшая ложь

Атеизм пришел к нам на землю не в нашем веке, хотя государственств, провозгласивших воинствующий атеизм своим официальным мировоззрением, не было в истории до появления первой фашистской державы – Советского Союза.

Несомненно, это откровенное знамение прихода времени власти тьмы. На другой стороне мира было несколько светлее. Там, на Всемирных промышленных выставках царило ликование по поводу блестящих побед научно-технического прогресса, феноменального роста доходов и ожидания скорого прихода эпохи всеобщего процветания под солнцем мирового рынка. Разумеется, попутно прославлялись достижения свободы, демократии и прав человека, но чуть-чуть скромнее. Что же касается отношения к Господу Богу, то здесь успехов не было, скорее наоборот. Конечно, английский парламент, когда это нужно, пел «Боже, храни короля». А президент Америки прочувствованно произносил: «Верой в Бога мы сильны!», и в случаях переписи большинство граждан расписывалось в своем христианском вероисповедании, но, если говорить честно, картина выглядела далеко не так благостно. Искренне и честно верующих в Бога было, как и почти всегда и везде, лишь «малое стадо». Немало было таких, кто считал своим долгом соблюдать традицию, ради сохранения установленного миропорядка и нравственности, ибо «все равно Кто-то есть». Велико было меньшинство обыкновенных безбожников, людей совершенно равнодушных к тому, есть Бог или нет. Большинство же состояло из людей «полуверующих», которые посещали иногда церковь, поскольку все же где-то на небесах есть Бог. Однако в своих земных делах они были целиком и полностью людьми мира сего. Теми, о ком говорит пословица: «Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга». В сущности, это был стыдливое или трусоватое безбожие, когда, сохраняя каплю веры в существование Бога, человек желает подстраховаться перед Ним мелкими знаками показного благочестия, но гораздо более верует в силы и ценности мира сего и, соответственно, живя в фактическом отрицании Бога. И конечно же, он не отдает себе отчета, что со своею «полуверой» гораздо дальше от Бога, чем неверующий, но живущий в соответствии с нравственными требованиями, которые ему диктуют совесть, разум и его чувство человеческого достоинства.

Формы скрытого атеизма многообразны и весьма распространены, опять-таки, всегда и везде, хотя в каждую эпоху наибольшего распространения получают лишь некоторые из них. И все они представляют собой лживые исповедания имени Божьего, запрещенные третьей заповедью Синайского Завета: «Не исповедуй ложно имени Господа Бога твоего!»

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно,

Уже семнадцать веков большинство христиан читают ее как «Не произноси имени Господа Бога твоего всуе!», хотя всем знающим язык оригинала – иврит – известно, что глагол этой заповеди означает: «поднимать, возносить». Никакой ни этимологической, ни семантической связи между двумя этими глаголами нет. С некоторой натяжкой можно сблизить значения «произносить» с «возносить» если последнее понимать как «произносить громко», то есть возвысить голос, произнося имя. В талмудическом иудаизме, на всякий случай, чтобы ненароком не нарушить заповедь, запрещено вообще произносить имя Божие, которое Он дал через Моисея именно для обращения к Себе. Христианское благочестие с той поры, как Церковь соединилась с мирской властью в «симфонии» (прямо нарушив заповеди о том, что нельзя служить двум господам, что духовная жизнь посвящается только Богу – Богу Богово, и что привязанность к миру – измена Богу) последовала в прочтении третьей заповеди за талмудическим переводом, как бы и не замечая, что тем самым одна из трех первых заповедей, говорящих об отношении к Богу, приобретает тот же ничтожный смысл, что и языческие обычаи не называть по имени своих богов, чтобы они не появились вдруг. Но если читать слово Божие так как оно сказано Им, то вознесение голосом Его имени имеет смысл клятвы и исповедания, произносимых не по пустякам, а по истине. Тогда само собой и последнее слово заповеди переводится не «всуе» (попусту), а «ложно», в каком смысле оно и употребимо прежде всего. И это значит, что заповедь обязывает верующего слушать голос Господа и стремиться поистине исполнять повеления Его и постигать учение Его. Но, приняв от кесаря обмакнутый кусок и

признав его своим господином, церковь вступила на широкий путь ложных исповеданий, на все лады извращающих слово Его, чтобы выдавать волю свою за Его волю. Все началось с утверждения: всякая власть от Бога («...нет власти не от Бога...противящийся власти противится Божьему установлению...» Рим. 13-1, 2) и «...будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа ...ибо такова есть воля Божия...» I Пет. 2-13, 15), после чего палачи и опричники всех эпох обрели право быть оправданными как исполнители данных властями приказов. Одному Богу ведомо, откуда попали эти слова в послания Петра и Павла, но они явно не от Него. Не сами ли Апостолы противились власти, когда она (синедрион) запрещала им проповедовать Евангелие Господне?! Похоже, что тут приложил руку Евсевий Кесарийский по повелению Великого «равноапостольного» Константина, первого растлителя церкви. Наш самый кровопролитный из всех век безусловно лидирует и в атеистическом «просвещении». И поскольку фашизм – абсолютный рекордсмен на обоих этих поприщах, необходимо ясно разобраться в его генеалогической таблице.

Главные отличия под множеством масок

Каковы же отличительные черты фашизма, унаследованные им и благоприобретенные в наше время, по которым мы можем всегда без больших затруднений определить: именно ли эта бестия перед нами? Духовная предрасположенность к миролюбию или к насилию разделила род человеческий на пороге его земной истории. И потомков Авеля в мире, увы, меньше, чем Каина, хотя большинство людей по духу своему, безусловно, «дети Сифа», в душах которых борются эти духовные начала. Преобладание того или другого в значительной степени зависит от обстоятельств рода, места и времени, но все народы воюют в своей истории почти в каждом поколении, и война приучает солдат смотреть на противника только через прицел для стрельбы. Подобная узость взглядов

всячески поощряется «отцами-командирами», в задачу которых входит, кроме всего прочего, воспитание своих «детей» в духе любви к Родине и ненависти к врагу. Для многих война и армейская жизнь становятся главной школой, и ветераны навсегда сохраняют в душе враждебное отношение к народу, с которым пришлось воевать. Это постоянно пополняет в мире массу, привычных к насилию людей, для которых оно ассоциируется с подвигом. Должно знать, что хороший солдат – это солдат, хорошо умеющий убивать без лишних эмоций, и что такой навык неотвратимо меняет его психику, резко смещая её в сторону насилия, что морально он становится калекой, вознаграждаемым за свои «доблестный труд» орденами и почетом, а для ребят, еще не нюхавших пороха, – героем и образцом для подражания. Следует знать также и то, что эти герои, неисправимо расчеловеченные войной, всегда готовы отозваться на призыв зовущего к насилию рога, поэтому они – отборные кадры «штурмовых отрядов» и «красной гвардии», элитных частей СС и спецназа. Они – ударная сила «фашистов первого часа» при захвате власти и они – чрезвычайный «преторианский легион», стоящий на страже безопасности фашистского вождя и аппарата его власти. Без них фашизм возникнуть на сцене не может, но основой фашистских режимов они не становятся.

Для того чтобы фашизм мог овладеть страной и создать свое государство, необходим народ. Такой народ, которому от рождения свойственно чтить превыше всего силу, большинство которого мучается злобной завистью к более благополучным соседям и обидой на свою несправедливую судьбу, чувство собственного достоинства которого сменилось диким, агрессивным самолюбием и жаждой отмщения всем, кому живет лучше, кому досталась земля богаче и обширней, или больше ума и умения, кому больше везет и кто добился большей власти в мире.

Первому расчеловечивающему свойству посвящен в Священном Писании важный эпизод в жизни изгнанного из рая

человечества – убийство Каином Авеля. В разной мере свойство зависти распространено среди всех народов, хотя нет такого, в котором оно господствовало бы безраздельно. Но в каждом есть гнездовья, где оно размножается и накапливается. Оно не может развиваться так, чтобы охватить широкие слои населения, если в народе существует взаимодоверие, основанное на искренней вере в Бога немногих людей и взаимном уважении друг к другу многих. Однако к концу XIX века кризис веры в Бога и социальный антагонизм в странах европейской цивилизации как никогда ослабили нравственные устои и человеческие связи в народах. Прогресс наук и техники, резкое расширение поверхностного образования в атмосфере мировоззренческого скепсиса, охватившего интеллектуальный мир, издержки эмансипации женщин и «свободная любовь», увлечение социальными идеями самого разного толка, возбуждающими полуобразованные массы, и общее ожидание скорых и необыкновенных перемен – всё это делало мир неуравновешенным более чем когда-либо и неспособным критически оценивать реальность идей и целесообразность новаций. Обстановка как нельзя лучше способствовала тому, чтобы в народах, предрасположенных к фашизму как объединению масс ненавистью, порождаемой завистью, начался интенсивный процесс подготовки главных составляющих его идеологии.

В России такими составляющими стали мифы о «великом государе», о «святом народе» и о последней страшной битве с антихристовым воинством. Духовная почва для их произрастания образовалась к концу XI века в «Залесской Руси» – восточном углу междуречья Оки и Волги, где наиболее дикое из восточнославянских племен – вятичи – хорошо смешались с «чудью», финно-угорскими племенами, задолго до них обживших эти земли. Почитание превыше всего силы и привычка к насилию как главному средству в отношениях с соседями и хищная зависть к тем из них, кто сумел построить жизнь свою согласней, умней и лучше, стали коренным духовным пластом в этом этносе. Идею самодержавной власти князя принес в их

темный угол худший из сыновей Мономаха, угадавшего подходящее место для своего нелюбимого киевлянами «долгорукого» чада. Здесь его хищное самодержавие отлично спрялось с местным духом произвола и насилия, и, покоровшись силе, разбойное население Залесья признало в долгоруковском племени своих подлинных господ и объединилось наконец под их рукою в холопски преданную общность.

Так была зачата грядущая московская цивилизация, сразу же приложившая руку к развалу материнской Киевской Руси и вскоре отданная судьбой на выучку монголам. Сказка же о Великом и единственном на земле истинно православном Государе и о его верном, православном народе родилась вслед за падением Византии. Из-под татар вылезла уже «Святая Русь». Царям с той поры льстили, как ханам, непрерывно и на пределе воображения. Народ же святость свою приобрел по совокупности с царством – как холоп Великого Государя Святой Руси. Три века спустя ему прибавили её по своей беззаветной любви к его великорусской национальности славянофилы и по сочувствию к его вековечным страданиям народники. Что же до последней великой битвы то тут конечно большую роль сыграли победы над турками и несомненное призвание России восстановить православный крест над Святой Софией, а заодно и очистить Святую Землю от всех нехристей. Но еще и при недужном Василии инок псковского монастыря Филофей предсказал ему, что Москва есть Третий Рим и под руку Белого Царя соберутся все царства земные. То есть станет он кем-то вроде заместителя Иисуса Христа. Нестройное это пророчество, укоренившееся, однако прочно в народном сознании, подправил не кто иной как историк Владимир Соловьев, человек замечательный, но имевший слабость к народному жанру предсказаний. Он ясным языком описал картину побиения Антихриста [] и установления на земле власти единого монарха – Русского Царя и единого первосвященника – Римского Папы. С папой он, конечно, русскому сердцу не угодил, но зато царь – как есть вся земля, с Филофеевым на одно лицо.

После «великого переворота» в октябре 1917-го царский миф, само собой, выкинули. Его заменили на революционный, сочиненный другим пророком, вступившим на это поприще по достижении тридцатилетнего возраста в сообществе с младшим помощником. Из уст этих молодых людей в 1848 году миру стало известно, что уже «бьет час капиталистической частной собственности». Нельзя сказать, что на Западе это грозное предупреждение привлекло к себе общественное внимание. Даже радикально настроенные русские революционеры-эмигранты пренебрежительно отнеслись к «Коммунистическому Манифесту», благовествовавшему скорое наступление царства мирового пролетариата. Они били в «Колокол», призывая к революции топора российское крестьянство, а борющийся за повышение заработной платы и улучшение условий труда промышленный пролетариат Европы был для них отнюдь не своим и недостаточно радикальным. Попытки же «Маркса и его шайки» вызвать раскол в «Союзе коммунистов», а позже и в «Интернационале» были перед смертью оценены Михаилом Бакуниним в справедливом соответствии «с их ложными авторитарными теориями, с их диктаторскими замашками и манерой вести подпольные интриги, с их гнусными происками, жалкими личными дрязгами, грязными оскорблениями и подлой клеветой, которыми характеризуется почти повсюду политическая борьба немцев и которые, к несчастью, они протаскивали и в Интернационал», что не отрицало их заслуги в его организации. Но спустя полвека невостребованный на Западе манифест о последнем часе, провозвестники которого уже покинули этот грешный капиталистический мир, оказался ко двору как раз там, куда, повинувшись воле диалектического и исторического материализма, уполз «мировой революционный центр» – в дремучую глушь российской империи, где в трех самых больших городах пролетариев вместе с буржуазией было меньше, чем лакеев, а в безбрежном море деревень водились только лишь пьяные помещики и периодически трезвые крестьяне. И в этом был

резон, недоступный ни теоретикам, ни практикам «научного социализма».

Революционный миф, которому самое малое четыре тысячи лет, рожден в сознании народных масс, доведенных бесчеловечной эксплуатацией до отчаянного состояния, когда разум соединяет мечты о лучшей жизни с жадой отмщенья виновникам страданий живущего в нищете и бесправии народа. Проходящий сквозь все времена, поскольку мир по своей духовной сути не меняется, как не меняется в целом духовное состояние человечества, архетип революционного мифа неизменно держится на трех догматах веры.

Главные силы зла и несправедливости – это правители, знать и духовенство, которые при помощи своих слуг и войск угнетают простой народ, заставляя его тяжело работать и отнимая у него всё, что он производит, оставляя ему лишь крохи, чтобы не умереть с голоду. Они – преступники против Бога, которому лгут, и против народа, которого грабят.

Простой народ, который всех кормит, одевает, согревает и все строит и устраивает, только он один истинно праведен и справедлив и ему одному принадлежит право устраивать жизнь на земле по законам пользы, добра и справедливости.

Поскольку преступная власть ему никогда не даст по доброй воле такого права, народ должен объединиться на священную войну против врагов Божьих и человеческих, свергнуть злодейскую власть господ и истребить все их проклятое племя, чтобы вернуть себе данные Богом права и все награбленные богатства, разделить поровну. А также установить на вечные времена справедливые законы, при которых все будут равны и счастливы.

Этот простой и ясный взгляд на вещи, основанный, казалось бы, всецело на очевидных фактах и на логике здравого смысла, доходчивый для каждого человека из народа, содержит, тем не менее, толику метафизики, не разрешающей отнести его к разряду секулярной идеологии, а требующий числить его по ведомству мифологии. Когда контраст между условиями жизни высшего общества и народа достигает роковой

черты, в сознании отчаявшихся людей рождаются представления, в свете которых становится виден выход из совершенно безвыходной ситуации. Нравственные пороки верхов и достоинства низов обретают черты абсолютного Зла и Добра, а конфликт между ними – характер Вселенской драмы. Нельзя забывать, что дело касается простого народа – той части человечества, которой почти во все века свойственно религиозное чувство и всегда (без «почти»), склонность к вере в чудеса. Вот тут появляется возможность для инфильтрации в зазор между реальными и ирреальными представлениями капли дьявольской логики, следование которой неизменно приводит к впечатляющим результатам, давшим в свое время де Местру основание утверждать, что «во всякой революции есть нечто сатанинское». Благодаря добавке, чудесным образом меняются масштабы всей драмы. Враги народа превращаются в представителей Абсолютного Зла – сил Адовых, и восстание против них – в Мировой переворот, в Последнюю Священную Войну Сил Света с Силами Тьмы. Более того, в решительный момент, согласно мифам всех великих религий, во главе Сил Света появится сам Вождь воинства небесного, Зло будет истреблено совершенно, а на земле установится для Праведного народа возрожденный Рай.

Такая редакция, с внесением применительно к конкретной обстановке соответствующих фактов и имен, прошла через вереницу веков, сохранив свою основу, что безусловно свидетельствует о её соответствии фундаментальным народным представлениям о добре и зле, о справедливости и праве. Простота и прочность этой основы позволяет, используя имеющее место искажение масштабов, почти незаметно произвести подмену представлений и максимально радикализировать события. Фокус стар, как мир, и с тех пор, как впервые был продемонстрирован в райском саду, проделывался на разных уровнях (от индивидуального до общенародного) бесчисленное количество раз с ничтожным количеством осечек. Свою основную работу «Старый месье» исполняет весьма профессио-

нально. В данном случае производится манипуляция с заповедями «Не исповедуй имя Господа Бога твоего ложно» и «Не убий». Поскольку перед началом восстания страсти накаляются добела, превращения верхов в Абсолютное зло, а низов в Абсолютное добро происходят «на ура», после чего Бог несомненно оказывается на стороне Праведных повстанцев, а восстание, тем же образом, оборачивается Священной войной, в которой какое-либо сострадание к врагам Божиим есть измена Богу, поскольку они – нелюди и на них не распространяется запрет «Не убий». В случае войны с соседом праведность своего народа и Дьявольское коварство противника легко превращают его в подлейшего участника Мирового заговора Темных сил против Святой отчизны, и далее все по первому варианту.

Подражая Богу, сатана (будучи лишен Лица после падения на землю, он обречен быть актером) тоже общается с народами через своих избранников – лжепророков или, в просторечии, «навозных мух». К признакам чрезвычайных ситуаций, в преддверии роковых событий, следует, кроме перечисленных знатоками, добавить непременно появление в атмосфере этих мух. По запаху большой крови, которой надлежит вскоре пролиться, они безошибочно распознают «период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба готова прорваться наружу в действиях миллионных масс» и слетаются туда, где громче гул возбужденных голосов, больше в воздухе электричества, где сильнее запах. Там, в стихии гражданских страстей, летая и жужжа над головами митингующих и протестующих, они быстро раскаляются сами, наливаются энергией и вдруг чудесным образом из заурядных «друзей народа» – журналистов, адвокатов, отрешенных от сана служителей культа преображаются в гневных обличителей тирании, в народных трибунов, буревестников революции, провозвестников грядущего царства равенства, братства и свободы. Но бесспорными лидерами становятся вдохновенные апологеты святости трудящегося народа. Вполне естественно, что при всяком народном восстании, восставшие убеждены, что

они правы, а виноваты их угнетатели. Но когда сознание своей правоты превращается в веру, что Бог на их стороне и что они борцы за святое дело, потому что народ свят – это не естественно, и требует понимания.

Глупые благочестивцы

Еврейский мудрец, живший в I-II веке нашей эры, Йошуа бен Хананья сказал, что на первом месте из четырех, «которые губят мир» находится «глупый благочестивец», а на втором «хитрый нечестивец» [משנה סוטה ד, ט]. В истории человечества легко найти множество подтверждений справедливости этого изречения.

Почитаемый всеми либералами и гуманистами Жан-Жак Руссо, простолюдин из Женевы прожил в неизвестности первые тридцать семь лет своей жизни, а потом, в результате неожиданного откровения почувствовал в себе призвание объяснить людям скрытый от них доселе смысл истории общества и религии. В течение двенадцати лет своей литературной деятельности он произвел подлинный переворот в представлениях и настроениях французского общества, благословив его на путь, направление которого представлял себе совершенно превратно. Он пылко и искренне воспевал красоту и доброту сотворенного Богом «естественного человека», просто и мудро живущего в объятиях божественной Природы, которую вслед за Спинозой, Монтескьё, Локком и множеством современных ему деистов отождествлял с Богом. Роль духа соблазна и развращения человеческого рода он передал «первому, кто огородил клочок земли, осмелев сказать: «Эта земля принадлежит мне» и тем самым стал «истинным основателем человеческого общества». По крайней наивности первобытных людей не нашлось никого, кто бы воскликнул: «Остерегайтесь слушать этого обманщика! Вы погибли, если забудете, что плоды принадлежат всем, а земля – никому». В результате люди вступили на гибельный путь цивилизации, путь погони за властью, богатством, наслаждениями, путь,

разделивший их на знатных и богатых – потомков первого обманщика, и бедных – простых честных людей, поработанных богатыми.

На расхожую истину знати, гласящую, что неравенство людей предопределено самой природой, он ответил утверждением: «Нет, это создание самого человека и противоречит Природе». «Естественный человек» добр по своей природе, злым же его делает развращенное общество. Именно «под деревенской одеждой земледельца, а не под золоченной мишурой придворного скрываются силы и добродетели души». На этой знати с их королями и церковью – вся вина, что рожденный свободным человек повсюду в оковах. «Ваш Бог не наш! – гневно бросает он в лицо этим поработителям рода человеческого. – Бог гневный, мстительный, пристрастный, ненавидящий людей, Бог войны и сражений, всегда готовый разрушать и громить, вечно толкующий о муках и казнях и хвалящийся даже наказанием невинных». По воле вашего Бога «злой благоденствует, а справедливый остается угнетенным». «Совесь! Совесь! – восклицает он, отворачиваясь от картин зла земного и обращаясь к свету. – Божественный инстинкт, бессмертный и небесный голос, непогрешимый судья добра и зла, делающий человека подобным Богу!» И в то же время она, по видимому, личный гений его самого, ибо себя он именует «лучшим из людей» и «единственным верующим человеком во Франции». И его Бог царит в совершенно другом мире: «Картина Природы являла мне только гармонию и пропорции», и он «насколько возможно всегда следовал Евангельскому учению. Я полюбил его, я воспринял его, расширил, разъяснил, я привязался к нему всем существом моим. Все мои писания дышали любовью к Евангелию и преклонением перед Христом. Ничто не может сравниться с Евангелием. Надо беречь эту Священную книгу как правило, преподанное Учителем, а мои книги – как комментарии ученика». Подобными крупными мазками Жан-Жак набросал в двух своих сентиментальных романах черты своей «религии сердца» или «естественной религии». В идеальном соответствии с ней была им

сочинена и социальная философия, суть которой сводилась к тому, что простые в большинстве своем люди, будучи сотворены Богом-Природой свободными, добрыми и мирными существами, попали, однако, под власть неких извращенцев, возжелавших обладать собственностью. Это стало причиной цивилизации и порчи нравов. Но простые люди, оказавшись в угнетении, испортились значительно меньше своих господ, и поэтому если они, руководствуясь тем же правом, что и господа, свергнут их власть, то, обретя свободу, скоро обретут и свою первоначальную безгрешность. Им необходимо только для этого расстаться с пагубными привычками к цивилизации и вернувшись в божественное лоно Природы, объединиться на основе «общественного договора» в свободную республику, чтобы жить в равенстве и братстве.

Что же дало повод Наполеону, да и множеству других известных деятелей и мыслителей, сказать о Руссо, что «...это он был виновником Революции»? Безусловно неумная, но «благочестивая» идея Руссо, согласно которой «естественный человек» безгрешен и божественен по своим задаткам (то есть таков, каким, согласно Библии, был прародитель Адам до своего грехопадения). А поскольку «первородный грех» был совершенно неприемлем для «гениального простолюдина» как лживая выдумка попов, то поиск виноватых в том, что живет людям на земле скверно, ограничился для Руссо (как и для великого множества искателей до него и после него) кругом тех, на ком лежит очевидная ответственность за земные порядки – на сильных и власть имущих в мире сем. Бедные и бесправные, естественно, оказывались в нравственно противоположном и стократ большем кругу. Из такой диспозиции легко становилось очевидно, что и в самом деле достаточно почти безгрешному большинству стряхнуть с себя паразитическую власть преступного меньшинства, как, вернув себе свободу они легко достигнут счастливого первородного состояния. Причем ни о каком кровопролитии в провозвестиях Руссо не было и речи. Он вообще не утруждал себя размыш-

лениями о будущем свергнутой знати. Она просто исключалась из светлой картины как ненужный персонаж. Для порхающей с тезиса на тезис философии Руссо второстепенные детали вообще были безынтересны. Как и все лжепророки, он писал свои картины истории только крупными мазками, и они сами собой сливались в чудесный образ республики, граждане которой живут без принуждения и обид в ласковых объятиях Природы. Его ли вина, что буйные дети Франции предпочли погромы, гильотину и двадцать лет кровопролитнейших войн, оставивших их у разбитого корыта своей «очистительной» революции?

Уильям Оккам, живший в XIV веке, оксфордский магистр богословия и духовный вождь миноритов, восставших против стяжательства и карательной политики папы Иоанна XXII, тоже не призывал к восстаниям и расправам. Но он выковал «бритву», которой сбрил неограниченный авторитет и право на произвол папской власти, права на поборы и обогащение всего церковного клира и всю лживую догматику о каких-либо правах Церкви на мирскую власть и земельные владения. Он провозгласил первенствующее положение в Церкви простого христианского народа и право народа выбирать себе верховную власть, поскольку «естественный человек» хорош по самой своей природе и несет в сердце своем богоданное «естественное право». Слова, начертанные на его бритве: «Сущности не следует умножать без необходимости», стали фундаментом философии номинализма, лишившей «универсалии», отвлеченные понятия, право на реальное существование и объявив их сущность всего лишь «именами», то есть названиями, в результате все древо схоластического богословия утратило свои многочисленные ветви и листву. С этого началась эпоха великих упрощений, чтобы далее через Уиклифа, Гуса, Лютера, Декарта, Спинозу и Локка дойти до «чистой доски». «Бритва Оккама» стала на все последующие времена добрым орудием для демифологизации накопленных преданий древности и для очищения познания от иллюзий воображения, пока, попав в руки просвещенных хирургов, не невежествен-

ных терапевтов, не превратилась в гильотину научно-естественного познания, беспощадно отсекающую всякую метафизику. Но идея доброй природы народа и второстепенной и даже никчемной и зловредной роли священства отлично соотносится с основой революционного мифа, а рассуждения о естественном человеке и общем договоре относительно власти добрались по эстафете веков до Руссо и оплодотворили его воображение.

Утверждение Джона Уиклифа, также оксфордского богослова, наследовавшего в борьбе за права разума Оккаму, гласившее что «каждый человек – низшее должностное лицо Господа Бога», в устах Джона Болла превратилось в изречение, ставшее лозунгом революции: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был джентльменом?» И прямой декларацией прав каждого человека прозвучал его призыв к восстанию (известному по имени предводителя как восстание Уота Тайлера): «Всех вас приветствует Джон Болл и сообщает вам, что он уже ударил в свой колокол, и теперь уже сам Бог призывает вас действовать по праву и силе, воле и уму!»

Оккама от когтей святой инквизиции защитил император, Уиклифа – король, Болла повесили, но слова, вышедшие из их уст ни казнить, ни лишить свободы было невозможно. Лишь только ветви боярышника успели дать первый приют певчим птицам над могилой почившего профессора Уиклифа, а его учение о законе Божьем, по которому закосневшая в грехах Церковь перестает быть Церковью Божьей, как и священник, совершивший смертный грех, лишается сана, по которому таинства никому не нужны, а нужно лишь Священное Писание (переведенное Уиклифом для народа на английский), обрело ревностного и талантливого адепта в лице пражского священника Яна Гуса. И если Уильям Оккам был убежден в способности и праве человеческого разума решать, в каких сущностях есть необходимость, а в каких нет, то Ян Гус уже утверждал с кафедры, что по своему значению в деле установления истины человеческий разум столь же важен, как и Откровение Божье, которое и само постигается человеком лишь посредством разума. Процесс выяснения взаимоотношений между

верой и разумом длился уже не первый век, но именно в проповедях Гуса произошел открытый переход от разума, следующего за верой, даруемой Богом, к разуму, проверяющему и поправляющему веру.

Популярность Гуса среди чешского народа была колоссальна, его проповеди против алчности и властолюбия князей Церкви и за равенство простых людей со знатью пред алтарем Божиим стали всенародной верой. Но его чрезмерная вера в силу разума сыграла с ним плохую шутку. Будучи вызван папой на церковный собор, он прекрасно сознавал, что, поехав туда, окажется в логове своих врагов. Однако перспектива выступить с изложением своих убеждений на соборе, на что он наивно надеялся, открывала перед ним казавшуюся ему вероятной возможность победить силой разума предвзятые мнения епископов и теологов. А если даже не так, то изложить перед всем миром свои убеждения и умереть. Святая простота – ему удалось выполнить только последнее: его сожгли на костре. Но от пламени этого костра в Праге вспыхнул пожар, быстро охвативший всю Чехию и вскоре перекинувшийся на немецкие земли. Не будет большой ошибкой сказать, что именно тогда произошло четкое разделение сил низшего сословия – сельского и городского пролетариата, вставшего под знамена революции Судного дня, и бюргерского слоя – ремесленников и торговцев, требовавших гражданских реформ для уравнивания прав граждан независимо от их национальности и социального происхождения. Первые, известные как «табориты» (от имени городка Табор, где жил Гус во время высылки его из Праги по требованию архиепископа, и названного так по имени горы, на которой произошло Преображение Иисуса) верили, что «время настало» и они призваны уничтожить мировое зло, «омывая руки в крови врагов Божьих», посеянных дьяволом плевел – кровожадных господ и жирных попов, причем каждый «верный» должен «лично пролить кровь противников закона Христа», и тогда произойдет мировой переворот – Преображение этого мира, Христос сойдет с небес и наступит тысячелетнее царство Господне. Вторые же, получившие

имя «чашников», поскольку на первое место среди требуемых ими прав ставили право причащения не одной только Плотию Христовой (как с некоторых пор Церковь стала причащать простолудинов), но также и Кровью, то есть пресуществленным хлебом и вином. Они были убеждены, что Церковь должна стать «дешевой», вернувшись к евангельской бедности и простоте; что у немцев, занимавших первые места в чешской Церкви и при дворе короля, не может быть никаких привилегий перед чехами; что проповедь в духе Яна Гуса должна пользоваться полной свободой.

На эти требования Церковь и император ответили крестовыми походами. Четырежды гуситы громили посылаемые против них армии, и уж, наверное, каждый из них успел хорошо омыть руки кровью врагов Божьих, но ни малейших признаков скорого пришествия Христа не появилось. Двенадцать лет битв, погромов и пожаров, земля покрыта трупами, развалинами и пеплом, но небеса закрыты над головами карателей. Бог не внемлет ни тем, ни другим. И тогда Церковь сочла за благо пойти на переговоры с еретиками. Этому с очевидностью содействовал Базельский собор, впервые объявивший превосходство собора над папой, но не признавший этого папу еретиком. Собор признал большую часть требований чашников, но отверг требования таборитов. Так и не дождавшись помощи свыше, табориты через год были разгромлены пятой армией крестоносцев и перешедших на их сторону чашников. Впрочем, и последние недолго пользовались завоеванными плодами. Через тридцать лет папа Пий аннулировал договор, заключенный между еретиками и непризнанным собором. Нетрудно заметить, что программа таборитов разительной образом похожа, если заменить религиозную фразеологию секулярной, на программу «Коммунистического манифеста», а программа чашников на тезисы «Естественного права» Джона Локка. В последующие века при сходных обстоятельствах будет происходить и дальнейшее редактирование текстов, но суть останется неизменной.

Имя бестии

Всего за полвека до появления на белый свет черной фашистской бестии, в Италии, в гористой местности на полпути от Рима до Флоренции, произошла последняя, по всей вероятности, манифестация древнего сотерологического мифа в его псевдохристианском варианте, вошедшая в историю под названием «коммунистически-религиозная ересь в Монте-Амиата». Подобно крестьянам Ломбардии, поверившим проповедям одного из них, Сегарелли, последователя учения Иоахима Флорского о скором наступлении эры Святого Духа, которые, после того как инквизиция сожгла в 1300 году их учителя, подняли восстание и провозгласили основание республики «апостольских братьев» между Миланом и Туринном в ожидании скорого мирового переворота и начала Царства Святого Духа, как им было обещано. Через семь лет их силы были разгромлены и их вождь Дольчино сожжен на костре.

Горцам южной Тосканы, восставшим спустя полтысячи лет, об этом, конечно же, ничего не было известно. Но именно с такой же благой целью спустились они в 1878 году в долину реки Омброне и вошли в городок Монте-Амиата под знаменем с лозунгом «Республика и Царствие Божие!» Они хотели справедливого передела земли и отмены несправедливых налогов, и распевали боевой гимн: «Мы – солдаты Христа... Мы избранные – народ Божий. Нас охраняют небеса. Мы истребим всех нечестивцев, всех злодеев, всех врагов Христа!» Их вел ломовой извозчик, начитанный и страстный мистик-революционер по имени Давидо Ладзаретти. Он со многими своими соратниками был расстрелян карабинерами.

Их требования, лозунги и утопические надежды по своей сути абсолютно ничем не отличались от лозунгов и надежд бесчисленных восстаний против невыносимых условий жизни в минувших веках и тысячелетиях. «Ничтожные люди», о которых с содроганием рассказывают «Речения Ипувера», перевернувшие небо и землю древнего Египта, разрушившие дворцы фараонов и ограбившие их пирамиды, хотя и не оставили историкам текстов своих революционных воззваний, несомненно

тоже веровали, что исполняют волю Озириса-Ра, истребляя нечестивую знать и чиновников для обновления мира.

И «гелиополиты» Аристоники, восставшие рабы, возмечтавшие после изгнания римлян и истребления всех малоазийских царей построить на развалинах Пергамского царства «Город Солнца» – государство всеобщего равенства и справедливости под покровительством самого божественного Солнца, не отступили ни на шаг от межвекового архетипа. Их праведная ненависть к угнетателям также опиралась на святую веру в помощь небес при свержении безбожной власти и при создании нового мира на вечные времена. И так же трагична была их судьба.

На таких же условиях получили «мандат неба» китайские крестьяне – «красные повязки», поднявшиеся на священную войну против монгольской династии Юань и служащей ей предательской знати. Такие же «заповеди» рассылали через своих «ангелов» хуррамитские пророки в «краснознаменные» отряды иранского простонародья, восставшего против ига Аббасидов.

Даже в «манифестах» безграмотного Емельяна Пугачева легко обнаружить Божьей милостью «Всепресветлейшего державнейшего великого Государя Императора Петра Федоровича», который призывает верноподданный народ крестьянский «ловить, казнить и вешать» всех противников его власти и разорителей крестьян – «злодеев дворян и градских мздоимцев – судей», «а дома и все имение брать себе в награждение». Сам же жалует своих верных рабов «владением землями, лесными и сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами, бортнями, бобровыми гонами и протчими угодьями без покупки и оброку, также вольностью и свободой и вечно казаками» – то есть подлинным земным раем.

Итак, революционный миф овладевает сознанием доведенных до отчаяния масс, когда из уст лжепророка раздается спасительная весть, что время последнего великого переворота настало, и час пробил. Народ воспламеняется гневом и яр-

стью против своих врагов и кидается в мятежную бурю «священной войны» до полного истребления зла на земле, уповая на чудесную помощь свыше от всемогущего Господа. И в этот первый час переворота чудесным образом возникает светлый образ никому (кроме избранных) не ведомого вождя. Возможны варианты, когда вождь и лжепророк сливаются в одном лице, или когда функции вождя разделяются первоначально между несколькими претендентами.

Но безошибочное чувство народной любви быстро находит одного истинного, кто и поведет «свой народ» верной дорогой в ад. Физиономия этой фигуры выписана строго по законам фашистской иконографии. Его лик, всегда строгий и непроницаемый, с печатью грозной и великой тайны на челе, лишь изредка озаряется ласковой улыбкой, когда он обращен к своему народу. Чаще всего вождь смотрит вдаль, но, если его загадочный взгляд вдруг останавливается на ком-то из окружающих, тот цепенеет и теряет дар речи. Его появление – из ничего: он не из народа, не из знати, не из дельцов, не из вояк, не из духовенства, не из интеллигенции, а так, просто проходимец, газетный писака, бывший «подьячий» или внештатный сотрудник охраны – он затребован революционным мифом, и вожак толпы внезапно преображается в исполинскую фигуру вождя всего народа какой-то чудесной, божественной силой.

Революционный миф, в чистом виде являющийся идеологией восставших масс, превращается в фашистскую религию, когда на гребень революционной волны выносятся фашистская бестия. Эта религия отличается от всех других тем, что в ней, в варианте для общенародного пользования, существуют только два субъекта: народ и Вождь. И никого между ними, никакого духовенства, никакой иерархии. Сам вождь ничего не говорит о своем божественном статусе, но соратники и народ сами чувствуют это, и даже имя его произносят не без трепета. Из его уст они узнают, что избраны для того, чтобы уничтожить царящее в мире зло и создать новый мир и нового

человека, потому что они – лучшая часть человечества. «Российский пролетариат – есть, в конечном счете, самое лучшее, самое передовое, что создало человечество в своем историческом развитии».

Массы отличающихся особым тщеславием народов, испытав крайнее унижение своей самости в результате поражения в войне, сверх всякой меры чувствительны к самой грубой лести, возносящей их над ситуацией, в которой они оказались. Фашистский вождь потому и становится таковым, что находит своим нижним чутьем эти самые нужные слова лжи и говорит их с пафосом пророка. Сказать несчастным и озлобленным людям, чувствующим себя преданными и брошенными, что они лучшие из лучших, а подлецы, предавшие их и обрекшие на позор поражения и нищету – их извечные враги и негодяи, губящие и народ и отечество, значит сразу привлечь к себе глаза и уши многотысячных масс. А развязать их жаждущую отмщения волю призывом: «Грабь награбленное!» – это уже не только обретение у них огромной популярности и авторитета (преступная воля всегда до крови из зубов нуждается во лжи, которая её нравственно оправдает), но и тотальное разрушение армии и кое-как еще держащегося правопорядка в стране. Это создание блестящей возможности для захвата власти в стране, оставшейся без средств защиты перед фашистскими штурмовыми отрядами и полками солдат-грабителей, нуждающихся теперь в том, чтоб новая власть узаконила их грабежи и расправы. Вождь, отпустивший им грехи и благословивший их на священную войну за полное освобождение отечества, становится для них уже высшим существом, облеченным харизмой Спасителя. Самые беспощадные к врагам и преданные Вождю вольются впоследствии в новый орден псов-рыцарей («подотдел очистки»), призванных защищать священную особу Вождя, очищать народ от зараженных враждебной идеологией и мешающих формированию Нового Человека, а также защищать строящийся Новый Мир от диверсий из внешней тьмы.

Именно в создании Нового Человека и Нового Мира и заключается суть всякой фашистской религии. В Священной

Войне должен быть до основания разрушен и уничтожен старый мир, а в процессе Священной Очистки – выявлены и ликвидированы все его вредные элементы. В то же время на трудовом фронте построения Нового Мира должен сформироваться Новый Человек, совершенно непохожий на нынешних жалких человечешек. Человек прежде всего чисто пролетарского происхождения, свободный от примесей социально чуждой отравленной крови. Или (в другом варианте) чисто арийского происхождения, свободный от примеси расово чуждой ядовитой крови.

Он будет прекрасен и могуч физически, бесстрашен и безгранично предан Вождю, в любой момент готовый отдать свою жизнь за дело фашизма. Великолепный спортсмен, боец и работник он будет абсолютно чист от каких-либо родимых пятен церковной или либеральной идеологий и от нравственных ценностей. Он будет свободен от всех человеческих слабостей, исполнен несокрушимой воли и веры в идеалы фашизма. А руководить всеми этими великими свершениями будет Сам Вождь, Гений, какого не знала история, которому ведомы все тайны человеческой души и Природы, который способен постоянно думать обо всех и обо всем, Первый подлинный Сверхчеловек на планете. Новый Мир будет вырастать на удобренной жертвами перестройки земле старого как абсолютно целостная структура, земной рай, долженствующий стать колыбелью сверхчеловечества. Но на некотором историческом отрезке, до полного завершения перестройки будет сохраняться и альтернативное социальное учреждение – преисподняя, в которой будет происходить утилизация выявленных вредных элементов. Причем этот фашистский ад будет выполнять сразу две функции: конструктивную – необходимые для нулевого цикла рая подземные работы, и охранительную – необходимую для поддержания райского правопорядка атмосферу страха.

Вот таковы в общих чертах основы фашистской религиозной идеологии и модель светлого фашистского будущего. В деталях, разумеется, каждая фашистская формация обладает

своими особенностями, своим национальным колоритом. Русским фашистам полюбилась пятиконечная масонская звезда, красный цвет, вера в мистическую силу добровольно-принудительного коллективного труда и представление о жизни в бараках в равной нищете как о наиболее справедливой форме общежития, корнящейся где-то еще в неолитическом опыте социализма. «Чтоб Труд Владыкой Мира стал и всех в одну семью спаял, в бой молодая гвардия рабочих и крестьян!»

Германские последователи предпочли свастику с её мистической энергией, коричневые и черные тона, веру в воинское братство, скрепленное мистической силою крови, и представление о жизни как о карательном походе по присоединяемым к рейху странам – идеальный для каждого подлинного арийца путь. «Мы идем, отбивая шаг, пыль Европы у нас под ногами. Ветер битвы свистит в ушах. Кровь и ненависть, кровь и пламя!»

Китайцам решительную помощь в переходе от социал-демократической революции Сун-Ятсена к фашистской Мао-Цзэдуна оказала Россия и это сказалось на выборе цвета и звезд. Но склонность к фанатическому коллективизму у них была своя, исконная, а исторический идеал «Небесного Спокойствия» снизил фашистскую страсть к военной агрессии, склонив удовлетвориться одним Тибетом. Однако не помешал им ради этого «спокойствия» вырезать двадцать миллионов соотечественников, как во время восстания тайпинов в XIX веке или в процессе «культурной революции».

Арабскому фашизму помогли встать на ноги тоже советские друзья, но при значительном участии германских. Еще кайзер Вильгельм, сгорая желанием объегорить и российского дядюшку, и британскую бабушку, заключил братский союз с турецким султаном, посулив ему сказочные барыши от постройки железной дороги Берлин – Багдад (с последующим продлением на восток до Тегерана и на юг до Каира) и отправив в Стамбул генерала фон Сандерса с большой группой офицеров для реорганизации турецкой армии. Кайзер и сам съездил в Иерусалим, где произнес фразу для истории: «Пусть

султан и триста миллионов магометан, разбросанных по земле, будут уверены, что германский император во все времена останется их другом». Так был набросан вчерне «казус белли» для Первой Мировой Войны и триста миллионов мусульман приглашены принять участие в ней под знаменами германского рейха. Приглашение было вновь повторено уже фюрером воскрешенного Рейха. Хаджи Амин аль Хусейни, Великий муфтий Иерусалима с 1921 года и патологический антисемит со дня рождения, сумевший вдохнуть свою ненависть в души арабских националистов, стал личным другом Гитлера. После краха рейха сотни офицеров СС бежали на Ближний Восток и, натурализовавшись в Египте, Сирии и Ираке, активно помогали своими знаниями и опытом закладывать в этих фашизоидных государственных образованиях фундаменты будущего фашистского строя. Герой египетского народа и всего арабского мира, трижды терпевший поражение в войнах с Израилем, Гамаль Абдель Насер, невзирая на громадную бесценную помощь, оказываемую ему советским правительством, не мог поступиться своим чувством преданности памяти фюрера, из рук которого получил рыцарский крест, и снять по настоятельной просьбе советского посла его портрет, висевший у него в кабинете. А помощь, которую советский фашизм оказывал развитию духовно родственным группировкам в мире (под названием национально-освободительных движений) была действительно беспрецедентна. С точки зрения Сталина, положившего начало этому с помощи китайской Красной Армии, загнанной правительственными войсками в пустыни Синьцзяна, и всеми продолжателями его борьбы за мир, это было действительным продолжением дела мировой революции.

Фашизм неколебимо верит в террор. Пока нет возможности захватить власть в стране и произвести чистку средствами государственного террора, целесообразен малый террор, который при условии его непрерывности подрывает силы противника и, создавая в обществе атмосферу страха, заставляет людей сомневаться в силе своей власти, увеличивая в их гла-

зах силу тех, кто управляет террором. Поэтому, постоянно помогая «прогрессивным силам» оружием и «советниками», фашистское руководство постоянно осуществляло обучение руководителей национального террора в спецшколах в Москве и исполнителей террористических заданий в многочисленных тренировочных лагерях в Союзе и у союзников. В результате возникло несколько арабских государств с почти сложившимся фашистским режимом, из которых кремлевские зодчие попытались построить единое фашистское образование под названием Объединенная Арабская Республика. Но недостаточность единства в идеологии, отсутствие единой веры и единого фюрера обрекли на неудачу этот грандиозный проект.

Характерной особенностью народов семитской расы является то, что независимо от фаз этнического развития с наибольшей силой социальный инстинкт, побуждающий их к объединению, действует на уровне родоплеменной общины. Все остальные формы объединения от союза племен до эмирата и до любых других государственных образований оказываются менее стойкими и долговечными, если только не скрепляются единой верой, как при первых «праведных» халифах или подавляющим всякий сепаратизм вооруженным насилием, как при свирепых султанах и диктаторах нашей эпохи. Нынешнее состояние ислама, разделившегося на сотни различных религиозных общин, очень слабо скрепленных своим формальным отношением к суннитской или шиитской ветви, делает крайне маловероятной возможность большого и прочного союза нескольких мусульманских государств, способного выставить крупную хорошо вооруженную армию против западной цивилизации. Зато размножение и распространение банд террористов, объединенных одной лишь ненавистью к ней – увы, очевидный факт, для успешной борьбы с которым также требуется прочное единство западных государств, также пока маловероятное. Для того чтобы превратиться в прочное фашистское бандформирование им не хватает единой веры и фюрера. Те обрывки сур Корана, из которых они сляпали свою бесовскую «доктрину» джихада не могут стать объединяющей арабов верой, поскольку откровенно

извращают Коран и нет праведного факиха или имама, который взялся бы убедить мусульман, что она не противоречит воле Аллаха. Не мог стать фюрером и прячущийся где-то в пещерах Бин Ладен, поскольку фюрер, подобно пророку, должен явить себя всему народу и вдохновить его словами, которые люди жаждут услышать. Он должен обладать обостренным чутьем к тем порокам народа, которые свойственны и ему самому, и незаурядными актерскими данными, чтобы облечь эти пороки в ризы святости и провозгласить их дарами свыше. Он должен вдохновенно убеждать народ в его великом призывании к искоренению мирового зла, и народ проникается верой к нему, потому что он заставил его поверить в то, во что народу хотелось бы верить, но мешали совесть и разум. И потому он, как по мановению волшебного жезла, вдруг превращается в его божественного вождя. И только тогда столь же чудодейственно революционный миф превращается в фашистскую религию, под хоругвями которой миллионы оболваненных своею злобой, амбицией и ложью спадшего, как молния с неба, вождя готовы идти на поля священной войны и на трудовые подвиги ради победы, готовы растаптывать в кровавое месиво всех, кто усомнится в фашистской правде, всех, на кого укажет фюрер.

Таким образом, неперенные слагаемые фашизма это:

– ВРЕМЯ, главной характеристикой которой является господствующие материалистические воззрения, чуть прикрытые фиговыми листиками религиозности, и неприкрытые демонстрации атеизма.

– НАРОД, предрасположенный к фашизации своими пороками, историей и критическими обстоятельствами.

– РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МИФ, из которого рождается фашистская религия, исповедующая веру в Вождя, в Священную Войну с Мировым Злом и в Создание Нового Человека и Нового Мира.

– ВОЖДЬ – Отец фашистского народа, его единый владыка, учитель и выразитель его злой воли.

– ПАРТИЯ – духовный орган фашизма, аппарат лжи для расчеловечивания и оболванивания масс, и для постоянного служения культу вождя.

– ОРДЕН ОПРИЧНИКОВ – тайная карательная служба тотальной слежки и насилия, главная исполнительная власть вождя.

– ПРЕИСПОДНЯЯ – зона прямого действия ордена, фундаментальная основа страха, на котором зиждется фашистское государство.

Из этих семи слагаемых образуется имя фашизма. На этих семи устоях стоит фашизм, их наличие – неоспоримое свидетельство его существования. Недостаток любого одного из них делает его невозможным.

Недолгий фашистский век

Весьма существенной закономерностью можно считать (вопреки многочисленным крайне пессимистическим на этот счет предсказаниям множества всевозможных политологов и футурологов) факт краткости существования фашизма, по достижении им полной зрелости.

Большевики оказались наибольшими долгожителями – тридцать пять лет, от захвата власти до похорон бога.

Германские партайгеноссен протянули всего двенадцать лет, от интронизации до самоубийства великого фюрера.

Китайский обладатель «небесного мандата» Мао продержался двадцать шесть лет.

Саддам Хусейн повторил этот результат, повторив затем и финал Муссолини.

Аятолла Хомейни в один год с Хусейном положил краеугольный камень фашистского режима в Иране.

В Иране был воссоздан опыт превращения ислама в чисто карательную форму религии, опираясь при этом на богатую традицию крайнего шиизма, который в течении множества веков сохраняет свою исмаилитскую враждебность к чисто светской власти, к богатству и культу наслаждений, свойственных

суннитской знати, и свою приверженность к фидаинским методам террора против своих врагов, принятым теперь на вооружение арабами-шахидами. Но что особенно примечательно, это сохранение именно шиитами основ идеологии персидских маздакитов, выступивших под знаменем восстановления «богоданного» всеобщего равенства и истребления знати за сто лет до начала проповеди Мухаммеда. Именно в этом этническом районе стихийные возмущения, доведенных до отчаяния нищетой и угнетением народных масс, с наибольшей частотой, последовательностью и страстностью воспламенялись главным лозунгом революционного мифа – истребить сатанинскую власть знати и богачей ради божьей справедливости на земле.

Однако никогда, как бы яростна ни была ненависть восставших и ни опустошительны последствия, власть, захваченная ими, не могла продержаться более двух-трех десятков лет. Исключениями были лишь карматы, создавшие в Бахрейне республику всеобщего равенства (правда, с использованием рабского труда негров, покупаемых в Йемене) и небывалой религиозной терпимости, которая просуществовала, постепенно превращаясь в феодальный эмират около ста пятидесяти лет, и низариты, владевшие дюжиной крепостей с конца XI до середины XIII века, когда были разгромлены монголами, но бывшие недоступными ни для аббасидских халифов, ни для сельджукских султанов, ни для крестоносцев, наводя на всех их ужас своим постоянным террором. Так или иначе, но период в двадцать-тридцать лет на всем протяжении истории остается средней продолжительностью всякой попытки совершить мировой переворот и, уничтожив физически существующее в мире неравенство, установить посредством революционного насилия равенство и справедливость. Причем во всех случаях без исключения причиной этого, еще до того как революция будет подавлена силами мира сего, внутри самих повстанческих сил успевают возникнуть разногласия и начаться разделение на радикалов, отчаянно верящих в первоначально провозглашенные цели, и начавших сомневаться в их реальности по мере того как таяла надежда на помощь с неба, и потому

готовых искать путь к компромиссу. Попытка захвата власти над миром – триумфальный прыжок в бездну, поглощающую земного бога фашистской державы и ее собственную самую зрелую и могущественную форму. Что не исключает, однако, продолжения ее существования в постепенно дегенерирующей форме или эмиграции ее наиболее ценных кадров в дружественные страны с фашизоидными режимами.

Наглядней всего общие черты этих процессов и их неизбежную краткость можно наблюдать в истории Китая, не знавшего с IV века до н.э. до середины нынешнего тотальных перемен в религиозных верованиях. Официальной государственной религией, лишь изредка подвергавшейся преследованиям со стороны властей, уже более двух тысяч лет является конфуцианство. Но, по сути, это не столько религия, сколько философски систематизированный нравственный кодекс, лишь слегка задрапированный в религиозные облачения. На нем основываются все правила поведения для всех сословий и на все случаи жизни. Собственно же религия в Китае одна, даосизм. Это лишенное какой-либо структурной целостности напластование древнейших народных верований, сложившееся на коренном пласте веры в родовых предков. Оно включает веру в высшее божество – Небо и божество Земли, веру в неисчислимое множество разного рода духов и демонов, веру в шаманскую методику связи с ними, веру в гаданья, предсказания и магию, веру в возможность достижения бессмертия, и в центре всего этого веру в Священное Писание – «Дао дэ Цзин», данное мудрецом Лао Цзы, ставшим в конце концов богом, Гением Лао. Из множества различных и часто противоречивых представлений о начале всех начал и о самой главной силе во вселенной было извлечено понятие Дао – совершенно единой и простой изначальной сущности, в своем непроявленном состоянии скрывающей в себе, в абсолютном покое все, что предопределено им к бытию, а в проявленном – порождающее Небо, Землю, Человека и десять тысяч вещей, то есть Вселенную и все, что наполняет ее.

В 81 главе описано Дао, как следовать ему, чтобы стать совершенным и достигнуть бессмертия, а также, что происходит с отвергающими учение.

Через двести лет после ухода Лао-Цзы в Ханьской империи появился «Канон Великого Благоденствия» – сочиненные в даосской среде рекомендации императору, как ему править страной, чтобы получить продление небесного мандата на власть в Поднебесной. На основании практических извлечений из «Дао дэ цзинь» императору объяснялось, что главным условием для восстановления благоденствия (оно же равновесие и равенство) в пошатнувшемся государстве ему необходимо прежде всего восстановить равенство в обществе, принизив знатных и богатых и разогнув спины простых людей, придавленных непомерными налогами и поборами бесчисленных чиновников. Надо обратить весь народ к жизни посредством недеяния. «Народ, не получив ни от кого приказа, сам меж собою уравнивается». Но императоры не обнаруживали желания следовать путем Дао, и империя все более клонилась к упадку. В середине II века нашей эры один из даосов, Чжан Лин получил новое откровение от Лао-Цзы о том, как устроить все-таки Великое Благоденствие на земле. Став, благодаря этому Чжан Даолином и «Небесным наставником», он основал школу «Пути Небесных наставников», без которых никакого Тайпина (Великого Благоденствия) установить невозможно. Даосские общины были объединены в жестко централизованную организацию, руководимую с Неба Тремя Наставниками (сам Чжан Даолин, его сын и внук). Цель организации была святая – достижение посредством жизни, строго подчиненной множеству заповедей, общего спасения и обретения бессмертия, как это было некогда в далекой древности с праведными предками, следовавшими неуклонно путем Дао. Так, собственно говоря, возникла даосская церковь.

Однако сразу по возникновении какой-либо церкви возникают и ереси. Учение о Великом Благоденствии как о Великом Равенстве (слово «пин» означает и то, и другое) распространившись по всему крестьянскому Китаю, естественно поро-

дило много различных интерпретаций. И акцент при этом делался, естественно, не на бессмертии, а на земном содержании утопии. Социальное равенство при поддержке свыше крестьяне надеялись получить здесь и сейчас, для чего, призвав на помощь Небесных наставников, поднимали восстание против своих угнетателей. Самым крупным из них, приведшим в конечном счете к крушению империи Хань было восстание «Желтых повязок», начавшееся в 184 году н. э. под водительством Чжан Цзюэ, главы секты «Тайпин Дао» (Великого Равенства Дао»). Руководствуясь даосской точкой зрения на роль мудреца, который в добрые времена является советником императора, а в годину бедствия берет власть в свои руки, становясь харизматическим царем, Чжан Цзюэ нарек себя «великим мудрецом и добрым наставником» как это подобает в такой ситуации, и провозгласил начало эры «Хуантянь тайпин» – Желтого Неба Великого Равенства, а также династии Тайпин под покровительством Желтой стихии – Земли и Желтого Владыки – Хуан Ди, родоначальника китайцев и первого императора. В 185 году обожествленному Лао-Цзы, ставшим высшим даосским богом, воплощением самого Дао, был построен храм. В «Книге о превращениях Лао Цзы», появившейся в этом же году, повествуется о многочисленных приходах его в мир в облике советника мудрых и добрых императоров, начиная с Хуан Ди. В конце книги Лао, как всамделишный всемогущий бог, обещает: «люди ныне в унынии, а эпидемии и голод повсеместны, я потрясу правление дома Хань, дабы изменить вашу судьбу». Императорская армия, насчитывающая 400 тысяч человек, действительно потерпела поражение в боях с повстанцами и рассеялась. Тогда, махнув рукой на бессильного императора, крупнейшие феодалы – «Сильные дома» выступили на подавление восстания со своими войсками. В течение года силы Чжан Цзюэ были разгромлены, сам он умер в осаде, а братья его были убиты. Но «желтыми повязками» покрывался весь Китай. Война длилась 20 лет, прежде чем силы повстанцев иссякли, а их победители, убив

императора, вступили в войну друг с другом, развалив в результате империю на куски. Однако идеи и практика «Тайпин Дао»: конечное спасение и торжество верных даосов под знаменем небесного Спасителя, равенство и братство с беззаветной преданностью вождю, облеченного властью по воле божественного Лао, «Великого мудреца поработенных», постоянные занятия магией и боевыми искусствами – передавались век за веком даосским сектам и тайным обществам практически до наших дней.

В начале пятого века под влиянием проникшего через Среднюю Азию в Китай северного буддизма – «Махаяны» в даосизме возникла несколько групп сект, объединенных общим названием «Учение Белого Лотоса». Оно объединило даосское божество Ушен Лаому – Нерожденную Праматерь, образовавшуюся из первоначальной пневмы – Ци и породившую всю вселенную, с грядущим в конце времен буддой Майтрейей, который так же, как и она, открывает для праведных душ рай. Там, в представлениях Махаяны, из озера белых лотосов они возрождаются к блаженной жизни, что никак не умаляет понятия нирваны. Хозяином этого озера является также и будда Амитабахи, что опять-таки никак не умаляет компетенции будды Майтрейи. Все трое в различных сектах «Белого Лотоса» придают сотерологический характер учению, гарантируя его адептам спасение в конце времен, когда все иные обитатели вселенной будут сметены ураганом в бездну. Такие представления всегда увлекают в первую очередь массы обездоленных, которые в Китайской империи во все времена составляли громадное большинство. И это обеспечило главным догмам Учения широкую популярность до окончания времен. Большая часть всех последующих народных восстаний непременно насчитывало в своих рядах адептов спасителя Миле (Майтрейи по-китайски).

В крупнейшем восстании XIV века, приведшем к изгнанию монголов и установлению династии Мин важнейшую роль сыграло тайное общество «Белого Лотоса». Его член Хань Шунтун со своим сыном поднял в 1351 году восстание «красных

повязок» и возглавил «красную армию», к которой стали быстро присоединяться другие отряды повстанцев. Вскоре возникла еще одна армия, возглавленная тоже членом «Белого Лотоса», бывшим служкой буддийского храма Чжу Юаньчжаном. Он в 1356 году захватил ключевой центр страны, город Цзиньлин (нынешний Нанкин), а в 1368-м, расправившись с конкурентами, стал первым императором новой династии.

В XVII веке, когда безмерные траты императорского двора, колоссальное строительство и совершенная разнузданность хищников-феодалов, усугубленные многолетними стихийными бедствиями, обрекли десятки тысяч крестьян на голодную смерть, произошел, вероятно, самый крупный взрыв народного негодования за всю предыдущую историю страны. Началась настоящая крестьянская война, продолжавшаяся более полувека, в которой приняли ревностное участие и секты «Белого Лотоса». Через десять лет после начала военных действий между отрядами повстанцев в разных провинциях и императорскими войсками, в 1635 году в провинции Хэнани, в центре страны встретились тринадцать предводителей самых крупных повстанческих объединений и договорились о главной цели – свержении династии Мин, о координации действий, об организации войск, о политике распределения между голодающим населением всех запасов феодальных имений и правительственных складов, и принесли в жертву Небу и Ушен Лаоме быков и лошадей. Весной 1644 года армия самого талантливого крестьянского полководца Ли Цзычэна вошла в Пекин. Последний миньский император накануне совершил самоубийство. Династия прекратила свое существование, и первая цель восстания была достигнута. Однако создать в Китае царство братского равенства и справедливости не удалось.

Беда пришла с северо-востока. Там в треугольнике между отрогами Большого и Малого Хингана, на зеленой равнине Суннунь каких-то полвека назад возникло ханство, объединившее племена кочевников-скотоводов, ставших называть

себя маньчжурами. При первом своем хане они платили Китаю дань скотом. Но, быстро набрав силы, при втором они завоевали разделившуюся на полсотни улусов Монголию и провозгласили свое ханство Светлой (Цин) империей, после чего захватили у Китая весь Ляоян и присоединили к своей империи Корею. К этим новым грозным соседям обратились за помощью после падения своей империи китайские военачальники, и помощь была оказана. Через год Ли-Цзычжэн пал в битве с манчжурами, и, хотя сопротивление крестьянских армий продолжалось еще сорок лет, Китай уже стал страной, захваченной империей Цин.

Несмотря на крайнюю жестокость власти оккупантов и пошедшей к ней в услужение знати и чиновничества, ненависть к варварам-захватчикам и предателям, служащим им, в течение двух столетий до свержения их в начале XX века, непрерывно питала беспощадную тайную войну народа под лозунгом: «Свергнем Цин и восстановим Мин!» Множество тайных религиозных обществ, группировавшихся прежде всего вокруг старого вождя – «Белого Лотоса», организовавшего народ на свержение монгольской власти, и на свержение «утратившей мандат Неба» династии Мин, держали в постоянном страхе и маньчжурских солдат и китайских коллаборантов своими внезапными террористическими нападениями по всем центральным, юго-западным и северо-восточным провинциям. В 70-х годах, когда стали слабеть силы крестьянских отрядов, а маньчжуры перешли уже рубеж Янцзы и вторглись в южные провинции, в одном горном буддийском монастыре было основано новое общество для непримиримой и беспощадной борьбы с Цинями. Оно назвало себя «Саньхехой» («Обществом Триад»). Превратив монастырь, стоявший на крутом склоне одной из вершин хребта Цзюлиньшань в крепость, они начали систематический террор против органов власти сотрудничавшей с ними знатью и богачей, рассылая небольшие группы своих бойцов по всей округе и за пределы ее. И даже после того, как маньчжуры выследили местонахождение центра этих групп, они долгое время не могли овладеть

им. Лишь спустя столетие, когда император приказал уничтожить монастырь любой ценой, эта твердыня Триад была сокрушена. Триады распространились по всем портовым городам, где находить укрытия и перемещаться вдоль всего побережья, оставаясь неуловимыми для маньчжурских карательных отрядов было наиболее удобно. Молниеносные налеты неразличимых в толпе тайных убийц, немедленно растворяющихся среди населения, приобрели постоянный характер на протяжении всей эпохи империи Цин. В середине XVIII века возникло еще одно крупное религиозное террористическое общество «Гэлаохой» (Старших братьев), распространившее свои группы по всему центру страны. К XIX веку Китай был охвачен такой сетью тайных религиозных обществ, осуществляющих практику политического террора, какой никогда не знала ни одна другая страна в мире. Их всех объединяла вера в буддийско-даосские интерпретации революционного мифа с верховным догматом «Великого Равенства» и в главное средство борьбы с преступной властью – беспощадный террор. Так, во время великого восстания тайпинов, в 1850-1864 гг., в центре страны было создано на территории шести провинций крупное государство «Тайпин Тяньго» (Небесное государство Великого Равенства) со столицей в Нанкине.

Равенство, руководимое военной администрацией, действительно было достигнуто, и, благодаря разумной экономической политике, население Тяньго было вскоре обеспечено продовольствием и одеждой. Женщинам были предоставлены равные права с мужчинами. Была запрещена проституция и торговля опиумом. Был намечен план широких реформ в промышленности, строительстве железных дорог, в организации финансов и развитии образования. Но на это не хватило времени. При всем при том за шестнадцать лет непрерывных войн были разрушены все, кроме трех, провинции Китая и погибло двадцать миллионов человек. Помощь с неба опять-таки не пришла, и Небесное Государство, хотя и с большим трудом, было уничтожено правительственными войсками при

эффективной поддержке французских, английских и американских кораблей. Покинувшие Нанкин войска тайпинов еще четыре года сражались с цинскими армиями и их западными соратниками в этой войне, но конечное поражение было предопределено. Уцелевшие тайпины опять рассеялись по сектам, и дело истребления врагов вернулось в русло тайной войны. Бойцы «Триад», лишившись своих баз в портах, занятых гарнизонами европейцев, подались на юг и в странах Юго-Восточной Азии создали новую сеть своих лож, привлекая в секты туземцев.

На первый взгляд может показаться, что происшедшая под духовным водительством Сунь Ятсена революция Гоминдана, свергшая истлевшую маньчжурскую монархию, имела чисто светский, демократический характер. На самом деле над шумными маршами революционных масс, поднявшихся на нее, прислушавшись, нетрудно было различить шелест крыльев «Тайпин Дао». Он различим даже в рёве маоцзедуновских хунвэйбинов, как различим запах конфуцианских воскурений в обрядовой магии Мао. Фашизм не может отрешиться от магической поддержки мифа. Но трезвый прагматизм Дэн Сяопина представляет для него смертельную опасность.

Обаяние «Прямого действия»

К западу от меридианов Инда и Урала для «Великого Спокойствия Дао» земли нет. Здесь в душах волнующихся масс реет призрак «Великого Равенства» с жезлом «Прямого действия» в деснице. Нарастание и распространение террористических методов борьбы против деспотизма власти стало очевидным в Европе на заре «Нового времени». Поразившая воображение чудовищная вспышка якобинского террора во Франции стала кровавым прологом эпохи социальных революций.

Название «Новое время» бессодержательно, поскольку никак не определяет эту новую страницу человеческой истории.

А бросающимся в глаза ее содержанием явились именно революции, ломающие самодержавные монархии и заменяющие их конституционными формами власти. Гёзы, восставшие в Нидерландах, первыми протрубили ее рассвет. Последовавшая английская революция получила свое продолжение в следующем веке в Америке, и тут же произошел взрыв во Франции, поразившей народы чудовищной вспышкой якобинского террора. После этого революционные вспышки в Европе стали почти регулярными. Упорное и жестокое сопротивление Священного Союза, созданного по инициативе самого дремучего российского самодержавия, вызвало на свет идею террора в Европе. В Италии, возвращенной этим союзом под деспотическую власть Австрии (хотя она и перестала по воле Наполеона быть Священной Империей и светским плечом Ватикана), одна за другой появлялись венты карбонариев, убивавших австрийских наместников и жандармов и мечтающих об освобождении Родины. Несмотря на жесточайший террор, установленный Меттернихом в оккупированной стране, движение карбонариев продолжало борьбу до дня освобождения, наступившего вслед за разгромом австрийцев при Сольферино армией Наполеона III. В России в среде гвардейских офицеров возникла идея ликвидировать царскую семью и установить в стране республику, не реализованная из-за явного отсутствия в России тех лет почвы для республиканских учреждений и из-за скверной организации дела. Но знаменательно, что тайно подготовленные убийства, бывшие обычно призыванием фанатичных одиночек или просто преступников, становятся в эпоху революций призыванием людей, воодушевленных благородными целями, целями освобождения своей страны от оккупантов или народа от бесчеловечного угнетения.

Здесь дело явно в изменившихся в обществе представлениях. Пока власть находилась под защитой церковного благословения, а церковь – под благословением Божиим и народ в принципе верил в это, никакой массовый террор был невозможен. Но эпоха революций была таковой именно потому, что

она наступила вслед за утратой народами веры в действительность Божьего благословения церкви. Все распространенней становилось убеждение в сговоре церкви и монархий для сохранения их власти над людьми, и в тяжких прегрешениях церкви перед Богом. И, самое главное, менялось само представление о Боге, который никак не обнаруживает своего отношения к преступлениям, творящимся на земле и прежде всего по воле земных властей и верной им церкви.

После того, как несколько спал буйный хмель Возрождения, вознесший греховное человеческое существо из «этой долины слез» на пьедестал «второго Бога» и «второго Творца», призванного магией искусства спасти мир, после головокружительных утопий от Альберти и Рабле до Мора, Бэкона и Кампанеллы, после псевдохристианской магии Фичино и египетской Джордано Бруно, новорожденная европейская интеллигенция немного поостыла и сочла вполне приемлемым декартовского Бога начала координат, Спинозианского Бога Природы и Бога небесной механики Ньютона. Это был спокойный и удобный для буруеваемого жаждой деятельности человечества Бог. Сотворив в незапамятные времена Вселенную и дав ей «первый толчок», он почил в блаженном отдохновении навсегда, предоставив обитателям земли самим решать возникающие перед ними проблемы, снабдив их для этого разумом и свободой. Не имея ни лица, ни имени, ни гнева, ни пристрастия, ни вообще каких-либо мыслей и чувств, он предоставил людям полную свободу считать, что то ли он есть, то ли его нет, не подавая никаких ощутимых признаков своего существования. В силу таких представлений и обстоятельств люди, наделенные благочестием и уважением к традициям, сочли за благо считать, что он как бы есть, а свободные от «предрассудков» – что его как бы нет. Особой нужды в его существовании не ощущали ни те, ни другие. Зато все они прониклись возвышенной верой в человеческий разум и соответственно в то, что человек – кузнец собственного счастья, включая в это безразмерное понятие и этику, и самосовершенствование, а также построение светлого будущего и

Храма всеобщего мира и согласия. На этот счет точка зрения не имела существенных различий. Разногласия возникли по вопросу о путях достижения этого счастья. И на этой почве быстро выросли непримиримые противоречия, давшие вполне достаточные поводы для продолжения революций и войн.

Споры о том, ведет ли путь террора к желанным светлым целям, затевались довольно часто, велись бурно и безрезультатно. Достичь однозначного решения этого вопроса, так же, как и вообще вопроса об отношениях между целью и средством, мешал плюралистический подход к делу, санкционированный заповедями «разумной этики». В немалой степени дополнительные сложности возникли и в связи с происшедшими изменениями в представлениях о «Старом месье», избравшем для себя новый образ вместо утратившего популярность начальника зла во всей Вселенной. Инквизиция прекратила расследование его козней, потому что вынуждена была прекратить свое существование. Но исчезнув из поля зрения сыщиков, он неожиданно возник в произведениях художественной литературы. Тут он сначала честно играл свою привычную людям роль – завлекал и губил души гордецов, сластолюбцев и всяких склонных немножко погрешить недотеп. Но вскоре в его образе наметились некоторые, как это не парадоксально звучит, положительные сдвиги. Он начал откровенно тяготиться своим призванием постоянно творить только зло. Оно «наскучило ему». У него появились прямо-таки кошунственные при его статусе поползновения к любви и вместо обычного низкого злорадства в его чертах стала заметна романтическая грусть. Теперь это был уже не ужасный дух тьмы, а «печальный демон», ставший похожим «на вечер ясный. Ни день, ни ночь – ни тьма, ни свет». Такие изменения, естественно, изменили и отношение к нему. Он стал интересен, его загадочная двойственность стала привлекать к нему внимание читающей публики. Чудесный скипетр диалектики заблистал в его деснице, и в конце концов наиболее образованная часть общества пришла к заключению, что он – явление «вечной силы, всегда желавшей зла, творившей лишь

добро». И в России, когда она твердо вступила на стезю крайнего отрицания, ради великого утверждения, он творил немало зла исключительно ради добра, и даже, по свидетельству симпатизировавшего ему большого мастера литературы, исполнял поручения Господа по дарованию вечного покоя отдельным избранным. Во всяком случае увлечение диалектическим методом познания вызвало на свет новые силы для увеличения запутанности понятий добра и зла.

Учение о единстве и борьбе противоположностей, именуемое вкратце диалектикой (бывшей для древних греков умением выяснять истину в процессе диалога в форме вопросов и ответов) оказалось для людей, у которых в качестве твердых критериев осталась только безграничная вера в возможности человеческого разума, в прогресс и в голую силу, оно стало сильнейшим средством для смешения всех понятий и представлений. Сколько-нибудь строгие различия (с чего, собственно, начиналась диалектика) и четкие дефиниции канули в прошлое или приютились в области точных наук. В области же морали все пошло вразнос, чтобы в конце концов утонуть в омуте оккультных «наук», в дзен-буддизме и в психоанализе. Самое скверное в этом смешении было то, что, если на Востоке полярность понятий типа «янь – инь», возникнув в седой древности, сохраняет и поныне все ту же четкость различий, на рационалистическом Западе смешение достигло уровня разнузданного гнозиса рубежа эр, и границы между понятиями расплзлись, превратившись в туманности. Всевозможные употребления понятия «свобода» предоставляли неограниченные возможности для придания благородства террору, коль скоро он выступал как средство борьбы за свободу поработленного народа или сословия. А именно под такими знаменами он только и выступал в век итальянских карбонариев, ирландских фениев, русских народовольцев и китайских тайпинов. В век бурно распространяющегося в Европе либерализма и его мятежного отпрыска – социализма и столь же быстрой секуляризации религиозных ценностей, вы-

раженные одними и теми же словами, но разные по происхождению понятия оказываются способными меняться местами. Понятие освобождения от угнетения, вполне земное «здесь и сейчас» смешивается с понятием божественной свободы, которая приходит в душу человека с познанием Истины, а дальше – все по логике революционного мифа. Что ж удивительного, что террористы почитаются многими как герои, а окончив свои дни на плахе, как святые мученики?

Трудно поверить невзначай, как много значит для нас смысл основных понятий нашего языка. Стоит лишь измениться какому-либо из них, как в нашей жизни наступают перемены, куда более значительные, чем от смены правительств. Когда же меняется самое главное понятие, наступает пора перемен всех основных понятий, критериев и ценностей. Как только рвущийся к неограниченной свободе разум низверг вслед за понятием «Святой церкви» понятие «Живого Бога», поменяв его на масонское понятие о «Высшем Существе», сокрытом где-то в звездных туманностях и не вмещающем детскому лепету человеческих молитв, немедленно все метафизические понятия, жившие на верхнем этаже человеческого сознания, стали перебираться на нижний, каждое в обитель своего естественного двойника. Поскольку связь с небом прекратилась, слово «благодать» стало выражать полное телесное довольство и спокойствие, «любовь» – сексуальное влечение, «вера» – относительное доверие людей друг к другу, а также веру в прогресс, в науку, в хиромантию и в астрологию. Кстати последняя, став устами древней судьбы, полностью восторжествовала над Провидением Божьим, низведенным на уровень загадочной Мировой воли, принявшей на себя ответственность за исход крупнейших сражений, правительственных заговоров и династических браков. Наконец и Иисус Христос, Богочеловек, Спаситель и Учитель рода людского, был низведен на роль одного из бродячих учителей иудейских, отличившихся своею мудростью и высокой нравственностью.

Так проходит слава неба в приземленном сознании людском.

Новые «крестоносцы» и ассасины

Что же касается роста и распространения террора, то, наряду со старой верой в праведность истребления врагов Божьих, несколько ослабевшей в силу метафизической своей природы, революционная эпоха создала новую веру, ставшую ее знамением. Это вера в насилие как ультима рацию – последний довод революционеров. Если «герои 93-го», эти карающие ангелы Комитета общественного спасения во главе с Неподкупным еще ссылались на имя народа, отправляя под нож гильотины без следствия и суда десятки тысяч «подозрительных», то их попутчик, якобинский генерал Бонапарт, став императором, не ссылался ни на что. Ему не нужны были утратившие свою силу священные права. Его правом была сама сила, нагишом, без каких-либо драпировок. Свои взгляды по этому вопросу он изложил городу и миру не в знаменитом кодексе, а в короткой фразе «Большие батальоны всегда правы». Идеологов он на дух не выносил. Круша направо и налево троны европейских монархов, превращая их державы в своих сателлитов в течении полутора десятков лет, он пропитал земли Европы кровью более, чем кто-либо до него. Потом судьба, единственное во что он верил, смахнула и его с арены истории. Но культ силы, который он воздвиг на ней, остался блистать над миром, соблазняя великое множество «глядящих в Наполеоны» бросить свой жребий в пенящиеся кровью волны истории, истории насилия.

С эпохой революций в Европе стали возникать прибежища, где могли укрыться оппозиционеры и мятежники из наиболее деспотических государств. И естественно, что первыми такими прибежищами стали страна первой победившей революции – Нидерланды и родина либерализма Англия. В XIX веке гостеприимство политическим беженцам стали оказывать также Швейцария и, после окончательного свержения Бурбонов, Франция. В Лондоне и Париже образовались землячества итальянцев, ирландцев, поляков, венгров, немцев и русских – яростных противников трех чудовищ Священного Союза –

России, Австрии и Пруссии, землячеств, отнюдь не ограничивающихся помощью вновь прибывающим землякам, но ставших базами для непрерывной революционной агитации в покинутых отечествах, и подготовкой нелегальных поездок туда опытных конспираторов. В этом международном сообществе революционеров были представлены сторонники и умеренных и радикальных форм борьбы, конституционалисты и анархисты, организаторы восстаний и террористы. Последние впервые были признаны как революционеры и даже герои в кругах радикалов. Хотя слово «Бог» выпало из лексикона этих молодцов, свято место не осталось пусто. Понятия Свобода, Отечество и Народ заняли его в революционном мифе, и борьба за них не потеряла нисколько от своего священного статуса. Террор даже еще в большей степени стал делом доблести и героизма, привлекающим на поприще тайных убийств молодых романтиков революции. Пальба по коронованным особам и их министрам и жандармским генералам началась не только в России и Италии, но даже в законопослушной викторианской Англии. Неудивительно, что самый громкий и роковой выстрел произвел 16-летний гимназист, убивший в Сараево эрцгерцога Австрийской империи и его супругу. Этим была поставлена точка под ханжескими надеждами, высказанными в связи с открытием в 1850 году первой Всемирной промышленной выставки в лондонском Гайд-парке, которой надлежало стать подлинным праздником Труда и Прогресса и дать «полное представление о современном развитии человечества и отправную точку для усилий всех наций».

Тремя годами позже три наиболее великих из этих всех сцепились в Крыму за право опеки над слабеющей Турецкой империей. Проиграла отставшая от прогресса Россия, но не до конца. Конец был отложен на следующий век, пока конкуренция не перехлестнула через скромный бордюрчик договоренности о всеобщем мире и согласии, достигнутой на ни к чему не обязывавшей Гаагской конференции. Волна поднялась особенно высоко, благодаря включению в грызню неожиданно и

явно не ко времени воскресшей Германской империи, уже успевшей отгрызть жирные куски от соседей и ощутив прилив хищной энергии, приготовившейся к большой драке, чтобы ни с кем не делясь, заполучить Турцию с Балканами и Ближним Востоком и одним махом изменить расстановку сил на планете. Все получилось, однако, не так, как грезились полусумасшедшему кайзеру и его воинственным подданным. Просчитались и понадеявшийся на его силы султан, и австрийский император. А больше всех – его недалекий родственник и неожиданный противник, русский царь. Судьбы войн решаются не верховными правителями и даже не полководцами, а состоянием воюющих народов как на фронтах, так и в тылах. И если пытаться определить главный земной фактор, влияющий на судьбы народов в каждую отдельную эпоху, то искать его надо там, где сливаются воедино стремления народа, общества и государства. Немецкая армия была превосходно подготовлена к не слишком продолжительной войне, а народ по большей части был одержим верой в безусловное превосходство своей победоносной империи над всеми врагами, то есть был един со своим кайзером. Эта вера и стала причиной его поражения. Опираясь на нее, правительство Вильгельма II вело себя вызывающе, полагая, что страх перед германской мощью оставит Англию одинокой перед ее превосходящими силами. В такой ситуации война представлялась триумфальным блицкригом на Ближнем Востоке и изоляцией противника на его острове. Но вскоре планы пришлось переделывать. Страх перед германскими угрозами не парализовал Францию, а заставил примириться с Англией и заключить «Сердечное согласие». Не успел Генштаб скорректировать план возможной войны на континенте с учетом этого союза, как английский король сумел и Россию втянуть в него. Генштаб счел новую ситуацию стратегически невыгодной для начала войны, но вера «железного» кайзера и народа в победу была несокрушима. В результате трехлетней войны на два фронта силы Германии были истощены, и даже удавшаяся провокация с выводом из войны России не смогла ей помочь, так как через три недели после

отречения русского царя в войну с Германией вступили США. Через год после захвата власти в России большевиками германская империя испустила дух.

Российская империя была подготовлена к войне хуже всех, не считая Турции. Если Англия, Франция и Германия после окончания наполеоновских войн непрерывно обновляли и совершенствовали военную технику своих вооруженных сил, то Россия, в немалой степени благодаря спесивой глупости своего царя, почитала себя могущественнейшей державой мира и с невежественным презрением относилась ко всем выдумкам Запада. Без малейших колебаний вступила она в Крымскую войну, как наследница побед екатерининской эпохи и постыдное поражение на собственной земле стало для нее общенациональной катастрофой. Царь выпил крысиного яду, оставив сыну невыносимое для своего самолюбия дело подписания позорного мира. Но для великорусского духа, которым было пропитано общество и темная масса народа, нежданно грянувший гром потряс весь мир их представлений. Виноватым во всем стал, конечно, один царь. Всего лишь за несколько лет до того к нему, услышав «свыше глас», с пророческим словом обращался Федор Тютчев:

«Четвертый век уж на исходе, – Свершится он – и грянет час!.. И своды древние Софии, В возобновленной Византии Вновь осенят Христов алтарь. Пади пред ним, о царь России... И встань как всеславянский царь!»

Когда же час грянул, но не так, как ожидал поэт, он разразился уничтожающей эпитафией-эпиграммой, хотя и верной по содержанию, но не провокатору-лжепророку ее надо было писать: «Не Богу Ты служил и не России, Служил лишь суете своей, И все дела твои, и добрые и злые, – Все было ложь в тебе, все призраки пустые: Ты был не царь, а лицедей!»

Настоящая беда была не в том, что призраки пустые царили в ультрапатриотическом сознании самого поэта, игравшего по меткому замечанию графа Ивана Гагарина в петербургских салонах «роль какого-то православного графа де Местра». Рокковой бедой русского народа стало то, что эти призраки по

сей день не покидают его сознания с той далекой поры, как бежавшая из захваченного турками Константинополя царица привезла московскому князю в приданое византийскую спесь, и он тут же превратился в Царя всея Руси, а Москва – в Третий Рим. Эта великая «русская идея», дружно взойдя на хорошо унавоженной почве московского княжества на века стала истинным проклятием России, как идея «Священной Римской Империи германского народа» для немцев.

Народы, у которых в период формирования национального этноса начинает преобладать все же ценность власти силы, которые именно в вооруженном насилии видят главное свое превосходство над соседями и в языческом пантеоне которых верховенство достается в результате борьбы богам-воителям, владыкам грозы и бури – эти народы и веру меняют на христианскую только в результате жестокого насилия, принимая крещение огнем и мечом. Но в глубине народной души остается старая вера, и тогда Христос превращается только в оболочку для древнего Вотана или Перуна, и именем Христовым совершаются преступления – кровопролитные войны и карательные экспедиции, а убийцы и палачи именуются миротворцами и христоробивым воинством. Когда же подобные «христиане» терпят в войне поражение, то виновной непременно оказывается недостаточно сильная власть, и приходит пора воскрешения революционного мифа.

Но не только военная катастрофа в Крыму повернула судьбу Российской империи к будущей государственной катастрофе. Поражение заставило власть наконец заняться реформами, и тут выяснилось, что она катастрофически не понимает своего народа, не имеет понятия, что и как нужно реформировать. Первым и главным вопросом считался вопрос об освобождении народа, то есть крестьянства от крепостной зависимости от дворянства. Личная крепостная зависимость была ужасна. Первой заботой матушки-государыни, плохо говорившей по-русски, но хорошо ознакомившейся с русским способом менять неугодных дворянству государей, было всячески задобрить это дворянство, дать понять ему, что она

именно их государыня. Для этого был издан указ «О вольностях дворянских», согласно которому дворянин освобождался от обязательной службы государству. Другой указ предоставлял дворянам практически неограниченную власть над их крепостными вплоть до отправки их за проступки в Сибирь на каторгу. Крепостным же категорически запрещалось жаловаться на своих господ. Так всемилостивейшая императрица окончательно расколола страну на деспотов-господ и «подлый народ», рабов, поощрив дикий произвол со стороны первых и глухую ненависть со стороны вторых. С пугачёвщиной ее войска справятся и воздадут мятежникам за пролитую дворянскую кровь десятикратно, но страх перед закабаленным народом с той поры не покинет сословие господ. А в народе с каждым поколением будет расти число «мужичков из робких», с таким мастерством запечатленных Репиным на знаменитом портрете.

В 1861 году царь и его советники, найдя наконец способ решить дело так, чтобы волки были сыты, а овцы целы, освободили крестьян, но ни господа, ни рабы в большинстве своем не порадовались тому. Господа, оставшись без рабов, перестали чувствовать себя настоящими господами. Деревня, лежащая против имения, переставала быть бессловесно покорной. И полицейско-вотчинный надзор за бывшими крепостными, порученный бывшим их господам, не давал им достаточной уверенности в безусловной, как прежде, прочности своей власти. Даже дворян теперь из холопов превратилась в лакеев. Мужики, оставшись с нищими наделами земли, полученными по договору, которого они и прочитать не могли, стали терять почву под ногами. И многие, продав свой клочок земли тем, кто побогаче, стали уходить в города, где их ждала жизнь на дне. Несчастный народ, предков которых князья-рюрики в вековой междоусобице перегоняли со скотом как добычу из удела в удел, потом два века грабимые монголами, после них закабаляемые своими государями, отдававшими их вместе с землями своим людям за верную службу, наконец

навечно отданными, как пахотный скот, благородному сословию бездельников, вообще освобожденному от службы, – это и был собственно русский народ, для которого, по словам насквозь лживой царицы-немки, Господь Бог создал ее его матушкой. Хотя сама она под именем русского народа имела в виду только русское дворянство, более чем наполовину состоящее из ее земляков немцев, потомков татар и множества прочих «разных шведов». Но есть основание считать, что к ее преступному воцарению на русской земле приложил руку князь сего мира. Дарование дворянам права быть бездельниками и лишение крепостного народа последнего права: жаловаться – открыло пропасть, куда век спустя провалится дворянское царство. Бездельники не имели желаний и способности понимать свой народ и нужды государства. Занимая все важные посты в государственном аппарате, они лишь способствовали разрушению всех связей в государстве, превращая население страны в бесправных подданных бюрократии.

Именно эту модель, только лишь в несравнимо более жестоким исполнении получают народы империи при власти большевистского фашизма. Даже когда немногие из их среды осознают неотвратимую необходимость радикальных реформ и убедят в этом царя, темное большинство, видя в этих реформах лишь угрозу власти своего произвола, саботируя их всеми силами, лишают трусливые полумеры силы изменить роковой ход событий. Народ, оказавшийся неспособным в обстоятельствах своей истории сохранить и укрепить зачатки своих прав, которыми обладал в Великом Новгороде и в Киеве, утративший за века рабства какое-либо представление о свободе и о человеческом достоинстве, народ, возненавидевший своих бар и свой подневольный труд, хотел только вдосталь земли, чтобы не помирать с голоду, и воли, чтобы залить свою душу вином и забыть о своей тяжелой доле в хмельном веселье, чтоб полежать порою на печи без забот, как барин, или побродить с бредешком в речке. Этому ему реформа не дала. Дала лишь волю пропить свой «ваучер» и стать «бомжом». Таким обра-

зом, лишив помещиков рабов, а крестьян земли, реформа лишила значительную часть тех, и других средств существования. Множество бездарных землевладельцев, чтобы продлить беззаботную паразитическую жизнь, стали продавать свои пашни и луга предприимчивым и оборотистым дельцам из податного сословья. А ставшие владельцами ничтожных клочков земли, прокормиться на которых невозможно, новые вольные землепашцы, работавшие дотоле лишь из-под палки, также продавали свои жалкие десятины и шли в батраки или в городской люмпен-пролетариат.

Отнюдь не случайно «Земля и воля» появляется в России вместе с «великой» реформой 1861 года. А через три года раздается первый выстрел в царя Освободителя. Двадцатитрехлетний студент Дмитрий Каракозов впервые в русской истории поднял руку на царя, сочтя себя вправе избавить родину от «деспота». Он не сожалел даже, что руку его отвел оказавшийся рядом человек из народа. Главное было сделано – страна узнала, что в царя можно стрелять. И он не ошибся: началась охота, в результате которой после многих неудачных покушений царь был-таки убит. Никому от этого легче не стало, только разом были прекращены все либеральные реформы и «Победоносцев над Россией простер совиные крыла». Однако широкая волна репрессий «против жидов и студентов» не смогла остановить начавшейся подпольной борьбы. Исполнительный комитет «Народной Воли» продолжал террор, и следующий царь, удирая от террористов на поезде из двух вагонов с двумя паровозами, попал в катастрофу, из которой выбрался с поврежденными почками, что, вкуче с пьянством и распутством, и свело его через шесть лет в могилу, не дав дожить до пятидесяти лет.

Трудно было понять лучшим умам Охранного отделения, в чем причины этих неожиданно хлынувших из подполья волн бесстрашного протеста и непримиримой ненависти. Трудно было, да и сейчас нелегко, поверить, что юный отпрыск из зажиточной дворянской семьи, приехав из провинции в Москву, чтобы учиться в университете, сразу же проникается

революционной идеологией. Матерый враг – Герцен пишет из Лондона восторженное письмо Царю-Освободителю, а девятнадцатилетний Петр Зайчневский отправляется призывать крестьян к «черному переделу» земли и к неповиновению властям, и к двадцати годам оказавшись в тюрьме, пишет от имени «Молодой России» воззвание к интеллигенции и офицерам армии, призывая к восстанию против самодержавия. Он не верит в народные массы, потому что они слишком инертны и «всегда покоряются свершившемуся факту», но верует, что лучшие образованные люди могут, объединившись свергнуть царя и правительство, и тогда освобожденный народ с радостью присоединится к ним. Конечно, возраст – «мятежная пора», но ведь многим корнетам и подпоручикам, восставшим в декабре 1825-го, было не больше. Однако тогда достаточно было повесить пятерых и отправить пару сотен в Сибирь, чтобы все затихло. Теперь же, хотя и повешено, и расстреляно и сослано в каторгу много больше, никаких признаков прекращения подрывной деятельности тайных организаций не наблюдается. Такова уж специфическая особенность мышленья у тружеников органов госбезопасности – они всегда сосредоточены на злобе дня и не доверяют историческим обобщениям, а потому и не смогли заметить, занятые слежкой и охотой за революционерами, что империя, которой они служили, вступила сразу за проигранной Крымской войной в свою последнюю стадию, стадию крушения. То, что произошло с Федором Тютчевым, произошло со всей Россией. Во всем виноват оказался царь. Фанатическая вера при разочаровании превращается в фанатический нигилизм. Самоанализ и раскаяние не свойственны народным массам, но им свойственно превращать своего верховного правителя в идола власти, которому присущи все таланты и достоинства, когда он блистает в роли помазанника Божия, и все пороки, когда обнаруживается, что на самом деле нет у него никакой силы свыше. Живыми своих земных богов, оказавшихся обыкновенными людьми, фанатики отпускать не любят. Образ великой империи белых царей померк в сознании русского народа после того, как самый хвастливый царь его потерпел постыдное

поражение на собственной земле. Она еще просуществовала по инерции шесть десятков лет, но в состоянии скрытого смертельного недуга. Без веры своих подданных великие империи жить не могут. Еще возликовали были души православных патриотов, когда христоролюбивое российское воинство разгромило в Болгарии турецкую армию и подошло вплотную к пригородам Стамбула. Но войти и установить наконец православный крест на Святой Софии не посмели, потому что в Мраморное море, как двадцатью пятью годами ранее на рейд Севастополя, вошел английский флот. А четыре года спустя потерпели позорное поражение на Берлинском мирном конгрессе, когда оробевшие русские дипломаты отдали большую часть того, что было завоевано. Так была предана гордая слава предков. И пусть еще удалось прихватить плохо лежавший большой кусок Дальнего Востока и три средневековых ханства Средней Азии, но былой веры это вернуть уже не могло. Тем более, что, подойдя к горам Афганистана, русские войска вынуждены были опять отступить отброшенными метким ружейным огнем и яростными конными атаками горцев, за которыми вдалеке опять маячили проклятые англичане. Все эти крайне болезненные для самосознания Великой России события оставляли заметные для внимательного взгляда следы, по громадному зданию государства бежали трещины. В конце концов дело кончилось сущим наказанием Божьим, поражение в войне с Японией, что привело к первой неудавшейся русской революции, а голод, разруха и громадные потери на фронтах мировой войны, довели страну до второй, похоронившей империю Романовых.

Потрясения сознания обществ и народов в результате военных поражений, в принципе, естественны и повсеместны, и чем больше амбиции у побежденных, тем тяжелее последствия. Во Франции монархическая форма власти была ликвидирована окончательно после разгрома армии Наполеона III армией Германии в 1870 году. Император, узурпировавший власть в 1852 году, сумел приобрести популярность после совместной с англичанами победы над Россией в Крыму, а после победы при Сольферино над австрийцами его слава достигла

апогея. Но стоило ему капитулировать перед немцами и от нее не осталось и следа. Покрытый позором бежал он в Англию, найдя скромный приют у королевы Виктории, а Франция стала республикой на этот раз уже навсегда. Кумир всех сословий Второго рейха Вильгельм II после капитуляции 1918 года был вынужден тайно бежать из страны и спрятаться на принадлежащем Нидерландам островке в Северном море, поскольку ненависть к нему, охватившая немцев, не оставляла ему шансов на жизнь в родной стране.

История богата примерами подобного рода, свидетельствующими, что если и не всегда в таких ситуациях происходят революции, свергающие власть, обманувшую агрессивные амбиции народа и общества, то глубокое разочарование в ней, чреватое грядущими катаклизмами, наступает всегда. Однако ликование парижан вокруг гильотины после казни Робеспьера (ничем, по сути, не отличавшееся от ликования после казни короля), и итальянцев вокруг виселицы с подвешенным за ноги трупом Муссолини, равно как и арабов вокруг сброшенной с пьедестала статуи Хусейна, отнюдь не свидетельствует о приверженности их к демократическим идеалам. Власть черни, названная Полибием охлократией, или беспределом, как называют ее в России, – это злокачественное перерождение демократии, и, если в душе народа недостает нравственного иммунитета против него, оно неизбежно проявится при соответствующих условиях. Таковыми являются духовный кризис, охватывающий в годину тяжких бедствий общество и народ, обнаруживающий, что у них нет ни подлинной веры в Бога, ни сознания естественного закона.

Перемена вывесок в Третьем Риме

Именно это и произошло в России в 1917 году. Прологом к этой трагедии была революция 1905-го, вызванная катастрофическим поражением в войне с Японией и связанным с ней тяжелым экономическим кризисом. Однако тогда революция была событием, происшедшим по преимуществу в двух главных городах империи, действующими силами ее были рабочие

и радикально настроенные левые круги общества. Основное население страны – крестьяне бунтовали во многих, но далеко не во всех губерниях. Армия при этом оставалась верна присяге. Поэтому восстания в городах были подавлены в считанные недели, а местные крестьянские бунты поочередно в течение двух лет. Столыпинские «галстуки» утомили крестьян, а столыпинские реформы вывели, казалось бы, государство из экономического кризиса. Но его конец был уже предreshен.

Царь-батюшка, явивший верному народу свое лицо равнодушного палача, дав соизволение расстрелять мирную процессию рабочих, пришедших просить его о заступничестве, потерял, даже не заметив этого, полученный по наследству ореол Великого Государя русской земли. Вовремя подоспевший ко двору одержимый бесом, хитрый и развратный мужик стал для августейшей четы лицом обожающего их народа и пророком благоволящего к ним Господа Бога. Столыпин, выславший было «пророка» из столицы как мошенника, был в скором времени убит «патриотом» с тайного благословения охраны. И властвование над страной вдохновляемого Распутиным монарха неуклонно вело империю к гибели, чему всячески содействовала демократическая печать, неустанно понося в карикатурах и в сплетнях царя-недоумка.

Ума ему в самом деле не хватало в течение всего царствования, но роковой глупостью повелителя Третьего Рима стало его вступление в войну с Германией в союзе с Англией и Францией. Он, как и его надутый спесью прадед, совершенно не представлял себе состояния своей империи, не понимал положения и состояния народа, из которого состояла его армия, позор поражения в предыдущей войне ничему его не научил и был уже выкинут в темный чулан его легкомысленной тщеславной душонки. Он понимал только лишь, что как единственный на земле самодержавный и помазанный на это Богом царь является главным и законным претендентом на византийское наследство от Константинополя до Иерусалима. А его наглый шурин Вилли – самый опасный конкурент из посягающих на это наследство, в чем убедил Николая муж его те-

тушки, английский король. И, свято веруя в свое великое призвание, кинул свое уже трещавшее по швам царство в пропасть гибельной войны. Крах наступил через два с половиной года, когда двадцать миллионов землепашцев (более допустимого при тотальной мобилизации максимума для стапятидесятимиллионной России) было уже угнано со своих полей в окопы более чем тысячекилометрового фронта, а с ними для нужд фронта и все сколько-нибудь годное для этого конское поголовье; когда житницы опустели, а железные дороги, не справляющиеся с обеспечением фронтов, тем более не могли справиться со своевременным подвозом в города скудных запасов продовольствия; когда обнаружилось, что нет решительно никаких запасов насущно необходимых населению товаров, а если бы и были, то нет средств их доставки; когда сведения о проигранных сражениях и очередных отступлениях русских войск погружали страну в невроз безнадежности, отчаяния и злобы; когда, наконец, кружащиеся над головами людей слухи об измене, о царице-немке, выдающей через своего агента – военного министра все государственные тайны и военные планы своему братцу, взвинчивали эмоциональных патриотов до истерического состояния, тогда пришел конец.

В последние дни голодной зимы 1917 года, после того как резко ухудшилось снабжение столицы мукой и хлеб стал исчезать из продажи уже в утренние часы, начались многочисленные демонстрации рабочих с требованием хлеба. 23 февраля объявили забастовку и вышли на демонстрации 78 тысяч рабочих, на следующий день 158 тысяч, а 25 февраля уже 200 тысяч, половина всех рабочих Петрограда. 26-го командующий войсками округа генерал Хабалов, получивший от царя приказ «восстановить порядок в столице», распорядился открывать огонь по демонстрантам.

Последний приказ последнего царя поставил точку в истории Российской империи. На следующее утро солдаты одного батальона Волынского полка убили поручика, приказавшего им стрелять в народ, и, покинув казарму, отправились в другие полки поднимать их на восстание в защиту народа. Десять

тысяч солдат, до полудня успели захватить Петропавловскую крепость и арсенал, раздать рабочим оружие, освободить заключенных из крепости и из тюрем, разгромить Охранное отделение и сжечь здание окружного суда – так началась революция. К концу дня город уже был во власти 70 тысяч восставших солдат и такого же числа вооруженных рабочих. Министры царского правительства, растерянные и напуганные, бездействовали. Лишь военный министр в посланной после полудня телеграмме уверял царя «...твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие». А в Таврическом дворце члены Думы, отвергшие царское повеление прекратить работу до установления порядка, организовали Временный комитет, принявший на себя функции правительства. Вслед за ними рабочие, солдаты и представители революционных партий, присоединившиеся к ним в ходе восстания, в другом зале выбрали Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как параллельный орган верховной власти, с одной стороны, как бы признающий это правительство, с другой стороны, заявляющий о полной своей самостоятельности. Таким образом в одночасье (точнее в течение дня) российское царство перевернулось вверх ногами, и никто этого не успел толком понять. Ни одна из сторон возникшего вдруг двоевластия не имела сколько-нибудь ясного представления, что и как произошло, а также, что творится в громадном государстве и что происходит на фронтах и в царской ставке.

Царь, видимо, понимал меньше всех и, решив, что дело просто в том, что распустились в его отсутствии солдаты в столице, приказал отправить туда для расправы с бунтовщиками карательный корпус. Корпус отправили, но встреченный на подходах к городу многочисленными делегациями питерских солдат и рабочих, направленных Петросоветом, корпус внял их доводам и отказался исполнять предназначенную ему роль. Командующий корпусом генерал Иванов, добравшись до Царского Села, застрелился.

Так кто же все-таки совершил революцию? Забастовки и демонстрации рабочих первые три дня имели стихийный характер и несмотря на то, что демонстранты специально останавливали трамвайное движение и разгромили несколько пустых булочных, от обычных форм протеста они отличались только небывалой и нарастающей массовостью. Приказав подавлять их военной силой, царь спровоцировал бунт в войсках, и когда на четвертый день велели стрелять по безоружному народу, нервы солдат не выдержали. Одна рота Павловского полка отказалась стрелять по колонне работниц чулочной мануфактуры. Вид исхудалых женщин, требующих хлеба для своих голодающих детей, вызвав острое чувство сострадания у солдат, дети и жены которых также голодали в деревнях, стал искрой, воспламенившей солдатскую революцию. И когда на женщин была брошена конная полиция, павловцы открыли по ней огонь. А на следующее утро возмущение вспыхнуло и охватило от казармы к казарме все полки гарнизона.

1 марта Петросовет, опасаясь «вооруженной контрреволюции», издал свой приказ N 1 по гарнизону Петроградского военного округа «всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения», приказ, предписывающий всем воинским частям выбрать комитеты «из нижних чинов» и по одному представителю в Петросовет; в политических действиях подчиняться только Петросовету и своим комитетам, а приказы Думы выполнять только если они не противоречат им; все виды оружия должны находиться под контролем комитетов «и ни в коем случае не выдаваться офицерам». Учреждая этим приказом солдатскую анархию, у которой лишь единственный вождь – Петросовет, это учреждение, преисполненное безграничной самоуверенности, с одной стороны, и крайнего страха, с другой, положило начало полному развалу армии, которая, со своим офицерским корпусом и генералитетом, оставалась царской и вызывала поэтому непреодолимый страх, невзирая на то что ее полки «завоевали России ее политическую свободу», как это было признано в приказе N 2, в котором «новые правители» города и

мира вынуждены были сделать незначительные уступки Временному правительству.

Что же касается революционных политических партий, то несколько их представителей собрались, встревоженные, 26 февраля на частной квартире, чтобы выяснить, кто стоит за начавшимся движением и что делать. Выяснилось, что не стоит никто, и было решено, что народ надо поддержать и выступить с протестом против имевших место расстрелов безоружных людей. Присутствовавшие на этом собрании три большевика с высокомерием истинных пролетариев заявили, что это революция буржуазная и они не хотят с ней иметь ничего общего. Однако к вечеру следующего дня, убедившись, что революция в городе победила, поспешили в Таврический дворец, чтобы занять несколько скромных мест в новорожденном Исполкоме Петросовета. Пройдут годы и когда в достигшем зрелости фашистском государстве приступят к сочинению его истории, появятся замечательные документы, неопровержимо свидетельствующие, что с самого первого дня забастовки большевистский ЦК вдохновлял, организовывал и руководил действиями рабочих, а затем и солдат, вооружал их лозунгами, распространял воззвания и уверенно привел их к победе революции и к свержению царского режима. Геббельсу было у кого учиться правде.

А революция продолжала углубляться в массы и этому процессу теперь всячески содействовали две высшие власти, лихорадочно спешащие придать ей необратимый характер. Страх перед сидящим в Могилеве, в своей Ставке царем, в распоряжении которого оставалась громадная армия, заставлял их, не вступая друг с другом в затяжные споры, сообщая прилагать все силы к скорейшему выводу этой армии из подчинения царю и его генералитету. Однако Временный Комитет Думы, объявивший себя через пару дней Временным правительством России, плохо представлял себе состояние армии и возможный результат приказа о самоуправлении армии через солдатские комитеты. Дисциплина в армии рухнула, как от разрыва бомбы. Дезертирство разом выросло многократно.

Неподчинение офицерам и убийство их выстрелами в спину во время атак стало приобретать массовый характер. Плохо вооруженные, голодные, деморализованные солдаты, поняв, что теперь не им надо бояться офицеров, а наоборот, быстро превращались из армии в митингующие толпы. Отступление происходило на всех, кроме Кавказского, фронтах. И хотя царь после провала попытки «прекратить беспорядки» отправкой в столицу карательного корпуса и батальона георгиевских кавалеров, понял наконец, что у него нет больше возможностей оставаться «хозяином русской земли» и, вняв рекомендациям масонского альянса: своего начальника генштаба, командующих фронтами и делегатов Временного правительства, подписал отречение, для рухнувшей монархии это ничего уже изменить не могло. Лишь освободило от страха новые власти. Но для крестьянской страны это было подлинным светопреставлением. В массе народа, на 80% состоящего из крестьянства, в подавляющем большинстве безграмотного и суеверного, вера в Бога была неотделима от веры в царя. Царь, помазанник Божий, оставался, как и во тьме веков, высшей силой и властью, грозной и страшной. Бог же, туманный образ которого ведом был только как икона, был для первобытно земного сознания народа скорее неким придатком царя, нимбом над царской головой, нежели его владыкой. Свержение царя стало подлинной революцией в темном мироощущении народа, великой бурей, унесшей вместе с царем и царского Бога. Все запреты утратили силу и вседозволенность затопила дремучую душу народа. В кратчайший срок страна была уже охвачена разгулом революционных масс. В деревнях дезертиры командовали грабежом помещичьих имений, после разграбления сжигаемых дотла, делили захваченные земли и скот. В городах царила анархия революционных комитетов всевозможных партий, банды солдат с красными бантами и без бантов громили квартиры зажиточных граждан, унося деньги и ценные вещи и оставляя трупы. Попытки остановить этот бандитский произвол силами народной милиции,

наспех формируемой из гражданского населения и околаци-
вающихся в городах, чтобы избежать отправки на фронт, сол-
дат, успеха не имели. 1917 год открыл России ее простонарод-
ное лицо, явленное солдатско-крестьянской революцией. Оно
оказалось искажено злобой и яростью мщения, грабежа и
насилия. За этой общей физиономией, начертанной беспощадной
кистью времени, когда смерть кровавым смерчем
скрутила господствовавшие в мире народы и давила, уродуя
и губя, их души и тела, можно все же было разглядеть неко-
торые отличия в лицах человеческих. И в хаосе, в котором
потонул «третий Рим», его бывшим подданным будущее, ви-
делось по-разному из-за различия точек зрения, хотя и оди-
наково стихийных.

В лучшей, но, к сожалению, отнюдь не большей части
народа, сохранившей какую-то веру в Бога и в нравственные
основы жизни, господствовало сознание того, что разрушение
всего уклада жизни и разгул преступного произвола добром
кончиться не могут и, если народ обезумел, это лишь начало,
и тяжкого наказания за грехи не избежать. Лучший тип рус-
ского человека отличается тем, что в метаниях юности он ни
в мыслях, ни в поступках не переходит черту, проводимую в
душе совестью, за которой моральный произвол, что не при-
числяет себя ни к тем, кто знает, «как надо жить», ни к тем,
кто понял, «кто виноват». Скромность не дает ему считать,
что он «хороший человек», а ум, что он умный и понимающий
все, что надо. Сознание своих недостатков поддерживало его
скромность, но не лишала его чувства человеческого досто-
инства и уважения к людям, более умным, нежели он сам, и
живущим честно. Достигнув зрелых лет, он обычно обособля-
ется от общественной жизни, не демонстративно, но принци-
пиально, понимая, что в ней господствуют фальшь, корысть и
властолюбие. Он любит дружество и верен в дружбе, но дру-
зей много не бывает. Любит свою семью и верен жене. Несен-
тиментален, но жалеет людей несчастных и чем может, помо-
гает им. Трудолюбив, но не корыстен. Очень привязан душою
к родной природе, к своим домашним животным, ко всякой

лесной и полевой твари. И до конца дней своих продолжает размышлять о смысле жизни, часто приходя к искренней вере в Бога. Подобного типа люди встречаются во всех слоях общества, не попадая в фавор у властей или моды, они становятся известны своим талантом и порядочностью: такие имена как Павел Мельников-Печерский, Николай Лесков, Василий Перов, Антон Чехов, Иван Бунин, Иван Павлов, Петр Капица, Андрей Сахаров и многие другие, неизвестные теперь большинству одичавших русских людей. Немало их было среди староверов, но большинство, конечно, среди крестьян-середняков. Если бы таких людей в России была бы хотя десятая часть, это была бы другая страна.

В большей части народа, привыкшей жить не по вере и разуму, а просто «как все», царила растерянность, смутные надежды боролись со смутными страхами и единственным определенным было лихорадочное стремление запастись всем, чем можно, на черный день. Что же касается тех народных масс, которые были охвачены радостным возбуждением от предвкушения плодов революции, то среди них хорошо заметны были четыре разноликие группы. Самая большая-крестьянская, ожидавшая всего того, что обещано было еще в пугачевских манифестах: главной вековечной мечты – вдовсталь своей собственной земли, на которой можно хозяйствовать по всей своей воле, ну и конечно лошадей и скота из господских усадеб, чтобы поделить, по справедливости, и лугов, и лесных угодий. Словом, чтобы стать мужику маленьким барином-землепашцем. Ничего из этих мечтаний не состоялось. При новой власти сразу же воцарился голод и беспощадный грабеж «продразверстки», а после короткой передышки – колхозное рабство, горше царского, и истребление крестьянства вконец. Все в полном соответствии с предсказаний деревенского пророка у Можая в его «Мужиках»: «Ох, волюшка, воля – всем горяшкам горе. Настанет время, разыграет сучье племя. Сначала бар задерет, потом кинется на народ!»

Для тех из городского и сельского простонародья, кто был пооборотистей, забрезжили перспективы выкарабкаться из

низов к лучшей жизни и, быв ничем, стать, если и не всем, то уж во всяком случае тем, кто ходит в чистом платье на службу, где имеет свой стол и стул. Эти мечты оказались реальней, и для тех, кто сумел вступить, куда надо, и колебаться вместе с генеральной линией, сбылись в полной мере на лоне гигантской социалистической бюрократии. Печальной других оказалась участь мечтателей о торжестве революционного мифа и светлом завтра всемирной коммунистической республике рабочих и крестьян. Абсолютное большинство их было расстреляно или погибло в концлагерях.

Самой же значительной для дела большевистского переворота силой стали прирожденные каратели, число которых велико в каждом воспитуемом в духе милитаризма народе. Разношерстные стаи, в которые они сбиваются во время войн и революций по родственному запаху, как одичавшие собаки, становятся теми «здоровыми народными силами с правильной революционной ориентацией», из которых крайние радикалы вербуют кадры для своих штурмовых отрядов. Среди них и славные рубаки, для которых всегда желанная награда – после яростного боя ворваться в подожженный город, чтобы грабить жидов и резать, как свиней, жирных обывателей топтать их разряженных баб, вспарывая им потом животы. Особо ценимы всегда те, что хладнокровны и неутомимы в расстрелах и искусны в выколачивании нужных сведений. Сверхценны – охотники за маскирующимися и прячущимися врагами, отслеживающие и безошибочно опознающие их при проверках и обысках.

Настоящий фашист должен быть прежде всего опричником, то есть нутром своим ощущать свое отличие по крови и духу от особей всего человеческого стада, к которому у него не должно быть никаких сантиментов, как у мясника к скоту на бойне. А тех, кто подлежит обязательному уничтожению как особо опасные враги фашизма, он должен безошибочно узнавать по запаху ненавистной инаковости. Эта способность имеет своим источником иррациональную ненависть, ненависть к изначальному человеческому духу, духу разума и милосердия. Она срабатывает мгновенно, просто на выражение

лица. Предрасположенность к такой ненависти можно получить в наследство, но сама она приходит только как дар. Им награждается лишь тот, кто успел заслужить его угодными врагу человеческому делами. И награжденные дьяволом молодцы – элита всякой опричной службы, оплот всякой крошечной власти. Элиты много не бывает, но в многомиллионной массе крестьян в серых шинелях – в «серых тысячах» носительниц стихийного духа, разгулявшихся по лицу русской земли», вкрапления этой «черной, молчаливой сотни» были как матерые псы-убийцы среди стаи голодных трущобных собак. Почуяв «запах врага», они первые без лая кидались на него, увлекая мгновенно охватываемую лютой яростью стаю.

Бунт частей столичного гарнизона превратил манифестацию рабочих в охвативший город мятеж, с энтузиазмом поддержанный всей городской чернью и выпущенной на волю из тюрем уголовщиной. Петросовет прилагал все усилия, чтобы к революции присоединились солдаты всей царской армии и она превратилась в подчиняющуюся ему советскую армию, для чего посылал на все фронты своих комиссаров и агитаторов, которые, преодолевая робость перед взбудораженными солдатскими толпами, расхваливали их храбрость и сознательность и призывали к самоуправлению. Временное правительство, страшась неуправляемости революционных масс с оружием в руках, предпринимало попытки убедить их сохранять дисциплину и защищать отечество, но по популярности вчистую проигрывало агитаторам Петросовета. Даже стремительно превращающийся на революционном небосклоне в звезду первой величины присяжный поверенный Керенский, на удалом коне проскакавший за полгода путь до военного министра и далее до главнокомандующего и главы правительства, не мог своими пылкими заклинаниями укрепить единство и порядок, и убедить солдат не жалеть своего живота ради победы над заклятыми врагами России.

Воспользовавшиеся начавшейся революцией политические деятели по преимуществу масонского толка, сумели наспех сформировать некое подобие правительства и спихнуть царя,

сидевшего на давно уже скрипевшем троне, но что такое революция – они не понимали. Им казалось, что именно они, уже добрый десяток лет не перестававшие говорить о революции на все лады и заведшие в темном православном царстве светлые масонские ложи, чтобы удобней было говорить о том, о чем нельзя было говорить в Думе, что они-то и есть главные революционеры, свергшие коронованного тирана и даровавшие народу демократические свободы: говорить, собираться для разговоров и публиковать свои речи. И теперь, когда дело сделано, надо навести порядок в обществе, утихомирить народ, довести до победного конца войну и начать обустройства свою великую Россию.

Однако как раз на пороге этой замечательной программы и ждала их неудача: никакими силами не удавалось успокоить ушедший в разгул народ. К тому же его все время провоцировали, настраивая против правительства негодяи, собравшиеся в Петросовете. Среди них и депутатов Думы почти не было, а те, что были, тоже далеко от уголовников и террористов не ушли, но корчили из себя народную власть и серьезно мешали правительству работать. «Негодяи, собравшиеся в Петросовете», думали приблизительно так же. Они тоже считали себя единственными законными вождями революционной демократии, совершившей революцию, тоже считали, что революция уже сделана и необходимо устанавливать порядок, тоже ждали скорой победы и тоже полагали, что в правительстве сидят пройдохи, обманывающие народ и предающие его интересы. Ни те, ни другие не сознавали, что для революции они все люди чужие и случайные, люди из мира, который она переворачивает, и ей безразлично, кто в нем ездил на дрожках и кто в колясках, все они обречены оказаться под глыбами перелопаченной жизни. Не поняли, что их попытки ввести события в русла каких-то законов, направить волны, гонимые бурей в какие-то шлюзы, не просто бесполезны, они бессмысленны. У подлинной революции нет законов, она сама, мчащаяся, как табун диких лошадей, суть торжествующее беззаконие. Как же было им понять, что они приняли за

совершившуюся революцию то, что было только первым ее валом, обрушившимся на прогнившее государство, утратившее веру и нравственные ценности общество и на темный несчастный народ, потерявший всякую надежду хоть на какое-то облегчение от беспросветной нищеты и непрестанной гибели своих сыновей на неведомо для чего затеянной войне, которой не видно конца. Обе сами себя избравшие власти, опасаясь не затихающего революционного бурления в рабочих и солдатских массах и одновременно опасаясь друг друга, искали, каждая на свой лад, способов утихомирить народ, и обе более (правительство) или менее (совет) безуспешно. Нараставший в течение марта сдвиг рабоче-солдатской массы влево грозил закончиться новым рывком революции с роковыми последствиями для осторожно пятящегося Правительства и еще более осторожно притормаживающего это движение Совета. Чувствуя себя прижатым к стенке, Правительство предприняло попытку исправить положение созданием спасительной трещины между городским пролетариатом и армией. Была начата широкая газетная кампания в правой прессе о подготавливаемом германским Генштабом крупного наступления и катастрофической нехватки боеприпасов на фронте из-за непрекращающихся забастовок рабочих. О том, что тыл погряз в политических дрязгах и что солдаты поэтому голодают, полураздеты, не имеют даже махорки, а самое главное – остаются безоружными перед лицом до зубов вооруженного врага, когда Отечество находится в смертельной опасности из-за предательства рабочих. Такая агитация оказалась небезуспешной. С фронта поехали на оружейные и пороховые заводы солдатские комиссии для проверки положения дел. Начался слабый крен вправо.

Он значительно усилился в связи с приездом в начале апреля из-за границы другого присяжного поверенного, которому германский Генштаб пообещал комфортабельную доставку в Россию и очень значительную сумму денег, если он завершит революцию захватом власти и выведет Россию из войны. У поверенного Ульянова-Ленина принципов не было,

точнее был только один: его партия должна возглавить пролетарскую революцию в России и установить в ней диктатуру пролетариата. Какими средствами – безразлично. Любое средство хорошо, если оно «революционно целесообразно». Деньги на революцию можно добывать путем грабежа банков, можно брать их и у врагов своего отечества – революция превыше всего. Недаром хорошо знавший его в течение двенадцати лет революционер сказал, что «он самый великий оппортунист во всем мире».

Несмотря на то, что его проезд через Германию в запломбированном немецкой полицией вагоне неоспоримо свидетельствовал об очевидной для германских властей выгоде помощи этому пассажиру со всей его компанией, Петросовет считал своим революционным долгом взять на себя дальнейшую помощь «известному революционеру» и потребовал от Временного правительства не чинить ему препятствий со въездом. Его партия со своей стороны напрягла все свои силы, чтобы встреча его выглядела триумфом и произвела на население впечатление приезда великого политического деятеля, возглавившего их замечательную партию. Несколько ошарашенный этой совершенно неожиданной для него и небывалой в его жизни приветственной манифестацией, он семенил за высоким Шляпниковым, прокладывая дорогу в плотной толпе, под гром «Марсельезы» и рев толпы, лихорадочно соображая, как ему нужно держаться на этой торжественной сцене. В «царской комнате» вокзала его ожидал сам председатель Петросовета Чхеидзе. «Товарищ Ленин, – сказал он, поднявшись из кресла, – от имени Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели». Со свойственной ему корректностью Ленин не обратил никакого внимания не только на

«прелестное «но», но и на самого Чхеидзе. Он стоял с отсутствующим видом, осматриваясь по сторонам и, когда Чхеидзе умолк, вообще отвернулся от делегации Исполнительного Комитета Совета и громко, как бы обращаясь ко всей встречающей его массе, сказал: «Дорогие товарищи! Солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии. Грабительская империалистическая война есть начало войны гражданской во всей Европе... Недалек час, когда по призыву нашего товарища – Карла Либкнехта, народы обратят свое оружие против своих эксплуататоров, капиталистов... Заря всемирной социалистической революции уже занялась... В Германии все кипит... Не нынче-завтра, каждый день может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!» Затем, вновь ведомый Шляпниковым, Ленин вышел на парадное крыльцо и сел в закрытый автомобиль. Но стоявшая на площади толпа пропустить его не пожелала. Пришлось вылезти и, забравшись на крышу автомобиля, вновь кричать о грабителях капиталистах и о всемирной революции. Только когда картавый голос его стал хрипнуть и слабеть, ему позволили сойти с «трибуны». Усаженный теперь в броневик, предшествуемый мощным прожектором на грузовике и сопровождаемый оркестром, военными частями и рабочими отрядами со знаменами, он был отвезен в штаб-квартиру большевиков – особняк Кшесинской. По дороге ему, невзирая на состояние голосовых связок, пришлось на каждом большом перекрестке забираться на броневик и служить свою «литию» новым толпам жаждущих увидеть своими глазами и услышать своими ушами заграничного чудо-революционера. Но и по приезде во дворец любовницы свергнутого царя, вокруг которого толпилась масса, ожидающих его явления, без слова к народу обойтись было невозможно. И с балкона дворца опять раздавались исполненные революционным негодованием и энтузиазмом

слова «...грабители-капиталисты!.. Защита отечества – это значит защита одних капиталистов против других... превратить империалистическую войну в гражданскую...» и т.д. Но в солдатской массе эти призывы не вызвали ответного энтузиазма. «Вот такого бы за это на штыки поднять! – раздалось из группы солдат, – А? Что говорит! Вот за то ему немец-то... Эх, надо бы ему!» Понятно, что «надо бы ему» не предполагало готовности сделать то, что «надо».

Было совершенно очевидно, что Ленин вылез со своей ультрарадикальной программой как бы «из окна вагона, не успев ничего понять в существе проблем русской революции». Даже в рядах руководителей его партии, давно привыкших без него к своему весьма скромному положению, неожиданный призыв прямо к социалистической революции, отменяя в сторону и Временное правительство и признающий его Петросовет, был встречен большинством из них сомнением и несогласием. На следующий день он был приглашен на заседание Совета, обсуждавшего в тот день проблему объединения всех разномастных социалистов в единую социалистическую партию. Как лидер одной из фракций эсдеков он был введен в исполком Совета и получил слово для изложения мнения большевиков об объединении. Его речь произвела совершенно скандальное впечатление на большинство присутствовавших. Не затрудняя себя какими-либо привязками к теме заседания, он в своем атакующем стиле обрушил на головы слушателей заготовленную и проверенную вчера во дворце Кшесинской на своих соратниках программу перерастания революции буржуазной в революцию социалистическую. Состояла она из категорических утверждений, не обремененных доказательствами, и лозунгов, обращенных лишь только к пылающим революционным гневом и энтузиазмом сердцам. Начал он сразу с конца – со «всемирной социалистической революции», которая, по его мнению, вот-вот готова разразиться в результате мировой войны. Империалистическая война не может не перейти в гражданскую. А ее может закончить только всемирная социалистическая революция. За этим выводом его железной логики последовал не менее категорический приговор.

«Современный социализм – это враг международного пролетариата. Самое имя социал-демократии запятнано предательством. С ним нельзя иметь ничего общего, его надо отбросить как символ измены рабочему классу... и назваться «коммунистической партией». Перейдя от дел международных к российским, он «решительно отбросил целиком весь Совет во враждебный лагерь. «Революционно-оборонческий Совет... может быть только орудием буржуазии... его надо завоевать и сделать пролетарским. Нам не надо ни парламентарной республики, ни буржуазной демократии и вообще никакого правительства, кроме Советов рабочих, солдатских и батрацких (никогда не существовавших) депутатов!

Учредительного Собрания Ленин в этой программе не упоминал. Он давно уже объявил его либеральной затеей. Каким образом эти Советы, состоящие из представителей отсталого (как чаще всего в своих статьях называл его Ленин) крестьянства, солдат – тех же крестьян, и малограмотных рабочих строят социализм, он не говорил. Разумеется, для него это были чисто риторические фигуры. Руководить строительством он должен был сам. Как? Как подскажет в нужный момент «революционная целесообразность», его единственный источник истины, облеченный в формулу: «Марксизм – не догма, а руководство к действию». Для включения широких рабоче-крестьянских масс в начальную стадию социалистической революции им были сформулированы два руководящих указания: «Грабьте награбленное!» и «Творите социализм снизу, как сами знаете!»

Но можно без боязни крупно ошибиться сказать, что первое явление «марксизма-ленинизма» народу произошло в речах самого последовательного продолжателя дела Маркса в день приезда на родину и на следующий день в Петросовете. И напрасно сидевший в двух шагах от ораторской трибуны, бледный от гнева и презрения Богданов перебивал Ленина выкриками: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!» и кричал аплодировавшей кучке большевиков: «Вы позорите себя! Марксисты!». Его ортодоксальный марксизм, как и весь исторический материализм и политэкономическое учение Маркса

были лишь фиговым листком для украшения «Коммунистического манифеста», бившего в набатный колокол полусумасшедшего Марата, верным и исторически законным преемником которого был Ленин со своей классической проповедью фашистского захвата власти и установления «диктатуры пролетариата». Поняв по реакции зала, что ожидавшийся, видимо, им триумф не состоялся, «Ленин не воспользовался заключительным словом докладчика и куда-то исчез. Он всегда превосходно излагал только заранее разработанные темы... но избегал «рукопашной» и редко отвечал на сделанные в упор возражения. В поддержку его «доклада» выступила одна недавняя меньшевичка, но пламенная поборница социалистической революции и свободной любви Коллонтай. Поддержка эта ничего, кроме издевательств, смеха и шуток не вызвала. Но, как выяснилось через немногим более полугода, смех этот и шуточки были не от большого ума. Фашистское вдохновение Ленина оказалось гораздо более созвучным темной стихии революции, только еще разгоравшейся в недрах «святой Руси», чем упования «революционной демократии» и демократии буржуазной на расцвет в «Великой России» гражданского общества.

Но пока суд да дело, ему пришлось с крайней скромностью попросить у исполкома Совета заступничества перед Временным правительством, в связи с немедленно начавшейся новой газетной кампанией под лозунгом: «Ленина – назад в Германию!» Заступничество ему было обещано как вождю одной из входящей в Совет партии, и он быстренько исчез из поля зрения «революционной демократии», скрывшись в большевистских зарослях на рабочих окраинах. Он занялся прежде всего установлением взаимоотношений с «генералами» своей маленькой партии. Самым влиятельным среди них был Каменев, самым инициативным и толковым организатором – молодой Свердлов, восхитивший Ленина своей энергией и преданностью делу. Он единственный из руководства знал людей и обстановку во всех большевистских ячейках в столице, хотя совсем недавно приехал из ссылки, и он с безусловным сочув-

ствием относился к радикализму ленинской программы. Каменев, наоборот, был наиболее образованным и гуманитарно, и марксистски среди «умеренных» большевиков с самого возникновения этой фракции в русской социал-демократии.

Мнение Ленина, что буржуазно-демократический период русской революции уже пройден и надо сосредоточить все силы на переходе (точнее, перевороте) к социализму, он считал ошибкой, порождаемой только нетерпением и нежеланием поэтому видеть, что условий для такого перехода пока нет. Большинство населения – крестьянство – необразованно и граждански безынициативно. Свою привычку к рабству способно нарушать только вспышками анархического бунта. Рабочий класс малочислен и политически слаб. Фантазии о готовности всей Европы вспыхнуть революционным пламенем и поддержать русский почин совершенно беспочвенны и порождены только лишь привычкой принимать желаемое за действительное. Игнорировать австро-германскую агрессию и поворачиваться к ней спиной, чтобы перейти к гражданской войне внутри России – вообще безумие. О победе революционной демократии над буржуазным правительством своевременно будет ставить вопрос только после окончания войны. Тогда социалистические партии смогут стать большинством в Учредительном Собрании и произвести необходимую политическую реформу в государстве. Пока же нужно, хотя бы из экономических соображений, пользоваться капиталистической хозяйственной системой, без которой страна обречена на полную разруху и поражение в войне. Надо готовить и организовывать силы, которых у большевиков пока нет, и это главная задача сегодняшнего дня. Такова была точка зрения Каменева, поддерживаемая не только «генералами», но и большинством в партии. По возвращении из ссылки (одновременно со Свердловым, Сталиным и многими другими большевиками) Каменев ужаснулся состоянию дел в партии, особенно в области агитации и пропаганды. Центральный орган – «Правда» – по своему оппортунизму была ниже всякой кри-

тики. Каменев взял ее в свои руки и быстро придал ей достойное и авторитетное лицо. Разумеется, его взгляды получили в ней достаточно места и интерпретацию, доступную для понимания масс. Борьба с ними в открытой полемике было трудно, но Ленин был не только нахрапист, но и ловок. Он, как бы не придавая значения разногласиям с Каменевым, засучив рукава, стал с ним вместе готовить и организовывать силы, привлекаемые в партию посредством агитации и пропаганды. Немедленно по получении первых денежных средств из-за рубежа начался рост тиражей большевистских газет. «Солдатская правда» в столице, «Окопная правда» на фронте, «Социал-демократ» в Москве, «Голос правды» в Кронштадте, «Голос социал-демократа» – в Киеве быстро приобрели не только большую политическую остроту своего содержания, но и значительно расширившийся круг читателей. Вскоре самая немногочисленная из революционных партий стала издавать в крупных центрах России свои газеты, наравне с самыми крупными партиями. А число большевиков начало расти со сказочной быстротой. В феврале их было в городе чуть более полутора тысячи, к середине апреля – почти шестнадцать тысяч, а к началу июля – более тридцати. Каждая большевистская газета перепечатывала передовые статьи «Правды», а в остальном ориентировалась на те массы, среди которых распространялась. Особое внимание Ленин лично уделял питерской «Солдатской правде» и кронштадтскому «Голосу правды». Это были газеты «Военки» – быстро и нелегально созданной в столице организации «прямого действия», задача которой была ковать кадры штурмовых отрядов – находящийся покуда в ножнах меч революции. Предназначались эти газеты для гарнизона столицы, для матросов Балтфлота и для солдат самого близкого к Петербургу Северного фронта.

Сам Ленин в течение первых недель своего пребывания в России, после конфуза на второй день в Петросовете, избегал появления и выступлений среди широкой публики, сосредоточившись всецело на работе внутри партии, направленной на

перетягивание на свою сторону большинства ее руководителей. Не хотел он и привлекать к своей персоне внимания правительственных кругов, пока не уляжется шум вокруг его подозрительного проезда через территорию врага и не образуется вокруг него надежное кольцо охраны. Тем не менее, он уже через несколько дней после неудачного дебюта в Совете опубликовал свои «Апрельские тезисы» в «Правде», не изменив в них ни йоты. И даже «Правда» отмежевалась от них, подчеркнув, что это «частная точка зрения Ленина». Однако вскоре ему удалось разорвать кольцо изоляции в собственной партии. Секрет его быстрого и безусловного успеха был прост: он был в своих главных, захватнических стремлениях более всех других «генералов» близок тем массам, чья ненависть к «сытым» и жажда мести и грабежа нуждалась в вожде. «Разудалая левизна Ленина, бесшабашный радикализм его, примитивная демагогия, не сдерживаемая ни наукой, ни здравым смыслом, обеспечивала ему успех среди самых широких пролетарско-мужицких масс, не знавших иной выучки кроме царской нагайки и наименее грамотные элементы самой партии. Позиция партийной массы оказывала решающее действие и на вполне сознательные большевистские элементы, на большевистский «генералитет». Для партийного «офицерства» остаться верными принципам социал-демократии и марксистским принципам, но без Ленина, без партии и без масс, было абсолютно неприемлемо.

При попытках Ленина свернуть в 1918 году вправо он натолкнулся на резкую оппозицию среди самых своих близких, но остающихся радикально левыми, соратников. К этому следует добавить, что недоговоренность первых тезисов Ленина и сознательное умолчание были существенными факторами завоевания им партии. Он не ставил точек над «и», и вставшие под его знамена совершенно не представляли себе, куда приведет их эта лихая программа. Даже лозунг «Вся власть Советам!» никоим образом не приоткрывал ту утопичную модель государства, которая мерещилась в радужных

мечтах Ленину. Истинный заговорщик, устраивавший заговоры и против своей собственной послушной партии, Ленин на любом повороте демагогически менял смысл своих политических лозунгов и терминов. Так, например, «...поверив ленинскому требованию защищать Учредительное Собрание от буржуазии, Ларин, возглавлявший большевистскую фракцию в нем, попытался воспрепятствовать разгону Учредительного Собрания, так что Ленин еле успел обуздать этих простецов». Или что говорить о «послеоктябрьском лепете» Зиновьева о «комбинированном государственном строе» из Учредительного Собрания и из Советов – ярком доказательстве того насколько Ленин доверял свои планы самым ближайшим своим товарищам?»

Первый оскал бестии

Как только ему удалось перетянуть на свою сторону половину ЦК, он уже на 14 число назначил открытие первой Петроградской конференции большевиков, где вынес на обсуждение свои тезисы о недоверии результатам буржуазно-демократической революции и начале подготовки социалистической. Но он опять дал маху, не сумев оценить, какая погода на дворе.

14-16 апреля все газеты облетела резолюция искони революционнейших матросов Балтийского флотского экипажа, бывших на вокзале третьего апреля в качестве почетного караула: «Узнав, что господин Ленин вернулся к нам в Россию с соизволения императора германского и короля прусского, мы выражаем свое глубокое сожаление по поводу нашего участия в его торжественном въезде в Петербург. Если бы мы знали, ...каким путем он попал к нам, то вместо восторженных криков «Ура!» раздались бы наши негодующие возгласы: «Долой, назад в ту страну, через которую ты к нам приехал!»

Лозунг: «Ленина – назад в Германию!» стал достоянием самых широких масс около середины апреля. Репутация большевистского вождя как врага России и революции была

быстро упрочена... Около дома Кшесинской стали собираться по вечерам огромные толпы людей. Они устраивали враждебные манифестации, агитировали, угрожали... По городу стали ходить толпы, бурно требующие ареста Ленина... «Арестовать Ленина!», а затем: «Долой большевиков!» слышалось на каждом перекрестке... 17 апреля состоялась грандиозная манифестация инвалидов... Огромное число раненых из столичных лазаретов, в повязках, безногих, безруких двигалось по Невскому к Таврическому дворцу. На знаменах: «Война до конца!», «Наши раны требуют победы!» Это было действительно страшное зрелище. С надписями и возгласами: «Долой Ленина!» они пришли к Таврическому дворцу требовать ареста и высылки будущего диктатора. Позорное изгнание из России и из истории, казалось бы, нависло неминуемой карой над незадачливой головой претендента на роль вождя и учителя всего мирового пролетариата. Но поспешность – бич большинства политиков, стремящихся в хаосе революций не упустить свой выигрышный шанс, – часто приводит к неожиданным рокировкам. Спасение пришло не из Таврического дворца, уже не имевшего возможности защитить своего скандального подопечного, а с противоположной стороны – из Мариинского. Историк Милюков тоже не сумел правильно оценить прочность успеха, достигнутого разоблачительной кампанией, и поторопился укрепить свое реноме в глазах могущественных союзников. 19 апреля из газет жителям столицы и провинций стало известно, что 18 апреля министром иностранных дел Милюковым была отправлена союзникам нота, в которой он заверял их в неколебимой верности России своим союзническим обязательствам вести войну с Германией до победного конца. Получив посланную ему из МИДа копию 19 апреля, ЦИК Петросовета немедленно погрузился в ее изучение и обсуждение вопроса, как на нее реагировать. Утром 20-го, когда ЦИК продолжал обсуждение, «пришло известие о том, что с Выборгской стороны движется к Невскому огромная толпа рабочих, частью вооруженных», с ними много солдат. Они идут с лозунгами: «Долой Временное правительство!»,

«Долой Милюкова!» В рабочих районах, на заводах и в казармах митинги, в связи с опубликованием в газетах ноты Милюкова. На Невском собираются толпы и устраиваются летучие митинги в поддержку Милюкова и Временного правительства. Чхеидзе помчался навстречу манифестации рабочих и остановил ее на Марсовом поле. После горячей полемики ему удалось успокоить толпу и убедить, что исполком Совета в это самое время решает вопрос о форме организованного протеста, а разрозненные действия могут только повредить делу. Столкновение с манифестирующими на Невском было предотвращено. Но вскоре поднялся Финляндский полк, за ним Московский. Со знаменами и плакатами: «Долой захватную политику!» и «В отставку Милюкова и Гучкова!» полки окружили Мариинский дворец. Туда немедленно был послан Скобелев. Ему удалось убедить солдат отказаться от ареста правительства. Когда командующий округом генерал Корнилов с кавалерией и пушками явился к Мариинскому дворцу, увидел, что солдаты уже рассеялись до его появления.

Идею «осады» дворца и ареста правительства подбросил солдат по фамилии Линде, большевик, бывший член исполкома Петросовета. Но как партия большевики в этом движении масс, вызванным нечаянной провокацией Милюкова, участия не принимали, чтобы не привлекать к себе внимания, пока в сутолоке событий не запорошатся пылью немецкий след, ведущий к их вождю, и их лозунги с немецким акцентом о «мире без аннексий и контрибуций», навлекшие на них гнев народа. И в самом деле, вспышка ярости, разоженной милюковской нотой, оказалась много сильнее, чем перед тем предательством большевиков. Всколыхнулась страна. Из Москвы, Киева, Нижнего Новгорода, Самары в столицу летели призывы к аресту Милюкова и даже к свержению правительства. А в столице утром 21 апреля толпы солдат и рабочих встретились на Невском с толпами сторонников Милюкова, и это быстро привело к беспорядочной перестрелке, не обошлось без убитых и раненых. Мариинский дворец был в растерянности. Но исполком Совета немедленно обратился к населению города и

страны с воззванием ко всем гражданам. Во имя спасения революции от грозящей ей смуты он призвал всех к соблюдению порядка и дисциплины. Солдатам в нем было сказано: «Только исполкому Совета принадлежит право располагать вами», ни военный министр, ни главком, ни большевики не могут без утверждения этой меры Советом вывести из казарм никакой воинской части. Воззвание подействовало как глас с неба. Немедленно все разгоряченные головы разошлись по домам и казармам. Это стало высшей точкой авторитета Петросовета за весь срок его существования. 23 апреля его «Известия» сообщили стране: «Не нужно более никаких вооруженных демонстраций. Армия с нами... миллионы штыков в нашем распоряжении». Совет доказал свое право на власть, данную ему народом, немедленно подчинившимся его приказу.

24 апреля генерал Корнилов подал Совету министров свое прошение об отставке, в связи с заявлением исполкома Петросовета о том, что его приказы становятся действительными только после утверждения их в исполкоме. Правительство и Совет бросились уговаривать его остаться, но после того, как 30 апреля третья рота Финляндского полка отказалась выйти на смотр, происходивший на Марсовом поле, без приказа исполкома Совета, он ушел, не вступая в дальнейшие дискуссии с правительством. Но вопрос о том, как может исполнять свое назначение армия при установившемся в ней двоевластии: демократии солдатских полковых комитетов, опекаемых Петросоветом, и военном командовании, требовал своего решения и незамедлительно, до начала большого наступления в начале лета, с которым связывали надежду на победоносное окончание войны. Военный министр Гучков издал два приказа: первый – о категорическом запрете братаний с немецкими солдатами по инициативе солдатских комитетов, и второй – о приравнивании подрывной агитации за немедленный и безоговорочный мир к вражеским действиям, подлежащим юрисдикции военных судов. Ни тот, ни другой не оказали ни малейшего действия. Их никто и не подумал исполнять. 30 апреля Гучков подал в отставку. В письме на имя Предсовмина

князя Львова он объяснил причину: «Ввиду тех условий, в которые поставлена правительственная власть в стране, ...условия, которые я не в силах изменить и которые грозят роковыми последствиями и обороне, и свободе, и самому бытию России – я по совести не могу дальше нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжелый грех, который творится в отношении родины». На совещании членов Государственной Думы 4 мая он добавил: «Я ушел от власти потому, что ее просто не было. Болезнь заключается в странном разделении между властью и ответственностью: на одних – полнота власти, но без тени ответственности, а на видимых носителях власти – полнота ответственности, но без тени власти». 26 апреля правительство обратилось к российским гражданам с сообщением о предстоящей реконструкции власти. Идея коалиции правого правительства и левого Совета казалась спасением. После затяжки, связанной с нежеланием Петросовета брать на себя какую-либо долю бремени ответственности, к 4 мая коалиционное правительство было все же сформировано. Место министра иностранных дел, после того как Милюков, который ощущал на себе долг быть спасителем России, долго сопротивлялся и отказывался перейти в кресло министра просвещения, занял Терещенко, оставив ради этого минфин. Военным и морским министром назначили Керенского, освободившего минюст. Еще четыре министерства: юстиции – Переверзев, труда – Скобелев, продовольствия – Пошехонов и почт – Церетели были заняты членами исполкома Совета. А 5 апреля в Таврическом дворце торжественно встречали приехавшего из Америки Троцкого. Отдав должное в своей речи величию совершенной революции и ее международному значению, бывший первый председатель Петросовета (в 1905 году) «мягко указал на практическую бесплодность и принципиальную ошибочность ныне совершенного шага. Он назвал коалицию буржуазным пленением Совета. Но большой значимости этой ошибке не придавал, полагая, что от нее революция не погибнет».

А дела, к которым приступило новое правительство, были хуже некуда. Хлеба не было, к концу апреля паек сократился до полфунта на день. Но и к 20 мая продовольственный съезд не смог ничего решить для улучшения положения. Крестьяне, не желая мириться с необходимостью ждать Учредительного собрания для решения вопроса о земле, захватывали помещичьи земли, часто грабя при этом и сжигая имения. Солдаты, считали увольнение из армии ста семидесяти генералов недостаточным, то и дело по решению своих комитетов демонстрировали неповиновение тем приказам, которые им не нравились. Местные советы брали управление на местах в свои руки, не видя от чиновников министерства внутренних дел никакого прока.

Усилия правительства как-нибудь справиться с разрухой и наладить снабжение фронта, не говоря уже о тыле, были тщетны. Во всех партиях шли бесконечные обсуждения безнадёжного положения. В июне на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов председатель Петросовета Чхеидзе сказал, что в настоящее время в стране нет такой партии, которая была бы готова взять на себя ответственность за положение дел в стране. Тогда из глубины зала раздался резкий картавый крик Ленина: «Есть такая партия!» Это было «иду на вы!» Вождь решил, что время для решительных действий настало. В узком кругу руководителей штурмовых отрядов партии-«военки» он обсуждал возможности вооружённого захвата власти из рук беспомощного и непопулярного Временного правительства и нерешительных болтунов исполкома Совета. Было намечено провести сначала в качестве репетиции смотр революционных сил, готовых пойти за партией. ЦК партии назначил с этой целью на 10 июня массовую демонстрацию против начала нового наступления на фронте, куда было уже отправлена тысяча солдат из Петроградского гарнизона, и за передачу всей власти Советам. Был принят план действий, исходивший от Ленина: «Ударным пунктом является Мариинский дворец, резиденция Времен-

ного Правительства. Туда должны были направляться рабочие отряды и верные большевикам полки. Особо назначенные лица должны были вызвать из дворца членов кабинета и предложить им вопросы. Особо назначенные группы должны были во время министерских речей выражать народное недовольство и поднимать настроение масс. При надлежащей температуре настроения Временное правительство должно было быть тут же арестовано. В зависимости от того, какова окажется реакция города, ЦК большевиков, под тем или иным названием, должен был объявить себя властью. Если в процессе манифестации настроение будет для всего этого достаточно благоприятным и сопротивление Львова-Церетели будет невелико, то оно должно быть подавлено силой большевистских полков и орудий».

На происходящем в это время съезде Советов сообщение об этой ни с кем не согласованной большевиками манифестации вызвало тревогу и возмущение. Уже хорошо зная тактику большевиков натравливать массы на правительство и провоцировать беспорядки, Петросовет потребовал отменить назначенную демонстрацию и принять участие в мирной, невооруженной демонстрации, которая будет происходить по призыву Совета 18 июня. 11 июня перед Исполнительным комитетом Петросовета и перед членами президиума Всероссийского съезда Советов выступил Церетели: «То, что произошло, является не чем иным, как заговором, заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками, которые знают, что другим путем эта власть им никогда не достанется... У тех революционеров, которые не умеют достойно держать в своих руках оружие, нужно это оружие отнять. Большевиков надо обезоружить... Заговоров мы не допустим». Вступать в открытый конфликт с властью, которой они сами требовали передать всю власть, ленинская партия не могла и была должна подчиниться. Но были приложены все силы, чтобы демонстрация прошла под большевистскими лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!» и «Долой десять министров-капиталистов!». Последний лозунг содержал

в себе нарек Петросовету, что остальных пятерых министров из числа его бывших членов большевики признают. Четырёхсоттысячная демонстрация, прошедшая под этими лозунгами 18 июня, убедила большевиков в силе их влияния на массы, вызвала растерянность в Советах и опасения в правительстве. Созвав своих самых решительных и твердых соратников из «военки» и ЦК, Ленин доработал план свержения правительства и захвата власти в Петросовете. Согласно этому плану, используя очередное ухудшение продовольственного положения в городе и намеченное начало наступления на Северном фронте, следовало в начале июля начать в столице массовую демонстрацию рабочих и солдат под теми же лозунгами, что и 18 июня, но на этот раз демонстрацию вооруженную, и внутри многотысячной массы скрыть главную ударную силу – солдат пулеметного полка, полностью примкнувшего к большевистской «военке», и колонны кронштадтских матросов, рвавшихся в бой за власть Советов. Предполагалось, что, достигнув центра города, демонстрация сначала направится к Мариинскому дворцу, где, ворвавшись внутрь, «штурмовики» арестуют Временное правительство, а затем последует то же самое с ЦИК Советов в Таврическом дворце, и объявят массам, что вся власть теперь принадлежит Советам, которые на самом деле будут представлены только большевиками. После чего останется захватить вокзалы, мосты, арсенал, телеграф и можно начинать править Россией. Верховное руководство путчем было возложено на командира «Военки» Подвойского. Сам «вождь», сославшись на крайнее переутомление и на необходимость доработать программу партии к открытию в конце июля съезда партии, уехал в Финляндию, на дачу к Бонч-Бруевичу.

Однако в деле организации мятежей часто возникают совершенно неожиданные обстоятельства и тщательно продуманные планы летят коту под хвост. Утром 3 июля Подвойский направил солдат пулеметного полка на все заводы и во все полки гарнизона с призывом все как один идти на бой за власть Советов. Рабочие довольно дружно откликнулись, но

среди солдат гарнизона успех был лишь частичный. Дойдя до дворцов, демонстранты стали шумно требовать, чтобы вся власть была передана Советам, но «штурмовики» вместо того, чтобы ворваться внутрь и захватить власть, стали захватывать легковые и грузовые автомобили и, украсив их красными флагами, разъезжать по городу, крича «Вся власть Советам» и стреляя из ружей и пулеметов. Захватили также Петропавловскую крепость и арсенал, пытались, но неудачно, арестовать военного министра. В Советах же попытка так называемой «рабочей» секции выступить против ЦИК Советов как бы от имени всего Петросовета с требованием забрать всю власть у Временного правительства, не получила поддержки, которую ожидала от «братишек». «Военка» не решилась ставить Петросовет на попа при неясной позиции гарнизона. Новый командующий военным округом приказал войскам навести порядок на улицах. Но гарнизон и в этом случае предпочел остаться в казармах, сохраняя нейтралитет.

На следующий день в Питер прибыл вызванный со своего курорта Ленин. Его никто не встречал, и до особняка Кшесинской он добрался на извозчике. Выслушав сообщение о событиях минувшего дня, он помрачнел, план «стихийного захвата власти революционными массами» явно провалился. Хочешь — не хочешь, а всю ответственность за происходящее необходимо было брать на себя. Командиры «Военки» ждали его указаний. «Бить вас всех надо!» — процедил он сквозь зубы. Вскоре перед особняком и вдоль проспекта скопилось море «братишек» с ружьями, патронташами и связками гранат у пояса. Узнав, что приехал Ленин, они пришли, чтоб наконец услышать от Самого команду на штурм. Но не услышали. Ему пришлось выйти к ним на балкон и, воздав должное их верности революции, мужеству и организованности, заверить собравшихся в своей горячей убежденности, что в конце концов власть все-таки перейдет к Советам, и, готовясь к этому, надо сохранять бдительность и выдержку. Новая тактика ошарашила многие горячие головы в бескозырьках, и, не зная, что им делать, они

вновь пустились разъезжать по городу с ружьями, пулеметами, знаменами и плакатами. Кое-где завязывалась перестрелка из окон и по окнам. На нескольких площадях в центре таякали пулеметы, всего оказалось до четырехсот погибших, но положение оставалось в течение дня неопределенным. Ленин в глубине души не расставался с надеждой, что «стихийное» развитие событий вовлечет в конце концов колеблющиеся воинские части и дело кончится захватом власти. Он терпеливо ждал, куда повернет кривая, готовый в случае удачи немедленно «влезть на броневик» и оседлать события. Однако готов он был и столь же быстро юркнуть в норку (как в 1905-м), если дело не выгорит и категорически отказывался «бросить жребий» и от имени ЦК дать «военке» приказ брать власть. Что происходит на улицах города он узнавал только из отрывочных слухов, долетавших до него, и сильно нервничал.

Много очевидней были впечатления Максима Горького, находившегося на Невском, в гуще событий: «На всю жизнь останутся в памяти отвратительные картины безумия, охватившего Петроград днем 4 июля. Вот, ошетиная винтовками и пулеметами, мчится, точно бешеная свинья, грузовой автомобиль, тесно набитый разношерстными представителями «революционной армии», среди них стоит встрепанный юноша и орет истерически: «Социальная революция, товарищи!» Какие-то люди, не успевшие потерять разум, безоружные, но спокойные, останавливают гремящее чудовище и разоружают его, выдергивая щетину винтовок. Обезоруженные солдаты и матросы смешиваются с толпой, исчезают в ней... И ясно, что этот устрашающий выезд «социальной революции» затеян кем-то наспех, необдуманно и что – глупость имя силы, которая вытолкнула на улицу вооруженных до зубов людей. Вдруг где-то щелкает выстрел, и сотни людей судорожно разлетаются во все стороны, гонимые страхом, как сухие листья вихрем, валятся на землю, сбивая с ног друг друга, визжат и кричат: «Буржуи стреляют!» Стреляли, конечно, не «буржуи», стрелял не страх перед революцией, а страх за революцию. Слишком много у нас этого страха. Он

чувствовался всюду – и в руках солдат, лежащих на рогатках пулеметов, и в дрожащих руках рабочих, державших заряженные винтовки и револьверы, со взведенными предохранителями, и в напряженном взгляде вытаращенных глаз. Было ясно, что эти люди не верят в свою силу да едва ли и понимают, зачем они вышли на улицу с оружием. Особенно характерна была картина паники на углу Невского и Литейного часа в четыре вечера. Роты две каких-то солдат и несколько сотен публики смиренно стояли около ресторана Палкина и дальше, к Знаменской площади, и вдруг, точно силою какого-то злого, иронического чародея, все эти вооруженные и безоружные люди превратились в оголтелое стадо баранов. Я не мог уловить, что именно вызвало панику и заставило солдат стрелять в пятый дом от угла Литейного по Невскому – они начали палить по окнам и колоннам дома не целясь, с лихорадочной торопливостью людей, которые боятся, что вот сейчас у них отнимут ружья. Стреляло человек десять, не более, а остальные, побросав винтовки и знамена на мостовую, начали вместе с публикой ломиться во все двери и окна, выбивая стекло, ломая двери, образуя на тротуаре кучи мяса, обезумевшего от страха. По мостовой, среди разбросанных винтовок, бегала девочка-подросток и кричала: «Да это свои стреляют, свои же!» Я поставил ее за столб трамвая, она возмущенно сказала: «Кричите, что свои...» Но все уже исчезли, убежав на Литейный, Владимирский, забившись в проломанные ими щели, а на мостовой валяются винтовки, шляпы, фуражки и грязные торцы покрыты красными полотнищами знамен.... Вот это и есть тот самый «свободный» русский народ, который за час перед тем, как испугаться самого себя, «отрекался от старого мира» и отрясал «его прах» с ног своих? Это солдаты революционной армии разбежались от своих же пуль, побросав винтовки и прижимаясь к тротуару? Этот народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства, этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем....»

Горькому, конечно же, было неведомо тогда, что сила, которая вывела на улицы вооруженный народ, была не так глупа, как подла. Ленинский план сводился к циничной комбинации провокаций и обманов, конечной целью которой было захват диктаторской власти в России и распространение ее на весь мир. Вторая часть была глупостью, продиктованной фанатической верой Ленина в марксистские бредни о неизбежности скорого наступления мировой пролетарской революции. Но первая часть была порождена всецело революционной беспринципностью первого фашистского вождя.

План этот в самом общем виде возник, собственно, в голове знакомого Ленину с 1905 года попутчика революции в России, ставшего крупным финансистом в отнюдь не прозрачной сфере германо-турецких военно-экономических связей, Александра Гельфанда, он же Парвус. Этот меньшевик существенно помог Троцкому проникнуться идеей перманентной революции, а Ленину, утратившему после 1905 года веру, что «нынешнее поколение революционеров доживет до социальной революции в России», и тоскливо прозябавшему в Цюрихе, получить неожиданно от германского Генерального Штаба «командировку» в Россию и очень крупные «подъемные» на устройство там такой революционной власти, которая выведет Россию из войны с Германией. Не исключено, что Парвус вполне искренне хотел таким образом помочь Германии, где ему удалось достичь несравненно лучшего положения, чем в России, и Ленина он, по-видимому, оценил правильно.

По воспоминаниям одного из активнейших членов ИК Петросвета, «около полудня в разных концах города началась стрельба. Она начиналась со случайных выстрелов, следовала паника, винтовки начинали сами стрелять куда попало. Везде были раненые и убитые. Начались небольшие, частичные погромы. Часам к четырем число раненых и убитых уже исчислялось, по слухам, сотнями. Здесь и там валялись трупы убитых лошадей... Советско-правительственные власти высылали верные отряды юнкеров, семеновцев, казаков. Они дефилировали и встречались с неприятелем. При встрече ко-

лонн, ни участники, ни свидетели не различали, где чья сторона. Пули в огромном большинстве доставались, конечно, прохожим. Все это совсем не походило на манифестацию против министров-капиталистов, но и на восстание за власть Советов не походило тоже. Но вдруг над Петербургом разразился проливной дождь. Минута-две-три, и «боевые колонны» не выдержали, солдаты-повстанцы разбегались, как под огнем, и переполнили все подъезды, навесы, подворотни. Настроение было сбито, ряды расстроены. Дождь распылил восставшую армию, массы не находили своих вождей, а вожди – подначальных. Командиры говорили, что восстановить армию уже не удавалось, последние шансы на какие-нибудь планомерные операции после ливня совершенно исчезли. Было около пяти часов. В комнатах Исполнительного комитета кто-то впопыхах сообщил, что ко дворцу подошли кронштадтцы. Под предводительством Раскольников и Рошалея, они заполнили весь сквер и большой кусок Шпалерной. Настроение их самое боевое и злобное. Они требуют к себе министров-социалистов и рвутся всей массой внутрь дворца. Президиум выслал к ним Чернова. Чернов произнес небольшую речь о кризисе власти. Речь прерывалась возгласами в большевистском духе, а по окончании ее какой-то инициативный человек из толпы потребовал, чтобы министры-социалисты сейчас же объявили землю народным достоянием и т.п. Поднялся неистовый шум. Толпа, потрясая оружием, стала напирать. Чернова объявили арестованным в качестве заложника. Группа рабочих, ворвавшись в зал, произвела там панику криками: «Товарищ Чернов арестован толпой. Его сейчас расстреляют! Спасайте скорее! Выходите все на улицу!»

Я бросился к выходу, и тут же увидел Раскольников, пробиравшегося к залу. Я взял его за руку и потащил обратно, на ходу объясняя, в чем дело. Нас догнал Троцкий. Троцкого знал и ему, казалось бы, верил весь Кронштадт. Но Троцкий начал речь, а толпа не унималась. Если бы поблизости сейчас грянул провокационный выстрел, могло бы произойти грандиозное побоище, и всех нас, включая, пожалуй, и Троцкого, могли бы разорвать в клочки. Едва-едва Троцкий заставил слушать себя

ближайшие ряды... Не зная, что делать, кронштадтцы отпустили Чернова. Троцкий взял его за руку и спешно увел внутрь дворца. Я же, оставаясь на месте происшествия, вступил в спор с Раскольниковым: «Уведите же немедленно свою армию. Ведь вы видите, легко может произойти самая бессмысленная свалка... Какая же политическая цель их пребывания здесь и всего этого движения?» Раскольников смотрел на меня злыми глазами и отвечал неясными односложными словами... Я понимал достаточно хорошо, что такое – стихийное движение... но я не знал, что большевики уже по меньшей мере целый месяц находятся в полной готовности взять в свои руки всю государственную власть «при благоприятных условиях» ...Раскольников имел соответствующие директивы, ...но прямых приказов Раскольников и Рошаль не получили... стоять на месте и ничего не делать многотысячной толпе, приведенной «защитить революцию», было тоже невозможно. Настроение могло легко обратиться против самих кронштадтских генералов... В этот момент на передок автомобиля взобрался Рошаль... Он прославлял кронштадтцев за выполнение их революционного долга, а затем приглашал отправиться на отдых в указываемые им пункты, где армия получит кров и пищу. Но доблестные кронштадтцы должны быть наготове. В каждый момент они могут понадобиться революции снова, и их призовут опять».

День клонился к вечеру. К семи часам, после ухода кронштадтцев, им на смену явилась столь же многочисленная масса вооруженных рабочих Путиловского завода. В зал заседания Исполкома «врывается толпа рабочих человек в сорок... Один из рабочих, классический санкюлот, в кепке и короткой синей блузе без пояса, с винтовкой в руке вскакивает на ораторскую трибуну. Он дрожит от волнения и гнева и резко выкрикивает, потрясая винтовкой, бессвязные слова: «Товарищи! Долго ли терпеть нам, рабочим, предательство? Вы собрались тут, рассуждаете, заключаете сделки с буржуазией и помещиками... занимаетесь предательством рабочего класса. Так знайте, рабочий класс не потерпит! Нас тут, Путилове, 30 000 человек, все до одного!.. Мы добьемся своей

воли! Никаких чтобы буржуев! Вся власть Советам! Винтовки у нас крепко в руке! Керенские ваши и Церетели нас не надуют!» Чхеидзе, перед носом которого плясала винтовка, спокойно наклонившись со своего возвышения, протягивал и всовывал в дрожащую руку рабочего вчерашнее воззвание: «Вот, товарищ, возьмите, пожалуйста, прошу вас, и прочтите. Тут сказано, что вам делать и вашим товарищам-путиловцам... В воззвании было сказано, что все вышедшие на улицы должны отправляться по домам, иначе они будут предателями революции». «Вечером в цирке «Модерн» собрались рабочие с Петроградской и Выборгской сторон, ожидая выступления вождей большевизма. Но никто не явился... Мы отправились к Таврическому дворцу... В комнате, занимаемой фракцией большевиков, у стола, опершись головой на руку, сидел Ленин... Один из военных спросил, что нам нужно. Я ответил, что мы – представители Союза Трудового Равенства и высказал удивление, что фракция большевиков оставляет в данный момент рабочих и солдат без своего руководства и те мечутся, не зная, что предпринять. Следует или дать сигнал к настоящему вооруженному восстанию и к захвату власти не Советами, которые этого не хотят, а революционным пролетариатом, т. е. большевиками, или решительно призвать к прекращению демонстрации и полному успокоению». «...на последней странице «Правды» от пятого июля было помещено скромное объявление: «Цель демонстрации достигнута. Лозунги передового отряда рабочего класса ... показаны внушительно и достойно... Мы постановили поэтому закончить демонстрацию». Движение круто пошло на убыль, а шестого в Петрограде все стихло». За таинственной тишиной на большевистской колокольне четвертого июля, когда все штурмовые отряды во главе с Раскольниковым, Лацисом, Невским, Подвойским и другими «полевыми командирами» пылали революционной яростью и сгорали от нетерпения, ожидая набата, скрывалась, однако, фундаментальная причина. Излюбленной тактикой фашистских вождей всегда была провокация. Подготавливая крупное преступление, они непременно начинали с провокационного дебюта, цель которого была

придать тщательно подготовленной акции убедительную видимость спонтанного взрыва народного гнева. Первый в истории фашист классического типа – Ульянов (Ленин), как и его главный продолжатель, отличался замечательным равновесием между его разросшимся до крайности инстинктом самостверждения и столь же могучим инстинктом самосохранения. Приложив максимум старания, чтобы пробольшевиченные массы рвались в бой «за власть Советов», власть, которая сразу же им устроит расчудесную жизнь, он, назначив «мирную» демонстрацию всех сил большевизма против капиталистической власти Временного правительства и проинструктировав вожakov «Военки», как «не помешать» в нужный момент революционной энергии масс, уехал на недельку «отдохнуть» на дачу в Финляндию, «чтобы там заодно подготовить программу для приближающегося съезда партии». При этом он, само собой, был готов в любой момент, как только придет сигнал, что дело выгорело и Совет находится в руках «народа», а правительство свергнуто, немедленно бросить свои труды и поспешить в столицу, чтобы вовремя успеть «принять» власть из рук соратников и, естественно, народа. Однако нужный момент, на который так рассчитывал главный вдохновитель путча, как-то не случился в первый день вооруженной до зубов четырехсоттысячной демонстрации. Между членами ЦК возникли разногласия «по текущему моменту», и доверенные товарищи поехали к нему, уже усвоив большевистский порядок вещей: решающее слово исходит только из уст вождя. Пришлось ехать туда, откуда ему хотелось бы быть в эту пору подальше. Но тактики своей он не переменял. Обругал соратников, похвалил собравшихся у особняка Кшесинской «братишек» и, не сказав им ни да, ни нет, уехал в Таврический – продемонстрировать свою непричастность к «заговору». Там он и просидел молча до конца дня в комнате, отведенной для фракции большевиков, ожидая. Но не дождался. Как назло, на улицах и площадях палили, почему зря, а, сгрудившись у подъездов дворцов, только рычали, как голодные псы, и ни одному дурню не пришло в голову пальнуть, чтоб отвести душу. Вот тут-то и сдетонировало бы так, что в

ключья порвали бы и министров, и депутатов... Так они и ждали: массы – сигнала на штурм, а вождь – стихийного взрыва масс.

Последний рык сил порядка

Вечером стало известно, что ЦИК Совета и правительство вызвали с фронта войска для наведения порядка в столице, и, что еще хуже, военная контрразведка пригласила вечером 4 июля из полков гарнизона в генеральный штаб представителей, чтобы ознакомить их с материалами, неоспоримо свидетельствовавшими, что пламенный вождь большевиков является агентом германской разведки и регулярно получает от нее крупные суммы денег на ведение подрывной деятельности против российского государства для того чтобы посредством развала армии заставить его выйти из войны с Германией. Эти материалы произвели на солдат впечатление настолько сильное, что было решено передать эти сведения в прессу для широкой публикации, и на следующий день жители столицы узнали о «второй великой азефовщине», о том, что вождь большевиков Ленин – немецкий шпион и провокатор. Разоблачитель первого Азефа Владимир Бурцев заявил в открытом письме, перепечатанном многими газетами: «Среди большевиков всегда играли и теперь продолжают играть огромную роль и провокаторы, и немецкие агенты.... За эти дни Ленин с товарищами обошлись нам не меньше огромной чумы или холеры». Газета эсеров «Воля народа» писала: «Большевики открыто идут против воли революционной демократии. Революционная демократия обладает достаточной силой, чтобы заставить всех подчиниться своей воле. Она должна это сделать... промедление смерти подобно».

Однако к немедленным действиям готовы были только газеты. В России и в лучшие времена запрягали подолгу, а уж после наступления долгожданной свободы, многократно усилившей неопределенность в стране, где определенность никогда не уважали – как обычай чужой и русской душе бесполезный, торопливость обнаруживали только самые нетерпеливые:

яростные ревнители самодержавия и большевики-молодцы, нарыло очень разные, но по духу очень схожей породы.

Установившиеся с февраля в стране три власти: правительство, Советы и генералитет продолжали еще сами в себе делиться на части. В правительстве, возглавляемом князем Львовым, человеком, не имевшим ни воли к власти, ни способностей управлять и посаженным быть главой правительства и министром внутренних дел против его собственного желания в силу лишь своего нравственного авторитета (ценности для политика сомнительной) три фракции: кадеты, социалисты и дельцы, занятые грызнёй между собой, уступали, не желая того, дорогу нахрапистому и тщеславному проходимцу Керенскому, которому потворствовал и сидящий на козлах, но не желающий брать в руки вожжи Председатель. В Советах лидеры Церетели и Чхеидзе, сплотившие вокруг себя группу центристов, «звездную палату», направляли всю свою силу на сдерживание избыточной политической активности всех крайних от патриотов и сторонников твердой руки до умеренных большевиков, чтобы не дать сбиться кораблю революционной демократии с курса на Учредительное Собрание, которое решит все. В генералитете также между строгим Корниловым и либеральным Брусиловым расположилось большинство опасающихся и тех, и других: как убежденных монархистов, так и тех, кто встал на сторону народа; они предпочитали поэтому не предпринимать какие-то действия, а выжидать.

На фоне этой выжидательной политики главы сил общества мелькала истерически активная фигурка верховного правителя России Керенского, получившего после ухода князя Львова возделенный пост Председателя правительства и упивавшегося своим истинным призванием – революционной декламацией. Словоблудие было главной формой деятельности большинства вождей революционной демократии, свидетельствующей, что они твердо стоят на защите революционных завоеваний и их устами глаголет воля народа.

А ситуация в государстве была критическая. Именно эти июльские дни, после лопнувшего путча большевиков и ката-

строфы на фронте, которой окончилось громогласно разрекламированное наступление, наступило драматическое затишье, когда решалась дальнейшая судьба революции. Лето стояло жаркое. По всей российской равнине вспыхивали пожары в помещичьих имениях и курились дымы в уже сожженных. Народ наконец свободно проявлял свою волю. «То словоблудие, которое текло непрерывно из Петрограда и там отравляло и опьяняло мысль и совесть верхов революционной демократии, на широкой арене народной жизни обращалось в прямое действие» (А. И. Деникин).

После распада почти в одночасье административного аппарата царской власти никаких практически связей между правительством и страной не осталось. Наезжающие из столицы в губернские города правительственные комиссары заставляли там комитеты и советы, различавшиеся только тем, что в первых было больше членов различных революционных партий: эсеров, эсдеков, кадетов и т.д. и меньше солдат-дезертиров в шапках с красными бантами, а во-вторых – как раз наоборот. Впрочем, власти и средств управления губерниями у них были самые пустяки. Власть была у народа, то есть у крестьянства (которого в населении российской державы было 80%), а совсем точно – у тех из них шести миллионов, которые отвоевав год или два, сразу как скинули царя и приказ №1 Петросовета дал им власть в армии, хлынули с фронта по домам, а многие и по городам, чтобы влиться в ряды революционной демократии. Именно они организовывали в деревнях земляков, не нюхавших еще порошу и не соображавших, что теперь к чему, на главное дело народной революции – резать подчистую бар и делить, по справедливости, между собой их добро и земли. Именно они в городах вступали в ряды народной милиции, чтобы производить обыски в богатых домах, реквизируя «для нужд революции» все «незаконно нажитое», что можно было унести, и без лишних слов сажая на штык тех, кто пытался протестовать, не соображая еще, что ихнее времечко отошло. Именно к ним и обращались самые правильные революционеры – «большевики» с призывом к беспощадной борьбе с

эксплуататорами. А самый большой из них, уже ставший ведомым народу по прозвищу Ленин, так прямо и сказал: «Грабьте награбленное!» Вот такого бы и надо поставить царем, чтобы было настоящее, по справедливости, народное царство.

Однако пока мужички продолжали углублять революцию, выполняя его прямое указание, будущему народному царю, обладавшему острым политическим чутьем, надо было срочно уносить ноги. Уже 6 июля, прятаясь в квартире одной верной большевички Ленин без колебаний принял решение бежать, не теряя ни минуты и как можно дальше из революционной столицы.

На ее сообщение о том, что об этом думают его соратники: «Вопрос о явке товарища Ленина в суд нельзя рассматривать не в плоскости личной безопасности... а с точки зрения интересов и достоинства партии. Нам приходится иметь дело с массами, и мы видим, какой козырь в руках буржуазии, когда идет речь об уклонении от суда наших товарищей... Из процесса Ленина мы должны сделать дело Дрейфуса» (Володарский) – не произвело на него ожидаемого впечатления. Ему совсем не хотелось, чтоб из него сделали нового Дрейфуса. «Вас, товарищ Сулимова, – сказал он ей, объясняя свою принципиальную позицию, – возможно арестуют, а меня могут и «подвесить». И, сменив за два дня две квартиры, он поздним вечером 9 июля бежал, взяв в спутники Зиновьева, в деревню за тридцать верст от Петрограда, а через месяц, узнав о начале Московского совещания, еще дальше, в Финляндию. Первая волна арестов «немецких шпионов и предателей Родины» еще до того, как власти успели издать какие-либо распоряжения на этот счет, прокатилась по столице уже пятого июля. Утром отряд юнкеров нагрянул в редакцию «Правды», буквально через несколько минут после ухода оттуда Ленина. Они разгромили типографию, уничтожили свежие газеты и арестовали сотрудников. После этого разгромлено было пробольшевистское издательство «Труд». На улицах происходили

аресты заподозренных в большевизме солдатами и офицерами гарнизона, и юнкерами без каких-либо на то санкций. На следующий день прокурор города издал постановление об аресте Ленина, войска гарнизона заняли особняк Кшесинской, арестовав при этом задержавшихся из-за вывозки архива большевиков, и Петропавловскую крепость – последние оставшиеся в руках мятежников опорные пункты в центре города. К вечеру кабинет министров издал приказ: «Всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти, установленной народом, а также всех призывавших и подстрекавших к нему арестовать и привлечь к судебной ответственности как виновных в измене родине и в предательстве революции». Репрессии приняли более организованный характер, в них приняли деятельное участие подтянутые для этой цели с фронта воинские части. Большая часть офицеров и солдат-активистов «военки» (военной организации большевиков в войсках гарнизона) – около полутора сот человек, были схвачены и посажены в одну из районных тюрем, столько же кронштадтцев – в другую, партийное руководство – в «Кресты». Всего, очевидно, было арестовано не более полутысячи человек, потому что сведений о персональном составе партии у контрразведки и милиции было не густо. Большинство из арестованных просидело за решеткой все четыре месяца до Октябрьского переворота, в условиях, однако гораздо более либеральных, нежели до революции. Петросовет, дабы подчеркнуть свою полную непричастность к большевистскому путчу, принял 9 июля жесткую резолюцию с осуждением мятежников, но уклонился от собственного участия в репрессиях. «Пусть правительство, – говорилось в его прокламации, – суровой рукой подавляет все вспышки анархии и все покушения на завоевания революции. И пусть проведет в жизнь все те меры, которые необходимы для революции».

Первые две недели после путча партия большевиков спряталась в подполье, напуганная не арестами, не столь уж значительными, как можно было ожидать, а резко изменившейся

общей обстановкой в городе. Сообщение о том, что большевики – изменники родины, получающие постоянную плату от Германии за свою подрывную работу, прокатилась по Петрограду, как гром небесный. Возмущение этим гнусным и страшным предательством охватило буквально все слои населения, включая даже членов самой большевистской партии, которая успела было фантастически возрасти от 12.000, насчитывавшихся по всей России в ее рядах в канун революции, до 220.000 к началу путча, потеряла в результате его 188.000 вышедших из нее после разоблачения. Следствием было быстро собрано двадцать томов доказательств связи вождей большевиков с германским Генеральным штабом, Имперским банком и послом Германии бароном фон Мирбахом.

Однако начавшееся корниловское движение и страх охвативший Петросовет, Керенского и всю левую «революционную демократию» перед надвигающейся справа «контрреволюцией» отложил до лучших времен судебный процесс. А после Октябрьского переворота по личному приказу Ленина все собранные по этому делу документы были немедленно уничтожены. Но как бы ни закрывалось дело потом, репутация вождя была подмочена основательно. Печать немецкого агента удалось полностью с его физиономии смыть только после того, как Сталин уничтожил всю «ленинскую гвардию». А в те дни на позицию самого главного его гвардейца выдвинулся за три месяца Яков Свердлов, никогда до апреля с Лениным не встречавшийся, но совершенно покоровший вождя своим глубоким пониманием его теории перерастания буржуазной революции в социалистическую (чего недопонимали многие старые ленинцы), своим умением убеждать рабочие массы короткими точными речами в ее абсолютной истинности, и, что особенно важно, своей феноменальной энергией и способностью быстро сколачивать этих уверовавших в прочные партийный ячейки, безошибочно находя среди них толковых организаторов. Конечно же, своим беспримерно быстрым ростом партия была обязана, в первую очередь, происшедшей революции, во вторую – немецким деньгам, давшим возможность затопить, обходя всех конкурентов, взбудораженные

революцией толпы солдат и рабочих бесчисленными «правдами»: «рабочей», «крестьянской», «трудовой», «фронтвой», «солдатской», «окопной» и т.д, но вне сомнения обязана она была своими успехами организационному таланту своего главного строителя и архитектора, демонически целеустремленного Свердлова. Понимая своим точным холодным умом, что в сложившейся ситуации Ленин со своей трусоватостью и колебаниями от лихорадочной решимости до паники будет только мешать делу, где бы ни находился, в тюрьме или на свободе, он горячо поддержал его желание бежать и сам отвез их с Зиновьевым в Разлив, а потом и в Финляндию. И все четыре месяца отсутствия Ленина в столице всю организационную работу в партии, включая и съезд, и подготовку восстания, вел Свердлов, умело выделяя секторы для приложения сил и Троцкому, и Дзержинскому, и Подвойскому, и давая выпускать пар в дискуссиях Каменеву, Луначарскому и другим теоретикам.

Несмотря на катастрофический провал путча и ненависть, охватившую население к партии предателей несмотря на то, что либеральная пресса с ликованием хоронила ее и кадетская «Речь» утверждала 7 июля, что «Большевизм скомпрометировал себя безнадежно... Большевизм умер, так сказать, внезапной смертью, ...оказался блефом, раздуваемым немецкими деньгами». С той или иной степенью энтузиазма эту точку зрения разделяли и «Единство» социал-демократов, «Петроградская газета», «День» меньшевиков, «Новая газета» Горького, эсеровская «Воля народа» и, само собой, все газеты правого фланга «революционной демократии». Даже главный орган ЦИК Петросовета «Известия» и его же «Голос солдата» клеймили большевиков, как провокаторов и клеветников, которые теперь, «по обычаю всех трусов, заматают следы и скрывают правду от своих последователей». Несмотря на все это, партия, уйдя в подполье и затаившись, от репрессий, потеряла сущие пустяки, потому что органы сыска Временного правительства просто не знали в рядах большевиков никого, кроме «вождей» – тех, чьи имена то и дело мелькали в газетах. Повезло большевикам и с тем, что только

лишь наспех сформированное новое правительство было еще менее способно к согласованной и эффективной деятельности, чем распавшееся предыдущее, а нарастание катастрофических событий требовало от него быстрых и решительных действий.

Утром 10 июля правительство получило телеграмму своего комиссара Савинкова с Юго-Западного фронта, сообщавшего, что наступление, начатое 18 июня, захлебнулось и в результате немецкого контрнаступления фронт прорван, положение катастрофическое, «О власти и повиновении нет уже и речи... Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов... Пусть вся страна узнает всю правду о совершившихся здесь событиях». Эта новость потрясла все общество сильнее, чем большевистский путч. С «взбесившимися хамами» удалось справиться быстро, как полагали газетные труженики правого толка и их читатели. Все комитеты их партии были разгромлены, сами они загнаны в подполье. Но германская армия, окончательную победу над которой предвкушали в июне, неожиданно нависла, как туча над Россией, которая из-за разложения ее армии советской и большевистской пропагандой, стала беззащитной. Нужны были немедленные и чрезвычайные меры. «Спасите Родину, она находится на краю гибели... – вещал в исступлении в Думском комитете Пуришкевич. – Если бы было покончено с тысячью, двумя, пусть пятью тысячами негодяев на фронте и несколькими десятками в тылу, то мы не страдали бы от такого беспрецедентного позора... пусть сгинут зловещие силы, примкнувшие к Временному правительству... Этими силами руководят люди, которые не имеют ничего общего ни с крестьянами, ни с солдатами или рабочими и которые ловят рыбку в мутной воде вместе с провокаторами, поддерживаемыми немецким кайзером».

Принятие чрезвычайных мер оказалось, однако, прерогативой только одного человека, допущенного роковой судьбой России до страстно желанной ему роли Бонапарта. Беда была

в том, что у него не было ни одного качества, благодаря которым Бонапарт стал на десять лет властителем почти всей Европы. Керенский обладал только одной выдающейся способностью – произносить патетические речи и эксплуатировал ее с нарастающей по мере его карьерного роста энергией. Поэтому место, где должны были приниматься наиболее ответственные решения, было полностью оккупировано болтовней. В качестве теперь верховного главнокомандующего государством он быстро одолел правительственный кризис, заполнив вакансии своими избранниками, быстро, воспользовавшись растерянностью и трусостью «звездной палаты» Петросовета, ликвидировал двоевластие, получив обязательство в полной поддержке правительства, и немедленно выехал в Могилев, в Ставку верховного главнокомандующего для проведения 16 июля экстренного совещания с генералитетом о мерах восстановления боеспособности армии. На его вопрос, в чем они видят главную причину развала в армии, все высшие генералы однозначно обвинили в гибели армии Советы, правительство и его самого, подчеркнув, что армия не может существовать без строгого и беспрекословного единоначалия. Верховный главнокомандующий Брусилов резюмировал: «Все бедствия России имеют одну причину – отсутствие у нас армии». Самым острым, обстоятельным и получившим горячую поддержку всего генералитета было выступление главнокомандующего Западным фронтом, сравнительно молодого, усыпанного наградами за мужество и талант, проявленные в этой войне, генерала Деникина. Он требовал ликвидации в армии всех комитетов и комиссаров, отмены Декларации прав военнослужащих, восстановления полновластия генералов и офицеров, военных судов и карательных отрядов для обеспечения дисциплины и полного запрета в армии какой-либо политической деятельности. Подавленный этой единодушной критикой Керенский молчал, не имея что возразить.

18 июля он снял Брусилова с поста Верховного и назначил на его место Корнилова, пользовавшегося широкой популярностью человека «твердой руки». Опасаясь однако, что

столь серьезные уступки генералам могут пошатнуть его собственный авторитет, приобретенный только в сферах «революционной демократии», он решил провести в Москве государственное совещание, на котором предполагал укрепить свои позиции в политических и деловых кругах, находящиеся правее его политического курса, убедительной декларацией своего центристского курса во имя единения всех общественных сил для спасения Родины. Увы, произвести столь нужное ему впечатление на эту публику ему не удалось. Но на него самого устрашающее впечатление произвела триумфальная встреча Корнилова 13 августа представителями всех правых сил и овации при его появлении в Большом театре, где происходило совещание в сравнении с теми жидкими аплодисментами, которыми был вознагражден он сам после своей двухчасовой речи.

«Вся мыслящая Россия» возлагала на генерала свои трепетные надежды и молила Бога помочь ему в его «великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России». Последовала неделя переговоров между Корниловым и Керенским о том, как совместными усилиями навести порядок в армии и в столице, в которых Керенский уступил во всех вопросах, касающихся армии, вплоть до восстановления смертной казни на фронте, но отказался от передачи под власть Корнилова Петроградского военного округа, железных дорог и работающих на нужды армии заводов. Согласившись на переброску под Петроград воинских частей, он оговорил это передачей командования над ними военному министру.

Однако при определенном недоверии обоих лидеров друг к другу достигнутой договоренности оказалось мало. Корнилов не намеревался скинуть Керенского после занятия столицы, он полагал, что важно только «немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать», ну а если понадобится, то «перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов». «Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне в последнюю минуту удастся с

ним договориться». Керенского явно не прельщала перспектива договора «в последнюю минуту», которая, как он подозревал, могла стать при неудаче договора и его последней минутой. Беда была в том, что у первого было по выражению генерала Алексеева «львиное сердце, но овечья голова», а у второго шустрая голова соединялась с заячьим сердцем. Страх заставил его начать сомневаться в том, достаточно ли лоялен к нему его заместитель по военному министерству Савинков, которого он отправил в Ставку как своего представителя в переговорах с Корниловым, и он решил подстраховаться.

В эту самую пору подоспел к нему старый приятель из Думы, лишившийся из-за последнего кризиса безмятежного поста обер-прокурора Синода, некий В. Львов с предложением своих бескорыстных услуг в качестве посредника, чтобы способствовать согласию между армией и властью. Не веря в сложившейся обстановке никому, Керенский посчитал, по-видимому, однако, что лишней информации быть не может, и, учтя сообщение Львова, что он явился к нему от имени влиятельнейших кругов общества, но никаких имен не назвал, имеет смысл послать его как бы с секретной миссией, чтобы потом по результатам, сопоставив их с информацией от Савинкова, можно было сделать более надежный вывод о том, что затевается в Ставке. Корнилову Львов сообщил, что Керенского интересует, как видит Корнилов состав «национального правительства», которому надлежит спасти Россию, и Корнилов ответил, что вся власть в столице, которая будет объявлена на военном положении должна будет принадлежать ему, что Керенскому будет предоставлен пост заместителя премьера или министра юстиции, Савинкову пост военного министра, причем им обоим для их безопасности он рекомендует как можно скорее приехать в Ставку, а остальное можно будет согласовать на месте.

26 августа Львов вернулся и доложил Керенскому о чрезвычайной опасности сложившегося положения, о том что Корнилов говорил, что захватившие Ригу немцы могут через двое

суток быть под Петроградом, что на завтра, в день полугодщины революции, по данным его контрразведки, намечен мятеж всех левых банд, и если посланный им по просьбе Савинкова конный корпус, не успеет подойти к столице, правительство может стать жертвой взбунтовавшейся черни, руководимой большевистскими преступниками. Львов горячо уговаривал Керенского как можно быстрее покинуть Петроград и уехать в Москву, пока Корнилов наведет здесь порядок. Керенский пришел в крайнее возбуждение, на грани истерики. Кто прав: Савинков, заверивший его, что все главные вопросы в принципе согласованы и Корнилов лоялен к нему, или Львов, открывший ему планы Корнилова отстранить его от верховной власти и установить практически военную диктатуру? Перевесила антипатия к Корнилову, и поздним вечером он провел последнюю проверку, связавшись с Корниловым по прямому проводу. Корнилов подтвердил, что просил приехать в Могилев его и Савинкова как можно скорее. «Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас». «Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?» – задал свой главный вопрос Керенский. «Во всяком случае», – ответил, так и не поняв, в чем смысл разговора, Корнилов. – «До свидания, скоро увидимся», – дрогнувшим голосом солгал Керенский. «До свидания», – благодушно ответил Корнилов.

Судьба России, с точки зрения последующего развития сюжета, равно как и судьба собеседников была решена этим кратким разговором. Корнилов, как и все его единомышленники в генеральских погонах, в вицмундирах и в партикулярных пиджаках, не догадывались, где свила себе гнездо революция. Они были убеждены, что эта зараза возникла, благодаря многолетней подрывной болтовне разной социалистической дряни и вскормлена на немецкие деньги предателями-большевиками среди распущенной столичной черни и не жела-

ющих идти на фронт солдат гарнизона, избалованных спокойной жизнью в тылу, когда их братья проливают кровь, защищая отечество. Этим и объяснялось их уверенность в необходимости быстрой и решительной операции по уничтожению этой опухоли в Петрограде и аналогичных мелких очагов в армии.

Керенский, склонившийся после большевистского путча также к необходимости карательных действий для подавления большевистского экстремизма, считал при этом, что, будучи облечен Провидением верховной властью и ответственностью за судьбу революции, командовать карательной операцией и определять ее меру должен только он. И покушение Корнилова на эту его прерогативу является фактически прямой контрреволюцией. Спасти революцию мог только он, и на следующее утро, после ночного совещания с членами кабинета, от которых он потребовал предоставления ему, в связи с открывшейся его провидческому взору страшной опасностью, чрезвычайных полномочий, он отправил в Ставку телеграмму, приказывающую Корнилову сдать командование над армией начальнику генштаба Лукомскому и немедленно выехать в Петроград. Ответ пришел от Лукомского, генерал сообщал: «Остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно. Ради спасения России вам необходимо идти с генералом Корниловым... Не считаю возможным принимать должность от него».

Последовало доведенное до сведения всего населения заявление Керенского, что Корнилов потребовал от правительства всей полноты власти над страной, что является попыткой установить контрреволюционную диктатуру, и потому он, Керенский, будучи уполномочен на это правительством, уволил Корнилова с поста главнокомандующего армией и объявляет в Петрограде введение военного положения. Корнилов был ошарашен и взбешен текстом этого заявления, его потрясла наглая ложь, обвинявшая его в намерении захвата власти и установления диктатуры, порожденная страхом Керенского. Он немедленно сообщил по телеграфу всему армейскому командованию и всем корреспондентам газет, находившимся

при Ставке, что оклеветан главой правительства, совершившим тем самым провокацию не только против него, но, учитывая критическую ситуацию, и против всей России. И поэтому он, Корнилов, должен заявить: «Сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины», подтвердить, что ему, сыну казака-крестьянина, ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и он клянется довести ее народ по пути побед над всеми ее врагами до Учредительного собрания, где народ сам и решит, как ему жить дальше.

Всеми главнокомандующими фронтов было безотлагательно сообщено Корнилову об их полной поддержке. Союз офицеров призвал всех офицеров армии и флота к твердой поддержке своего Верховного главнокомандующего и заявил, что Временное правительство во главе России оставаться больше не может. Третьему корпусу было приказано продолжать движение на Петроград, который приказом командующего корпусом генералом Крымовым еще накануне был объявлен находящимся на военном положении. А в газетах уже мелькали панические сообщения, вроде тех, что корниловские части уже разгружаются на Николаевском вокзале. И утром 28 августа ЦИК Советов создал Комитет народной борьбы с контрреволюцией, сразу же приступивший к организации обороны города. Немедленно от имени ЦИК были разосланы всем армейским комитетам, служащим и рабочим министерств транспорта, почт и телеграфов, всем профсоюзам, общественным и политическим организациям: не выполнять никаких приказаний Ставки, всячески затруднять продвижение войск в сторону столицы и нарушать связь между ними, направлять делегации сознательных солдат навстречу корниловским полкам для объяснения их карательной антинародной роли, навязанной им их командованием. Районные Советы начали формирования вооруженных отрядов «красной гвардии», которым тут же вместе с частями гарнизона поручались рубежи обороны по указаниям Комитета борьбы с контрреволюцией. Но это не потребовалось. Действиями профсоюза

железнодорожников, продуманными и организованными не хуже, чем полгода назад при разведении корпуса генерала Иванова по разным направлениям и поимки царя в западню, и роем агитаторов рабочих и солдат, доставленных к крымским эшелонам и в два дня полностью разложивших его солдат, движение Корнилова было ликвидировано без единого выстрела, кроме выстрела генерала Крымова в собственное сердце. С революцией генералов, мечтавших о создании парламентарной монархии на английский лад или о республике с властью не менее твердой, чем французская, было покончено, и народной волей в мечту эту был вбит осиновый кол. Но одновременно пришел конец и надеждам на республику социал-демократов и либеральной буржуазии, лелеемыми ЦИК Советов и Временным правительством, вдруг с ужасом обнаружившими свою беспомощность перед вновь вставшим на задние лапы хищным большевистским зверем.

Если после июльского путча большинство всех партий революционной демократии требовало немедленного разоружения рабочих и бунтующих солдат гарнизона, то в дни корниловского мятежа Комитет народной борьбы с контрреволюцией без колебаний начал вооружать всех решительных защитников революционного Петрограда. Вчерашние мятежники слева как бы само собой были приняты в ряды защитников от новых мятежников справа. Среди рабочих и солдат, возмущенных месяц назад предательством германских агентов, вновь возродилось доверие к большевикам как к самым решительным защитникам завоеваний революции. Под их давлением, поддержанным Комитетом народной борьбы, в начале сентября были освобождены Троцкий и полдюжины активистов «военки». Очень скоро позиции большевиков стали даже прочнее, чем до июля. Над Керенским и над лидерами ЦИКа нависло подозрение в их тайном сговоре с Корниловым еще до открытого мятежа.

Когда Керенский 1 сентября объявил Директорию из пяти человек и издал постановление о роспуске всех организованных для борьбы с «корниловщиной» ревкомов во главе

с Комитетом народной борьбы, все эти комитеты отказали ему в повиновении «ввиду сохраняющейся опасности контрреволюции». И в то же время на сессии Петроградского Совета 31 августа за резолюцию «О власти», предложенную Каменевым, проголосовало абсолютное большинство, а 25 сентября в составе нового Президиума оказались один меньшевик, два эсера и четыре большевика. Бессменного председателя Президиума меньшевика Чхеидзе сменил Троцкий. И через месяц под его руководством был мастерски осуществлен первый и крупнейший фашистский переворот, ставший никем не превзойденным образцом захвата власти в государстве.

Прежде всего, за несколько дней до переворота был создан Военно-революционный комитет Петросовета для непосредственного командования операцией. Для придания видимости его беспартийности в него было отобрано несколько десятков большевиков и левых эсеров, и даже председателем его Троцкий назначил левого эсера. Это были люди надежные, имеющие опыт и вкус к «прямому действию». Во главе их была поставлено Бюро – пятерка, включавшая двух эсеров (с председателем) и трех большевиков – руководителей «Военки». Своим партийным начальникам они не подчинялись и командовал ими только Троцкий. Официально их назначение было защищать Совет от нападений, готовящихся недобитыми «корниловцами» и казаками. По городу были широко распущены слухи, что в связи с отступлением армии от Риги, Керенский хочет отправить наиболее верные революции полки гарнизона на фронт, а сам со своим правительством бежать в Москву, сдав Питер немцам, чтоб те задушили революцию. В то же время на 25 число было назначено открытие Второго съезда Советов. 21 октября ВРК приступает к замене всех правительственных комиссаров в столице, и прежде всего в воинских частях, своими из числа выпущенных из тюрем членов «Военки». В тот же день полки столичного гарнизона признали ВРК своим командованием. Но штаб военного округа в самой категорической форме отверг притязания на какую-

либо власть над воинскими частями этой самозванной организации. Реакция Троцкого была молниеносной. Вечером этого же дня во всех воинских частях города была распространена его декларация, которая громогласно заявляла: «21 октября революционный гарнизон Петрограда сплотился вокруг ВРК... Несмотря на это, штаб Петроградского военного округа... не признал ВРК... Этим самым штаб порывает с гарнизоном и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Штаб становится прямым орудием контрреволюционных сил... Охрана революционного порядка... ложится на вас под руководством ВРК. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные ВРК, не действительны... Революция в опасности. Да здравствует революционный гарнизон!»

Эта бумажка, практически лишившая правительство военной власти в столице, уже являлась началом переворота. Следующий день Троцкий посвятил обработке гражданской части населения столицы. Все числящиеся в ораторах большевики разъехались по городу для выступлений на митингах. В самом большом из помещений, пригодных для этих целей, в зале Народного Дома выступал он сам. Честный Суханов, присутствовавший на этом празднике большевистской демагогии свидетельствует в своих «Записках о революции»: «Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу, казалось, толпа запоем сейчас... какой-нибудь религиозный гимн... Троцкий чеканил слова: «Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой всеми силами, любыми средствами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир!» Несметная толпа держала руки, поднятые для клятвы. Она согласна. Она клянется! Еще днем позже, (уже после того, как Керенский направил возглавляемому им Петросовету ультиматум: или он немедленно отказывается от своего заявления о подчинения правительственных войск ВРК, или военные власти примут любые необходимые меры для восстановления закона и порядка). Троцкий, презрительно игнорируя угрозы, главы уже бессильного правительства, отправился в последний отказавшийся

перейти под власть ВРК гарнизон, в Петропавловскую крепость. Он появился там после того, как его соратники уже несколько часов безуспешно пытались уломать солдат гарнизона признать авторитет ВРК. Вдохновенный призыв главного большевистского златоуста был услышан. В 8 часов вечера вопрос о том, чьим приказам должен подчиняться гарнизон, командующего округом или ВРК был поставлен на голосование. Верность присяге сохранила только небольшая группа офицеров и часть роты самокатчиков.

В охваченном возмущенными массами городе первым лицом был уже не Керенский, а Троцкий. 24 октября по его приказу по городу было распространено экстренным выпуском органа Петросовета газетой «Рабочий и солдат» воззвание ВРК ко всему населению города: «Граждане, контрреволюция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное собрание. Петроградский Совет... берет на себя охрану революционного порядка... Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств... Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции – в твердых руках!»

Сам Троцкий, выступая перед съехавшейся со всей страны на съезд Советов фракцией большевиков, объяснял им: «Наша задача, обороняясь, но постепенно расширяя сферу влияния, подготовить твердую почву для открывающегося завтра съезда Советов. Завтра... выявится настоящая воля народа» и искренне заверял их в том, что считал бы недопустимой ошибкой попытку арестовать Временное правительство, но вот освобождение захваченной юнкерами типографии «Рабочий путь» было абсолютно правильным действием. «Это оборона, товарищи, это оборона!» – успокаивал он представителей большевистского руководства, встревоженных слухами о готовящемся партийными радикалами восстании против правительства. Обрадованное его откровенной поддержкой их точки зрения, собрание наградило его продолжительной овацией.

Затем на заседании Петросовета Троцкий настоятельно уверял его членов, что «конфликт восстания сегодня или завтра не входит в наши планы у порога Всероссийского съезда Советов». Далее было опубликовано еще одно сообщение: «Вопреки всякого рода слухам и толкам ВРК заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы готовить и осуществлять захват власти, а исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюционных (и погромных) посягательств». После того как Военно-революционный комитет был старательно укутан в белые ризы, Троцкий занялся уже непосредственно организацией путча. Штурмовики ВРК были распределены им небольшими группами по главным стратегически важным для контроля над городом объектам. Во главе каждой группы был поставлен комиссар ВРК.

В 5 часов вечера без единого выстрела был занят Центральный телеграф, охранявшийся солдатами Кексгольмского полка, уже два дня как присягнувшего ВРК. Затем отрядом солдат Измайловского полка был занят важнейший из вокзалов, Балтийский, на который ожидалось прибытие вызванных Керенским с фронта войск. В то же время солдатами Павловского полка был занят Троицкий мост и поставлены заставы через все Марсово поле, отрезавшие Зимний дворец с востока. Немногим позднее с Дворцового и Николаевского мостов были выбиты занявшие их юнкера, и весь район правительственных учреждений оказался отрезанным и с запада. В 2 часа ночи уже 25 октября почти одновременно ротой солдат был захвачен Николаевский (он же Московский) вокзал, отрядом рабочих и матросов – городская электростанция, взводом солдат – Главный почтамт. Правительственные учреждения были отключены от электричества. Наконец в 6 часов утра солдаты Семеновского полка беспрепятственно пропустили в охраняемое ими здание Государственного банка отряд матросов, а кексгольмцы захватили Центральную телефонную станцию. Последний из намеченных к обязательному захвату объ-

ект, Варшавский вокзал – ворота города, обращенные к Северному фронту, был занят в 8 утра. Таким образом без боев и стрельбы, без вооруженных масс на улицах и площадях, практически совершенно незаметно для населения, жившего своей обычной жизнью, столица оказалась полностью захваченной штурмовыми отрядами ВРК.

Самые смутные представления о реальном положении дел были у членов Временного правительства, сидевших, как в мышеловке, в отрезанном от мира Зимнем дворце. Ни о чем не догадывался, сидя в квартирке на Выборгской стороне, вождь мирового пролетариата и, кипя от возмущения и проклиная товарищей из ЦК за нерешительность и трусость, слал им записки о категорической необходимости немедленно поднимать восстание всех революционных сил Петрограда на свержение Временного правительства. В 6 часов вечера он не выдержал и, перевязав щеку белым платком и нацепив на лысую голову парик, в сопровождении верного оруженосца из финских большевиков отправился в Смольный. Однако и там он не нашел таких товарищей, которые объяснили бы ему, что происходит. Все и всем стало ясно только, когда Троцкий в 2 часа дня открыв чрезвычайное заседание Петросовета, сообщил залу: «От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует!». Формально оно, впрочем, еще существовало, хотя его крикливый глава, а также заместитель командующего военным округом уже удрали утром в машине американского посольства, чтобы встретить идущие на освобождение столицы войска, министры оставались в креслах при исполнении обязанностей. Однако никаких войск, идущих спасать Временное правительство, не оказалось. В штабе Северного фронта в Пскове Керенский нашел командующего фронтом, генерала Черемисова, который уже знал о безнадежном положении правительства в Петрограде и о том, что его собственная власть над войсками превратилась в фикцию. В Пскове уже верховодил свой ВРК, провозглашенный солдатами из Псковского совета во главе с прапорщиком Крыленко. Черемисов посоветовал главе правительства как можно скорее уносить

ноги из Пскова, где он был не в состоянии обеспечить ему безопасность. Помочь потерявшему было всякую надежду Керенскому вызвался только командующий третьим корпусом генерал Краснов, возглавивший его после самоубийства Крымова. Но собрать для похода на столицу ему удалось лишь тысячу казаков с одним бронепоездом и легкой артиллерией в придачу. Даже с этими, более чем скромными силами он сумел 30 октября на Пулковских высотах основательно потрепать десятитысячную ораву красновардейского сброда из матросов, солдат и рабочих. Они потеряли 400 человек, казаки троих. Однако боеприпасы в этом бою были израсходованы почти полностью, из города на помощь красной гвардии шли новые полки, и Краснов был вынужден принять предложенные ему переговоры с самим Троцким. В результате казакам было предоставлено право спокойно отправиться походным порядком на свой родной Дон, а Керенскому Краснов сказал: «Я считаю себя не вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь». И тот, переодевшись матросом, бежал. Бежал, чтобы потом еще долгие десятки лет слоняться по эмигрантским закоулкам, перебиваясь вспомоществованиями от братьев-масонов.

Из Быховской тюрьмы бежали и пятеро генералов-корниловцев, на Дон, чтобы, собрав там корпус патриотов офицеров, создать армию для освобождения родины от большевистской нечисти. Не бежал только оставшийся в одиночестве в Ставке последний главнокомандующий Российской армией генерал Духонин, отказавшийся покинуть свой пост. Он был заколот штыками и выброшен под окна своего бывшего штаба красновардейцами группы прапорщика Крыленко, назначенного новым главнокомандующим. Эта бандитская расправа стала разительным символом рождения нового фашистского режима, в котором многовековое российское беззаконие получило наконец свое свободное от всякого декора воплощение.

Такие же «революционеры» ввалились во главе с сопредседателем ВРК Антоновым-Овсеенко в 2 часа ночи уже 26 ок-

тября в зал Зимнего дворца, покинутого почти всеми его защитниками, и утащили в Петропавловскую крепость дожидавшихся своей участи членов Временного правительства. Пришлось сдержать «революционную инициативу масс», из толпы которых раздавались крики: «Какого чёрта, товарищи! Приколоть их тут и вся недолга!» Когда их волокли через мост, уличные «революционеры» тоже требовали отрубить им головы и побросать в Неву. Замечательно, что эти чувства вполне разделялись «вождем революции» Лениным, который весь день 25 октября метался по кабинету в Смольном, гневно требуя ответа у всех попадавшемся ему на глаза соратников, почему до сих пор не взят Зимний. Как вспоминал Подвойский: «Владимир Ильич ругался... Кричал... Он готов был нас расстрелять». Острое политическое чутье вождя, отлично сознававшего краткость момента, когда можно было украсть никем не защищаемую власть, заставляло его яростно стремиться к скорейшей ликвидации Временного правительства, существование которого делало большевистский путч политическим преступлением. Наконец дело было сделано. После множества проволочек из-за нерешительности разных командиров, из-за опозданий с подходом подкреплений, после нескольких нерешительных попыток ворваться в окруженный дворец, срывавшихся из-за ружейного огня юнкеров и казаков, к ночи покинутые своими защитниками дворцовые двери отворились.

Триумф в клубах серного фимиама

Перед главнокомандующим совершенного контрреволюционного переворота, Львом Троцким и главным вдохновителем этого преступления Владимиром Лениным распахнулись лучезарные перспективы построения первого в мире фашистского государства. Первым всегда особенно трудно, но в этом случае несомненно имело место плодотворное сотрудничество с инфернальными силами. Да и сам подбор руководящих кадров, выдвинувшихся на передний край более, чем красноре-

чив: Ленин, Троцкий, Свердлов, Дзержинский, Зиновьев, Сталин – этот чрезвычайный криминалитет сумел, невзирая на беспощадную грызню между собой, сообща заложить основы самого кровавого государства человеческой истории и дать вылезти из кучи трупов наиподлейшему и величайшему продолжателю их общего дела. История свидетельствует, что власть над громадной страной была захвачена небольшой группой политических преступников, возглавлявших партию, о которой за восемь месяцев до этого было известно по преимуществу только полиции. Причем захвачена она была с удивительной легкостью и быстротой.

Самое любопытное, что подлинная причина этого парадокса до сих пор остается невыясненной с достаточной определенностью, несмотря на горы исторических трудов, посвященных этой теме. И если в самой России это связано с тем, что почти до самого конца века была доступна и, более того, насильственно индоктринировалась всему населению абсолютно лживая история КПСС и Советского государства, то в открытой печати и доступных всем желающим архивах Европы и США достоверных материалов было казалось бы предостаточно для того, чтобы уяснить суть причины, – она так и не была убедительно выявлена и объяснена. И это напрямую связано с нераскрытостью существа фашизма, как, впрочем, и либерализма.

Приходится признать, что в этом случае, как и в вопросах о происхождении жизни, сущности человека, непрекращающихся войн за обозримый период истории и столь же постоянном стремлении людей к саморазрушению, самосознаемому или нет, ни блестящий интеллект, ни прекрасное образование не дают возможности понять, как закрыть ящик Пандоры или хотя бы понять причины этого извечного хаоса в жизни человеческого рода. Можно предложить, как одну из рабочих гипотез, что дело тут более всего зависит от точки зрения. Если избранная точка зрения не дает нам возможности увидеть главных причин происходящих действий, то ни ум, ни знания помочь делу очевидно не могут. Беда в том, что

людям свойственно смотреть на вещи со своей точки зрения. Она, так сказать, естественно эгоцентрична. И столь же естественно, что с нее многого не увидишь. Даже такой блестящий политик, как Уинстон Черчилль, смотрел на все с точки зрения сохранения интересов Британской империи, что также вполне естественно. Однако не дало ему увидеть уже начавшиеся сдвиги в Иране, где позиции Англии при шахе были превосходны, в сторону профашистского фундаментализма. Король Эдуард, почитаемый Черчиллем, также сохранение интересов империи ставил превыше всего, но его точка зрения была выше, что позволяло ему лучше видеть и вдаль, и близлежащее. Его мать оставила Англию окруженной завистливыми врагами. Эдуард, сумев сделать тех, амбиции кого можно было удовлетворить, союзниками, взял непримиримую хищницу Германию в кольцо Антанты. Он заставил, ввести в палату новых лордов, принять закон о продаже правительству большей части их землевладений, чтобы наделить массы обезземелившихся фермеров землей с оплатой в рассрочку на 68 лет. Он утвердил новые законы о рабочих, в значительной степени улучшившие условия их труда (продолжительность рабочего дня, оплата, охрана и страхование труда, выход на пенсию и права профсоюзов), за десять лет его правления государство было подготовлено к грядущим испытаниям наилучшим образом. Король знал нужды народа и понимал, что от его духовного состояния, сплоченности и патриотизма в первую очередь зависят его стойкость и мужество в трудные времена.

Отнюдь не столь прозорливым был его племянник по матери – сидевший на русском престоле царь Николай II. С его точки зрения прочность его империи зиждилась на вере и любви, которую подданный ему народ испытывал к нему, единственному монарху, сохранившему подлинное самодержавие и истинное православие. Предназначение свое он видел в том, чтоб, сокрушив прогнившую турецкую державу, восстановить православный крест на Святой Софии и по праву взять под свою руку Гроб Господень и всю Святую Землю. Реальное положение вещей совершенно исчезало из его поля

зрения в свете этих великих и святых задач, и он вверг свою потрясенную и расшатанную позорным поражением в войне с Японией и революцией страну в новую, более долгую и кровопролитную войну на три фронта, кончившуюся крахом империи последних самодержавных царей.

Из-за глупости либеральных властей, сумевших лишить власти царя, но также как и он, не понимавших состояния народа и продолжавших «войну до победного конца», страну охватила анархия крестьян в серых шинелях и власть была перехвачена в результате путча «большевиков. Единственная партия, призывавшая «грабить награбленное» и обещающая «мир хижинам и войну дворцам», была хорошо услышана солдатами, как бежавшими с фронта с винтовками в руках, так и остававшимися еще во фронтовых окопах, объединенными ненавистью к барской власти и жадой произвола. Они-то и откликнулись на провоцировавший их призыв, и признали своей властью банду политических авантюристов, наполнивших ненавистью и произволом и к барам, и к народу аппарат тотального насилия, порожденный ими из собственного чрева, как Афина Зевсом. Немедленное закрытие всех газет и журналов, кроме собственных. Организация в первый же месяц ЧК как органа массового и постоянно расширяющегося террора, подчиненного только Ленину. Первым фашистом на земле, провозгласившим: «Диктатура пролетариата есть власть, не связанная никакими законами», был именно этот «великий гуманист». Именно он заложил главные принципы фашистского государства: ничем не ограниченный и беспощадный произвол и предельно наглая, оглушающая ложь. Диктатурой пролетариата он именовал ЦК своей партии, революционной целесообразностью – произвол своей политики, революционной справедливостью – беспощадный террор, а величайшей революцией – возглавленную им контрреволюцию. Любимый Лениным за теоретический талант Николай Бухарин (уничтоженный впоследствии со всей «ленинской гвардией» другим любимцем, «чудесным грузином») раньше других заметил: «Фашисты более, чем другие партии, усвоили и

применяют опыт русской революции. Фашизм – это максимальное использование большевистской практики в смысле беспощадного уничтожения противника». Он глубоко вник в сущность новой исторической формации и ясно видел, что ни от какой формы власти перехода к большевизму нет. Место для него очищается только взрывом.

Замечательно, что несовместимость фашистской власти с какой-либо другой очень доходчиво объяснил Гавриил Попов, доктор экономических наук, пришедшей в 1988 году взять у него интервью журналистке, отвечая на вопрос о том, какие главные трудности он видит на пути перестройки. Первой он назвал необходимость сразу и до основания сломать существующий аппарат советской власти, ибо иначе он, оправившись от потрясения, вновь подгребет под себя власть. Второй же, и более трудной, он назвал привычку народа плохо работать за плохую зарплату. Но в данном очерке важно подчеркнуть именно несовместимость фашизма ни с какой иной властью. Эта власть ни с неба и ни от земли, она из преисподней.

Всю методологию построения фашистского государства разработал и внедрил Ленин: систему «военного коммунизма» (ЧК во главе с Дзержинским, армия во главе с Троцким, продармия во главе со Сталиным), штаб мировой революции во главе с Зиновьевым, Госиздат под цензурой политотдела и Главлит во главе одним из первых социал-демократом, свирепым атеистом и масоном Скворцовым-Степановым для создания мифов об Октябре, гражданской войне и социалистическом гуманизме. «То, что Ленин был первым фашистом, – сказал позднее Ландау, – это было ясно». Но на эту роль претендовал и его верный ученик, бывший сексот полиции и талантливый уголовник. Убрать первого уже пытались после мира с немцами и выплаты Лениным им своих долгов, но неудачно. Ленин выжил, а Свердлова прихлопнули «рабочие». Конкуренция в верхах быстро приняла большевистский характер и самый ловкий тихо отправил уставшего вождя сначала в Горки, а потом в мавзолей. Всю последующую свою многотрудную работу новый первый фашист проделал, как и

клялся на похоронах «вечно живого» учителя, строго по его заповедям. При мудром руководстве Ленина страна потеряла в результате расстрелов ЧК и на гражданской войне около 10 млн. человек, еще приблизительно столько же унес ленинский голодомор. А при значительно более (впятеро) долгой и не менее мудрой власти «отца народов» расстреляно и погублено в тюрьмах и лагерях, не менее 18 млн, на полях войны около 29 млн. (против 3 млн. немцев). Подсчитать человеческие потери от войны и постоянного голода в стране, где демография была под запретом, практически невозможно, но вот масштабы величайшего в истории Голодомора, мероприятия, лично задуманного и глубоко продуманного «отцом народов», в первом приближении подсчитать историкам удалось: от 10 до 13 миллионов! Поверить в это трудно, но это надо понять. Понять, что, отрекшись от Бога, народ уверовал в беса и в шайку одержимых им негодяев. Империя барской нечисти сменилась империей нечисти мещанской, напрямую управляемой нечистью inferнальной.

Корни и ветви

Борьба противоположностей, связанных исходным и конечным единством, которую древние греки в эпоху создания философии назовут диалектикой, началась, когда человечество в лице прародителей вступило в нашу земную юдоль и началась история.

Из кратких слов Священного писания о первых людях можно понять, как их воля, соблазненная возможностью освободиться от зависимости, связующей его с Богом, отвергла Его волю, запретившую человеку срывать плод познания Добра и Зла. Сотворенный по образу и подобию своего Творца, чтобы в развитии своем достигнуть полноты своего богочеловеческого призвания, восстав, чтобы по своей воле стать, «как боги», человек разделился сам в себе. «Дух, – по словам Августина, – возмутился против Бога, а плоть возмутилась против духа». И весь мир, обладать, возделывать и хранить который было ему заповедано, вышел из его повиновения, ибо

«проклята земля за тебя». Этот духовный переворот, преобразивший и мир, и человека, заменил гармоническое единство всего сотворенного, связанного взаимным притяжением, временным единством динамического равновесия между силами притяжения и отталкивания, предполагающим конечный распад. Смерть вошла в мир вместе с князем мира сего, спровоцировавшим бунт человека против его Создателя и Отца. Время пошло, и началась человеческая история.

Начало ознаменовалось распадом душ человеческой пары, мужчины и женщины, соединенных дотоле первородным чувством любви. Инстинкт самоутверждения, господствующий над рассорившимся сообществом инстинктов, пробудил в них стремление к превосходству и к преобладанию друг над другом. Существенная разница между женским и мужским образами мышления, соединимыми только редким даром любви, стала эффективнейшим оружием в неугасимой войне полов. Детство свое человечество провело, так же как проводит его отдельный человек, на женской половине. Творческим социальным импульсом, вытолкнувшим женщину на вершину первобытного социума, несомненно стало время. Земное время, определяющее срока всех процессов в природе, и небесное, определяемое по движению небесных светил. Естественно, что земное полностью зависело от небесного и годовые циклы, воспринимавшиеся как зависящие от вращения солнца вокруг земли, определяли все общие и главные перемены, происходящие в природе, и месячные лунные циклы, хорошо замечаемые в приливах и отливах вод, в спаривании животных и, особенно, в жизни женщин. На мужчин Луна заметного влияния не оказывала. И поскольку увеличение народа в племени увеличивало его силу и жизнеспособность, женщины, от которых он происходил, пользовались особым уважением единоплеменников. Те же, которые рожали больше других здоровых и сильных детей, почитались как избранницы Матери-земли, наделившей их чудесной силой.

Ориентировочно, по археологическим данным, матриархат возник на рубеже позднего палеолита и раннего неолита, но

отнюдь не одновременно, в бассейнах тех великих рек, где спустя 6-8 тысяч лет возникнут первые цивилизации. До предполагаемого времени установления «материнского права» археология располагает только следами стойбищ охотничьих племен, кочевавших по лесам в поисках добычи. Наскальные изображения зверей и женщин они оставили в некоторых пещерах. Остались и каменные «венеры» – фигурки обнаженных женщин с резко выделенными половыми признаками, но не найдено в этих слоях ни одной мужской фигуры. С большой вероятностью можно утверждать, что это культовые изображения матерей, и что они имеют отношение к культу предков – самому раннему и наиболее общему для всего населения земли культу, после того как образ Единого Создателя и Господа исчез за облачным покровом земли из человеческого сознания.

Мистическое чутье и строй мыслей у женщин непосредственней и сильней, нежели у мужчин, которые менее эмоциональны и более рассудочны. Женская интуиция острее чувствует и мир окружающей природы, и мир окружающих людей. Женщина-Мать осваивает их и соединяет в своем сознании. Они становятся для нее «ее землей» и «ее семьей», пока их размеры не перерастут ее способность воспринимать их как ощутимую реальность. Причем в этой ощущаемой реальности главная ее часть была невидима. Это был мир духов, наполняющих все сущее и над землей, и на земле, и под землей. Они были сопричастны всему, что видимо человеку, и невидимой силе, пронизывающей все, что существует. Духи предков были единственными «своими» в этой невидимой и трудно представимой части реальности. Это была важнейшая и могущественнейшая часть их семьи. Поддержание с ними связи было главным, самым необходимым делом племени, поскольку прежде всего их покровительство, защита и помощь во всех делах обеспечивали племени выживание и благополучие. И самое главное, что только благодаря им живые женщины племени зачинали и рождали новых людей. Мужчины, как полагали в те времена, имели к этому делу малозначащую причастность. Такие представления сохраняются и в наши

времена у некоторых полудиких племен, относящихся с не-преходящим недоверием к людям цивилизованного мира, даже и принимая иногда от них какие-либо полезные вещи. И по той причине, что на земле люди знали из своих родителей только матерей, то им и очевидно было неоспоримое право праматерей общения с ушедшими под землю предками.

Не приходится сомневаться, что развитие религиозных представлений до пятого тысячелетия до нашей эры происходило, как и социальных, под доминирующим влиянием женского виденья жизни. В центре этих представлений был грандиозный образ Великой Матери Земли и ее соправительницы на небе богини Луны. Их окружала свита ближних богинь, между которыми распределялись различные важные уделы женского житья-бытья. В остальном пространстве на земле, над землей и под землей женские божества менее значительного ранга были рассыпаны щедро и разнообразно. Строгого единообразия не было и не могло быть, естественно, нигде, но принципиальная иерархия в соответствии с общими основами женской психики должна была быть соблюдена. Менее многочисленным и оттесненным от центральных позиций мужским божествам приходилось выстраиваться в пару с женскими, во многих случаях лишь в качестве консортов. Даже, казалось бы, такое самое мужское из всех мужских дел как охота и война, и та находилась иногда (как, к примеру, в архаическом Египте) в руках богини. А в архаической Греции Мать Земля – «широкогрудая» Гея была первоначально и творцом, и родительницей («не зная ложа») первых богов, из которых уже могла выбрать себе супругов. Однако следует отдать должное порядкам, освященным именем Великой Матери, они были до поры – до времени, намного более человечными и демократичными, нежели стали к закату матриархата, и уж просто несравнимыми с тем, что началось в возмужавшем патриархате.

К концу палеолита материнский инстинкт восстал против беспорядочных половых соитий, при которых ни матери, ни дети не знали своих отцов, а дети к тому же забывали и своих

матерей, потому что с трех-четырёх лет уже бегали в общем детском стаде племени, кормясь объедками от пищи взрослых, более трети их не дорастали до подросткового возраста. Половой произвол был в то же время и причиной большого числа неполноценного потомства, рождаемого от связи с ближайшими родственниками. Именно материнское чувство, вне всякого сомнения, поддержанное племенными старейшинами, начало борьбу внутри племен против бесчеловечного отношения к детям и против инцестов. В результате был установлен групповой брак, запрещающий половые контакты между членами одного рода. В те времена продолжительность жизни в среднем ограничивалась тридцатью годами и не превышала пятидесяти лет. Этим и определялось матролинейное понятие рода. Оно редко достигало числа сотни человек. Во главе состоящего из нескольких семей рода стояла самая опытная и многомужняя мать, «домоправительница», и хранительница огня, кормилица и распределительница всех хозяйственных работ в общине; ей помогали матери семей. Но в качестве предводительницы племени у женщины, скорее всего, не было власти, подобной власти племенных вождей при патриархате. И будучи верховным авторитетом в отправлении культов и в делах семейных и хозяйственных, главная мать племени наиболее важные вопросы решала на совете со старейшинами и с матерями родов. На рубеже неолита стойбища стали превращаться в селения, что потребовало развития примитивной, но все же строительной техники. С переходом от собирания дикорастущих злаков к началу обработки земли и выращиванию наиболее питательных из них, появились мотыги и каменные серпы. Приручение мелких копытных: коз, овец и свиней, что стало надёжной альтернативой охотничьей добыче, не всегда постоянной, потребовало животноводческих навыков и воспитания пастушьих собак. Развитие гончарного, первоначально чисто ручного ремесла, и пошив одежды и мешков из шкур с помощью костяного шила, и иглы, а со временем и начало прядения и ткачества – все это было создано женским умом и руками. Мужчины первенствовали

только в изготовлении оружия: копей и дротиков с каменными наконечниками, луков со стрелами, боевых и хозяйственных топоров. Постепенно и строительные работы переходили в мужские руки.

Исключительную роль сыграла женская интуиция в создании искусства врачевания. Чутьем острым, как у животных, находя растения и плоды, обладающие целебной силой, и умом исследователя, пробуя различные их сочетания и методы приготовления, эти целительницы далеких тысячелетий заложили основы современной медицины, для светочей которой уже недоступны открытия их неолитических предшественниц, поскольку среди благоуханий больших городов было начисто утрачено первобытное чутье. Интуиция пробудила в женщинах массу замечательных способностей, благодаря которым они стали создательницами первых календарей (из десяти лунных месяцев – времени вынашивания плода во чреве), предсказательницами не только погоды, но и отдельных значительных событий в жизни племени и создательницами магических представлений о жизни и окружающем мире. Найденный в 1929 году при раскопках близ деревни Мальта на Ангаре календарь был датирован XXII тысячелетием до нашей эры. Он был искусно вырезан из мамонтовой кости и представлял из себя изящное женское ожерелье, на котором были высверлены 366 отверстий для выделения месяцев, вынашивания женщиной ребенка. Эта находка и ряд других, несколько более поздних должны бы были потрясти воображение культурной части человеческого общества, представлявшего себе своих далеких предков с подачи крайне самоуверенных властителей умов XIX века н. э. – жалкими дикарями, только-только отделившимися от стад обезьян. Ведь надо признать, что и сегодня в ореоле славы научно-технического прогресса подавляющее большинство человечества просто не способно произвести необходимые наблюдения и расчеты, сделанные женщинами в поселении на Ангаре двадцать четыре тысячи лет тому назад.

В языческих религиях последующих времен повсеместно сохранился магический культ плодородия земли, женщин и

скота. Великое множество богов и богинь, добрых и злых духов разного пола и ранга возникло в результате нахождения в первую очередь женским чутьем наделенных таинственной силой источников, деревьев скал, пещер, ущелий и горных вершин, животных, пресмыкающихся, птиц и насекомых. Женский ум придумывал магические приемы вступления в контакт с этими носителями чудесной силы, чтобы получать ее для всех важнейших дел, придумывал и как приготавливать из некоторых редких трав и древесной листвы особое священное питье, наделяющее человека этой силой и вещими виденьями. Но главным творением мистического таланта женщины стал культ Матери-Земли. Порождающая из себя нового человека, женщина не могла, конечно, не заметить сходства между собой и землей, ежегодно порождающей новые растения, от травинки до дубов. Начало жизни этих растений зарождалось невидимо в подземных недрах, чтобы появиться потом на поверхности ярким зеленым ростком. Так и женское лоно, принявшее в себя мужское семя, становилось спустя десять лунных месяцев воротами жизни для выходящего на свет ребенка. Тот, кто стал для него отцом, не мог этого знать. Он этого не видел, не ощущал роста живого существа внутри себя и не чувствовал боли, когда оно рождалось. Он мог даже не помнить женщины, которая зачала от него. Впрочем, и она могла не помнить его. И, таким образом, чудо появления нового человека творилось только матерью. Заметить связь между падением семени в землю и последующим всходом на этом месте ростка могла только женщина, собиравшая постоянно урожаи дикорастущих растений. Поэтому она обоготворила и землю и себя. «Мать-сыра Земля» и «Богиня-Мать» стали двумя ипостасями Единой Матери всего или Матери Мира, какой она станет впоследствии в тайных культах обожествленного женского начала.

Культы Богини-Матери и Матери-Земли, вероятно, возникли сразу в двуединстве, освящая и деторождение, и земледелие. Они придали обычаю весной и осенью в среднее полнолуние, когда в течение недели или двух праздновалось

сексуальное соитие женщин и мужчин, носившее ритуальный характер. Чтобы магическая сила этих актов, совершаемых на подготовленных полях, усиливала плодородие земли, а земля – плодородие женщин, приносились жертвоприношения обеим Матерям, сопровождаемые ритуальными танцами и пением. Так на праздниках плодородия зарождалось искусство и распутство.

Смешение добра и зла в душах женщин и мужчин, надо полагать, одинаково. Но формы его проявления различны, и каждая сторона, когда она обвиняет другую, прежде всего обличает те порочные проявления, которые более характерны для противной стороны. Человеку естественно сознавать, какое его природное свойство придает ему наибольшую силу, и инстинкт самоутверждения склоняет его к использованию именно этой силы для достижения жизненного успеха. В самом названии своего пола сильным мужчины уже утверждают, что сила, проявляемая ими в единоборстве в состязании или на ратном поле – их главное средство побеждать, а главная цель – покорять. Издревле добрыми молодцами называли не тех, кто добр душой, а тех, кто были добры плотью – велики ростом и крупны мышцами. Таким полагалось, само собой, и душу иметь соответствующую. Худые и малорослые ни уважением, ни доверием не пользовались. Добрый молодец мог быть не только добрым защитником и добрым пахарем, но и, побеждая, овладевать всем достоянием побежденного или женщиной против ее воли. Победителя не судят. Вторым предметом мужской гордости, причем даже более распространенным, нежели первый, поскольку не установим простым виденьем, является хваленый мужской ум. Найти представителя мужского пола, недовольного своим умом, вещь отнюдь не легкая. И если сила очень часто соблазняет ее обладателя к насилию и делает его поклонником грозных и победоносных богов, то ум, в незаурядности которого, имеющий его убежден, может превратить его не только в создателя какого-нибудь фантастического учения, но даже в очередного Фауста, которыми так богат наш мир.

Что же касается женских доблестей и талантов, то они, безусловно, сыграли первостепенную роль в социальном развитии первобытного общества. Как дающая и защищающая жизнь мать – женщина навсегда оставила в истории начатки правовых обычаев, запрещающих убивать единоплеменников, насиловать женщин и воровать, впоследствии вошедших в религиозные кодексы всех мировых религий; заложила глубокие традиции внутриродового коллективизма, на долгие тысячелетия сохранившегося в сознании народов как воспоминания о «золотом веке». Она усилила внутриплеменную общность, укрепив родственные связи учреждением «парного брака», приблизившим отцов к их детям и создавшим начальные формы семьи. Наконец, женщины препятствовали тому, чтобы конфликты, возникавшие между родами и племенами, перерастали в вооруженные столкновения. По археологическим данным для времен матриархата характерно полное отсутствие массовых захоронений, сопутствующих войнам. Все это, вероятно, можно отнести к той истине, которая исходит от земли, в отличие от нисходящей с неба.

Но все эти установления «материнского права» оказались недостаточными, чтобы сохранить женскую власть там, где она установилась и просуществовала, возможно, в течении десятка тысячелетий, когда демографический и экономический факторы решительно изменили ситуацию в человеческом обществе. Переход от постоянно полуголодного существования к обеспеченному достаточным питанием после развития земледелия и скотоводства стал причиной возникновения некоторого «богатства» в руках распределителей благ и усиления сексуальной активности людей. Первое стало искушением для женщин-хозяек, всегда склонных поощрять тех, кто им ближе, и тем самым положило начало эрозии коллективизма. Второе стало общим искушением для всех, кроме старых и малых, и повело не только к нарушению инстинктивного, как и у животных, запрета, регулировавшего половые контакты естественной необходимостью воспроизводства

потомства, но со временем к почти полной отмене его регулирования.

Последствия этих непреодолимых для масс искушений были губительны для сложившегося под лидерством женщин общества. Развитие социальной конфронтации в силу нарастающего различия в материальном благополучии в комментариях не нуждается. Но разрушение общества первобытной «сексуальной революцией», аналогичное тому, что происходит в мире сейчас, – тема, которой манкировать не следует. Когда есть начинают не потому, что это нужно, а потому что хочется, то есть желание чаще и дольше испытывать наслаждение вкусом вытесняет естественный аппетит, сигнализирующий о необходимости восстановления сил, приводит к упадку сил, развитию болезней и сокращению жизни. Совершенно так же, как обжорство, но с еще более серьезными негативными последствиями происходят процессы разрушения в организмах и в обществе, когда страсть к совокуплению начисто вытесняет мысль о рождении детей. Бешеная похоть самцов обладать каждой понравившейся женщиной и бешенство матки, жаждущей превратить жизнь в сплошной оргазм, истощают жизненные силы организма и разрушают болезнями не только тела, как при обжорстве, но и моральные правила. В случае соблазнения больным венерологическими заболеваниями распутником здоровой женщины на свет появляются неполноценные люди, с физическими, умственными и моральными отклонениями. Ранняя потеря способности зачать и родить детей – неизбежный результат жизни активных сексуальных революционеров. Непрерывное сокращение рождаемости в наиболее богатых и свободных от «предрассудков» обществах сегодня – лишь начало расплаты по счетам. А в далеком прошлом деградация общества матриархата, надо полагать, значительно интенсифицировалась после превращения «магии плодородия» в «сексуальную магию», поскольку магические таланты женщин, достигшие тогда полного расцвета, привлекли к делу массу всех недобрых природных и духовных сил. Женщина всегда сознавала, что главная

ее сила воздействия на мужчину — это «зов пола». Поэтому забота женщины всегда состояла в том, чтобы усилить свою внешнюю привлекательность и сексуальную неотразимость. Арсенал средств, используемых для этой цели с древнейших времен и поныне, способствовал не только возникновению первых рыночных операций доисторических времен, но и сегодня, вероятно, на мировом рынке занимает одно из первых, если не самое первое, мест среди групп наиболее доходных товаров. Но ничуть не меньшее значение имеет для женщин забота о том, как очаровать мужчину, как обрести могущество, необходимое, чтобы привязать его к себе, подчинить его «интересам семьи», сделать невозможным его уход. Ведь «главная сила», увы, недолговечна, время и привычка неумолимо ослабляют ее, и средства привлечения уже почти бесполезны. Популярный и остроумный рецепт «кормить надо скотину» тоже действует лишь избирательно, в зависимости от того, как велики гастрономические или сексуальные мотивы в поведении «скотины». И вот тогда сила удержания, привязанности становится главенствующей. От примитивных заговоров и приворотных зелий до магических техник секса и привлечения на помощь хтонических сил — все идет в дело, ни перед чем не останавливается страшась утраты своего мужа жена или «дотла выжженная таинственным пламенем любви» подруга. Женская магия породила в эпоху позднего матриархата колоссальное количество мистических практик и культов на всем протяжении от Пиренеев до Китая. Свидетельство тому — многочисленные тайные женские общества, мистерии, оргии и празднества, прочно сохранявшие и частично сохранившие до сих пор воспоминания о привилегиях и свободах женщин, которыми они некогда пользовались постоянно.

Не менее убедителен пантеон женских божеств, проживший много тысячелетий и при патриархате, но возникший задолго до него, в неведомые времена. Что может быть убедительней, чем «широкогрудая Гейя», праматерь всех без исключения богов с тех незапамятных времен, о которых у греков не

осталось и проблеска в сознании уже в эпоху Гомера? Откуда пришли в их олимпийскую религию Мойры, многогрудая Артемида (прежде, чем стать девственной красавицей) и страшная Геката? И как долго господствовала над всем, включая и своего супруга, чудовищная Тиамат шумеров, прежде чем вавилонский добрый молодец Мардук разрубил ее на куски и употребил в качестве строительного материала для своего мира? Из каких додравидских бездн вынырнула в водах индуизма почитаемая и ныне в тайных сектах величайшая богиня Шакти? И сколько китайцев продолжают почитать возникшую без родителей раньше всех богов Ушен Лаоми? Потрясающие воображение мифологические картины были созданы прелогическим умом, и этот ум был женским. И в религиях, несомненно, созданными им, конь концепций не валялся. Смешанные с практикой схождения в подземный мир вдохновенных шаманок, с кровопролитиями, органически связанными с сексуальной истерией, с наркотическими галлюцинациями под действием священных возлияний – эти религии подземных духов и богов имели, всего вероятней, назначение укрепить слабеющую власть женщин страхом и должны были кончиться крахом, ибо, предав дело физического развития жизни, они начали духовно служить смерти. Придавая половой распущенности религиозную ценность служения Богине, женщины в течение сотен и сотен поколений стремившиеся к созданию и укреплению семейных уз, стали разрушительницами семейной жизни и тем самым разрушительницами созданных их прародительницами форм общества. Что же касается организации жизни социума, то женский ум способен удерживать в поле зрения, значительно большее число людей, нежели мужской, но в пределах, когда это число не превосходит размеров коллектива, создающего кровное родство своих членов.

Основой понятия свойства для женщины является семья. Но за пределами родства – все чужие. Поэтому, когда разросшиеся племена начинали делиться (как делятся, повинуюсь инстинкту, большие стада копытных) на группу племен, связанных культом общих прародителей и общностью языка, они

образовывали союз племен, служивший делу общей защиты своих земель и для нападения на чужеземцев, когда это представлялось выгодным. Предводителем такого союза становился вождь военно-охотничьей дружины наиболее сильного племени, на территории которого находились и могилы общих прародителей. Здесь женские таланты были ни к чему, требовался опыт и ум военного вождя, ибо вторым фактором перемен было богатство: большие стада скота и хранилища зерна – предмет соблазна для племен, не знавших матриархата, живших охотой и грабежом, или кочевников, степи которых оказались пораженными засухами. Для языка этих последних слово, буквально означавшее «жажду похищения коров» (в языке Авесты) стало впоследствии концептом «войны».

Так «богатство» и «война» вошли в человеческий мир, навсегда связанные друг с другом узами кровавого родства. И не стоит удивляться, что спустя тысячелетия противостояния «злата и булата», в наше время «либерализм» и «фашизм» оказались родственниками, выросшими из одного диалектического корня. На первый взгляд, что общего у без пяти минут обожествленных прав человека и политкорректности сегодняшнего либерального мира и узко племенного мирка «своих» седой древности? Чем близки «Верховное существо» или «Архитектон» масонов великой «Ма» неолитян? Как можно соединить жажду похищения коров с мечтой о разрушения до основания старого мира и построения нового? Или жажду полного уничтожения евреев с грабежом зернохранилищ? Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что это совсем не трудно. В первом случае это возведение в высшую, божественную ценность жизни своего благополучия, неограниченного удовлетворения своих потребительских инстинктов и могущественной охраны этой сладкой жизни от любых опасностей. Все это камуфлируется под всеобщее согласие, всеобщее изобилие и всеобщий мир. Во втором случае цели декларируются те же самые, но средства их достижения – это священная война до полного уничтожения всех врагов, успе-

ших сгрести эти ценности под себя. И поэтому мировой (в пределах видимого) переворот, грабеж награбленного и ликвидация нечестивых – это высшая справедливость. Не представляет труда увидеть, что оба исторических феномена произрастают из единого корня – патологически разросшегося инстинкта самоутверждения. И как положено противоположностям периодически меняются местами. Диалектика освящает историческую традицию предательств.

Социальный прогресс неотделим от этой традиции, и, пока существует мир, нетленны слова поэта: «И во сне позабыть не могли ты о том, что движение направо начинается с левой ноги». Также кровно близки стремления «покорять» в мужском сознании и «обладать» – в женском. Допустимо предполагать, что в доисторические времена, когда большие пространства разделяли небольшие популяции людей, разошедшихся под влиянием центробежных стремлений из центра антропогенеза в неведомые дали, столкновения между ними были крайне редки. Проблемы выживания – добывание средств существования и спасение от опасностей, исходящих от мира природы, – заставляли ценить жизнь каждого соплеменника и доступные блага и оберегать племя от конфликтов, способных ослабить его единство и силы. Естественным образом это обусловило становление образа жизни, принципиально соответствующего сформулированным многими тысячелетиями позже требованиям либерализма. Но это никоим образом ни исключало возникновения и развития в дремучих дебрях северной Евразии, где главным способом добывания средств существования была охота и рыбная ловля, а главными тотемами медведь, волк и рысь, образа жизни, во многом соответствующего средневековым «правдам» союзов германских племен. Скорее всего, среди этих племен права женщин всегда были ограничены пределами жилища в лучшем случае, и лишь отдельные из них, благодаря особому покровительству богини Фрейи могли пользоваться авторитетом во всем племени как целительницы и предсказательницы. Но власть, несомненно, была в руках самых сильных, хитрых и

жестоких поклонников бога кровавых битв и магии Одина (об именах духов, предшествовавших богам Старшей Эдды, можно только гадать).

Продолжительность процесса перехода от матриархата к патриархату была различной в различных племенных союзах, и характер этих переходов варьировался от постепенного перераспределения функций до нападения и захвата мирного племени с беспощадным истреблением всех его защитников и превращением оставшихся в живых в бесправных невольников. Если о времени становления материнского права можно с крайне относительной точностью судить по слоям, в которых были обнаружены культовые фигурки женщин, то начало патриархата с несколько большей точностью можно датировать, благодаря раскопкам древнейших городов. Город – результат мужского распределения по значимости родов деятельности и соответственно населения. Строгая иерархия сословий оказалась поразительно единообразной во всех возникавших в разных концах земли цивилизациях. Духовная власть – жречества, политическая – военных и экономическая – мастеров ремесел и торговцев. Важнейший при матриархате род деятельности – земледелие и скотоводство, оказался низшим при новом порядке и естественным образом выходил за пределы городских стен. Какое-то время, в начальном периоде цивилизаций, земледельцы еще жили в городах и только работали на окружающих полях и пастбищах, как в селениях при старом порядке. Но с развитием цивилизации они вытеснялись в свои поля, на мызы. Главный город возникающего государства состоял из святилища, высшего для всех племен союза, из жилища вождя или царька с хранилищами запасов и казармой для охраны, далее располагались жилища дружины вождя и между ними и стенами города – дома купцов и ремесленников с их мастерскими и складами. У главных ворот города оставалась свободной площадь для торговли. На комбинации храма, дворца с казармой и рынка выросли все древние столицы и их очертания можно легко разглядеть на планах Рима, Парижа,

Лондона и т.д. и при раскопках фундаментов давно превратившихся в руины столиц. И комбинация четырех сословий (трех гнездящихся в главных центрах, и четвертого, рассеянного по возделываемой земле) благополучно просуществовала самое малое шесть тысяч лет до той поры, когда в минувшем веке третье сословие в развитых странах не вышло на второе место.

Краткий промежуток, когда фашистские государственные образования, затопив мир кровью, пытались установить в нем свой, сильно устаревший, «новый порядок», оказался последней чертой, отделившей эру классических форм патриархальной власти от возрождения на новом витке такой (вероятно, конечной) стадии либерализма, которую уже невозможно считать вполне формой патриархата. Хотя вкус к насилию был сохранен вполне, оно применялось теперь только для защиты прав человека, мира и распространения демократии на земле, совершенно аналогично тому, как в целях мира и распространения христианства организовывались крестовые походы. То есть произошла замена знамен. Нетрудно заметить, хотя бы на примере трех самых крупных революций Нового времени, что принцип движения слева направо неуклонно соблюдается с той поры, как духовный прашур либерализма протестантизм утвердился в душах христиан северной Европы.

«Движение направо начинается с левой ноги»

Великая Английская революция начинается с проповедей пуритан, движение которых возникло полувеком ранее как следствие распространения в народе дешевой Библии, переведенной в Женеве английскими реформаторами, что сделало ее доступной всякому грамотному человеку. Принцип дешевой церкви без епископов, независимой от государства, объединил простых людей и мир деловых людей страны. Конфликт короля и парламента привел к гражданской войне, которая привлекла под свои знамена индипендентов – самых радикальных революционеров из народных масс. Король и его

«кавалеры» проиграли войну «железнобоким». Бежавший в родную Шотландию король уповал на то, что шотландские лорды соберут для защиты своего короля новую армию, но жестоко обманулся в своих надеждах. Шотландия выдала его Лондону за оплату своих расходов в предыдущей войне. И хотя Карла встречали как подлинного короля и предоставили ему для жительства роскошный замок, он, тем не менее, был пленником парламента и ему предстояли унижительные для него переговоры о том, на каких условиях парламент разрешит ему вернуться на трон.

Командир кавалерии «железнобоких» и самый талантливый полководец этой войны Оливер Кромвель, сельский сквайр средней руки и член парламента, несмотря на полное отсутствие какого-либо военного опыта и образования, к концу войны проявив исключительные таланты полководца, стал безусловным вождем армии, хотя ее командующим оставался профессиональный военный генерал, лорд Томас Фэрфакс.

Свой незаурядный политический талант Кромвель обнаружил, когда конфликт между парламентом, отнюдь не стремившимся к ликвидации монархии, и армией, желавшей установления республики, достиг критической точки и солдаты отказались подчиняться парламенту, принявшему решение о ее роспуске. Он знал, что парламент боится враждебности индепендентской солдатской массы и хочет избавиться от этой опасной силы, после того как она сделала свое дело, хочет вернуть короля на трон, ограничив его власть только своей волей. Кромвелю хотелось убедить парламент в своей лояльности этому плану. В то же время он сознавал, что для знати он – военный предводитель индепендентских масс и без армии превратится в лучшем случае в того же ничтожного сельского сквайра, каким был до революции. В худшем его ожидала участь сгнить в подземной камере Тауэра. Колебания его кончились, когда солдаты захватили пленного короля и увезли в расположение армии, чтобы прекратить тайные переговоры с ним за спиной армии. Тем более что и сам Кромвель получил

из армии предупреждение, что если он не придет без промедления и не встанет во главе армии, то она обойдется и без него. Выбирать уже не приходилось. Потерять армию значило потерять все. Кромвель выехал в армию, но теперь его задачей было справиться с теми крайними элементами в ней, на которые он опирался во время войны – с радикально настроенными индепендентами и с непреклонными уравнилителями левеллерами, и восстановить авторитет офицерской верхушки. Он был убежден, что «цель немногих людей, не принадлежащих к высшему кругу, ввести народное правление, направленное против короля и его партии, против пресвитериан, против знати, ...против законов как гражданских, так и церковных, и против всего духа нации, которая на протяжении столь многих лет привыкла к монархическому режиму, ...в высшей степени порочна и чрезвычайно трудна – если не невозможна». Но, будучи ловким политиком и действуя всегда по ситуации, в тот момент, когда армия под влиянием агитации левеллеров оказалась на грани мятежа против компромиссной позиции армейского командования по отношению к пресвитерианскому Лондону, он с обнаженной саблей явился перед строем агитаторов и, арестовав зачинщиков, открыто подверг их военно-полевому суду. Приговор был скор и краток: троих к казни, остальных под арест. Одного для наглядности расстреляли перед строем немедленно. Подавив начинавшийся мятеж, ибо, как утверждал он, «никто не сможет спокойно жить и пользоваться состоянием без восстановления короля в его правах», Кромвель счел нужным заверить армию, не решившуюся свергнуть власть командования, что он вовсе не друг лондонским соглашателям, и не считает левеллеров своими врагами. Их программа, на первый взгляд, очень хороша, но при нынешнем положении она практически невыполнима. Она стала бы возможной только «если мы могли бы выпрыгнуть из одних условий в другие». Поэтому не надо бросаться из одной крайности в другую. Мы должны, как «божьи ратники», сохранять верность Господу и «Он откроет нам то, что Он хотел бы, чтобы мы совершили». Но как ни благочестиво

прозвучал его призыв к упованию на волю Божию, которым он уже давно и постоянно пользовался, чтобы скрывать свои намерения, Кромвель в кругу офицерской верхушки высказал их достаточно откровенно: «Если мы не можем добиться того, чтобы армия согласилась с нами, мы должны соединиться с ней». «Божья воля» открылась ему после того, как король, с которым Кромвель пытался вести личные негласные переговоры, неожиданно был изобличен в тайных переговорах о союзе с Шотландией. Летом 1648 года армия Шотландии под командованием не самого опытного полководца, герцога Гамильтона, перешла английскую границу и начала неспешное продвижение на юг, подавляя своей двадцатитысячной массой маленькие гарнизоны приграничных крепостей. Кромвель потратил четыре недели, чтобы покрыть расстояние, отделявшее его от противника, и за три дня ликвидировал втрое превосходившую его по численности армию с ничтожными потерями со своей стороны. А в начале декабря его армия расположилась вокруг Лондона, выдвинув один из полков прямо к Вестминстеру, и все надежды парламента договориться с королем без Кромвеля и Армейского совета растаяли в сером зимнем небе. 6 декабря у дверей в Вестминстерский дворец встали солдаты полковника Прайда и по списку, содержащему имена всех враждебных к армии пресвитериан, задержали сто сорок парламентариев, отправив кого в тюрьму, кого восвояси. «Прайдова чистка» была проведена четко и жестко. После нее индпенденты составляли в парламенте необходимое большинство. К вечеру подъехал и Кромвель, конечно, бывший не в курсе дела. На следующий день «почищенный» парламент выразил ему глубочайшую признательность за его великие заслуги перед отечеством в минувших войнах. Теперь вопрос о суде над королем стал первым и главным перед властями Англии. В палате общин за назначение суда были только индпенденты, в палате пэров – никто. Но армия самым решительным образом требовала немедленного и нелицеприятного суда, а самым яростным и энергичным выразителем ненависти армии к королю был зять Кромвеля Айртон.

Сам же Кромвель предпочитал изображать колебания. Быть может мысль о том, чтоб стать первым после короля человеком в королевстве и фактически держать короля в своих руках, правя от его имени, продолжала соблазнять его больше, нежели лавры цареубийцы, но, будучи политиком, верящим только в силу и ясно сознавая, что сила сейчас – только армия, он также ясно отдавал себе отчет в том, что эта стая стервятников в его руках для него гораздо важнее, чем пост могущественного первого министра, парящего, подобно журавлю, в небесах. Ему только категорически не хотелось принять на себя роль первого лица в предстоящей расправе с королем.

Однако верховный суд на исторических подмостках вершится не людской волей, и первым лицам, подготавливающим роковые преступления и нажимающим за кулисами спусковой крючок, никогда не удастся стереть с него отпечатки своих рук. Ни Екатерине Второй тайно повелевшей убить свергнутого ею мужа, а потом и несчастного Иоанна Шестого, узника, повинного лишь в том, что был законным, хотя и некоронованным царем. Ни Генриху Четвертому, по тайному приказу которого был убит свергнутый им Ричард Второй. Ни Ленину, распорядившемуся через Свердлова ликвидировать последнего царя с семьей. Ни организация тайных убийств бесноватым Сталиным, чтобы сделать их поводом для небывалых ни где и никогда чудовищных уничтожений людей. Ни тайное согласие Джонсона на убийство президента Кеннеди. Ни, наконец, беспрецедентные взрывы жилых домов с сотнями людей, тайно организованные мелким бесом Путиным для получения повода возобновить войну в Чечне. Увы, на корабле истории таких первых лиц – как крыс. Кромвелю удалось, пропустив вперед Айртона, организовать суд над королем в окруженном шеренгами солдат Вестминстере, но вот для подписания смертного приговора ему пришлось выйти на авансцену. И что же? Из ста тридцати семи членов специальной судебной палаты, назначенной судить короля на подписание приговора, явилось только 59, и то многих из них Кромвель лично подтаскивал к столу, чтобы они поставили свою подпись. Он был

в бешенстве. «Народ, находящийся под водительством Божьим», который «является источником всякой справедливой власти», как гласила резолюция парламента, специально принятая перед судом, чтобы придать ему вид законности, этот самый народ в лице своих лучших представителей откровенно пытался сказать в нетях, когда стало нужно эту «справедливость» проявить. Как бы то ни было, по воле армии, ее офицерской верхушки и ее победоносного вождя королю наконец отрубили голову по приговору «божьего народа» и приступили к построению земного рая. Англию провозгласили «свободным государством общего блага», палату лордов разогнали как ненужную в нем, а парламент – «охвостье» Долгого – объявив себя верховной властью, единой и неделимой, тут же организовал Государственный совет из сорока человек, вся власть которого оказалась в руках десяти его членов – армейских «грандов» во главе с Кромвелем. Самым же замечательным в этом свободном государстве оказалось то, что законы и порядки остались в нем те же самые, что и в несвободном. Секрет этого парадокса был прост: и весь Государственный совет, и все «охвостье», и «жирный народ» Сити, все новое дворянство – «джентри», – были собственниками. Их минимальные доходы равнялись двум сотням фунтов в год, «а среди «Божьего народа» Англии мало было таких, у кого они достигали сорока шиллингов. И, само собой разумеется, установление «равенства и самоуправления», которого пуритане требовали для церкви, а уравниатели-«левеллеры» для всего народа, было для джентльменов и деловых людей совершенно неприемлемо. Граф Эссекс выразился на этот счет прямо: «Является ли это той свободой, которую мы взяли защищать, проливая нашу кровь?.. Потомки скажут, что для освобождения от гнета короля мы подчинили их гнету простого народа». То же самое, слово в слово могли бы впоследствии сказать Камилл Демулен перед казнью, и Георгий Плеханов перед смертью, еще не зная, что простой народ в революциях служит лишь слепой разрушительной силой для распаляющей его ярость провокаторов, стремящихся использовать его для захвата власти. В

политической личине Кромвеля диалектика английской революции отразилась с предельной четкостью. Он был джентльмен и гордился этим. Дворянство его, однако, было новым, происхождения протестантского. Его прадед Ричард Уильямс был сыном сестры третьей жены Томаса Кромвеля, человека не самых знатных кровей. Дед его был кузнецом, а отец трактирщиком, но своими талантами и благосклонностью судьбы он был вознесен на высшую ступень у трона и увенчан графской короной высшего достоинства, правда всего за месяц с немногим до того, как был отправлен на плаху. Но когда власть его была в зените и он как генеральный викарий короля, объявившего себя главой англиканской церкви, великолепно организовал ликвидацию всех монастырей с конфискацией всех их богатств и владений, он не забыл племянника жены, к которому благоволил, и назначил его агентом по экспроприации в его родном графстве. Племянник не сплеховал и стал не только богат, но и благороден, заодно и сменив свою заурядную фамилию на уже знаменитую – Кромвель. И хотя крови Томаса Кромвеля в жилах Оливера Кромвеля не было ни капли, ему было дано то же неукротимое стремление победить свою судьбу, то же честолюбие и жажда власти. Однако в свой четвертый десяток он вступил как арендатор чужой земли, бежавший из родного городка, где вступил в конфликт с местной знатью. Будучи обременен большой семьей – жена и шестеро детей, он оказался в трудном материальном положении, несмотря на трудолюбие и рачительность. Шесть лет трудов и забот прошли без всякой надежды на лучшее будущее, когда вдруг из духовного мрака, в котором он пребывал, его вырвало озарение: он осознал себя «ратником Божиим», избранным Богом для борьбы со злом. Чудесным образом это совпало со смертью его дяди, завещавшего ему большое состояние. Эти события, разумеется, были делом Провидения Божия, которое вскоре ввело его в парламент, оказавшийся самым долгим в истории Англии. Здесь он оказался в компании более чем дюжины близких родственников и как свой был принят в ряды оппозиции. Знаменательно, что

одной из первых его громовых речей была речь в защиту будущего вождя левеллеров Джона Лильборна, брошенного в тюрьму за распространение пуританских памфлетов. Очень быстро Кромвель выдвинулся в ряды активнейших пуританских оппозиционеров. Билль «О корнях и ветвях» о ликвидации института епископов и введения управления церковью «в согласии со словом Божиим» был выработан и вынесен на обсуждение парламента при его энергичнейшем участии. Им была проведена резолюция, разрешающая прихожанам самим выбирать проповедника для своего прихода. Он был руководителем многих парламентских комитетов. Но как только король поднял свой штандарт в Ноттингеме (объявление войны против парламента), Кромвель немедленно начал набирать отряд кавалерии в родном городке. Дальнейшая его судьба была непрерывной чередой громких побед, гибких компромиссов, лицемерных заверений и лживых обещаний, перемежающихся с демонстративно грубым насилием, что в конце концов расчистило ему путь к установлению своей диктатуры, ибо «так хотел Бог». Два текста самым красноречивым образом живописуют его портрет после того, как он в качестве главы армии и главного цареубийцы стал первой персоной в Англии. Первый – это отрывок из левеллерского памфлета: «Если вы заговорите о чем-нибудь с Кромвелем, он тотчас положит свою руку на сердце, возденет глаза к небу и призовет Господа в свидетели, он станет плакать, стонать и каяться даже в том случае, когда нанесет вам смертельный удар». Второй – это донесение самого Кромвеля спикеру парламента о штурме его армией двух городов в Ирландии, не признавшей новой английской власти: «По правде говоря, я в горячке боя запретил солдатам щадить кого бы то ни было, захваченного в городе с оружием в руках, и я думаю, что в эту ночь они предали мечу около 2000 человек... Я убежден, что это – справедливый Божий суд над этими варварами и мерзавцами... В сердцах некоторых из нас жила уверенность, что великие дела следует совершать не властью или силой, а Духом Божиим. И не ясно ли это? То, что заставляло наших людей идти

на штурм с такой отвагой, был Дух Божий, который вселял мужество в наших людей и лишал его наших врагов, благодаря чему мы достигли успеха. И потому Богу, только Ему одному, принадлежит вся слава». Это о резне в городе-крепости Дроэде. Следующим на очереди был город Уэксфорд: «Да, право же, это очень прискорбно, мы желали добра этому городу, ...а не разорять его так сильно. Но Бог судил иначе. В нежданной милости Провидения, в справедливом гневном Своём Он направил на него меч Своей мести и сделал его добычей солдат». Население Уэксфорда было истреблено полностью, включая и пытавшихся бежать из него женщин и детей. Добавить к этому нечего, кроме того, что это преступное ханжество, перекалывающее всю вину за зверскую жестокость на Бога, превосходит по лживости, вероятно, победные реляции полководцев всех времен. Иногда, впрочем, он разрешал себе при вспышках гнева и откровенные высказывания, как например: «Говорю вам, мы снимем ему голову и вместе с короной!» или при разгоне парламента: «Вы сидите здесь слишком долго. Во имя Господа, убирайтесь!» Парламенты он разгонял трижды. После второго разгона он принял на себя верховную власть Лорда-протектора Англии и через год установил военно-полицейскую диктатуру, разделив страну на двенадцать округов и поставив в каждом генерала-майора как чрезвычайную власть, подчиняющуюся только ему одному. От такого небывалого еще способа управления страной ему пришлось все же через год отказаться. Второй, более назначенный им, нежели выбранный народом парламент резко выступил против и 212 голосами против 20 отменил режим генералов. Однако жесткая цензура и широко разветвленная сеть внутреннего шпионажа, впервые введенные в Англии, сохранились до конца его дней. Создал и внедрил эти службы приближенный к себе Лордом-протектором бывший адвокат, некий Терло. Достигнув высшей власти, о которой он, несомненно, грезил с тех пор, как его победы на полях сражений и старательно разыгрываемое народолюбие доставили ему первенство в армии, Кромвель стал крайне подозрителен, как, впрочем, все

деспоты. Заговоры мерещились ему повсюду. Став предателем тех идеалов, за которые он ратовал в годы своей индентификационной риторики, он потерял почти всех своих прежних друзей, перешедших теперь в оппозицию его режиму, и его речи о том, что его правление всегда будет служить лишь тому, чтобы «Евангелие могло цвести в его полном блеске и чистоте, а народ мог пользоваться своими справедливыми правами и собственностью» воспринимались теперь как демагогия. Он окружил теперь себя людьми «голубой крови», хранящими монархические симпатии. Такие же симпатии неожиданно обнаружил и парламент, в котором теперь опять главенствовала хорошо обеспеченная верхушка, проникшаяся благодарностью к деспоту, давшему согласие на ликвидацию чрезвычайного режима, и поднесший Кромвелю «Смирненную петицию» с просьбой возложить на себя королевскую корону и восстановить в парламенте палату лордов. Голубая мечта героя революции раскрыла над ним свои крылья, но... сказать, что эта инициатива не получила поддержки у армии было бы почти ничего не сказать. Устами ста представителей высшего офицерства во главе с зятем Протектора генералом Флитвудом армия заявила ему, что эта затея ей очень «не нравится» и настоятельно попросили его ответить отказом. Генералы Флитвуд, Ламберт и Десборо заявили также, что в противном случае уйдут в отставку, а «чистильщик» Прайд открыто пригрозил ужокошить его при первом же случае. С мечтой пришлось проститься. Кромвель оставался главнокомандующим армии, но она, возведя его на вершину власти и славы, не настолько подчинялась ему, чтобы он мог позволить себе вступать с ней в открытое противостояние. И 8 мая 1657 года он вынужден был официально ответить на «Смирненную петицию»: «Я убежден, что не могу возглавить правительство с титулом короля». Через год он умер от злокачественной лихорадки, полученной им еще в пору своей военной экспедиции в Ирландию и за семь лет трижды приводивший его на край могилы, пока не спихнула туда 3 сентября 1658 года.

Бестия на краткий срок выскочила наружу

Наиболее сложный и продолжительный сюжет из трех Великих революций имела Французская, начавшаяся 23 июня в Зале для игры в мяч словами Мирабо: «...идите к Вашему господину и скажите ему, что мы находимся здесь по воле народа и нас нельзя отсюда удалить иначе как силой штыков». Разумеется, народ, от имени которого говорил граф Мирабо, ограничивался в его представлении только той его «активной» частью, доходы которой давали ей право быть избирателями в Национальное Собрание. Но этими словами оно заявило королю о своем существовании и своем праве выступать от имени всего народа.

С другой стороны, провозглашением начала революции можно считать и «глас народа», раздавшийся из уст Камилла Демулена 12 июля, когда королевские войска вошли в Париж для успокоения его населения. Узнав, что они уже в центре города, Демулен выскочил из кафе в пассаже у Пале-Рояль, где шли нескончаемые дебаты о положении дел, и вскочив на стол со шпагой в одной руке и пистолетом в другой, закричал: «Друзья! Неужели мы умрем, как затравленные зайцы?.. Час пробил, великий час для француза и человека, ...нам пристал лишь один клич: «К оружию! Пусть по всему Парижу, по всей Франции пронесется ураганом и звучит «К оружию, граждане!» И он-таки пронесся. Улицы перегораживаются баррикадами. К вечеру, чтобы избежать побоища, войска были выведены из Парижа. А через день громадная толпа горожан во главе с санкюлотами Сент-Антуанского предместья и пивоваром Сантером (имевшим честь беседовать лишь вчера с герцогом Орлеанским) во главе роты только лишь созданной Национальной гвардии взяли штурмом громадную королевскую крепость-тюрьму Бастилию. Комендант и сотня солдат-инвалидов, охранявших тюрьму, были перебиты, а семеро освобожденных узников, из которых четверо были уголовниками, были подняты на плечи и торжественно пронесены по улице Риволи к ратуше. Поздно вечером герцог де Лианкур, имевший беспрепятственный доступ к королю, сообщил ему о

происшедшем «Но это же мятеж!» – воскликнул пораженный Людовик. «Нет, Сир, это не мятеж, это революция», – возразил герцог. В соответствии с определением этого дня, данным герцогом, он и вошел в историю как день начала Великой революции, доныне празднуемый как великая победа революционной демократии.

Среди этих трех, связанных только хронологией, событий заметна лишь одна общая особенность: все три главных героя были масонами. Причем герцог Филипп Орлеанский, спровоцировавший нападение на пустую тюрьму (не потому, чтобы она реально что-либо значила, а потому что в самом мятежном районе, на границе которого она стояла, у него были свои агенты), формально являлся главным масоном королевства как великий мастер «Великого Востока». Он опасался, что волнения могут затихнуть, а у него были личные виды на то, что двоюродный брат не согласится на конституционные ограничения своей власти, бывшие главной целью революции, желанной для аристократического масонства. В таком случае он становился первым претендентом на трон в парламентарной монархии. Герцог был хитрым интриганом, но плохо понимал, какую стихию он намеревался использовать в своей игре. В результате потерял голову его царственный брат, а годом позже и он сам.

Но, возвращаясь к вопросу о начале революции, имеет смысл считать таковым день, когда собрание третьего сословия, поклявшееся не расходиться, пока не примет Конституцию, отказалось подчиниться королевскому приказу разойтись, противопоставив королю волю народа. Бастилия, ставшая знаменитой лишь своим уничтожением, была избрана для этой роли только в силу своего имени королевской тюрьмы (уже более полувека утратившая его реальное значение), своего грозного вида и самое главное своего местоположения. Выбор удался – пустой призрак, «бессмысленный и беспощадный бунт», разъяренной черни, спровоцированной политическим мошенником, стал великим символом обретения револю-

ционным народом Свободы. Но чтобы уяснить, чем определяется начало революции и что отличает ее от бунтов и восстаний, даже наиболее крупные: Жакерии, восстания Уота Тайлера, таборитов, Разина и Пугачева, надо окинуть взглядом историю как минимум трех поколений, в течение которых в сознании народов, вынашивающих революцию, происходят изменения. Не так уж трудно разглядеть в хаосе противоречий народной жизни этот процесс, если рассматривать события с точки зрения определения бытия сознанием, потому что революция – это прежде всего взрыв долгое время сдерживаемого процесса изменения сознания общества и всего народа.

Что касается Франции, то первым отчетливо заметным признаком начала перемен был взрыв ликования, охватившего общество при известии о долгожданной смерти «обожаемого» монарха, «короля-Солнце» Людовика XIV. Люди, встречаясь на улицах, обнимались и поздравляли друг друга с радостным событием. Человек, ставший королем в пятилетнем возрасте и росший под властью матери, (убежденной в своем абсолютном праве дочери, вдовы и матери королев вершить судьбы всех своих подданных, как ей будет угодно, и сожительствовать с пройдохой самого подлого происхождения, сделав его своим первым слугой и своим тайным повелителем), к своим пятнадцати годам проникся презрением к матери, которую любил, и ненавистью к министру, который был ему отвратителен. Самые знатные вельможи его двора, низко склонявшие перед ним свои гордые головы и рассыпавшиеся в изысканных комплиментах, дважды поднимали против него восстания и возмущали чернь с целью восстановить свою феодальную независимость от него и изгнать из страны пройдоху-диктатора, правящего от его имени. Они сами хотели править его именем, захватив его в свои руки. Он вырос, никому не доверяя, и никого не любя, с абсолютной убежденностью, что только сосредоточение всей власти в его руках может обеспечить прочный правопорядок в его королевстве. Знаменитое «Государство – это я» было не тщеславной фразой, но догматом его

личной веры. Он сам был главным архитектором того беспрецедентного до него бюрократического аппарата, который сковал Францию тотальным полицейским надзором, опутал сетями духовно-полицейского сыска, и поставил под жесткий финансово-юридический контроль. Было построено много новых тюрем, военных крепостей и казарм, ибо король был убежден, что только сильная армия способна правильно выразить главные политические идеи государства. Войнами он заставлял заниматься свой народ в течение всего своего полувекового самодержавного царствования, то приобретая, то вновь теряя приобретенные земли своих соседей, но в конце концов приобрел славу величайшего из государей Европы, обладающего самой крупной в ее истории армией и уложив к вящей славе своей и Франции в землю несколько сот тысяч храбрых французов. На втором месте после войны в числе его главных увлечений были женщины – несколько сот любовниц (от кровосмесительных связей со своими юными родственницами до очаровательных служанок и пейзанок) утолили его наследственный аппетит и существенно пополнили национальный генофонд именами незаконнорожденных дворян. На третьем месте стояли празднества, театр, архитектура и живопись, на четвертом – искоренение ересей и на пятом – Бог как таковой. Король был очень набожен и, отвлекаемый от дел личного спасения многочисленными обязанностями, лежащими на нем как на Помазаннике Божьем, он, все же, находил время для борьбы с грехами своих подданных, опираясь в этой борьбе на самых ревностных рыцарей Папы и Бога – ратников Ордена Иисуса. Вообще, понимая греховность человеческой природы, он терпимо относился к грехам плоти, неукоснительно требуя только приличной скромности от падших в блудоддеяниях. Но пагубнейший из грехов, грех свободомыслия не мог укрыться от зорких глаз более многочисленных, чем в какой-либо другой христианской державе, иезуитов и избежать карающего гнева короля. Такими мудрыми мерами ему удалось довести корабль французского государства без повреждений до своего собственного конца. Конечно,

страна была разорена, как никогда в последние двести пятьдесят лет. На шее государства висел небывалый долг в два миллиарда ливров. Наибольшая часть населения – крестьяне жили в ужасающей первобытной нищете и вымирали целыми провинциями в неурожайные годы. Но даже тогда, когда королевскому семейству приходилось, проезжая по стране, видеть прямо у дорог трупы умерших от голода матерей с маленькими детьми и стариков, августейшие особы старались не задерживать на этих прискорбных явлениях своего внимания. Бедных в мире много всегда, таков их удел. Ведь сказал и Сам Господь: «Нищих имеете всегда». И король смотрел вдаль, не отвлекаясь от своих высших забот. Такая горделивая отстраненность от низшей прозы жизни свойственна была всем абсолютным самодержцам, царствовавшим в эпоху приближения великих революций. Тяжелейшие страдания народных низов есть необходимое условие для пробуждения в их душах революционного мифа, чтобы услышать глас просвещенных, призывающий к борьбе за свободу. Что же касается просвещения, то его первой стадией необходимо является переоценка фундаментальных ценностей в общественном сознании. Нужна смена идеологических пластов. Пласты смысла бытия и жизни и пласты нравственных ценностей должны перевернуться, быть перелопачены. И для того, чтобы лемех сомнения мог врезаться в почву этих ценностей, необходимо пропитать ее едкой влагой иронии. В деле разрушения она – начало начал. Ее интонацию мы слышим из века в век во вкрадчивом голосе первого «просветителя»: «А правду ли сказал Бог?»

В ханжеский век Короля-Солнца она исподволь уже подтачивает каменные устои и королевской церкви, и католического королевства в насмешливом реализме романов Скаррона и бурлескных сюжетах пьес Мольера, в саркастической мудрости герцога Ларошфуко и нескромных афоризмах Нинон де Ланкло. Этот либертинаж еще звучит вполголоса, но шутки его небезопасны, а философии Гассенди и Декарта, придаю-

щие разуму прямой примат над верой, грозят серьезными последствиями. Наконец великого монарха отправили в усыпальницу к предкам, и в освободившемся от ханжеской цензуры и полицейского надзора королевстве наступает оттепель. Королю, правнуку усопшего, пять лет, а регент, старый греховодник придает значение только политике и деньгам, необходимым для праздника жизни «сан суси» – без забот об их происхождении, что не должно касаться мира дворянства меча, «жан д’эпе», восходящего к эпохе по меньшей мере графов Карла Великого. О том, как доставать деньги и доставлять их высшему свету, должно думать дворянство мантии, «жан де роб», а также буржуа – городская сволочь, восставшая из грязи, и рабы. Проза жизни, куда деваться, заставляла все чаще и чаще потомков рыцарей Круглого Стола отступать от правил, диктуемых такой поэтической философией жизни и идти на поклон к этой «сволочи», но в глубине своих благородных душ они сохраняли к ней высокое презрение и печаль о светлом мире, увы, погружающемся все глубже и глубже в трясину размножающейся черни. Поэтому некое коллективное предчувствие утраты своего первенствующего положения в мире склоняло их к принятию точки зрения: «После нас хоть потоп». А пока – «будем есть и пить, ибо завтра умрем!»

Второе сословие празднует свое возвращение к утраченной было полвека назад вседозволенности. Острий над всем и вся становится просто общепринятой в свете манерой. Безудержное наслаждение гастрономией и сексом приобретает особо ценимое очарование, если оно изящно приправлено остроумием и злоязычием. За столом и в постели нет никаких табу для «философии», как стало принято называть искусство пересыпать тонкой солью разговоры на темы, еще недавно считавшиеся запретными или постыдными. В печати ведущим становится жанр памфлета, на театральных сценах – жанр комедии с приправой сатиры. Над обществом царит насмешка, хлопочущая о том, чтобы как можно основательней извозить в грязи все священные ценности, которые давно уже пачка-

лись усилиями тех, кто провозглашал их священными. Обще-признанным корифеем этого жанра стал Вольтер, автор самого кощунственного и похабнейшего произведения во всей французской литературе и призыва «Раздавить гадину» (то есть христианскую церковь).

Но главным орудием обновления мира стала наука, наука как познание естества этого мира. Собственно «новая история» и началась с нового научного взгляда на мир, взгляда без «метафизики», что сразу радикально упростило представление о нем. С невероятным энтузиазмом титулованная знать бросилась изучать секреты физики, математики, анатомии и физиологии. И в авангарде были дамы высшего света. Сперва их увлек месье Месмер своим «животным магнетизмом», исцеляющим без всяких лекарств от недугов и возвращающим молодость. Затем их поразило открытие Ньютоном законов всемирного тяготения и Локком – камеры-обскуры с отверстием для информации извне, каковым оказалось человеческое сознание, о чем поведал им вернувшийся из английской ссылки Вольтер. Всю таинственность космоса как языком слизнуло. Оказалось, что все светила держат друг друга, не давая провалиться в тартарары и кружатся таким образом в небесном хороводе. И никаких загадок с пещерами Платона и реминисценциями с небес и из-под земли. Просто интеллект перерабатывает полученную через дырку информацию, кому что перепадет, и записывает на чистую доску души. Никаких наследственных воспоминаний и угрызений совести, все с нуля.

Послушав в салонах лекции ученых мужей, герцогини, графини и маркизы отправлялись на лабораторные занятия, где, затаив дыхание, следили за операциями патологоанатомов над трупами, собственными пальчиками резали лягушек, чтобы понять, как что двигается внутри наших тел, и смешивали в ретортах разные щелочи и кислоты, постигая тайны химических превращений. Все это было очень забавно, но главное помогало понять, что все естественное просто и не стыдно, и не нуждается, как сказал Лаплас, ни в каких мета-

физических сложностях для объяснения. Обо всех тайнах бытия подробно и доходчиво стала рассказывать «Энциклопедия», над которой трудились для просвещения масс знаменитые ученые под руководством великого Дидро.

Таким образом, из всеобъясняющей науки и всеосмеивающей иронии и рождалась великая культура и философия Просвещения. Суть ее проста как яйцо, и становится понятной только по достижении полного освобождения человека силою атеизма. Существует только всемогущая и вездесущая материя. Она мать всего, человек ее чадо и состоит только из нее. Достаточно разбить скорлупу и убедиться, что внутри нет ничего, кроме внутренностей, и самая главная из них мозг. И разум, и любовь – это лишь продукты физико-химических процессов, происходящих в мозгу и в железах. Поняв это, человек обретает свободу от всех мифов и сказок, выдуманных попами для порабощения его воли. А свободные люди, объединенные одной волей, легко разрушат окружающий их мир лжи и угнетения и построят новый, основанный на свободе, равенстве и братской любви. Эта философия доступна пониманию любого человека и поэтому она непобедима и по сей день владеет умами великого множества людей. Однако этот венец чистого атеизма, возложенный на чело Просвещения руками Гольбаха, Гельвеция и Дидро, будучи первым его явлением блудным детям христианской веры в западном мире, не мог рассчитывать на всенародное признание. Сознание большинства людей на земле всегда раздвоено и одной стороной своей души верует в то, что наверху кто-то все же есть, а другой – убежден, что велика земля, а правды нет нигде, и все мы по правде плачемся, а живем во лжи. И поэтому нужна людям ложь, но припудренная правдой. Голый атеизм обычного, живущего «как все», человека шокирует и отпугивает, хотя где-то внутри и соблазняет. И чтобы овладеть его душой, необходимо до «времени тьмы» прикрываться. Так опытная шлюха, приманивая поглядывающего на нее стеснительного юнца, никогда не ошарашит его своей полной наготой, но будет как

бы ненароком давать ему увидеть свои полуобнаженные прелести, и то ласковым прикосновением, то шутливой нескромностью стараться разжечь его похоть до ослепления. Именно такова тактика опытной демагогии для инфильтрации в шаткое сознание масс нужной лжи. Вся эта большая и разносторонняя обработка сознания французского общества происходила на первый взгляд совершенно стихийно. Но в этой стихийности тем не менее обнаруживалось удивительное сходство форм и содержания того, что происходило. К середине века по всей Франции, как грибы после теплого дождика, высыпали «общества мысли» – кружки образованных людей, связанных дружескими отношениями и общей расположенностью к обсуждению новостей в жизни общества, в политике, литературе и искусстве, в философии и в науках. Встречи обществ происходили регулярно в замках аристократии или в салонах крупной буржуазии в непринужденной и приятной обстановке. За обильным и изысканным столом в этих кругах привычной была атмосфера оппозиционности правительству и между анекдотами и стихами всплывали темы и последних инициатив властей, чтобы подвергнуться пренебрежительно-поверхностной, как нечто малозначащее, оценке. Там, где первенствовали представители высшей знати, имена которых были связаны с потерпевшей поражение Фрондой, сохранялся дух превосходства над пестрой толпой крутящихся вокруг короля его бастардов и фаворитов.

Таковым, к примеру, было «Общество Темпла», возникшее на закате эпохи Короля-Солнце и собиравшееся, в замке последнего герцога Андомского, младшего брата прославленного полководца, долгое время, невзирая на все его победы, оттираемого королем на второе место, даже после смерти Тюрена, и лишь в конце пути, после триумфальной победы в войне за испанское наследство, признанного принцем крови как правнука (от любовницы) основателя династии Генриха Бурбона. В лучах снисходительного радушия этих обществ пригревались и приобретали известность многие молодые и дотоле безвестные дарования плебейского происхождения. В

«Обществе Темпла» возшла звезда Вольтера, введенного туда его крестным отцом, аббатом де Шатонефом. И, благодаря покровительству герцога Сюлли и принца Конти, восхождение это было бы несомненно значительно стремительней, если бы не хамоватость сына нотариуса, почувствовавшего себя на одной ноге со всеми завсегдатаями дворца Сюлли, что позволило ему довольно дерзко оскорбить одного из них, не отличавшегося такой остротой ума и языка как Вольтер. В результате ему дали довольно чувствительно почувствовать, что свободу, равенство и братство, почитаемые в этих «обществах мысли», не следует понимать уж очень буквально. Оскорбленный им господин был известен в высшем свете лишь двумя замечательными свойствами: он чрезвычайно гордился знатностью своего рода и был одним из лучших фехтовальщиков в королевстве. Имя, которое он носил («Королем быть не могу, герцогом не хочу, я – Роган») лишало его возможности скрестить шпагу с подлецом, и потому он приказал слугам просто хорошенько отдубасить его палками по заднице. Вопли несчастного поэта (Вольтер первоначально числил себя по этому цеху) вызвали только ироническое сочувствие у герцога и принца, и будущий корреспондент монархов понял, что никакие его шутки, трагедии и философизмы никогда не дадут ему возможности переступить границу между мещанином Аруэ и высокородной знатью. Однако большинство прославленных деятелей Просвещения, менее амбициозные, нежели Вольтер, прошли через салоны великосветских дам и гостиные светских и духовных вельмож, пользуясь их покровительством для защиты от преследований церкви и судебных властей, чтобы успешно разрушать основы того мира, на которых зиждилось благополучие и аристократии, и церкви, и монархии. Парадоксальность ситуации заключалась как раз в том, что враждебность аристократии к абсолютизму и ее склонность к свободе мысли и морали, увлекали ее к берегам, гораздо более враждебным ее существованию. И не соznавая того, она «шла по коврам, усыпанным цветами, прямо

в бездну». Слово «революция» звучало в салонах также часто, как и слово «свобода», и звучало оно, отнюдь не тревожно, а радостно, как бы предвещающая некий всеобщий праздник обновления.

Плоды «Просвещения» и отчаяния

Меж тем, по другую сторону Ла-Манша еще веком раньше начали возникать общества, в которых устанавливались правила и намечались цели в некоторых отношениях родственные настроениям, возникшим во французских «обществах мысли». Названия этих небольших, но широко распространившихся в британских землях групп не привлекали особого внимания, да и деятельность их на фоне крупных сект «пресвитериан», «пуритан» и доброй полудюжины их ответвлений, громко проповедовавших свои религиозные, оставалась в тени. Тем не менее, многие их взгляды легко усваивались пресвитерианскими мозгами. Они были активными членами Долгого парламента, но, желая подчинить короля парламенту, отнюдь не желали его казни, после которой были разогнаны армейскими индепендентами. А после реставрации королевской власти и установления относительной веротерпимости, некоторые более значительные из этих групп стали, хотя и не громко, именовать себя на манер средневековых французских строительных артелей «франк-масонами». В 1717 году, вскоре после восхождения на английский трон основателя нынешней династии Георга I (правнука Джеймса I по дочери Елизавете, вышедшей за курфюрста Пфальцского, пытавшегося насадить в своих владениях розенкрейцерство) – немца, не знавшего английского языка, но, видимо, сохранившего некоторый пиетет к оккультным увлечениям деда, масоны явили себя миру, объявив в одной лондонской таверне об учреждении Великой Английской Ложи. С поразительной быстротой, через четверть века масонские ложи высыпали, как неприметные, цепко держащиеся за землю кустики подорожника, почти по всей Европе и перекинулись в американские колонии. При

этом, прямо-таки взрывном, распространении происходила и их быстрая духовная дивергенция, обусловленная первородным оппортунизмом масонства. Чрезвычайная пластичность и высокая приспособляемость стали органичны ему сразу после того, как спекулятивное масонство вытеснило своих предшественников – настоящих каменщиков.

Поскольку теперь нужно было строить уже не готические и барочные соборы, а Единый метафизический храм Согласия всех народов, поклоняющихся Высшему Существу, то и приемы обработки «диких камней» то есть неподготовленных душ будущих «братьев» требовали от «мастеров» более высокого искусства. Надо было понять глубочайшие желания и стремления человека, чаще всего скрываемые или даже не вполне осознаваемые им самим, и убедить его, что именно они свидетельствуют о его предназначении к великому служению. Так собираются разбросанные камни, чтобы после обработки они заняли свое место в стене возводимого Храма. Естественно, для работы с аристократией нужны мастера одного типа, для банкиров или коммерсантов – другого, и способный заинтересовать и убедить поэта вряд ли подойдет в этом качестве для конногвардейского офицера. Таким образом, для масонства в свете его вселенских задач требуется крайнее разнообразие подходов при сохранении единства лишь в самом главном – в непрестанном труде над превращением людей в общество одинаковых, отвергших все разделяющие их ценности: религиозные, национальные, социальные и пр., в людей, неколебимо верящих в объединяющие их права человека и общие потребительские ценности. Но, пока суть да дело, пестрота разнообразных лож, ритуалов и уставов позволяет масонству находить пути к любым человеческим объединениям, приспосабливаясь к ним настолько, что между самими масонами разного толка возникают порой противоречия, ставящие их на грань вражды между собой. Однако и это помогает масонскому делу, делая крайне затруднительной задачу определения, что же такое масонство. То ли это просто филантропическое общество, поставившее перед

собой задачу помогать людям посредством просвещения и финансовой поддержки на пути самосовершенствования, о котором рассказывают разные небылицы из-за их невинного пристрастия к разным таинственным ритуалам? То ли это тайный олигархический союз богатейших людей, поставившей себе целью скупить народы и их правительства и подчинить своему господству? А может, секретная политическая сила, жаждущая разрушить все действующие формы организации в человеческом обществе и создать вселенскую империю и вселенскую религию с поклонением каким-то Высшим Неизвестным? Или это же самое, но на чисто атеистической основе? Предположениям и догадкам нет числа, сами же масоны скромно поддерживают первую гипотезу, даже разрешая отдельным любопытным заглянуть в некоторые ложи и присутствовать при совершении некоторых ритуалов и поучаствовать в братских застольях и беседах, чтобы они убедились в неосновательности обвинения масонов в злонамеренности. Тем более (и это отлично известно всем, кто интересуется данным вопросом), что абсолютное большинство составляет так называемое голубое масонство первых трех степеней (ученик, подмастерье, мастер), к которым принадлежит масса мелких или средней руки чиновников, дельцов и в то же время интеллектуалов самого разного уровня людей, из которых по преимуществу состоит большинство масонских лож. Казалось бы, чего же еще?! Но из песни слова не выкинешь. К середине века последних Людовиков число масонских лож во Франции стало таким, что рассеяло все подозрения относительно себя. Королева Мария-Антуанетта, не самая проницательная женщина, но в силу этого именно и выражавшая в данном случае общее для Версаля мнение, писала 27 февраля 1781 года сестре в Вену: «Мне кажется, вы придаете слишком много значения масонству во Франции: оно далеко не играет у нас такой роли, как в других странах благодаря тому, что здесь все к нему принадлежит и таким образом нам известно все, что там происходит. В чем же видите вы опасность? Я понимаю, что можно было бы опасаться распространения масонства,

если бы это было тайным политическим сообществом, а ведь это общество существует только для благотворительности и для развлечения, там много едят, пьют, рассуждают и поют, а король говорит, что люди, которые поют и пьют, не могут быть заговорщиками. Также нельзя назвать масонов обществом убежденных безбожников, ибо я слышала, что там постоянно говорят о Боге, кроме того, там раздают много милостыни, воспитывают детей бедных или умерших членов братства, выдают их дочерей замуж. Во всем этом я право не вижу ничего дурного. На днях принцесса де Ламбаль была избрана великой мастерицей одной ложи: она мне рассказывала, как там с ней мило обращались... Правда мне кажется, что можно бы делать добро без всяких таких церемоний, но ведь у каждого своя манера веселиться! Лишь бы делали добро, а остальное не безразлично ли нам?» Это мнение очень ценно, потому что оно широко распространено и поныне. Правда десятью годами позже, 17 августа 1790 года королева высказала в письме своему брату императору совершенно другую точку зрения: «Прощайте, дорогой брат, верьте нежной любви вашей несчастной сестры. Главное остерегайтесь всякого масонского сообщества: этим путем все здешние чудовища стремятся во всех странах к достижению одной и той же цели». Через два года она сложила свою поздновато поумневшую голову на эшафоте. Несколькими месяцами ранее была растерзана санкюлотской чернью ее подруга, великая мастерица принцесса де Ламбаль.

«Мягкий» масонский проект

Но результаты исследований талантливых и добросовестных историков, которых, увы, никогда не бывает много, позволяют увидеть то, что обычно погребается под гигантскими кучами лживых в силу тенденциозности измышлений. Понимание того, что революции в отличие от бунтов стихийными не бывают, заставляет их искать те силы, что сталкивают громаду революции под уклон. После того как она, вобрав в себя

действующую вразнос народную стихию, набирает скорость и начинает давить всех, кто пытается ее притормозить, в том числе и тех, кто дал ей первый толчок, эти революционеры исчезают из поля зрения, убитые или изгнанные по воле новых вождей. Необходима свобода от пристрастий, продолжающих полыхать над курганом погребенной революции, чтобы извлечь их имена.

Так были извлечены имена «Конституционного Комитета» или «Комитета Тридцати» и десятка его руководителей, наметивших еще в 1788 году план революции, в соответствии с которым она и началась годом позже. Эти имена относятся к числу наиболее употребительных в первые два года революции и окончательно исчезают с кровавого августа 1792 года. «Собрания происходили у герцога де Ларошфуко и в домике герцога Алмонтского близ Версаля. Непосредственная разработка планов была поручена Адриену Дюпору, знатоку исторических революционных движений с древнейших времен. Им был составлен меморандум, которым он очертил характеры государств Европы, разобрал суть их политики и доказал, что ни одно из них не будет препятствовать готовящейся во Франции революции.

Для ее осуществления он предложил план, который уже давно был предметом его размышлений. Основные положения... те же, что были приняты в конституции 1791 года. После долгих прений Мирабо обратился к нему: «Но вы не указываете способов для выполнения столь широкого плана!» – «Вы правы, о способах я еще не говорил... Но раз вы одобряете весь мой план... ибо другого пути для... спасения отечества нет... только посредством террора можно встать во главе революции и управлять ею... Как бы нам ни было это противно, придется пожертвовать некоторыми известными особами...» Он назвал «первой жертвой» Фулона, планируемого на пост министра финансов... затем на парижского градоначальника: «Господин Бертье ненавидим всеми, его смерти нельзя препятствовать. Это запугает других «управителей», и они станут мягкими, как воск» Герцог Ларошфуко был пора-

жен рассуждениями Дюпора, но, подобно прочим членам комитета, принял план и способы его выполнения. Инструкции, согласные этому плану были даны «комитету восстания», уже организованным с участием Дюпора. Вскоре были убиты Делоне, Флессель, Фулон и Бертье. Их головы, поднятые на копьях, были первыми трофеями «филантропического заговора». Эти сведения из «Истории революции» Бертрана де Моллевиля дополняются другими источниками.

«Крупные дворяне, герцог Ларошфуко-Лианкур, маркиз Лафайет, маркиз Кондорсе и некоторые члены парламента (парижского): Адриен Дюпор, Эро де Сешель, Ле Пелетье де Сен-Фаржо, объединившись с такими банкирами, как Лаборд, адвокатами вроде Тарже, юристами и журналистами, как Бергасс, Лакретель, Серван и Вольней – эти люди возглавили движение. Эта партия была нацелена на совместную пропаганду... Каждый использовал свои личные связи. Таким же образом поступали и их корреспонденты в провинциях... Местом собраний стал ряд салонов, таких как салон мадам де Тессе... Журналисты же произносили свои речи в кафе».

«Комитет собирался преимущественно в доме Адриена Дюпора, и говорят, что в него входили герцог Ларошфуко-Лианкур, Лафайет, Кондорсе, герцог Эгийон, Сийес и Талейран. Мирабо тоже посещал эти встречи. Комитет вдохновлял памфлеты (один из них памфлет аббата Сийеса «Что такое третье сословие?») стал настоящим манифестом для всей страны) разрабатывал образцы наказов будущим членам Генеральных Штатов, продвигал своих кандидатов и отправлял своих людей в провинции. Все, что позволяли государственные средства связи, ...исходило от этой группы».

Остается только добавить, что все без исключения из известных членов комитета были масонами, и сообщение де Моллевиля о том, что Мирабо еще до открытия Генеральных Штатов, участвовал во многих тайных обществах. В своих беседах с господином Монморэном, а также с королем и королевой, Мирабо открыл им некоторые тайны, дающие ключ к важным событиям, до сих пор приписываемым случайностям. Так,

он своевременно предупредил их, что система террора была уже разработана «филантропическою группой». Но мнения королевской семьи и всего двора о масонах еще не изменились, и двурушничество Мирабо последствий не имело. Революция совершилась по намеченному плану, не встретив сколько-нибудь серьезного сопротивления. Через полтора месяца после открытия Генеральных Штатов депутаты третьего сословия провозглашают себя Национальным Собранием и спустя несколько дней как выразители воли всего народа отказываются повиноваться королю. 9 июля они объявляют себя уже Учредительным как намеревающимся изменить систему управления в стране. Спустя четыре дня они учреждают Национальную Гвардию как главную военную силу в Париже, а затем и во всей стране, и назначают на пост ее главнокомандующего маркиза Лафайета, одновременно назначив мэром Парижа астронома и масона Байи. На следующий день штурмуют пустую Бастилию. 30 июля учреждается Парижская Коммуна, в которую избираются 120 депутатов от 60 дистриктов столицы, и они становятся правительством Парижа. 4 августа, по предложению депутата виконта де Ноайя, зятя и сподвижника Лафайета, поддержанного всем Учредительным Собранием, были отменены все феодальные привилегии в королевстве и установлено всеобщее гражданское равенство. 26 августа Собрание единогласно приняла Декларацию Прав человека и гражданина, написанную Лафайетом, руководствовавшегося при этом джеферсоновским текстом «Декларации Независимости» от 4 июля 1776 г, которую он прочел сразу по прибытии в Америку годом позже и вдохновился ею на всю жизнь. Её он считал главным из того, что сделал в жизни.

Но уже 5 октября успешное развитие спланированной революции было резко прервано революционным эксцессом совсем иного толка. Под проливным дождем громадные толпы женщин, матери голодающего Парижа, дети которых уже несколько дней не имеют ни крошки хлеба и ни капли молока, взламывают арсенал мэрии и вооружившись, чем было во главе с бывшей актрисой, нашедшей под стенами Бастилии

свою новую роль – женского символа Революции, и с конным приставом мэрии, бросившим клич: «На Версаль!» под барабанный бой отправляются в поход. Ведь по Парижу последние дни распространяется слух, что от короля скрывают правду об отчаянном положении в столице. Надо привезти его в Париж, чтоб он увидел все собственными глазами. И в то же время проскальзывают слухи о том, что король собирается бежать за границу. К женскому воинству присоединяется множество санкюлотов, солдат и просто черни. По достижении Версаля к королю была отправлена делегация из двенадцати женщин, которую король принял, проявил сочувствие и обещал исправить положение в столице. Примиренные бунтовщицы переночевали в Версале, но рано утром у дворцовой ограды был спровоцирован инцидент, повлекший к вспышке дикого мятежа и захвату дворца толпой.

Накануне Лафайет, продиктовав депеши в Версаль, вскочил было на коня, но тут же, около мэрии был окружен делегацией своих же гвардейцев, обратившихся к нему с поразительной просьбой: «Мы не считаем вас предателем, но... правительство предает нас... Мы не можем повернуть штыки против женщин, которые просят хлеба. Народ в нищете, источник зла в Версале, мы должны разыскать короля и доставить его в Париж. Если король слишком слаб, чтобы носить корону, пусть сложит её. Вы коронуете его сына, назовете Регентский совет, и все пойдет хорошо». Получалось, что Лафайету его подчиненные предлагали возглавить войска для поддержки бунта против короля – и у него, командующего четырьмя миллионами национальных гвардейцев всей Франции, не было в этой ситуации сил взять её под контроль. Но, сохраняя присутствие духа он поднимает 30 000 гвардейцев и отправляется в Версаль, чтобы там, окружив дворец, восстановить по возможности без кровопролития порядок. Он поспевает в самый критический момент и немедленно очищает дворец от бушующей в нем толпы, убившей пока лишь трех лейб-гвардейцев. Но двор вокруг дворца еще полон яростно рычащей толпой,

требующей короля. Он выходит на балкон с Лафайетом и рычание сменяется криками «Да здравствует король!» Однако народ хочет видеть и ненавистную королеву, и Лафайет, которого ненавидит королева, убеждает её, что выйти надо. «Если я должна умереть, я готова умереть» говорит она и выходит с детьми. Отлично понимая, что происходит, Лафайет почтительно преклоняет перед ней колени и целует ей руку. Настроение толпы резко меняется, и она кричит: «Да здравствует королева!» Критический момент Лафайетом выигран, но отнюдь не ситуация в целом. Королевское семейство отправляется в Париж, в дворец Тюильри практически, как оказывается, под домашний арест. За ним следует и Национальное Собрание. С этого дня Лафайет утрачивает больше половины своих иллюзий. А через два года, поняв, что революция, которую планировал он с соратниками, безвозвратно проиграна, и народом овладела «рассуждающая сволочь» (как назовет предводителей якобинского «фаши» впоследствии Ипполит Тэн), он решительно уйдет в отставку.

Оказалось, что слова американской Декларации, принятые им за основу для написанной им Декларации: «Все люди сотворены равными и все они одарены Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью», «Правительство получает свою власть от управляемых. Право народа – изменить или низвергнуть его», хотя и были почти точной цитатой из «евангелия» Джона Локка и вошли в священный кодекс масонства, но очень мало что значат практически. Не имея четкого конкретного смысла, они равно годятся для людей весьма различных убеждений. Что ж удивительного, ведь и Джефферсон, и Вашингтон, и большинство отцов-основателей Соединенных Штатов Америки, начиная с Франклина, были масонами, также как и добрая половина членов кабинета короля Англии. Как и масонство членов «Комитета «тридцати», оно, подобно всякому революционному обществу было прежде всего политическим, проникшимся влиянием баварского «просвещения» (иллюминатов).

Ни Вашингтона, ни «усыновленного» им Лафайета не интересовали масонские мифы, но утопия Вейсгаупта о Мировой республике, которая возникнет после уничтожения религий, монархий и наций соблазнила их души. Соблазнила она и многих членов якобинского клуба первого состава, под кровлей которого встречались Барнав, Дюпор, Мирабо, Сийес, Кондорсе, братья Ламет, Марат, Дантон, Лафайет, Демулен, Робеспьер, Фукье-Тенвиль и множество других, числящихся в героях революции несмотря на то, что менее чем через год они оказались в разных лагерях.

Следует заметить, что на души Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и иже с ними утопия «иллюминатов» повлияла совершенно противоположным образом, нежели на членов «Конституционного комитета». Утопическая мечта Лафайета, воспринятая им от Руссо и оформленная Джефферсоновой декларацией, это мечта о «правлении, основанном на моральной теории всеобщего мира, на неотъемлемых, наследственных правах человека... обещающем новую эру роду человеческому» (как она выражена в «Декларации прав»), полярно противоположна маниакальной утопии Робеспьера о построения нового мира и нового человека посредством последовательного разоблачения и уничтожения всех врагов и предателей французского народа – избранной части рода человеческого и избравшего его Высшего Существа. Именно в этой якобинской матке («Матерью» назвал Робеспьер свой клуб, породивший более трехсот ячеек в провинциях) наиболее четко обнаруживает себя порочное единство, объединяющее либерализм и фашизм, менее отчетливо явленное в других революциях. Центральная идея – это ставшая классической идея революционного мифа: уничтожить существующий порочный мир и создать новый непорочный. Переворот этот должен быть совершен руками праведных революционеров и с помощью некой Высшей Силы. С Высшей Силой (Бог, Высшее Существо, Диалектический процесс исторического материализма и т.п.) праведный народ связан через Вождя. Так, подавив нарождаю-

щееся масонство справа и левеллеров с левого края, Кромвель создал первую фашизоидную диктатуру. Так, уничтожив масонов-конституционалистов справа, а потом масонов-кордельеров слева, Робеспьер дал жизнь (на год) первой вполне оформленной фашистской диктатуре. Так Троцкий и Ленин, свернувшие голову свергнувшему царя масонству, а потом Ленин и Сталин, уничтожившие «отклонившихся от линии» большевиков, создали первое фашистское государство. При, казалось бы, смертельной вражде масонства и фашизма, главный их корень един: идея уничтожения мира, сотворенного Богом, и сотворения нового мира и нового человека. Заглянув в свою душу, мы без большого труда сможем убедиться: нам очень бы хотелось войти в вечную жизнь, сохранив те радости, с которыми нет желания расставаться в этом мире (что делает нас как-то ближе масонам). А с другой стороны, чувство ненависти по отношению ко множеству подлецов и мерзавцев, с которыми мы знакомы и о которых знаем, не покидает нас и заставляет нас желать, чтоб они навсегда исчезли из жизни, более того: чтобы они вечно мучились в геенне огненной. И тут мы уже дышим в затылки фашистам.

На этих общечеловеческих и вековых предрасположенностях зазеленели Елисейские поля и запылали костры вечного ада. Нам противна мысль, что земные чувственные радости, исчезающие с возрастом даже здесь, несовместимые с вечностью, преобразятся с нашими душами и телами. А мысль об аде, если мы вдруг задумываемся о нем всерьез, нас страшит. Если мы веруем в Единого Бога, то должны понимать, что вечны лишь Он и все и вся, кому и чему Он дает вечность. Представлять же себе, что Он дал вечность аду, где черти безостановочно жарят грешников, значит превращать себя в идиота, верящего в картинки, заказываемые для церквей попами, чтобы держать в страхе и повиновении туповатых прихожан и превращать Бога в вечного палача, наподобие подземных богов язычников. На самом деле ад – это состояние души, вступающей в его преддверие здесь на земле, после отказа от Бога. Это смерть души, которая оказывается в еще

большей тоске и страхе после смерти его тела, но состояние это – не вечно. Впрочем, в вечность его верит изменник Богу, живя в тоске об ушедших радостях и в нарастающем страхе смерти. Борясь с порождениями собственных душ, люди изгоняют их наружу и накладывают на тех, кого считают своими врагами. Этот чрезвычайно популярный в народе процесс экстериоризации превратил всех масонов и фашистов в дьявольское отродье, в демонов, обладающих тайными нечистыми силами, направленными на порабощение всех людей. Нечто подобное, конечно, можно предположить относительно персон Сталина и Гитлера, Нерона и Адриана. Но массы верующих в масонские и фашистские утопии – это все-таки обычные люди, во время тьмы последовавшие за словами лжи, отвечающими их порокам и мечтам. Суть либералистского и фашистского единства – в объединяющей их лжи о Боге и человеке.

Исторической основой этого единства, естественно, является материальный прогресс, соединенный с демографическим. Он берет начало в «доисторическую» эпоху, когда племена еще невелики и разделены водоразделами и горами, а материальных продуктов их жизнедеятельности хватает только для выживания. Это были тысячелетия естественного всеобщего мира и «материнского права», оставшиеся в памяти человечества как «золотой век», или эпоха первобытного коммунизма. Но и тогда «свобода, равенство и братство» были очень далеки от идеала, ставшего девизом масонства и либерализма. Братство на биологическом уровне, конечно, ощущалось конкретней. На уровне рода – все дети одной матери. Хотя из истории Авеля и Каина человечеству нетрудно понять, что такое чрезвычайно распространенное в нем проявление инстинкта самоутверждения как зависть, увы, значительно сильнее братских уз. Равенства было значительно больше, чем во времена правовой и материальной дифференциации, возникшей при патриархате, когда добыча между членами племени распределялась не равным, но про-

порциональным образом. Что же касается свободы, то при отсутствии ясного понимания, что это такое, и в нашей, достигшей, кажется, предела своего развития цивилизации, говорить об этом просто недостойно. О какой свободе может идти речь в эпоху главенства масонского либерализма на земле, когда более трети человечества – в цепях беспросветной нищеты, половина живет в вечном страхе потери работы и средств к существованию, а благоденствующая элита – в вечном страхе перед призраками своего порождения – фашизма, таящегося и в социальных возмущениях теряющих надежду масс, в крысиной неуловимости террористических банд и в национальном радикализме людей с естественным чувством человеческого достоинства, доведенных до предела терпения идолопоклонством перед протитуированными «правами человека» и хамской политкорректностью.

Таковы дегенеративные плоды человеческой воли, жаждущей обрести всемогущество отверженного ею Бога, и плоского скудоумия человеческого рационализма. Гнилые плоды Просвещения, все еще служащие духовной пищей для мечтателей о рукотворном земном рае. Масонство стремится к превращению человечества во вселенскую толпу потребителей, а фашизм – в потребляемых. Но один корень и один конечный плод. А что же остается тем, кто осознанно и убеждено не возлагает никаких надежд на «улучшение обстановки» при завершении строительства Вавилонской башни нынешней мировой цивилизации, кто бы ее ни достраивал: «вольные каменщики» мировой биржи или «рыцари» фашистского храма?

Попробуем понять то, что заключено в словах: «Да будет воля Твоя, как на небесах, так и на земле». В ней скрыто и наше прекрасное начало и наше без сравнения более прекрасное будущее. И наверное, нет ничего важнее, чем искренне стремиться понять Его волю о нас и не спутать со своей. Это очень нелегкая задача – разобраться в сердце своем, и очень трудно не поступить по-своему и вопреки Ему, когда желание затемняет разум. Нет сотворенного Им суще-

ства, в котором не был бы заключен дар от Него, его призвание, и нет для человека лучшего пути, чем жить этим даром. Но «если вы не верны в чужом, кто даст вам ваше?» – сказал Господь.

* * *

...С той поры как была написана первая страница этого очерка, прошло более десяти лет. Столь чудовищная медлительность литературного труда объясняется не только незаурядной леностью автора и тщеславным желанием превзойти на этом поприще великого Анатоля Франса, который, находясь в таком же возрасте, сообщал в письме к Эдмону Гонкуру: «Сегодня я славно поработал: утром поставил запятую, а к вечеру ее вычеркнул».

Основная причина того, что предполагаемая статья объемом не более десятка страниц, обещанная литовскому журналу «Варпас» по окончании Международного конгресса «Нюрнберг-2», происходившего в Вильнюсе в 2000 году, разрослась много, в том что первоначальная цель – попытаться дать понятию «фашизм» по возможности четкое и удобопонятное определение, позволяющее посадить его на скамью подсудимых, какие бы личины он ни принимал, в процессе работы переросла в крупный исторический очерк, в коем, кроме годного для практического употребления понятия, посильно изображается и процесс возникновения этого феномена, развития и обретения им зрелой формы. В таком ракурсе тема заслуживает фундаментального исторического исследования, но на это у автора, увы, нет уже ни времени, ни сил. Можно добавить, что нет и желания до конца дней заниматься, хотя практически и целесообразным, но давно уже тягостным для сердца рассмотрением порочной стороны нашего человеческого бытия. Необходимость же в эпилоге объясняется и недостатками композиции, связанными с громоздкостью темы, не лучшим образом вписанной в избранный для этого жанр, и желанием отчетливей выделить основную мысль, несколько

погрязшую в трясине сопутствующих рассуждений, и потребностью связать как-то её с практическими задачами многих людей, приобретшими особую остроту в последнее тридцатилетие.

От первых городов до первых республик

С точки зрения веры в Единого Бога резонно допустить, что двойственность, характеризующая явления и процессы в окружающем нас мире и в сфере нашего сознания имеет одну общую природу – это противоречие между словами Бога, обращенными к человеку: «От всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». и словами сатаны к нему же: «подлинно ли сказал Бог...?...нет, не умрете...но ...будете, как боги, знающие добро и зло». (Быт., 2–3). Противопоставление воли человеческой воле Божией, спровоцированное этим противоречием, стало причиной переворота в мироздании, центром которого был создан человек, и в его собственной душе. Блаженный Августин сказал об этом короче: «Дух возмутился против Бога, а душа – против духа». Началось то, что мы называем историей.

И началась она с женщины, первенство которой было уступлено мужчиной, утратившим право духовного первородства и дар обладателя и возделывателя мира. Город, давший начало цивилизации, (но не городище-поселение, огороженное частоколом для защиты от хищников) возник за оградой стен с четкой структурой, сохранившейся принципиально до «нового времени» уже нашей эры. Он состоял из двух частей: «верхней» – храм, дворец, казарма постоянной стражи города и «нижней» – рынок, мастерские и службы (обслуживающие обитателей верхнего города), включая рядовых воинов, вооружаемых в случае войны, но в мирное время, живущих своим трудом в городе или за его стенами. А кроме того, городу стало свойственно, чтобы на его дне появлялся осадок

из оказавшихся никчемными людей, отыскивающими способности, часто преступные, вести паразитическую жизнь – городская чернь. То, что первые города стали появляться как центры больших союзов племен, но в то же время получали имена женского рода, свидетельствует о том, что слова, выбираемые как названия для места, становившегося главным поселением разрастающегося племени должны были означать, прежде всего, что место это находится под благословением богини Великой Матери, защищаемо ею и поэтому именно оно – Родина для народа.

Звезда с пятью лучами, символ Великой Матери, обнаруживается еще на керамике VI тысячелетия до н.э. в Месопотамии и в Египте. И знак ее, наносимый на посуду, на щиты воинов, на стены возникающих городов, служил защитой от врагов, всякой порчи и отравы, привлекал покров богини к ее народу. Это происходило в пограничную эпоху между матриархатом и патриархатом, когда в представлениях образ Великой Матери – Покровительницы, возможно уже на паритетных началах с богом – Предводителем и Воителем, сохранял свою первенствующую, хотя уже не доминирующую роль. И если в самом позднем сохранившемся свидетельстве этой эпохи – в Кносском дворце оказалось возможным узнать, что царь Минос в загробном мире председательствовал на посмертном суде, то логично предположить, что в земном храме еще господствовала Великая Мать. Храм и Дворец стояли рядом на вершине города, а внизу, у главных ворот был свой центр, Рыночная площадь – центр, где шла меновая, еще доденежная, торговля, куда посылался сверху глашатай, чтобы сообщать народу царскую волю, где собирались сведения и слухи со всего города и со всех мест, откуда приезжали купцы. Центры обмена материальными ценностями и информацией сразу стали фундаментом развития цивилизации. Появившись около 6000 лет назад, они никогда уже не исчезали, как и главные города разрастающегося мира. В наше время храмы и дворцы стали институтами не столько властными, сколько репрезентативными. Власть формально сосредоточилась в

парламентах, избираемых толпами, и в кабинетах министров, назначаемых парламентами, но по сути своей это не более чем политическая биржа, на которой идет непрерывная игра между торговцами властью. Подлинная власть окончательно сосредоточилась в тех самых центрах обмена – теперь в гигантских банках и транснациональных корпорациях, в их лживых устах – в так называемой «четвертой власти», скромно именующей себя СМИ. И чем уверенней продвигается эта власть к своим конечным целям, тем очевидней они прорисовываются в эпицентре, куда направлены все средства достижения, уже не нуждающиеся в покровах мифологии. Первым из них, без сомнения, является сотворение «нового человека» – человека вселенской толпы.

Такая толпа – это творческая среда, мутная вода, в которой зарождается новый вид человека. Она собирается и накапливается в гигантских резервуарах – макрополисах, раковых опухолях, образовавшихся в главных городах мировой истории, становящихся приемниками человеческих масс, разбрасываемых демографическим взрывом и отчаянной нищетой. Они постепенно сливаются с миллионными массами людей, лишенных надежды найти какую-нибудь постоянную работу. Но основную массу в этих резервуарах составляют многомиллионные армии работающих и служащих, от мусорщиков до инженеров и от вахтеров до менеджеров. И самое замечательное, что все они, и жирные карпы, и в меру упитанные караси, и тощая плотва имеют одни и те же представления о смысле жизни: жить надо для того, чтобы зарабатывать деньги и чем больше, тем лучше. Но ни в коем случае не наоборот. И образ жизни у них почти одинаковый: работа, отдых, развлечения, наслаждения. Разница только в качестве, в зависимости от заработка. На что-нибудь другое им не хватает двух вещей – времени и воображения. Времени потому, что колесо Мирового Рынка непрерывно увеличивает скорость оборотов, чтобы накрутить как можно более денег. Зачем? Теперь уже не важно. Просто, чтобы было как можно больше денег. И поэтому конкуренция ускоряет «крысиные гонки» (отстающий

выпадает за обочину), производство ускоряет смену технологий, чтобы производить все более новые конкурентоспособные товары, а менеджеры не покидают производство, по десять и более часов, чтобы дать пример рабочим и служащим, которые, в свою очередь, продолжают работать, чтобы заработать больше денег, а главное – не потерять работу. Скорость перемен охватила уже почти весь круг жизнедеятельности человека, и, поскольку она давно превысила потребные и допустимые для нашего мира пределы роста, то мы уже сегодня можем поздравить себя с тем, что в целом достигли невротического состояния человеческого общества со всеми последствиями.

Почти сорок лет назад прозвучал в Смитсоновском институте, в Вашингтоне доклад профессора Масачуссетского Технологического института Денниса Медоуза «Пределы роста», подготовленного по итогам исследований группой ученых под его руководством по заказу Римского клуба. Эта организация возникла в апреле 1968 года по инициативе Аурелио Печчеи, экономиста и философа, вынесшего из Сорбонны почтение к идеям Просвещения, бывшего одним из лидеров итальянского Сопротивления, чудом избежавшего расстрела после года, проведенного в тюрьме, и ставшего промышленником и общественным деятелем после освобождения Италии.

Создавшееся объединение ученых и незаурядных представителей делового мира, ограничивших свой кворум числом ста членов, констатировала что:

1. В результате бурного и хаотического развития промышленности мир оказался перед такими трудностями, которые угрожают существованию всей мировой цивилизации.

2. Среди всех политических деятелей мира «никто, в сущности, не несет и даже не ощущает ответственности за состояние всего мира».

3. «Судьба всех нас, наших детей и детей наших детей зависит в конечном счете от того, как будет решаться проблематика всего мира в целом».

В силу этих обстоятельств «цель Клуба в том, чтобы добраться до самых корней истинных проблем нашего мира». В 1970 году к деятельности Римского Клуба подключился профессор Джей Форрестер. «В невероятно короткий, четырехнедельный, срок он создал математическую модель, которая могла грубо имитировать развитие мировой ситуации с помощью пяти основных взаимозависимых переменных: роста населения, капиталовложений, производства продовольствия, использования невозобновимых ресурсов и загрязнения среды. Эта модель стала отправной для созданной и подвергнутой системному анализу группой Медоуза модели «Мир-3». Итоги вбивали осиновый кол в утопию «постиндустриального общества», доселе разгонявшую все грозные облака, пытавшиеся омрачить небо, вновь просиявшее над «золотым миллиардом» после конца фашистской бури. Они однозначно утверждали, что если неконтролируемый рост материального производства и его последствий не будет приостановлен и сменен сбалансированным глобальным равновесием, то в первой половине грядущего века мир ожидает неминуемая глобальная катастрофа. Произведенное на значительную часть человеческого общества впечатление от «Предела роста» было огромно. Но с горних высот мирового рынка через питаемые им элиты и СМИ на грозные выводы обрушился такой шквал уничтожающей критики, что всегда жаждущее в глубине души утешительных перспектив мировое сообщество вскоре успокоилось, рассудив, что вернее всего положиться на мудрость древней притчи гласящей, что права и та и другая сторона, проживем – увидим. Таким образом, паровоз летит вперед и остановка мыслима только тогда, когда произойдет вселенская катастрофа. Что же касается воображения, то оно, как известно, зарождается в человеке с самого начала его пути, с выхода на свет, и начинает проявляться с первоначальным осознанием своего «я» в младенчестве как важнейший соучастник его творческого развития. Но когда из жизни человека исчезает ее высший смысл, разум и воображение гаснут, и он становится в духовном смысле творчески бесплоден.

Здравый смысл

Кризис не экономический и не политический, а духовный произошел уже давно, и эта катастрофа человечества осталась опять-таки незамеченной в силу катастрофы человеческого сознания. Она произошла как главный итог эпохи Просвещения. Как итог «прогресса» разума – словца, пущенного в оборот аббатом Сен-Пьером, критиком деспотизма «короля-Солнце». Аббат желал придать всей истории благостный характер как процессу, руководимому Провидением Божиим, развивающему человеческий разум настолько, что с его помощью можно установить на земле вечный мир. Спустя некоторое время этот громадный шестнадцатитомный труд было решено сократить, и это поручили Руссо. Он с готовностью взялся за эту работу и не только сократил проект аббата, но и со свойственной ему скромностью добавил свое мнение: чем уговаривать монархов всей Европы объединяться в федерацию с общей армией и судом, карающим всякого нарушителя общего мира, лучше уговорить всех простых людей объединиться и свергнуть несправедливых правителей и ликвидировать собственность, после чего на основании общественного договора восстановить справедливое общество, каким оно было в золотом первобытном веке, когда люди жили в мире с Природой и друг с другом.

В конце века масон, маркиз Кондорсе, один из «Комитета тридцати», начавшего революцию, и бывший президент Конвента, объявленный вне закона за критику якобинской конституции, скрываясь у друзей, написал свой главный труд, посвященный роли разума в истории, который обеспечит вечный и всеобщий прогресс всему миру. Покинув свое убежище по окончании этой работы, создатель философии истории и теории прогресса был арестован и покончил с собой в тюрьме. Через два месяца после его смерти председатель якобинского клуба и генеральный инквизитор Робеспьер выступил как верховный жрец новой религии для всего человечества. «При-

звать людей к культу Верховного Существа – это значит нанести смертельный удар фанатизму (то есть христианской вере). Без принуждения, без преследования все секты должны сами по себе смешаться во всемирной религии природы», – заявляет в своих сочинениях этот представитель помеси революционного гуманиста а ля Руссо с «просветителем» всего мира посредством террора по методу Вейсгаупта. Это великое призывание французов, «на две тысячи лет (по его подсчетам) опередивших весь мир», он и провозгласил на учрежденном им празднике Верховного Существа и Матери Природы. Через два месяца, накануне запланированной им самой крупной бойни уже в лагере собственных сторонников, начавших подзревать его в маниакальной одержимости террором, он был арестован вместе с непосредственным организатором и яростным проповедником террора (уже не только против подозрительных, но и против равнодушных!) Сен-Жюстом, и свирепым паралитиком Кутаном, членами его Политбюро, и на следующий день брошен под нож гильотины.

Режим тоталитарной диктатуры Комитета общественного спасения под руководством Робеспьера просуществовал всего тринадцать месяцев и это было время первого проявления в истории полноценного фашизма, хотя понято это и по сей день лишь очень скромным меньшинством и менее всего, естественно, самими французами, продолжающими распевать «Марсельезу» и праздновать взятие Бастилии. Образы таких вождей революций как Робеспьер и Ленин сохраняются в пропитавшемся за два века утопиями либерал-социализма сознании мирового сообщества – облаченными в тоги справедливости с лавровыми венками гуманизма на головах. Основанием для этого служат высокопарные фразы из их речей о великой исторической роли простого народа и провозглашении для него светлого будущего в мировой республике, как только будут побеждены все враги. Ничего удивительного – все народы любят, когда им льстят и обещают лучшую жизнь. Интеллектуальная элита, обязуемая своими демократическими убежде-

ниями и надеждами верить в народ и любить его, тоже старается уважать тени «великих гуманистов», восхищаясь иллюстрациями их человеколюбия и скромного образа жизни: Робеспьера, окруженного юными «весталками» – подругами дочери сапожника, у которого он снимал квартиру, – где он любил читать вечерами, сидя у камина, проповеди о справедливой жизни, или Ленина, ласково объясняющего крестьянским ходакам патриотический смысл продразверстки, и ласково глядящего сидящего у него на коленях котенка. Это придавало благостность их ликам и успокаивало относительно того, «что же с нами будет?».

Вековая привычка делить людей на хороших и плохих, относя самих себя к неплохим и тяготение к одинаковости, к стабильному образу жизни – «живи, как все», лукаво, оно оглушает жизнь, разнообразную изначально. Из поля зрения выпадает даже принципиальная двойственность человеческого существа, отнюдь не только моральная, но и типологическая. Дурацкое понимание равенства как одинаковости, утвердившись в общественном сознании с начала эпохи Просвещения, повлекло за собой движение к хаосу, называемое социальным прогрессом и всячески поощряемое масонством. Даже простая очевидность различия мужского и женского образа психики была «революционно» отвергнута феминизмом столь радикально, что поколебала и различия физиологические, спровоцировав требования общечеловеческих прав для «половых меньшинств». Господство прав человека над моралью обеспечило правовую защиту для разврата и, обретя легальную свободу, преступление энергично включилось в дело разрушения человеческого общества. Уродовать природу можно и человечество в этом преуспевает все более и более, но переделать её нельзя. И мужчина, и женщина остаются такими, какими были сотворены.

И в том, и в другой есть начатки психики другого пола, что дает им возможность входить в душу друг друга и развиваться друг в друге. Но прежде всего каждый должен стремиться по-

нять себя как человека определенного пола и предназначения. Со временем черты другого пола проявятся в нем, но как дополнительные, помогающие его более цельному человеческому развитию, его душевной полноте. Многие властные и жесткие по характеру мужчины становятся мягче, душевней, иногда даже сентиментальней, а женщины, бывшие робкими и неуверенными в себе, более решительными, умелыми и часто жесткими организаторами. Однако в случаях, когда одна резко выраженная черта своего пола получает чрезмерное развитие, то проявление черт другого пола ничего не меняет и носит чисто декоративный характер. Легкие сентиментальные штрихи на портретах Робеспьера и Ленина никак не могут скрыть для прямого взгляда отвратительные черты отцов массового террора в своих отечествах. Патологически переразвитый инстинкт самоутверждения, безграничное властолюбие и мстительность в соединении с маниакальной верой в свои идеи превратили заурядного, но трудолюбивого адвоката из Арраса и ленивого помощника присяжного поверенного из Самары в кровавых деспотов, стремившихся небывалыми дотоле массовыми казнями устроить страну и заглушить свой страх. Именно в них особенно отчетливо проступает диалектическое единство и двойственность либерального масонского безбожия и безбожия фашистского, вдохновленного ненавистью, вскормленной завистью.

Различие методов злата и булата духовно не принципиально, подобно тому, как не принципиально различие мужского и женского строя чувств и образа мышления. Духовная доминанта мужского типа – стремление к своей цели, достижение которой воспринимается как призвание. Доминанта женского типа – стремление к свободе, осознаваемой как возможность выбора того, что больше нравится. И то и другое растет из единого корня, экзистенциальной потребности в самоутверждении. При нормальном развитии типовая доминанта всегда дополняется влиянием психики другого типа, органично связанной с доминирующей. Так мужская целеустремленность сочетается с потребностью в семье, в круге

общения, дружеских связях, с потребностью видеть, слышать и понимать людей. Для женской психики цель самой выбрать мужа, создать семью и дом, необходимо дополняется задачей понимания интересов мужа и детей, самообразования, чтобы быть учительницей для детей и суметь связать семью с кругом близких.

Но наше изгнание в дольний мир – это прежде всего изгнание в самих себя, в ту свободу, которую мы возжаждали своим женским существом и в ту возможность стать «как боги» – своим мужским. В этой ситуации мы оказались в положении, когда только наше собственное «я» стало нашим господином, и отождествилось в нашем сознании с эгоцентрической самостью нашей души и анархической властью желаний нашего тела. Немудрено, что в таком состоянии нам практически почти невозможно удержаться в границах, кое-как указываемых нам нашей не вполне чистой совестью и не защищенным от лжи разумом. Единственным спасением от совершенной духовной деградации является чудо, и это чудо – вера, кою дает Бог прощаемым и возвращаемым под Его покров. Мы не знаем, да нам и не должно знать, много ли или мало спасаемых. Не знаем, даже будучи сами верующими, вопреки Лютеру, будем ли спасены, или осуждены за то, что недостаточно следуем воле Божьей. Но не может быть сомнений, что подлинной духовной катастрофой, знаменующей начало последних времен, стала эпоха масонского Просвещения во Франции, раздувшая давно уже тлевшие очаги безбожия в разное ветрами безверия пожарище атеизма.

Эпоха началась, когда философские системы, исключаящие Бога из человеческого общества, стали размножаться и жужжать, как мухи, пока наконец просветившееся большинство не прониклось уверенностью, что его просто не существует. Век, когда «открытия» эволюции, не только от амёб до человека, но и всего сущего от элементарных частиц до Вселенной, убедили почти всю цивилизованную часть человечества, что все возникает само собой из «материи» и немедленно встает на путь развития от простого к сложному, что

человек сам творит свою судьбу и вкладывает в нее смысл, что он – покоритель природы и выше его как венца эволюции не существует ничего. «Великий философ» масонского толка Гёте дал имя этому новому статусу человека – «Уберменш» – Сверхчеловек. Что как нельзя лучше подтверждалось обгоняющими друг друга открытиями законов природы и научно-техническим прогрессом, наводящими также на мысль: наступает пора, когда человек сам будет предписывать законы, не только себе, но, подобно Богу, и покоренной природе. Атеизм, дарующий человеку абсолютную свободу в пределах будущего тоталитарного космополиса, и мистицизм, удостоверяющий его в обладании им «искрой божьей», сулящей ему космическое величие по достижении ранга создателя своего мира, породили множество политических проектов и гностических концепций. Во всех странах, еще пребывавших в монархических потемках, сновали пробужденные героическими идеями масонов-иллюминатов карбонарии, и всполохи революций озаряли горизонты. Самые продвинутые державы соревновались друг с другом с включением в орбиту цивилизации неразвитых или недоразвитых народов, одаряя их статутами колоний. Казалось, что выглядевшее еще недавно утопическим предсказанное масонством светлое будущее вот-вот воссияет над миром. «Ле фэн дю съекль»* стал достойным его украшением.

Первоначально это словосочетание означало просто последнее десятилетие XIX века, отмеченное на Западе Европы особым стилем: сочетания научных сенсаций, промышленного бума, стремительного нарастания политического террора и крупных финансовых афер, с расцветом стиля «модерн» в архитектуре и изобразительных искусствах, нагнетания декаданса в мире искусств и в литературе, нигилизма философского и морального в общественных мнениях, оккультных сект, вплоть до сатанинских, и небывалого дотоле по открытости и размаху распутства. Позднее «конец века» расширился еще на десять лет, названных «Серебряным веком» в

* Конец века (*фр.*).

России, где кроме пышного цветения искусств, пропитанных элегантно-меланхолической и эротической, и религиозно-философских бредней в духе мадам Блаватской, кипела насыщенная политическими страстями жизнь: царь ввязался ради создания Желтороссии (тесновато стало на своем подворье) в войну, в которой быстро потерпел позорное поражение, народ взбунтовался, но тоже потерпел поражение, эсеры убивали царских жандармов, министров и даже московского губернатора – сифилитика и родного дядю царя, одержимый бесом мужик утешал и поучал царя и царицу, думские бояре думали о реформах, патриоты искали утешения в еврейских погромах, интеллигенция возмущалась и мечтала о революции. Аристократия тоже возмущалась, но на другой манер, и уезжала отдыхать от домашних дразг на Запад. А на Западе поминки по Просвещению справлялись еще пышнее и, естественно, разнообразней. Революционные всполохи начали поворачивать каждое десятилетие то в той, то в другой стране сразу после рождения Священного Союза. В Европе появляется рабочий класс как новая социальная общность, обнаружившая прирожденную способность организовывать «забастовки» – новую форму общественной деятельности, коррелирующую с повышением эффективности производства за счет эксплуатации трудящихся промышленной буржуазией. Научные открытия в области физики и химии щедро питали технический прогресс, умело направляемый финансированием на службу потребностям рынка и военно-политическим планам. Товары массового потребления и оружие, коммуникации для перемещения товаров и людей и средства связи достигли в течение столетия такого уровня производства и развития, перед которым все, что было произведено от «темных веков» до начала XIX века, за исключением произведений мысли и искусства, выглядело почти первобытными примитивами.

Но в сфере интеллектуальной, нравственной и религиозной сдвиг, отчетливо заметный уже в XV веке ускорился по всем этим трем направлениям с тем, чтобы, разразившись катастрофой Просвещения, устремиться вниз по пологим долинам

XIX и XX веков. Разумеется, научные успехи этого периода можно было бы именовать прогрессом, если бы они не привели семь поколений открывателей и покорителей сначала к пограничной ситуации экзистенциализма, где единственный обладатель разума во Вселенной зажался у бездны на краю, почувствовав себя порождением темного хаоса, заброшенным в пустоту. И если бы бодрое поколение его потомков, освободившееся от последней высшей инстанции над собою – от власти разума и с радостным ржанием скачущее по бескрайней мировой степи, где ни деревца, ни кустика, одна трава, коротенькая как в запретных зонах. Но для вольного дитяти постмодернизма нет запретов. Нет ни законов, ни правил, ни порядка, ни каких-либо структур вообще. Нет ни стыда, ни совести, ни идеала, ни подражания, вообще ничего единого и ничего целого. И все это потому, что нет никакого смысла ни в чем. Наконец-то впервые достигнута полная свобода, благодаря тому что уничтожен всепорабощающий смысл – главное оружие всевластия разума. Человек – это гениально одаренное разнообразными желаниями тело – свободен навеки. Осталось, правда, одно досадное обстоятельство: это проклятое время. Но, если хорошо выпить и хорошо подумать, жизнь – это ведь «только миг между прошлым и будущим» и потому, как сказал один известный «постмодернист» X века: «...жаден к жизни будь... рази врага, пей мёд, любовницу ласкай... Потом, как все, помрешь. Но разве это важно?!»

Если верить существующим в классической физике методам исчисления времени, то появление «человека разумного» на земле следует отнести то ли к сорока, то ли к шестидесяти тысячам лет назад до нашего времени. И с тех пор нам вряд ли удастся найти хоть одну эпоху, о которой можно было бы аргументировано сказать, что человеческая жизнь в ней не имела смысла. Человек разумный во все времена так или иначе верил в наличие какого-то высшего смысла в существовании всего окружающего мира и в самом себе. И поэтому следует признать, что сегодня мы впервые вступили в эру бес-

смысленности, где для человека разумного уже нет места. Маловероятно, что она, эта эра, будет продолжительна, но у нас все-таки еще остается время подумать, как мы дошли до жизни такой.

Ведомая нам история нашего мира убедительно свидетельствует, что он «лежит во зле», как сказано о том апостолом Иоанном. Непрестанные и цинично откровенные поправки заповедей Божьих, запрещающих убийство, прелюбодеяние, воровство и ложь, без просвета заполняют панорамы минувших веков. Но надо учитывать, что мир – это человеческое сообщество в целом, а не все живущие на земле люди. Всех нас можно разделить на три неравные части, первую из которых представляют махровые стяжатели, с «большой шайкой разбойников», как назвал Блаженный Августин римское государство, представлявшее в его время первое «царство мира сего». Именно это сообщество стяжателей власти, богатства, вдохновителей лжи и патронов разврата является по преимуществу уделом «князя мира сего». Основную массу человечества представляют потребители, производящие все материальные ценности и потребляющие большую, но далеко не лучшую их часть. Зависть, свойственная большинству из них, облегчает их вовлечение в злобные сообщества борцов за лучшую долю. Немало среди них и отнюдь не злобных людей, не поддающихся вовлечению в общественные смуты, но потребление, как для активных, так и для пассивных, остается главной жизненной целью. А поэтому, покорно или ропща, они всегда, в конечном счете, подчиняются порядкам и нравам мира сего. Меньше трети составляют искатели, противящиеся этим нравам и порядкам и ищущие в жизни цели, оправданные каким-либо высшим смыслом. Большинство из них обретает в своих поисках веру в ту или иную ипостась этого высшего смысла и становится учениками Всевышнего Бога. Различия в их представлениях о Боге разводят их по разным школам, и их успехи в постижении шаг за шагом Учения Божия неодинаковы. Но только одни они и оправдывают имя человека как «человека разумного». Их пути проходят в

стороне от проторенных в этом мире дорог и непонятны людям мира, потому что они ищут то, чего нет в мирском сознании. Ищут смысл Слова Божьего в Писаниях, ищут звучания Голоса Его в своем сердце и, когда удастся услышать, понять и исполнить волю Его, то подтверждение правильности понятого и сделанного в одобрении «Лица Его».

Вполне естественно, что это – безумие для мира, нечто подобное «вялотекущей шизофрении» в социально опасной форме. Общая картина истории мира, создаваемая искусством стяжательства, силами потребителей и, увы, не без участия заблудившихся и блудящих искателей, если приглядеться, изображает отчетливей всего два глубоко проторенных и хорошо ведомых всем пути, берущих начало из всем свойственного инстинкта самоутверждения. В истории одной человеческой жизни это принято называть поиском самоидентификации. В истории народов – национальным призванием, в истории мировых цивилизаций каждой эпохе свойственно отдельное наименование, как то: переселения народов или борьбы за место под солнцем, собирания земель или покорения соседей, борьбы городов и замков, религиозных войн, союза злата и булата, нарушаемого мятежами и финансово-экономическими кризисами, и, наконец, опытов построения мировых империй, заканчивающиеся катастрофическим распадом. Эта чисто внешняя, формальная картина истории производит впечатление, что главным и постоянным ее сюжетом являются войны. Если учитывать только шесть тысяч лет патриархата, то это, вроде бы, так и есть.

Но не требуется большого напряжения зрения, чтобы увидеть столь же непрерывную, хотя и менее заметную на первых порах, кривую конкуренции, начавшуюся задолго до эры войн и в большинстве случаев ставшую их причиной. Средство получить желаемое путем обмена, свойственно женскому складу ума (что подтверждается археологией неолита), в то время как для мужского, охотничьего, естественней приобрести это силой. А то, что для обмена становится обычен обман, а для силового решения – грабеж, это морально уравнивает

оба пути. Впрочем, мораль здесь ни при чем. Великие полководцы не обременяли себя размышлениями о справедливости войн и, хотя не всегда говорили об этом, как Наполеон, но всегда были внутренне убеждены, что «большие батальоны всегда правы». Еще менее можно заподозрить в моральных колебаниях великих служителей Маммоны. «Fair play» на рынке столь же частое явление, как целомудрие в борделе.

Различие и противоборство

Но было бы глубоко ошибочным считать, что булат и золото правят миром, ни во что не веря. На каждом из двух стволов мирского древа множество ветвей. От первой человеческой семьи по мере её разрастания начались разветвления по родам и далее по племенам. На уровне союзов племен уже четко различимы начала культурных и религиозных различий по данным археологии верхнего палеолита. И наиболее ранние из них антропологические различия – опять-таки фиксированные археологией – и сопутствующие им языковые, что представляется несомненным при масштабах рассеяния и длительности этих процессов. К концу эпохи неолита и началу переходного периода от матриархата к патриархату эти различия уже четко просматриваются и даже поддаются реставрации по письменным источникам, возникшим в третьем тысячелетии до нашей эры, когда Великие Богини при началах цивилизации утрачивают свое абсолютное превосходство в религиях народов, отдавая его мужским небесным богам. Однако самое первое различие – между мужчиной и женщиной, пройдя сквозь все этнические, социальные, культурные и религиозные различия и меняя формы, сохранило свою фундаментальную значимость. Да и как бы могло быть иначе, если человечество, постоянно увеличиваясь и меняясь, прежде всего, как и в начале, является сообществом женщин и мужчин. И только лишь нравственной ущербностью, тяготеющей над нами, и порождаемым ею скудоумием можно объяснить, что трагическое

противоречие, господствующее в этом сообществе от начала истории, никогда всерьез не принималось лидерами и вождями народов, но лишь религиозными фанатиками, полусумасшедшими сексологами и совершенно сумасшедшими от ненависти к мужчинам радикальными феминистками. Понять же, что это противоречие проникает во все роковые проблемы межчеловеческих конфликтов и является вторым по своему значению «проклятым вопросом» для человечества, без решения которого катастрофический характер нашей истории ведет нашу цивилизацию к краху, могут не все.

Второе место занимаемо им потому, что первое принадлежит главной причине человеческой трагедии – конфликту между сознанием и смыслом. Если требование равноправия для женщин, лежащее в основе социального феминизма, глубоко морально и разумно, а пагубны для жизни направленный на уничтожение семьи радикальный феминизм и беспрецедентный массовый разврат сексуального феминизма, празднующего полную ликвидацию целомудрия и циничное глумление над стыдливостью, то полная ликвидация смысла как тирании над свободой, провозглашенная «нью эйджем» и постмодернизмом еще в нашем «старом веке», завершила многовековую борьбу человеческого разума против веры, ограничивавшей его стремления к безграничной свободе. Слова Священного Писания о начале этой борьбы у древа познания добра и зла лукаво понимались людьми, к которым были обращены, как осуждение жажды всезнания, а не безграничной свободы. В еврейском языке вообще не было слова «свобода» до утраты народом свободы с крахом государства. Желание обрести совершенную мудрость и стать «как боги», ведающие добро и зло, представлялось благочестивым и не допускало мысли о мятеже против Божьей воли. Потому и по сей день в еврейском религиозном сознании нет понятия «неисправимости первородного греха».

От повторения грехов древнего Израиля, которые постоянно были связаны с перетолкованием Божьих заповедей таким образом, чтобы ими можно было оправдывать грешные

стремления человеческие, не смог уберечься и «новый Израиль» – христианские церкви. И, ясно понимая смысл преступления прародителей против Бога, ум человеческий, тем не менее, старался переосмыслить инцидент с плодом познания добра и зла так, чтобы он выглядел уже исчерпанным, а для греха, последствия которого тяготеют над родом человеческим, найти какой-нибудь менее страшный образ. Так Блаженный Августин убедил себя и многих других, что первородный грех – это грех сексуального соития, закрывая глаза на благословение Богом супружеской любви и почитания детьми своих родителей. По мере своего срастания с государством и обогащением клерикальный аппарат церкви, все более ощущая нужду в репрессивных средствах против растущего среди мирян критического инакомыслия, стал объявлять протесты и неповиновения своим декреталиям и законам кесаревым преступлениями против закона Божьего – суть первородным грехом. Преследования еретиков от казней Феодосия I до костров инквизиции, с феноменальным призывом Урбана II убивать мусульман, захвативших Гроб Господень, ибо «этого хочет Бог!» и резней 1099 года, уничтожившей подчистую население Иерусалима, 70.000 человек мусульман и евреев, стариков, женщин и детей, и четыре века кровавого движения крестоносцев – это последствия клятвопреступной лжи. Первородный грех пригодился и протестантизму. Лютер, не сумевший совладать со своей бунтующей против монастырских обетов плотью, сумел выковырять из писаний Павла строку, давшую ему основание провозгласить, что спасение души зависит только лишь от веры в Христа, а совершенное ничтожество человека лишает значения какие-либо его дела праведные или грешные, и от первородного греха не осталось и соринки. Он проклял монастыри, взял себе в жены соблазнительную монашку и предался радостям жизни с ней и в застольях с учениками в свободное от войны с римскими папами время. Второй при жизни Лютера, но первый серьезный вождь реформации, Жан Кальвин, подошел к делу с другой стороны.

Первородный грех он закрепил за людьми, живущими в бедности, которая сама собой и свидетельствует об их вековой греховности. Они и наказаны болезнями, ленью, неумением и неудачами, предрасположенностью к преступлениям, к пьянству и разврату. И наоборот, трудолюбие, успешность в делах и богатство являются надежной приметой праведности христианской и избранности Богом для спасения. Как Лютера не смутил призыв Христа не отягчать сердца чревоугодием, пьянством и заботами житейскими, чтобы Судный день не застиг человека внезапно, так, и более того, Кальвин презрел Его предупреждения беречься любостяжания, «ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» и о том, что легче верблюда пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Небесное. На кальвинистское фарисейство в значительной степени опирается масонская социальная идеология и нынешняя идеология Мирового Рынка, что почти одно и то же. Соблазнительность для светской идеологии исчезновения понятия первородного греха, как и представления о том, что необходимо любить Бога, весьма способствовала быстрой либерализации этой идеологии. Через полвека после ухода с арены вождей Реформации успехами светской философии (Бэкон, Локк, Декарт, Спиноза, Бейль), понятие о Живом Боге, которого можно было любить и молиться, сменилось представлением о Боге «первого толчка», скрывшемся в глубинах Вселенной или растворившемся в Природе, а грехи человеческие утратили свой злоеущий характер, смягчась искусством и юмором. Мир не может существовать без идеологии. Ведь мы – двуприродные существа, и кроме тел и действующих в них инстинктов в нас живет и наша высшая человеческая душа, наделенная совестью и разумом, и неизбывной потребностью верить в высший смысл жизни и в истину любви. Каждый из нас в отдельности и на свой лад мучается со своей раздвоенностью. С первоначального нашего пленения своей низшей природой, после бунта против Бога во имя свободы, все мы без исключения обречены

на беспощадную зависимость от этих двух преступных порождений обретенной нами «свободы» самоутверждения: стремления к превосходству и жажды обладания. И все наши собственные попытки вырваться из-под деспотической власти этих извращенных инстинктов приводят к порабощению иллюзиями, ответвляющимися от стволов насилия и похоти. Они тешат нас надеждами на то, что своими собственными силами, совершенствуя их с помощью познания эзотерических тайн своих организмов, мы достигнем такого физического и духовного перерождения, что станем сверхчеловеками. Мир кишит всевозможными сектами, тайными обществами, альянсами и лигами, обучающими десятки тысяч адептов, как достичь этой божественного преображения посредством герметических наук и гностической мудрости, магических тайн Востока и оккультного блуда Запада, мистического разврата и транса под наркотическим «кайфом». Это кишение начало быстро расширять зоны своей активности в Европе сразу после спада революционных движений в середине XIX века и в США после окончания Гражданской войны. Небезынтересен тот факт, что в процессе размножения этих мистических обществ и движений весьма заметную роль в них стали играть представительницы прекрасной нашей половины, никогда не прекращавшие личную борьбу за свою утраченную власть над половиной мужской и теперь продолжавшие ее параллельно с начавшимся движением суфражизма. К примеру, в 1867 году в Манчестере возникло первое в Европе «Общество женского избирательного права» во главе с Лидией Беккер, а в США в 1850 году сенсацией стали спиритические контакты сестер Фокс с духами умерших. И поскольку большинство одаренным медиумическими способностями составляли женщины, спиритизм стал распространяться на Западе со скоростью пандемии. «Пренебрегать спиритизмом – значит, пренебрегать истинной», – громогласно заявил кумир республиканцев и неутомимый женолюбец Виктор Гюго. А его не очень четко выражаемые мнения по всем вопросам разделяла вся либеральная

Франция. И следует признать, что древняя, как мир, неодолимая тяга к тайнам, ведомым мертвецам, стала, как и в древнейшие времена, неким подобием inferнальной религии. И, как когда-то ею ведали устрашающие богини и заправляли женщины, так и теперь стали проповедовать жрицы, задрапированные в эзотерические хламиды. Первая из них, Елена Блаватская, основавшая в 1875 году «Теософское общество» в Нью-Йорке, апробировала древнее откровение о том, что сексуальные соития на земле являются аналогами актов, происходящих на небесах. Её американская последовательница Ида Крэддок соединила небо и землю, написав книгу «Небесные женихи», в которой популярно объяснила, как упомянутые в Библии ангелы сходят на землю и сочетаются с дочерьми человеческими, ссылаясь при этом на свой личный опыт как супруги падшего ангела. Через год после её самоубийства в 1902 году, Пабло Пикассо с наглым цинизмом, свойственным извращенцам, выставил на обозрение полотно, изображающее оральный секс. Этой демонстрацией, вызвавшей восхищение поклонников свободной без предрассудков любви, была открыто провозглашена эра бесстыдства. И хотя в столице порнографии – Голливуде делались лишь первые осторожные шаги в этом направлении, процесс развращения нравов шел, набирая силы с каждым поколением, по мере выветривания из общественного сознания веры и морали. Уставшее от двух мировых войн общество руками молодежи освобождалось от этих «старых предрассудков», чувствуя себя уже одной ногой в постиндустриальном раю. В немалой степени, с чисто практической точки зрения, к процессу формирования новой мировой идеологии и новой эры причастен технический прогресс. Вторжение в сферу коммуникаций чуда Интернета в начале 70-х создало условия для рождения компаний мирового рынка, для немыслимой никогда ранее свободы общения, для общедоступности гигантского объема информации и для чудовищного бума порнографии. Структура Мирового рынка, формирующаяся в виде снежного кома из сотни транснацио-

нальных корпораций, крупнейших банков и дюжины абсолютно непрозрачных консультативных обществ, сложилась в кратчайшие сроки, благодаря освобождению соединяющих их финансовых и информационных потоков от какого-либо контроля. В центре мирового информационного поля с не меньшей скоростью возникло неформальное объединение крупнейших информационных агентств – аппарата первичной проверки и отбора продуктов для поваров, стряпающих мировую идеологию. Свободное распространение информации, разрушающей человеческие ценности, явно преобладает над духовностью. А новая крутая волна сексуальной революции, поднявшаяся в 60-х годах, выплеснулась десятилетие спустя, на просторы Интернета, где обрела мощнейшего союзника в порнографии. Не касаясь вопроса продажности рода человеческого, лишенного веры в человеческое достоинство (хотя греческий корень «порно» и означает именно проституцию), достаточно понимать: женщинам свойственно привлекать мужчин своей телесной красотой, что и превращает их в прирожденных артисток. Патриархальная цивилизация постепенно приучила их скрывать свое тело – сильнейшее средство влияния на мужчин. С первыми признаками заката цивилизации женщины начинают постепенно обнажать свое оружие. И когда наиболее «просвещенные» из них достигают такого уровня эмансипации, что их обременяет даже бикини, технический прогресс неожиданно распахивает перед ними сцену, о размерах которой нельзя было и мечтать. От стесненных некоторой цензурой возможностей эстрады она отличается полной бесцензурностью и более высокими гонорарами при незначительной затрате времени и труда на демонстрацию абсолютно постыдных поз и актов. Если этим «подрабатывают» мало кому известные модели или просто безвестные девчонки – для них это всего лишь обычная проституция. Но когда такую пропаганду «свободной любви» берут в свои руки популярные «звезды» эстрады и кино, не так уж нуждающиеся в сдельной зарплате за привычный «труд», она становится са-

мым подлым средством разрушения психики. Ведь перед экранами компьютеров сидят люди всех возрастов и всех народов. Мотивация порноактрис, если это не деньги, может быть различной. Чаще всего это просто реклама, с расчетом на то, что совершенный беспредел бесстыдства совершенно неотразим. Не исключены, конечно, и другие варианты, порождаемые извращенной психикой. Сомнительно, чтобы в их глупые головы не могла прийти мысль о том, ненаказуемом в этом мире преступлении, которое они совершают, возбуждая половое любопытство у детей, еще не ставших даже подростками, соблазняя подростков «попробовать» запретное «лакомство», провоцируя юношей и девушек махнуть рукой на прописные истины морали и смело выйти на беспредельный простор «свободной любви». Фальшивая мораль рыночной цивилизации не порицает порноискусство, если им занимаются достигшие совершеннолетия граждане. Лживая святыня «прав человека» выше моральных ценностей, потому что они – дело рук божьих, а боги различны у разных граждан, и, что ни в коем случае нельзя забывать, множество граждан вообще не веруют в Бога. Что же касается человеческих моральных установлений, то опять-таки: сколько голов – столько умов. Однако от совершенной дискредитации мораль спасает демократия, на которой зиждется рыночная цивилизация: правда, справедливость и праведность устанавливаются большинством голосов, и это уже неопровержимо. Все же гражданское общество сочло необходимым сохранить три Божьи заповеди. Убийство, прелюбодеяние и воровство признаны преступлениями. Но только в случае совершения их людьми, обладающими здравым смыслом. Не обладающих им судить нельзя: они ведь неспособны понять, что они делают. И на защиту обиженных умом, вследствие нездоровой наследственности, или тяжелого детства, или перенесенного заболевания, или еще множества других заслуживающих сугубого внимания поводов, как только возникает для них угроза судебного преследования, немедленно встает их могущественная защитница и покровительница – политкорректность, состоящая при храме

Прав Человека священной стражей и генеральной инквизицией.

Нетрудно проследить, как после каждой удачи в борьбе с совестью и разумом, данными нам Богом, неустанно стремящийся к «свободе» от ограничений своей воли человеческий ум, освобождал от запретов морали и человеческие инстинкты. Каждая его большая победа неизбежно сопровождалась новым приливом криминальных и сексуальных волн, затопляющих новые слои общества, продвинувшиеся на пути «возрождения» и «просвещения». И «просвещенная» женская часть общества всегда перехватывала на этом этапе эстафету «прогресса» у мужской, положившей ему начало. Но всё же надо полагать, что не Ева соблазнила Адама поверить лжепророчествам сатаны, а именно в его душе зародились смутные поиски оправдания желания «освободиться» несколько от опеки Божьей, и Ева, не понимая, но чувствуя это, с доверием приняла за правду обещание «будете, как боги» и пересказала мужу, для которого оно и стало желанным обоснованием. Мы можем на самих себе убедиться, что своеобразие женского восприятия таково, что они чаще реагируют на наши невысказанные мотивы, нежели на то, что мы им говорим, и тем самым помогают им. Можно даже сказать, что они их порождают, но зарождаются они в нас.

«Всему свое время под солнцем»

Однако, рассматривая эти взаимосвязи в связи с темой данного очерка, следует перейти от индивидуального опыта к историческому. Временные циклы, которые выявлены учеными из наблюдений за вращением Солнца, Земли, планет и звездного неба, позволяют найти среди них такие, которые наиболее совпадают с периодами процессов, наблюдаемых у нас на Земле. В данном случае вопрос идет о времени существования мировых цивилизаций. Приняв условно за точку отсчета

нашей цивилизации начало нашей эры и сопоставив два тысячелетия ее существования, увидим, что с таким же периодом до нашей эры, плюс-минус два-три века, зародились древнейшая греческая цивилизация на Пелопоннесе, хеттская на Анатолийском полуострове, индийская в бассейне Инда, китайская в среднем течении Хуанхэ, но погибли две первые на земле цивилизации: Шумера и египетского Древнего царства. Можно допустить, что усредненный срок существования мировых цивилизации соответствует усредненному сроку прохождения точек равноденствия по одной двенадцатой круга эклиптики (или между границами двух знаков Зодиака) – то есть двадцати одному веку. Этнические цивилизации в большинстве случаев короче, как, к примеру, римская, просуществовавшая около двенадцати веков, или ассирийская – четырнадцать веков. Однако нередки случаи гораздо более краткосрочных цивилизаций, таких как этрусская, погибшая через семь веков после своей централизации, или урартская, срок которой ограничился всего пятью веками, а общая цивилизация инков, несмотря на громадную протяженность территорий, была ликвидирована отрядом конкистадоров Писарро всего через пятьсот лет после своего возникновения. И если слабость цивилизации инков можно пытаться объяснять чужеродностью инкских цивилизаторов покоренным ими индейцам, то чем объяснить гибель цивилизации ацтеков, в те же самые годы разрушенной так же быстро другим отрядом конкистадоров во главе с Кортесом, несмотря на то, что ацтеки были самым многочисленным из индейских народов и заложили основы своей цивилизации в долине Мехико на сто лет позже? Чем крупнее национальная цивилизация, тем заметнее в ее судьбе наиболее общие черты цивилизации мировой, в которой она пребывает. И чем мельче, тем большая роль принадлежит в их судьбе факторам, воспринимаемым нами как случайности. Поэтому возрастные особенности в истории мировых цивилизаций различимы более четко и оказываются, как ни странно это выглядит на первый взгляд, сопоставимы

с возрастными особенностями людей, проживших полный человеческий век. Наиболее очевидной единицей времени в жизни организмов с кровообращением, регулируемым сердцем, уже в древнем Вавилоне стало одно сокращение сердца. По шестидесятеричной системе счисления, принятой шумерами, вероятно, еще в начале третьего тысячелетия до н.э, когда видимый годичный круг оборота солнца на земном небе был разделен на 12 частей по 30 градусов, названных именами зодиакальных созвездий, одно сердцебиение, определило мельчайшую единицу времени – секунду. Одна минута – 60 сердцебиений. Прошло 6000 лет до той поры, когда российские и шведские физиологи установили, что срок жизни всех млекопитающих равен приблизительно миллиарду сердечных сокращений и различается лишь в связи с разной частотой их сердцебиений (чем меньше объем их тела, тем эта частота выше). Человек же, если жизнь его не прерывалась до срока болезнями или бедствиями, еще полтысячелетия назад жил, в среднем, сорок лет. Пятьдесят поколений составляли длительность существования прежних цивилизаций.

Цивилизация начинается со времени достижения группой родственных племен уровня социального развития, при которой она становится этносом (народом). Поскольку среди историков не существует и намека на единство в определении этого понятия, приходится пользоваться таким, какое представляется автору наиболее корректным. Этнос возникает как союз родственных племен, объединившихся вокруг наиболее сильного и развитого – ядра этноса, племенное святилище которого становится общим религиозным центром, и язык постепенно превращается в язык межплеменного общения. При этом возникает самоназвание – этноним, обособляющее своих от всех чужих. Процесс религиозно-культурного и социально-политического сплочения, происходящий в первый возрастной период, образует в его конце собственно этнос, или народ, вступающий в цивилизацию.

Термин «цивилизация», в отличие от этноса, появившийся совсем недавно, в середине XVIII века, сначала как юридический, отделяющий уголовное право от гражданского, вскоре стал употребляться как исторический, отделяющий варварскую эпоху от культурной. Только в начале XX века в трудах Шпенглера и Тойнби с некоторыми различиями этот термин приобрел современное значение. Однако под углом зрения данного очерка, цивилизация начинается с изменения представлений о Верховном божестве, о мире и о предназначении человека, с развития письменности и начала образования, со строительства городов и дорог, с развития торговли, ремесел и начала религиозных войн. Общие черты процессов, различимых в трех возрастных периодах мировой цивилизации, жизни этнических цивилизаций и человека выявить необходимо для некоторого подтверждения гипотезы о единстве смысла истории человечества. Но размеры очерка и знаний автора необходимо ограничивают описание этих черт.

История первой волны цивилизаций ограничивается шумерским и египетским государствами. Вторая включает пять великих этнических цивилизационных центров, а третья, наша, в главных своих чертах определяется историей трех суперэтнических зон: европейской и двух азиатских – западной и восточной. Эры мировых цивилизаций позволяют увидеть сходство в параллельных возрастных эпохах. И нам следует, насколько мы способны, учитывать, что наша мировая цивилизация – их продолжение. Мы причастны к их достижениям и к их ошибкам. Наш материально-технический прогресс огромен и еще более велик в накоплении информации, собранной рассудком в эмпирических исследованиях. В области морали он, увы, крайне амбивалентен. Мы стали чрезвычайно высоко ценить жизнь в области чистой теории и чрезвычайно энергично уничтожать ее на практике во всех без исключения областях биосферы. Что же касается смысла жизни, мы оболванили его совершенно беспрецедентно, сведя оный на сегодняшний день к нулю. История тому бесстрастная свидетельница.

В молодости, входя в смутный мир своей души и в мир людской лжи и насилия, путаясь в своем и чужом добре и зле, и ища способ героическим рывком освободиться от своего унижительного состояния и обрести честь и славу, человек ищет условия, арену для совершения подвига, и попадает в еще более горшие. Нечто подобное происходит и с народом, покинувшим свою племенную колыбель и отправившимся отыскивать и завоевывать себе место под солнцем. Как это ни парадоксально, на первый взгляд, именно из «юдоли скорби» человек лучше видит и начинает понимать, что мир лжив и зол, а мирская слава не облагораживает и не освобождает от пороков. А потому бессмысленно искать соратников для ее завоевания. Тогда ему становится внятен голос из Писания: «Перестаньте надеяться на человека... Ибо что он значит?!» Вера, открывающая путь к подлинному благородству и к всеохватному смыслу, приходит неожиданно. Но если душа еще недостаточно вспахана страданием и сердце жестковато, первая радость от обретения веры недолго наполняет её. Вскоре дарованные перспективы несколько затуманиваются и обесцвечиваются, а некоторые видения отторженного былого из сознания мира вновь всплывают из забвения и обретают красочность и соблазнительность. И когда наступает пора главного выбора молодости – выбора своего призвания, то он в большинстве случаев подменяется выбором профессии как способа зарабатывать средства на жизнь. Отказ от поиска и выбора призвания становится причиной утраты смысла жизни, осознаваемой лишь впоследствии. Также и выбор своей пары для любви и продления жизни чаще всего совершается не по духовной близости и не по родству душ, а по зову плоти. При этом внешняя красота выполняет функцию лишь привлечения внимания, главными связующими факторами становятся чисто половые доблести: мужская – сила страсти и женская – зова пола. Поскольку питающий их инстинкт ориентирован на разнообразие половых пар и продолжительность сексуального влечения в каждом отдельном слу-

чае ограничена, неизбежно через несколько лет приходит конец «любви» и, если в начале, как говорит женский опыт, «любовь зла, полюбишь и козла», то в конце обаяние «козла» исчезает, он становится «вонючим» и возникает труднопреодолимое желание сменить его на приятно пахнущего «жеребчика». Мужской опыт аналогичен и породил не менее цветистые пословицы. И начинается жизнь, наполненная непрерывной борьбой и изменами двух не родных друг другу, связанных лишь житейскими соображениями людей, заканчивающаяся очень часто разрывом семьи. Сходным образом развиваются события внутри цивилизации, где начинает сочиняться «симфония» Церкви и Царства. Мирские проблемы облекаются в религиозные ризы, и от верховного куратора веры – «равноапостольного» Константина до «божественного» Юстиниана, за два века цезаропапизм достигает своего апогея. Церковью правит Царь, её верховный законоучитель – он же. Для византийской цивилизации это естественно. Пусть политически она государство «солдатских императоров», а не римского народа, и этнически – смесь греков и дюжины народов Передней Азии и Египта, но запашок «божественных Цезарей Августов» въелся крепко. А вот Хлодвиг – дикий варвар, принявший крещение, только ступив одной ногой на порог цивилизации, видимо, сразу нижним чутьем уловил выгоду от облачения своей хищной и безжалостной власти в белые одежды христианства «ромеев». Хитрость и коварство ценились у варваров как доблесть. Только они не царя делали, как византийцы, земным богом, наместником небесного, а Христа – Помазанника Бога переодевали в доспехи своего военного вождя. Эти первые в молодости цивилизации преступления против заповеди Декалога: «Не исповедуй имени Господа Бога твоего всуе» и заповеди Евангелия: «Никто не может служить двум богам» нашли подготовленную почву во многих странах. Истинный смысл жизни скрылся за ритуалами и обрядами. Бог не открывается тем, кто Его обкрадывает, и измена своему призванию меняет позиции в земном странствии: вождь становится ведомым, а ведомый вождем. Как в семье

женщина становится хозяйкой, отодвигая мужа на второе место, рабочего плеча, приносящего в дом заработок, так и в цивилизации мирская власть стремится отодвинуть первое сословие – власть духовную на место своего «духовного плеча», службы идеологии. И это удастся ей гораздо чаще, чем церкви превратить ее в свое «светское плечо». И думается, что такова воля Божия. Его волей последний век молодости цивилизации увенчался событиями, ставшими буквальным воплощением нарушения церковью заповеди, заповеди Иисуса: «Кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22, 21).

Половину возраста зрелости у большинства людей занимает постепенный подъем в их основных делах и расширение круга жизни, что неизбежно сопровождается некоторым сокращением участия в делах семейных. Тем более, что дети подрастают и выпархивают из гнезда, и остывает близость супружеских отношений, часто сводясь к чисто практическим заботам. Выбранное ими «призвание», грубо говоря, делится лишь на две продиктованные инстинктом самоутверждения цели: удача в военной или служебной карьере и успех в обогащении производством ценностей или торговлей. Но, достигнув к середине жизни, к сорока годам, определенных успехов и благосостояния, многие начинают замечать, что дальнейший подъем вроде бы замедляется, и дела уже идут по привычной горизонтали и даже, быть может это кажется, с чуть заметным снижением. Появляются тревожные мысли, что вершина уже пройдена и впереди не ждут никакие новые достижения и никакое новое счастье, а только спад. И вдруг, как принесенная порывом холодного ветра, появляется мысль: а есть ли вообще в жизни какой-либо смысл, кроме чисто практических соображений? Сколько-нибудь удовлетворительного ответа на этот вопрос нет. В холодном и промозглом воздухе поздней осени все иллюзии, подогревавшие надежды еще в конце лета жизни, вянут и опадают, как листья, лишившиеся соков и тепла. Начинается трудная пора – кризис пятидесятилетия. В организме происходит далеко не каждому понятная

гормональная перестройка – гипофиз уступает надпочечникам свою роль, регулирующую жизнедеятельность всей эндокринной системы, чтобы обеспечить перераспределение энергии, необходимое для жизни в старости, когда главная жизнедеятельность человека становится не физической, а духовной. В женском организме перестают образовываться необходимые для деторождения яйцеклетки. Видимо, это обязательно для нового этапа жизни.

Но люди почти всегда отказываются принимать эту новую жизнь. Резко поворачиваясь назад, они стараются разглядеть, где же они совершили ошибку, выбирая пути к достижению цели. Цели они сомнению не подвергают, все дело только в ошибке. Необходимо вернуться к тому месту, где она совершена, и все начать сначала. Однако возможностей ни для нового успешного пути, ни для новой «любви навеки» не представляется. Время неумолимо заставляет человека, отказавшегося от дарованного ему Богом призвания, все более удаляться от горизонта его надежд, и он, противясь этому всей душой, пятится к нежеланному будущему. Если же, возмущенный, он поднимает бунт против «судьбы» ради возврата утраченных иллюзий, этот ренессанс оканчивается крахом. Как нельзя войти в воду, которая утекла, так и не отмотать нам прожитое время назад и вернуть «прошедших дней очарование», когда пришла пора отрезвления, чтобы понять, в чем смысл твоей жизни. Но мы не желаем понять, что мы – дети, дети всегда. И наше мировое сообщество – это куча балованных и очень капризных детей. В детстве мы капризничаем против родителей, в молодости – против учителей и начальников, в зрелости – против порядков, которые нужно изменить, в старости – против смысла жизни, которая нам дана. И причина всегда одна: мы хотим жить, как нам хочется, «по вкусу языка своего», сами, «как боги», определяя, что добро и что зло. В мире немало престарелых стяжателей, помешавшихся на обогащении, и палачей, одержимых бесом уничтожения непокорных, развратников, снедаемых похотью, и лже-

цов, провоцирующих простаков на зло. Однако это не отрицает общей закономерности: отказ от поиска смысла жизни в старости ведет к более или менее скорой деградации, и моральной, и физической. Люди не живут, а доживают данный им бесценный дар разумной жизни. Врач, поведавший миру, что если человек начинает искать смысл жизни, его надо лечить, прославленный Зигмунд Фрейд – лжец, повинный в духовной гибели не меньшего числа людей, чем палач Лаврентий Берия в гибели физической с той лишь разницей, что палачеству Берии пришел конец вместе с ним, а учение давно усопшего Фрейда продолжает губить души и поныне. Впрочем, число апологетов бессмыслицы жизни растет неустанно.

Война за место под солнцем

Аналоги возрастных изменений в истории мировых цивилизаций можно без особого труда заметить и в крупнейших цивилизациях нашей эры. Вся эпоха зрелости проходит в непрерывных войнах царей и церквей в борьбе за власть над миром. И виною тому все тот же первородный грех. В последний век молодости цивилизации нашей эры христианская церковь была в тяжелейшем положении. В византийской империи воцарился навеки деспотический цезаропапизм, а в Италии царил бандитский произвол лангобардов, германского племенного союза, вторгшегося на Апеннины в 568 году и беспощадно разорявших страну в течение полутора столетий. В числе первых жертв их погромов оказался и первый в Италии монастырь, устроенный тридцатью годами ранее Святым Бенедиктом в горах, в Монте-Кассино, неподалеку от Рима. Святой основатель уже покинул этот мир, и монахи бежали из разоренной колыбели в Рим. Здесь папа Григорий Великий, оценивший замечательный устав погибшего монастыря, отправил их как миссионеров в земли франков и англосаксов проповедовать Евангелие, учить народы читать, молиться, возделывать землю и строить монастыри с церквями для служения Богу и

со школами для народа. Это стало началом великой миссии бенедиктинцев по всей Западной Европе и в течение ста лет они воистину исполняли заповедь Господа: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие». (Марк. 16,15). 600 лет все возводимые в ней монастыри жили по уставу Святого Бенедикта. Но с первого века эпохи зрелости начинается постепенное усиление центральной власти и Каролингское Возрождение закладывает основы новой кельто-германской Европы.

Империя Карла Великого действительно возродила и приспособила к своим этническим обычаям некоторые элементы культуры и права Римской империи. Однако по отношению к христианской вере и к церкви Карл ввел в практику свой подход. Вера в Единого Бога – вещь безусловно нужная и полезная для управления государством. Ее надо поддерживать, защищать и насаждать. По просьбе Римского Папы о защите от лангобардского произвола он завоевал и ликвидировал королевство лангобардов и выделил для Папы земли Равеннского экзархата как владения Церкви. Разделив свою империю на провинции, он в каждую из них посылал для управления графа и с ним как «духовное плечо» – религиозного руководителя, епископа (сам термин возник триста лет спустя), превратив последнего таким образом в государственного служащего. Завоевая новые страны, население которых пребывало во мраке язычества, он обращал народы к истинному свету, беря их за шиворот и ставя на колени перед крестом.

К упиравшимся же широко применял крещение «огнем и мечом». Военное насилие как стержневой принцип по отношению к непокорным, освященное варварскими традициями и победоносной практикой Карла, прочно укрепилось, увы, не только в народном, но и в церковном сознании, о чем красноречиво свидетельствуют «славные страницы» крестовых походов и священной инквизиции. Не лишены привязанностей к этим «последним доводам королей» и наши современники, будь то устроители новых порядков – красные, черные и зеленые фашисты или либеральные борцы за священные права человека, демократические ценности и мир на земле. Ничто

так убедительно не доказывает, что народы и их государства, как и люди, в своих действиях более всего подчиняются своим инстинктам, затем характерам и лишь в последнюю очередь соображениям разума и совести, в их неразрывном диалектическом единстве и борьбе. Поэтому нет ничего удивительного в том, что варварские племена, заставленные занесенным над их головами мечом принять христианскую веру, приняв ее, приспособили ее к привычному пониманию жизни. Принятый новый Бог оказался сильнее их старых богов. И Христос обратился в их глазах в победоносного всемогущего Бога, облаченного в сияющие доспехи и окруженного своими славными воинами-апостолами, о чем и повествует эпическая поэма «Хелианд» (что значит «Спаситель»), написанная на старосаксонском языке вскоре после смерти Карла Великого. Из нее очевидно, что саксы поставили Христа над своими старыми богами, изменив их имена на евангельский лад, и продолжали им поклоняться как святым и не помышляя, подобно готу Вульфилы, ни о какой недоступной их (и не только их) пониманию Троице.

Достигнув на рубеже XII и XIII веков вершины своего политического могущества и низшей точки своего духовного падения, украшенного крестовым погромом православной Византии и уничтожением еретического Прованса с участием впервые дебютирующей на большой сцене инквизиции, римская курия Иннокентия III недолго наслаждалась своими победами над истиной Христа. Его племянник Григорий IX, прославившийся присвоением себе лишь одному право решать, кто достоин причислению к лику святых, осуждением евреев как преступников на рабство до Судного Дня, переводом инквизиции из-под власти епископов в ранг Святейшей конгрегации, подчиненной лишь Папе, запрещением мирянам читать Библию и еще множеством пакостей, не раз бежал из Рима от преданного им анафеме императора Фридриха и в конце концов скончался в Риме, окруженном войсками всё того же Фридриха. Бежать из папской столицы от того же Фридриха в Лион под защиту французского короля-фанатика Людовика IX

пришлось и Иннокентию IV, чтобы созвать там собор против заклятого тремя папами врага. Однако в полном крахе папских притязаний на власть над всем христианским миром оказался повинен не германский император, а внук того самого Людовика, который предоставил свое покровительство папе Иннокентию. Филипп IV был не только одним из самых алчных королей Франции, но и человеком, опережающим свое время. Монархи, убежденные в том, что их власть дана им непосредственно самим Богом, появятся столетием позже, и Филипп был единственным в своем веке в Европе королем, считавшим свою власть абсолютной. К епископам своего королевства он относился как повелитель, не считаясь с прерогативами римских пап в этой сфере. Выдвинув на высшие посты в государстве представителей судейского сословия, сознающих свою полную зависимость от него, он, когда было нужно, но трудно обойти существующие законы, оказывал давление на свое духовенство, чтобы оно нашло богословские обоснования для устранения трудностей. Кроме того, он обложил налогами их громадные земельные владения, что было делом неслыханным.

И надо же случиться, что в пору его царствования на престол Святого Петра сел папа Бонифаций VIII, один из самых фанатичных ревнителей абсолютного примата папской власти в мире. Кроме того, он тоже постоянно нуждался в деньгах. Не столкнуться их интересы не могли. Папа потребовал короля к себе на суд. Король потребовал созвать Вселенский собор для суда над папой. Папа его проклял и предал анафеме. Король отправил к папе свое особо доверенное лицо, представителя «крапивного племени», возведенного в рыцарское достоинство и на должность хранителя королевской печати, некоего Гильома Ногарэ с вооруженной свитой. Папа и доверенное лицо крупно поговорили, после чего гость пригрозил папе, что закует его в кандалы и увезет в Париж, – и для убедительности дал папе пощечину. Папа упал с трона, разбитый инсультом, и через месяц умер. Выборы следующего папы Климента V произошли уже во Франции, где он и его преемники правили церковью 70 лет, находясь там под охраной и

контролем французских королей. Спокойный и удобный Авиньонский дворец в живописном Провансе так им понравился, что, излечившись от бредней о мировой власти, они уже не очень-то и хотели возвращаться в беспокойный и не отстроенный еще после варварских разрушений Рим. И хотя вторая корона на тиаре в память о «величайшем из веков» была оставлена, о былом «величии» папы уже никогда всерьез не помышляли. Приближалась эпоха старости цивилизации и возрастающего могущества светской власти, церковь ожидал новый, еще более тяжелый кризис.

А в мире эпоха зрелости начиналась с прокладывания новых дорог и строительства мостов там, где до этого были только тропы и броды. Население росло, развивались ремесла, расширялась торговля. Для колесных повозок по лесным тропам пути не было. Но с XI века по всей Европе, как грибы после дождя, полезли из земли города. Они строились на перекрестках путей, рек и дорог и превращались по мере роста и развития в центры производства и торговые узлы, соединяющие постепенно мир в единый покров цивилизации. Пришла пора, когда пробужденные в монастырях бенедиктинцев способности к строительному искусству соединились с опытом и умением организовывать строительные работы, умением подбирать и формировать строительные артели. Появление множества городов, застроенных двух- и трехэтажными домами, окруженных снаружи мощными стенами, с храмом, ратушей и рынком на центральной площади требовало такого уровня самоорганизации, который превращал горожан в новое сословие, сословие граждан, ситуанов, читтадинов, бюргеров – создателей плоти и духа цивилизации. У людей этого сословия менялось представление о самих себе. Они начинали чувствовать свое достоинство и ощущать потребность в своих гражданских правах. Недаром именно в Болонье, первом городе, получившем в Италии права города-коммуны, был основан в 1088 году (и действует без перерыва доныне) древнейший университет Европы, прославивший сей свободолюбивый город как правовую столицу. Особенно

спланивало горожан общее дело, в первую очередь, защита своего города от нападений. Нападения язычников-норманнов закончились к началу одиннадцатого века. Главным врагом городов теперь стали их соотечественники – крупные феодалы, убежденные в своем праве захватывать вольные или принадлежащие соседям города и превращать их в свою сеньориальную собственность. Грабители рангом пониже, только лишь сформировавшееся сословие рыцарей, как на охоту, объединялись на погромы не защищенных сильными хозяевами, светскими или духовными, городов, подвергая их беспощадному в случае удачи разорению. Ненависть наследственных «благородных» разбойников к «вылезшему вчера из грязи» и богатеющему мужичью вдохновляла их на эти подвиги. «Друзья забудем жалость, чтоб чернь не размножалась!» – призывал прославленный рыцарь-поэт Бертран де Борн. История не внимала его благородному негодованию, и население городов неуклонно умножалось. К концу эпохи зрелости вольные рыцари исчезнут совершенно, превратившись в охранную службу королей, а большинство мужиков получит вольность, и часть из них превратится в банкиров, фабрикантов, откупщиков, крупных негоциантов и даже в новых дворян «жан де роб» (дворянства мантии). Но пока суть да дело, настоящая гражданская война между городами и замками, развязанная благородным сословием «жан д'эпе» (род меча), заставляла города защищаться всеми силами. Часто сил не хватало. Иногда не хватало силы даже и духовного авторитета тех епископов, которые искренне желая помочь городскому народу, объявляли себя «дефензорами» (защитниками) города, где находилась их кафедра. Взывать о помощи к королям в XI-XII веках чаще всего было совершенно бесполезно. В те века короли сплошь и рядом скромно сидели в своих маленьких доменах, не решаясь применять свою суверенную власть по отношению к могущественным вассалам. Искать помощи можно было только на небесах.

Представления о небесах несколько изменились на рубеже тысячелетий. Запуганное, особенно в IX-X веках, церковью в

своей пагубной греховности и близостью кончины света и Страшного Суда, население Европы с ужасом ожидало 1000 года, когда по многочисленным предсказаниям это должно было произойти. Великое множество людей бросало свои дома и со стариками и детьми спешило в разные святые места, чтобы там в глубоком раскаянии, посте и молитве встретить Последний день.

Брошенные на произвол дома, имущество и усадьбы за время отсутствия хозяев подверглись разграблению и вернувшиеся, не дождавшись Бога, растерянные люди оказались в полной нищете и прострации. Начался страшный голод, мор по всем странам, вслед за ним эпидемии, каннибализм. Ужасная трагедия была усугублена землетрясениями и резким похолоданием. Все это вместе взятое породило атмосферу отчаяния и непостижимого гнева Божия. В смятении веры люди искали проблеск надежды на помилование и окончание кар небесных. И надежда воскресла. Не решаясь обращаться напрямую к Богу-Отцу, они прибегли к Матери Божьей, умоляя Ее о заступничестве. Тогда-то в их сердцах родилась молитва «Аве Мария», навеки ставшая неотделимой от искренней христианской веры. Повсюду стали строиться церкви, посвящаемые Ей. Горячая волна почитания Пресвятой Девы, Матери Иисуса Христа придала вероисповеданию новые черты. Теперь у Бога к Его строгим мужским чертам добавились и мягкие материнские. Пришло на память, что Он и Сам говорил в Писании о Своем материнском чувстве к наказанным детям. «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя». (Исайя. 49, 15). «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мат. 23-37). В молитвах Деве Марии стали называть Ее новыми именами, в которых непосредственной звучала любовь к Ней, восхищение изобилием чудес, творящихся Ее именем, надежда на Ее могущественное заступничество. Главными храмами в городах стали

соборы, посвященные Ей. Если в десятках тысяч замков почитался прежде всего патрон рыцарства Святой Михаил Архангел, то города безраздельно отдавались под защиту Пресвятой Деве Марии, Царицы Мира (Regina Pacis). Тысячелетнему господству идеологии меча противостояла теперь идеология мира. Но, не отрицая искренности чувств верующих людей, нельзя не помнить о двух идеологиях, постоянно господствующих в мире, то переплетаясь, то схватываясь насмерть, в борьбе за единую цель – власть и богатство. Рыцарям была нужна война, мастерам и купцам – мир. Церковь объявляла «Божий мир» на год или более меж христианскими народами, а убедившись, что не может укротить разбойный нрав феодалов, объявила «Божью войну» подальше от Европы, для чего призвала меченосцев стать «крестоносцами» и отправиться «на освобождение гроба Господня», поскольку «так хочет Бог» (сообщивший ей об этом).

Сочетание глубочайшего почитания и любви к Господу и к Матери Его и искреннего крестоносного духа явил христианскому миру в XII веке чрезвычайно почитаемый им святой аббат Бернарда из Клерво. Преданность духу евангельской простоты и бескорыстия предельно выразилась в его монашеском гении. Он возродил в чистоте устав святого Бенедикта, основавшего монашеский образ жизни на двух столпах: молитва и труд. Постоянное, глубокое молитвенное сосредоточение и обязательный физический труд – единственный источник обеспечения всех материальных потребностей общины. Никаких украшений в просторной белой церкви, интерьер которой полностью ориентирован на алтарь. Непринятие даров. Это вскоре же стало образцом для подражания и к концу века уже 530 цистерцианских монастырей наследовали устав Бернарда.

Трудовая этика и скромность образа жизни, распространенная в бюргерских семьях, была бы несомненным соответствием с уставом Бернарда, если бы только не обогащение, бывшее целью трудолюбивых горожан. Один из монахов, ученик Бернарда стал в 1145 году главой церкви под именем Ев-

гений III. Для него Бернард написал наставление «О медитации». В нем он подверг жесткой критике набирающую все большую силу тенденцию к централизации власти вокруг папы и превращение епископов в заурядных исполнителей папской воли в своих епархиях, в то время как они такие же наследники апостольского призвания, как и папа, и власть их от Господа Иисуса Христа, волю которого призваны они исполнять. Надо заметить, что критика эта была услышана и учтена только полвека назад, на последнем Вселенском Соборе. Но мирским коррелятом к этой критике было нарастающее в бюргерских кругах сознание, что перед Богом их человеческое достоинство не ниже, чем у благородных. В правление Филиппа-Августа сознание этого дошло и до некоторых благородных. Так, например, когда король отправился в крестовый поход, он оставил за себя регентский совет, состоявший из королевы-матери, дяди короля и реймского архиепископа, но всю реальную управленческую власть и все финансы он возложил на их соправителей – на шесть опытных и толковых горожан, чего никогда еще не бывало ни в одном королевстве.

Пылкую веру Бернарда в высшую справедливость «священной войны» против мусульман, захвативших гроб Господень, можно было бы как-то понять, если бы его страстные призывы к крестовому походу раздавались в XI веке, перед Первым походом. Тогда только лишь появилось представление о рыцарстве, принимавшем обет защищать церковь и христианский мир от врагов, не жалея крови и жизни своей. Но после того, как защитники христианства в первом же походе вырезали все население Иерусалима, слова о «священной войне» стали кощунством. Однако Бернард говорил с пылом и жаром, призывая к следующему походу и предсказывая его успех. «Горе, горе тому, кто не обагрит меча своего кровью!» – заклинал он колеблющихся. И по сей день церковные историки, касаясь этой скользкой от крови темы, с легким смущением говорят: «Да», ссылаясь на благородство намерений, и скороговоркой добавляют невнятное «нет». Такая позиция, чередующаяся с

простым умолчанием в отношении неприятных тем, свидетельствует только лишь о том, что темное прошлое продолжает стоять в горле: ни проглотить, ни выплюнуть.

Двойной подход к нравственной оценке явлений жизни получил новый могучий импульс в XI веке. Когда мистический ужас перед близостью Страшного Суда развеялся, новое поколение сочло трагизм прошлого расплатой за наивную ошибку и само ожидало от будущего новой, лучшей доли. Логика духовных властей для мира осталась непонятной, но по-женски, нутром люди поняли, что разница между грехом и подвигом зависит, прежде всего, от того, как это будет названо церковью. Это существенно раздвигало границы благочестия в сторону земных человеческих желаний. Перед богословием, юриспруденцией и житейской мудростью возникли новые и чрезвычайно привлекательные перспективы расширения мировоззрения, правовых критериев и общественной морали посредством умелого использования слов и искусства сохранения баланса между святостью и реализмом. Короче говоря, мир твердой ногой шагнул в широкие врата лицемерия.

Эпоха зрелости достигла своего расцвета, перед церковью брезжил ореол «славного XIII века», перед миром – его победоносные грабежи и обогащение. В личной жизни людей успехи, достигаемые к ее середине, также отмечены расцветом лицемерия. Вера в Бога, если и сохраняется, то в большинстве случаев в ханжеской форме. Не менее распространена и манера заслонять Его образ в своем сознании «нравственным кодексом», понятием гораздо более удобным для его толкования «свободным разумом». И сегодня, как в средневековье, с помощью лексикона эвфемизмов нажива превращается в «преуспевание», насилие в «защиту порядка», проституция в «легкое поведение», и если рыцари прикрывали адюльтеры с чужими женами цветистым плащом культа Прекрасной Дамы, то современное общепринятое и оправданное мудростью психоанализа светское распутство именуется просто «романтической любовью».

Середина человеческой жизни и середина историй мировых цивилизаций – это пора перехода через перевал, отделяющий время иллюзий, уходящих корнями в мифологию, от времени утопий, строящихся на основаниях опыта. Зрелый рассудок подрубает корни мифологического древа и со рвением умелого ремесленника начинает возводить стены не менее фантастического «города Солнца» с башней до небес в центре. По одну сторону перевала руины рухнувших надежд на чудо, по другую новые надежды на мудрость. И те, и другие равно тщетны, поскольку возлагаются на самом деле на «щучье веление», на удачу, на «везенье», или же на «золотые руки» и «тайны мастерства». И закрыты уши для слов пророка: «Перестаньте вы надеяться на человека, дыхание которого в ноздрах его: ибо что он значит?» и не слышат голоса Господа: «...из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне». Однако для того, чтобы услышать и уразуметь нужны уши, закрытые для земного шума. Их не было в середине жизни цивилизации мира. Грешных вояк оглушали камлания церкви: «Этого хочет Бог!» и обещание отпущения всех грехов за исполнение Его воли. Праведные труженики, не покладая рук, клали камень на камень, возводя храмы, чтобы дать место всем жаждущим поклоняться Богу «в духе и истине», перед украшенными золотом и драгоценными камнями образами и беломраморными статуями, «ибо таковых поклонников ищет Себе Отец» (Иоанн. IV-23). Именно в этом срединном веке зародились два сословия, которые во многом определили дальнейшие пути развития западной цивилизации. Первое из них, получившее позднее имя «шевальери» по-французски и «найтхуд» по-английски, а по-русски «рыцарство» (от немецкого «риттершафт») представляло собой основную военную силу каждого королевства – тяжеловооруженную кавалерию. Происходя из более или менее «благородных» представителей нескольких социальных групп, впоследствии оно стало основой «второго сословия», то есть дворянства.

Его доисторическим корневищем были военно-охотничьи дружины, которые в IV тысячелетии до нашей эры прикончили родоплеменную демократию матриархата и повсеместно установили более «прогрессивные» формы общественной жизни под властью своих вождей, сменивших медные обручи на своих головах коронами и старых, растаявших в небесах богов на новых – громовержцев: Мардук и Индра, Тешуб и Зевс, Тархун, Перун, Тор и бешеный Вотан. Для этих «королей» война была образом жизни, средством самоутверждения – «славы» и источником средств существования – «добычи». У военной дружины – священного братства соратников, сынов бога-гения войны, очень долгий путь в истории. В молодости цивилизации она возглавляется и набирается самым опытным в племени воином, обладающим, кроме всех необходимых вождю качеств, силой бесстрашной свирепости. Этот грозный дух, овладевавший им в битвах, был, по вере тех эпох, даром бога войны. С превращением союзов племен в царства и королевства первыми царями были эти вожди, но с развитием структуры государства царям понадобилось умение править не менее, чем воевать. Между войском и царем возникла прослойка, состоящая из слуг царя (его двор) и из помощников царя в делах управления – правительство. Из войска тоже была выделена особая часть из лучших и преданнейших воинов для охраны царя и во дворце, и на поле битвы, гвардия будущих времен, или «друзья царя» Александра Македонского. Но подлинными сынами богов войны, сердцевиной зарождающегося военного сословия были не элитные формирования королей, а те самые вольные дружины, сами выбиравшие себе вождей и очередные цели для походов. Они почитали только своих богов, живущих в грозных небесах и верны были только своему братству по проливаемой в битвах крови. Королям они подчинялись только в войнах с враждебными их родной земле народами и были главной ударной силой в войске. Когда же наступало мирное время, они по собственной воле отправлялись в дальние грабительские походы. В феодальные времена они образовали особое рыцарское сословие

достигшее своей наивысшей славы. Это середина мировых циклов, эпохи, называемой «героической». Их прославлению служат пышным цветом поднимающиеся из народа певцы-сказители: аэды ахейской Греции, барды кельтов и скальды скандинавов, а позже и «благородные» миннезингеры германцев, трубадуры Прованса, и менестрели Англии. Все они воспевали подвиги беспримерного мужества, а с наступлением куртуазной поры – и беззаветной рыцарской любви. Рыцарство невысоко ставило брачные обеты в духе их двоеверия: сочетания христианских святынь со зверской жестокостью и почти религиозный культ Прекрасной Дамы с лазаньем к ней в спальню по ночам составляли суть этой беззаветности. Вера в Бога и поклонение женщине были хороши, если не ущемляли рыцарской свободы. Их местом была тропа войны.

Красота, Святой Грааль и святое искусство

Обострение чувства прекрасного, начавшееся в XII веке, ярко выразилось и в стремлении украсить свой мир, стиль архитектуры, фасоны одежды, в большем внимании к цветовой гамме, к изяществу музыки, к благозвучию языка, и в стремлении высвободить красоту женщины из требуемой церковью скромности и закрытости от мужских глаз. В этой форме либерализация стремлений полов обоюдна. Рыцари проявляли ее восхищенными взорами, восторженными словами и подвигами в честь дам, а дамы – демонстрированием своей красоты. Сценой для этой игры стали дворцы крупных феодалов, и сама игра стала называться куртуазной (от слова «двор» – фр. Court), то есть придворной, благородной формой ухаживанья.

Родился этот стиль, которому была суждена долгая жизнь при дворе пятнадцатилетней герцогини Алиеноры Аквитанской, внучки первого трубадура герцога Гильома. Красивейшая дама своего времени ввела новинку в моду (в том числе, и платья нового фасона, с глубоким декольте, ибо гордилась красотой своей груди) при дворах своего первого мужа Людо-

вика VII Французского и второго, Генриха II Английского, после чего он распространился по всей Европе, кроме не имевшей рыцарства православной ее части. Надо заметить, что куртуазный стиль повлиял не только на новую культуру адюльтера, но и на рыцарскую поэзию и роман. В литературе рыцари становились прославленными не только совершением подвигов, но и галантной преданностью в любви. Изменился и литературный язык, он стал более благозвучным, выразительным и богатым. Он более, чем новые фасоны одежд и украшений, свидетельствовал о переходе к новому уровню культуры, которая овладеет народами двумя веками позже. В середине XV любовница Карла VII Агнесса Сорель попыталась ввести в моду платья, обнажавшие левую грудь, но столь смелый шаг не смог преодолеть нравственного консерватизма и после смерти красавицы вышел из моды. Зато во Флоренции четверть века спустя гений Боттичелли впервые вывел на обозрение совершенно обнаженное прекрасное женское тело в своем «Рождении Венеры», и это стало новой эрой в изобразительном искусстве и в морали.

Верность – высшая доблесть рыцарского сословия, но предательства вассалов и сюзеренов по отношению друг к другу – самый распространенный сюжет до конца эпохи феодализма. Однако от других социальных групп, трудящихся на кровавой пашне войны, как то: мобилизованные крестьяне или наемники, рыцарское сословие отличалось независимостью и гордостью. Они воевали не по приказу и не за плату. Это было единственное сословие, воевавшее потому, что война была их призванием. И хотя волков и псов-рыцарей было больше, чем рыцарей без страха и упрека, невозмутимое чувство собственного достоинства, спокойное мужество и готовность к защите детей и женщин сохранило до наших дней уважение к «рыцарственности». В сознании этого, призванного к войне сословия и возрождается угасшая с Римской империей идея о мировом господстве. Второе новое сословие – «бюргерство», уже в третьем поколении начало организовываться по ремеслам в цеха, а по торговым компаниям – в гильдии.

Среди городских цехов особое место сразу же приобрели «каменщики» – строители самих городов и всего, что в них. Феноменальным стал взлет в городские небеса готических соборов. Известно время, место, где началось это чудо, и имя чудотворца, но, тем не менее, как всегда, когда имеешь дело с чудесами, непостижима тайна его рождения.

В 1122 году в аббатство Сен-Дени, основанное королем Дагобером над могилой «Апостола всей Галлии», уже пять веков бывшее королевским аббатством, но, тем не менее, находившееся в страшном запустении, пришел новый хозяин, аббат Сюжер. Друг короля, талантливый государственный деятель, регент королевства в отсутствии короля, заслуживший имя «отца отечества» Сюжер оказался еще и обладателем непревзойденного художественного вкуса. Взявшись за дело перестройки церкви аббатства, он за шесть лет превратил ее в красивейшую церковь Франции и в первый образец стиля, названного, видимо из зависти, итальянскими архитекторами готическим, то есть варварским. Главной идеей Сюжера было наполнить храм светом и цветом, и она была воплощена посредством высоких окон в стрельчатых арках и высоких стройных колонн, на которые опирались нервюры – ребра, образующие крестовый каркас свода, что облегчало его давление и уменьшало распор, тем самым позволяя расширить проемы окон. Красочные витражи, вставленные в окна и в розетку на фасаде создали, как и ожидал Сюжер, волшебную игру разноокрашенных лучей над головами молящихся, эффект живого присутствия мистических сил в пространстве церкви. Прозаическому сознанию последних веков трудно представить яркость эмоциональных восприятий от созерцания внешней красоты жизни людьми, жившими восемью веками ранее. Но именно тогда и произошло второе, после Каролингского Возрождения, мощное пробуждение эстетического чувства и творческих сил в мире. Оно изменило слух и зрение, обогатило языки, наделило большим изяществом поэзию, мыслями и образами – литературу, развило изобретательность, чувство пропорции формы и цвета. Небесная лазурь, вдруг

хлынувшая на фрески Джотто, столь же неожиданное явление, как роман «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, рыцаря, не знавшего грамоты по его собственному признанию, и как готические соборы, архитекторы которых не имели представления о сопротивлении материалов. Но жажда украшать жизнь и проникать в ее мистические тайны владела душами. Начиная с аббата Сюжера свет становится центром храмовой композиции как прообраз Света Божьего. «Свет материальный, или природой в пространствах небес расположенный, или на земле человеческим искусством достигнутый – пишет он, – есть образ света интеллигибельного и свыше всего – самого Света Истинного». И сам Сюжер со своим ясным рациональным взглядом на практическую сторону дела и своим мистическим восторгом перед красотой, с убежденностью, что искусство – путь познания Божьего творчества и путь к Богу, и со своей человечностью в подходе к людям, был тем самым человеком, который только и смог создать план нового прекрасного храма, вырастающего из старого, и собрать чудо-артель из талантливейших мастеров Франции, чтобы этот план воплотить в жизнь.

«Сверхценные» идеи, когда они охватывают множество человеческих душ, в любом обществе и при любом уровне развития, неизбежно порождают некую священную идеологию, указующую путь к достижению наисвятейшей цели. К XIII веку среди элиты рыцарей-монахов и чуть позднее среди артелей строителей храмов возникают священные предания, уходящие своими корнями и в языческую мистику, и в иудео-христианскую. Внутри ордена рыцарей Храма, взлелеянного Святым Бернардом и достигшим беспрецедентного могущества под личным патронатом пап, расцвел миф о таинственном Граале. Эта наисвятейшая из всех в мире реликвия, охрана которой была поручена Богом рыцарям Храма, обладала абсолютным всемогуществом, ее сущность была чем-то вроде дубля Иисуса Христа. Как она выглядит не знал никто, истинный смысл ее имени был никому не ведом. Все, что о ней

было известно, это сведения из двух рыцарских романов Крестьяна де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха. Несмотря на то, что христианская версия «Сейнт Греалья» (имя англо-норманского происхождения) видит в нем чашу Тайной Вечери, в которую собрана кровь Христа из раны, считается наиболее достоверной, (несмотря на явную недостоверность транспортировки ее из Иерусалима в Гластонбери Иосифом Аримафейским), почти не вызывает сомнений, что подлинной подосновой мифа об этой реликвии является волшебный котел верховного бога кельтов Дагды, занимающий важное место в легендах Артурова цикла. И очень даже может быть, что первоначально котлом владела сама мать всех богов Дана или ее соправительница Керридвен, богиня плодородия и изобилия. Этот котел был действительно очень важен для древних кельтов, ибо обладал свойствами исключительными для жизни и смерти. От него зависело рождение людей и зверей, плодоношение деревьев и трав, что явно коррелирует с матриархатом, от него зависела и судьба верховной власти. К тому же он давал дар пророческого вдохновения и ясновидения и силу воскресения умершим. Он хранил силу жизни и судьбу. Кельты считали, что вселенная разделена пополам на этот мир живых и Другой мир мертвых. Рая на небесах не предполагалось, а люди в обоих мирах обладали и душами, и телами, но могли находиться только в одном из двух. А боги могли одновременно быть и в том, и в другом. На то они и боги. В Другом мире было много разных замечательных мест, где наслаждались счастьем божественной жизни полюбившиеся богам люди, и времени там не было. Были места и похуже, где безрадостно ожидали умершие в грехах люди, когда их вернут на землю, дав новую судьбу. Котел, необходимый для этих мероприятий находился у своего хозяина, царя Другого мира бога Дагды, покуда король Артур, тоже видимо бывший когда-то богом, не проник со своими рыцарями в его владения и не похитил его. На земле он и стал Святым Граалем, приобретя и новое имя, и новые свойства, как высшая христианская реликвия. Его святейшей задачей стало призвать всех лучших

рыцарей христианства, чтобы завоевать мировую власть и вручить ее Господу в освобожденном Иерусалиме, куда Он сойдет с небес на тысячелетнее царство. Замысел был хорош, но для другого мира. В этом объединить цвет рыцарства не удалось даже Святому Граалю: Иерусалим остался в нечестивых руках сарацин, Господь не сошел с небес, Грааль исчез в иных мистических сферах где-то на Востоке, а рыцари сошли с арены истории вместе с феодализмом.

Сословие строителей, возвысившись над другими вознося к небу шпили готических соборов, тоже отыскало священные предания, позволившие им не просто стать вольными каменщиками (франкмасонами), свободными от цеховой власти, а превратиться в общество мастеров, владеющее своими священными тайнами, как строить храмы по образу и подобию сотворенного Богом универсума.

Такая идея возникла и была реализована египетскими архитекторами Нового Царства уже в начале эпохи зрелости. Блаженный Августин не сомневался в том, что «высшее искусство всемогущего Бога, по которому все было создано из ничего и которое названо мудростью, употребляется и художником, создающим красоту и соответствие». И если строители соборов в XII веке не читали Платона, то рассуждения аббата Сюжера (на которые он не скупился и перед мастерами, собранными на перестройку церкви в Сен-Дени) о священной ценности света, который проникает через создаваемые ими оконные витражи, ибо души молящихся будут возноситься им к Свету Истинному – Богу, не могли не запасть им в головы, чтобы поселиться там. Люди, вчера числившиеся ремесленниками, начинали сознавать себя трудниками Божьими, воздающими славу Ему своим искусствам. И если полвека спустя монах и «доктор универсалис» Алан Лилльский скажет своим ученикам, что сам «Бог, как тончайший архитектор мира... дивным образом построил чертоги мира», и хор теологов, восхвалявших художественные искусства, как религиозную деятельность, поощряющую в человеке стремление к познанию дел Творца, непрерывно расширялся, то не удивительно, что

страстная полемика Святого Бернарда с Сюжером по поводу украшения церквей, как дворцов светских владык, имела успех только в цистерианском ордене. Полноводное течение обмирщения нарастало неотделимо от развития процесса цивилизации, и никакие заклинания, угрозы и кары не в состоянии были его остановить. Через двести лет философ кардинал Николай Кузанский, ссылаясь на псалом 81-6: «Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы» и на свое понимание диалектики, сформулировал и свое понимание богоподобия человека. «Как Бог есть Творец реальных вещей и естественных форм, так и человек творец логического бытия и искусственных форм.

Как Бог разворачивает из себя все многообразие богатства природных вещей, так и человеческий ум разворачивает понятия, свернутые в нем». Отсюда непринужденно вытекает заключение, что «человек – это второй Бог». «Человеческая природа стягивает в себе всю Вселенную: она есть микрокосм, малый мир, как называли ее с полным основанием древние. Она такова, что в человечестве все возведено в высшую степень». Большая самоуверенность человека, убежденного в полной освобожденности своей природы и прежде всего своего ума от последствий первородного греха, с одной стороны, и, с другой, духовная солидарность с «древними» (в данном случае с эллинистическим гнозисом, с его верой, что «микрокосм повторяет макрокосм» и что «искра Божия», разгораясь в человеке, поднимает его в конце концов до превращения в бога) привела генерального викария Рима к утверждению, ставшему фундаментальной истиной философии Возрождения в Италии XV века.

К середине жизни в души человеческие вкрадывается страх, причины которого люди не понимают, но ощущают как смутную тревогу внутри своего временного существа. Вера в «свою звезду», воскресшая было после кризиса конца третьего семилетия, вновь угасает и человека начинает охватывать

подозрение, что он ошибся в выборе пути, а теперь уж недалеко от старости, от которой лечит только могила. Тогда он бросается раздувать тлеющие угли, чтобы разжечь тусклый огонь «расчета», корысти и вожделения, обращаясь к опыту земной «мудрости», которой пренебрегал, пока играла кровь. Пословица «седина в бороду, бес в ребро» широко распространена на все влечения второй половины жизни, если под ребром понимать не только зов пола. И с этого пути люди редко сходят до своего естественного конца, народы же не сходят никогда. Этот путь возвращает человека на дороги все тех же «основных» инстинктов самоутверждения, если он в силу тех или иных высоких побуждений отказался от него в молодости. Но на этот раз он готов без сожаления покончить со всякой раздвоенностью, со всякими «душевыми переливами» и без колебаний руководствуется только жестким расчетом. Выигрыш на этом пути выпадает немногим, радости от него недолговечны. Обретенная вера в себя оборачивается недоверием к другим и обрекает счастливец на угрюмое одиночество в старости. Смена жены не создает новой семьи и быстро укорачивает жизнь. А проигрыш окончательно убеждает человека, что «судьбу на коне не объедешь» и что он – неудачник. В большинстве случаев остается лишь один простой вариант – спиться. Наиболее многочисленны случаи выбора «золотой середины»: продолжать идти, как все, по торной дороге, никуда резко не сворачивая. Она хоть и кривовата, и больших выигрышей не сулит, но зато надежней оберегает от крупных неудач. А грехи, что ж? Всех грехов не отмолишь. Бог милостив. И лучше Пушкина не скажешь: «Катит по-прежнему телега. Под вечер мы привыкли к ней и, дремля, едем до ночлега, а время гонит лошадей». Наиболее редки случаи выбора пути отказа от двойственности, ради высоких побуждений. Уходя на него, человек становится малозаметен, и только если Бог изберет его для проявления своей воли, мир узнает о нем. И это всегда путь самопожертвования, ибо воля Божия противна миру.

Рождение наций и национализма

Эпоха старости – эпоха, когда узнается дерево по плодам. В крупных государствах в первый же век новой эпохи заканчивается процесс этнического самоопределения и создаются национальные государства с единым сувереном-монархом, с единым национальным языком, с единой государственной религией. Ранее других великих государств эти процессы произошли в Китае, освободившемся после столетней оккупации монголов в результате мощного народного восстания «красных повязок» в 1351 году. За пять лет несколько крестьянских «Красных Армий», руководимых предводителями из древнего и почитаемого в народе общества «Белого Лотоса» освободили большую часть страны, вождь одной из них Чжу Юаньчжан занял Цзянькан (Нанкин), древний город, не раз бывавший «Южной столицей», а в 1368 году, покончив со всеми своими конкурентами на власть, стал императором нового Китая. Династия, основанная им, получила имя Мин – «Озарение», символизирующее восход солнца, озаривший Китай после темного века монгольского ига.

За тридцатилетие своего правления он превратил страну в строго централизованную монархию. Уничтожив власть крупных феодалов, он превратил мелких в сословие, несколько напоминающее европейское дворянство, маленькие группы которого, живя в укрупненных деревнях, поочередно управляли всей сельской общиной. Даже своим сыновьям и соратникам, наделив их титулами и поместьями, которыми они правили, он платил жалованье из доходов, которые приносили эти поместья под их управлением. Все чины империи были посажены на жалованье. Армия наёмников была ликвидирована. Вместо нее были созданы чрезвычайная гвардейская, и большая, посаженная в виде военных поселений на землю. Все управление страной контролировалось императором, все назначения на важные должности производил он сам лично. Войска, посланные им на север страны, где еще сидел монгольский великий хан, быстро заставили его убраться восвояси. И освобожденные земли (нынешние провинции Хэнань и

Шаньдун) вместе с Яньцзином, древней столицей царства Ян, он передал в удел своему четвертому сыну от главной жены, Чжу Ди, провидя, быть может, что этот сын будет самым талантливым и смелым полководцем. Ведь удел, данный ему, был пограничным с землей главного врага – монголами. Император не ошибся. Недосмотр был только в том, что в 1370 году он разделил страну на уделы для четырех своих сыновей, продолжая эту практику и при рождении следующих двадцати, тем самым как бы воссоздав ту самую ненавистную ему феодальную систему, которую сам же искоренял. Этим он обрек страну после его смерти на пять лет междоусобных войн, из которых победителем вышел именно Чжу Ди, ставший к этому времени уже старшим наследником отца.

С придворной кликой, стремившейся сохранить на троне внука покойного государя от старшего сына, Чжу Ди расправился беспощадно, Учрежденная его отцом сыскная и карательная служба Дунгуань ревностно служила и новому владельцу. Но впоследствии он пользовался ею в основном как «охраной в парчовых одеждах». О покушениях на его власть нет никаких сведений. Он окончательно разгромил монгольское государство в битве на реке Онон в 1410 году. Затем присоединил к империи земли Маньчжурии вплоть до низовий Амура. На юге им были покорены Вьетнам и Бирма, ставшие его вассалами. Он создал самый большой в мире флот, экспедиции которого достигали Персидского залива и Африки, подчинив империи и Суматру. Не уничтожив совершенно систему уделов, созданную отцом, он свел роль правителей уделов к чисто административной в провинциях.

Свою столицу Чжу Ди перенес в 1420 году в столицу своего бывшего удела и назвал ее Бэйцзин (в русском произношении Пекин) что значит Северная столица. Он построил ее заново. Центром стал Пурпурный Запретный Город – резиденция императора. Он состоял из пяти изящнейших деревянных дворцов, из которых первые три служили для приема послов, оформления главных документов и договоров, экзаменации кандидатов на высшие должности. Северней их отделенные

садом и легкой оградой, располагались еще два дворца: западный для семьи императора, восточный для семьи наследника. Все замыкалось роскошным императорским парком. С западной стороны – также парк с тремя озерами. С юга легкие изящные ворота вели через сад к мощным воротам запретного города. В саду на западе храм Предков императоров и на востоке храм Духов Земли. Весь город опоясан высокой каменной стеной с башнями, замыкаемой великолепными Воротами Небесного Спокойствия. С юга от него, на современной Площади Небесного Спокойствия, стояли кольцом правительственные палаты Шести Ведомств: Церемоний, Чинов, Судебное, Военное, Общественных работ, здесь же располагались палаты Главного военного командования и Охраны в парчовых одеждах. Четыре святилища окружали весь Запретный город: алтарь Солнца с востока, храм Земли с Севера, алтарь Луны с Запада и храм Неба с Юга. За его стенами лежал весь город. Ни в одной европейской стране не было в это время сравнимого по размерам, красоте и роскоши дворцового комплекса. Стотысячная армия строителей трудилась над его созданием тринадцать лет, плодом их рук и воли Чжу Ди стала замечательная цитадель верховной власти Китая на все времена. Для ее снабжения он приказал восстановить заброшенный Великий Канал, построенный в V-VI веках, когда династия Суй объединила Китай и императору Янди пришла в голову мысль соединить водным путем две главные реки Китая, Хуанхэ и Янцзы. Он строился отрезками по 200-300 км, разделенных волоками. Их соединили только через семьсот лет. Но Чжу Ди приказал, и за четыре года эта громадная работа была выполнена, причем канал был оборудован пятнадцатью шлюзами, чтобы не перегружать товары в пути. Главная транспортная артерия страны обеспечила надежную связь Севера и Юга, а Нанкин стал крупнейшим торговым центром Китая.

Хотя Чжу Ди был безусловно «конным императором», что отличало его от традиционно не покидающих центр Срединного Царства Вселенной Сынов Неба, делом которых было низводить на Землю волю Неба, сообщаемую им одним. Не

нарушая религиозных традиций и даже поддерживая их (именно по его воле был сооружен знаменитый Храм Неба – Тяньтань – центральный алтарь всей империи), этот император стоял обеими ногами на земле, а точнее держал их в стремени. Своим главным делом он считал целостность и прочность империи. Он увеличил ее более, чем какой-либо другой правитель Китая и заново отстроил Великую Китайскую Стену для охраны северной границы. И хотя он был великим воином, и даже умер в военном походе на шестьдесят четвертом году жизни, его вклад в культуру Китая – это тоже эпоха. Эпоха Юнлэ – девиз, который по императорской традиции избрал он для своего правления. Юнлэ – это «вечная радость». В истории он часто упоминается как император Юнлэ. По его распоряжению в течение пяти лет две с лишним тысячи ученых, писателей и писцов трудились над созданием уникального литературного труда «Большой энциклопедии Юнлэ» – пятьдесят миллионов слов, которыми были изложены все религиозные, философские, исторические, литературные, военно-теоретические, географические, зоологические, ботанические минералогические, медицинские и астрономические сочинения, а также труды по искусству и «мастерству», увы, почти целиком сгоревшие во время восстания «боксеров» в 1900 г. Из двадцати трех тысяч книг уцелело лишь несколько. Тираны и инквизиции бывают опасны для памятников культуры, но более всего – мятежи народных масс, всегда в этом смысле «бессмысленные и беспощадные».

Гораздо милостивей оказалась судьба к прекрасному синемалому фарфору Юнлэ, украшающему мировые музеи. Император Юнлэ был не чужд и религиозно-философских проблем жизни. Так же, как и отец, он поддерживал как единую государственную доктрину неоконфуцианство, блюдущее древнюю мудрость: смысл жизни человека в постижении и исполнении высшего единого духовного принципа «ли» – структурообразующего проявления «дао», на котором зиждется вся Вселенная. Но в отличие от классического конфуцианства, признание диалектической природы бытия, требует от человека «проверки»

своего сердца, часто замутненного страстями, без очистки которого невозможно постижения его «ли» как призвания. Приближение к пониманию единого «ли» доступно только благородным и смиренномудрым мужам. Это прерогатива одного лишь «тай цзи» (совокупность всех ли) императора, от которого воля Неба распространяется на всех живущих. Для нас всех, мало сведущих в тайнах древних китайских премудростей, все это всего лишь признание фактов. Но то, что Чжу Ди был человеком, завершившим превращение Китая в единое национальное государство, это несомненно.

А в Европе Карлу VII Французскому, возведенному на престол Жанной Д'Арк, удалось успешно закончить Столетнюю войну (1337–1453 гг.), во многом благодаря нарастающей в Англии междоусобице феодальных кланов. Но вступившему на престол его сыну Людовику XI пришлось иметь дело с куда горшей ситуацией. Крупнейшие феодалы страны, герцоги Бретонский, Бурбонский, Бургундский, де Немур, граф Арманьяк и множество других составили Лигу общественного блага против короля на пятом году его правления. Их целью было, разгромив его немногочисленные войска, запереть правителя в Иль-де-Франсе и заставить подписать ордонансы, предоставляющие им фактическую полную независимость от его власти. Они полагали, что побежденный и окруженный со всех сторон, живя под постоянной угрозой быть лишенным власти в пользу его младшего брата Карла, укрываемого герцогом Бретонским, он будет смирно сидеть в своем маленьком домене, наслаждаясь лишь именем короля Франции. Они жестоко ошиблись. Король, который, еще будучи тринадцатилетним принцем, вступил во владение своим доменом Дофинэ, к тридцати восьми годам был умудренным жизнью искусным политиком и опытным воином и полководцем, Стремительно напав на западных противников и разгромив их ранее, чем они успели соединиться с неторопливыми восточными и северными союзниками, он принудил их к миру и быстро перебросил основные силы в Париж. Надежно обезопасив его от наступающих бургундских войск, с каждым из членов Лиги

Людовик начал продолжительные переговоры, в которых он был искусней их всех, вместе взятых. Одновременно через свою тайную агентуру он вербовал сторонников в больших городах на территориях своих противников. Эта политика привела к тому, что через два года Лига распалась. А в течение последующих пятнадцать лет своего царствования он сумел, неизменно опираясь на интересы городов и используя разногласия феодалов, ликвидировать все центры феодального сепаратизма в стране (кроме Бретани) и оставить в 1483 году своему наследнику Францию, ставшую единым государством.

В Англии царствование Эдуарда IV совпало по времени год в год с царствованием Людовика XI, но с самого начала – лишения власти короля-неудачника Генриха VI, которого через десять лет прикажет тайно умертвить – оно было полно смут и войной между потомками двух ветвей рода Плантагенетов (Алой и Белой Розы). Белая – символ Пресвятой Девы Марии появилась в гербе первого герцога Йоркского еще до того, как Генрих герцог Ланкастерский сверг последнего Плантагенета Ричарда II и надел на себя запятнанную кровью корону узурпатора. Большая часть века прошла в кровавых войнах двух младших ветвей династии Плантагенетов, на стороне которых сражались графы и бароны всей страны. Главный принцип рыцарской чести в течение трех веков – верность династии потерял значение после захвата власти графом Болингброком, унаследовавшим от отца герцогство Ланкастерское. До конца дней своих он защищал преступно добытую корону от Йорков и их союзников и умер, по слухам, от проказы, наказанный Богом. Враждовавший с ним наследник Генрих V, победоносный король-рыцарь, после разгрома Франции взял в жены Катрин, дочь Карла VI, спустя год подарившую ему ребенка, и заключил договор о том, что после смерти Карла корона Франции присоединяется к английской. Но через два года он неожиданно умер в расцвете славы от инфлюэнцы. Годовалый ребенок стал королем Генрихом VI и прожил полвека, будучи неудачником во всем, под конец свергнутым и задушенным в Тауэре узурпатором Йорком – Эдуардом IV. После его смерти

Ричард Глостер, младший брат покойного, поставленный регентом над его двенадцатилетним сыном Эдуардом V, прикончил маленького короля и провозгласил себя королем Ричардом III. Через полтора года он был зарублен в сражении с Генрихом Тюдором, графом Ричмондом, родство которого с королевским домом Англии восходило к Эдуарду III в пятом поколении через двух бастардов: графа Сомерсетского Джона Бофора и Герцога Ричмондского Эдмунда Тюдора, что, конечно, делало его права на корону весьма зыбкими. Однако его уэльские корни от Оуэна Тюдора, фаворита вдовы Генриха V Екатерины Валуа, обеспечили ему существенную поддержку знати и населения Уэльса.

При дальнейшем продвижении на северо-запад постоянные пополнения его армии отрядами баронов, враждебных власти Ричарда довели число его сил почти до 6000 солдат, у короля было 10000 воинов, но в ходе начавшейся на Босвортском поле битвы выяснилось, что это превосходство оказалось мнимым. Собственно королевская армия насчитывала только 3000. Два других корпуса, продвигавшиеся с флангов не спешили, потому что командовавшие ими Генри Перси, граф Нортумберлендский, и лорд Томас Стэнли предпочитали посмотреть, как будут развиваться события, прежде чем решить к какой стороне присоединиться. Наступление армии короля, состоявшей по большей части из неопытных только лишь мобилизованных солдат, несмотря на то, что их вел в бой опытный военачальник герцог Норфолкский, захлебнулась. Сам герцог был убит. Король, послав на фланги гонцов с приказами идти к нем на соединение, бросился в атаку с личной гвардией, имея цель прорваться к шатру Тюдора, над которым развевалось знамя, и собственной рукой сразить претендента. Ему удалось, теряя своих гвардейцев и потеряв коня, добраться до Генриха, который оказался достаточно стойким бойцом. Король был убит, а корона тут же, на поле битвы, надета на нового суверена. Такая поспешность не помешала ей однако прочно закрепиться на голове Генриха VII.

Причиной тому была катастрофическая убыль охотников продолжать резню, угрожавшую целостности Англии. За три четверти века ее продолжения с небольшими, но частыми перерывами сложило свои головы три четверти самых воинственных графов и баронов королевства, увлекших каждый за собою не менее нескольких сотен своих вассалов и слуг.

Второй и, пожалуй, более веской причиной стала продуманная и неуклонно осуществлявшаяся политика Генриха VII. Прежде всего, он предложил свою руку и сердце дочери Эдуарда IV Елизавете Йоркской. Таким образом в гербе новой династии мирно сплелись две розы главных соперников уходящего века. Рождение через год наследника, за которым последовали еще один сын и две дочери, сняло проблему престолонаследия. Два небольших мятежа запоздавших претендентов были подавлены быстро и малой кровью. А главным стало то, что король оказался энергичным правителем, отдававшим почти все время своей королевской службе и очень мало – празднествам и развлечениям, в отличие от большинства своих венценосных собратьев.

Проводимая мирная политика позволяла ему сосредоточить силы на государственном строительстве, начатое им с назначения дельных и преданных слуг на министерские посты и в суды при Королевском Совете. В Совете решались вопросы внешней политики и внутренней безопасности с участием всех крупнейших феодалов, обязанных нести военную службу со своими военными силами и обеспечивать действие закона в своих владениях. Все дела административного и финансового контроля решались в кругу министров короля, под его пронизательным надзором. Здесь король обсуждал и принимал решения по вопросам, связанным с фундаментальной проблемой – укрощением инстинктов феодальной знати с целью превращения её в преданное служению королю и отечеству сословие. Для решения этой задачи потребовалось триста лет, но начал дело именно Генрих VII. В качестве главного рычага он стал использовать политику исполнения обязательств пе-

ред королем и законом. Во владениях вельмож, подозреваемых в недостаточной лояльности к королевской власти, он передавал замки с гарнизонами под командование доверенных офицеров, после чего начиналось судебное следствие, заканчивающееся или крупным штрафом «за дурное управление» или объявлением вне закона и конфискацией имущества с последующей в большинстве случаев казнью за государственную измену. Акты об измене оформлялись как парламентский статут. Всего за царствование Генриха VII было объявлено вне закона сто тридцать восемь знатных особ – больше, чем в какое-либо другое царствование. Сам Генрих был человеком мягким, но королем жестким и жестоким. Он был очень умерен в личных расходах, но обожал деньги и даже продавал иногда за большие деньги высокие должности – предприятие, ставшее поздней распространенным повсеместно, его не зря прозвали самым предприимчивым из королей. По сути своей он был человеком нового времени и обеспечил превращение Англии в национальное государство.

Несмотря на то, что в эпоху зрелости (700-1400) истории Англии и Испании протекали в весьма различных условиях: Англия после 1066 года никогда более не знала иностранных вторжений, а Испания почти всю эту эпоху сражалась за свою свободу с маврами, захватившими ее в 711 году, – к превращению в единое национальное государство они пришли ноздря в ноздрю. В 1479 году муж королевы Кастилии и Леона Изабеллы арагонский принц Фердинанд похоронил своего отца короля Хайме II и стал королем Арагона и Каталонии. Объединив их в унию, супруги стали повелителями всей Испании, (кроме Гранадского эмирата, присоединенного к Испании после завоевания в 1492 году.) Но при этом каждый правил только в своей наследственной части королевства. Изабелла, обладавшая властным и твердым характером первой своей задачей, считала прекращение самоуправства знати, привыкшей за века реконкисты к тому, что их участие в войне дает им право попираť права всех, кто не воюет, и нарушать даже законы короля. Страдавшие от их произвола горожане и

селяне уже в XIII веке стали организовываться в общества самозащиты, называемые «Святой Эрмандадой», для охраны городов сел и дорог. Королева объединила их и превратила в свою милицию, привлекая на службу в ней и мелкое дворянство. Под своей властью она объединила и три знаменитых рыцарских ордена, ставших чем-то вроде её гвардии. Она разрушала замки непокорных вельмож и конфисковывала их владения, разрешая при изъявлении покорности переходить к ней на службу. Подчинение всей судебной системы (ставшей вторым мечом в руках королевы), введение единой налоговой политики и налоговой службы, хотя бы только в Кастилии и Леоне, и объявление кастильского наречия единым государственным языком придало стране основные черты национального государства. Только в религиозном отношении единство прорисовывалось слабо. Господствующее большинство, исповедовавшее христианство, не испытывало теплых чувств к мусульманам, под властью которых они находились в течение двух веков и с которыми воевали за свою землю и свободу еще пятьсот лет. Еще большую антипатию питали они к евреям, жившим под властью их далеких предков шестьсот лет, потом столько же под властью более терпимых к ним арабов и последние два века под все более нетерпимой властью их более близких предков. Главным вдохновителем этой нетерпимости стала официально введенная в 1480 году инквизиция, сразу же приступившая к насаждению в душу народа идеологии очистки Испании от иноверцев. Под влиянием духовника королевы с ее детских лет Томазо Торквемады, сделанного ею в 1483 году Генеральным инквизитором, Изабелла сочла за благо изгнать из королевства всех иноверцев. Сначала, в 1492 г., евреев, а затем и мусульман. Её властный и твердый воинский характер – она не раз в сражениях с враждебной знатью надевала доспехи и командовала войсками – в сочетании с ясным трезвым умом и пылкой верой в великое призвание её отечества стать вождем католического мира вдохновили её возглавить испанцев на путях кровавой славы, духовной дегенерации и упадка жизненных сил. Её общими с

мужем усилиями было положено основание испанской империи еще до того, как завершилось в царствование их внука, короля Карла I (императора Карла V) формирование испанского национального государства. Завоевание Латинской Америки, после открытия Колумбом пути в нее и получения от набожной королевы разрешения на обращение в рабство ужасных «каннибалов», населяющих открытые золотоносные земли, произошло быстро и малыми силами. Королева, правда, не дожидаясь появления в порту Севильи галеонов с золотом и серебром из новых заокеанских владений испанской короны, но ее супруг успел, похоронив ее, быстренько жениться на наваррской принцессе, отрезать от Франции добротный кусок Наварры с городом Памплоной, возвратить под власть Арагона Неаполитанское королевство, изгнав оттуда просидевшего лишь год на троне ставленника Карла VIII. Потом, после его скоропостижной смерти, повоював пару лет с его наследником Людовиком XII и окончательно закрепив за собой добычу, король Фердинанд превратил свою монархию (прихватив, чтобы округлить ее с юга, северный берег Африки с Ораном и Алжиром) в самую большую державу Западной Европы.

Еще при его жизни отряды конкистадоров, вторгшись в северные земли Южной Америки, приступили к ее освоению чисто бандитскими и в то же время сугубо испанскими методами. Прежде всего, они требовали, чтобы индейцы отдали им все золото, которое у них было, и показали его месторождения им известные. Затем они на своем кастильском языке, единственном им ведомом, поскольку учить языки иных народов большинство испанцев считало для себя унижительным, объяснили индейцам, что теперь они стали подданными великого короля Испании, которого должны почитать и для него работать. Индейцы, конечно, ничего не поняли, но от казней и рабства это их не избавило. В-третьих, их просветили духовно, дав понять, что их боги – бесы, а на небе есть главный Бог и его сын – Иисус Христос, мать которого – царица небесная Пресвятая Дева Мария. Им индейцы должны поклоняться и молиться,

чтобы, умерев, попасть на небо. А если они будут продолжать молиться своим богам-бесам, то их будут сжигать, чтобы освободить их душу от грешного тела. И этого индейцы опять-таки не поняли и, будучи крещены, опять молились своим богам и горели на священных кострах. Таким образом Кортесом в Мексике и Писарро в Перу было разрушено и опустошено большинство городов ацтеков, инков, майя, науа, сиу и множества других племен. Пара десятков банд испанских искателей золота и приключений, состоящих каждая из нескольких сот солдат, матросов и сброда портовых городов, возглавляемая мелкими идалго, как знаменитый Кортес, или свинопасами, как знаменитый Писарро, смогли за четверть века захватить громадный материк, используя повсеместную вражду индейских племен или их вождей между собой. По милости несентиментального, трезвомыслящего короля Фердинанда испанским подданным было разрешено брать себе в жены индейских женщин. Благодаря этому большинство жителей сегодняшней Южной Америки по происхождению метисы.

Хотя Испания и Россия находятся на противоположных краях Европы, их объединяет некоторое духовное родство. Не исключено, что на его развитие повлияло и некоторое сходство судеб. Оба еще неокрепших этноса попали под власть завоевателей-иноверцев. В горах на севере Испании освободительная война началась сразу как продолжение оборонительной и продолжалась без перерыва семь столетий до полного освобождения. Для двадцати поколений народностей, населявших земли Испании, война с нехристями-арабами была главным событием, объединявшим их духовно и физически. Она стала силой, сплотившей их в единый народ. Процесс преодоления феодальной раздробленности и междоусобиц, ускорившийся с освобождения в 1085 г. Толедо, ставшего столицей Кастилии, возникновение в XII веке трех рыцарских орденов, ставших главной ударной силой, и ускорение с этого же века роста городов, формировавших свои ополчения, привели к образованию единой испанской армии, нанесшей уже в 1212 году сокрушительное поражение полчищам берберов-

Альмохадов на равнине у горного прохода Лас-Навас де-Толоса. К концу века уже вся Андалузия от устья Гвадалквивира в Кадисском заливе до Картахены на Средиземном море (то есть вся Испания, кроме узкой полоски Гранадского эмирата от Гибралтара до Картахены) была освобождена.

Реконкиста, длившаяся полтысячелетия практически закончилась. Всякая война оставляет после себя массу людей, отвыкших от мирной жизни и от какого-либо умения или навыка, кроме как убивать. В городах Испании стало оседать множество неприкаянных освободителей родины. И у большинства из них не было ничего за душой кроме воинской славы. Привыкшие к тому, что их ратные труды, вознаграждались лишь неписанным правом грабить, насиловать и убивать жителей захваченных городов и селений, теперь они, ютясь на окраинах в трущобах, могли только с завистью смотреть на благополучно живущих в своих домах и занимающихся ремеслом или торговлей соотечественников. Зависть всегда озлобляет, и более других вызывали злобу, разумеется, иногородцы. Их было много самых разных, больше всего, конечно арабов, но более всего ненавистны были для черни городской и церковной, как всегда, евреи. Многие из них воевали, но этих многих было, конечно, мало в громадной массе воевавших. Их было не так уж много среди поставленных на посты казначеев, откупщиков, сборщиков податей и придворных врачей, но для ненавидящих глаз они чуть ли не захватили всю страну. Те из них, кто успешно развивал торговлю, используя свои международные связи, «обкрадывали и распродавали» Испанию. Те, кто занимались науками, «подрывали христианскую веру». Многие короли и аристократы ценили их знания и умения, и брали к себе на службу, но тем более люто ненавидела их чернь. С середины XIII века в стране начинают вспыхивать по городам погромы. Зачинщиками, как правило, были страстные «защитники веры», монахи и священники ордена Св. Доминика, ставшего кузницей кадров Священной инквизиции.

Подобные «благочестивые» инициативы происходили и во Франции под крылом Св. Людовика, и в Англии, откуда в 1290

году энергичный король Эдуард I вообще изгнал евреев. Но подлинный расцвет юдофобии произошел в Западной Европе в следующем веке. Главным удобением для него стала «черная смерть» – страшная эпидемия чумы, поразившая всю западную и центральную Европу и сократившая на треть население ее наиболее крупных стран.

Постоянно употребляемый христианскими властями прием – обвинять в бедствиях, которые невозможно устранить, евреев, злобная неприязнь к которым постоянно тлеет в народах, носящих на лбу кровоточащую печать неуголимого национализма. И, как только власть отпускает поводья, немедленно загораются черные пожары истребления евреев. В этот обильно политый еврейской кровью век в Испании раздался громкий глас Валенсии, вопиющей о необходимости срочной защиты от осквернения евреями, арабами и прочими грязными племенами «чистой крови», текущей в голубых жилах чистокровных готв. У себя валенсийцы расправились с распутными представителями знати, опозорившими себя связями с евреями. Даже вождю благородных готв пришлось пару лет посидеть в королевской тюрьме, пока глупый король не помер и его умная вдова не освободила героя. Но на призыв откликнулись все подлинные патриоты страны. Начались проверки подозрительных родословных. Во Франции король Филипп IV, известный своим практицизмом, ничего проверять не стал, а просто ограбил, у кого было что грабить, и всех изгнал в 1294 году из страны. А уж после того, как новый папа Николай V в 1451 году издал буллу об исключении евреев из христианского общества и лишении всех гражданских прав и благословил организацию в Испании, на переднем фронте борьбы с проклятым Богом племенем, трибуналов Священной инквизиции, это вызывало энтузиазм у патриотических сил. Возникло чуть ли ни новое сословие добровольных исследователей чистоты крови и очевидцев нечистоты, доставлявших свои сведения в трибуналы. А после обнародования в 1459 году королевских «Статутв о чистоте крови» разоблачения «нечистых» стало долгом каждого добропорядочного гражданина.

Во славу голубой готской крови в столице был устроен большой погром, разгромивший населенный евреями квартал Магдалины. Статуты признали чистокровными испанцами всю знать и простой народ, у которых кровь чиста от поколения прародителей. На этом фундаментальном основании в Европе возникла первая титульная нация, что позволило отсеять как чуждую всю накопившуюся «нечисть» (евреев, арабов, цыган и прочих «не наших») сначала в правовом отношении, а вскоре и в физическом. Сердца же испанцев преисполнились гордостью и величием, сравнимыми только с римлянами времен Августа.

В русской земле монголы легко подавляли разрозненные мятежи в отдельных княжествах и в течение без малого полутора века нещадно и спокойно грабили покоренный народ, пока в самой Орде не начались смуты. Первая попытка сбросить власть Орды в битве на Куликовом поле, хотя и завершилась победой, но цена этой победы оказалась неимоверно высока. Дмитрий Донской через год был вынужден бежать от нового ордынского хана из Москвы и вновь платить Орде дань. Прошло сто лет, прежде чем Москва отложила от Орды, а еще через сто лет завоевала все ордынские ханства, кроме крымского, и гордо короновала себя казанской шапкой. Тогда российские Ермаки точно таким же образом, как и испанские Кортесы другие в Южной Америке, со своими шайками завоевали громадные земли в Сибири, грабежом и массовыми убийствами туземцев закладывая фундаменты будущих империй.

Гордость своим величием проявляется у тех народов, у которых в процессе формирования первоначальной этнической общности главенствующим стало племя с наиболее выделившемся стремлением к превосходству и произволу над другими. Гордость и произвол из одного корня – жажды неограниченной свободы самоутверждения, но открыто проявляются они лишь при убежденности в своей силе. Такова имперская гордость – гордость государств, насильственно присоединивших к себе другие страны и народы. История созданий

таких империй как испанская, российская, наполеоновская и гитлеровская неоспоримо свидетельствует, что бесчеловечный правовой произвол – необходимое средство для предприятий такого рода. И отчеканена эта истина Наполеоном в максиме: «Большие батальоны всегда правы».

Вообще идея особой ценности крови, ее мистического значения, была близка народам с древнейших времен. Представления о том, что самым ценным для богов даром была кровь, приносимых им в жертву врагов племени, были весьма популярны у тех из них, которые перешли от охоты как главного занятия к войнам. Но на много тысячелетий ранее кровь праматерей рода стала главной связующей родовую общность силой. Быть своим, быть членом племени мог быть лишь тот, кто происходил от их женских потомков. На своих распространялось покровительство и защита женских предков, а позднее Богини-Матери всех богов и людей, которая их одарила силой красоты и властью над мужским поголовьем. О сохранившемся и спустя тысячелетия остатке этого дара сказал один из Отцов Церкви святитель Петр: «Одного не может преодолеть человек: влечения к женщине». Когда патриархальная мораль объявила женщину существом сугубо греховным, мистическое благородство крови перешло к мужскому роду по праву силы. Потому и числилось оно прежде всего за военными вождями и храбрейшими воинами – теми, кого девы-валькирии после славной смерти на поле боя уносили в небесный дворец Вальгаллу. Такую же сакральную ценность обретала и кровь крестоносцев после пролития крови в боях с мусульманскими нехристями. «...мы будем едины с теми подвижниками, которые продолжают свой путь спасения земли русской кровью и неугасающей любовью», – и ныне проповедует митрополит Сурожский Антоний. Убивать врагов, не жалея своей крови, чтобы вовек не оскудевала чаша Грааля – главная заповедь святой рати служителей Мардука, Молоха, Одина и Индры, копьеносца Марса и Христа Меченосца, всех ипостасей единого бога: «Человекоубийцы от начала».

Русская реконкиста и краса Третьего Рима

На Руси попытка великого князя владимирского Андрея и его тестя Даниила Галицкого объединить русских князей на восстание против монголов была предана его братом Александром, донесшим об этом в Орду. Батый вознаградил его за донос Великим княжеством Владимирским и отправил две карательные экспедиции, против мятежников.

В Юго-Западной Руси моголы успеха не добились, выстроенный Даниилом город-крепость Холм оказался им не по зубам. Но в Северо-Восточной они полютовали всласть. Войско князя Андрея было разбито в неравной битве под Переславлем, и раненый князь с немногими людьми ушел в Новгород и далее в Швецию. А «благочестивый» братец его, облаканный ханом, побратался по монгольскому обряду с сыном Батыевым Сартаком и уже полумонголом вернулся на Русь и сел на стол преданного брата. Однако по долгоруковской своей хищности и по ханской дружбе оставил за собой Новгород, и когда они дважды восставали против монгольских баскаков (наместников) и бесерменов (сборщиков дани), то их, причисленный к лику святых, князь дважды – как предавшийся Орде оборотень – ходил с монголами на Новгород и беспощадно подавлял восстания, массовыми казнями принуждая к покорности.

Прожил он недолго; будучи хилым и болезненным отроду, он никогда не принимал личного участия в битвах, приписанных ему церковными летописцами и с тридцати лет до конца дней своих оправиться после тяжелой болезни не мог. Но «доблестная» его фигура, прославленная только лишь враждебностью к Западу и служением Орде, вполне заслуженно обрела «первое имя России» от сегодняшней подлой власти и ее черносотенных подданных. Именно с него прижилась в русской земле на макушке высшей власти ханская шапка как символ ее беспредела. Двести лет его потомки ездили за золотыми ярлыками в Орду и в княжеских междоусобицах клеветали на своих соперников перед ханами.

Впрочем, и Орда уж была не та. Когда с середины XIV века четверть века подряд в ней каждый год менялся очередной хан-марионетка, нашелся было на Москве князь, решившийся сбросить ордынское иго, и встретил на Куликовом поле Мамаево войско чести по чести, так что бежал Мамай в Орду, не оглядываясь. Но и у Дмитрия Донского из всего войска в живых осталась одна десятая. Такая победа близка к поражению. И пришедший к Москве новый хан Тохтамыш нашел ее без князя, бежавшего в Кострому. Москву хан сжег, и от жителей осталось в ней часть не большая, чем от Куликовой битвы, бежавшая из города. Так что платила Русь дань Орде еще сто лет, до тех пор покуда Золотая Орда к середине XV в. не начала в течение какой-то четверти века распадаться на улусы Ногайской, Астраханской, Крымской, Сибирской и Большой Орды, а Московское княжество стало успешно «собирать земли», ликвидируя политическую самостоятельность захватом, политическими интригами и подкупом других княжеств, великих и удельных. Сын Василия Темного, такого же прихвостня Орды, как все его предки, кроме деда, Дмитрия Донского, Иван III повторил подвиг Батыя – ликвидировал самостоятельность всех русских княжеств. В честь чего повелел, после «стояния на Угре» и отступления без боя Ахмед-хана, титуловать себя «государем всея Руси».

Создание русского национального государства произошло, но на чисто русский лад. Оказалось, что новому государству никакие законы не нужны. Но и через более, чем век спустя, нужды в них не возникло. Английский посол при дворе последнего Рюриковича, царя Федора, Джейлс Флетчер, наблюдатель прилежный, пишет в своей книге «О Государстве Русском»: «Письменных законов у них нет, нет и правил, которыми бы руководствовались судьи. Есть воля царя да закон изустный». И в самом деле, если «отступить от своего Государя», то же что и «от Самого Господа Бога», как утверждает современная летопись относительно нежелания Великого Новгорода покориться Москве, то какой еще нужен закон, когда ведома царская, она же Господня, воля?!

Оженившись на Зое Палеолог, царице погибшей Византии, Иван немедленно начал использовать ее герб для своих нужд и сменил старый московский на императорского двуглавого орла, давая понять, что теперь именно он – наследник византийской державы. Дремучая русская церковь – вторая голова орла и верная раба головы первой – своим пророческим даром поддержала эти претензии. Псковскому монаху было откровение о том, что не менее дремучая Москва стала Третьим Римом, о чем он и сообщил царю Василию, чтоб его порадовать: «Вся христианская царства придоша в конец и снисходящая в едино царство, два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Не преминул он порадовать и следующего царя, как только тот взобрался на трон: «Один только православный и великий русский во всем поднебесье, как Ной в ковчеге, спасшийся от потопа, управляет и направляет Христову Церковь и утверждает православную веру». Барон Герберштейн, немецкий дипломат, побывавший в Москве при Васильевом царстве, подтвердил в своем сочинении, что все так и есть: «скажет царь – и сделано. Жизнь, достояние людей мирских и духовных совершенно зависит от его воли. Нет противоречия, и все справедливо, как в делах божества, ибо русские уверены, что великий князь есть исполнитель воли небесной». Уверены они и в том, что кроме них христиан уже не осталось. Капитан немецких рейтаров, несших охрану в Кремле при царе Федоре Алексеевиче, Георг Шлейсингер в своем описании России сообщает: «...получили кнута и были сосланы в Сибирь те люди, которые постоянно настаивали на выезде и не хотели отказаться от своего намерения... Они полагают, что того человека совратили, и он стал предателем или хочет отойти от их религии, к которой они очень привержены, а тех, кто не принадлежит к их церкви, они не считают истинными христианами». Через полтора года, погостив у царя в России, маркиз де Кюстин напишет: «Подъяремный народ всегда достоин своего ярма: тирания – это создание повинующегося ей народа». И его гостеприимный хозяин Нико-

лай I сам подтвердит ему это: «В России существует еще деспотизм, потому что он составляет основу всего управления, но он согласуется и с духом народа». Ошеломляющая откровенность! Прекрасным комментарием к ней звучат слова одного из самых образованных и сведущих людей своего времени, дипломата князя Петра Козловского в разговоре с де Кюстином: «Все акты жестокости в отношении Польши являются в глазах истинно верующих великой заслугой русского монарха. Святой Дух вдохновляет его, возвышая душой над всеми человеческими чувствами, и Сам Бог благословляет исполнителя своих высоких предназначений. При подобных взглядах судьи и палачи тем святее, чем большими варварами они являются». Предположения де Кюстина, что через пятьдесят лет «в России вспыхнет революция, гораздо более страшная», чем произошедшая на его родине оправдались с ужасающей убедительностью (некоторая ошибка в сроке значения не имеет), за девять лет до него такое предсказание прозвучит из уст Михаила Лермонтова: «Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет. Забудет чернь к ним прежнюю любовь». Поразительный консонанс гения шестнадцатилетнего юноши и интеллектуальной интуиции сорокалетнего мыслителя. Но, видимо, именно в те годы тень катастроф, отбрасываемая ими из будущего, достигла той черты, где её начинают замечать те немногие, кто наделены даром так или иначе предвидеть события. На этот раз произошла бескомпромиссная перемена всех вывесок, и образ Божий, воплощенный (по православной вере) в царе, был беспощадно сожжен в революционном огне.

Однако в вожде мировой революции с поражающей души освободившихся от «религиозного дурмана» людей отчетливостью воплотился образ Сатаны. И русский народ еще более восторженно и покорно, аки за Господом Богом, пошел за ним, распаляясь ненавистью ко всем его врагам и трясаясь перед ним от страха. И крепла вера, что там, за «мировым пожаром в крови» их ждет светлый рай, называемый по новой «фене» коммунизмом. Самым удивительным на первый взгляд фактом

является то, что люди, казалось бы, понявшие что они семьдесят пять лет верили в ложь, что и привело их не в обещанный рай, а в нищету и разруху, почти такую же с какой начинали после «Великой революции», что «народная власть» обворовывала их все эти годы, продолжая обворовывать и теперь, с еще большей наглостью и ложью, теперь не о коммунизме, а о Великой православной демократической России с двуглавым орлом и иконой Царя-великомученика, с идолом Ленина в мавзолее и со сгнившим Сталиным за мавзолеем и т.п. и т.д, несмотря на все это продолжают верить в эту воровскую власть и в величие России. Ну не удивительна ли эта загадочная русская душа?!

Тайна этой загадки, не поддающейся разрешению уже два столетия, не столько тайна, сколько недосмотр. Исследователи не там искали разгадку. Одни искали в достоинствах, другие – в недостатках; их было много, но самый главный оказался так велик, что не охватывался взглядом с избранной точки зрения. Это был первобытный недостаток всего человечества, возникший как прямое последствие первородного греха и сохранившийся в наибольшей степени у людей, ставших называть себя русскими. Сами они пренебрежительно называют его «беспредельщиной», не сознавая того, что она значит в их жизни и в истории.

Когда в поисках своего самоутверждения человек отвернулся от Бога, он вдруг обнаружил вокруг себя пустоту, в которой нет никаких моральных границ. Бог сохранил ему начатки его духовных способностей: чувство священной ценности жизни и милосердия, священного смысла бытия и чувство достоинства существа, созданного по образу и подобию Бога. Благодаря им человек может осознать ужас безбожия и обратиться к Богу, а, получив от Него бесценный дар веры, начать учиться по заповедям Его, как жить в этом мире, чтобы вернуться к Нему и быть преображенным для совершенной и вечной жизни.

Может, но отнюдь не всегда хочет. И еще чаще хочет, но не очень. И лукавит перед самим собой и людьми, изображая

из себя человека, почитающего Бога, и даже заглядывает по большим праздникам в храм, но живет по всей своей воле и свободе, доступной ему в этом мире. Только эта дурная свобода и ограничивает произвол его желаний, как и у человека, ни во что не верящего. Русский человек привык к лукавству, живя рабом под тиранической властью своих царей и вождей. Сам того не зная, в тиране он и поклоняется самому себе, и ненавидит самого себя. Тиран – это простая проекция раба на плоскость беспредела. Для тирана его народ – это его рабы и его семья, раб в своей семье – такой же тиран. Поэтому раб любит Петра Великого и Сталина, хотя и боится, а тиран их презирает, любя только рабов. Их беспредельная гордыня – главная доминанта русского национального характера, господствующая над всей русской историей, отражаясь во множестве разных лиц и судеб на все лады. И загадочность ее лишь в том, что полный беспредел – это полный хаос, который отрицает какую-либо верность и постоянство, какой-либо закон и порядок в принципе. «Вольному сердцу» враждебны разум и смысл жизни, любовь и верность. Ему любезен дух беззакония и разнузданности, все, что может ограничивать или связывать его, все, в чем он чувствует превосходство над собой, кроме голой силы, для него ненавистно, всячески им унижается и связывается с образами его врагов. Превосходство же силы, беспощадно подавляющей волю, единственный аргумент, перед которым русское вольнолюбие отказывается от сопротивления и отвечает рабской покорностью. Поэтому так эффективна была сталинская методика – «Бить, бить и бить!» Гений архипалача проявляется более всего в умении подбирать рабов, жаждущих палачества, и организовывать в спаянный кровью и страхом «орден», стоящий опричь всякой иной власти. А стихией, в которой зарождаются эти будущие людоеды без страха и упрека, является первобытная стихия бунта «бессмысленного и беспощадного». Извлеченные из его кровавой пены, помилованные в отличие от казнимой массы, они рекрутируются в тайные службы не только за сведения, которые готовы передать о том, кто чего стоит среди бунтовщиков,

и не за готовность пускать в расход бывших соучастников, а более всего за ненасытную жестокость, за бесчеловечность, всегда тлеющую в их полуприкрытых глазах. С какой стороны ни подойди, беспредел воли и беспредел жестокости – всегда в одном кольце «любви». Первый период грешной истории людей начался порывом на волю Адама и окончился апофеозом войны Ламеха. И если из того, что сообщает Библия об Адаме, можно извлечь предположение о каком-то глухом недовольстве своей зависимостью от Бога, то зарождение греха гордыни в его душе можно только допустить чисто логически. В то время у Ламеха этот грех открыт нараспашку. Именно это роковое сочетание недовольства своей судьбой и гордыни, жажды полного беспредела свободы и бескрайнего величия сближает духовно испанский и русский народы.

В русской поэзии мотив воли полон глубочайшего лирического чувства. Сама Россия часто предстает в воображении поэтов, воплотившись в древний образ скачущей лошади и судьбы. У Пушкина она поднята на дыбы железной рукой Петра, но и покорившись насилию, осталась неукротённой, затаившей дикую ярость до поры, когда можно будет сбросить и затоптать наездника. Это и хотел обнаружить и понять поэт, занявшись параллельно с историей Петра историей Пугачева. Одно и то же зло звериной жестокости пылало и в глазах Петра, и в глазах вождей пугачевщины. Совершенно иначе, восторженно, лишь с легкой грустью по затоптанным колокольчикам, воспевают неукротимый бег своего дикого, непокорного коня граф Алексей Константинович Толстой, сознавая, что ему не удержать уздой свою судьбу. «Я лечу, лечу стрелой, только пыль взметаю, Конь несет меня лихой, а куда? Не знаю!.. Есть нам, конь, с тобой простор! Мир забывши тесный, мы летим во весь опор к цели неизвестной! Чем окончится наш бег? Радостью ль? Кручиной? Знать не может человек, знает Бог единый». Это искреннее поэтическое выражение первобытного произвола воли можно принять за лучшую формулировку доминанты русского характера в несколько смягченном варианте. Колокольчики всё простят. Но из песни

слова не выкинешь. И вторая неотделимая составляющая, третьеримская, никуда деться не может: «И хозяин на крыльцо выйдет величавый, Его светлое лицо блещет новой славой. Всех его исполнил вид и любви, и страха, На челе его горит шапка Мономаха!»! Наоборот, плач над судьбой Жены-России не может на рубеже веков сдержать поэт, как не может остановить вечный бой и ее бешеный скак. «Закат в крови! Из сердца кровь струится! Плачь, сердце, плачь... Покоя нет! Степная кобылица несется вскачь!»

...Эпохи меняются, но главные стремления национального характера не меняются никогда. Вернувшийся с полей Второй мировой войны артиллерийский капитан и поэт пытается понять, откуда в его философической душе полурусского-полуеврея появились бешено скачущие кони. Оказалось, что прадед его был ямщиком: «... Он плевал на ладони и в темень хлестал наугад... До сих пор еще кони в крови моей где-то летят!» Пожалуй, все же, голос крови здесь ни при чем. Ни у Блока, ни у Высоцкого ямщиков в роду вряд ли сыщешь. В русской душе коней гонит вскачь не кровь, а судьба. И опять в сползающей к очередному развалу империи поэт неосознанно объединяет ее приближающийся крах со своей «привередливой» судьбой: «... Значит, скоро и нам – уходить и прощаться без слов. По нехоженным тропам протопали лошади, лошади, неизвестно к какому концу унося своих седоков». ... «Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому краю я коней своих нагайкою стегаю... Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю! Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее! Умоляю вас вскачь не лететь!.. Хоть немного еще постою на краю». Чуть-чуть они помедлили, но не более. Что касается третьеримских идеалов, то сразу после разоблачений «культ личности» они еще могли тешить души амбициозной черни в Кремле и в его подворотнях. Половина страны была в шоке, и лишь постепенно выходя из него, стала делиться на тех, кто укрепился на убеждении, что «Сталин победил в этой войне», а половина, что он преступник, погубивший треть всего народа. На том и порешили. Но наступившая разруха и голод,

толкнули к «перестройке», отказавшейся от империи. И «сталинские сироты» получили новый аргумент: «При Сталине нас все боялись!» Страна более четко разделилась на «наших» и не наших, «Наши» чувствуют, что власть с ними, но не решается признаться, а значит слабовата. А сами «наши» трусоваты, чтобы без ясной и громкой команды власти начать все-российский погром. И вода в облаках, как прежде, темна.

Зато русская тоска по беспределу в его первобытной чистоте – эта «разбойная краса» России никогда не вянет, и «Охоте на волков» Высоцкого подпевает вся страна, и привередливые кони все также несут вскачь к последнему приюту кувыркающуюся в санях пьяную русскую душу. В чем же причина, что «веселие Руси есть пити и без него не можем – по словам равноапостольного князя – быти», и тысяча лет как один день? Почему больше всех других народов пьют, воруют, лгут, хамят, сквернословят, разбойничают, развратничают и раболепствуют в большинстве своем люди, именующие себя русскими, и при этом считают себя самым великим народом, который призван спасти все народы, когда всех их покорит? А потому, что унаследованная от Адама всеми народами жажда своеволия и самоутверждения в русском народе в течение всей его истории живет в самом первобытном и диком, самом «бесмысленном и беспощадном» воплощении. Это не вяжется с интеллектуальной культурой и религиозными поисками немногочисленной прослойки верхнего слоя русского общества двух последних веков, которую интеллектуалы на Западе представляют себе выразительницей духовных поисков русского народа. Но их влияние на народ всегда было ничтожно. И сама она крайне разнородная в своих исканиях «царства Опоньского» от декабристов до диссидентов, очень смутно представляла себе, что это за явление природы – русский народ, и с беспримерной глупостью ожидала как светлого праздника народной революции. Обманывая самих себя, они легко склоняли верить себе и знающих Россию только по литературе иностранцев, Сами же постоянно увлекаясь иде-

ями очередных властителей дум в Европе, отличались крайним непостоянством в исповедании этих идей. Каждое увлечение начиналось бурно, затопляя души энтузиазмом, но в силу поверхностного понимания и кратковременности эмоциональных возбуждений, вскоре сменялось угасанием огня чувств и остыванием веры, а затем и полным разочарованием и даже подозрением в том, что их пытались соблазнить лживыми измышлениями, как сатана дотоле праведную Еву. Однако эмоциональная потребность во всеобъясняющих идеях намного превосходила умственные возможности, и через краткий период отдохновения души в безверии и пьянстве она вновь загоралась страстью к новой идее. Причем не имело никакого принципиального значения вольтерьянство это или кантианство, гегельянство или дарвинизм, социализм или ницшеанство, фрейдизм или марксизм. Главное было в сути, выражаемой несколькими словами, обретающими магическое значение. А самое главное, что лишало авторитета общепринятые нормы и правила, благовествовало свободу от моральных заповедей и законов.

Но дальше интеллектуального и морального блуда дело практически не шло, хотя именно в этой сфере весьма активно способствовало девальвации ценностей, и так еле-еле удерживающих от распада «Третий Рим». Более эффективно, чем где-либо этот процесс шел в России, потому что общечеловеческое непостоянство как прямое проявление беспредела человеческой воли, которая, утратив Бога, бесплодно ищет что-либо «по вкусу своего языка», что бы могло Его заменить, свойственное в разной степени всем людям, в дремучем бессмыслии русской души имело свой полюс. Гамма эмоций в ней одна и та же, что при увлечении идеями, мирскими или псевдорелигиозными, что в человеческих отношениях, в дружбе и в любви. Схема одна и конец один – нигилизм и разврат. Кроме разума и совести у человека нет возможностей как-то ограничить произвол своих чувств. Разум может даже привести человека к осознанию необходимости веры. Но дать веру

разум не может, ибо веру дает только сам Бог, вера – Его прикосновение к сердцу человека. Но в стране, где разум презираем и гоним, где даже почитаемый всеми свободомыслящими людьми мыслитель утверждает, что «ум слишком большой противен», нет спасения от духовной деградации народа и малое число праведников ее не спасет. Поэтому Россия становится первым в мире атеистическим и фашистским государством. Поэтому она губит в тюрьмах и концлагерях десятки миллионов своих подданных и уничтожает на войне более двадцати миллионов своих солдат, чтобы убить три миллиона немцев. Поэтому, развалившись как империя, она превратилась в единственное в мире государство, управляемое громадным аппаратом наглых надзирателей, созданным шайкой опричников из карательного ведомства. И по всему тому неоспоримо утверждение, гласящее, что единственное призвание России в том, чтобы показать всем другим народам, как нельзя жить. Апогей российского беспредела – атеизм, и именно в этом величие идеи коммунизма и Великой Октябрьской революции, вызвавшей цепную реакцию образования компартий всей Европы до Китая и Америки. Это духовный итог мировой цивилизации, достигаемый в эпоху старости.

Произвол монархической власти, соединившей в своем скипетре все виды земной власти сразу после того, как с помощью разросшихся городов и мелкого дворянства ей удалось сломать хребет самовластию крупных феодалов, был назван историками абсолютизмом. Среди трех главных монстров XVI века Филиппа II, Генриха VIII и Ивана Грозного последний несомненно был самым чудовищным. Впервые это был уже произвол, воплощающий полный беспредел, который закончился умерщвлением деспота и крахом разоренного государства. Главным изменением, внесенным в европейский мир абсолютизмом на четыре столетия вперед, был возрожденный после падения Византии принцип – чего хочет Бог, теперь определяет не церковь, а монарх.

Отколовшаяся от вселенской церкви, спустя полтысячи лет после православия, протестантская ее часть подкрепила это

новшество передачей вопроса в руки политической власти (лютеранство) или финансовой (кальвинизм). Естественно, что и вопросы о том, какое свободомыслие считать преступным, а какое дозволенным, перешли теперь в компетенцию светских властей, которые гораздо либеральней относились ко взглядам, не затрагивающим политических проблем. Таким образом к концу XVII века естественные науки и проблемы происхождения Вселенной и человека, история мира и исследование всевозможных тайн бытия оказались свободными от преследования со стороны власти, независимо от того, что думает об этом церковь. Результаты не заставили себя долго ждать. В начале XVIII века вышло из подполья масонство, заявив о себе как о филантропической и просветительской организации. За ним высыпали на белый свет, как грибы после дождя, дотоле прятавшиеся всевозможные мистические общества. А в последней трети XIX века атеизм во всеуслышание провозгласил свои права среди различных человеческих мировоззрений. Ему почтительно сопутствовала добрая дюжина сатанинских сект, слегка задрапированных оккультными вуалями.

Культурный прогресс достиг главных стратегических позиций. Передовая часть человечества уверовала в свое интеллектуальное и техническое могущество. Расистские теории определили диспозиции народов на планете. Военная индустрия и армии изготавились к исправлению перекосов в этих диспозициях. Патриотические идеологии убедили великие народы в их безусловном превосходстве над конкурентами. Сексуальная революция подготовила женщин к освобождению от уз брака и семьи для полного раскрытия своего социального и творческого потенциала. Социальные доктрины подготовили передовые ряды эксплуатируемых низших сословий к борьбе за построение лучшего мира на обломках мира существующего. Распространившиеся террористические общества приступили к процессу очистки своих и чужих государств от наиболее опасных врагов свободы. Правительства оживленно обсуждали проблемы всеобщего мира, почесывая

под столом переговоров кулаки. И наконец сцепились в самой жестокой и кровопролитной из войн за всю предыдущую историю. Десять миллионов погибших на фронтах, столько же – в тылу, двадцать миллионов искалеченных, рухнувшие милитаристские империи, из которых две, как оборотни, воскресли в зверином фашистском обличье, чтобы начать новую несоизмеримо более страшную войну за установление новых порядков в мире. Но главным итогом Первой мировой войны стал выход к ее концу на арену, когда у всех воюющих стран запас сил был намного меньше, чем их было истрачено, нового претендента на установление мирового порядка.

«Плавильный котел» детей Вдовы

Об этом несколько позднее, в 1928 году, будет поведено на его главном документе – однодолларовой купюре, украшенной портретом первого президента США и символом единства тринадцати первых штатов, охраняемый капитолийским орланом с пучком молний в когтистой лапе. А с вершины вселенской пирамиды, еще до конца не достроенной вольными каменщиками, одноглазое высшее существо освящало их труд. Однако запущена в серию эта банкнота была с разрешения Рузвельта лишь в 1935-м, а поступила в обращение только в 1942 году. Все эти таинственные изречения и символы, украшавшие большую печать ордена иллюминатов, извещавших о своем появлении в мире в 1776 году и тогда же попавшие в руки Франклина, посла только что возникших США в Париже, не говорят ни о чем ином, кроме как о дурном вкусе всех конспираторов к приданию себе загадочности и мистического колорита. Но преемственность во вкусах симптоматична.

Открыто Америка сделала первые шаги в этом направлении сразу же по капитуляции Германии в Первой мировой войне. Обеспечив внимание к своим предложениям щедрыми субсидиями союзникам для преодоления разрухи, причиненной войной, Америка сразу взяла их за рога и вслед за проектом

мирного договора с поставленной на колени Германией выдвинула проект создания Лиги Наций в качестве органа для предупреждения новых войн. Этот жалкий эмбрион предполагаемого будущего мирового парламента продолжает в личине ООН прозябать на краю американской земли и поныне, со вкусом играя роль выразителя общего мнения всего мира и проматывая доброхотные даяния тех стран, которым есть что продать, и, отщипывая крохи тем, которым дать нечего.

Став кредитором главных государств Европы, Америка прежде всего начала ткать мировую финансовую сеть – долларовую зону, скрепляя ее в местах наибольшей финансовой активности договорами между крупнейшими банками. Причем наибольшую активность в этой сфере проявляло не государство США, а деловая Америка – ее лидеры, Морганы, Рокфеллеры и десяток их сателлитов. А несколько ранее, в 1913 году, проект создания банка – федеральной резервной системы разрабатывает тишком эта самая компания и передает его президенту Вильсону через двух его главных советников, «полковника» Хауса и барона Варбурга, людей клана Рокфеллеров. После утверждения его в Конгрессе как проекта президента, в финансовой структуре США возникает могущественнейший консорциум двенадцати банков, все управляющие которого являются не служащими государства, а представителями частного бизнеса. Это самая крупная концентрация частного капитала в мире, оказавшаяся в обход Конституции США и независимо от Министерства финансов во главе государства. В 1921 году, после создания Лиги Наций, куда сами США не вошли, те же Рокфеллеры и Морганы создают, опять-таки частным образом, Совет по международным отношениям. В тесной связи с этой структурой США приступили к созданию мировой политической конструкции, формируя в районах наибольшей политической активности блоки государств, имеющих общие стратегические интересы в этих районах и общих противников, скрепляя их в политические союзы на основе договоров, субсидируемых экономической и военной помощью. В американской индустрии преобладающее значение получило развитие всех средств коммуникации: авто, авиа,

судостроение, электротехника и энергокоммуникации, и как основа жизнеобеспечения всех этих отраслей – нефтедобывающая и перерабатывающая промышленность, полностью сосредоточившаяся в руках клана Рокфеллеров. Когда, к концу 20-х, в президентство Кулиджа, «просперити» дикого капитализма, бурно развивавшегося под знаменем экономического произвола, привело к массовому забастовочному движению (в частности на битумонозных шахтах в империи Рокфеллеров) и возмущению в обществе, в узком кругу финансовой и чиновничьей элиты, уже достигшей необходимого консенсуса под сенью Богемской рощи, где уже четверть века они ежегодно отдыхали, был выработан и согласован проект, разумеется секретный, как путем прекращения распыления капиталов (в США в это время функционировало шестнадцать тысяч банков) и концентрации их в банках ФРС увеличить мощь «государства» то есть своего влияния на власть, и заодно приструнить слишком одемократившуюся чернь. Средства, использованные для достижения этого результата, были преднамеренно разнообразны, так что у историков до сих пор нет однозначного ответа на причины возникновения «Великой депрессии».

Хорошо известно, что около своей норы лиса не промышляет, а биржа – земля ничейная, там искать, кто тебя обобрал, дело совершенно пустое. Однако достаточно заглянуть в календарь 1929 года, чтобы увидеть: 19 сентября цена акций на Нью-Йоркской фондовой бирже достигла максимальной величины, а 24 ноября уже «черная пятница» – и, как налетевший торнадо, началось обвальное падение. Пытаться угадать, из какого далека пришел сигнал брокерам менять бычьи рога на медвежьи шкуры – все равно, что разгадывать тайну Бермудского треугольника. Если сопоставить кризисы 1929-го и 2008-го, то нетрудно заметить, что последний сопровождался максимальными за всю историю ценами на нефть – 147 долларов за баррель (в 1972-м году стоила менее двух долларов за баррель). Казалось бы, при чем здесь нефть, если, согласно объяснениям, все началось с кризиса ипотечных банков? Вызванные в конгресс боссы фирм «Эксон», «Мобил», «Шеврон» и др. снизили прислать своих представителей, которые, хоть убей

их, ничего вразумительного о причинах бешеного роста цен на нефть сказать не смогли, лишь, пожимая плечами, кивали на ОПЕК. А та клялась Аллахом, что ни сном, ни духом не ведает о таких нехороших делах. Бермудское безмолвие опять нависло над загадочной катастрофой. Несчастные супербанки получили от правительства США колоссальную денежную помощь, но для безработицы, которая по сведениям с бирж труда твердо стоит на отметке 9% (а фактически, надо полагать, вдвое больше) все эти золотые дожди – что парковые фонтаны для засыхающих посевов. Директор ФРС, впрочем, от случая к случаю утешает жителей Америки, что в сухой почве уже что-то начинает шевелиться, и не пройдет и пары лет как появятся свежие всходы. Остальной мир, снова вслед за Америкой посыпавшийся в кризис, как костяшки домино, предоставлен самому себе. Он подозревает, конечно, что проблемы возникли из-за того, что в Америке наворовали жирные коты, но из подозрений супа не сварить.

Что же до властей Америки, заседающих в Капитолии и в Белом Доме, то похоже, что сегодня они ничего другого и не могут, кроме того, чтобы заседать и препираться между собой по поводу того, что делать? Слишком долго тянулась игра в американский футбол между осликами и слонами. Слишком долго заливали в свой «плавильный котел» одни – представителей «разноцветных народов», другие – предприимчивых и яйцеголовых. Обе команды не заметили, куда занесла их азартная игра XX века. Создать модель нового мирового порядка по масонскому проекту на американской земле им не удалось. То, что у них получилось, являет собой впечатляющий пример нового беспорядка. Слишком много вливали и слишком плохо размешивали. История часто удачно смешивала народы, правители – никогда. Пример России, Америки, Франции, Испании, Бельгии и Латвии несмотря на различные методики, тому убедительные доказательства. То, что получилось, хуже того, что было в начале. Когда наибольшей частью населения страны, называемого при демократической системе электоратом, становится толпа, реальная власть в

стране оказывается в руках криминальной структуры («большой шайки разбойников» по выражению Блаженного Августина). На дезинтегрированную массу – толпу сильнее всего действуют не доказательства в необходимости того или иного правительственного курса, а лозунги, нацеленные на возбуждение чисто инстинктивных эмоций.

При тоталитарных режимах, ряженных в фиговую демократию, это страх и национальное тщеславие – надежная почва для беспредельной деспотии там, где исторически сложившееся большинство рабов сильной «нашей» власти и врагов, всех «чужих» внутри и вне. В современной России это шайка потомков сталинской опричнины с подчиненными ей громадным (большим, чем в советские времена) аппаратом воровчиновников и олигархией пройдох-«бизнесменов». При режимах либерально-демократических это успех и большие деньги со свободой покупать все радости жизни.

Если первое у народов, принявших протестантский взгляд на вещи, в крови, то второе – это ценность, порожденная рыночной культурой, сумевшей увлечь поколение, пережившее шок от бессмысленной бойни в годы Первой мировой войны, плюнуть на все «философии» и морали и начать просто радоваться жизни всеми доступными средствами. С беспримечной быстротой эта культура стала распространяться по миру, благодаря техническим достижениям в руках боссов рынка, особенно кинематографу, и «восстанию масс», о котором поведал миру Ортега-и-Гассет.

Человеку массы нужно все, что ему по вкусу и что стало ему доступно, благодаря демократии, индустриализации и рынку. Он стал главным потребителем и главным корреспондентом рынка. Тем более что в основе культуры боссов, менеджеров и масс одни и те же ценности, отличающиеся только качеством и сервировкой. Это исконные радости земной жизни – еда, секс и зрелища. И для настоящего потребителя они хороши свободой потребления, свободой от любых выдуманных ограничений. Не приходится удивляться, что пышным цветом расцвела эта культура на родине наиболее свободного

рынка, в Америке. И главным ее цветником в 20-х годах стал Голливуд. А нагловатой эмблемой Голливуда, которую ненавидела критика, общество и церковь, стала первая сексуальная звезда Америки Мэй Уэст. В 30-е, когда для уха ханжески благочестивой публики само слово «секс» звучало как нецензурное ругательство, роли триумфальной героини полусвета, которые она играла, сценарии к фильмам, которые она писала, колоссальные гонорары, которые она получала, и полные язвительной иронии афоризмы, которые она снисходительно рассыпала вокруг себя – были откровенным и хладнокровным вызовом уходящей под напором массовых потребителей и больших денег ханжеской эпохе. До нее никто не мог во всеуслышанье заявить: «Грех сотворен человеком, но вкус у него божественный», «Из двух зол я всегда выбираю то, которого раньше не пробовала», «Хорошие девочки делают то же, что и плохие... Только делают это очень хорошо». И ей аплодировало море восхищенных поклонников по всей стране. Ее популярность была беспрецедентна, но все-таки до духа разнузданной сексуальности народ еще не созрел. Он воплотился в американском обществе лишь тогда, когда для человека «среднего класса» конкретную ценность утратили религия, мораль и право. Будучи заменены одной фальшивой (основанной лишь на пустой декларации) ассигнацией «Прав человека».

Тогда сексуальная революция, о которой так долго говорили феминистки, победила, разбив наголову, своих врагов-реакционеров. Не стоит недооценивать значения этой победы. Хотя свобода в выборе партнера для полового акта обретена де-факто уже давно, что для благозвучия называется «заниматься любовью», но устранение нежелательных плодов этого занятия до сих пор не получило четкой правовой и материальной поддержки повсеместно. Женщину деспотически лишают права избавиться от образовавшегося в ее матке зародыша. Мужчинам разрешено все: поразвлекался и в сторону, никаких последствий, платить за удовольствие приходится одной женщине. Такова простая и ясная женская логика. Но для того, чтобы понять, что такое жизнь, логики не

хватает. Она просто тут ни при чем. Если женщина, жизненное призвание которой – это прежде всего материнство, не понимает, что, делая аборт, она лишает жизни данного ей ребенка, она уже расчеловеченный человек. Похоть, овладевшая ею, лишает ее материнства и лишает человечности. Там, где царит насилие, ее убивает страх. Если у мужчины, призвание которого быть защитником жизни, зависть вытравливает миролюбие и лишает терпимости, он становится подозрительным и злобным убийцей.

В современном коммунистическом Китае до недавнего времени женщину принуждали делать аборт, если она, уже имея одного ребенка, забеременела вторично. Количество насильно абортированных исчисляется миллионами. Это чудовищное преступление, геноцид, осужденный Декларацией прав человека, не осуждается, тем не менее, ни ООН, ни борцами за права человека. А свободы аборт по желанию забеременевших женщин в некоторых либеральных странах пламенные правозащитники уже добились.

Предположительней других причин этого формального парадокса выглядит не скрываемый радетелями о новом мировом порядке взгляд, что на земле уже и так слишком много лишних людей, не умеющих, да и не желающих самостоятельно решать проблемы своего выживания. Так что по большому счету ни шлюхи, борющиеся за свободу, ни китайские «чистильщики», ни идейные террористы дела не портят. Правильный расчет – главное условие порядка. К величайшему сожалению, большинство людей не любят тратить много времени на размышления: с одной стороны надо дело делать, с другой – и отдых человеку нужен. Поэтому тому, кто еще не дожил до пенсии, размышлять особенно некогда, а дожившему непривычно и скучно. Это, вероятно, главная причина того, что они пользуются наиболее расхожими и общедоступными мнениями о причинах событий, происходящих в мире. В частности, широкой популярностью пользуется мнение о тайном мировом правительстве, то ли уже сварганенном масонами, то ли еще формируемом. И, разумеется, все крупные

неприятности относят на его счет. В мировом финансовом капитале масоны действительно представлены наилучшим образом, и люди охотно верят, что тот, кто владеет деньгами, заправляет делами.

На самом деле это легко принимаемое за истину утверждение держится на недостаточной осведомленности и на суеверии маловерных или безбожных людей. Имеет место и выбалтываемое самими масонами их утопическое желание. Наконец, многие крупные события, причины которых остаются непонятыми, оставляют у массы людей ощущение какой-то тайны, стоящей за ними. И тайна действительно существует, но суть не в ней. Она рождается, когда организаторам «нового порядка» нужно сделать какую-нибудь большую пакость, чаще всего крупную провокацию – любимый метод их хозяина, и чтобы ее надежно скрыть, надо надежно похоронить ее под кучей мусора – множества слухов, журналистских версий разного толка, аналитических исследований и частных расследований, высыпаемых верными СМИ на головы жаждущих правды. Но провокация не создает события, являющегося конечным результатам давно идущих в мире процессов. Ее цель – подтолкнуть его в нужном для организаторов направлении. Причем далеко идущие последствия свершающегося события им не видны и даже не интересны. Как игроки на бирже, они всегда преследуют «короткую прибыль» и, получив ее, нередко даже не способны понять, что не ожидаемые ими долгие потери – это их же рук дело. Брокеры никогда не могут стать хозяевами биржи. И самые большие деньги ничего сами не делают, но часто оплачивают дела, последствия которых не устранимы никакими деньгами. Вырубка лесов везде, где оставались еще громадные зеленые массивы, сократила необходимое поглощение в процессе фотосинтеза солнечной энергии настолько, что летняя жара с каждым годом становится все более нестерпимой для человечества, обмеление рек и озер непрерывно сокращает площадь территорий, годных для проживания людей, животных и растений. Случайные искры становятся причинами постоянных лесных

пожаров, разносимых ветрами на громадные территории. Усиление вулканической деятельности, наводнения и ураганы разрушают планету. И перед картиной катастрофического нарушения экологического равновесия хищным и безмозглым вмешательством покорителей природы и космоса, все кучи золота, которое нагребли под себя «жирные коты» – это бесполезная груда металла, которая бессильна оплатить природе причиненный ей вред.

Перечисление грехов мирового ростовщического капитала и объяснение механизмов экономических кризисов, и болезней экономики, освобождающейся от производства реальных потребительских ценностей, ради торговли технологической документацией и ценными бумагами, и превращение банков и бирж из вспомогательных средств денежного обращения в экономическом организме в злокачественные учреждения, занятые выращиванием денег из денег и превращением всего населения в постоянных должников, подданных не столько государства, сколько своих кредиторов – все это и многое другое требует жанра не очерка, а монографии и эрудиции большей, нежели имеется у автора. Но грех против Бога и человека нельзя обойти стороной. Как известно, масонский проект создания на земле рая предполагал сначала ликвидацию монархий и христианской церкви посредством смешения ее с другими религиями, потом ликвидацию наций опять-таки постепенно смешивая их в едином плавильном котле до превращения в единую человеческую массу без различий. После чего становится возможным образование единого языка и, наконец, единого культа Высшего Существа, вдохновением от которого люди поочередно, по мере вдохновенности, должны будут становиться богами, между которыми навечно воцарятся равенство, братство и свобода. Вот такой хорошо продуманный мощный проект. Разумеется, в процессе реализации его будет задействована духовная энергия космоса и магическая – земли, будет налажено сотрудничество со всеми ангелами Космической иерархии и в результате земной рай сольется со всей Вселенной. Несмотря на то, что проект этот –

такая же ахиня как проект Мировой социалистической революции, которая должна была создать нового человека и открыть двери в коммунистический рай на земле, или проект установления на земле Третьего тысячелетнего рейха и оккультно-биологической революции преобразования чистых арийцев в полубогов, родственников Высших Неизвестных, сидящих в Шамбале, – несмотря на то, что все эти проекты в принципе оттиснуты с единой матрицы, масонский все же существенно отличается от фашистских более трезвым учетом фактора времени. Задуман он был со времен мифического Гермеса Трисмегиста и продуман в эпохи, благоприятствовавшие выходам наружу из подполий и расцветам тайной мудрости (рубежи тысячелетий, «Возрождение» и «Просвещение»), и переключка эпох надежный свидетель тому.

После краха римского «состава богов» в первые века империи и миграции в нее языческих богов из покоренных Римом стран, впускаемых в Рим как якобы своих, но иначе называвшихся (как ранее римляне импортировали сами богов из Греции), на ее просторах образовалась такая каша из разных культов, какая возникла прежде в Вавилоне при правлении Селевкидов и в Египте при Лагидах. Каждый раз, когда в процессе экспансии народ выходит из своих исторических границ и начинает поглощать другие земли и народы, это приводит к утрате его собственного «образа и подобия» и своей веры, что является свидетельством приближения конца его этнической цивилизации. То, что происходит сейчас в Америке, и распространяется по всем цивилизованным странам, является следствием экспансии финансового капитала, отодвинувшего после двух мировых войн военную силу на служебную позицию в главном политическом процессе – изменения границ и судеб народов.

Свое название «Нью эйдж» эта круто заваренная религиозная и псевдорелигиозная каша получила от Алисы Бейли, активной последовательницы Блаватской, создавшей со своим мужем-теософом в начале 20-х «Школу арканов» для подготовки к жизни в грядущем «Новом веке» (который должен был

начаться с эрой Водолея) ожидающих его. Ее глубоким убеждением было, что «для того, чтобы на Земле могла появиться подлинная и всеобщая религия, которой ждет мир, учения Востока и Запада должны быть объединены и синтезированы». От Блаватской Алису Бейли отличают искренняя доброта и бескорыстие. Елена Блаватская доброй никогда не была. Ее, как и ее истинных последователей, отличали крайнее честолюбие и ненависть к своим врагам-обличителям. Блаватская позволяла себе быть откровенно циничной. Она могла без каких-либо стеснений заявить, что ей наплевать на распространение индуизма, ее главное дело – уничтожить христианство. Это черты фашизоидного, а не масонского характера. На вывеске масонства золотой вязью написано: «Филантропия и помощь людям в их духовном самосовершенствовании».

Алиса Бейли была бы украшением масонства, но она не успела выполнить рекомендаций своего тибетского учителя и обратить их от строительства храма Золотого Тельца к проповедям о мистериях Эры Водолея. Однако свою главную миссию она выполнила. Потомок двух знатных английских родов, получив блестящее образование на родине и христианские убеждения, согласно которым, она ушла двадцати двух лет от роду из привилегированного общества, чтобы помогать страждущим в госпиталях и больницах, а через семь лет, встретившись с теософом Фостером Бейли, погрузилась в оккультные глубины теософии, чтобы выйдя на берег Америки стать Апостолом Нового Века – эры Водолея. Она верила в Бога Любви и любила Иисуса Христа нежной ренановской любовью, вместе с Буддой, Мухаммедом и прочими и, любя людей, несла им свет и энергию таинств эры Водолея.

У края религиозной трясины, в которой бултыхается сегодня великое множество американцев и европейцев, возвышается обелиск со светлым именем Алисы Бейли. Духовный плюрализм (из которого должна быть синтезирована по вере Алисы и по масонскому плану единая мировая религия) является на самом деле главным детищем масонства. Ничего более грандиозного они, надо полагать, они не создадут. Ни

Единого мирового банка, ни Единого мирового правительства, ни Единой мировой религии – все это из области масонско-фашистской утопии. Нет и никогда не будет единства в самом масонстве, как нет его ни в фашизме, ни в какой-либо другой преступной организации вообще. Если уж обобщать до конца, нет его и в ООН, и в каждой из наций, в частности. Всякое объединение на земле относительно и недолговечно, ибо нет и не может быть во временном мире ничего постоянного, кроме того, что навеки соединяет Бог.

Людям, однако, хочется верить, что опыт, полученный из манипуляций с вещами, вполне переносим на человеческие отношения и на проблемы мироустройства. Постройка жилища из складываемых в определенном порядке обработанных камней стала одной из наиболее часто используемых парадигм для решения множества совершенно разных вопросов. Процесс сложения мозаики из камешков разной формы и цвета, видимо, стал рабочей метафорой для Демокрита при создании им теории стихийного образования Вселенной из атомов разной формы. Глуповатый домысел, доступный ребенку, собирающему паззлы, лег в основу этого мировоззрения, потому что был доступен пониманию самого ограниченного ума и потому, что освобождал своей бессмысленностью от необходимости Творца. Метафора Библии о построении Храма Божьего из «живых камней» выражает идею необходимости каждому человеку «обрабатывать» себя, слушая голос Бога, и стать камнем той формы, каким Творец замыслил его.

Масонский мифический план о реальном возведении «Вавилонской башни до неба» – создание единого языка неба и земли методом лингвистической реконструкции правильных фонем, чтобы воссоздать язык Адама и Евы, на котором происходил диалог и с Богом, и с Сатаной. Эта парадигма лежит и в основе плана сотворения истины, из которой родится Единая религия. Из каждой религии мира надо извлечь содержащийся в ней камешек истины и подогнав их друг к другу правильным образом создать необходимую Истину. Все эти мифи-

ческие бредни от Демокрита и до наших дней являются отражением нашего общего человеческого скудоумия. Тем же примитивным способом, которым мы мыслим на низшем, логическом уровне и которым пользуемся, чтобы что-либо построить, сотворить, основанным на складывании отдельных элементов, слогов, деталей, чтобы создать нужное строение, слово, конструкцию, вольные каменщики хотят сложить Истину. Таковы же попытки создать гомункулуса, живую биоклетку, раскрыть тайны психики, и возникновения Вселенной. Это плоды подростковой психологии, не способной понять свою ограниченность и осознать разницу между делом Бога и делом недоразвитого человека, думающим, что он может стать таким, как боги.

Все, что исходит от Бога, неотделимо от Него. Истина, Любовь и Жизнь едины и просты. Их нельзя сложить. Подлинная простота – это абсолютная цельность. Ее нельзя ни разъять на части, ни сложить. Почему эта не такая уж хитрая ложь столь быстро покорила людей, из которых многие пытались найти истинную веру? Естественно, что большинству этих ищущих была нужна вера, дающая им надежду на какой-то великий смысл, отсутствующий в этом мире, и в то же время оставляющая их свободными от контроля за их жизнью, а религиозный беспредел «нью эйджа» оказался чрезвычайно соответствующим этим желаниям.

Многих распушенность, оправдываемая поиском великой истины грядущего, очень и очень устраивала. Образ доброго и мудрого человека, благословляющего в своих книгах этот путь, очень импозантен для искателей. Алиса Бейли, добрая и терпимая, стала подлинно кумиром движения «Нового века». Это тот самый случай, когда ложь, найдя для себя доброе обличение становится наиболее опасна в деле расчеловечивания человека. Две тысячи лет назад «глупый благочестивец» был поставлен на первое место среди четырех сил, губящих мир. Прикрываемое логическими доказательствами своей необходимости зло никогда не привлекает к себе такое мно-

жество людей, как скрытое под защитой добра. А без мобилизованных под свои знамена человеческих масс никакое движение не имеет силы. С другой стороны, отсутствие понятия исходящей от Бога Истины лишает всякого смысла понятие «права человека», они превращаются в бессодержательный набор правил, конкретное применение которых к любому нужному случаю оказывается полностью в руках мошенника-юриста, который вертит малыми конъюнктурными истинами, как хочет. И в этой ситуации религиозный беспредел, несмотря на самые аморальные феномены, такие как ведьмовские и сатанинские секты, становится защищен легко и надежно, так же как аранжирующие его гигантские «тусовки» молодежи, когда тысячи тел, часами дергающиеся под оглушающий грохот поп-музыки, впадая в наркотическое состояние от массовости объединяющих эмоций, еще усиливаемых героином и алкоголем. Все это вместе – весомые успехи масонского влияния на религию, право и искусство.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что все главные персонажи мирской истории, силуэты которых приобрели изумительную четкость в минувшем веке, впервые вышли из-за кулис на авансцену, как по команде, в одно и то же время, накануне Первой мировой войны, В январе 1912 г. в Праге собралось три сотни представителей разбросанных по городам России групп так назвавших себя «большевиков» – наиболее радикальная и наименее образованная часть РСДРП, отколовшаяся во главе с Лениным на втором съезде от основной массы партии. Поняв, что партией ему не овладеть, вождь раскола принял решение сформировать из своих сторонников самостоятельную партию «нового типа» революционеров-подпольщиков, с маленькой группой легальных представителей для участия в борьбе как бы легальным образом – в Думе. Для придания видимости, что его «большевистский» осколок и есть подлинная РСДРП, он исключил из своей партии «меньшевиков» во главе с лидером российской социал-демократии Плехановым, «искровцев», создававших партию, -+всех, кто не считал его фракцию партией вообще.

Он отобрал в ЦК своей партии десяток верных его радикальным идеям, из которых половина была с Кавказа, а двое – полицейскими агентами (Малиновский и Джугашвили). Так возникла партия «большевиков», которая через шесть лет захватит власть в бывшей Российской империи и создаст более чем на семьдесят лет первое в мире атеистическое государство.

В это же время 23-летний несостоявшийся архитектор, малящий почтовые открытки с видами венских дворцов и соборов для пропитания и спящий в ночлежках, начитался в грошовых выпусках журнала «Остара» («весна» на древнеготтском языке и Верховная богиня древних арийцев в фантазиях Адольфа Ланца, автора и издателя журнала) о том, что в мире господствует раса грязных пигмеев, потомков демонов, стремящихся через сексуальное соращение чистых арийцев своими соблазнительными животными-женщинами уничтожить детей Вотана и Остары, благородную расу ариев, и сегодня опасность нависла над последними чистыми потомками богов, сохранившихся только среди германцев, которым необходимо объединиться в борьбе с сатанинскими силами врагов.

Мужающий Гитлер проникся верой в учение Ланца и в 1913 году покинул родную, но загаженную евреями и прочим иностранным сбродом Австрию, чтобы на земле истинно германской родины влиться в ряды армии, готовящейся к решительной битве за свободу и счастье всего арийского человечества. Не прошло и года, как мечты его сбылись и он вступил в ее ряды. Отвоевав все четыре года в качестве связного на передовой, дважды раненный и награжденный Железным Крестом, он оставался в рядах армии до 1923 года, в качестве агента по слежке за левыми элементами. И хотя победить демонические силы из-за предательства в этот раз не удалось, через пять лет он возглавил в Мюнхене НСДАП, маленькую националистическую партию рабочих и мелких чиновников, возникшую в 1919 году стараниями двух членов «общества Туле» (тайное ответвление «Германенорден» духовной элиты, объединенной мистическим национализмом, антисемитизмом и крайним антилиберализмом) Дитрихом Эккартом и

Адольфом Розенбергом. Эккарт, уловив медиумические способности Гитлера, стал его главным духовным наставником, воспитывая его как «барабанщика» – фюрера массовой партии для возрождения нации под знаменем «Дойчланд убер аллес». Свою главную книгу «Майн Кампф» Гитлер посвятил своему учителю. И хотя Гитлер подозрительно относился к тайным обществам, а придя к власти, запретил их, второе место в партии он предоставил Гессу, члену «общества Туле», познакомившему его с Эккартом и Хаусхоффером, а профессор Хаусхоффер после смерти Эккарта в 1923 году, занял место гуру Гитлера по контактам с владыками Шамбалы и научным консультантом по бредовым теориям до самого конца.

А началось все в 1913 году с главной идеи ариософии Ланца, как, встав на путь очищения крови, стать в конце концов богом. Можно добавить сюда историю о социалисте Муссолини, до 1914 года редактировавшем центральную газету итальянских социалистов «Аванти», а в 1914-м сменил интернациональный пацифизм на национальный патриотизм и, выйдя из партии, основал газету «Иль пополо д'Италия», сделав ее рупором вступления Италии в войну с Австрией, на стороне Антанты. Деньги на это дело он, как выяснилось потом, он получал от Франции, через Швейцарию. А через пять лет, он объединил разрозненные группы бывших фронтовиков, душой которых были «ардити» (храбрецы из гвардейских частей), и создал «Фашио ди комбаттименто» – «Союз борьбы» уволенных из распущенной армии безработных молодых людей, озлобленных против власти, выкинувшей их на произвол судьбы. Муссолини вовремя понял, что в обстановке разрухи, царящей в стране, с этой высокопрофессиональной военной силой взять плохо лежащую власть совсем не трудно. Нужна только хорошая пропаганда и организация. Через три года он ее взял. Итальянский фашизм – не самый важный персонаж в истории века, однако он дал движению имя, поэтому о нем имело смысл сказать. Но для понимания его узловых поворотных моментов достаточно уяснить роли и трех его героев, создателей главных мировых кризисов: военных – руками фашистов, экономических – руками либералов.

Промежуток между двумя мировыми войнами – пора активнейшего плодоношения фашистской утробы. Красные, черные, коричневые и прочих цветов идейные и безыдейные опричники, начиная с двадцатых годов полезли, как клопы из всех социальных щелей и Запада, и Востока. Столь же интенсивно происходило размножение сторонников свободы и рыночного толка прав человека. Масонствующие на все лады, верующие в свое «Высшее существо» или полностью безбожные, поглощенные динамикой денежных потоков или «просвещенные» тайнами политических пертурбаций, озабоченные совершенствованием административных структур или созданием мультикультуры для людей нового типа, и, наконец, сосредоточенные на важнейшем – творящие и воспитывающие этих людей в плавильном котле «Нового Века» – все они, несмотря на различие мастей и идейные расхождения, делали одно большое общее дело – строили новый мир, послушный воле Рынка и Бога метаморфоз, насилия и разврата со всем воинством его.

На фашизм для прорисовки его силуэта затрачено в этом очерке, вероятно, более чем нужно слов и строк, на его диалектическую противоположность – гораздо меньше, поскольку ее влияние на историю становится заметным, лишь с началом цивилизации, а достигает равенства с милитаристским только в эпоху старости нашей мировой цивилизации. Безусловно преобладающим оно выглядит только с началом «холодной войны» между постепенно американизирующимся Западом и постепенно деградирующей сталинской империей, боящейся начать третью мировую войну и пытающейся пугать Запад своей готовностью к ней. Слова Трумэна, сказанные им в 1945 году в предрождественском обращении к нации: «Хотим мы этого или нет, но мы должны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром» безусловно выражали его собственную веру и веру многочисленных его сограждан. Её питало сознание, что по своей технической мощи армия США не имела себе равных в мире так же,

как и экономика США. Сознание президента, кроме того, согревала вера в великую масонскую мечту, разделяемую с ним множеством «братьев» в высших эшелонах власти и бизнеса. В послании конгрессу в марте 1947 (уже после речи Черчилля в Фултоне, самой значимой для Трумэна поддержки его внешнеполитического курса) президент счел нужным четко определить диспозицию сил либерализма и фашизма в мире: «В основе одного образа жизни лежит воля большинства. Его отличают свободные институты и представительное правительство, свободные выборы, гарантии свободы личности свобода слова и вероисповедания, а также свобода от политического гнета... Основой другого образа жизни является воля меньшинства, насильно навязанного большинству. Этот образ жизни базируется на терроре и угнетении, на контролируемых прессе и радио и запрограммированных результатах выборов, на принципе подавления свободы личности... Свободные народы мира ждут нашей помощи в деле сохранения своей свободы»

Доктрина Трумэна, являющаяся апофеозом свободы с масонским акцентом в качестве рекламной картинки жизни в Америке и антиподом к ней, в правдивом перечислении «завоеваний социализма» в СССР, вызвала бешеный гнев Сталина, немедленно развернувшего яростную антиамериканскую кампанию в стране и за рубежом со всеми карательными сопровождениями. Холодная война с американским империализмом и его приспешниками приобрела открытый и тотальный характер, что дало следующему президенту Дуайту Эйзенхауэру изложить свою доктрину с генеральской прямоотой и краткостью в частной беседе: «Загнать СССР в могилу гонкой вооружений». И это оказалось самым верным средством. Дополнительный ресурс был задействован, когда он в первую очередь должен был помочь самой Америке. Талантливая и подлая в то же время авантюра Киссинджера-Никсона, спровоцировавших кризис 1973 года, оторвала СССР от организованных Косыгиным экономических связей с Европой и посадила болванов брежневского политбюро на нефтяную иглу. После арабского нефтяного эмбарго цены на нефть от двух

долларов за баррель сначала удвоились, потом учетверились, а через семь лет взлетели до сорока долларов. СССР наслаждался застоем и транжирил дармовые деньги на производство военного металлолома (десятки тысяч танков, тысячи самолетов, ракет, сотни подлодок и прочее, что никогда и нигде не понадобилось, кроме позорной войны в Афганистане). Потратив все, что было, самая хвастливая милитаристская держава развалилась от нищеты, чему как раз помогло неожиданное падение цен на нефть до десяти долларов за баррель.

В мире уже много лет ведутся дискуссии специалистов об иррациональных причинах резких колебаний цен на нефть, создающих мировые кризисы. Абсолютное большинство экспертов начисто отвергает роль фактора спекуляции и с разных позиций сходится на том, что все дело в неисповедимых законах мировых бирж. Забавно, однако, что эти законы каким-то таинственным образом хорошо коррелируют с интересами самых жирных котов мирового рынка. Оставшись наконец единственной сверхдержавой на планете, Америка еще острее ощутила свою ответственность за порядок в мире. Это особенно остро ощущает мистер Дэвид Рокфеллер, престарелый патрон Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии; на конференции клуба в городе Эссен в 1991 году он благодушно заметил, что «мир стал сложнее, он готов идти к мировому правительству» и что «наднациональная верховная власть интеллектуальной элиты и банкиров мира, несомненно, предпочтительней национального самоопределения разных наций, практиковавшегося в прошлые столетия». Трудно сомневаться в том, что он сознает свою принадлежность к тщательно отобранной части «банкиров мира» и не исключено, что к самым избранным из отобранных. Но мировое правительство он не возглавляет – по той простой причине, что его нет и быть не может. В штабах сотрудников князя мира сего такая должность отсутствует.

Тот же, Кто «всем миром правит» – Царство Его не от мира сего. Но каждый верующий в Него искренне, знает, что, если он призовет на защиту Имя Господне, то грех, стерегущий у порога, не войдет в его душу.

В это не верил духовный архипастырь либерализма Джон Локк. Благовестуемое им «Естественное право» гласит, что Первый фундаментальный правовой принцип – это свобода. И два последующих – собственность и жизнь, и все последующие человеческие права проистекают из всеобъемлющей, как Бог, свободы. В частности, неприкосновенно право человека самому решать, что ему полезно, и что вредно, что для него добро и зло. То есть, согласно обещанию собеседника Евы, он уже стал «как боги, знающие добро и зло», и ему нет нужды в Учителе и Спасителе. Совершенно конгениальна в этом смысле и великая «Всеобщая декларация прав человека», благовестованная ООН. Право на свободу и счастье дано уже нам всем без исключения, и каждый из нас обладает неотъемлемым правом по вкусу своего языка сам определять в чем его счастье. Великий моральный беспредел «нового века» достигнут в соответствии с истинами «Просвещения».

И что же делать нам, добравшимся до этого долгожданного века, который освободился и от веры в Бога, и от всякого смысла, кроме расчета, и от всякой морали, кроме свободы и «прав человека»? И если в прежние века люди убивали друг друга из-за всевозможных верований, теперь выброшенных со старой мебелью, то теперь все воюют только за свободу, всеми понимаемую по-разному, поскольку она, как дым, который нельзя ни ухватить, ни определить так, чтобы все согласились. Круг наконец замкнулся – пришли к началу, к тому, на чем поскользнулись перед тем как проститься с раем.

Никто не знает, что будет, и только разные нострадамусы, аятоллы, гуру из горных ашрамов астрологи и гадалки оболванивают своими пророчествами несметные толпы несчастных. Люди мечутся, туманность предсказаний мучает и страшит. Мало кто помнит о суеверном ужасе перед наступлением конца света, охватившем Европу в 1000 году, но все ощущают, что порядка, хотя бы такого, какой был сто лет назад, уже нет, и чем далее, тем более все разваливается. Ощутимо пахнет массовым сумасшествием и мракобесием. Подобные настроения, поощряемые энергичной деятельностью прессы с одной

стороны и оракулов с другой, хорошо способствуют падению курсов добрых надежд в мире со всеми последствиями. Это убедительно свидетельствует, что и те, и другие вдохновляются из одной и той же пахнувшей серой дыры: ведь довести мир до отчаяния – цель «первого друга свободы», столь же желанная, как и растлить его до полного разложения.

Из прошлого известно, страшные бедствия, уносящие великое множество жизней, такие как стихийные бедствия, эпидемии, крупные и длительные войны, без помощи средств массовой информации редкий век не распространяли в мире подобные настроения, от такой безнадежности, как сейчас, спасало отсутствие наших прекрасных информационных средств. Что же касается будущего, то только уж очень темные люди верят, что мало кому известно, где обитают вещие мудрецы, которые знают, что будет. Только уж очень темные люди верят, что мало кому известно, где обитают вещие мудрецы, которые знают, что будет. Большинству же отлично ведомо, что будущее знать никто не может, хотя по мелочам можно угадать. Во всяком случае честный мыслящий человек о будущем может говорить только предположительно. А массовый человек эмоционален и легче верит в реальность худа, нежели добра. Поэтому сам тянется ко лжи, которую ему подносят.

Вполне возможно, что, в силу принципиального сходства процессов в развитии мировых цивилизаций, финал нашей будет иметь сходство с финалом предыдущей. Приближаясь к завершающей стадии своего существования, цивилизация единственным решением своих противоречий находит в вынужденном примирении силы оружия с силой денег. Соблазн и насилие заковываются в железную сеть усмехающимся Гефестом. Однако блестящий успех союза золота и стали всегда оказывается предзакатным блеском. Таковы были триумфы Римской империи первых двух веков, когда она достигла максимального могущества и размеров, уничтожив в то же время и основу римского государства – республику как организацию его этнической общности. После чего под власть «солдатских императоров» Рим быстро деградировал и рухнул под

напором варваров. Таков был и высший в полуторатысячелетней цивилизации Древнего Китая ее последний расцвет в эпоху династии Старшая Хань, давший китайцам имя на все времена. В своё сорокалетнее правление император У Ди, создатель высокопрофессиональной армии, эффективной системы управления и экономического благополучия, впервые расширил территорию Китая до размеров, близких к сегодняшним, открыл «Великий шелковый путь» через Ферганскую долину на Запад. При нем произошел высочайший культурный подъем общества. Но все это пришло в упадок также быстро, как и в Риме. Совершенно не исключено, что нечто подобное произойдет и в нашей кренящейся на бок цивилизацией в ближайшие пару веков.

Так что же нам делать в связи с этим? Искать способов спасения мировой цивилизации? Вряд ли стоит за это браться. Скорее всего, это напрасный труд. Если дерево отжило свой век, бессмысленно пытаться его омолодить. Вероятно, можно как-то попридержать пагубную деятельность нашей замечательной индустрии, но даже и в этом рассчитывать на сколько-нибудь значительный успех наивно. Самые крупные объединенные усилия, которые человечеству удавалось предпринять (войны и революции) на улучшение дел, как правило, не работали. Нам, вообще-то, следовало помнить, что наше сознательное влияние на макропроцессы, где бы они ни происходили: над нашими головами, в волнах океанов, в движениях земной коры или народных масс, ничтожны. Процессы, которые происходят непрерывно в русле времени по всей земле, в общем-то, не в нашей компетенции. Как единое человеческое стадо нас пасет провидение Бога, пути которого неисповедимы.

Небесполезно хотя бы относительное сравнение нашей эпохи с эпохой конца Римской империи, чтобы лучше понять, что происходит с нами. Начало конца этнической цивилизации (а в данном случае – и мировой) становится заметным, когда она достигает победы над главными своими соседями-конкурентами в территориальной экспансии. Особенно, когда соседи

превосходят завоевателя в своей культуре. В 146 г. до н. э. Римский сенат приказал своим полководцам в Африке и на Пелопоннесе разрушить и сравнять с землей, продав жителей в рабство, два известнейших города средиземноморского мира: Карфаген и Коринф. Карфаген в течение полутысячелетия являвшийся лидером в торговле на всем морском пространстве Средиземноморья, был разбит и уничтожен Римом в трех войнах. Коринф, крупнейший центр искусства и торговли с VI в. до н.э, поставленный Римом в 196 г. во главе Ахейского Союза, за призыв к борьбе за свободу против Македонии, и в 146 г. до н. э. разрушенный им же до основания за призыв к борьбе за свободу от Рима.

Вероятно, этот год трагедии Карфагена и Греции, утратившей свою свободу на двадцать один век, и стал для Рима той роковой границей, которую Арнольд Тойнби назвал *breakdown*, и которую никогда не замечают опьяненные своими триумфами державы, пересекая ее. С той поры как Рим вышел за пределы Италии и начал с волчьей хищностью захватывать одно государство за другим, все больше золота из чужих сокровищниц стало скапливаться в казнах правящей римской элиты, все большее и большее число римлян стало превращаться из земледельцев в профессиональных солдат, все длиннее стали рубежи между ним и соседями-врагами, и все больше рабов из разных стран обрабатывало его земли, обслуживая богатеющих господ, все больше греков-учителей стало обучать их детей. Войдя в пределы эллинистического мира, римляне поняли необходимость знакомиться с его языком и культурой. И некуда деваться, их здравый смысл заставлял их признать, что эта культура во многом выше, чем их собственная. Начался процесс заимствований, но в виде получения дани. Наиболее образованные патриции стали отправлять своих подрастающих детей в Афины, Милет, Эфес и Сарды обучаться грамматике, риторике, диалектике, ораторскому искусству, математике и астрономии. А в Рим стали проникать не только греческие вкусы, театры и термы, но и веро-

вания. Вся дюжина олимпийских богов получила переведенные на латынь имена, кроме Аполлона, оставшегося под своим не очень и греческим именем.

К концу Республики к компании с тремя богинями с Олимпа и двумя Матерями богов присоединилась и Изида, сразу занявшая среди них главенствующее положение. С Востока по мере проникновения туда римских легионов, наместников и торговцев в римский пантеон поступало все больше всевозможных божеств, и этот процесс свидетельствовал, что римское сознание стало терять свою национальную идентичность. Скудость содержания и недостаток конкретности собственно римской религии не мешала Риму быть хозяйственным и расчетливым, сильным в войнах и строгим в нравах обществом. Но когда золото начало всерьез расслаивать это общество, верования и нравы тоже начали расползаться в разных направлениях, чему способствовали чужеземные рабы внизу и умножающееся количество «союзников» наверху. Если расслоение материальное вело к росту социального напряжений и обострения борьбы между нобилитетом и плебсом, то расслоение идеологическое – к развитию религиозных различий и постепенному утраты веры вообще, от которой инертно сохранялись только привычные, но уже лишенные смысла обряды.

К началу II века до н. э. война стала главной составляющей римской политики. Храм Януса почти все время держал свои врата распахнутыми. Армия, состоящая из крестьян, призываемых консулами на войну, как на временную самоотверженную службу во имя свободы и славы римского народа не могла, однако, не мечтать о скорейшем победоносном окончании войны, чтобы вернуться на свои пашни и пастбища. Но для постоянно готовой к военным действиям за многие сотни миль от родной земли нужна была другая армия. И в конце II века до н. э. такую регулярную профессиональную армию, в которой служба продолжалась шестнадцать лет, создал Гай Марий, из простых солдат выросший в прославленного полководца, единственного семь раз подряд избиравшегося консулом, вопреки законам, что стало прецедентом для практики

бессрочных диктатур, положивших в конце концов конец республике. Отныне римские легионеры из граждан превратились в лучших в мире солдат-захватчиков, повинующихся только приказам своих командиров, а не законам. Война между командующими армиями за власть в Риме на сто лет стала главенствующим сюжетом в его истории, совершенно логично закончившимся образованием Римской империи, похоронившей республику.

Собственно республика была уже при издыхании после того, как большинство сенаторов-оптиматов, стремившихся подавить набирающее силы плебейское движение популяров, поддерживаемое значительным числом сводничества в борьбе за расширение гражданских прав и улучшение материального положения плебейских масс, четырежды за пятьдесят пять лет одерживало победы над народом не силою законов, а посредством преступлений. Проигрывая при голосовании новых демократических законов, вносимых на голосование народными трибунами, они организовывали убийство трибунов и их ближайших сторонников. В 133 году Тиберий Гракх, в 121 году Гай Гракх, в 102 году Апулей Сатурнин и в 88 году Сульпиций Руф были убиты «лучшими» римлянами после принятия народным голосованием их законов. Через шесть лет после этого Сулла, вернувшийся из своей карательной экспедиции в Малую Азию и Грецию, ввел в Рим войска, что строжайше запрещалось законом и уничтожив по спискам (проскрипциям) всех своих противников, заставил сенат назначить себя диктатором бессрочно для установления порядка и спокойствия в городе. Это вопиющее и еще небывалое в Риме беззаконие можно считать началом ликвидации республики де-факто. Последовавшие за смертью Суллы полсотни лет до установления пожизненной императорской власти Октавиана прошли под сенью двух триумвиратов, когда народу и сенату предоставлялась возможность только утверждать распоряжения триумвиров. Последние три поколения свободных граждан Рима были уже освобождены от работы на своих землях или в своих мастерских. Все эти работы

делались теперь руками рабов в избытке, привозимых из завоеванных царств.

Занятиями граждан, число которых постепенно приближалось к миллиону, стали дела политические. Теперь не трибы и курии стали подразделениями квиритов, а партии, поддерживающие разных общественных лидеров, гражданских и военных, борющихся за разные магистратуры, за высшие места в сенате и за верховную власть. За это они и получали хлеб и зрелища от города и от своих патронов. Иначе говоря, они превратились в торговцев своими голосами и в паразитов. При таком образе жизни верность сменяется продажностью, а чувство собственного достоинства холуйским тщеславием. Для полной деградации населению столицы мира понадобилось еще двести лет. После того как Тиберием, Калигулой и Нероном – вырожденками из патрицианского рода Клавдиев – были вырезаны все, кого они могли считать соперниками за власть, люди, обладающие чувством достоинства римского аристократа и гражданина, а шизофреником Домицианом – все, кто становился ему почему-либо неприятен, а стало быть, и подозрителен, Рим, казалось бы, был полностью зачищен от людей, у которых могла зародиться мысль о политическом сопротивлении. Однако после девятого вала страсти к завоеваниям во славу Рима, взметенного Траяном, пришел его наследник, «миротворец» и законотворец.

Элий Адриан не любил войн, мятежей, заговоров, старых римских законов и нравов, а также старых друзей, которые, уважая Траяна, когда он еще не был императором, старались помогать его двоюродному племяннику, пока он был молод и неопытен в делах службы. Адриан вообще не любил никого, кому был чем-нибудь обязан, кто знал его в ранние годы его карьеры, а также всех, кто мог выглядеть хотя бы равным ему в уме и таланте. Почитая Аполлона превыше всех богов, он считал себя неким воплощением его на земле, обоюдно, разумеется, с Зевсом. У него была превосходная во всех отношениях память, и те, кто имел несчастье заслужить чем-либо его нелюбовь, не мог рассчитывать на безмятежную и долгую

жизнь. Во избежание войн он вывел войска из Дакии, Армении, с территорий Парфии, занятых Траяном, создал укрепленные рядом крепостей рубежи по линии Дуная и Рейна, отделил валом, названным его именем римскую Британию от северных варваров. Мятежи, вспыхивающие вдоль побережья северной Африки и в Малой Азии, он подавлял беспощадно. Римской империи антисемитизм свойственен от рождения. Будучи средоточием мира власти и наживы, она даже в униженных, покорившихся ее власти евреях, презираемых попираемых подлинными «римлянами» – хозяевами мира, ощущает ненавистный дух существ не от мира сего, не верующих в глубине своих скрытых душ в силу и право Империи. После восстания 70-73 гг. их приравняли к худшим народам в римском мире, наиболее угнетаемым и преследуемым. В сравнении с Римом Парфию евреи считали почти дружественной державой, и это подвигло их восстать против римлян. Справиться с евреями, еще не забывшими вкус свободы, нелегко, и одному из лучших римских полководцев Турбину, посланному в Египет и Киренаику, только после тяжелых битв и потери почти 20 000 своих солдат, удалось подавить восстание. В Месопотамии дело обернулось вообще поражением армии римлян под командованием Максима, он и сам сложил там голову. Квиет, возглавивший другую армию, сумел разгромить ослабленные понесенными потерями еврейские отряды и беспощадно расправиться с уцелевшими, за что и был поставлен Траяном наместником Иудеи. Однако тут же вспыхнувшее восстание в Иудее ему подавить не удалось. Кроме того, в тылу римских войск, находившихся в Парфии, в Междуречье возстал «город Солнца» Харта, населенный хеттами, греками, халдеями и евреями и застроенный храмами их религий. Траян сам подверг его осаде, но мощные городские стены с сорока двумя башнями, а также окружающая безводная пустыня, дикая жара и начавшиеся среди римлян болезни заставили непобедимого Траяна отступить. Он заболел и сам, и оставив Адриану, тогда наместнику Сирии два легиона, отправился в Рим, но вскоре умер в пути.

Немедленно Адриан был провозглашен в Антиохии солдатами императором, а в Риме Плотина, вдова Траяна, давно покровительствовавшая Адриану, сообщила сенату, что муж в ее присутствии назначил его своим наследником, хотя было известно, что Траян отдалил от себя его в последние годы и назначение в Антиохию было тому свидетельством. Известно было также и его расположение в последние годы к ценному им за справедливость и рассудительность Нерацию Приску. Однако оспаривать кандидатуру Адриана никто не решился. Позабывшись прежде всего о положении на границах империи, отводя войска повсюду с беспокойных территорий на надежно защищаемые рубежи, он приехал в Рим, он поблагодарил сенат и народ за свое назначение и, поклявшись свято защищать город и империю, принялся за наведение порядка в центре государства.

На первом месте было выявление заговоров против него, в существовании которых он не сомневался; была организована надлежашая служба сыска, подчиненная новому префекту претория. Сразу после этого было объявлена отмена закона «об оскорбления величия», чтобы языки развязались, а доброхотные доносчики поняли свою государственную необходимость. Не откладывая дело в долгий ящик, он казнил четырех консуляров, лучших полководцев Траяна, не одобрявших отступления с занятых территорий. Они не понимали, что миротворчество Адриана было того же рода, что и Тиберия. Войны требовали подчинения войск наиболее способным полководцам. А это давало им силу для вмешательства в политику и смены, если они захотят, власти. Поэтому и Тиберию, и Адриану нужны были только такие полководцы, которые боялись бы императора и были неспособны к самостоятельным действиям. Намечая очередные ликвидации среди близких к себе людей, Адриан начинал всегда с казни префекта-претория и назначения нового. Он решительно вывел управление империей из-под ведома сената, вознаградив его за утраченную власть выгодными синекурами и почестями, а власть передал имперскому совету, которым управлял сам, назначая

туда людей из всаднического сословия, смышлёных в финансовых делах и лишенных патрицианского честолюбия. Весь подчиняющийся совету аппарат чиновников состоял из назначаемых, как и совет, лиц. Выборные магистраты остались только при обеспечении римлян хлебом и зрелищами, включая сюда и жрецов все новых и новых культов.

Самого Рима он не любил. Украсив его пышными храмами, форумами, помпезными арками, отстроив заново Пантеон и Колизей, почти все свое время проводил в путешествиях по империи, везде воздвигая архитектурные сооружения в эллинистическом стиле, насаждая греческие вкусы и манеры, и греческую речь. Он не только восстановил в Афинах все, что было разрушено суллианскими погромами, но и отстроил город так, что новую часть города стали называть Афинами Адриана в отличие от города Тезея. Он пожелал быть посвященным в элевзинские таинства, принял звание пожизненного архонта города; видимо, Афины полагал он в душе центром своей эллинистической империи. Здесь был им создан Атений, нечто вроде академии для подготовки кадров на высшие управленческие должности с двумя равными отделениями – римским и греческим. И здесь был центр Общеэллинского союза городов, придававший Афинам роль культурно-политического центра империи в отличие от административного центра – Рима. Панэлленион – храм Зевсу всех эллинов воздвигнут был также среди Афин, и статуя Адриана перед ним придавала ему вид соправителя Зевса, эллинистического царя-бога.

Не обошел император своими строительными идеями и другой считавшимся его населением центром мира город – Иерусалим. Очевидно, в 130 году, во время своего пребывания в Сирии он предпринял большие работы по возведению на месте разрушенного Иерусалима римской колонии Элия Капитолина для поселения там солдат ветеранов и сирийских греков. По сути, это место стало еще по распоряжению Тита лагерем X легиона и соответственно распланировано. Крест, образуемый улицами Кардо и Декуманис (сейчас улица Давида) и сейчас делит старый город на четыре части. Но, желая придать

ему облик центра римской провинции Палестины, Адриан приказал воздвигнуть в нем два храма, аналогичных тем, которые воздвигались им в Риме: Юпитеру Капитолийскому на месте разрушенного иудейского храма и богиням Рима древней Венере и новой богине Роме – гению Рима. Слухи о начале работ по реализации этого замысла, вызвали бурю, никак не ожидаемую спровоцировавшим ее Адрианом. В 132 году из крепости Бейтар, расположенной с юго-запада от Иерусалима над долиной реки Сорек, раздался призыв ко всем иудеям, верным Богу и родине, присоединиться к восстанию против власти ненавистных римлян, врагов Божьих. Вождь восстания Симон Бар-Кохба (Сын Звезды) был человеком, обладавшим военным опытом, талантом военачальника и незаурядной физической силой. Среди подготовленных им отрядов повстанцев он пользовался харизматическим авторитетом, а после того, как он разгромил войско наместника Иудеи в Иерусалиме Руфа, и посланного против него Адрианом легата Сирии Марцелла, овладев всей Иудеей, в нем стали видеть Мессию – предсказанного в ТАНАХе Спасителя от Бога. Он не стал противиться этому, полагая, по всей видимости, что это только поможет вящему воодушевлению и сплочению нескольких разьединенных территориально сил. Главный идеолог восстания рав Акива с энтузиазмом поддержал эту демонстрацию своим признанием: «Вот он – Царь-спаситель Машиах!» (Помазанник Божий).

Крайне обеспокоенный поражениями римских войск Адриан, вначале не посчитавший заслуживающим особого внимания бунт в Иудее, срочно вызвал из Британии лучшего полководца империи Юлия Севера, отдав под его командование двенадцать легионов. Что это значит можно понять из того, что у Веспасиана было не более половины этих войск, а вся военная мощь империи Адриана заключалась в тридцати легионах. Прибыв на место Север разместил свою штаб-квартиру в Цезарее, римской столице Иудеи на берегу моря и сразу же приказал флоту очистить все побережье и ликвидировать возможность доставки с моря в страну какой-либо помощи

противнику. Часть войск он отправил на север, чтобы начать постепенное продвижение на юг, тщательно контролируя все возможные скрытые укрепления и уничтожая их. Сам же он со своим штабом занялся изучением карт страны с посылкой конных разведотрядов для уточнения состояния путей будущего наступления.

Когда Юлий Север начал его по широкому фронту, посылая крупные силы по наиболее годным для этого дорогам колоннами, разрезавшими территорию страны на изолированные друг от друга районы для последующей беспощадной очистки их от всех партизанских групп, характер войны резко изменился. В первые годы войны стратегия Бар-Кохбы строилась на том, что, не зная местности, пересеченной паутиной горных хребтов и ущелий, крайне труднопроходимых для тяжеловооруженных легионов и их обозов, римские военачальники направляли свои войска только по главным дорогам к наиболее крупным городам, полагая, что там и концентрируются главные силы повстанцев. Бар-Кохба стягивал свои отряды к медленнодвигающимся колоннам врагов, туда, где дорога проходила в ущелье между горами, к голове и к хвосту растянувшихся на пути римских когорт. А легковооруженных лучников посылал обстреливать находящихся в середине. Сочтя это местом главного удара, римляне спешно посылали с обоих концов помощь атакуемым. Тогда и совершались молниеносные атаки на авангард и арьергард войска.

Римские войска несли катастрофические потери, при незначительных потерях в партизанских отрядах Бар-Кохбы. Преимущества восставших в отличном знании сложного рельефа страны и в партизанской стратегии и тактике свела на нет стратегия Севера. Война превратилась в планомерное уничтожение квадрат за квадратом всех укреплений, баз и живой силы повстанческой армии. Через год все было кончено. Было уничтожено пятьдесят две крепости, около тысячи деревень и 580 тысяч бойцов сопротивления римской оккупации. Север был награжден триумфом. А в залитой кровью Иудее нача-

лась, волей Адриана, первая в истории попытка «окончательного решения еврейского вопроса». Изданные им антиеврейские законы стали абсолютной вершиной жестокости в истории римской юстиции: запрет на все, что имеет отношение к вере евреев, и смерть за всякое нарушение запретов. Ограничение гражданских свобод и налоговое бремя, не применявшиеся ни к одному народу империи.

Утолив свой гнев против злейших врагов Рима, Адриан предавался своим обычным и любимым занятиям: путешествия, сочинение стихов, музицирование, архитектурное творчество, описания своей жизни, подвигов и талантов (передаваемые затем вольноотпущенникам, чтобы они издавали это под своими именами), плотские наслаждения, в которых он редко довольствовался обычными среди людей способами, отдавая предпочтение греческим вкусам к мальчикам и юношам, а особым изыском его вкуса были жены его друзей, забавляясь с которыми он сочетал приятное с полезным – экзаменовал на преданность себе их мужей.

В результате чрезвычайной насыщенности его жизни трудами по управлению империей, по неусыпному контролю за предотвращением измены в огромном государстве, которую он душил раньше, чем она могла родиться, по планированию и руководству строительством храмов, цирков, водопроводов и бань в старых городах и постройке многочисленных новых именуемых Адрианополям, во всех провинциях, сочинением стихов и написанием книг, прославляющих его правление как свершившийся «золотой век», и, наконец, любимой охотой, пирами и мальчиками, он неожиданно заболел на пятьдесят девятом году жизни. Во всей огромной империи не нашлось ни одного врача, способного понять, что у него за болезнь и как ее вылечить. Последними двумя годами своей жизни он воспользовался для того, чтобы успеть отправить в преисподнюю как можно более людей, которых не любил или наоборот слишком любил прежде, одного за другим назначал своим наследником, но всех он после этого начинал ненави-

деть как тех, кто будет наслаждаться властью, когда его будут есть черви, и приказывал казнить. Незадолго перед смертью он казнил Сорвана, мужа своей сестры, за то, что тот дожил до девяноста лет, сохранив здоровье и твердую походку. Наконец, в шестьдесят два года он испустил свой дух, «ненавидимый всеми», по свидетельству его биографа Энния Спартиана.

Адриану принадлежит сомнительная честь быть завершителем разрушения Римской империи. В ряду деспотов, начинавшегося Тиберием, Калигулой и Нероном, продолженного Домицианом, он поставил точку. Несмотря на скромность и умеренность во всем его преемника Антонина Пия, не казнившего за двадцать три года своего правления, по слухам, ни одного человека и отменившего некоторые наиболее жестокие законы Адриана, нравы общества не улучшались и дела в государстве не налаживались. Сенат, чьи полномочия были восстановлены, погряз в коррупции, и сенаторы занимались лишь теми делами, которые были им выгодны. Это загнивание распространялось постепенно повсеместно на весь громадный корпус чиновников государственного аппарата. Непрерывно сокращалось число римлян (граждан империи) желавших работать на своей земле, предпочитая труд купленных рабов или паразитизм в городах за счет государства. Армия, лишенная доходов от грабежей завоеванных земель из-за мирной политики императора, бездельничала, утрачивая дисциплину и боеготовность в лагерях. А ветераны, отслужившие свой четвертьвековой срок и ничего уже не умеющие делать, кроме как воевать, укреплять лагеря и строить дороги и мосты, получив от государства когда-то столь желанную землю, не умели и не хотели работать на ней. Они продавали ее и подавались в города, где, пропив свои деньги, превращались в паразитическую чернь, не нужную ни для чего, кроме голосования при выборах магистратов, по мере того как выборы, заменяемые назначениями, сокращались и превращались в фарс, становясь уже не нужными ни для чего абсолютно. И эта непрерывно растущая масса ненужных людей становилась

главным знаменем ненужности самой деградирующей цивилизации.

Большой любитель философствовать, невозмутимый и кроткий (не душой, а от ума) Марк Аврелий казнил (и с усердием!) только лишь христиан, что вменяла ему в обязанность римская юстиция и традиция, поскольку он считал себя верным римлянином и чтит римские законы. Неся бремя императорской власти, он чувствовал себя обязанным спасти великий Рим от разложения и всемерно улучшать нравы и государство, притом по заветам стоической философии, не прибегая к насилию, ему искренне ненавистному. В итоге его успехи в улучшении мира имели чисто косметический характер, а главный смысл его прихода к власти заключался в том, чтобы не мешать злу римских пороков крушить римский мир. Его мудрость велела ему закрывать глаза на то, что он не мог предотвратить, и в этом он заходил так далеко, что принципиально считал свою жену, дочь Антонина Пия Фаустину Младшую, выше всех подозрений, хотя было широко известно, что она путалась, кроме представителей знати, с гладиаторами, моряками и актерами, превратившись в ошалевшую от беспредельной свободы бесстыжую шлюху. Такая несравненная терпимость дала ему возможность оставить любимому римскому народу в наследство на троне своего (якобы) чудовищного сына Коммода, оставившего о себе память неиссякаемой жаждой кровопролития, распутством и уничтожением всего сената после неудачи заговора его сестры Луциллы, в котором крайне косвенно участвовали несколько сенаторов.

Далее империя перестает уже, по сути, быть римской, поскольку череда «солдатских императоров» тянется до переноса Константином столицы в Византию. Один из них, превосходный рубака, Аврелиан, спустя век после Аврелия отправив римских богов на свалку, установил культ бога Солнца – сирийского Ваала по имени Эль-Габал, уже успевшего приобрести себе популярность во многих легионах, с которыми он крушил царства на Востоке, после того как вернул под власть Рима Египет, Испанию, Галлию и отбросил за Дунай буйные

германские племена. Он уверовал в этого Габала, как в своего личного покровителя, повстречавшись с ним в его храме в Эмессе при походе на Пальмиру, и в 274 году воздвиг в честь его храм на Марсовом поле в Риме, провозгласив его верховным богом империи как «Непобедимого Солнца», учредив в честь его праздник в зимнее солнцестояние, 21 декабря. Себя он тоже провозгласил богом и царем, придав бывшей римской республике образ восточной деспотии. Через год его убили, что в эпоху «солдатских императоров» стало делом заурядным, но «Непобедимое солнце» сияло над Римом еще сорок лет, пока Константин не заменил его государственным псевдохристианством, оставив, правда, «Непобедимого» в личное пользование как своего покровителя. Вскоре Рим превратился в заштатную западную столицу, в 410 году разрушенную и ограбленную готом Аларихом, а в 465-м ликвидированную остготом Одоакром.

Многие черты периода правления Адриана и Антонинов можно без особого труда разглядеть в нашем, ускоряющем свой бег в неведомое, времени. Послевоенный «золотой век» Адриана, длившийся двадцать два года, с его утопиями, архитектурным бумом, религиозным эклектизмом, исключительным по ярости и чудовищной кровожадности взрывом антисемитизма, буйным расцветом бюрократии, внесении методов тоталитаризма в управление и разрастание карательных структур, расширяющимся и углубляющимся проникновением иноземцев из провинций в главные города империи, ускорением процесса образования паразитического класса лишних людей, апатией и исчезновением общественной активности римских граждан, прогрессирующим падением нравственности в обществе – на все это разительно похожа пестрая картина нашего цивилизованного мира.

Достаточно сопоставить небывалый научно-технический триумф нашей эпохи, год за годом выбрасывающей из индустрии все больше и больше ставших ненужными рабочих, с громадными массами рабов, пригнанных под конвоем в империю в результате военных триумфов Траяна, чтобы понять

причину превращения широких масс римских граждан в лиших людей. В обоих случаях заказчиками этих перемен, разрушающих цивилизацию, являются плутократы: владельцы громадных земель в римской империи и рыночная олигархия в нашем «свободном мире». Стоический принцип: бороться со злом не насилием, а лишь добром и убеждением – отлично коррелирует с вытекающей из пресловутых прав человека политкорректностью, эффективней всего проявляющей в реабилитации преступников как жертв тяжелой наследственности, дурного себя воспитания, плохих условий жизни в детстве, последствий перенесенных болезней или полученных травм и т.д. и т.п. Расширение прав человека до освобождения при хорошей адвокатуре от наказания и от всякой ответственности помогают криминализировать современное общество не менее, а более, чем стоическая кротость императоров Антонинов.

Утрата харизмы незыблемым в течение долгих веков принципом получения с небес мандата на царствование наиболее сильными в сем мире и постепенное убеждение, что в земных делах ловчее те, кто богаче, утверждает превосходство злата над булатом и совпадает с аналогичной победой здравого смысла над верой в богов. Закономерным следствием становится обесценивание моральных принципов и процветание моральных компромиссов как более соответствующих земным реалиям. Всемирно признанные «Права человека», которые своей принципиальной неопределенностью (потому что как же можно придать определенность тому, что выводится из еще большей неопределенности, каковым является понятие «человек») заслуживают право называться конституцией компромиссов, что вполне коррелирует с родившимся на рынке понятием «сделка». Явившись на свет из темной утробы масонства, эта конституция идет к лицу цивилизации, ставшей в конце концов рыночной, как яркий макияж к лицу проститутки.

Столь же закономерно и размножение в многоязычном и разномастном населении быстро разросшихся городов разнообразных культур и культов. Возникают новые кварталы, где

селятся по преимуществу горожане, говорящие на языке своих отечеств и строящие там храмы своих родных богов. В крупных полисах распространяются вновь родившиеся верования, являющие собой смесь различных исповеданий. Первенствующее место среди них во времена Адриана и Антонинов заняли Герметизм и Гнозис, которые меняя многократно свои наименования, добрались до нашего времени и сейчас находятся в центре мутного моря нью-эйджа и мирового масонства. Гнозис пришел в довольно общипанном состоянии. От него осталась вера в абсолютное первенство разума, силу которого опирающийся на личный опыт человек может достигнуть самых высших сфер бытия и стать божеством. Герметизму повезло больше, поскольку в нем практически отсутствовало какое-либо религиозно-философское единство (даже в главном претендующем на это трактате герметического корпуса «Пэмандр»), кроме конечной цели – достигнуть посредством магии божественного состояния и вечного блаженства. Зато он был безмерно богат магическими практиками и мистическими тайнами, собранными в кучу из всех концов империи. Египетская алхимия, вавилонская астрология и теургия, еврейская каббала, персидская черно-белая магия возглавляли этот паноптикум верований и суеверий всех ведомых в ту пору народов. И весь этот караван двигался дорогой тысячелетий, обогащаясь новыми оккультными находками на пути (древней магией Индии и Китая, например) и более-менее ловко преодолевая преграды, сооружаемые ему церковью, чтобы теперь, при всяческом благоволении первенствующего среди сильных мира сего масонства, с комфортом устроиться в калифорнийских угодьях обетованной земли нью эйджа. Она избрана величайшим безличным Богом (он же космический разум и энергия) для завершения духовной эволюции тех, кто сумел ощутить в себе Его пронизывающий всю Вселенную Дух, и готов, вступив в эру Водолея (в «нью эйдж»), достичь высшей Самости и стать Человекобогом. Здесь воистину сливаются в конце эволюции блаженные мечты фашизма и либерализма, и наступает вечный золотой век.

Однако вряд ли стоит уповать на его приход наяву. Вероятней всего, это происходит уже сейчас и достаточно часто, когда адепты «нового века» получают «обалденный приход» от соответствующей дозы наркотиков. Нам, простым смертным надо, пожалуй, смириться с менее блаженными и более естественными перспективами. Обеспложивание земли и расчеловечивание человекoв, попавших в челюсти цивилизации банков и божества Рынка, не обещает скорого ее конца. Нескольким поколениям сынов человеческих, видимо, придется еще помучиться в метаниях между страхами и надеждами. Еще не все большие города стали Вавилонами и в дворцовых залах царствующих особ Рынка еще не загорелись слова информационного сообщения «мене, тэкел, фарес». Еще не все, что можно смешать, смешано. И не все, что можно растлить, растлено. Еще есть пажити, недостаточно загаженные «навозными мухами». И народы, не доведенные до отчаянной нищеты.

Но «катит по-прежнему телега» и «время гонит лошадей». И, значит, мало проку в страхе перед грядущими бедствиями и нет смысла в надеждах на запаздывавшее процветание, потому что до нoчлега все равно уже недалеко. Наступление нoчи не Бог весть какая беда, не конец мира. Всего лишь крах очередной мировой цивилизации, отжившей свой век. Это даже меньше, чем для человека уход из этого мира. Но все же тяжелее, чем вынужденная эмиграция из страны, где родился и прожил много лет. И если, предчувствуя ее, люди начинают как-то готовиться к ней, то видимо есть смысл начинать готовиться к переменам, неизбежным при крахе цивилизации, уже сейчас, чтобы суметь подготовить своих сыновей и дочерей. Очевидный смысл такой подготовки – это изменение образа жизни на полярно противоположный тому, к которому готовятся взыскующие эры Водолея.

Именно таковы были процессы, начавшиеся в Римской империи при Адриане: смешение религий с быстрым расцветом оккультных верований, и вслед за этим разрушение порядка, на котором зиждилась античная цивилизация: самоуправле-

ние городов и выборность власти. Он рухнул без сопротивления под сапогом имперской администрации. И вскоре началось движение людей, не смиравшихся с чуждыми для них порядками и покидающих большие города из-за преступлений властей светских и духовных, и разврата общества. Большая часть из них уезжала в провинции подальше от Рима и многие за пределы Италии, в Галлию, Испанию и даже в Британию, где было дешевле купить кусок земли под усадьбу в сельской местности и где уже несколько поколений звучала римская речь. Меньшая, но тоже исчислявшаяся тысячами бежала в безлюдные места в Каппадокии, на Синай или в пустыни Египта и Киренаики, чтобы стать монахами-отшельниками, или основывали монастыри. Ведущей духовной силой стремления уйти из безнадежно развращенного и деспотического мира были христиане, верящие, что свобода дана человеку Богом, чтобы учиться у Него и, научаясь, становиться таким, каким Он задумал его, когда создавал. Жить по Десяти заповедям, объясненным Сыном Божиим, а не по законам кесаря, восхваляемым пошедшей к нему на службу церковью. Подобные стремления проявились в жизнях таких Отцов церкви как Григорий Богослов, Василий Великий, Святой Иероним и Блаженный Августин, за голосом которых последовало множество христиан их времени и последующих веков. Начало подлинного освобождения – это всегда уход из-под власти мира в пустыню, под власть Бога. Началом новой европейской цивилизации было не крещение Хлодвига, а поселение монахов-бенедиктинцев в разных землях, захваченных дикими вестготами, бургундами, франками и англосаксами, продолжение на Западе тех процессов, которые начались в конце дней цивилизации на Востоке.

Этот драгоценный опыт может быть востребован и в наше время. Но для того, чтобы его использовать, необходимо убедиться, что мы действительно находимся в конце пути нашей цивилизации. Ибо для успеха здесь необходим героический энтузиазм, характерный для всех больших поселенческих

движений. Без веры и убеждения вступать на этот путь бессмысленно. Вероятно, наиболее наглядным признаком конца жизни цивилизации после утраты веры, господствовавшей в течение ее истории, *mutalis mutandis*, является крушение порядка, бывшего фундаментом существования этносов в этой цивилизации. Подобно тому, как нормальная жизнедеятельность каждого организма обеспечивается таинственным механизмом гомеостаза, открытого около полтора столетия назад гением Клода Бернара, так же и существование всякой человеческой общности зиждется на порядке, образовавшемся в процессе ее формирования. У человека порядок проявлен в характере, который, будучи в общих чертах унаследованным, далее формируется под влиянием воспитания и условий жизни, вырабатывается волей и разумом. Основные черты четко складываются к концу первой трети жизни, чтобы не меняться уже до конца. Утрата характера, если она происходит, всегда наступает вслед за утратой того, во что человек верил, а за этим следует и крушение жизни. Те же закономерности можно легко проследить и в жизни семьи, и в жизни народа.

Можно ли сейчас констатировать общий кризис основных религий, господствовавших в мире около двух тысяч лет, а также разрушение общественных порядков и национальных характеров? Все существовавшие порядки минувших веков вынуждены были опираться на нравственные основания, продиктованные религиями. Ложь и преступления правящих режимов необходимо облекались в белые религиозные одежды. Но с эпохи Просвещения такая необходимость отпала, и правящие режимы с нарастающей скоростью стали переходить к использованию для декорума требований прогресса, свободы, равенства, братства, национальных интересов и т.п., по обстоятельствам. И если последняя война по якобы религиозным мотивам длилась тридцать лет и унесла около восьми миллионов жизней, то Первая мировая война – без таковых, за четыре года уничтожила десять миллионов только на полях сражений, а Вторая за семь лет – пятьдесят миллионов. Пока

религии были живы, в них постоянно возникали различия в понимании тех или иных истин веры и правил образа жизни. Церковь, заботясь более всего о сохранении своей власти над душами, требовала единоверия и единообразия, объявляя ересью чуть ли не каждое самое малое отличие от ее учения и подвергала еретиков пыткам и казням, утверждая, что этим служит Богу. Но эти различия свидетельствовали о вере и поисках истин. Это была жизнь веры. Когда же вера стала угасать, стали редки и ереси. А место собственно религии стали захватывать политические утопии, требующие кровавых жертв ради грядущего счастья, утопии экономические, обещающие открыть двери в земной рай, и темные оккультные верования, магия и шашни с «духами» с великой целью – стать как боги. Трудно отрицать, что эти новые ценности и порядки явились следствием атеизма, инфильтрация которого в сознание человечества началась с эпохи Просвещения, прославляемой и поныне передовыми либеральными умами.

Сегодня не нужно очень напрягаться, чтобы увидеть, что «новых порядков» в мире уже больше, чем старых. Старые задерживаются только в малопосещаемых туристами районах. И что замечательно в этих новостях, это то, что количество беспорядков на планете колоссально возросло. Одной из самых заметных причин этих беспорядков (хотя и не самой главной) является великое переселение жителей неразвитых стран в развитые – любыми путями, легальными и нелегальными. Очевидно, что человеку, приехавшему в страну с иным языком, иным образом жизни, иным уровнем развития чрезвычайно трудно прижиться в этой совершенно чуждой для него среде. Однако великая масонская идея требует смешения всех народов в единую человеческую массу, и масонскому по преимуществу государству деваться некуда – надо расширять «тот огромный хлев свободы, где живут непринужденно разноцветные народы». Сейчас количество непринужденно проживающих в США цветных американцев приближается к 40%. Больше половины из них не работает, потому что не умеет и

не хочет. По сравнению с условиями жизни на их исторических отечествах они и так живут припеваючи на «вэлфере». Однако для счастливой жизни малограмотных, воспитуемых улицами отнюдь не респектабельных кварталов, и совершенно свободных разноцветных американцев денег все-таки не хватает, ведь алкоголь и марихуана не так уж дешевы. Мелкое воровство, часто переходящее в грабеж, решает эту проблему. И самая демократичная держава мира стала плавно двигаться к лидирующей позиции в мире по уровню преступности. Влияние белого коренного населения на американцев мексиканского, латиноамериканского, афро-азиатского и мусульманского происхождения все-таки как-то сказывается, и 10% из них понемногу ассимилируются в законопослушное общество.

Но нельзя не учитывать весьма заметного обратного влияния. Первый уровень взаимовлияния культур – эстетический, и прежде всего внимание привлекается музыкой. Нью-Орлеан 20-х стал местом, где еврейских лабухов, иммигрантов из Одессы привлекли звуки негритянских песен и примитивных оркестров. В результате сочетания вкусов появился джаз. Его развитие и влияние, шедшее снизу вверх, за десяток лет покорило и Америку, и Европу. Ритмы и аритмия рэг-таймов и блюзов проникала напрямую в нервы белокожих, возбуждая в их телах страстное желание дергаться до самозабвения. Еще через два десятка лет от чарльстона и джимми это превратилось в рок-н-ролл и наконец в тяжелый рок, благодаря добавлению в первоначальную смесь стиля «крутого» кантри. Теперь это приблизилось вплотную к пляскам святого Витта, достигнув, видимо, предела, и охватило всю цивилизованную часть планеты. Дикари, обладая приоритетом в такого рода веселье, влиянию тяжелого рока не поддались. Но в городах стран западной цивилизации, как только загораются в небесах звезды, в дансингах и дискотеках раздается торжествующий рев нью-эйджа. Ритмы рэпа и рока под грохот ударных и вой духовых, усиливаемые в тех же ритмах вспыхивающим и гаснущим светом, начинают раскачивать колоссальные массы

ими опьяненных тел, души которых периодически отлетают в туманы божественного экстаза. И правят этими продолжающимися до предрассветной мглы оргиями неустомимые диск-жокеи, ученики самого Повелителя мух. Это его работа. Из духа этой музыки, в согласии с теорией молодого Ницше, также рождается трагедия – трагедия массового разрушения характеров и вырождения.

Возбуждение инстинктивных эмоций до экстатического предела резко тормозит или даже блокирует деятельность интеллекта и моральные чувства, часто провоцируя взрывы разрушительных эмоций. При частых возбуждениях такого рода возникает связанная с резким упадком сил после стресса потребность в возбуждающих средствах, что естественно приводит к наркотической зависимости и, в конечном счете, к деградации организма. Ему уже ничего не нужно, кроме оргиастического возбуждения и наркотического забвения. Силы разума и совести исчезают, характер истлевает и распадается. Но поскольку клинически и психиатрически такие состояния фиксируются только в конечной стадии развития болезни, человек продолжает считаться полноценным гражданином общества, пока не испустит вдруг дух, как Мэрилин Монро, Майкл Джексон и сотни других менее знаменитых «идолов» Америки и Европы. При этом, конечно, не обращается внимания на то влияние, которое он оказывает на круг своих знакомых или поклонников. Пока он еще пытается выглядеть «в порядке», он шутит и играет роль беззаботного счастливчика, презрительно относящегося к любым идеям и проблемам, а к жизни – как к игре. Искреннее безразличие ко всему, что не входит в узкий круг его жизни, и циничный жеманфишизм*: «Плевать мне на все!» производит сильное впечатление на молодую поросль, жадную на героические роли для подражания. Можно только представить, поскольку статистика отсутствует, сколько скучающих юнцов и девиц находят для себя свой мир там, где грохочет через усилители наркомызыка и

* От «je m'en fiche» – мне наплевать (*фр.*)

царит желанная свобода. И сколько их таких, которым плевать на все, что вне этого мира, готовых без малейших колебаний проголосовать за того, кого назовет добрый человек, который даст им деньги на дозу «дури».

Таковы новые резервы подлинно демократических выборов, благодаря которым создались беспрецедентные возможности выбрать президентом США человека, якобы родившегося на Гавайях, получившего образование в медресе в Индонезии, дружившего в течение двадцати лет, до дня инаугурации, с мусульманским проповедником, люто ненавидящим Америку, и с трудом освоившего (на исходе второго года руководства страной) искусство говорить, не читая текст по бумажке или с экрана. Воистину славные традиции «Тамани Холла» наконец пробились из-под завалов критики к свету и в лучах солнца демократической прессы под золотым дождем родной партии стали приносить пышные плоды. Это было должно произойти. У колыбели США стояли либералы, и наверху кучи вполне естественно суждено было оказаться не «большим батальонам», а большим мешкам с золотом. И президентам, обремененным моральными идеями, вроде Линкольна и Кеннеди, недолго доводилось жить. «Государственно мыслящий верный демократ» Джонсон вынудил-таки из соображений государственной безопасности «морально мыслящего» председателя Верховного Суда Уоррена подписать заключение расследования, утверждающего, что убийцей президента был террорист-одиночка. Слишком много тонн золота пошло на изготовление четырех пуль, избавивших анонимных папаш американского народа от Кеннеди. Та же алхимия, что и столетием ранее с неумным Линкольном. И пусть 75% американских граждан убеждены, что преступления были совершены в результате государственных заговоров. Это делу не помеха. Вряд ли теперь наивные моралисты полезут в Белый Дом. А для утешения граждан воздвигнуты импозантные статуи убиенных.

Что касается разрушение веры в осмысленность и нравственные основы жизни у людей среднего возраста, то здесь,

безусловно, первенствует научно-технический прогресс, поставленный на службу наживе, а не благосостоянию народа. Непрерывный рост автоматизации производства и обновление, и усложнение технологий, опережающие способности среднего человека к переквалификации, обрекает большинство трудящихся на потерю востребованности к сорока годам. Непрерывный и ускоряющийся процесс увеличения массы ненужных людей, ставших таковыми на пике трудоспособного возраста. Осознание ими ситуации, когда их силы, умение и опыт вдруг становятся никому не нужными и для них не остается ничего, кроме самой низкооплачиваемой, случайной и временной работы для обеспечения себя и своей семьи – работы, где с ними конкурируют малограмотные иммигранты, которым из соображения политкорректности оказывается предпочтение, практически уничтожают таких людей как личности, пользующиеся каким-либо уважением в чужих и в собственных глазах.

Это трагедия, которая деморализует своих жертв, может быть названа социальной смертью. Социальная политика, обрекающая массы людей на такое существование, преступна и ведет к гибели нации. Это похоже на реконверсию, проведенную правительством Ельцина в начале 90-х, когда сотни тысяч рабочих, техников и инженеров, занятых на предприятиях ВПК, были выброшены на улицу. Это практически уничтожило квалифицированные кадры промышленных рабочих, как Сталиным и Хрущевым было уничтожено крестьянство. Русский народ перестал быть трудящимся и превратился в промышляющего. И процесс вырождения резко ускорился. Аналогичны и перспективы США, хотя и несколько более отдаленные. Но какие политики думают о том, что будет после них? По количеству занятой рабочей силы сектор обслуживания в Америке давно опережает промышленный сектор. Но и он неизбежно сокращается по снижению количества потребителей услуг. И если учесть, что в этом секторе количество белых уступает цветным, то получается, что, кроме молодежи, на выпадение

из своих социальных кругов в связи с новыми порядками, обречены, в основном, белые. То есть те, на характере которых формировалось и держалось около трехсот лет американское общество. Можно ли, с учетом упомянутых новостей в жизни Америки, считать факт, что около половины ее граждан при опросах продолжают поддерживать реноме президента Обамы после трех с половиной лет его кривляния на политической арене, недостаточно убедительным свидетельством тяжелого кризиса американского общества с точки зрения веры, характера и порядка? Считать, что неспособность республиканской партии выдвинуть и поддержать в качестве своего лидера человека более достойного, чем губернатор Массачусетса, это значит признавать, что кризис охватывает все общество, а не только его псевдодемократическую половину? Представляется все же, что можно с известной долей уверенности констатировать наличие такого кризиса. И потому, что никакой человек, пришедший в Белый дом, не в состоянии, кем бы он ни был, остановить эти разрушительные процессы и круто изменить курс корабля, следует признать, что под масонским флагом самая могущественная в мире держава твердо легла на курс к своему грядущему краху. Разумеется Америка – не весь мир. Но если взять только наиболее развитые страны, то нетрудно разглядеть в них те же процессы, с непринципиальными вариациями.

Реки текут в море сверху вниз, но деревья, пьющие их воду, тянутся вверх

Если принять во внимание крайнее духовное опустошение цивилизации, которая еще полтора века назад в большинстве входящих в нее государств именовалась христианской (что было по сути ханжеским лицемерием), и предполагаемые в данном очерке сроки существования мировых цивилизаций, то совершенно очевидно, что дело идет к концу. Военное, экономическое и научно-техническое могущество западного мира сегодняшнего дня никоим образом не свидетельствует о его

грядущем долгожительстве. Древний Рим достиг высшей точки своего могущества при императоре Траяне, а ровно через три века был обращен в развалины полчищами Алариха. Вряд ли перспективы нынешних «римлян» предпочтительны.

Чрезвычайно ценно мнение по этому вопросу одного из самых крупных по своей колоссальной эрудиции и глубине мысли английского культуролога и историка минувшего века, Кристофера Доусона. Он прожил долгую жизнь, посвященную постижению всей мировой истории во всех основных ее аспектах: религиозном, культурном, экономическом и политическом. И вот, что он сказал о нашем нынешнем мире более сорока лет назад:

«Мы стоим перед лицом острейшего духовного конфликта, родом социальной шизофрении, раздирающей душу общества между аморальной волей к власти, на службу которой поставлены бесчеловечные техники, и религиозной верой, и моральным идеализмом, которые не обладают властью влиять на человеческую жизнь... Новая научная культура лишена всякого позитивного духовного содержания. Она представляет собой огромный комплекс технических приемов и областей специализации без направляющего духа, без объединяющей духовной цели... Культура этого рода вовсе не является культурой в традиционном смысле, то есть она не является порядком, который включает в себя каждую сторону человеческой жизни в живой духовной общности. Она даже может стать врагом самой человеческой жизни, а победа технократии — означать разрушение человечности, поскольку невозможно игнорировать тот путь, по которому самые последние победы прикладной наук были обращены на разрушительные цели. События последних пяти лет предвещают или конец человеческой истории, или поворотную точку в ней».

И далее: «Восстановление морального контроля и возвращение к духовному порядку стали ныне необходимым условием выживания человека. Но их можно достичь лишь благодаря глубокому изменению в духе современной цивилизации».

Надежда на возможность глубоких изменений в духе цивилизации свидетельствует о благородстве души великого ученого. Однако прошедшие с той поры, как он высказал ее, сорок с лишним лет ни только не оправдали этой надежды, но присовокупили немало новых аргументов в пользу ее окончательных похорон. Да и на кого можно было бы возложить Сизифов труд по ее реализации? На тех, кому близки мысли и надежды Кристофера Доусона? Но это не политики, не денежные мешки, не полководцы. А мир верит только большим деньгам, большим батальонам, и большим обещаниям.

Глубокие духовные изменения могут происходить только в душах людей. Людей молодых, ищущих цель и смысл жизни, и людей уже поживших достаточно, чтобы утратить их и желающих обрести новый смысл и новые цели. Кроме искренних слуг Божьих Его Церкви и подвижников светского Апостолата на ниве благовестия трудится не так уж мало духовно одаренных людей и творческой интеллигенции. Это главные силы, противостоящие мировому царству лжи и разрушению человеческих душ.

Что же касается проблемы ухода из безнадежно развращенного мира Маммоны, надо заметить, что он уже происходит, еще незаметно, если не присматриваться к этому как к определенному социальному движению. Просто люди, которым не удалось устроиться в больших городах, или надоело почему-либо в них жить, уезжают подальше от их шума, равнодушия и непрерывного однообразного карнавала для тех, кому повезло под вывеской праздника для всех, и устраиваются в тихих немногочисленных городках или невдалеке от них, в зависимости от своего характера.

На самом деле по таким причинам расстается с блеском цивилизации хоть и немалая, но лишь часть людей, покидающих города. Многие уезжают, чтобы отдалить своих детей от становящейся все более опасной атмосферы общественных школ, где из соображений политкорректности дети из культурных семей смешиваются с лишенными культуры со всеми

последствиями такого метода «плавильного котла». В результате растет агрессивность в отношениях и распространяется сексуальная распушенность. Беременность четырнадцатилетних перестала быть редкостью. И то, что преподавателям наиболее продвинутых с точки зрения политкорректности школ приходится брать с собой на работу пистолеты – это тоже уже стало нормой. С точки зрения качества получаемых в условиях равенства знаний, то оно на уровне наименее успешных школ в мире. Обучение же детей в частных школах половине населения просто не по карману.

Что касается судьбы молодых людей, окончивших школы, но не имеющих средств для дальнейшей учебы, а также большого количества тех, кто получил дипломы в высших учебных заведениях и не нашел применения своим знаниям, то они оказываются перед практически безнадежной перспективой получить когда-нибудь работу, дающую им средства, достаточные для существования, и не унижающую их человеческое достоинство. Еще более трагична ситуация квалифицированного рабочего или специалиста, выброшенного из производства в связи с сокращением из-за усовершенствования технологии. Если он обладает мужеством и достоинством, то часто предпочитает купить участок земли в глубинке, где цены более доступны, и заняться тяжелым, но благородным трудом: возделывать землю (что заповедано Богом) нежели влачить жалкое существование в городе, ставшем для него чужбиной.

Есть и еще одна не столь многочисленная, но наиболее значительная группа людей, выходящих из мира цивилизации. Это люди, ищущие Бога, Его истину и Его волю. Подобно отшельникам, уходившим из церкви, начавшей служить Богу и Кесарю, в пустыню. Они понимали, что всякое мирское царство есть ложь (ибо начало всякого зла – ложь). Истина же – это Бог. Нельзя служить истине и лжи, как нельзя познавать добро и зло (ибо познаешь то, во чтоходишь). Как входя во зло, предаешь добро, так и служа лжи, предаешь истину. Так, поверив отцу лжи, предали мы Бога. Еще до «святого и рав-

ноапостольного» Константина множество христиан уже служило Диоклетиану. Из века в век мы служим лжи на разные лады. А перед концом мировой или этнической цивилизации ложь обнажается перед всем миром и правит свой бал. Поэтому исход из мира ищущих Истину закономерен. Они находят Её там, где загорается перед ними неопалимая купина, у Синайских высот во всех концах земли, и когда приходит время обращения к Богу новых народов, отправляются проповедовать им, как бенедиктинцы в Европе.

Уход в пустыню ради Бога – это всегда ответ на зов Бога, прозвучавший в душе, зов из глубины сердца, к которому прикоснулся Бог. И всегда приводит к встрече с Богом. Там, в тишине Слово – Дух Божий входит в душу призванного и ведет его к тем, кто ушел из мира, чтобы освободиться от его власти. Ушедший, ради свободы, не ведает, что идет туда, где ждет встреча с тем, кто позовет его к столу Господню. Так при наступлении жатвы начинается отсев зерен от плевел. И поэтому поселенчество, возникая и происходя по, казалось бы, совершенно очевидным и понятным причинам, в последние времена цивилизаций становится не вызывающими никакого интереса у мирского сообщества провинциальными событиями, за внешней видимостью которых происходит главнейшее из всего происходящего здесь – Божье Дело на земле.

Все непрерывно меняется в процессе существования, и мы, и мир. Но изменить так, как нам хотелось бы, ни себя, ни мир мы не можем. Так, понемножку – куда ни шло, но чаще в худшую, нежели в лучшую сторону. В совершенном согласии с выдающимся деятелем русской истории, хотим как лучше, а получается, как всегда. Мы не можем постичь умом ни себя, ни других. Сам не знаешь наверняка, что выкинешь завтра. А чужая душа – уж само собой потемки. Сказано, что не может знать человек ни худшего своего дела, ни лучшего. Все относительно в этом временном мире, но есть все-таки и чудеса, над которыми время и относительность не властны. И самое важное из них для нас то, что в сердце каждого из нас скрыта возможность услышать зов Бога. То, что всем нам дает имя

человека, наша сущность, скрыто в неисчерпаемой для нас глубине нашего сердца. Это изначально, до рождения на свет запечатленный образ Божий. Он неприкасаем ни для кого, кроме самого Бога. Он – наша вечная жизнь. Но здесь, в оскверненном нами мире временной жизни, в неведение Бога мы можем только смутно ощущать его присутствие – порою как трепет сердца о чем-то то ли радостном, то ли печальном, чего мы понять по большей части не способны из-за суеты, царящей в наших сердцах. Но когда мы, измученные своими грехами и тщетными поисками смысла жизни в нашем грешном мире, начинаем тосковать о какой-то другой, неведомо где существующей благородной жизни, о ком-то мудром, способном понять хаос нашей души и помочь выйти из него, при всей кажущейся бессмысленности таких мечтаний они все же свидетельствуют, что мы не безнадежно плохи. Тогда, в один ничем не примечательный день может прозвучать неожиданно для человека из той сокровенной глубины его души Голос, зовущий его, голос Бога.

Если Он Всемогущий сотворил нас праведными, в наших ли силах испортить сотворенное Им так, чтобы оно стало несправимо? Не Он ли сказал: «Грехи твои не превзойдут милости Моей»? Вера, которую Он дает нам, неоспоримая свидетельница, что всех нас Он приведет к Себе. Когда? Это, по словам евангелиста Марка, неведомо и ангелам небесным.

1.08.2011

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ХАЛИФАТА

На краю...

Нет ничего удивительного в том, что чувство сродни упоению может охватить душу странника, когда к концу долгого и утомительного пути по крутым склонам он окажется в месте, откуда хорошо смотрится оставленное позади.

Если по лицу самой великой по своей территории державы мира (чего ей удалось достичь, по подсчетам Фритьофа Нансена, путем систематических с XVI по XX век захватов чужих земель со средней скоростью – одно королевство Норвегия раз в семь лет) провести прямую линию от Соловецких островов до бывшего Аральского моря, а оттуда – до Сахалина, то вся территория на север и восток от неё имела в середине XX века полное и неоспоримое право именоваться Лагерным континентом.

Редкими островками на этом огромном, перечерченном во всех направлениях проволочными заграждениями «великихстроек коммунизма» пространстве были города с вольным населением. Название, конечно, несообразное применительно к обывателям советской империи, но надо было как-то различать людей, живших по разную сторону проволоки, и обитатели Континента называли островитян «вольными». Было это, естественно, анахронизмом, но народу не прикажешь, как ему пользоваться своим языком.

Восточная часть Континента от хребта Черского до Тихого океана, входившая тогда в «область, подчиненную Хабаровскому крайисполкому», как значилось на картах, на самом деле находилась всецело в подчинении Главка МВД СССР «Дальстрой», занимавшегося на её необъятных просторах от верховий Колымы на юге до северной Чукотки добычей цветных, ценных и радиоактивных металлов. Работы, точно также, как двадцать пять веков веков назад в Лаврийских рудниках Эллады, производились рабами, для чего при «Дальстрое»

был создан «Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь». Его Управление (УСВИТЛ) размещалось под одной крышей со своим работодателем в здании, высившемся серой громадой среди моря двухэтажных домиков и бараков в центре Магадана, на перекрестке проспекта Ленина (он же Колымское шоссе) и улицы Сталина. Это был пуп колымской земли, тень Кремля, отброшенная на самый дальний край построенного им нового мира. Верная тень, отразившая его старательно закрашиваемую «нежным цветом» суть несравненно точнее, чем это можно было увидеть вблизи не имеющему опыта жизни в резко континентальном климате наблюдателю.

Среди «хозяев» усвитлаговских лагерей, всех этих майоров и полковников, упакованных в романовские полушубки, унты и пыжиковые шапки, и до бровей, заправленных спиртом, в ходу была лагерная поговорка: «Здесь закон – тайга, прокурор – медведь, отсюда до советской власти – десять тысяч километров». Только звучала она не по-лагерному, а весело и нагло, и не потому, что они были такими лихими молодцами, что и советской власти не боялись, а потому, что понимали колымские «хозяева», что они-то и есть настоящая советская власть, которой здесь не к чему «понт отбивать» – разводить «представительные органы народного самоуправления, составляющие политическую основу СССР». Там, где основное население – те, кто вне закона, никакой другой власти, кроме карательной, не требуется. Где нет посторонних глаз, можно гулять и нагишом, не стыдясь своего срама, как на даче. Здесь Советская власть была сама собой, и это ей было дозволено высшей властью, выше которой нет и не бывало на земле.

Когда ленинская партия большевиков, постепенно матерясь в своем социальном творчестве от ЧК, РВС и Продармии до ОГПУ, СЛОНа и колхозов, стала сталинской, она забрюхатела своим главным детищем. 7.04.1930 из лона её Политбюро появилось постановление об организации ГУЛАГа.

Для решения главной, поставленной Лениным задачи – победы мировой социалистической революции необходимо было создать монолитное, как бетон, общество и мощнейшую

в мире армию. Вопрос, как всегда, упирался в деньги и кадры. Катастрофически не хватало денег для закупки у капиталистов техники, необходимой для создания промышленности, способной произвести достаточно оружия, чтоб уничтожить капиталистов. Катастрофически не хватало рабочих рук, чтобы построить полторы тысячи запланированных на первую пятилетку промышленных объектов. Восемьдесят процентов населения страны сидело на своих десятинах и думало только о том, чтобы побольше с них собрать и повыгодней продать излишки на городских рынках. Оно не хотело торжества мировой революции и ему не нужны были самолеты, танки и пушки. Оно хотело только, чтобы в продаже было достаточно теса да гвоздей, ситца и сатина. Эту дремучую привязанность к своему куску земли, эту первобытную жажду сытости и покоя невозможно было победить никакой агитацией, и великая ленинская идея осталась бы не воплощенной в жизнь, если бы не мощный Сталин. Он один из тех, кто учился непосредственно у Ленина, смог постичь во всей её гениальной простоте живую сущность марксизма.

Сколько преданных «рабочему делу» большевиков разбивали себе головы о пузатые тома «Капитала» в тщетной надежде стать настоящими марксистами посредством глубокого изучения первоисточников?! Эти несчастные не могли допустить мысли, что как бы верно они не следовали за извилинами ходами мысли основоположника, это нисколько не приблизило бы их к цели, потому что она уже давно достигнута ими. Марксизм был у них в крови, в растворенной в ней классовой ненависти, на кончике носа – в их классовом чутье, а не в мозгу, где ему быть вообще не обязательно.

Сущность марксизма на самом деле проста и доходчива. Это – руководство к действию. Когда густобородые и, невзирая на молодость лет, мудрые отцы-основатели сочиняли символ веры для новорожденного «Союза коммунистов», их вещи очи ещё не прозревали во тьме капиталистического производства алхимической тайны возникновения прибавочной

стоимости, что нисколько не мешало им быть уже самыми великими марксистами в мире. В сочиненном ими «Манифесте» сущность марксизма была явлена пролетариату и миру в полный рост, отсутствие ещё не написанного «Капитала» не умаляло её грозного величия. Она заключалась в благовествовании революционного насилия пролетариата, избранного Богом, классовой борьбы для спасения человечества от власти зла, которое есть капитализм. И от дней откровения Карла Маркса до пришествия царства коммунизма революционное насилие – единая всеисцеляющая и единоспасающая от всякого зла сила, а истинный марксист – тот, кто любые трудности и козни бесов капитализма побеждает с помощью благой силы.

Сталин был истинный марксист. И по семинарской подготовленности к пониманию высшей ценности страха человеческого перед сверхчеловеческим величием и по всецело властвующему над его сознанием влечением к насилию. Вынырнув из-за спины Ленина, он по праву занял центральное место в кругу главных марксистов, потому что его голова не была засорена марксистской схоластикой. И он пошел вперед от победы к победе, ни на шаг не уклоняясь от генеральной линии революционного насилия и ликвидируя всех уклоняющихся. Ценою всего лишь нескольких миллионов жизней он раскрестянил многомиллионную крестьянскую страну и, разрушив покрывавшие всю страну деревни – гнездовища частнособственнической заразы, создал новую атмосферу жизни в государстве рабочих и крестьян, атмосферу страха и голода, без которой было бы невозможно мобилизовать массы на строительство социализма. Как говорил один из его верных последователей, что не помешало ему оказаться в свое время расстрелянным: «Надо, чтобы человек почувствовал, что он находится в тюрьме».

Дальнейшее внедрение этого творческого принципа для преодоления идеологических шатаний затронутой разложением интеллигенции и уклонов нестойкой касты стареющих большевиков, а также при ликвидации заговоров разложившейся партийной и армейской верхушки позволило завершить

первую очередь строительства социализма. Образовывавшиеся по ходу дела социальные отходы были успешно утилизированы в условиях, где нецелесообразно использовать неохраняемый контингент, как-то: горнодобывающая промышленность, лесоразработки, дорожное строительство и разная прочая «химия».

Только марксизм, развившийся до своей высшей стадии – ленинизма, открывал возможность такого глубокого и ясного видения диалектических противоречий общественного развития, и только в сталинской школе ленинизма были разработаны эффективные методы преодоления этих противоречий.

К примеру, если в центральных районах страны растет количество людей, создающих своим существованием проблемы для строительства социализма, а на её окраинах обнаруживаются полезные ископаемые, необходимые для этого строительства, то достаточно их соединить – и две важнейшие проблемы будут решены разом. Ненужные и вредные люди поедут в Норильск, Джезказган, на Колыму, добудут там из-под земли полезные ископаемые, а нужное сырье поступит на промышленные предприятия страны. Так в принципе была призвана работать вся исправительно-трудовая система. Голод и страх заставлял выбракованных из советского общества заниматься общественно-полезным трудом там, куда их посылали, а труд в сочетании с голодом и страхом снимали проблему окончательно. Метод отстрела зайцев попарно, на пару по выстрелу, лежал в основе сталинской редакции закона отрицания. Это был подлинный и невиданный по размаху триумф диалектики.

Но не одно только построение Нового мира было задачей, поставленной вождем перед партией и народом. Не менее важно было создать Нового человека. Вождь хорошо понимал, что советский человек, с которым ему приходится иметь дело – всего лишь сырьё, и очень высокого качества, для сотворения нового вида – человека коммунистического общества, не могущего и помышлять о независимости своих интересов от государственных. Объяснение того, как отмирает государство путем вставания во все поры общества и поглощения его таким

образом, было найдено ещё Лениным, и поэтому он неустанно наставлял соратников, что «основы коммунистического порядка» надо вколачивать, вколачивать и вколачивать в не очень трезвую голову призванного спасти человечество пролетариата.

Вколотить так, чтобы эти «правила коммунистического общежития» стали привычны до автоматизма, – задача архиважная, но и архитрудная, требующая усилий чрезвычайных. И поэтому Вождь возложил её в первую очередь, опять-таки, на «плечи передового отряда партии», на рыцарский полк чекистов. Он сам, будучи главой партии, советского народа и всего передового человечества, считал необходимым быть в тоже время вождем и своих славных «преображенцев», его самых главных помощников в деле преобразования мира и человека. Повсюду, где возникали трудности, во все без исключения звенья государственного аппарата партия направляла для руководства своих лучших сынов, большевиков сталинской выплавки, испытанных и закаленных на работе в ЧК. Задание разработать методику переработки человеческих масс с низким содержанием в сознании элемента государственности в спаянную железной дисциплиной трудовую армию строителей коммунизма – было заданием поистине чрезвычайной важности. В распоряжение «органов» был передан наиболее соответствующий поставленной задаче участок только ещё создававшегося Континента и практически неограниченное количество антиобщественных элементов, прошедших предварительную обработку в следственных тюрьмах, и получивших в суде путевку туда, где восходит солнце, в надежно укрытый от посторонних глаз полигон для построения экспериментальной модели нового мира и выведения вида нового человека.

На пространстве Лагерного Континента было уже немало зон, где условия во многом подходили для этой цели, но по своей величине, удаленности и изолированности Колымский край не имел себе равных. Будучи с трех сторон, омываем холодными морями, с четвертой он был огражден горной страной, образованной хребтами Черского и Верхоянским, которая

простиралась почти на две тысячи верст с северо-запада на юго-восток и на полтысячи в поперечнике. Через её бесчисленные ледники и пропасти не только беглому эску, но и росомaxe не пробраться. Велика каторжная Русь, и откуда только не бежали варнацкие её обитатели?! Бежали «по диким степям Забайкалья», «по тундре, по широкой равнине», с Соловков и Сахалина. С Колымы не бежали и песен о том не пели. А если кто и бежал, то только на тот свет.

Такая совершенная отрезанность Колымы от остальной страны способствовала возникновению у новоприбывших ощущения, что они попали на какой-то иной свет. Ещё во время этапа из Магадана по трассе, ведущей вглубь «чуждой планеты», с высокого Колымского хребта их взорам открывалась картина бескрайнего, куда ни глянь, моря серых сопот под тусклыми безжизненными небесами, и острое чувство безвозвратности стискивало их души. Казалось, что одна неподвижная, как могильная плита, вечность спит на этих мертвых вершинах.

Безвозвратность – очень трудное слово для живого человека. Гораздо труднее, чем «голод», «лютый мороз», «непосильный труд», «цинга». От каждого лиха есть надежда на спасение, если не для всех, так для кого-то, если не в скором времени, то погодя. А безвозвратность – как братская могила, на всех и навсегда. В единственной приобретенной известности песне, сложенной заключенными на Колыме, есть слова, очень точно передающие неотвязный, как цинга в крови, привкус колымского мироощущения: «Сойдешь поневоле с ума, отсюда возврата уж нету». Бывало, что и сходили, но по большей части тянули свои безвозвратные сроки, ясно представляя себе перспективы, намеченные для них властью. Но вот идеей величия мудрого государства, железной рукой ведущего народ к какой-то недоступной пониманию большинства и всё оправдывающей цели, не проникались.

Оказалось, что педагогическая роль страха резко снижается, когда большие массы людей лишаются всего, что обычно дорого человеку, кроме голого факта жизни, часто на

границ анабиоза. И робкая активность завербованных операми стукачей на фоне угрюмой покорности судьбе молчаливого большинства не давала возможности говорить о каком-либо успехе социальной инженерии ЦК и НКВД.

Однако одержимость идеей революционной перестройки мира и истовая вера в не исчерпавшие себя чудотворные возможности насилия ещё сохраняли вполне свою власть над крошечным сознанием ленинской гвардии, дрожащей от страха быть заподозренной Хозяином в недостаточной преданности исходящему от него духу ленинизма. Этот страх просачивался сквозь кремлёвские стены и усиливал мелкую дрожь, непрестанно бившую население страны-победительницы в мировой войне, потерпевшей фатальное поражение в своей «личной жизни».

Тридцать лет небывалого по масштабу и продолжительности процесса истребления людей в войнах и репрессиях обрекли два поколения его вольных и невольных участников на безысходное невротическое состояние и постоянную потребность освобождаться от власти пережитого и происходящего с помощью алкоголя. Фашистский рай предполагал безграничную и всеобщую преданность великому фюреру, и на бесконечных и всевозможных собраниях по всей стране непрестанно истерически клялись в ней, заглушая свой страх, друг за другом энтузиастки и энтузиасты служения Родине и любимому Вождю. Но ему-то было доподлинно известно, что рай возможен только если под ним существует ад. Верить в чью-либо преданность ему не разрешали жизненный опыт провокатора и убеждения фашиста, исключая такие химеры как любовь, преданность, совесть и человеческое достоинство. Он оказывал ограниченное доверие тому, кто ему служил, но только до той поры, пока тот был надежным исполнителем его воли и его тенью. Однако воля его нередко бывала такова, что за исполнение её надо было расстреливать, и он периодически расстреливал своих исполнительных опричников, когда интуиция подсказывала ему, что пора. Это укрепляло дисциплину. В идеале каждый, от члена ЦК до члена

профсоюза, должен чувствовать, что ходит над бездной. Один предательский шаг, одно неверное слово – и земля под ним разверзнется, и он канет во тьму ГУЛАГа. Поэтому Вождь, сам постоянно дрожа от страха перед заговорами предателей и диверсиями врагов, неустанно крепил свою державу неусыпным попечением о процветании её преисподней. Его марксистская убеждённость в величайшей творческой роли насилия в истории удивительным образом соединялась с его верой в таинственную нерасторжимую связь между кульминацией мировой истории на гребне грядущей Революции и его личной судьбой. А события его жизни, его великой борьбы неуклонно и недвусмысленно подтверждали это. Это было настоящим чудом, он носил его в себе, и оно придавало его вере твёрдость заколдованной стали.

Каждый раз, когда борьба с очередным заговором изменников и врагов достигала смертельного накала, он вынужден был бороться на пределе сил, чтобы в одиночку (подручные не в счет: дурачье и трусы, не на кого положиться) противостоять коварным, хитрым, многочисленным и связанным с вражеским окружением подлецам. Он не спал ночами, переутомленный, больной, чувствующий себя самым несчастным человеком на свете: раскалывалась от боли голова, болели все кости, изнуряли до полного бессилия чудовищные поносы – следствие «неудавшейся попытки отравить» его. Напряжение не оставляло его, лишая сна, до решительного перелома в схватке с врагами. Он боялся собственной тени, как однажды, неожиданно для самого себя, признался Жукову, с удивлением разглядывавшему оконные стекла его автомобиля толщиной в кирпич. Но он всё выдерживал и всегда побеждал. И вот, когда эти «верные ленинцы», эти холеные «марксисты» отправлялись под конвоем в подвал и, визжа от страха, прощались со своей подлой жизнью, вот тогда он чувствовал, как силы возвращаются к нему, восстанавливается сон и отступают болезни. Тогда можно было позволить себе съездить на отдых, побыть на природе, попить хорошего вина, почитать, выспаться, чтобы вернуться на работу со свежими силами.

Всем своим существом он ощущал эту потенциальную зависимость: чем больше врагов будет истреблено и брошено в преисподнюю ГУЛАГа, тем надежней будет защищено то, что завоёвано, тем победоносней будет дальнейшее продвижение вперед, тем крепче будет его здоровье.

Однако всяким, и даже исполинским, силам есть предел. После того как ему пришлось четыре года тащить на собственных плечах бремя тяжелейшей войны, он стал ощутимо дряхлеть. Не мог даже на самой смирной лошади держаться в седле, чтобы принять Парад Победы как Верховный Главнокомандующий и Творец Побед. А напряжение великой борьбы ни только не спадало, а даже наоборот, возрастало. Из-за предательства подлеца Гитлера пришлось помогать заклятым врагам вместо того, чтобы с его помощью закопать их. В результате они стали сильнее, чем прежде, и наглее. Их агентура размножается, как клопы. Особенно среди этого подлого племени, всегда ищущего, кому повыгоднее продаться. Ненамного лучше и народные демократы, все эти чехи, венгры, ляхи. Готовы лизать зад Америке за свиную тушенку. Среди своих, даже самых ближних, изменой разит, как мочой. У Лаврентия глаза стали совсем лживые, как у нашкодившего кота... Маланья, баба толстозадая, загубил всю нашу внешнюю политику... Не справился, или были другие причины? Ни на кого нельзя положиться. Всё приходится делать самому, всю жизнь.

Год за годом снижалась работоспособность. Он уже не мог, как прежде, работать ночь напролёт. Не было полноценного сна днём. Не хватало сил для работы с людьми. Угнетало, что уже не может держать под контролем всё, что поручает исполнить, всех, кому дал задание. Тревожило и мучило, что кто-то, возможно, заметил, особенно из старых кадров, что он уже не способен держать в поле зрения всё и всех, и пользуется этим. Это уже опасно. Надо менять, давно пора.

И всё же работа всё время продолжалась в его мозгу. С неукротимым упорством преодолевая склеротическую рассеянность и забывчивость, вновь и вновь он возвращался мыслью

к главному. Он верил в своё предназначение и должен был переделать этот мир, чёрт бы его побрал! Только б хватило здоровья, задержать, вернуть покидающие его силы.

От врачей не было никакой пользы. Они только осматривали его и бубнили диагнозы: атеросклероз, миодистрофия, хроническая дизентерия, грипп, фарингит, хронический гепатит – всё одно и то же. Они предписывали ему диету и покой. С таким же успехом они могли бы предписать ему пасти овец где-нибудь на альпийских лугах в Швейцарии. О каком покое могла быть речь. Его лагерь, лагерь мира и социализма со всех сторон окружен базами, над которыми постоянно кружатся американские «летающие крепости» с грузом атомных бомб на борту, нацеленные на уничтожение армии, оборонной промышленности, столицы, его самого! Страна наводнена предателями и вражеской агентурой, днём и ночью ищущей щели в системе его охраны. Доверять никому нельзя. Сколько раз его пытались отравить, застрелить. Его организм изнемогает от всего этого. Бывают дни, когда он каждые полчаса должен бегать в сортир. Бывают ночи, когда он места не может найти на подушке для раскалывающейся от боли головы. Такие утра, когда больно открыть глаза, а горло полно желчи и соплей. Простуды, поносы, рвоты, головные боли и боли во всех мышцах и костях терзали его то по очереди, то все разом вместе. И от этих мерзавцев профессоров и академиков – никакой помощи! Покой! Только враг может говорить о покое. Чтобы он расслабился и обмяк, и выпустил из рук кнут и вожжи. Только об этом и мечтают все его враги.

Но он не поддавался, и боролся, и побеждал. С холодной яростью подписывал он постановления о репрессиях против банд убийц и целых народов, против националистов и космополитов, против заговорщиков, шпионов, вредителей, расхитителей и головотяпов. И понемногу становилось легче дышать. Враги отступали. Мысли вновь становилось ясными и прозорливыми, появлялся аппетит, и он с удовольствием и много ел, и пил: мясо, фрукты, коньяк и шампанское. Диета!

Ослабленный организм требовал хорошего подкрепления. Чтобы хорошо работать, надо хорошо есть. Выбрав денёк по-лучше, он собирал у себя на ужин своё Политбюро. Тамада он был – хоть куда и за его столом все дружно пили и жрали. Он опять держал их всех в поле зрения, и они видели, что он – такой же, как прежде, и сидели вокруг него, как собаки перед Хозяином, поджав хвосты и высунув языки. В такие часы, он пребывал в отличном расположении духа, много шутил и пил, ещё более заставлял пить и подшучивал над гостями, умело помогая им сболтнуть то, что они старались по-крепче держать за зубами.

У товарища Сталина не было таких форм общения с людьми, которые не были бы в той или иной форме допросами. Наиболее интересующие его вопросы он задавал в ту пору, когда застолье достигало апогея, вопрос всегда был как бы шуткой, слегка, но чувствительно задевающей самолюбие собеседника, и не был рассчитан на прямой ответ. Выражение лица и тон его ответа часто больше говорил Хозяину, чем слова, не без усилий выговариваемые коснеющим языком. Проведя всю ночь в веселой беседе с хорошо поддавшими под его мудрым руководством соратниками в борьбе за дело Ленина-Сталина, он милостиво отпускал их под утро, и когда они расползались на карачках по своим автомобилям, поддерживаемые охранниками, он твердо знал, что дисциплина восстановлена и все они – у него в руке.

Но такие светлые дни случались всё реже и реже. Враги постепенно опять сжимали кольцо вокруг него и наступали дни, большую часть которых он вынужден был отдавать сопротивлению внутренним врагам, будучи почти не способен думать о главном. Но сколько мог, он думал. Генеральный план был в принципе уже выработан, но следовало очень тщательно продумывать все детали. Любая проваленная операция могла загубить всё дело.

Ещё три-четыре года и организованное им Движение сторонников мира должно размыть оборонительные сооружения, возведенные «поджигателями войны», после того как он

включил Восточную Европу в лагерь мира и социализма. На очередных выборах в Западной Европе должны победить сторонники разоружения и социальных реформ; окруженные протестующими массами базы НАТО будут свернуты или парализованы политическими решениями парламентов, в которых уже сегодня пацифисты составляют большинство. Это большое и исключительно важное дело нужно продолжать с ещё большим размахом. Не жалеть сил и средств на привлечение всё большего числа всяких берналов и жолио-юри, запрячь Церковь, пришпорить всех этих эренбургов и тихоновых. Мысль о том, что мир может быть сохранён лишь в том случае, если народы мира возьмут дело мира в свои руки, должна быть как можно глубже внедрена в массовое сознание населения Западной Европы. Образ Советского Союза – освободителя народов и оплота мира – должен всячески укрепляться в нём. Надо сказать Вышинскому: отвечает головой.

Но он быстро уставал, подступала дурнота, подташнивало, мысли путались. Одна, как навязчивая муха кружилась в голове... там, где чаще всего возникала то острая, то ноющая боль... мысль, что упущено что-то очень важное... будто враждебная агентура проникла уже в его мозг и крадет у него самое важное. ...Василевскому ... главное – не результат, главное вовлечь постепенно основные силы китайцев, чтоб Америка глубоко и надолго завязла в этой каше... чтобы не смогла быстро отреагировать на дела в Европе. ...На Южном направлении Антонов – на месте...

Чтоб прогнать дурноту, он вставал и начинал ходить по кабинету, но, пошатнувшись раз-другой и боясь упасть, ложился навзничь на диван. Потом пил отвар из трав, который готовила ему кастелянша – старшина МГБ и единственный человек, которому он доверял. Впадал на десять-двадцать минут в забытье, очнувшись, вновь погружался в безостановочный медленный, как в омуте, водоворот мыслей. ...Великолепная всё-таки была армия... Вместе мы были бы непобедимы... Подлец Гитлер... На главном направлении сосредоточить две

трети всех воздушных сил... На восстановление – три дня... Чтобы и очухаться не успели... Рокоссовский справится, если авиация в течение суток подавит базы... Балканы – на Гречко, для ликвидации шайки Тито – Суслова с Серовым... А этого долдона Жукова форсированным маршем через Болгарию на Стамбул. Водрузил Советский флаг на рейхстаге, пусть восстановит Православный Крест на Святой Софии... и ему лестно и грекам приятно, пусть потешится... и не задерживаясь ни дня лишнего – на Анкару. Базы в проливах – Черноморскому флоту, а вся мощь армий Жукова и Антонова на уничтожение дотла плацдарма империализма на турецкой территории. В Иране, где национальный фронт во главе с Мосаддыком сам просится в руки, серьёзных проблем не будет. Туда достаточно одного танкового корпуса, одной воздушно-десантной и двух общевойсковых дивизий. Главное – немедленно взять под контроль английские базы в зоне залива.

Стратегические идеи полыхали в воспаленном мозгу Генералиссимуса всеиспепеляющим пламенем, в котором, как хворост, сгорали американские базы, дивизии бундесвера и враждебные политические режимы. Но каждый раз лихорадочное возбуждение заканчивалось спазмом сосудов, питающих мозг, острой болью в шее и затылке, резким упадком сил. С трудом подмостив подушки, чтобы полулежать с откинутой головой, он устраивался в кресле и пытался задремать. Но мысли, сразу потускневшие, отрывочные, утратившие связь друг с другом продолжали своё изнурительное кружение, не давали забыться и удерживали головную боль. ...Порты и аэродромы... Хватит ли резерва... Василевскому... Океан не Ла-Манш... Как только покончит с «Ленинградским делом» – в резерв... Лаврентий, мама-дзагли, постоянно шушукается с Маланьей... Готланд и проливы... Пока не поздно, менять охрану...

С наступлением сумерек он всегда ощущал небольшой прилив сил. Выпив рюмку вина, садился к телефону, и его негромкий с хрипотцой голос вновь обретал инквизиторски-мягкие интонации, заставляя вытягиваться в струнку у аппарата тех, кому он звонил. Даже у подлеца Лаврентия, знавшего его, как

родного, пробежал легкий озноб меж лопаток, когда он слышал в трубке этот голос. Появлялось ощущение, что Хозяин в этот момент пристально смотрит прямо в глаза поднявшему трубку. На самом деле у него был абсолютно кошачий слух, и когда ему отвечали, он, мало обращая внимание на то, что ему говорят, почти инстинктивно вслушивался в то, как говорят, как дышат его собеседники. Каждый разговор был всегда недолгим, но заранее обдуманым вопросом, а заключительные слова – совсем кратким, но, очень часто, не до конца понятным приказом. Ему было нужно, чтоб исполнители старались понять в сказанном невысказанный смысл приказа. В значительной степени именно этим определялось их служебное соответствие. От того, как допущенный до личного контакта с Хозяином понимал смысл его слов, зависело быть ему или не быть ближним боярином. Были и такие, кто пытался уклониться от ответственности за истолкование скрытого смысла. Как правило, они кубарем скатывались по служебной лестнице на уровень, где приказы читают на доске объявлений, или ещё ниже.

Подлец Лаврентий всегда всё понимал правильно, схватывал на лету, как собака... Надо, надо спешить... Ещё так много надо сделать, прежде чем можно будет запустить в действие Генеральный план.

Прежде всего – главный, одному ему ведомый залог успеха всего остального... Больше стали, больше нефти, больше танков и самолётов, но прежде всего – больше вражеской сволочи, пущенной в расход и загнанной в особые зоны ГУЛАГа. История никогда не благоволила к сентиментальным сляктям, робеющим перед большими расходами. Мир стоит на преисподней, и потому «дело прочно, когда под ним струится кровь». И чем больше крови, тем прочнее. Вот этого недопонимал прогрессивный писатель Добролюбов.

Первым вкладом поставим «Дело отравителей» и отправку недостойных родственников Карла Маркса на семь тысяч вёрст поближе к обожаемой ими Америке. Там они, кто доедет, попоют свой лехаим и попляшут на свежем воздухе свой

фрейлахс. Это поднимет дух советского народа и подготовит его к правильному пониманию «Дела о мировом империалистическом заговоре». Без фундаментальной чистки кадров, без ликвидации трусов и предателей нельзя начинать большое дело. Вот тут мы спустим с цепи Абакумова, он в клочья рвать будет. Как хороший постановщик он зримо представлял себе, как это всё будет происходить, и молодец от игры воображения. ...Вот это, Лаврентий, и будет цугцванг. ...Когда тылы будут чистые, аппарат оздоровлен и приведен в надлежащее состояние, можно будет выпить рюмочку саперави и сказать Василевскому: – Трогайте, Александр Михайлович! ...Только надо очень спешить. Предсказание, столько раз сбываясь, не может соврать. Он достигнет в своё время всего, что ему предназначено. И если теперь не его время, то чьё же?! И если не теперь, то когда?! Сегодня его наземные армии самые сильные в мире. В Европе настоящих армий, кроме маленькой английской, вообще нет. По бомбам достигнут паритет... Но всё меняется, всё может измениться... смерти подобно...

И все-таки он не успел. Видимо, так должно быть, что «не знает человек своего времени». Гипертонические кризы уже бывали у него, и ничего, выкарабкивался. Но на этот раз, откуда ни возьмись, появилось дыхание Чейн-Стокса «в ноздрях его», и стало вдруг ясно, «что это значит». Держава смерти выскользнула из оцепеневших пальцев, а когда последним, судорожным усилием воли он поднял руку, желая что-то сказать, что-то, вероятно, очень важное, может быть даже, самое главное, язык, столько лет возвещавший его волю народам, отказался повиноваться... Генеральный план борьбы за мир и построение коммунизма померк в его гаснущем сознании... Из глубины преисподней раздался свист, и, повинаясь ему, он ушёл, не сказав ни слова.

С уходом последнего и самого великого марксиста наступление предсказанной Марксом подлинной истории человечества вновь было отложено на неопределённый срок...

На перевале

На самом краю «одной шестой части суши», на тысячу вёрст северней залива Петра Великого в материковый берег врезается залив не столь уж крупный, но единственно удобный для морского судоходства на всём побережье от Владивостока до Амурского лимана. Открывший его в 1853 году капитан Невельский дал ему имя залива Императора Николая, основав на его берегу пост и подняв на флагштоке российский флаг в знак того, что отныне все обширные земли Приамурского края и остров Сахалин со всеми двуногими и четвероногими обитателями, наслаждавшимися доселе дикой свободой, становятся собственностью Российской Империи.

Прошло, однако, почти сто лет, прежде чем власть (уже к тому времени Советская) оценила облюбованный Невельским для нужд флота залив. От детища первой пятилетки, города Комсомольска-на-Амуре к нему протянули через горы Сихотэ-Алиня железную дорогу, построили на его берегу вторую по значению базу Тихоокеанского флота и город, названный Советской Гаванью. А в северной его части, на берегу бухты Ванино построили крупнейший в мире пересыльный лагерь, привольно раскинувшийся своими многочисленными зонами на самом краешке земли, где так вольно дышит человек.

Сюда, к маленькой станции с уютным деревянным вокзалчиком, служившим, впрочем, чисто декоративным целям (кроме 1948 года, когда новый начальник УСВИТЛа, генерал-майор Деревянко разрешил использовать его под исправительный эксперимент: переделку методом активного физического воздействия «честных воров» в «сук» – помощников лагерной администрации в перевоспитании такими же методами ещё не вставших на путь исправления зэка) стали подкатывать составы с надписями «Спецоборудование» на опутанных колючей проволокой вагонах, доставлявшие из лагеря мира и социализма отпетых уркаганов, злостных расхитителей социалистической собственности (25 лет по Указу от 4.06.1947 г. за 1 килограмм зерна или 1 метр ситца) и заклых врагов народа.

Отсюда флот «Дальстро́я» – несколько грязных эковозов по 5-6 тысяч душ вместимостью каждый – переправлял эту списанную в расход рабсилу через Охотское море в Магадан для Севвостлага, расходовавшего её в особо крупных размерах.

Сразу же по окончании войны с Японией по освободившейся транссибирской магистрали в качестве первых грузов мирного назначения пошли составы со «спецоборудованием». Оборудованы они были сугубо специально и в высшей степени предусмотрительно: прожектора на крышах, пулеметы на тамбурных площадках, ряды проволоки по периметру вагонов на случай пропила стенки и стальные гребенки под днищем для «подборки» тех, кто, спустившись через пропиленный пол вагона, уляжется между рельсов в надежде оказаться на свободе после прохождения состава. Эшелоны в среднем по 25 вагонов (сорок клеймённых лбов на вагон – тысяча на эшелон), плюс пара «столыпинских» и вагон для конвоя, мчались по ночам через всю страну (днём отстаивались на запасных путях), рассыпая снопы искр из труб двух паровозов и завывая на полустанках, к порту в Татарском проливе, не обозначенному на картах, как и громадный транзитный лагерь, для которого он был построен, и в комплексе с которым фигурировал в адресном списке ГУЛАГа под кодовым наименованием «Перевал».

Биение пульса Советского государства на «Перевале» прослушивалось особенно чётко, поскольку туда незамедлительно поступали свежие плоды каждой новой карательной инициативы, рождавшейся в главном кремлёвском кабинете. И, с непреложностью законов метафизики, последние годы правления Отца ГУЛАГа стали ударной Ванинской пятилеткой.

В конце зимы 1952 года в одной из ванинских зон случай познакомил четверых совершенно разных людей, которые при обычных обстоятельствах не познакомились бы никогда. А если бы даже и познакомились, то уж наверняка не стали бы просиживать целыми днями за картами, чтобы убить время. Убивать время, которого не так уж много даётся людям на пребывание в этом мире – занятие для «человека разумного»

недостойное. Но пересылка – это такое место, где человек словно выпадает из времени и пространства и, пребывая в тревожной неопределённости, не находит себе места.

Большинство от некуда деться начинает, в конце концов, спать в запас, поднимаясь с нар только для того, чтобы сходить похлебать баланды. Некоторые, слепив из хлебного мякиша шашки или шахматы, играют в них до умопомрачения. Одиночки размышляют, часами шагая между бараками.

За отвагу и доблестный труд

Поводом для знакомства и последующего объединения новых знакомцев в тесную компанию стала благоприобретенная тремя из них в прошлой жизни привычка коротать иногда вечера за преферансом. Четвёртый, которого остальные звали Васильичем, такой привычки не имел, но без него компания могла бы и не состояться. Это был человек лет тридцати с немногим, с одним разбойно посверкивающим голубым глазом. Другой, вытекший, на обгорелой стороне лица был плотно закрыт красноватым веком. Хотя по возрасту он был самым младшим, в компании его величали по отчеству за степенность и немногословие.

Родился обгоревший «четвертый» в небогатой заволжской деревеньке Нижегородской губернии, в семье кузнеца, мужика с характером крутым и независимым, которому суждено было стать зачисленным в кулаки и сгинуть на лесоповалах в Печорлаге. Так в тринадцать лет остался Фёдор за старшего мужика в семье, положившей зубы на полку. Не помог бы дядька, материн брат, работавший в МТС и уговоривший механика взять толкового парнишку подручным к слесарям-ремонтникам, может и не пережили бы они тех лет, когда почитай, полдеревни пухло с голоду. Фёдор дядьку не подвёл, в работе был хваток и старателен и через год его поставили подсобником на ремонт двигателей. Но как сына кулака все четыре года до призыва в армию держали на низшем разряде.

А когда случилось, что тракторист-ударник запорол двигатель, только что вышедший из ремонта, Фёдору стали шить дело за вредительство. Спасибо механику: не побоялся дать показания, что двигатель из ремонта вышел исправным, а спалил его тракторист, недосмотрев за уровнем масла.

Кому служба – мачеха, а Фёдор – как на другой свет попал. Знать бы за кого свечку поставить, по чьей доброте душевной или по рассеянности сведения о его социальном происхождении стали неотличимы от миллионов таких же: «из крестьян». И стал он – как все, кто стоял с ним в строю, ощутил не всякому понятное счастье – быть рядовым. Определили его в бронетанковые войска, по специальности – на рембазу, а на втором году службы направили на курсы механиков-водителей. Прибыв по окончании курсов в часть, располагавшуюся под Новгород-Волынским близ границы с Польшей, Фёдор вошёл в экипаж, как патрон в обойму.

Место в танке будто ждало его или он для него был создан, ведя машину, он чувствовал её руками на рычагах, ногой на акселераторе, всем своим существом, и ощущение её сокрушающей мощи, безотказно послушной ему, наполняло его радостной яростью. Да и сам он, коренастый, среднего роста, в замасленном комбинезоне и шлеме выглядел, как вылитый из этой же стали заодно с танком. На смотрах и учениях их экипаж не раз был отмечен в приказах за отличную боевую и техническую подготовку, к армейской жизни и службе Фёдор привык быстро и была она ему не в тягость. Когда стал подходить срок, он уже был готов к тому, чтобы остаться на сверхсрочную.

Однако все срока отменила грянувшая война и начала назначать свои, беспощадно короткие для миллионов солдат срока, конца же срока её самой не было видно. Сквозь чёрный дым поражений 1941 года ни в какой бинокль нельзя было увидеть шедшую за годами горя и ужаса Победу. Три месяца дивизия пятилась, прикрывая отступление армии, цепляясь за каждый рубеж. Переходила в короткие контратаки и опять откатывалась, обливаясь кровью. На тысячеверстном пути от

границы до Орла она потеряла две трети личного состава и танков.

Было непостижимо, каким образом за эти три месяца непрерывных боёв с противником, танки которого по всем показателям превосходили советские Т-26 и БТ-5, в дивизии уцелело ещё около сотни этих давно устаревших и непрерывно латаемых машин; непостижимо, как их экипажи продолжали вновь и вновь вступать в бой, препятствуя стремительному продвижению врага и нанося ему чувствительные удары. Это невозможно было объяснить в пределах логики. Но по крайней мере столь же непостижимо было и то, что до начала зимы в боях с лишённой сколько-нибудь удовлетворительного высшего командования, сколько-нибудь достаточного боепитания, с лишённой авиации, разрозненной и терпящей катастрофические поражения Красной Армией прославленные танковые армии рейха также потеряли две трети своих танков, с которыми начинали эту войну. А дивизия, в которой воевал Фёдор, переформированная в бригаду и пополненная новенькими «тридцатьчетверками», приняв под Мценском бой, нагромодила вдоль Тульского шоссе такое количество сожженных немецких танков, что не знавший до этих пор поражений Гудериан вызвал из рейха специальную комиссию из экспертов танкостроения, чтобы показать, что делают русские на своих новых танках с покорившими Европу «Т-III» и «Т-IV». За победу под Мценском бригаде, первой среди бронетанковых войск, было присвоено звание «гвардейской» и на её базе была сформирована оперативная группа, которую во время битвы за Москву перебрасывали по всему фронту обороны от Тулы до Калинина, на участки, где положение становилось критическим. Армия Гудериана ещё два месяца пыталась преодолеть 150 км от Мценска до Тулы (1500 км: Брест – Минск – Смоленск – Киев – Орел – она прошла за три месяца почти триумфальным маршем) и когда Тула уже показалась на горизонте, не выдержала напряжения боёв, потерь, морозов – поползла обратно. А первый танкист рейха, генерал-полковник Гудериан ушёл в отставку.

Для всего мира перелом в войне наступил после Сталинграда, для Красной Армии – после Москвы, а для танкистов первой «гвардейской» бригады – после битвы под Мценском, где впервые ударные танкербатальоны Железного Гейнца оставили на поле боя гораздо больше своих сожженных танков, чем сумели уничтожить советских, и слабый отблеск Победы из безмерного далёка на мгновение вспыхнул над этим полем.

В боях за Истру, во время контрнаступления под Москвой, получил Фёдор контузию, но лёгкую, из боя не вышел. А когда вошли в город: он, вылезши из танка, стал растирать лицо и уши снегом, чем привлёк внимание проезжавшего командарма. Узнав в чём дело, Рокоссовский улыбнулся и, махнув Фёдору рукой, уехал. Потом пришла медаль «За отвагу». За форсирование Вислы у Сандомира, где они первыми оказались на левом берегу, вошли в бой, начав захват плацдарма, командир получил Героя, а Фёдор со стрелком по «Славе». Всего насмотрелся Фёдор за войну: и поражений, и побед, и беспощадных приказов, бросавших солдат на верную смерть, и солдатского счастья, эту смерть отводившего. Дважды был ранен, сто раз мог быть убит. И оставалось этой войне лютовать каких-то пару месяцев, когда I танковая, пройдя с юга на север всю Польшу, прорвала оборону армий Гиммлера и вышла к морю.

Вот тут-то, среди береговых дюн и закончилась для Фёдора война. Из низко нависшей над морем пелены облаков вынырнули штурмовики, на бреющем пронесли над полосой наступления танков, сея бомбы, и, резко взмыв на крутом вираже, ушли в сторону моря. На этот раз не хватило счастья. «Юнкерсы» бомбили не прицельно, по полосе, но попали точно в задок, в двигатель. Танк запылал костром.

Почти год пролежал Фёдор в госпиталях, сильно обгорел, врачи поначалу сомневались, что выживет. Но смерть промахнулась и на этот раз, выкарабкался. В госпитале его нашла и вторая «Слава». В родную деревню вернулся уже после Нового года, из всей семьи в живых застал одну младшую сестру

с ребёнком. На мужа её и на младшего брата похоронки пришли, мать и незамужняя сестра померли. Сестра в дыму задохнулась, когда на ферме пожар был, телят вытаскивала. А мать за год до его возвращения простыла и в два дня собралась на тот свет. Может от простуды, а вернее – так с голоду. Колхоз и до войны был не из богатых, а, оставшись без мужиков, совсем обнищал. На госпоставки уполномоченный выметал всё, так что и тем, кто у правления в своих ходил, мало чего на трудодни перепало, а уж кто меченый, так и обсевкам был рад.

Из двадцати трёх мужиков, ушедших воевать, Фёдор стал пятым, кто вернулся, и последним. А из пятерых – один холостой. Хоть и кривой, и горелый, а один жених на всю деревню, и первый кавалер на всю округу, два ордена Славы и медалей – до ремня. Пару недель Фёдор отдыхал: поправил избу, съездил в Семенов, купил племяннику кой-какую одежду. А как закапало с крыши, отправился в МТС устраиваться на работу.

Там его как родного встретили, не знали, куда и посадить. Фёдор сел на трактор. От деревенской жизни он за десять лет поотвык, и работа в поле стала ему за радость. Так вольно и спокойно он никогда себя не чувствовал. И мирное тарыхтенье трактора, и запах распаханной земли, и сопровождение хлопотливых грачей, и тихое, умытое весеннее небо – всё наполняло душу таким чувством, будто он заново родился. В поле проводил он все дни, от зари и до зари, полторы и более нормы вспашки делал в охотку. В деревню возвращался только поужинать и поспать. Трактор его выглядел, как холеная лошадь. После работы он не оставлял его, не почистив, а с утра, включив двигатель и слушая его, проверял всю ходовую часть, подтягивал, где прослабило, смазывал, заливал масло, заправлялся и только что по холке не гладил за отсутствием таковой. Весь текущий ремонт – только сам. Директор МТС уже загодя попросил его сфотографироваться при полном параде, чтобы вывесить ко Дню Победы портрет его на доску почета. Провисеть ей, однако, пришлось недолго.

Осенью женился Фёдор на сестриной подружке, сироте, которую ещё маленькой помнил. Отец её у его отца в кузне работал молотобойцем. Жили по-добрососедски, можно сказать, по-родственному. Дети из одной избы в другую бегали, то за одним столом поедят, то за другим полакомятся. За то и повязали дядьку Егора заодно с отцом как подкулачника и где-то в одних краях закончили они свой век.

В воскресенье после Покрова сыграли свадьбу. Да видно упорный чёрт привязался к Фёдору – приволок на свадьбу председателя. Посчитал он, что без него такое мероприятие обойтись не должно. А может, решил, что поскольку Фёдор сам встал на ноги и по всему видно прочно, надо воспользоваться случаем и поправить с ним отношения. Да поправка вышла нехороша. Когда уже было вдосталь выпито и за молодых, и за добрую память о не доживших до их счастья родителей, и уж много раз кричали: «Горько!» поднялся председатель сказать своё веское поздравительное слово.

– Ты, Фёдор Васильевич, – сказал он, – заслужил право на счастливую жизнь первее многих других. Как ты воевал и как ты пашешь, известно всем и мы гордимся что вырастили такого героя и ударника. Мы верим, что будет у вас крепкая советская семья и всё будет у вас хорошо. Одно нехорошо, что ты до сей поры не в партии. Такой человек, как ты, обязательно должен быть в партии. Я тебе даже больше скажу: после меня, а мои годы уже немолодые (председателю не стукнуло ещё и пятидесяти), ты с партийным билетом будешь первым на моё место. И хотя покойник Василий Лукич и подпортил тебе автобиографию, ты на фронте кровью её очистил, и я первый дам тебе рекомендацию.

Не заметил председатель, как побледнело красноватое лицо Фёдора, пока он говорил. Остановил его только звон разбитого стакана, которым ударил тот по столу.

– Ты моего отца не трожь! – глухим голосом сказал он, вставая, – это ты, сучий потрох, записал его в кулаки, хотя знал,

что у него ничего, кроме старой кузни да инструмента за душой не было! Ты мать мою голодом уморил, когда мы кровью умывались! Тебя, вошь партийная, кто сюда звал?!

Оттолкнув табуретку, Фёдор, не слушая заголосившую жену: «Ой, Феденька, не трожь его!», подошёл к оторопевшему оратору и, взяв его за шиворот так, что затрещал председательский пиджак, выволок из-за стола.

Не говоря более ни слова, вывел на крылечко и, дав сапогом в зад, коротко попрощался: «Чтоб духа твоего здесь не было!» Но чёрт любит доводить дело до конца: крылечко было невысокое, всего три ступеньки, но председателю так повезло с чёртовой помощью сверзиться с него, что всю физиономию ободрал и руку сломал. На следующий день его увезли в больницу.

А через три дня пришла Фёдору повестка из милиции. На суде свидетелями были одни председательские пристяжные, и вышло, что Фёдор не только избил председателя, но и грозился даже убить и при этом матерно лаял Советскую власть и партию. Дали ему семь лет за злостное хулиганство с нанесением тяжкого телесного повреждения и десять – за антисоветскую агитацию, с поглощением меньшего срока большим. По тем временам, можно сказать, по-божески. Так, не прожив с молодой женой и недели, опять простился Фёдор с родной деревней на долгие годы.

К карточной компании он прибил, конечно, не из-за преферанса – он и слова-то такого сроду не слыхивал – а потому, что познакомился с одним из игроков и крепко с ним подружился. Как-то он покуривал, сидя позади барака, когда проходивший мимо высокий, грузного вида человек с прямой осанкой кадрового военного попросил у него прикурить. А, прикурив, глядя на его изуродованное ожогами лицо, спросил:

– Где горел, танкист?

– В Померании, товарищ командир, – сразу встав и подтянувшись, с готовностью ответил Фёдор, угадывая, что говорит не с «Ванькой-ротным», а с кем-то повыше, – с воздуха фриц накрыл, только траки от нас полетели.

– У Катукое воевал?

– Так точно. А вы, товарищ командир, тоже из наших, из бронетанковых?

– Из ваших. Да что ты заладил: «Товарищ командир», с чего ты взял?

– Да что я не вижу?! Чай не меньше, чем батальоном командовали?

Называя наименьшую из подходящих к облику собеседника должность, Фёдор надеялся таким образом узнать его чин и звание.

– Командовал, командовал, – ответил тот, не оправдав хитрого расчёта, – только всё это было там, а здесь: вон он, наш с тобой командир – на вышке.

– Будем знакомы: Алексей Иванович, – и он протянул широкую костистую ладонь. Фёдор сунул самокрутку в левую руку, правую отряхнул о полу телогрейки и аккуратно пожал протянутую руку: – Фёдор Васильевич.

И они пошли по дорожке между линией барачков и запертой, взад и вперед – извечным маршрутом людей и зверей, запертых в клетку.

– Так за что тебя, Фёдор Васильевич, упекли сюда?

– Да ведь как сказать, Алексей Иванович? Можно сказать, ни за что.

И, отроду не больно склонный открывать кому-либо свою душу, а в лагере и вовсе замкнувший её наглухо, Фёдор неожиданно для самого себя стал торопливо, и перескакивая с одного на другое, рассказывать про всю свою жизнь, пока, смутившись, не оборвал себя на полуслове.

– Вы уж простите, Алексей Иванович, заболтал я вас, пустилки всё это.

Молча выслушавший эту исповедь собеседник ответил не сразу.

– Да нет, брат, это не пустяки, это – жизнь, суровая жизнь. Судьба тебе выпала волчья: на фронте ты – гвардеец, а на гражданке – меченый зверь. Только ты уж очень не тужи, Фёдор. По судьбе у тебя и жилы. Да и не один ты такой. Многим

из нашего брата герои тыла, которые ордена за пролитые чернила получали, такие хвосты попришили, что вчерашние защитники отечества сегодня страшной всех зверей стали. Считай, брат, – и Алексей Иванович положил руку на плечо Фёдора, – что попали мы в окружение. Выхода покуда нет, но он обязательно будет. А пока мы – в безвыходном положении, самое главное – не уронить себя. Нас с тобой фронтовое братство обязывает закрепиться на позиции и сохранять воинское достоинство. Так я говорю?

– Да уж постараемся, Алексей Иванович, – заулыбался Фёдор, – закрепимся на позиции, по башню в землю – как под Курском.

С этого дня он каждый день заблаговременно занимал свой пост и, покуривая, дожидался, когда появится на дорожке легко отличимая по поступи и осанке фигура. Алексей Иванович действительно был кадровым и даже потомственным военным. В ряды РККА он вступил в марте 1919-го в числе многих солдат и офицеров бывшей царской армии, мобилизованных на защиту Петрограда, когда Северная армия генерала Юденича подошла к Ораниенбауму и к Пулковским высотам. С той поры и до ареста, в течение двадцати пяти лет он оставался в строю и лишь после войны был переведён на штабную работу в один из второстепенных округов. Служил он исправно, воевал умело и храбро, но карьеры не сделал, скорее наоборот.

В конце 1942 года он был снят с командования танковой бригадой и понижен в звании за неподчинение приказу, согласно которому должен был отвести бригаду из глубокого прорыва на узком участке, чтобы не оказаться отрезанным от основных сил армии. Он же, зная благодаря данным своей разведки конкретную обстановку в полосе наступления бригады лучше, чем знали её в штабе армии, и понимая, что она может измениться в считанные часы, вместо отхода на указанный рубеж, стремительной атакой захватил железнодорожный узел, удерживаемый лишь одним пехотным батальо-

ном противника, и организовал во взаимодействии со стрелковой дивизией соседей надежный рубеж обороны. Этим была не только достигнута одна из стратегических целей наступления армии – перерезать железную дорогу, позволявшую немцам маневрировать силами вдоль фронта, но и предотвращена, в частности, готовая начаться переброска двух немецких дивизий на оголенный фланг соседей, оттянувших большую часть сил на центральный участок фронта, где шли тяжелые бои. Не добейся Алексей Иванович успеха в этой операции, трибунала ему бы не миновать. В штабе и в политотделе армии он за своё социальное происхождение, беспартийность и высокий образовательный ценз симпатиями не пользовался. Однако передавать дело в трибунал запретил командующий фронтом. Через полгода его бригада, переформированная в дивизию, была передана другой армии Фронта, в составе которой Алексей Иванович воевал уже до победного конца, закончив войну в том же звании полковника, которого был лишен в 1942-м.

Прослужив всю свою армейскую жизнь в строю и оказавшись после войны неожиданно для себя на штабной работе, к которой никогда не имел склонности, а в мирное время она представлялась ему совершенной рутинной, он ясно сознавал, что никаких перспектив по службе для него не предвидится. Поэтому твёрдо был намерен сразу по достижении пенсионного возраста выйти в отставку, чтобы, вернувшись в родной Питер, поработать ещё десяток лет на военном производстве, пока дети не встанут окончательно на ноги.

Как известно, человек предполагает, но не управляет обстоятельствами. Особенно, если судил ему Бог жить в стране, где правит самовластье. А судьбу, как лучше всего известно именно в таких странах, и на танке не объедешь.

Представление о том, что после победы в тяжелой кровопролитной войне над смертельно опасным для Отечества врагом они заслужили право на лучшую жизнь, свойственно было и солдатам, и полководцам. Но всякое самодержавие видит в них антигосударственные тенденции и стремится выколлотить

их из голов спасителей Отечества самыми быстрыми и энергичными мерами. Ещё не отшумел Парад Победы над гитлеровским рейхом, как уже закрутилось колесо переформирования всей действующей армии, целью которой была «перестройка структуры органов военного управления и партийно-политического аппарата» с учетом требований мирного времени. Наученный горьким опытом краха армии в 1941 году, Хозяин понял, что только те военачальники, которые не боятся в критических ситуациях брать всю власть на себя, могут защитить страну и его самого. Поэтому до поры он смотрел сквозь пальцы на фактическое единоначалие лучших полководцев, не допуская вмешательства начальников политотделов в принятие чисто военных решений. Но пора пришла и их начали раскидывать по различным военным округам с соблюдением принципа: «На Запад поедет один из вас, на Дальний Восток – другой». И вскоре многим боевым генералам северный ветер закричал: «Держись!» Держаться, однако, в плотном кольце работников политорганов и СМЕРШа, сомкнувшемся вокруг них на новых местах службы, было трудно. И в порядке в опричных кругах устанавливаемой очереди одних без разговоров выставили из армии, с других сняли ордена и погоны и кинули в лагеря, а с третьих – и голову. Всем фронтовикам для проверки на верность был оглашен Указ об отмене денежных выплат за ордена. Многие не выдержали и поддались чувству возмущения. Инвалиды стучали костылями и протезами в военкоматах и в райкомах, многие в сердцах устремились на рынки менять свои ордена на водку, другие, поспокойней, просто отдавали их своим детям как игрушки. Возмущавшихся выловили, провели разъяснительную работу. Непонятливым дали время поразмышлять годков пяток за проволокой, и возмущение пошло на убыль. Народ осознал, что войну выиграл не он, а Советская власть во главе со Сталиным, а верней, понял своею от века поротой спиною, что ничего не изменилось, что он – ничто, а Советская власть – всё. И понявши, замолк, потому что «сильна Советская власть», а возмущаться против сильной власти кому ж охота?!

Оставалось Алексею Ивановичу до выхода на гражданку уже всего ничего, когда случилось ему, возвращаясь из последнего отпуска, задержаться на сутки в Москве, чтобы навестить старого друга, отмечавшего своё пятидесятилетие. К концу торжества, когда гости уже разошлись и за столом остались только именинник и двое его ближайших друзей, разговор принял, как водится, более серьёзный и доверительный характер, чем в общем застолье. Скинув свои генеральские мундиры (Алексей Иванович один только застрял в полковниках), пили крепкий чай, дымили почём зря папиросами, негромко обсуждая невесёлые дела в армии и в стране. Говорили о последних отставках и арестах в армейских верхах, о том, что штафирка «генералиссимус» завидует славе тех, кто завоевал победу, что не доверяет им и боится их, что опала и ссылка Жукова стала началом кампании расправ с неугодными, а неугодными стали те, кто лучше воевал. Пришли к общему мнению, что армия опять обезглавлена и Генеральный штаб ею практически уже не руководит, а панует над ней тыловая сволочь из органов да политорганов по указке Хозяина – «Творца всех наших побед».

– Я бы ему памятник поставил у Можайска на Минском шоссе, – сказал, опять наполняя рюмки, именинник, – там, где он совершил свой главный подвиг в этой войне.

– Это ты о чём? – удивлённо поднял брови Алексей Иванович.

– Да о том, как наш «Творец побед» набрался однажды духа лично выехать на фронт – стать, так сказать, на часок во главе наступающих войск. Было это в 1942-м, когда он, после того как мы поздравили немцев с Новым годом под Москвой, решил, что теперь, разобравшись, как Жуков устраивает свадьбы, сам устроит ещё повеселей. Помните, как он погнал шесть фронтов в наступление, от Крыма до Волхова и крах – на всех? Несколько сот тысяч душ загубил подлец, потом всё на Шапошникова свалил. Вот во время этой кампании он и решил своим героическим появлением на фронте дать всем понять, кто ведёт войска к победам. Отъехали малость от

Москвы, а там уже торжественная встреча – чуть ни весь комсостав и Военный совет фронта. Меня Соколовский тогда взял с собой на случай, если будут показушно-конкретные вопросы об обстановке, я у него тогда оперативным планированием и разведкой занимался. Ну, разумеется, стали говорить Верховному, что дорога дальше небезопасна, что лучше его драгоценной жизнью не рисковать. По сценарию, тут, наверное, должен был состояться обстоятельный разговор, обнаруживающий поразительную осведомлённость Верховного в делах фронта. Потом – мудрые указания и общий привет. А он схватился за живот и в кусты, да спохватившись, спрашивает: «Тут мин нет?» Ну кто ж ему скажет? Берия по лицам зыркает, пенсне – как дула пистолетов. Отошёл он за машину, охрана стала вокруг, растопырив шинели, сделал свой победоносный вклад и отбыл. Вот на этом историческом месте и надо бы поставить монумент «Творцу побед».

– Да, вот уж история – так настоящая история, нарочно не придумаешь! – расхохотался третий собеседник и, опрокинув ещё рюмку, перевёл разговор с исторической на современную тему о том, как он, служа в Вене, откуда сейчас вернулся, много раз видел в витринах больших магазинов выставленные окорока, головы сахара и пудовые глыбы сливочного масла, над которыми красовались размашистые, большими красными буквами надписи: «Излишки продукции советских колхозов!» А проезжая по Украине, куда ездил навестить родных, он сталкивался в деревнях с такой нищетой и голодом, страшнее которых ему приходилось видеть только в 1933 году, когда он служил в Киевском округе и, бывая в поездках по делам службы, видел на дорогах, на улицах городов и сёл, и в самом Киеве множество трупов селян, умерших от голода, взрослых и детей, мимо которых, не глядя в их сторону, проходили горожане. Тогда объяснили всё вредительством троцкистов, врагов народа. Но кордоны войск ОГПУ на границе Украины и России и вокруг городов на самой Украине, чтобы обречённое на смерть крестьянство не избежало своей страшной участи,

подчинялись приказам из Кремля. Не троцкисты вылавливали в городах опухших от голода сельских детей и вывозили их подальше, в голую степь, чтоб им не хватило сил выползти, этим занимались славные сталинские чекисты. Миллионы невинных душ погубили тогда и сегодня, после такой тяжёлой войны, таких потерь, похоже, опять взялись за старое.

– А ведь пол-армии, может, и побольше, у нас от сохи, – задумчиво сказал Алексей Иванович, пытаясь поставить вертикально вынутую из коробки папиросу. Что они видели в своей жизни эти ребята «поколения Октября»? С малых лет – хлеб с лебедой. Чуть подросли и – на барщину, в колхоз. В строй становились не «из крестьян», а из крепостных крестьян. С уровнем правосознания солдат времён Николая Палкина. А при толковом командовании воевали, куда там высокоцивилизованным французам, при всём своём превосходном вооружении сдавших немцу страну за месяц. Казенные колхозные души! Их полками кидали в огонь, как дрова в печь. Горами солдатских тел затыкали прорехи гениальной стратегии Ставки, расчищали минные поля для танков. Сталинская наука побеждать! Жуковская выучка! И они шли на смерть и побеждали. Не за Сталина, что им Сталин? – Указ о трёх колосках да приказ «Ни шагу назад». А за Родину – это точно. Мечтали, что уже вернутся домой и их за их ратный труд и кровь освободят от колхозов!

Алексей Иванович сломал наконец упрямую папиросу и бросил в пепельницу.

– Весь мир чтит советских солдат как победителей Гитлера, – всё более горячась, продолжал он, – а они – уже в плену, побежденные и закабаленные собственной властью. Страшна война, но и мир, завоеванный нами, страшен. В самом деле, мы живём так, как будто это мы проиграли войну и оказались под оккупацией. Нелепо, постыдно, но именно такова наша жизнь.

До этого случая Алексей Иванович никогда не разрешал себе таких речей. Думать – думал, но языку воли не давал. Не видел проку в словах, у которых нет шансов стать делом. Вы-

ражать же возмущение, когда ничего не можешь сделать, считал пустой распушенностью. А вот тут не сдержался. В кои-то веки собрались друзья в своём кругу, почувствовали себя прежними молодыми, изрядно выпили, и презрели победители армий фашистского рейха все минные поля и заграждения, защищавшие сознание советских людей от прорыва на свет Божий подпольных мыслей. В прорыв пошли, подталкивая друг друга и без оглядки, особо опасные... Закончил Алексей Иванович предположением о том, что прошлогодний захват Восточной Европы, похоронил все надежды на мирную жизнь, что Запад объединяется, боясь дальнейшей агрессии с нашей стороны, ни на грош, не веря нашей шумной «борьбе за мир». В результате мы оказались в таком положении, как гитлеровский рейх перед войной, но новой большой войны, если она произойдёт, народ не выдержит.

Помолчав, ещё раз наполнили рюмки. Вдруг вспомнилось, какое веселье царило на курсах усовершенствования комсостава, когда пришло известие о создании китайского революционного правительства в Кантоне. Все как один готовы были седлать коней и «марш-марш вперёд» на помощь китайским братьям. И вот, несколько дней назад, и почти четверть века спустя с той поры, в Пекине провозглашена Китайская Народная Республика, но сегодня это вызывает не ликование, а, скорее, чувство тревоги – что дальше? Что если, имея теперь восьмисотмиллионного союзника, Великий стратег решит, что пора от «борьбы за мир» переходить к «войне за весь мир»? И поскольку никакой разумной и сколько-нибудь реальной альтернативы естественному и зловещему ходу вещей представить себе они не могли, то единодушно сошлись на том, что долго так продолжаться не может и что что-нибудь изменится к лучшему.

Когда начало светать, выпили по последней, обнялись и расстались, пообещав друг другу встречаться почаще, поскольку теперь они не на разных фронтах, а вроде бы как – в одном окопе. И никому из них ни сном, ни духом не было ведомо, что именинник уже два месяца был «в разработке» у

МГБ и квартира его прослушивалась. Не знали они и того, что ещё в самом разгаре войны за каждым, кто умело командовал крупными соединениями и обнаружил склонность к самостоятельному принятию решений в ходе боевых операций, начальником СМЕРШа по указанию Верховного устанавливалась постоянная слежка. Гэбэшные крысы сало даром не жрали. Пока армия воевала, крысиная работа не затихала ни днём, ни ночью. Всё обшаривалось, обнюхивалось, прослушивалось, подшивалось. За теми, о ком гремела слава, подбирались каждое вольное словцо: где, кому сказал, что в письме домой написал, что во сне бормотал. Весь высший комсостав был постоянно на прослушке, и начальник СМЕРШа – верный пёс, хотя и с четырёхклассным образованием, но с классным нюхом, еженедельно докладывал Хозяину обо всём, в чём чуял хотя бы еле уловимый запах крамолы. Недаром сразу после войны был возведён на высшую ступень собачьей службы. Карьера, можно сказать, исключительная: за десяток лет рядовой сексот вырос от грузчика до министра. И уж, конечно, не за то, что хвостом хорошо вилял – таких умельцев на святой Руси тьма – а за то, что всех маршалов и генералов перенюхал, переметил и для каждого вырыл яму, прикрывдо поры, чтоб по первому свисту Хозяина волк проваливался в западню, не успев и лязгнуть зубами.

И провалился Алексей Иванович вместе со своими друзьями глубоко и надолго. За тридцать лет доблестной службы в рядах РККА получил гвардии полковник двадцать пять лет «временной изоляции» с последующей ссылкой и поражением в правах. Лишенный таким образом «всех прав состояния» он в новом своём бесправном качестве влился в многомиллионную массу человеческих существ с «животами, подтянутыми гугаговским ремнём страны Советов» и поплыл по тюрьмам и этапам к стигийским берегам, в просторечии – к бухте Ванино.

Первого партнёра по преферансу нашёл Алексей Иванович в своём же бараке. На его громогласный призыв к желающим расписать пульку откликнулся один из ближайших соседей по нарам, пожилой человек в очках, с густой проседью в черной

бородке. Михаил Ильич, как звали нового знакомого, был инженером с Челябинского тракторного завода, а причиной его ареста, как он объяснил, послужил конфликт с начальством. О том, что в ходе следствия была обнаружена причастность к «оппозиции» во время его учёбы в МВТУ, на основании чего следователь сочинил целый роман о его троцкистской вредительской деятельности и связи с американо-сионистской агентурой, Михаил Ильич рассказывать не стал, справедливо полагая, что по сути это к делу не относится. Полтора года, проведенные во внутренней тюрьме МГБ, настолько углубили его представления о Советской власти, что его нисколько не удивило осуждение к двадцати пяти годам лишения свободы, хотя то, за что он был арестован в обвинении даже не упоминалось. Оно состояло исключительно из формулировок общего характера, таких как: «клеветнические выпады в адрес партийного руководства», «попытки дискредитировать политику партии и правительства», «пропаганда буржуазного национализма» и т.д. и т.п. В свете указаний, исходящих с самого верха, их самодостаточность не могла подвергаться сомнению органами юстиции. Роль суда при таких обвинениях сводилась к чисто оформительской. Но если бы можно было взглянуть на дело Михаила Ильича с правовой точки зрения и слить все идеологические нечистоты, закачанные в него следствием, то в сухом остатке был бы обнаружен один единственный факт, послуживший отправной точкой для сооружения дела: выступление Михаила Ильича на открытом заводском партсобрании.

Собрание проводил новый парторг, присланный из Москвы. Проводил в грубо разносном стиле, откровенно давая понять, что он – новая власть и порядки на заводе теперь будет наводить он. О директоре, сидевшем в президиуме рядом с ним, руководившем работой завода в течение всей войны и награжденным званием Героя Соцтруда, он говорил в подчеркнуто неуважительном стиле, явно дискредитируя его и группу других руководителей производства, обвиняя их в са-

моуправстве, в зажиме партактива и в финансовых злоупотреблениях, с черносотенным смаком нажимая на их нерусское происхождение.

Михаил Ильич, хотя его имя и не упоминалось парторгом – из-за незначительности, видимо, его должности старшего мастера пусконаладки новой техники – не выдержал и впервые со студенческих времен вступил в жесткую полемику с партийной властью. Еле сдерживая кипевшее в душе негодование, он говорил о том, как коллектив завода во главе с теми, кого поносил невесть откуда явившийся партийный чиновник, в кратчайший срок освоил выпуск знаменитых «тридцатьчетверок» и всю войну оставался головным предприятием по их производству, как работали все, от директора до слесаря сборщика, неделями не покидая цехов, чтобы в максимально сжатые сроки выполнять заказы фронта, сколько орденов было получено танкостроителями – и вот теперь всё это хамски перечёркивается не имеющим к этому никакого отношения, случайным на заводе человеком?! И вдобавок при этом он позволяет себе демонстрировать антисемитизм самого гнусного пошиба, в духе тех фашистских мерзавцев, ради уничтожения которых сражался советский народ. И поэтому он, Михаил Ильич, предлагает написать от имени всего заводского коллектива письмо в ЦК с просьбой снять с поста парторга и наказать человека, оскорбляющего народ и позорящего партию.

Высказавшись, Михаил Ильич облегчил свою душу и, как водится в государствах, где всегда за словом следует дело, самым роковым образом отягчил свою судьбу. Если б он знал, что парторг был направлен на завод тем самым ЦК, которому он собирался на него жаловаться, что приехал он со специальным заданием обеспечить чистку кадров, выдвинувшихся в годы войны, и, в частности, от «лиц известной национальности»; что точно такие же чистки по воле того же ЦК происходят во всех отраслях по всей стране, вероятнее всего, он просто потихоньку ушел бы с собрания. Но он не знал и заплатил за незнание и не по возрасту сильный общественный

темперамент крахом всей жизни. Теперь он мучился опасениями, что сына, молодого специалиста в области радиофизики, выгонят из НИИ, куда так трудно было попасть, а дочку-студентку исключат из консерватории, и страхи его не были беспочвенны.

Маясь своими тревогами и полным отсутствием какого-либо занятия, которое могло бы его отвлекать от тягостных и безысходных размышлений, Михаил Ильич с энтузиазмом поддерживал идею насчёт преферанса. Оставалось найти третьего партнёра и, что выглядело более проблематично, колоду карт. Но тут выручил Васильич. Он, хоть и не был картёжником, но, когда «сидел в одних зонах с «бытовиками», не раз видел, как «шестёрки» для «цветных» клеят «бой», и взялся сам изготовить карты. Необходимым материалом для этого были, прежде всего, две старые газеты: их разрезают на кусочки размером в одну тридцать вторую часть газетного листа, выбрасывают все, на которые попали картинки или жирные заголовки, и оставшиеся сортируют по три листика так, чтобы в каждой тройке был листок, ровно заполненный текстом – на «рубашку». Необходимый для склеивания клейстер добывался посредством протирания хорошо прожжённого хлеба (чем хуже пропечённого, тем лучше) ложкой через тряпку. Колода склеенных карточек закладывалась в «пресс» – между двух дощечек, туго замотанных бечёвкой и после просыхания обрезалась в размер. Третьим необходимым компонентом был краситель, в качестве которого обычно использовалась сажа от сожжённого куска резиновой подмётки – для чёрной масти и толчёный кирпич – для красной. Что касается всякого рукомесла Васильич был не только умён, но и удачлив. В одном бараке приглядел он в руках у не по-лагерному одетого зэка с аккуратно постриженными усами красный карандаш. Тут же подсев к нему на краешек нар и поздоровавшись, завел разговор о том, как бы разжиться маленьким, с сантиметр, кусочком грифеля. Полюбопытствовав для каких целей, понадобилось это мало похожему на художника незнакомцу, хозяин карандаша просто протянул его Васильичу, ска-

зав, что для хорошего дела ему карандаша не жалко. Оказалось, что он сам любитель преферанса и не прочь присоединиться к компании. Его звали Эдди, он был музыкант и говорил с польским акцентом.

Удача оказалась тройная. Во-первых, нашелся недостающий третий партнёр и человек, по всему видно, хороший. Во-вторых, карандаш был с одной стороны красный, а с другой синий и искать резиновую подмётку не понадобилось. Васильич вырезал на плотной обёрточной бумаге трафареты мастей, обрезал с голов карандаша по кусочку, растолок в пудру красный и синий графит и, смешав с клейстером, нанёс через трафареты знаки достоинства на карты. Потом он долго и старательно обрабатывал края колоды кусочком стекла, чтобы кромки карт стали одинаково чистыми и закруглёнными на уголках. «Бой» получился на славу, и, завернув его в обёрточную бумагу, он вручил его Алексею Ивановичу.

На следующий день, облюбовав один из пустых барачков, компания приступила к делу, ставшему на три последующих месяца их основным занятием. Каждое утро после посещения дурно пахнущего барака, официально именуемого столовой, а заключёнными – «помойкой», где они получали по полмиски горячей жижи, образующейся в процессе кипячения в чане воды нескольких килограммов чумизы и вороха зелёных капустных листьев, выхлебав которую большинство возвращалось досыпать на нары, четверо отправлялись, как на работу, в пустующий барак. Первым всегда приходил Васильич. В дальнем от дверей конце барака он вворачивал в патрон под потолком принесённую с собой лампу и расстилал на верхних нарах – там не так мёрзли ноги – чистый лист обёрточной бумаги. Один его земляк два-три раза в неделю торговал в ларьке около вахты карамелью, сигаретами и махоркой. Васильич наведывался к нему подзапасть моршанской махоркой, превосходившей своими достоинствами всякую другую, помочь, если понадобится составить и распаковать ящики, да и потолковать с земляком, который в хозлагодслуге и каждый день в центральной зоне, есть о чём. Оттуда он и приносил

отличную обёрточную бумагу, выбирая из порожних ящиков листы почище. Потом, всегда вместе, поскольку жили в одном бараке, появлялись Алексей Иванович с Михаилом Ильичом. Последним, но не заставляя себя долго ждать приходил Эдди. Алексей Иванович быстро и ровно, как по линейке, расчерчивал пульку, ставя в кружок неизменную единицу – одну сигарету. В те годы в продаже появились сигареты половинного размера, которые курились в мундштук, чем достигалось более полное использование табака. Поскольку все трое преферансистов курили именно их, то они и пошли в пульку. Васильич, принципиально куривший только свою «моршанку», в расчет не принимался как болельщик. Его лишь изредка просили сдать карты за отлучившегося ненадолго игрока и открыть их для виста. Сроду не игравший ни в какие карточные игры, кроме подкидного дурака, он не обнаружил никакого желания вникнуть в таинства преферанса и занять постоянное место в игре. Однако роль его в компании была много значительнее роли четвёртого игрока. Круг его знакомств в зоне намного превосходил все те, которыми успели обзавестись трое остальных.

По натуре любознательный и общительный Васильич имел подход к людям и завязывал знакомства легко, как знакомятся попутчики в дороге. К новому человеку он обращался всегда запросто, без всяких «извините-разрешите», но впечатления развязности это не производило, потому что в тоне и в прямом взгляде его была та спокойная непосредственность, с которой обращаются к своим. И когда он со своим обычным: «Привет, земляк!» или «Слышь, земляк?!» обращался к погруженному в молчание пожилому казаху или к исполненному сдержанного достоинства литовцу, то ему обычно отвечали в тон, если даже и с лёгкой иронией. Однако был у него и глаз, и знал он к кому подойти, «земляков» угадывая «издалека». Почему бы и нет? – на одном солнце портянки сушили! При всём том, на большую близость он не шёл, в душу никому не лез и к себе не пускал, добрососедские отношения с земляками предпочитая закадычной дружбе. В какую зону ни забросила бы его

судьба, он обживал её за пару недель, обрастая многочисленными знакомствами. Благодаря этому его роль в компании игроков как своего человека во внешнем мире, регулярно приносящего оттуда информацию обо всём, что слышно на белом свете, была чрезвычайно значительна.

Понаблюдав часок за игрой, Васильич обычно отправлялся размять ноги, обойти зону, узнать, что слышно новенького. Сделав пару кругов, он направлялся в сторону вахты, где всегда в это время толпился народ. Кто ожидал конвоя, чтоб отвлёл в медсанчасть, кто – появления «придурка» с почтой из цензуры, кто – не откроется ли ларёк. Потолковав о том – о сём с кем-нибудь из земляков и дождавшись почты – узнать, нет ли писем, Васильич возвращался в круг тружеников преферанса с утренним уловом новостей.

Его прихода ждали. Даже в скучные дни оказывалась одна-другая новостиска, позволявшая отвлечься на полчаса от рассуждений о тщетности надежд на двух тузов в прикупе или о перспективах, ожидающих того, кто играет шесть в бубнах. Но главным содержимым улова были, естественно, письма, когда они были. Михаил Ильич получал письма часто. Алексей Иванович – не так часто, но регулярно. Васильич – иногда. Эдди – почти никогда. Если не изменяет память, за всю весну он получил одно письмо из Комсомольска, но содержались ли в нём какие-нибудь новости, представляющие общественный интерес, осталось неизвестно, поскольку, прочитав его, Эдди засунул в карман и спросил, чья очередь сдавать. От участия в обсуждении новостей, полученных другими, он воздерживался. Новости о жизни и чрезвычайных происшествиях в различных губерниях ГУЛАГа, которых на пересылках всегда в изобилии, его тоже мало интересовали. Он вполне разделял популярный взгляд на то, что в сумасшедшем доме логики не ищут. Более или менее соответствующим этому понятию он считал весь мир, в котором Германия и Россия, с его точки зрения, были отделениями для буйных. Не претендуя на оригинальность подобной точки зрения, он черпал из проистекающей от неё определённости философическое спокойствие.

Или делал вид, но невозмутимость была наиболее постоянным выражением его лица.

Нельзя сказать, что для такого крайнего скептицизма у него не было резона. Три раза за тридцать лет ему удавалось достичь большого артистического успеха, известной определённости и благополучия – и трижды из-за очередной вспышки безумия в мозгах великих вождей, обожаемых своими великими народами, его судьба, как и миллионы других человеческих судеб оборачивались полным крушением всего, чего удалось достичь.

Лавровый силок для миннезингера

Когда ему исполнилось четыре года, выяснилось, что он – «вундеркинд». Это замечательное открытие стало причиной того, что последующие четырнадцать лет ему пришлось прожить в неволе в одной из самых наиабсолютнейших монархий – в королевстве Скрипки.

В восемнадцать лет он с блеском окончил Высшую музыкальную школу в Берлине и вышел на свободу, которой незамедлительно воспользовался, чтобы выйти из подданства опостылевшей своим деспотизмом скрипки и перейти по зову сердца и к ужасу родителей под знамёна джаза, связав на всю жизнь себя со своей подлинной избранницей – трубой.

В составе лучшего тогда в Европе джаз-оркестра Стефана Вайнтрауба молодой Рознер шесть лет завоёвывал признание любителей джаза по обе стороны океана и к двадцати четырем годам его имя приобрело известность среди самых взыскательных и стало печататься на афишах крупными буквами.

Случилось в ту пору, что в Италии пересеклись гастрольные пути двух лучших джаз-оркестров Старого и Нового Света, Вайнтрауба и Армстронга. Возникла идея устроить состязание солистов. Наплыв публики оказался не просто очень большим, а фантастически большим: в Италии в это самое время шли финальные игры Второго чемпионата мира по футболу. Первой трубе мира – «Великому Сэчмо» (Л. Армстронгу)

не удалось перетрубить своего молодого соперника, но совершенно естественно, что при равенстве сил победа была присуждена прославленному американцу, одному из отцов-основателей джаза. В знак признания и дружеских чувств он подарил младшему брату свою фотографию с надписью: «Белому Луи Армстронгу от черного Адди Рознера», и с этих пор за Рознером в Европе закрепилось реноме Второй трубы мира.

Знак высшего профессионального признания несмотря на то, что он был запечатлён не в дипломе, а на сувенире, означал, тем не менее, что Рознер стал самостоятельной и значительной фигурой в мире джаза, и он понял, что пора попытаться создать собственный джаз-оркестр, где бы он смог проявить свои вкусы и реализовать собственные идеи о стиле исполнения и о роли импровизации, в частности. Успех и признание джаз-оркестра Рознера были быстрыми и блистательными.

Но не прошло и года, как нацистский партейтаг в Нюрнберге провозгласил «Новый Порядок», законы которого запрещали евреям всякую профессиональную деятельность и ещё многое другое. В принципе им было разрешено только регистрироваться, причём в обязательном порядке.

Оставив нажитое добро «новым немцам», уже повсюду размахивавшим руками в повязках со свастикой, семья Рознер в числе многих других еврейских семей, отправилась за океан, разъехалась по разным странам Нового Света. Что же касается находившегося в это время со своим оркестром на гастролях во Франции Адольфа, то он, простившись с родителями, братом и сестрами, отправился в прямо противоположном направлении, на Восток. Что заставило его пренебречь надёжным и спокойным вариантом эмиграции, однозначно ответить трудно. Можно только предположить, что мотивы этого своенравного выбора, сделанного в двадцать пять лет, были родственны тем, которые склонили его изменить, вопреки ожиданиям родителей, свою профессиональную судьбу в восемнадцать. Семь лет назад он решительно простился со скрипкой, с которой был обручён с малых лет, и ушёл в мир

джаза, куда влекли его вкусы и свобода, к звонкоголосой певунье – трубе.

Что сулила ему жизнь со скрипкой? Монастырскую атмосферу симфонического оркестра и вечно указующий перст инквизитора-дирижёра перед носом, с точки зрения карьеры – место первой скрипки или, в лучшем случае, солиста, обречённого, как прима классического балета, до конца дней на академическую точность и солдатскую верность. На службе классическому искусству – как в армии Священной Империи: все, от рядового до фельдмаршала – солдаты Августа. А мечтой юного Адольфа были профессиональное мастерство и свобода интерпретации, виртуозная техника и ничем, кроме вкуса, не ограниченное право на импровизацию. В грёзах он видел себя не правофланговым в строю оркестрантов-легионеров, застывших в строю под знамёнами богоравного Цезаря, а предводителем дружины вольных стрелков. То есть можно с большой долей вероятности предположить, что если свой первый самостоятельный выбор он сделал в пользу артистической свободы, то второй, уже отведав пьянящего напитка из чаши славы, – в пользу артистического успеха.

Дело в том, что ему была уже хорошо известна джазовая конъюнктура в Америке: дюжина прославленных биг-бэндов во главе со звёздами первой величины и сотни джаз-бандов по всей стране, из которых каждый из всех сил старается пробиться на большую сцену. Какая судьба ожидала там джаз-банд Рознера: – третьесортного, с точки зрения не знающих европейского стиля и не любящих ничего чужого американцев, джаз-банда для эмигрантов? Сам Рознер мог бы процветать как исполнитель в любой звёздной компании, но только играя в их стиле и в тени их лидера. Но это совершенно не соответствовало его представлениям о своём будущем. Видимо, поэтому или в первую очередь поэтому он обратил свои взоры к Варшаве – городу с высокой музыкальной культурой, лишь слегка затронутого веяниями, доносящимися с Запада

звуки джаза. Для его джаз-банда там не предвиделось никакой серьёзной конкуренции. Привлекателен польский маршрут был и тем, что почти все его парни имели польские корни, да и у самого Рознера дед переехал в Берлин из Варшавы, и отец оставался польским подданным. В общем Варшава представлялась Рознеру доброй тётушкой, готовой распахнуть перед ним и его дружиной свои двери. И выбор, предопределивший во многом всю его дальнейшую судьбу, был сделан.

А ведь отправься он вместе со своими родными за океан, наверняка, играл бы там в оркестре Дюка Эллингтона, который и двадцать лет спустя помнил о нём и рад был принять его в свой музыкальный клан, исповедовавший, кстати, тот же самый свинговый «чикагский стиль», который полюбился и Рознеру. Уж как-нибудь счёлся бы славою с Дюком, ну пусть не первым, а вторым, но всё равно в почёте и достатке и горя бы не знал. Вполне «мог бы жизнь просвистать скворцом, заесть ореховым пирогом», да видно, нужно ему было горе.

Варшава не обманула ожиданий кочующих джазменов, их искусство было встречено с энтузиазмом и лучшие концертные залы с готовностью предоставлены были для их выступлений. Над вечерней Вислой поплыли «Караван» и «Сент-Луи-блюз», взошла «Голубая луна» и звезда Адольфа (Ади) Рознера. Дела пошли настолько успешно, что через пару лет Рознер приобрел кабаре «Эспланада» и стал подумывать о создании биг-бенда, который стал бы представлять польский джаз. Он решил стать варшавянином навсегда. Вслед за этим само собой пришло решение о необходимости сделать ещё один судьбоносный выбор, и в один из майских дней 1939 года, когда ему пошёл тридцатый год, он принёс корзину пунцовых роз и своё сердце к ногам юной певицы и начинающей актрисы Рут Каминской. Она была ровно на десять лет младше его и ласковая голубизна её смеющихся глаз, и её глубокий мелодичный голос и гордая девическая грация совершенно убедили его, что существа более прекрасного и достойного занять место его Музы и жены ему никогда и нигде не найти. Столь же совершенно убеждённо заняла по этому вопросу

прямо противоположную точку зрения мать прекрасной Рут. Дочь актрисы и создательницы еврейского театра в Варшаве, продолжательница дела матери, актриса, которую чтит весь еврейский мир «от Черного до Балтего», Ида Каминская даже и мысли не могла допустить, чтобы какой-то заезжий «клеизмер», уличный трубач мог быть достоин руки её замечательной дочери. Рут была мудрой девицей: решив, что мнения матери и претендента взаимно уничтожают друг друга, оставляя тем самым право выбора за ней, она рассудила, что, отказав человеку с таким талантом, такой внешностью (Рознер, во всём подражая внешнему облику Гарри Джеймса, знаменитого трубача из оркестра Эллингтона, был одним из самых элегантных людей, каких ей приходилось видеть) и добившись такого успеха, она будет последней душой. Кроме того, вполне вероятно, что к ним пришла и всё решила любовь. Ида Каминская была вынуждена смириться с судьбой, и жизнь для Адольфа и Рут стала прекрасной, как в песне, и оставалась такой целых три месяца.

Но пришел сентябрь, и бомба немецкого «Юнкерса» превратила в груды развалин «Эспланаду», уничтожив всё их имущество и даже музыкальные инструменты оркестра. Колонны немецких танков, разрезая на куски беззащитную против них польскую армию шли с трёх сторон на Варшаву. Правительство бежало на исходе второй недели. Толпы беженцев хлынули на Восток, теперь это осталось единственным возможным направлением. Через две недели после занятия немцами Варшавы «Театр Иды Каминской» и оркестр «Эспланады» в полном составе, с семьями, ночью под предводительством Рознера, одетого в форму немецкого офицера, и под конвоем нескольких артистов, одетых в форму немецких солдат, перешли на другой берег Вислы и очутились в советской зоне оккупации. У Рознера переход в «Ди Вельт Октобер» вызывал больше опасений, чем надежд, но что было делать?! Позади остались дымящиеся развалины Варшавы и лучшая пора его жизни, уже никогда, как подсказывало ему щемящее душу чувство, невозвратимая. Впереди – неизвестность, гадать о

которой можно было только по лицам под фуражками с красной звездой, под настороженными взглядами которых шли они день за днём по Люблинскому шоссе на юг, в сторону Львова. И Рознер не мог отделаться от чувства, что разница между теми и этими только в форме и в языке. Ошибки не было: осуществлялся второй пункт братского секретного договора между двумя фашистскими державами о «территориально-политическом переустройстве» ликвидированного польского государства, в результате которого «граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана». Таким образом, перейдя на восточный берег Вислы, беженцы от арийского рейха «воссоединились с братской семьёй советских народов». И с точки зрения дальнейшей перспективы Рознер не прогадал, потому что Магадан всё же, что ни говори, лучше Освенцима.

По прибытии во Львов опасения его никак не подтвердились. Советские власти отнеслись к ним вполне благожелательно. Иде Каминской предложили возглавить новый Львовский еврейский театр. Рознеру – организовать джаз-оркестр. Вскоре львовские евреи уже могли наслаждаться переведённой на идиш «революционной» драмой Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна», а в театре оперы и балета состоялся первый концерт рознеровского оркестра, в котором вся вокальная часть репертуара исполнялась Рут на русском языке (для чего к Рознеру был прикомандирован специально поэт-переводчик) и через какие-нибудь пару месяцев по стране уже многие поклонники эстрадной музыки распевали новый шлягер: «Ждём вас во Львове!», часто не имея представления, где этот Львов, до недавнего времени скрывавшийся во мраке капиталистического окружения.

Однако дальнейшие пути Рознера и Каминской стали бесконфликтно, но вполне определённо (можно даже сказать: предопределённо) расходиться. Ида Каминская обладала не только замечательным артистическим дарованием, но и значительным общественным темпераментом. Судьба её театра и

судьбы еврейского искусства и культуры в целом была нерасторжимы в её душе. Личные проблемы её родных и артистов её театра – неотделимы от общих проблем той части еврейского общества, в котором она жила, от существования всего еврейского народа. Живые люди, окружавшие её, были плоть от плоти и кровь от крови этого народа, и, когда она говорила: «Мы – еврейский народ», слова эти были полны глубокого искреннего чувства, звучали горячо взволнованно. Находясь в центре этой маленькой частицы еврейского мира, она всегда чувствовала ответственность за её существование и благополучие и должна была изыскивать возможности, чтобы отстаивать их интересы перед местными властями. Оказавшись на новом месте, она сразу активно включилась в налаживание культурной жизни хорошо ей знакомого Львова с учётом, разумеется, новых политических реалий. Была избрана депутатом горсовета. Установила контакты с главным центром еврейского искусства в стране – Московским ГОСЕ-Том, с его художественным руководителем, только что получившим звание народного артиста СССР Соломоном Михо-элсом. Быстро осваивала принятый в разных кругах стиль отношений, новую лексику.

Энергичнейшим образом помогал ей её супруг, Меир Мельман, взявший на себя те же функции, что и в Варшаве – административно-хозяйственные. В области освоения новой лексики он обгонял даже свою актёрски восприимчивую супругу. На новом месте всегда важно быстро узнать и запомнить имена, отчества, фамилии и должности людей, от которых много зависит, а также – как с кем надо говорить. В одних случаях он говорил с добродушной улыбкой: «как говорит хорошая русская пословица: «Сухая ложка рот дерёт», в других – с должной серьёзностью: «Как говорит товарищ Сталин, кадры решают всё!» и никогда не промахивался, в каком случае что сказать. Это вскоре создало ему репутацию надёжного делового человека. В общем, как того и требовала жизнь, они активно вращались в новую почву, ясно сознавая, что здесь они – надолго.

Рознер же, напротив, после Варшавы уже нигде никогда не делал попыток пустить корни, превратившись в кочующего джазмена, в каждом новом месте интересующегося только условиями работы и оплатой труда. К делам общественным он относился равнодушно, к идеологии – с отвращением. Однако, ему хватало здравого смысла не демонстрировать этого. В своем обществе – в кругу своих оркестрантов – он заботился о поддержании дружеской атмосферы. Любил, чтобы при постоянном многочасовом труде на репетициях «поту не было видно», чтобы в воздухе всегда ощущалось освежающее присутствие непринужденности и юмора. Общество, где все понимают друг друга с пары тактов, с полуслова, было его единственной родной средой, в которой он чувствовал себя, как скворец в саду. Вне его он преображался в странствующего миннезингера, выброшенного волнами после кораблекрушения на чужой берег. Не сказать, что в характере его совершенно отсутствовала властность, но он всегда старался держаться не как босс, а как маэстро, и в самом деле был и премьером оркестра, и терпеливым наставником для множества музыкантов из того доброго десятка джаз-оркестров, которые ему довелось создавать часто почти с нуля.

Задачу артиста он видел в том, чтобы среди суеты, шума и грязи жизни разглядеть прекрасные черты в девочке-замарашке, извлечь её из толпы, отмыть и, как следует одев и причесав, вывести во всей красе на белый свет. И он умел, как мало кто умеет, расслышать в примитивном, ничего не говорящем взыскательному слуху напеве какую-нибудь чуть намеченную, лишь пытающуюся возникнуть мелодическую тему и, угадав то, что не сумело проявиться, высвободить из тенет невыраженности и виртуозно аранжировать для джаза. При этом ему всегда удавалось увлечь своих друзей-лабухов поиском средств максимальной выразительности для принятой в свой круг – в репертуар – приглянувшейся незнакомки.

Если же случалось в его присутствии зайти разговор о долге всякого человека искусства участвовать в служении высшим духовным целям общества, Эдди реагировал на это

только ироническим поджатием губ. Иногда, впрочем, он позволял себе процитировать полюбившуюся ему фразу из Стендаля о том, что, слыша рассуждения об общественных идеалах, он опускает руку в карман – проверить, не обнаружит ли там чужую.

Поэтому ничто не препятствовало ему расстаться с гостеприимным, но слишком вовлечённым в активный процесс усвоения новой идеологии Львовом, когда ему были предложены несравненно лучшие условия в более спокойном, провинциальном Белостоке. Но если из Львова «Золотую трубу» услышали в Белостоке, то очень скоро из Белостока слава её долетела до Минска, и Минская филармония пригласила Рознера с его новым Белостокским джаз-бандом выступить в столице Белоруссии. На концерте, состоявшемся весной 1940 года в стенах Минской филармонии, джаз Рознера впервые прозвучал перед представителями элиты советского музыкального искусства и советской власти. Среди слушателей находились гостившие в Минске великие оперные певицы Антонина Нежданова и Надежда Обухова, и муж Неждановой, маститый антисемит и Главный дирижер Большого симфонического оркестра Николай Голованов. Присутствовал и сам партийный вождь Белоруссии Пантелеймон Пономаренко со свитой. Рознеру об этом ничего известно не было, джаз-банд играл в обычной раскованной манере. Играли «Сент-Луи Блюз», «Прощай, любовь», «Караван», «Тихо вода...», обычный репертуар, который успел с ними подготовить Рознер.

Для всех присутствующих это было первое знакомство с подлинным джазом. Успех был ошеломляющий и полный. На следующее утро в гостиницу к Рознеру явился полковник МГБ и доставил его в приемную Первого секретаря ЦК. «Батяка» Пономаренко имел недостойную большевика-ленинца слабость – он любил джазовую музыку. Впервые услышав одного из «королей» мирового джаза, он сразу же принял решение: любыми средствами Рознера оставить в Минске. Без обиняков предложив ему организовать Государственный джаз-оркестр

Белорусской ССР, «Батяка» пообещал ему всемерную поддержку во всём. Единственной просьбой к Рознеру было сменить своё сценическое имя. До той поры и уже более десятка лет он был известен как Ади Рознер. Но в СССР, несмотря на узы дружбы, соединившие его уже как полгода с родственной державой, имя Адольф не приобрело популярности. Рознер согласился и вскоре начались триумфальные гастрольные гастроли Белорусского джаз-оркестра «под управлением и при участии Эдди Рознера» по крупнейшим городам страны. В Москве, в летнем театре «Эрмитаж» целый месяц был аншлаг.

Однажды в ресторане к столику Рознера подсел руководитель и дирижер Государственного Эстрадного оркестра РСФСР.

– Слушай сюда, Эдди! – начал он разговор на тёплой душевной ноте, – Сколько платят тебе твои бульбаши? – Я даю вдвое больше! Переходи ко мне, мне нужна хорошая труба.

Эдди прожевал кусок, отпил пару глотков вина, вытер салфеткой губы, закурил и, глубоко затянувшись, ответил:

– Видишь ли, Лёня, когда я играю, я не люблю, чтобы передо мною кто-нибудь размахивал руками.

Выражавшая основной принцип житейской философии Рознера фраза, которая, будь у него рыцарский щит, красовалась бы на нём, была сказана мягко, но прозвучала категорически. «Покупатель» молча поднялся со стула и ушёл.

Приобретая славу, артист, как жар-птица, сразу становится нужен и царям, и дуракам, и купцам, и кадетам. Но шансы остаться вольной птицей у него ничтожны. Особенно, если Орфею доведётся забрести в Тьмутаракань. Было начало октября, когда по звонку «Батяки» оркестр должен был немедленно собраться и вылететь спецрейсом в Сочи. По прибытии их доставили в гостиницу, а после лёгкого ужина и короткого отдыха – в театр. Там их прежде всего тщательнейшим образом обыскали люди в одинаковых костюмах с лицами пограничников, затем провели на сцену. Некто в костюме другого покроя с лицом начальника погранзаставы распорядился подготавливаться к выступлению. Предстояло дать большой концерт

в двух отделениях. После несколько томительного ожидания в полной тишине вдруг раздалась команда: «Начинайте!» и занавес поднялся. Оркестранты оцепенели в шоке: в зале не было ни души. «Играйте!!!» – раздался из-за кулис свистящий шёпот, и оркестр заиграл. Отыграли весь концерт, так и не увидев никого в зале, не услышав ни единого звука из его тёмной глубины.

Сразу же по окончании выступления их отвезли к пароходу, отходящему в Ялту. Наутро Рознеру позвонили из Сочи и, не представившись, сообщили, что товарищ Сталин был доволен концертом. Это культурное мероприятие, организованное службой личной охраны Вождя в тьмутараканском варианте византийского стиля, конечно же, было оскорбительно для человеческого достоинства, но в этом и заключалась главная изюминка стиля «новых человеческих отношений».

Этот случай намного ускорил понимание Рознером и его друзьями, на каком свете они находятся. Буднично звучащая фраза: «Товарищ Сталин остался доволен концертом» означала абсолютную легитимацию на территории СССР тех, кому было выражено высочайшее удовлетворение. Теперь оркестр БССР прописался неподалеку от Кремля, в гостинице «Москва». Рознер теперь должен был чередовать выступления для широкой публики в «Эрмитаже» с «закрытыми концертами» для «больших людей», поездки же в Белоруссию превратились в гастроли, случавшиеся ненамного чаще, чем в другие крупные центры страны. В кругах деятелей искусств, приближенных к кругам государственных деятелей на расстояние протянутой за вознаграждением руки, Рознера стали называть в частных разговорах «сталинским джазменом», а его оркестр – «сталинским джаз-оркестром». Ему даже было предложено сочинить джазовые вариации к вальсу Штрауса «Сказки Венского леса», полюбожившемуся Вождю, и исполнить их в фильме «Концерт-вальс», снимавшемся по его желанию.

– Ты, говорят, умеешь в две трубы трубить, – сказал Рознеру, наставляя его, ведавший при дворе Вождя вопросами культуры начальник его охраны, – так теперь труби во все

три! Сам должен понимать, какое дело тебе доверяется. Сумел затрубить ей там в лесу – молодец! А теперь валяй труби в три раза лучше!

Никакого участия в съёмках «Большого вальса» Рознер, естественно, не принимал и исполнительницу главной роли в нём Милицу Корьюс и в глаза никогда не видел. Когда-то с джазом Вайнтрауба он снимался в фильме «Голубой Ангел», главную роль в котором исполняла знаменитая Марлен Дитрих. Замотанный делами своей многотрудной службы генерал немного перепутал. Но Рознер всё равно его не понял, однако играл, как всегда, отменно. И Хозяину опять понравилось. А у Рознера появилось ещё одно прозвище, среди поклонников его стали называть «Иоганном Штраусом джаза».

Причина феноменального успеха Государственного джаз-оркестра БССР объяснялась не только высоким мастерством его руководителя и оркестрантов, но, пожалуй, ещё в большей степени тем, что они «попали в случай». В СССР они попали в тот самый год, когда там был построен социализм. Об этом советскому народу сообщил сам Вождь с трибуны партсъезда. По такому случаю по всей стране разом начались стихийные манифестации благодарности и преданности народа своему Правительству, Партии и Вождю, под руководством которого удалось сотворить такое чудо. Нешуточное дело! Сколько веков лучшие люди мечтали, ждали, надеялись и вот, оно стало явью – всенародное счастье! Социализм!

Стоило утру окрасить нежным цветом стены древнего Кремля, как все граждане, пробудившись, начинали ликовать. По улицам и площадям городов, украшенных флагами, плакатами и портретами вождей двигались праздничные шествия трудящихся в праздничных одеждах, стройные колонны красноармейцев, которых сменяли физкультурники, физкультурников – пионеры, пионеров – ансамбли народных песен и плясок. Музыка, песни, цветы. Радость не знала границ. И со всех сторон, с громадных портретов смотрел на то, как поёт и пляшет вся Советская страна, товарищ Сталин, пряча в роскошных усах ласковую усмешку.

Высочайшей своей вершины празднества достигали, разумеется, в Москве. Каждое утро со всех вокзалов потоки гостей столицы устремлялись к Красной площади, туда, где проходит мировая ось и высится Мавзолей вечно живого Ленина. Море цветов и флагов затопляло её, море радостных лиц, вереницы принарядившихся охранников, шпалеры улыбающихся милиционеров. С утра до вечера из репродукторов гремела бравурная музыка и нескончаемым потоком лились песни. В голубом небе краснозвездные самолёты пролетали строем, образующим имя Вождя. Время от времени распорядители, не в силах сдержать нахлынувших чувств восклицали в мегафоны: «Слава великому Сталину!» и массы взрывались громогласными криками «Ура!!!» И снова песни, марши, пляски, смех. Во всех кинотеатрах лихо пахали и задорно хохотали кудреватые молодцы-"Трактористы», хихикала «Волга-Волга», показывала белые зубки, ножки и норы «Девушка с характером». Под сенью великолепных павильонов только что открывшейся Выставки достижений народного хозяйства красовались громадные плоды социализма и самые знаменитые свинарки и доярки встречались с прославленными пастухами и комбайнерами.

Когда же в тёмной синеве над счастливой столицей загорались рубиновые звёзды Кремля, на сцены театров, концертных залов и дворцов культуры выходили ярчайшие звёзды советского искусства. Первые лауреаты Сталинских премий исполняли перед первыми Героями социалистического труда Первый фортепьянный концерт П.И. Чайковского. Самые искусные балерины закручивали такие фуэте, что у зрителей начинала кружиться голова. А самое лучшее лирико-колоратурное сопрано призывало их поднимать бокалы с вином и осушать разом. И, естественно, осушали. И призыв лучшего баса: «Выпьем, ей-богу, ещё!» тоже не оставался неслышанным. В общем, веселились до упаду. Никогда ещё у новой исторической общности – советского народа не было такого замечательного и продолжительного праздника.

Иногда, правда, когда на короткие ночные часы затихал праздничный гул, до слуха спящих граждан доносилось приглушенное твуканье пистолетов со стороны Лубянки. Это происходила очередная ротация кадров в органах. Славно потрудившихся в последние досоциалистические годы товарищей отправляли на заслуженный отдых. Это заставляло тех, у кого сон был некрепок, плотнее закутывать голову одеялом, справедливо полагая, что это – чисто внутреннее дело наркомата чисто внутренних дел, и, вытесняя ненужные мысли воспоминанием о доброй улыбке, прячущейся в роскошных усах, гражданам вновь погружались в спокойный сон, чтобы, как только утро окрасит нежным цветом побуревшие от пролитой за правое дело крови стены Кремля, вновь пуститься в пляс.

Неудивительно, что в атмосфере всеобщего благодушия и всенародной любви к власти, Сам тоже разрешил себе чуточку расслабиться, смягчив на время свой революционный ригоризм. Распространились даже не пресекавшиеся органами слухи, что товарищу Сталину нравятся роман «Три мушкетёра», опера «Риголетто» и кинофильм «Большой вальс». Конечно, все понимали, что этим самым они силою исходившего от вождя марксизма-ленинизма очищались от классовой скверны и обнаруживали глубинное пролетарское благородство. Как только это стало известно, роман был издан миллионным тиражом, «Большой вальс» на целый месяц занял экраны всех пятидесяти двух кинотеатров Москвы, а песенка повесы-герцога затмила по популярности даже арию Ленского.

Вот в такое-то развесёлое время пришло Рознеру с его оркестром заявиться в Страну Советов, и немудрено, что он оказался ко двору. Но всякому празднику приходит конец. Пару лет поплясали и – нате вам! Подлец Гитлер самым предательским, вероломным образом нарушил честный дружеский договор. Можно сказать, наплевал в душу – и напал на верного друга и собрата по социализму, нанеся коварный удар в незащищённую братскую спину. Началась война.

Все годы войны оркестр Рознера колесил по всей стране, выступая перед фронтовиками и перед тружениками тыла, в

воинских частях, госпиталях и на заводах. Популярность «Парня-паренька» сравнялась с популярностью «Огонька» и почти достигла «Синего платочка». В 1943-м оркестр получил Почётную грамоту от командующего Белорусским фронтом маршала Рокоссовского и вскоре, после того как Белоруссия была освобождена и «бацька Пантелеймон» опять вступил в свою державу, самому Рознеру было присвоено звание заслуженного артиста БССР. К концу войны популярность его оркестра было уже близка к всенародной, и на Празднике Победы в Парке Культуры им. Горького ему рукоплескала такая многотысячная аудитория, какой Москве на музыкальных концертах ранее видеть не приходилось. После этого ещё год гастрольные поездки рознеровского оркестра сопровождались шумным успехом. Свой последний большой концерт «Вот мы и празднуем» Рознер дал в начале августа 1946 года на сцене Центрального театра Красной Армии, и как только смолкли овации, над артистической судьбой «сталинского джазмена» опустился плотный занавес.

В качестве рецензии газета «Известия» опубликовала статью «Пошлость на эстраде», автор которой, старший инспектор главка муз. учреждений Всесоюзного Комитета по делам искусств по фамилии, напоминающей удачно подобранный псевдоним, Грошева уведомляла, что чуждым для советского народа формам так называемого искусства отныне нет места на нашей сцене, что «третьесортный трубач», он же «маэстро из Берлина» пытается насаждать в нашем обществе низкопробные буржуазные вкусы, и тем, кто способствует ему в этом, придется вскоре осознать свою ответственность перед зрителями. Трудно сказать, осознал ли свою ответственность главный пособник Рознера Пантелеймон Пономаренко, расставшийся вскоре с должностью «бацьки» вся Белоруссии, в связи с переходом на работу секретарём ЦК КПСС и министром культуры СССР, но тем, у кого возникли сомнения в компетентности «музыковеда в штатском», очень скоро предстояло с ними расстаться. Через пять дней после публикации указаний Елены Грошевой, 14 августа было принято постановление ЦК

«О журналах «Звезда» и «Ленинград», заклеившее дух «низкопоклонства по отношению ко всему иностранному».

Погодные условия на «одной шестой части суши» вновь резко изменились. Они соответствовали резкому различию во взглядах на роль и сферу влияния СССР в послевоенном мире между Хозяином самого СССР и недавними союзниками СССР. Он считал, что эта роль должна быть не меньше, чем в победе над Германией – то есть, главной, а хозяйство должно расширяться пропорционально роли. Поскольку политические руководители Запада сочли такую логику принципиально ошибочной, он объявил их «поджигателями войны» и круто переложил руль: дредноут социализма лег на курс тотальной борьбы за мир. А всё, что как-нибудь было связано с Западом, пахло западным духом, выглядело по-западному, звучало по-западному – стало враждебно лагерю мира и социализма и отвратительно для советского человека. Партия, органы госбезопасности и все честные советские люди единым фронтом начали наступление на врага. Личины у него были разные: буржуазный национализм, космополитизм, идеализм, формализм и ещё дюжина разных «-измов», но на самом деле он был един и его подлинный облик дяди Сэма с крючковатым еврейским носом каждый день публиковали центральные газеты, чтобы все советские люди знали, как выглядит враг. Наступление было начато сразу широким фронтом под знаменем «борьбы против преклонения перед иностранщиной», чтобы в широко расставленные сети попались, были выявлены и взяты на учёт сторонники всех ядовитых «измов», гнездящиеся в щелях общества.

Так Эдди Рознер опять попал в случай, но на этот раз в далеко не счастливый. Наоборот, сразу ощутимо запахло бедой. Став в одночасье «третьесортным трубачом» он понял, как права была его теща, когда сразу после опубликования указа Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 года «О выходе из советского гражданства лиц польской и еврейской национальности бывших польских граждан» стала уговаривать дочь и зятя как можно скорее расстаться с эстрадой и

оформить выездные документы, чтобы вместе уехать в Польшу. Перебравшись, благодаря связям Рознера, в 1944 году из глубин Средней Азии, куда её забросила эвакуация, в Москву, она сумела гораздо лучше своего зятя разобраться, каким духом понесло из кремлёвской подворотни после того, как отшумели радостные праздники в честь великой Победы. Ида Абрамовна никогда не вникала в проблемы большой политики, но довольно точно угадывала текущий курс акций антисемитизма на бирже идеологических ценностей и логику зигзагов государственной политики в отношении к «еврейскому вопросу» постигала чутьём, а не посредством анализа. Пока шла война с германским фашизмом, евреи были полезны как его жертвы и свидетели его преступлений. В качестве таковых они помогали склонить Америку к более активной помощи Советскому Союзу в войне. Но теперь, когда Америка была утверждена на роль главного врага, логически закономерно евреям было отведена роль пятой колонны Америки в СССР. Теперь от каждого еврея несло возможным предательством за версту. У всех них были родственники в Америке, все они жаждали посылок и подачек из-за океана и за подачки были готовы на всё. Логика требовала, чтобы органы госбезопасности вместе с административными органами всё это учитывали. В обстановке беспримерной активизации антисоветских сил в лагере империализма каждый потенциальный предатель и шпион должен быть учтён и взят под надёжный контроль. Присутствие в воздухе настроений, навеваемых этими государственными соображениями, и улавливала Ида Абрамовна настолько отчётливо, что как только услышала о начале борьбы с «преклонением», немедленно атаковала зятя с требованием бросать всё и ехать.

До этого Эдди колебался, хотя и признавал весомость многих аргументов тёщи. Нелегко было ему популярному артисту, находившемуся на гребне славы, уйти со сцены, когда гром оваций сопровождал его выступления по всей стране. Но Грошева помогла ему, и он уже без колебаний подал заявление в польское посольство с просьбой о репатриации, и очень скоро

получил ответ, что «все необходимые документы будут оформлены в течении шести месяцев».

Другой ответ он получил от своего покровителя Пантелеймона Пономаренко, которому стало известно о заявлении Рознера. Вызвав его к себе и пожурив за неблагодарность, «Батька» в категорической форме запретил ему даже и думать о том, чтобы бросить республиканский оркестр.

– Обиделся?! Переживи! Критика она на то и есть критика. Устал? Бери отпуск и поезжай на два месяца с семьёй в Сочи. Хорошо отдохнёшь, всё забудется и будешь работать как работал. И чтоб я не слышал больше ни про какую Польшу!

Понимая, что спорить с «Батькой» бесполезно, Эдди было пригорюнился, но тут неожиданно он получил ещё один ответ на своё заявление. Некто Березовский, артист чрезвычайно распространённого в СССР жанра, с которым у Рознера было чисто шапочное знакомство, случайно встретившись и разговорившись, сообщил ему, что существует гораздо более простой способ выезда в Польшу, безо всякой мороки с посольством, что во Львове работает польский представитель, ведающий регистрацией бывших польских подданных и отправкой их прямым поездом Львов – Варшава. Он предложил Рознеру, если тот хочет, познакомить его с этим представителем, поскольку сам у него уже зарегистрировался и ждёт очередного поезда, который будет в конце месяца. Только если Рознер надумает ехать, то надо спешить, потому что регистрация заканчивается буквально на днях. И Эдди заспешил. Когда на прямых путях к желанной цели возникают труднопреодолимые преграды, нет ничего соблазнительней простых обходных решений. Быстренько оформив отпуск, чтобы его отсутствие ни у кого не вызывало вопросов, он выехал с женой и трехлетней дочкой во Львов (Ида Абрамовна, не дождавшись их, уехала с мужем двумя неделями раньше). Представитель огорошил Эдди тем, что регистрация уже закончена, но, оказавшись человеком сговорчивым, за 20 000 рублей согласился оформить её задним числом. По-

сле чего уехал с артистом Березовским в Варшаву, а Эдди поехал обратно в Москву в отдельном купе и в наручниках. Несколько позже поехала и Рут с дочкой – в Казахстан, в ссылку.

На следующий день по прибытии во внутреннюю тюрьму МГБ на Лубянке Рознер был препровождён вертухаем в кабинет заместителя начальника следственной части по особо важным делам полковника Лихачёва, который и сообщил ему причину его ареста: измена Родине путём нелегального выезда в США с целью передачи шпионских сведений. Никаких иных вариантов, кроме расстрела подобное обвинение не предусматривало, и довести до сведения Рознера ожидающие его перспективы, видимо, и было главной целью первого его допроса, потому что его отрицательный ответ на вопрос, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении преступлении, нисколько не разочаровал полковника и он, не задавая более никаких вопросов, отправил Рознера в камеру.

Лживость предъявленного обвинения от первого до последнего слова была очевидна, что, однако не было редкостью в те времена, а скорее нормой. Но вот почему этим «фуфлом» занялась следственная часть по особо важным делам и почему через три недели после ареста Рознера допрашивал уже не полковник, а генерал-полковник – лично сам министр госбезопасности, кстати и утвердивший собственноручно постановление на арест Рознера, это и для тех времён выглядело загадочно. Вопрос мог бы, конечно, разрешить протокол допроса. Но Абакумов разговаривал с Рознером в течение часа с глазу на глаз и никаких сведений о содержании этого разговора, кроме самого его факта и даты – 10 декабря 1946 года, в деле Рознера на осталось. Можно только предположить, что министр попусту потратил время, поскольку после этого разговора следствие ещё семь месяцев топталось на одном месте: протоколы восьми десятков допросов, которые вели, чередуясь, два подполковника, неизменно заканчивались категорическим отрицанием Рознером шпионских целей и американского маршрута. Наконец, после того как у него начался туберкулёзный процесс, его уломали подписать, что

он собирался ехать в Америку. Ограничившись этим скромным успехом, МГБ постановлением собственного Особого совещания от 7 июля 1947 года за измену Родине отвалило Рознеру Адольфу Игнатьевичу аж десять лет ИТЛ. Из всех загадочных несообразностей в деле Рознера это была самая несообразная. Даже за попытку изменить Родине давали двадцать пять. И дело не в том, что в данном случае не было ни попытки, ни Родины, а всего только страна эмиграции, в которой обвиняемый прожил шесть лет и из которой намеревался выехать на законном основании, хотя и не вполне законным образом, за что наиболее адекватным наказанием должен был стать штраф и не более того. Феноменальный характер этому мелкому, заурядному в принципе делу придавало то, что МГБ, заподозрив человека в тяжчайшем преступлении против государства, пусть даже не в совершении такового, а лишь в намерении его совершить, выпустило его в лагерь с минимальным для времени максимального могущества МГБ сроком. Местом отбывания срока этого лёгкого наказания избран был, правда, Севвостлаг – не лучшее место для лечения туберкулёза.

Однако до Колымы Рознер не доехал. В Хабаровске, в связи с обострением легочного процесса, его направили в больницу. На следующий год личное дело выписанного из больницы в Хабаровский ИТЛ Рознера легло на стол Комиссии по отбору «особо опасных государственных преступников» в только что созданные «особые лагеря» (спецлагеря МГБ в ГУЛАГе МВД). Как и положено изменнику Родины Рознер получил путёвку в колымский Берлаг. Однако, согласно положению, об «особых лагерях» решения местных комиссий должны были утверждаться в Москве Центральной Комиссией, состоявшей из заместителей Генерального Прокурора, министра внутренних дел и министра госбезопасности, причём последний возглавлял комиссию. Но деле зэка Рознера Комиссия начертала: «Оставить в общих лагерях». Хранимый таким образом от горших бед неисповедимым попечением МГБ, последующие два года Рознер отбывал в Хабаровском ИТЛ, где создал из числа заключённых-музыкантов джаз-оркестр. В летние месяцы его

и ещё несколько артистов из лагерной культбригады отправляли в пионерский лагерь для детей работников краевого УНКВД, где они приняли активное участие в организации художественной самодеятельности. Рознер, естественно, был музыкальным руководителем и артистом, а также трубил подъёмы, отбои и сборы на пионерскую линейку. Однако осенью 1950-го он вновь оказался в больнице, сначала в Хабаровске, потом в Комсомольске-на-Амуре. В Нижне-Амурском ИТЛ его находит письмо известного эстрадного певца Вадима Козина, отбывшего срок в Магадане и по освобождении работавшего там худруком ансамбля песни и пляски клуба военизированной охраны. Они познакомились в 1940-м, когда Рознер был на гастролях в Ленинграде. Козин советовал ему попытаться попасть на этап в Магадан и не опасаться этого этапа, если будет на него назначен. Уверял, что в Магадане у него будут лучшие условия, какие только возможны в лагере, что он окажется в хорошем артистическом коллективе. И хотя Рознер не предпринимал попыток попасть на Колыму, в конце 1951 года вместо давно утратившего силу спецнаряда на этапирование его в Севвостлаг от июля 1947 года, появился новый, подписанный начальником УСВИТЛа генерал-лейтенантом Жуковым. Конечный пункт назначения был тот же: СевВостлаг, а цель этапирования была сформулирована несколько иначе. Вместо «для отбытия срока наказания» значилось: «для дальнейшего содержания и использования по организации художественной самодеятельности».

Легко заметить, что предписание этапировать Рознера в Ванинскую пересылку для отправки в Севвостлаг, по разным причинам не выполнявшееся в течение четырёх с лишним лет, вдруг вновь обрело силу после того как в июле 1951 года был арестован министр госбезопасности Абакумов. Резонно предположить, что, арестовав Рознера и подвергнув его чекистской обработке, которую из-за начавшегося туберкулёзного процесса пришлось прервать, добившись лишь частичного успеха, Абакумов «законсервировал» его как ценного фигуранта в каком-то крупном деле, находящемся в производстве,

а пока отправил «на сохранение» в ГУЛАГ. Установить, что это за крупное дело, которым МГБ занималось в течение пяти абакумовских лет – это тоже не бином Ньютона, скажем мы вслед за булгаковским котом. Такое дело было только одно и занимало оно главное и центральное по отношению ко всем другим делам место в психике Хозяина. И то, что в истории сталинской юстиции оно осталось под скромным наименованием «дело ЕАК» свидетельствует только о неудаче, постигшей и Хозяина и его опричников в организации этого дела (в неудаче второй попытки, известной под именем «Дело врачей» винить его уже не приходится). Указание о тщательнейшем расследовании сионистского заговора «на всю Россию» Абакумов получил от Хозяина сразу по вступлении на министерский пост и взялся за дело рьяно, но выполнить не сумел. За пять лет так и не собрал необходимой для организации большого процесса доказательной базы.

Раздосадованный Хозяин сделал вид, что поверил доносу о причастности самого Абакумова к сионистскому заговору, и отправил верного, но туповатого пса на живодёрню. Нового министра занимало прежде всего новое «мингрельское дело», порученное ему Хозяином. А что касается Рознера, то он ему, скорей всего, был неизвестен и в любом случае неинтересен. Таким образом выкованный в кабинете Абакумова и висевший над головой ничего не подозревавшего Рознера дамоклов меч бесследно растворился в воздухе, а его лагерная судьба поступила в распоряжение лагерных хозяев местного значения. Следствием сего и стало то, что на исходе пятого года от выезда из Москвы он добрался до бухты Ванино, чтобы занять своё место на нарах среди ожидающих Харона.

...Различие жизненных путей и взглядов на жизнь никак не мешало установившимся в компании игроков в преферанс приятельским отношениям. Лишенная событий жизнь поводов для разногласий не давала. Залетающие по случаю в зону новости с воли были довольно однообразны и часто недостоверны. На политические темы общих разговоров практически не велось, потому что, кроме Михаила Ильича, склонного

большинство явлений жизни рассматривать именно с политической точки зрения и не утратившего полемического темперамента, других охотников до политических дискуссий в компании не было.

Михаил Ильич остался человеком глубоко партийным, хотя в партии и состоял всего три года: вступил в год «ленинского призыва» и вычищен был в 27-м за принадлежность к «оппозиции». Для него трагедия века была прежде всего трагедией идеи, скомпрометированной негодяями, захватившими власть в партии и в стране. В душе он лелеял надежду на будущее поколение коммунистов, которое восстановит чистоту идеи и претворит её в жизнь.

Алексей Иванович, хотя и пробыл в партии вдвое дольше – с 1943 года, когда начальник политотдела армии уломал его подать заявление, и до ареста, – никогда по сути партийным человеком не был и не верил в способность партии руководить жизнью народа. Причину трагедии, постигшей страну, он видел в отсутствии общественных сил, способных помочь народу организовать и защитить свою жизнь от политических преступников и пройдох. Однако он сохранял некоторую надежду на то, что после естественного ухода со сцены главарей нынешнего режима начнется междоусобица среди наследников и возникнет возможность объединения решительных и честных людей, которые смогут освободить страну от злокачественного политического образования.

Ну а Васильич и Эдди вообще считали себя людьми, не имеющими никакого отношения к политике, и относились к ней неприязненно, считая её основной причиной большинства человеческих несчастий. Эдди ещё разрешал себе высказать порой суждения, вроде того, что классовая борьба в СССР окончится победой людей с четырёхклассным образованием над теми, кто имеет семиклассное, и тогда диктатура тупорылых отупеет настолько, что достигнет наконец коммунизма, процветавшего в первобытном стаде. Конечно, подобные выходы вызывали возмущение в душе Михаила Ильича, но он

не разрешал себе опускаться до спора с человеком невежественным (то есть, марксистски необразованным) и политически чуждым.

Васильич же просто не проявлял никакого интереса к тому, что касалось политики. Про себя он считал, что политика – это хитрость власти, чтобы обманывать народ или любого, кого надо обмануть. И сколько ни рассуждай, всё равно обманет, на то она и власть. На своём веку он хорошей власти не видал и прежде, как говорят, такой не было. Конечно, если бы такие люди, как Алексей Иванович, стояли у власти, было бы хорошо. Но в глубине души он не верил, что это может быть: не сходилось одно с другим. Потому что тех, кто любит власть и деньги, всегда больше, чем тех, кто любит справедливость. Может эта власть и переменится и будет какая-нибудь другая, а правды всё равно не будет. Так что и говорить не о чём. Только и остаётся, как говорит Алексей Иванович, закрепиться на позиции да ждать от Бога подмоги.

Каждый из них имел свой резон не беречь душу ни себе, ни другим, коротая время в ожидании будущего, ничего хорошего им не обещавшего. Пустой барак и листок бумаги с записью «гор» и «вистов» были единственными аксессуарами их призрачной жизнедеятельности. Так в ненастную пору своих сошедшихся на краткий срок судебных под шелест выпадавших чередой карт и дней без радости при выигрыше и без споров при проигрыше занимались они на краю земли делом.

Музыка на водах

Пока об этапе было известно только то, что он будет, когда откроется навигация, о нём особенно не думали. Жизнь на пересылке текла своим чередом, день за днём – всё то же: в животе пусто, но спать вволю, а сон хлеба не просит. Но стоило только распространиться по зоне слуху, что в порту уже стоят под погрузкой две коробки – одна на Сахалин, другая на

Колыму – и как только загрузят нижние трюмы техникой и товарами, настанет очередь ээка, зону охватила предэтапная лихорадка.

Дальний этап в лагерной жизни – явление особое. От него всегда веет знобящим ветерком судьбы, в представлении ээка – бабы безглазой и безжалостной. По отношению к нему они всегда делились на фаталистов, шедших на этап с угрюмой покорностью или с презрительным безразличием, и «шустряков», чья философия жизни требовала делать всё возможное, чтобы попасть на «центральной» этап или, что ещё важнее, чтобы «тормознуться от гробового». Конечно, если даже и удавалось найти с какого бока и на какой «козе» подъехать к нарядчику или к «лепиле» из санчасти, желанных результатов это не гарантировало, но, чтобы выжить, надо «шустрить». В основе любой философии лежит вера.

С точки зрения «хозяев» ГУЛАГа этап является мерой прежде всего репрессивно-режимного характера, применение которой, когда это возможно, должно производиться с учётом «народнохозяйственных планов», а если нет, то и без учёта таковых. Политзаключённых, к примеру, полагалось подвергать этапированию каждые полгода, независимо от производственных соображений. Соображения, от которых зависел выбор такого календаря, были чисто житейскими. За полгода заключённый худо-бедно обживает в новом лагере, нагревает место на нарах, как-то приспособливается к работе, заводит знакомства в промзоне. Всё это облегчает его существование, смягчая тем самым предусмотренную меру наказания, и, что «особенно чревато», увеличивает возможности для побега. Поэтому необходимо не давать ему приживаться на одном месте, регулярно обновляя условия содержания.

Во все времена карательная идеология основывалась на религиозном или почти религиозном убеждении, что насилие всемогуще, а человек по преимуществу – скотина или почти скотина. И когда на эту скотину находит блажь возмнить себя свободным существом, обладающим правом противопостав-

лять свою ничтожную волю державной воле государства, вышая необходимость требует применить максимально строгие меры, чтобы превратить эту отбившуюся от рук особь в тварь, дрожащую перед властью до конца дней своих. С большим или меньшим успехом это достигалось за счёт находчивости и изобретательности в применении одних и тех же репрессивных мер, составляющих извечный карательный стереотип.

Широта родной страны и бурное развитие транспортных средств в предбольшевистской России позволили творцам и энтузиастам ГУЛАГа обогатить этот древний стереотип на последней его, собственно карательной, фазе оригинальной новинкой – дальним этапом. И когда ГУЛАГ вырос, заматерел и раздался вдоль и поперёк, регулярные переброски масс заключённых по бесчисленным управлениям лагерного континента стали органичными элементами жизни страны, побеждённой социализмом.

Однако всякое совершенство имеет предел. И немалое число заключённых вместо того, чтобы в результате применения к ним столь передовых методов перевоспитания превратиться в безгласных граждан СССР с наколкой «раб КПСС» на душе, сумели приспособиться и выжить в условиях резко континентального климата ГУЛАГа. Привыкнув жить без всего, без чего с общепринятой точки зрения жить нельзя, они приобретали независимость сродни дикой воле; привыкли жить одним днём, в каждой зоне сразу занимать своё место в своей «масти» – среди таких же «отвязавшихся» или «ломом подпоясанных»; привыкали не надеяться ни на зачёты, ни на амнистию и вообще ни на что, что может дать или не дать власть, и наглухо завязали иметь какие-либо виды на будущее, кроме как на пару глотков чифиря вечером в сушилке барака. Для такого отвязавшегося, отбившегося от отеческих рук власти арестанта, когда он порвёт в душе все связи с миром, из которого выброшен, и приучит тело не вспоминать о сытости, уюте и ласке, его колкая, как лёд, свобода дороже для него той, которую может вернуть ему власть. Такой парадокс не был предусмотрен самой передовой карательной системой.

В компании любителей преферанса не было, однако, никого, кто бы сидел достаточно долго, чтобы достичь такой замечательной независимости от внешних условий, и общее возбуждение в зоне подействовало и на них. На этот раз хорошим считался этап на Сахалин, а «гробовым», как всегда – на Колыму. И хотя на Колыме лагерей – как вшей, и конкретным местом назначения этапа была магаданская пересылка, где уже работникам УСВИТЛа предстояло решать, кого к какому «хозяину» посылать, но уже одно слово «Колыма» приобрело за двадцать лет в народе такую славу, что само по себе нагоняло страх. На Соловках и на Беломорканале, в Горлаге, Степлаге, Песчлаге и прочая, и прочая – во множестве проклятой памяти уголках родимой земли, получивших от обожавших живую природу чиновников министерства гробовых дел наименования, игравшие красками всех ландшафтов ГУЛАГа, людей «стирали в лагерную пыль» столь же успешно, как и в лагерях Колымы. Перед советским человеком, в какой бы из этих уголков ни доставил его всесоюзный конвой, открывалась равно широкая дорога в лучший мир. И всё же надо признать, что у духа ненависти к жизни, справившего большой бал на нашем веку, были резоны и кроме своеобразия ландшафтов, чтобы поставить престол своей дымящейся над миром славы у предгорий Карпат на берегу Вислы, а по прекращении жертвоприношений в этом избранном местечке перенести его с территории рухнувшего Рейха на просторы ещё верного ему Союза и воздвигнуть среди сопот Колымы.

Во всяком случае, даже Эдди, несмотря на защитную сень спецнаряда в Маглаг, простиравшуюся над его головой, испытывал некоторое душевное смятение: «А чёрт его знает, что взбредёт в голову этим бандитам (у него уже был опыт знакомства с «всесоюзным конвоем» при этапе через всю страну), когда он вновь окажется в их руках, и обратят ли они внимание на какую-то бумажку в деле?!» Вследствие этих веских соображений Эдди записался на приём к врачу, сунув червонец из надёжно припрятанного НЗ в руку «лепилы», записывавшего больных во всех зонах пересылки, которых потом

поочерёдно водили в медсанчасть, находившуюся в административно-хозяйственной зоне.

Впрочем, эта жертва не алтарь Эскулапа оказалась совершенно бесполезной. Человеколюбивый божок древних эллинов был бессилён как-либо повлиять на судьбу Эдди, потому что бумажка, на которой она была начертана, исходила непосредственно с высот магаданского Олимпа и на ней красовалась печать УСВИТЛа. Именно там в ранге Зевса восседал генерал-лейтенант, которому были безраздельно подвластны и заключённые, и конвой, и ванинская пересылка, и все лагеря «чудесной планеты». Поэтому попытка Эдди «тормознуться» была так же бессмысленна, как если бы он попытался воспрепятствовать движению своей звезды на небесах. Через пару дней, покорясь судьбе, он плечом к плечу со своими партнёрами по картам понуро проследовал на борт старого угрюмого эковоза с надписью «Дальстрой» на сером, в грязных подтёках борту.

Как только прошли Лаперуз и вышли в открытое море, «Дальстрой» закачался на крупной волне. Вскоре заштормило, и набегающая от Курил океанская волна стала толкать его, захлёстывая на палубу, к темнеющей под ветром громаде Сахалина. Пыхтя и отплёвываясь, «Дальстрой» стал забирать всё мористей. Конвой наглухо задраил и зачехлил люка трюмов и убрался с палубы.

Внизу наступила крошечная тьма, наполненная лишь гулом от бившихся о борта волн. Через некоторое время тысячи тел, лежавших на стальной палубе трюма начали содрогаться и корчиться от мучительных приступов тошноты. Не страдавшее от «морской болезни» меньшинство тоже мало по малу стало впадать в мрачное расположение духа. Ситуация всемерно способствовала тому, чтобы все страхи и тревоги, тоска и гнёт безнадежности, положенные заключённым по штату, поднялись из глубин души и затопили сознание. Если жгущие душу воспоминания и сожаления можно метафорически принять за «огонь, который не угасает», то при наличии скрежета зубов и крошечной тьмы некоторая аналогия с евангельской

картинкой воздаяния грешникам в загробном мире, безусловно, имела место.

Сутки сменялись другими, но в трюмах время не двигалось. Атмосфера отрешённости от мира живых и Богооставленности предполагает отсутствие времени. Чёрный, как утюг, с красным и зелёным глазками на носу «Дальстрой» упрямо рыл волны, пробиваясь в штормовой мгле всё дальше на север. Сходство этого невольничьего корабля с государством – масса рабов внизу, свора охраны наверху – было столь прямым, что появившись на его капитанском мостике призрак с трубкой в рыжеватых усах и рукой, засунутой за борт шинели, это выглядело бы вполне реалистично.

Шторм прекратился внезапно и полностью на третий день. Ветер очистил небо от туч, и солнечные лучи заискрились на мелкой волне успокаивающегося Охотского моря. По палубе загрохотали сапоги забежавших взад-вперёд матросов и солдат. Когда открыли люк, вниз под косым углом хлынул свет и стал виден кусок голубого неба. Мгла метнулась в углы трюма, открыв взгляду его огромные сумрачные недра. Среди устилавшей палубу серой массы тел началось копошение. Зеки жадно хватали ртами свежий морской воздух, широкой волной вливавшийся в трюм и быстро вытеснивший спёртый, пропитанный запахами рвотных масс и нечистот. Через час в трюм спустили пару огромных бидонов с водой и бак с горячей гороховой похлёбкой.

Те, кто избавился с прекращением качки от физических страданий, попив воды и кое-как почистив себя и своё место, вновь укладывались на свои бушлаты и обессиленные двухсуточной пыткой впадали в дремоту. Остальные, поев, пускались в преувеличенно оживлённые разговоры, будто хотели громким голосом скорее развеять призраков ночи. Но скоро и они задрёмывали, побеждённые обильной едой. Поскольку большинство есть было ещё не в состоянии, то все, кто хотел, могли наесться вволю.

Васильич, едок серьёзный, привыкший, когда к тому представляется возможность, наесться впрок, очистил четыре

миски и ещё три поставил у себя в ногах про запас. Вообще-то, это не было из ряда вон выдающимся достижением, поскольку в литую миску с буквами МВД на тыльной стороне донышка вмещалось не более полутора стаканов жидкости. Но тем не менее стало поводом для шуток всей компании, расположившейся рядком, головами к переборке, разделяющей трюма. На Васильича, впрочем, эти шутки никакого впечатления не произвели. «Никогда не поверю, что можно досыта горохом наестся», – сказал он убеждённо и, удовлетворённо облизав ложку, завернул её в чистую тряпку и засунул в карман. Мало-помалу в трюме опять установилась тишина.

Внезапно раздался высокий протяжный звук. Поднимаясь вверх, он поплыл над трюмом к свету, становясь всё сильнее и глубже и наполняя пространство. Все, кто ещё не заснул, подняли головы и обернулись в ту сторону, откуда он исходил. У переборки, чуть закинув голову назад, сидел Эдди, прижимая к губам трубу, на которой играли блики света. Льющийся из неё звук достиг своего зенита, продлился несколько мгновений сверкающий и величавый и начал снижаться, становясь по мере угасания всё менее лучистым, всё более задумчивым и печальным. Но где-то на грани полного исчезновения он вновь взмыл вверх, однако, не достигнув той полноты и длительности, что в первый раз, опустился и, уходя вдаль, стал опять превращаться в грустный, как бы тлеющий в тумане напев. Глаза Эдди были полузакрыты, он играл самозабвенно, напоминая молящегося в экстазе. Из тумана медленно широкими кругами поднималась прекрасная и печальная мелодия. Было похоже, что это – «воспоминание о днях счастливых среди несчастья», но в ней не было ни жалобы, ни плача. Звуки поразительной красоты и силы плыли на широких крыльях, вызывая не столько печаль, сколько упоение красотой и величием чувства.

Уже никто не спал, глаза всего трюма были обращены на музыканта. Через край люка свесились головы в фуражках с голубыми околышами. Неотрывно, словно замороженная, сле-

дила эта согнанная роком масса людей за почти противоестественной в этом месте, чудесной мелодией, которая всё плыла и плыла над ними, меняя окраску, как облака на закате. И подобно тому, как они после захода солнца быстро блекнут, окрашиваясь в сиреневый стынущий цвет, так и она сменилась тончайшим, щемящим сердце звуком, длившимся долго и оборвавшимся внезапно, так, что наступившая тишина показалась полной напряжённого ожидания.

Несмотря на долго тянувшуюся паузу, никто не шелохнулся, и когда опять, словно возвращаясь к жизни, возникла, сначала приглушённо, а потом нарастая, как волна, всё громче, прежняя мелодия, показалось что трюм вздохнул с облегчением. На этот раз они звучала ниже и быстрее. В ней слышалась какая-то торжественная решительность, даже вызов. Постепенно весь трюм наполнился её мощным звучанием и начал резонировать ему, как ночью – гулу и грохоту волн. Человеку с трубой оказалось по силам то же, что и океану, и даже более того. По глазам людей было видно, что в их душах эти звуки вызывают более сильный и глубокий отзвук, нежели в стальных недрах трюма. Глаза Эдди были широко открыты и блестели, как если бы он вёл в прорыв танковую армию или ополчение Божьего народа через расступающееся море. И когда стало казаться, что возбуждение, охватившее всех присутствующих, вот-вот хлынет каким-то образом через край, победно гремящее в вышине фортиссимо вдруг, подобно птице, спускающейся на распростёртых крыльях, стало затихать, снижаясь всё быстрее и звуча всё тише и тише, пока не растаяло в тишине совсем.

И опять наступившая тишина не нарушалась долго. Было похоже, что люди ждали, что музыка оживёт ещё раз. Но «вторая труба мира» Эдди Рознер уже снял мундштук, продул его и стал протирать фланелевой тряпочкой свой инструмент. Потом, уложив его в футляр, он вновь откинулся к переборке, подмостив поудобнее под поясицу телогрейку, и закрыл глаза. Лица его приняло отрешённое и чуть надменное выражение.

Михаил Ильич, будучи под крайне сильным впечатлением от услышанного хотел было спросить у Эдди, как называется и кому принадлежит эта чудесная музыка. Но тот ответил лишь извиняющейся полуулыбкой и лёгким отстраняющим движением руки дал понять, что говорить в настоящий момент не расположен и просит извинить.

Михаил Ильич не обиделся, потому что недолюбливал Эдди как человека, пропитанного чуждой идеологией. Оказавшись неожиданно покорённым его музыкой, он предполагал услышать в ответ на свой вопрос имя какого-нибудь из тех великих, чьё творчество поднимается над классовыми барьерами и принадлежит всему человечеству. Положа руку на сердце, ему было бы неприятно узнать, что вот этот пижон с усиками, со своими мелкобуржуазными манерами и шуточками, проник ему в душу своей музыкой и заставил испытать восторг и воодушевление, прогнавшее тягостные чувства и мысли.

Васильич, сидевший рядом, скрестя ноги, вытянуть которые ему мешали три миски с горохом, уже застывшим и поблёскивающим, как мыло, вдруг крепко хлопнул в ладоши и воскликнул: «Ну, Эдди! Ну, чистодел! Прямо всю душу перевернул, почистил, смазал и на место вставил!» – и, зажмурившись, покачал головой для вящего подтверждения того, что удивительная операция с переворачиванием и чисткой души действительно имела место и прошла успешно. Никто не возразил ему, похоже было, что все окружающие были согласны с его квалифицированной оценкой.

Увы, название произведения, исполненного Эдди, так и осталось неизвестным. Да и было ли название? Сам ли он сочинил его когда-то, или включил в свой репертуар, взяв у кого-то из собратьев по искусству? Или, быть может эта «рапсодия в блюзовых тонах» была чистой импровизацией его души, хранившей в памяти великое множество прекрасных мелодий? Никому из слышавших этот уникальный экспромт маэстро, вероятно, не пришлось более с ним встретиться и

расспросить на этот счёт. А то, что способна сохранить память, может быть достоверно лишь с точки зрения общего впечатления, всегда обречённого на субъективность.

Что же касается впечатления, произведённого на основную массу слушателей, то для неё виртуозное мастерство Эдди имело, скорее всего, второстепенное значение, а вопрос об авторстве – вовсе никакого. Скорее всего, дело было в контрасте между состоянием подавленности и тоски, охватившем несколько тысяч человек, когда, запертые в железном ящике, они кувыркались во тьме и в хаосе ревущих волн, и спокойствием, наступившем по окончании шторма, с проникновением в трюм солнечного света и с красивой музыкой. Наверное, наибольшую роль сыграла сила и искренность чувства, прозвучавшего в ней. Сродни чувству возвращения жизни после полного кошмаров, мучительного сна, оно было пережито всеми, но Эдди его выразил, выразил ярче и сильнее каждого в отдельности и объединил чувства всех.

С духовными вождями, способными воодушевлять людей и вести за собой к великим целям, ничего общего у Эдди не было. И водить, подобно Алексею Ивановичу, танки в атаку у него вряд ли достало бы духа и способностей. И вообще он никогда не испытывал желания и не пытался вести кого-нибудь за собой, кроме джаз-оркестра, когда он им дирижировал. Он был артистом – человеком искусства, существом, которому в большей степени, нежели другим, дано чувствовать красоту и выражать свои чувства средствами искусства.

Когда он достал и поднёс к губам трубу (чего ни разу не делал за всё время пребывания в Ванине), это было, вероятно, непосредственным порывом души, который можно сопоставить с песнею дрозда, когда после долго бушевавшей грозы проглядывает солнце, улыбается голубое небо и он общается луговым и лесным народам, что неприятности позади и можно вновь радоваться жизни. Собственно, все и сами уже начали покидать укрытия, отряхиваться, расправлять крылья или чистить шёрстку, почувствовав благодатную перемену, но, чтобы она стала всеобщим достоянием, радостная весть

должна была прозвучать. Здесь единство красоты и радости жизни проявляется в самой простой и очевидной форме и очевидна заглавная роль звука в деле выражения чувств. Искусство дрозда в этой ситуации – вне конкуренции.

Однако, в контрасте между хаосом страха и отчаяния и гармонией красоты и радости жизни, есть ноты, которые находятся за рамками компетенции дрозда. Красота, активизирующая инстинктивную жизнедеятельность организма, не тождественна красоте, которая неисповедимым образом усиливает веру в светлую тайну жизни. Первая стимулирует процессы роста, питания и размножения, вторая, обращаясь к разуму и благородству чувств, увлекает их к творчеству и подвигу, к первозданному счастью ещё ничем не омрачённого детства. Её приход – всегда освобождение. Она выводит душу из сумрака тесных переходов времени между подвалами страсти и казематами страха под голубое небо детских надежд, на простор бескорыстной любви к жизни. И тогда выведенный за «зону» может увидеть, как «волнуется желтеющая нива, и свежий лес шумит при звуке ветерка», и может на миг почувствовать себя гением и, положив руку на сердце, сказать: «Тогда смирятся души моей тревога, тогда расходятся морщины на челе – и счастье я могу постигнуть на земле, и в небесах я вижу Бога».

Тогда и недалёкому, но не обделённому поэтической отзывчивостью человеку становится ясно, что эти нивы и небеса, и он сам среди них не случайные встречные, на миг сведённые бессмысленной игрой хаотических сил бытия, а родственные создания, соучастники единой радости жить под этим родным небом, откуда струится на всё живое единый свет. Что солнце и его животворящий свет и тепло его лучей неотделимы друг от друга. Их единосущность разумеется, чувствам её открывается красота, сама единосущная любви к жизни.

Что оно такое – красота, каково её происхождение и кто дал её такую власть, почему ей отзываются глубины души, которые помнят своё рождение из вечности, когда, возникнув

из небытия «при общем ликования утренних звёзд» душа увидела над собой материнское лицо Красоты? Может быть она неотделима и от Той, Которую «Господь имел началом пути Своего, прежде созданий Своих искони»? В час, когда сияние заката или синева звёздного неба наполняется таинственным трепетом жизни, возникает безотчётное ощущение присутствия всепроникающего смысла бытия, связующего небо и землю. И в мгновение, когда счастливая мысль охватывает и озаряет множество дотоле разрозненных в сознании явлений, она заставляет трепетать сердце перед красотой и величием открывающегося смысла. Каждое проявление истинного великодушия делает лицо человеческое прекрасным и возбуждает подозрение в причастности к происходящему всемогущего и благого смысла. Возможно, тайна единосущности этих ипостасей жизни имеет отношение к словам о том, «что утаено от мудрых и разумных и открыто младенцам»? Ответ, увы, не входит в компетенцию певчих птиц, пока они разучивают свои песни в лесной школе жизни. Остаётся принять это положение со смирением, нисколько не умаляющим радости от каждой встречи с Красотой, когда она неожиданно является нам, стряхивая пыль усталости и равнодушия с наших ресниц.

Эти явления – как вести из мира подлинной жизни, свидетельствующие, что он есть, и в этом – суть. Они особенно разительны на контрастном фоне, когда помогают человеку возвыситься над переживаемыми горестями и страданиями и ощутить в себе достоинство существа, созданного для вдохновения высшей жизнью.

В историях, подобных преданиям о св. Франциске и св. Жанне, живет правда о том, как вдохновение истинной Красотой пробуждает во множестве душ стремление к благородству, увлекает трусов к героизму, распутников к целомудрию, стяжателей к бескорыстию. Книга Царств рассказывает, что красота имеет власть даже над поднебесными духами злобы. Когда юноша Давид играл на арфе одержимому царю Саулу, злой дух оставлял царя. Древнегреческий миф распространяет власть красоты и на inferнальные области, повествуя,

как музыка Орфея растрогала владельцев особ подземного мира, склонив их отпустить в мир живых его умершую супругу Эвридику. В маленьком эпизоде, о котором ведется наш рассказ, она заглянула в грязный трюм «Дальстроя» и отогнала от измученных и униженных людей, плывших из несчастья в несчастье, тяжкие воспоминания и тревожные ожидания, дав им вспомнить, что они – люди, Божьи создания, способные, испытывая восторг перед прекрасным, забывать о своих несчастьях.

На следующее утро «Дальстрой» пришвартовался к пирсу в бухте Нагаева. Спустя пару часов, ушедших на выгрузку, колонна заключённых растянулась на полторы версты по дороге, шедшей вдоль берега к столице колымского края. Справа на воде бухты играли блики проникающих сквозь клочья тумана лучей негреющего солнца, слева желтел стёсанный склон сопки, под ногами хрустел гравий, и белесое облако пыли, поднимаемое шарканьем десяти тысяч ног, плыло над бредущими в нём и постепенно исчезающими вдаль людьми, придавая им вид призраков, как будто, сойдя с ладьи Харона, они превратились в тени. После пяти суток лежания на качающейся палубе трюма шли медленно, некоторые еле плелись. В колонне стали возникать просветы, и она всё более растягивалась. Конвой зло покрикивал на отстающих, нервно потягивали собаки.

Через час голова колонны стала вползать в город, прямо на его главную магистраль – проспект Ленина, конечно. Он прорезал город насквозь с юга на север и превращался на выходе из него в Колымскую трассу, по которой в край безмолвных сопот и тихих, как могилы, распадков ушли за двадцать лет миллионы заключённых, чтобы тёк оттуда к Магадану, не прекращаясь, поток проклятого золота и ярче наливались звёзды кровососа Кремля.

К полудню добрались до санпропускника, располагавшегося в конце Портовой улицы на сером, без единой травинки, плацу величиной с футбольное поле – нечто вроде соборной площади. Плоский и низкий, похожий на огромное овощехранилище, он, кроме выжаривания привезённых с «материка»

насекомых, выполнял ритуальную функцию баптистерия, то бишь, стоящей особо крещальни, где бывшие люди, пройдя обряд омовения поданной насосами из бухты, как бы «мёртвой» водой, превращались в колымских роботов-призраков, отправляемых навсегда для работы в «мрачных пропастях земли». Чуть прищурившись, можно было без труда различить над входом в «овощехранилище» надпись: «Оставь надежду».

Конвоиры засуuetились, забегали вдоль колонны, разделяя наметанным глазом её на части и устанавливая их так, чтобы многочисленное стадо заняло точно для него определённое место на плацу. Последовала команда: «Садись!» и через пару минут пять тысяч человек представляли собой правильный прямоугольник, окружённый автоматчиками и проводниками с собаками. Теперь группа офицеров, подъехавшая на легковых машинах и разместившаяся во главе с начальником УСВИТЛа на углу противоположной стороны плаца, могла окинуть оценивающим взглядом всю партию новоприбывшей рабсилы. Сам, по-летнему в одном генеральском кителе с бриджами на американский лад и в фуражке с высоченной тульей и большим козырьком – покрасовался несколько минут, подрагивая ляжкой картинно отставленной ножки и перекидываясь репликами со свитой, потом похлопал тросточкой по сияющему голенищу и, круто повернувшись, направился к машине. Смотр состоялся.

Не прошло и трёх часов, как вся масса зэков была пропущена через моечную, то есть, прошла под потолком, изрешечённым тысячами отверстий, откуда лилась холодная вода, и подверглась таким образом крещению в рабство Колыме с последующим переоблачением в изношенное солдатское тряпье, символизирующее отречение от всего личного. Связанная в узелки личная одежда, старательно обшаренная уголовниками из хозобслужбы, превратилась в запрещённые к носке личные вещи. Мера в самом деле чисто ритуальная, так как по прибытии в рабочие лагеря зэков опять переоблачали в лагерную одежду того образца, какой предусмотрен режимом лагеря: каторжанским – «берлаговским», общим или штрафным.

Вновь построились, потащились через весь город к расположенной на четвертом километре трассы «Транзитке». Оставляя в стороне центральную часть «столицы» по Советской улице, добрались до её северной окраины и повернули на Пролетарскую. Здесь по соседству с авторемонтными мастерскими в хибарках, сооружённых из строительных отбросов и разного хлама, обитали горожане из числа тех колымчан, которые отбыли свои сроки раньше, чем померли. Многие из них высыпали на улицу встретить этап, поприветствовать новых собратьев по лихой судьбе, покликать возможных земляков. Они стояли по обеим сторонам дороги, приветственно махали руками, кричали: «Привет каторжанам! Не робей, мужики – держись за весло! Люди есть?! Садаури хар, кацо? Со Львивщины хто е?» В колонну полетели пачки махорки и папирос, разрезанные пополам (чтоб конвой видел, что внутри нет ножей) буханки хлеба. Конвой вяло ругался. Встреча на Пролетарской входила в неприменный, хотя и противу правил конвоирования, порядок следования нового этапа через город так же, как и смотр на плацу.

С Пролетарской опять вышли на главную магистраль там, где, перешагнув через речку Магаданку, город начинал превращаться из скопления бараков для вольнонаёмных, между которыми кое-где торчали редкие каменные здания, в скопление бараков для заключённых, стоявших строгими рядами за длинными «баркасами», отороченными чернеющими на сером небе проволочным узором козырьками. Широкий унылый коридор между ними – первые километры Колымского шоссе – слегка разнообразили лишь деревянные щиты «наглядной агитации» с намалёванными на них бодрими призывами (не без лёгкой палаческой ухмылки): «Икупим честным трудом свою вину перед Родиной!», «Здесь вы можете отбыть двадцатипятилетний срок за восемь лет и оказывать материальную помощь своим родным и близким!», «Дадим Родине больше цветных металлов!» Ободренная этими верными признаками близкого конца долгого пути колонна попыталась

даже прибавить шагу и кое-как, наконец, дотащилась до ворот «Транзитки». Этап с Ванинской пересылки в Магаданскую окончился.

Около вахты стояла легковая машина с усвитловским майором, рядом приплясывал от нетерпения хушрук ансамбля песни и пляски клуба ВОХР (военизированной охраны) Вадим Козин. В руках у него были уже готовые документы на передачу в Маглаг и расконвоирование зэка Рознера Адольфа Игнатьевича. Он быстро сунулся с ними к начальнику конвоя, чтобы извлечь Эдди из строя и быстренько оформить передачу, но тот отмахнулся от него, не взглянув на документы. Отворились ворота и начался приём этапа. Как шли, по пятёркам, заключённые входили в зону. После каждой двадцатой надзиратели, отметив на своих дощечках пропущенную сотню, давали нарядчику время отогнать её в сторону, к тому барaku, где ей надлежало занять одну секцию с трёхэтажными нарами. Лишь после того, как в зону прошла последняя пятёрка, затворили ворота и оформили передачу лагерной администрации доставленных конвоем казённых душ, настал черед передачи с пересылки в Маглаг заключённого Рознера.

Почти никто из спешащих добраться до барakov заключённых не заметил, как покинул ряды человек, так поразивший их своей игрой накануне. Да и некому было замечать. Пока на пересылке он играл в преферанс, его знали только трое его партнёров. А во время игры на трубе в трюме только немногие находившиеся поблизости видели, да и то не очень ясно, его лицо.

Вообще люди легко знакомятся, оказавшись в одном купе поезда, в одной камере, одной бригаде, но, попав в многотысячную массу себе подобных, согнанных с разных зон на этап, замыкаются, подавленные неожиданно приходящим ощущением потери своей личности и почти осязаемого присутствия в воздухе, над серой зыбью голов, какой-то особой бесчеловечности, всегда сопровождающей вместе с конвоем большие этапы. Ёжась под знобящим её дыханием, хмуро и молчаливо, лишь изредка перебрасываясь двумя-тремя словами с рядом

идушим, заключённые шагают к тому, что их ожидает. Появись среди них хоть сам Иоганн Себастьян Бах, никто не обратит на него внимания.

Поэтому ни лица, ни имени музыканта не осталось в памяти слушателей этого во всех отношениях необыкновенного маленького концерта и чудесная музыка, прозвучавшая в трюме их плавучей тюрьмы, явилась для них столь же безымянной, как если бы она не родилась в душе одного такого же несчастного, как все они, а была, подобно лучу солнца, занесена Ангелом с небес. И когда на вахте открылась дверь, и надзиратель крикнул в толпу: «Рознер! С вещами на вахту!», только два человека, кроме самого Эдди, обратили на это внимание. «Счастливо, Эдди! Дай Бог тебе удачи!» – пожелал ему Васильич, помогая повесить на плечо вещмешок. В одной руке у Эдди был футляр с трубой. «Может быть удастся ещё услышать вас на свободе, маэстро. Был бы искренне рад такой встрече», – широко улыбнувшись и пожимая ему руку, сказал Алексей Иванович. Михаил Ильич уже ушёл к этому времени занимать место в бараке. «Всё быть может, – улыбнулся в ответ Эдди, – как карты лягут». Неожиданно он, обняв одной рукой Васильича, ещё раз потряхнул руку Алексея Ивановича и сказав: «Салют, камрады!», прошёл мимо надзирателя на вахту.

Через несколько минут он вышел из неё уже на другую сторону вместе с принявшим его офицером-порученцем, пожал руку заждавшемуся Козину и сел вместе с ним на заднее сиденье ожидавшей их машины. Так, на стареньком усвитловском лимузине, закончил он свой долгий путь из Москвы в Магадан, предначертанный ему пять лет назад державной рукой всемогущего Абакумова (которого к этому времени уже год как гноили в лефортовских подвалах). В течение месяца и остальные любители игры в преферанс покинули Транзитку и разъехались по шахтам и приискам необъятной Колымы, чтобы никогда уже более не встретиться.

Через год после смерти Отца ГУЛАГа и народов на четвёртой полосе «Известий» в отделе объявлений стали регулярно

появляться сообщения о выступлениях в московском театре «Эрмитаж» оркестра Мосэстрады под управлением Э. Рознера. В это же самое время, в тех же «Известиях» и на той же полосе, чуть выше рекламы театров и кино было напечатано краткое сообщение о расстреле бывшего его знакомого В. С. Абакумова. Не за то, правда, что уж слишком многих посадил и расстрелял, а за то, что уж слишком много знал о прошлых делах новых вождей.

Вероятно, Алексей Иванович и Васильич как кадровые военные и «участники ВОВ» были освобождены в 1955-м, в связи с пересмотром дел осуждённых по приговорам Военного Трибунала, а Михаил Ильич – годом позже пересматривавшей дела осуждённых «по политическим мотивам» Комиссией президиума Верховного Совета. Каковы их дальнейшие судьбы – Бог весть. Но можно предположить, что они не забыли, как накануне их прибытия в край вечной мерзлоты и «временно изолированных» на четверть века эков труба Эдди пела им в тёмном трюме плавучей тюрьмы о свободе. Не о той жалкой, замордованной свободе, что прозябала в унижениях по ту сторону проволоки, а о той, которая по милости Господней приходит в некий час красоты, и этому не могут воспрепятствовать ни обмотанные в семь рядов колючей проволокой запертки, ни пулемёты на вышках, ни своры вохры и собак.

Подлинно чудесна способность человеческой души откликаться из своего порабощённого состояния на благородные проявления Жизни и восторгаться ими, забывая о горестях и невзгодах. Нет никакого сомнения, что само это чудо внезапного освобождения при встрече с прекрасным, пусть и на краткий час, как нельзя более убедительно доказывает, что в неисповедимой глубине человеческого духа сохраняется прекрасный образ подлинной, не обезображенной людскими горестями Жизни, так что краткое свидание с ней способно так возвышать человека, пробуждая в нём его униженное человеческое достоинство. И потому тщетны усилия опричников всех царств мира сего, минувших, проходящих и грядущих, превратить человека в скота.

Есть основание предположить, что в этих чудесных обстоятельствах таинственная суть истории обнаруживает себя много яснее, чем в разнообразных политических, экономических и культурологических схемах её развития. Однако не яснее, чем в словах Книги Иова: «... человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремиться вверх».

Иерусалим
5.06.1998

ПЕРЕМЕНЫ ВРЕМЕН (не законченное)

Вероятно, в истории не было такого другого периода, как последние полтора столетия, когда, сравнимо по скорости только с дамскими модами, менялись в мире идеологические воззрения. Что свидетельствует о том, что они не были продуманными и утвердившимися в массах системами идей, а основывались на эмоциональных волнах, прокатывающихся во взбудораженных массах, на гребнях которых пенились требования перемен.

Предыдущий период, подобной же протяженности, был отмечен веком непрерывного экономического роста и медленной либерализации стран северной Европы и роста агрессии и деспотизма в Пруссии, России и Франции. Во Франции этот век закончился мощнейшим революционным взрывом, спровоцированным неудачными войнами, крайней нищетой народа, атеистической пропагандой «просветителей» и мажонствующими заговорщиками из высшей знати.

Цунами от этого землетрясения прокатилось почти по всей Европе от Испании до России, по всей Южной и Центральной Америке, став главным фактором ускорения перемен идеологий. А главной энергией взрыва, вырвавшегося из подземных глубин, был атеизм. Все новые идеологии, невзирая на их различия, опирались на освобождение человека от нравственных запретов прежних веков и на провозглашение разума «богом свободного человека».

В середине века начинающейся индустриализации громогласно прозвучал приговор Прудона: «Бог – зло», а спустя четверть века Ницше оповестил человечество: «Бог умер!» В то же самое время свободный разум Дарвина выяснил, что нет никаких других сил, провиденциально влияющих на все процессы жизни, кроме естественного отбора и борьбы за существование. Влияние мутаций, происходящих вследствие каких-то нерегулярных вспышек излучений из космоса, в расчет принимать нет смысла, поскольку они сами случайны и бессмысленны. Освобождение человеческого рода таким образом было завершено полностью. Впереди его ждали только

дальнейшие успехи научно-технического прогресса и наслаждение жизнью. Как и свидетельствовала об этом Всемирная выставка достижений науки и техники в Лондоне (1850), которые в дальнейшем должны были привести к «объединению человечества».

Однако грохот войн, раздающийся то с берегов Дуная, где христолюбивое воинство русского царя помогало немощному собрату по «Священному Союзу» истребить венгерскую повстанческую армию, то из Крыма, где экспедиционные войска Англии и Франции истребляли российский флот и береговые укрепления севастопольской крепости, чтобы принудить царя отказаться от роли главного монарха на земле, имеющего дар свыше карать народы (поляков, литовцев, венгров, чеченцев и, наконец, турок), не послушные его воле. То плохо соединившиеся штаты Америки сцеплялись в гражданской войне, то соединившись покрепче, отхватывали у Мексики половину ее территории. То Пруссия лишала Австрию Силезии, а Францию – Эльзаса и Лотарингии. То последний русский царь, будучи слаб на голову, соблазнился по совету не уступающих ему в уме хитрецов хапнуть весь Китай и увеличить свою жмушью ему под мышками державу Желтой Россией. Беспощадный разгром Японией его армии наградил Божьего помазанника первой революцией и потерей веры в него как в правителя.

Можно добавить две англо-бурские войны и две греко-турецкие, войну Парагвая и Чили с Боливией, захват Францией Алжира, Западной Африки и Вьетнама, Испанией – Марокко, Англией – Судана, Кении, Бечуаналенда, Южноафриканского Союза и Нигерии с Габоном, Бельгией – всего бассейна Конго, Германией – Юго-Западной Африки и Танганьики, Португалией – Мозамбика и части Анголы и множество аналогичных процессов на азиатских просторах, но и сказанного достаточно, чтобы убедиться, что плоды научно-технического прогресса мало чем способствовали объединению человечества. Скорее, наоборот. Следующие полвека более убедитель-

тельно, чем когда-либо в истории, доказали это двумя небывалыми по масштабам жертв и разрушений войнами, увенчавшимися высшим плодом свободного разума – атомной борьбой.

Под расширяющейся тенью атомного «зонтика» доверие к разуму и к обещанному им прогрессу поколебалось настолько, что медленно плывущие туманы экзистенциалистского пессимизма и робких либеральных надежд оказались сметенными, как последние бессильные порождения недавно еще столь воинственного разума, буйными порывами юношески задорного «постмодернизма».

Жизнь бессмысленна и прекрасна! Хватит одурманивать человеческие мозги всякими философиями, религиями и идеологиями. Бог, Истина, Разум, Смысл – пустые призраки минувших эпох, порождавшие век за веком чащи заблуждений, в которых человечество заблудилось окончательно, став рабами слов. Надо выкорчевать эти вредоносные заросли и расти как трава под чистым небом. Да здравствуют Свобода, Равенство и Братство людей, достигших реальной свободы!

Свободу иного толка обрели последователи всех религий и верований, (кроме ортодоксального католицизма), признающие наличие некоего Верховного Существа, безличного, пребывающего в центре вечной Вселенной и почитаемого в различных образах (бога, мирового духа, высшего разума, архитектора, абсолюта и т.д. и т.п.) и тождества человека и Бога с постепенной эволюцией человека в Человекобога посредством оккультных техник и космической энергии. Это должно произойти в наступающей эре Водолея, когда все религии объединятся, установится всемирный порядок, а иллюзорная земная материя заменится астральной.

Итак, подойдя к финишной прямой цикла нашей мировой цивилизации, мы можем убедиться, что в истории развития нашего сознания четко просматриваются, как и в истории предыдущего цикла, три эпохи: мифологическая, религиозная и рационалистическая. В первой мифы борются с верой в господство Бога над миром и утверждают Господом над ним зем-

ную власть в образе ли победоносного Солнца, Христа – кесаря-победоносца или Митры-Ормузда, вечно борющихся с хаосом Зла. Во второй за власть над миром борются избранные небесного Бога в образе его «представителей» – пап, халифов, обладателей мандата Неба и т.п. с язычниками, гяурами и неверными властителями заблудших народов. В третьей «просвещенное» общество, освободившееся силой своего разума от лжи ортодоксальных религий, борется с ними и с народами, исповедующими их или собственные ереси, за свободу и права человека свободно трудиться и владеть своими доходами, свободно наслаждаться жизнью и жить защищенным от всех опасностей.

Трезво и внимательно глядя на историческую панораму, мы не можем не заметить, что единственная свобода, которой мы преимущественно обладаем, это свобода разрушения жизни во всех сферах бытия. Общим выводом может быть только признание, что идеологии, то есть наиболее общие взгляды, которыми руководствуются люди во все эпохи, порочны в самих принципах, так как противоречат смыслу их существования.

Смысл как таковой становится постепенно постижим человеку только, если он начинает искать его источник – Бога. Все другие источники сводятся к удовлетворению практически однообразных человеческих желаний, эгоистичных в своей основе и группирующихся вокруг стремления жить всецело по своей воле, и потому лишенных какого-либо общего положительного смысла.

А смысл следует искать прежде всего в Библии и Евангелии, читая их с верою в Бога, потому что Писания Священные.

«Берешит бара Элохим» (первые слова Торы), Учения Бога обычно переводятся словами «В начале сотворил Бог». Но читая Слово Божие надобно знать, что каждое данное Им слово имеет два смысла: смысл небесный – духовный, и смысл земной, естественный. Знание земного сразу открывает его

смысл, лежащий на поверхности, а смысл небесный постигается лишь постепенно с помощью небесного Учителя, давшего его нам.

Так слово «решит» – производное от слова «рош» (в земном смысле: «голова», а также глава – вождь, начальник, начало и верх, вершина) – переводится и понимается обычно только как начало – то, с чего начиналось творение Вселенной. А его высшее понимание приоткрывается в первых строках Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Всё чрез Него начало быть». Оно – творящая сила Бога: «И сказал Бог... И стало так». В Нем начало начал, всеведение и неисповедимые пути Божьи, всё, что стало и что будет вечно. А «сотворив человека из праха земного, вдохнул Бог в лицо его дыхание жизни и Олам (Вечность и Вселенную) в сердце», (Эккл. 3, 11). Это духовное слово – образ и подобие Слова Бога, высшее достоинство и духовное богатство человека, дающее ему сознание воли Божьей, себя и всего сущего, всего в свое время. В нем язык, даруемый Богом человеку, когда он приходит в мир, и слова его полны духовного смысла, не временного, а вечного, образуя живые единства, связанные друг с другом по смыслу, как заповеди Божьи, и восходя к Имени Бога.

Это язык веры, истины и любви, на нем нельзя лгать. И когда лживый собеседник Евы обратился к ней с вопросом: «Правду ли сказал Бог?», он уже знал, что в душах Евы и Адама возникло нечто родственное и подвластное ему – тень недоверия. Сознание свободы и соблазн освободиться от полноты воли Божьей ради проявления своей воли, побуждение нарушить единственный запрет Бога уже шевельнулось в сердце Адама и откликнулось в сердце Евы. И ложь вошла в души их, открывшиеся ей. Вкусив от познания смеси добра и зла, люди лишились блаженства цельности, дарованной им при сотворении, и обрекли себя на непрестанную борьбу противоречий на кругах Земли, проклятые Богом за их грех.

И язык в их устах утратил чистоту: во-первых, ложная точка зрения на целое искажает видение всех частных; во-

вторых, различия в точках зрения становятся причиной разных взглядов на смысл наиболее важных слов-понятий, что превращает дискуссии о серьезных проблемах в бесплодные споры о словах. В-третьих, громадное количество слов чисто земного происхождения, образуемых в разных языках для одних и тех же предметов и явлений из разных смысловых корней, окончательно запутывают возможность выкарабкаться на ясное и твердое представление о сути спора. Богоданный язык захлестывается мутными волнами "вавилонского" смешения языков, и выплыть на берег, где начинается путь к истине, стало решительно невозможно. Эти словесные войны нескончаемы так же, как и войны, где гибнут люди, и причина этих войн одна. Непонимание смысла слов данного Богом языка и сведение их к скудным значениям, свойственным словам мира сего, и непонимание смысла человека и его существования, сводимого, в лучшем случае, к какому-либо практическому призванию в этом мире и неведомо к чему в будущем, а в худшем – к борьбе за существование и размножение в этом, и исчезновению в темной бездне небытия. Склонность столь низко оценивать образ жизни человека на земле (что признается и строками Екклесиаста о людях «что они сами по себе животные» Гл.3,18) присуща многим скептикам, убежденным в лживости большинства заявляющих о своей вере в Бога, но живущих «сами по себе», а не по Его заповедям. Такая оценка позволяет предполагать (разумеется, тем кто верит в такую возможность) и реальность перспективы исчезновения в бездне.

Однако понять людей много трудней, чем понять себя, а кто может честно сказать, что ему удалось, исполнить Дельфийскую заповедь, сообщенную нам Сократом: «Познай самого себя»? В сокровищнице мировой литературы громадное количество книг, повествующих о трагической борьбе человека с самим собой, но трудно найти сообщающие об убедительной победе в этой борьбе. И если великий страстоборец, Отец и Учитель церкви Блаженный Августин сумел в долгой борьбе смирить ради веры свою страсть, то

его представление о первородном грехе как о грехе похоти, ставшей причиной и способом передачи всем потомкам Адама этого греха, явно противоречит благословию Божьему сотворенным: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю». (Бытие. 1, 28).

Спору нет, похоть – сила немалая. Свидетельство старшего современника блаженного Августина, мудрого Учителя и Отца Церкви Григория Богослова: «Одного невозможно избыть человеку: стремления к женщине», сбросить со счетов нельзя. Хотя следовало бы, вероятно, добавить: но преодолевать можно. Однако сексуальный инстинкт, безусловно, по затратам энергии и времени активного проявления уступает инстинкту питания. Да и, положив зубы на полку, в постель к женщине не ляжешь. Короче, на роль демонической силы, отлучившей человека от Бога, он никак не тянет.

Но теперь, когда все человечество, весь соборный земной Адам вошел по всем признакам в последнюю критическую эпоху нынешней мировой цивилизации (если не всей земной истории человечества), – как никогда ранее важно, насколько это возможно, понять в чем же мы более всего согрешили пред Богом и в чем коренится начало губящего нас зла.

Все шесть видов преступлений человека против человека, перечисленных в Десяти Заповедях, вторгаются в человеческую историю сразу за порогом рая. Но злобой Каина их объяснить невозможно. В дочеловеческой истории жизни на земле следы их так же отчетливы, как и до возникновения биосферы, но и там обнаружить корней зла науке не удалось. Существует предположение, что на уровне стихий, борющихся друг с другом можно усмотреть некое изначальное противостояние, которое в представлении древних зиждется на противоположности неба и земли, от соития которых возникает все сущее, единое в силу происхождения. На протяжении всей эры матриархата (о чем свидетельствуют культовые фигурки прародительниц племен во всех культурных пластах земли до конца власти женщин) в сознании людей развивалось представление, венцом которого стала Великая Мать –

Верховная Богиня Вселенной, начало начал и причина причин. Из ее лона рождается все живое и в ее чрево возвращается. Неисповедима и неумолима Судьба от нее, и все боги небесные, поднебесные и подземные трепещут перед ней. И все, что люди считают противоположным: тьма и свет, вода и огонь, сила и слабость, добро и зло, жизнь и смерть – все от нее и в ней едино. Она породила Небо и, в браке с сыном своим всех небожителей, и она породила Океан – водный Хаос, и предвечную Бездну – свой образ в нем. Ее силой творит Небо – и ее силой разрушает Хаос. Но в этой вечной борьбе держится равновесие бытия. Во всех языческих религиях сотни богинь, и каждая исполнена ее силой, и все исполняют бесчисленные проявления ее и доброй, и злой, и страшной своим абсолютным безразличием воли.

Великая Мать бессмертна. После установления патриархата она продолжает плодоносить в сознании потерявшего Бога человечества. Можно проследить, как на каждом последующем этапе ее следы запечатлеваются все глубже в нашей истории. И XX век был более всех предыдущих отмечен ими, а нынешний, похоже, превосходит его по всем статьям. Каждая статья входит в компетенцию какой-либо из великого множества женщин – богинь, хоровод которых много тысячелетий кружится вокруг Великой Матери, но только в ней одной всецело выражена двойственная сущность земной женщины. Одна – это Дева и Мать, поэзия жизни и безграничная любовь, другая – это вся пошлость жизни, безграничные тщеславие, зависть и лживость, корысть и разврат, жажда крови и смерть.

Соборный образ Отца, занявшего небесный престол при патриархате, Птах-Ра-Амон, Ану-Энлиль-Мардук, Уран-Кронос-Зевс, Варуна-Митра-Брама-Вишну-Шива и т.д. – никто из них не обладал такой полнотой власти, как Великая Мать, ни в кого не вмещались целиком все нижестоящие божества, тонущие в пантеистической бездне. Но так же, как в ней, в соборном образе выражалась двойственность сущности земного

мужа. С одной стороны – это познание Высшего Смысла и законов жизни, верность своему призванию в ней, возделывание Земли и творчество, любовь к семье и дружба с ближними. Другая сторона – это своевластие, зависть и насилие, воровство, лживость, распутство и пьянство, страсть к кровопролитию и смерть. В какой части мужчин и женщин превалируют светлые стороны их образа над темными и наоборот, определяет время. И никакие статистические выкладки вычислить этого не могут.

Из опыта истории (начинающегося с эпохи первых оригинальных письменных памятников, на рубеже двух эр) известно, что последние века каждой из трех базовых цивилизаций знаменуются разрушением национальных структур, социальными образованиями имперского типа, смешением народов, их верований и идеологий и резким падением нравов. Две мировые войны, дюжина фашистских режимов и эпоха «прав человека» убедительно свидетельствуют, что не только шпенглеровская Европа, но и все племена и народы, вольно или невольно вошедшие в сферу мировой цивилизации, мечутся в ее закатном свете, не понимая, на каком они свете. Во многих ли ушах звучит голос: «Зачем же вы по самим себе не судите, чему быть должно?» (Лука. 12, 57). Прозвучавшие две тысячи лет назад в Иерусалиме, над которым уже гас закат, они и поныне остаются «гласом вопиющего в пустыне» для большинства населения земли. Кому охота судить самого себя?! Особенно сегодня, когда сотни миллионов жадно внимают голосам предсказателей, сулящих скорое наступление «ню эйджа», эры Водолея – эры всеобщего наслаждения жизнью с космической энергией в душе и без страха перед грехом в сердце. Приходится констатировать, что охотников мало. Да никогда много и не было. С той поры как церковь стала служить двум господам, она начала ревностно выяснять, что есть добро и зло, что истина и что ложь. После жарких споров, раз за разом принималось вынужденное решение, что верховным арбитром является Соборный Разум

Церкви и его голос признавался голосом Истины, единой и неоспоримой. Однако с переменами времен менялись периодически и «неоспоримые» истины соборного Разума, то есть догматы Церкви и утверждения папских энциклик, подтверждая тем самым слова царя Давида, что для странников и пришельцев, чьи дни как тени на земле, «нет ничего постоянного» (I Пар. 29, 15).

Приходится смириться с фактом, что отнюдь не всегда Разум Церкви вдохновляется Богом, но весьма часто он вещает языком вполне человеческим, впадая в естественные земные противоречия. Учитывая это, человеку, желающему разобраться в самом себе, возможно, полезней сопоставлять решения проблем личной жизни с тем, как они решались людьми, жизнь которых от начала и до конца известна большинству культурных людей, в том числе – не принадлежавших к иерархии каких-либо вероисповеданий.

Явления жизни, начала и концы которых нам неизвестны, не столь благодарный материал для исследования, поскольку лишены сведений о самых важных, Богом предопределенных периодах жизни. Представьте, что нам ничего неизвестно о Благовещении Деве Марии и о Рождестве, а также о Распятии и Воскресении Иисуса Христа. Известно только о мальчике двенадцати лет, поразившем в Храме своими познаниями в Торе раввинов и мудрецов, ставшим одним из знаменитых в Израиле проповедником и чудотворцем, исчезнувшим после Тайной Вечери. Далеко ли за пределы Израиля разнеслась бы весть о Нем?

Но людям, верящим, что в глубине их душ скрыты неподвластные им некий образ и подобие их Творца, легче услышать зов, который позвал их в эту жизнь и который позовет их отсюда. А значит, и трубный звук на распутьях жизни, Божий зов – это истина, открываемая Богом человеку в определенном месте и времени. И познавший ее освобождается от роковых сомнений, перед ним открывается единственно верный путь.

Однако двойственность души и двойственность мира, «закон противоречий», в котором как в дьявольской сети запутался человек под «древом познания», для каждого путника оказывается петлей, охватывающей его пяту. И потому он обречен борьбе на всю жизнь. С «Миром», непрестанно накатывающим свои волны, дабы смыть его с пути и обмирщить в мутном хаосе «мирового порядка», и со своей «Самостью», упорно толкающей его в спину на «свой путь» – путь «свободы, славы и обладания». Никому не дано знать, победит ли его «мир» или «самость», или же будет он спасен Господом в конце пути. Лишь представ пред Ним, узнаёт это человек.

(Следует все же каждому вступающему в борьбу помнить, что не столько запас наших сил обуславливает исход этой борьбы, сколько точка зрения, на которой мы стоим, когда начинаем осознавать, что от борьбы не уйти. Существует довольно распространенный взгляд, что если человек миролюбив и не снедаем завистью, то для него и дорога может статься глаже, и больших препятствий, и злобных врагов на пути не окажется, и пройдет он свой жизненный путь ни шатко, ни валко без горьких бед и лихих невзгод. Однако, чтобы этому всему верить, надо крепко и часто зажмуриваться.

Наиболее распространенный взгляд констатирует, что «мир лежит во зле». Что с каждым веком дела по большей части идут все хуже и хуже, и добром это не кончится.

И только наименее общепринятый взгляд, основан на вере, что в конце концов всё будет хорошо. Вере – от веры в Единого Бога, глубокой и неколебимой.

Спокойная и взвешенная оценка положения дел в обозримом для нас земном мире не может не признать, что миролюбие и скромность могут легко ужиться с равнодушием и себялюбием, никак не уживающимися с добротой и человеколюбием. Эти качества широко распространены в обывательской среде, не обещающей в массе никакого успеха развитию достоинства человека.)

Но, выдворив нас из рая, Бог оставил нам все же часть разума, необходимую, чтобы постепенно понимать, кто мы,

где мы и куда нам должно идти. И если предсказывать будущее людям не дано, а большинству из них ужасно хочется знать, что же в конце концов с нами будет завтра, то предположить это с некоторой долей вероятности кое-кому все-таки удастся.

Дело в том, что ряд фактов, с известной регулярностью происходящих в нашем естественном мире, и изучаемых нашими учеными астрономами, физиками, биологами и представителями смежных наук, дали им возможность установить ряд закономерностей, свидетельствующих о существовании во всем космосе некоего единого порядка. К примеру регулярность перемен во вращении гигантских звезд и мельчайших частиц нам непонятна, так же как и причина их всеобщего вращения, но то что полный оборот точки равноденствий по кругу эклиптики (по которому, как нам это видится, движется Солнце) происходит в течение 25700 наших земных лет – в астрономии это называется «звездным годом», «день» которого равняется нашим семидесяти двум годам – открывает для нас богатейшие возможности сопоставлений. Между событиями, происходящими в нашем мире за время «звездного месяца», то есть за 2160 лет, и временем человеческой жизни семьдесят лет (все промежутки времени в этой арифметике усреднены) удастся обнаруживать все больше и больше смысловых соответствий. И главное – отчетливо проступающая последовательность основных перемен жизни, от начала до конца.

Бесспорно, что начало и конец жизни человека очень часто определяются документами или свидетельствами современников, в то время как для «эпохи мировой цивилизации», или «звездного месяца», это несравнимо более трудная задача, поскольку факторы, действующие в космосе, допускают разрыв границ до двух-трех веков. И все же наличие большого фактического материала на протяжении всей эпохи дает надежду на удачу.

Для всех живущих интересней всего, разумеется, времена, которые нам ближе, нежели дела давно минувших дней. Тем

более, что два-три минувших века могут предоставить нам больше интереснейших и подробнейших материалов, чем все минувшие тысячелетия. Но по данным только трех веков, как бы подробны они ни были, общую картину двадцатидвухвековой истории не увидишь и не поймешь. А вот если посмотреть на нее через несравненно более четкое изображение семидесятидвухлетней жизни нашей, то бросается в глаза совпадение трех главных периодов: молодость, зрелость, старость. В нашей жизни на каждый из них приходится по двадцать четыре года, а в сроке существования «мировой цивилизации» – семьсот двадцать лет.

На первую треть жизни у человека приходится детство, проходящее дома на глазах у родителей, в отрочестве он оказывается под влиянием общества сверстников вне дома, в его сознание входит пространство и соблазны вплоть до поползновений бежать «на войну», в морские путешествия или «в дальние страны». Желание завоевать авторитет среди «друзей» и первое любопытство мальчишек к девочкам конкурируют с интересом к рассказам или книжкам о приключениях. Самым трудным становится третье семилетие. Сменяя пространство, душой вдруг начинает овладевать приобретающий постепенно реальные и смущающие тревожным вопросом «что будет?», образ времени. И приближение к миру взрослых, от которого стало веять не добротой и защитой, а равнодушием и отчуждением, и сомнение в своих способностях найти в нем свой новый дом и дело, и превращение вчерашних «девчонок» в девушек, влекущих к себе своей телесной красотой (душевные качества, само собой, столь же замечательны) и смущающих неприступностью, и самое главное, нарастающее разочарование в себе самом, против которого оказываются бессильными все мечты и все попытки самоутверждения. Сущее проклятие – незнание и непонимание себя. «Кто я такой и зачем я?» – вопрос провиденциальный и вместе с вопросом «Что будет?», возникая тогда, когда человек только достигает физической зрелости при полной неопытности души, остается с ним на всю жизнь. Всю жизнь мы худо-бедно как-то решаем

его и чего-то начинаем понимать в себе и в этом мире, но никогда не достигаем полного понимания, пока остаемся в мире, на дороге из него. Во всяком случае первое его вторжение в наше сознание, если мы не получили веры в своего Создателя и Отца над собой, всегда трагично и нередко раздавливает нас. Современная мировая статистика самоубийств указывает на двадцать один год как на максимум. Слава Богу, большинство людей, попытка которых свести счеты с жизнью в этом возрасте (или около того) оказалась неудачной или этот кризис переживших менее остро, к концу молодости находят какое-то свое место в жизни и обретают семью.

В зрелые годы люди воспитывают детей и помогают им встать на ноги, достигают большего или меньшего роста в своем деле и обзаводятся кругом родственников, друзей и единомышленников. Значительная часть населения более или менее вовлекается в дела общественной жизни, разделяясь неизбежно при этом на группы, имеющие свои взгляды на решение наиболее общих вопросов. Из активно стремящихся к власти формируется элита, создающая форму власти. Обычно это люди, находящиеся в конце зрелой поры жизни. И лидеры из их среды возглавляют области, несколько этнически отличающиеся друг от друга, но объединенные государством. Опыт общественной и деловой жизни помогает им не без напряжения сил удерживаться в конфликтных ситуациях от раскола, что и принято называть мудрым управлением. В семейной жизни закат зрелости характеризуется меньшей мудростью. Причин конфликтов обычно две: сексуальная неудовлетворенность одной из сторон или финансовые разногласия. Последнее стало актуально более всего в буржуазную эпоху. Для людей, у которых кроме их профессиональной деятельности существуют какие-либо другие любимые занятия, часто, если это позволяет им достигнутый достаток, уход с работы после сорока лет или около того и обращение к своему «хобби», как это стало принято называть в нашем англизирующемся мире (хотя совершенно нелепо называть этим словечком, скажем, талантливые литературные труды Вересаева

или гениальные изобретения Теслы), обещает им достаточно интересную старость.

Старость – возраст, о котором устойчиво существуют два мнения. Одно берет свое начало из первобытных времен, когда у многих народов было принято старых людей переставших приносить какую-либо практическую пользу сажать на саночки закутанных в разное старое тряпье и, крепко привязав, спускать в какое-нибудь подходящее для этой цели ущелье, чтоб не тратить на них зря пищу. Времена эти давно погрузились во мрак, но мнение, что таким, которые уже ничего делать не могут, нечего заживаться на белом свете, когда их место на кладбище, осталось широко распространенным среди надежно наследующих тысячелетнее хамство масс.

Другое мнение известно только с начала письменности, донесшей до наших времен свидетельство о почтительном отношении к старым людям и в древнем Шумере, и в Египте.

И с тех пор во всех развивающихся цивилизациях такое отношение входило в общепринятый обычай. Известно оно и у многих племен, оставшихся вне цивилизованного образа жизни.

Видимо, оно диктуется внутренним нравственным чувством, которое сродни отношениям детей к своим родителям. Отойдя от дел практических, человек как обладатель житейской мудрости остается главным моральным авторитетом в семье. Древние греки считали, что до шестидесяти лет мудрости не бывает. И то, что советы старейшин, сенаты, ареопаги, верховные суды, состоят в основном из людей почтенного возраста, подтверждает это мнение.

Но вероятно наиболее общее и главное дело старости – это решение нерешенных задач жизни: Кто мы? В чем смысл нашей жизни? Куда мы идем? И что будет с нами?

Во все века великое множество убеленных сединами людей размышляли об этом, и плоды этих мыслей видны во множестве религиозных вероисповеданий и философских систем. Хотя, конечно, подавляющее большинство стариков предпочитает играть со внуками, рассказывать им сказки, чинить их

поломанные игрушки, обсуждать с ровесниками на лавочке то-сё, расспрашивать прохожих о новостях и дремать до ужина и сна. Думать – это нелегкое дело, и если это не работа, а своя охота, то куда интересней немудрящему человеку забросить эти мысли под лавку и заняться чем попроще и позабавней для души. Так и жили и жить будем.

Обращаясь к теме возрастов нашей мировой цивилизации, которая увы не семья и не содружество, а сосуществование этнических цивилизаций, чаще воюющих с соседями, чем находящихся в мире, определить её начало сколько-нибудь точно – просто невозможно. Очевидно лишь то, что наследуемые от шумеров и египтян расчеты на основе зодиака годны лишь для астрологов. Но сам по себе принцип подсчетов прецессионных смещений Гиппарха Александрийского вполне научно объективен. А определять начала и концы «звездных годов» лучше хоть и предположительно, все же не по клеткам звездного зоопарка, а по событиям истории. Для таких событий характерны признаки того, что они определяют, и они сосредоточены на сравнительно небольшом отрезке времени в пределах столетия или двух.

Существующий рубеж, называемый началом нашей эры, по сути, знаменовал лишь период правления Августов, явивший миру дюжину римских монстров, покрывших свое отечество грязью и кровью, в которых каждый из них закончил свою гнусную жизнь. Последовавшая за ними орда «солдатских императоров» из римского наследства взяла только армейское «искусство» и технику грабежа покоренных народов. А все культурные достижения римской истории, воспринятые нашей цивилизацией, недостаточны, чтобы нашу эру отсчитывать от даты провозглашения Октавиана божественным (Августом) или пожизненным императором. Он слишком ничтожен и мерзок для этого.

Что же касается отсчета н. э. от Рождества Христова, то слишком ничтожны и грешны все мы, чтобы Его именем озглавить всю нашу малоприглядную историю.

Не может быть никаких сомнений, что эти рассуждения ни на что повлиять не могут. Но они позволяют предложить вниманию возможного читателя вариант периодики истории, который может показаться новым и помочь взглянуть на вещи несколько иначе, нежели принято. Есть основания полагать, что промежуток, отделяющий период молодости нашей цивилизации от старости предыдущей находится не в створе двух эр, а во II-III веках н. э. Начало циклов мировых цивилизаций всегда покрыто туманом, скрывающим и возникновение этносов, и место, где оно произошло, и самое худшее, что сами новорожденные еще ничего не знали о письменности, и события, происходившие с ними, остались только в мифах и в догадках. В то время как концы этих циклов всегда изобилуют разнообразными и описанными разными авторами фактами. Поэтому и приходится начинать с конца. Старость предыдущей цивилизации наступила, очевидно, где-то в VI столетии до н. э., в ту эпоху, которую Карл Ясперс назвал «осевым временем».

Появление в эгейском мире таких мыслителей как Фалес, Пифагор, Гераклит, Парменид, Анаксимандр и Анаксагор в пределах одного столетия, и их наследников Сократа и Платона (опускаем еще десяток славных имен) – явление беспрецедентное в мировой истории. Их философское творчество, обращенное к проблемам сотворения мира и существующего мироустройства, стало похоронным звоном для религии олимпийских богов, вызвав на арену эгейского мира безбожников вроде Демокрита и Эпикура, превративших в лохмотья бороды Зевса, Посейдона и Аида. Небольшой авторитет удалось сохранить у эллинов только веселому молодому Дионису, вечно юной распутнице Афродите, покровителю муз Аполлону и откровенно плюющему на философию толстоброхому Плутосу.

В дряхлеющем Египте в это же время произошел религиозный переворот, но в обратном направлении. При Псамметихе I, основавшем двадцать шестую династию, восстановив независимость Египта после долгого периода разрухи и господства ливийских и эфиопских фараонов, началась недол-

гая, но отличившаяся патриотическим стремлением к славным временам Древнего Царства и исключительно высоким развитием искусства, Саисская эпоха. Столица вновь вернулась на север, Саис и Мемфис стали главными городами государства. Происходит удаление на задний план фиванского Амона и его соправителей. Главенствуют теперь, как и в глубокой древности Озирис, Ра и Птах, но над ними царит древнейшее (видимо еще со времен матриархата) божество – богиня Нейт «великая Мать всех богов, родившая Ра первородно, когда еще не было рождений». Ее храм в Саисе духовный центр страны. В нем над статуей Нейт за алтарем, сверху находится освещенная надпись: «Я – сущее, грядущее и бывшее. Моего покрывала никто не открывал. Плод, рожденный мною, Солнце». Вполне вероятно, что Нейт – это первое в древнейшем языческом мире божество, сотворившее Вселенную и всех ее богов посредством произнесения слов, если только сведения об этом не внесены в храмовые тексты уже после появления в Египте Септуагинты при Птолемеи Филадельфе.

Страна была охвачена неким родом восторженного безумия в почитании древних законов, ритуалов, обычаев. Фараона вновь чтили как божество, родственное Богу-Солнцу, множество животных, птиц, пресмыкающихся и насекомых вновь превратились в священные существа, ипостаси богов, вновь вселившихся в свои статуи, в отстроенных храмах опять зазвучали давно забытые молитвы, в домах стали блюсти правила, установленные 2000 лет назад. Властям и народу хотелось верить, что милостью всемогущей Нейт и всех Эннеад им прощены все бывшие грехи и возвращен «золотой век» навеки. Однако благополучие усиливает самоуверенность и будит воспоминания о том, что Нейт три тысячи лет назад читалась и как великая богиня войны. Вступивший в самом конце VII века на трон фараон Нехо решил, что, поскольку Ассирия больше не существует, пора вернуть под власть Египта восточное побережье великого моря. Но здесь его ожидало столкновение с могущественным Навуходоносором. Разбитый

в 605 г. в битве при Кархемише (где погиб пытавшийся в союзе с Египтом отвести от своей Иудеи вавилонскую угрозу праведный царь Иосия), Нехо стремительно бежал под защиту родных богов. Однако спустя век Египет навсегда лишился своей независимости после кровавого погрома, устроенного персидским царем, полусумасшедшим Камбизом, лично зарубившим живое воплощение бога Ра, быка Аписа, и приказавшим истребить всю египетскую знать.

Аналогичный ренессанс произошел и в доживающем последний век независимости Вавилоне. После того как рухнула Ниневия, в чем принял участие и отец Навуходоносора, основатель халдейской династии Набопаласар. Внук казненного в 668 г. за мятеж Ашурбанапалом халдейского князя Шамеш-ибни, он в юности вступил в ассирийскую армию и к пятому десятку лет дослужился до ранга полковника. В 629 г. он был назначен наместником прибрежной Месопотамии – «Правителем Моря» с резиденцией в Уруке. Два года спустя, после смерти последнего великого царя Ассирии Ашурбанапала, когда началась у трона чехарда разных претендентов, Набупалассар поднял восстание против полуторастилетней деспотии Ассирии и провозгласил себя в 626 г. царем Вавилонии. Через двенадцать лет войн с переменным успехом царство Вавилона было освобождено, и на руинах Ашшура, древней столицы Ассирии, Набупалассар и Киаксир, царь Мидии, заключили военный союз, увенчанный свадьбой Навуходоносора и дочери Киаксира Аниты. Через два года союзники после трехмесячной осады взяли штурмом Ниневию и разрушили её дотла. После чего события на родине заставили постаревшего Киаксира покинуть театр военных действий. Дело завершения ликвидации Ассирийской империи оказалось в руках Навуходоносора. Ему понадобилось еще три года походов, чтобы от ассирийской армии, союзников и царей не осталось и следа. И даже имя Ассирии, «Тигра древней истории» было на многие века изглажено под солнцем.

Первые пятнадцать лет своего царствования Навуходоносор посвятил расширению и укреплению своей империи. На

Западе он загнал Египет за Синайский полуостров и покорил все государства Палестины, Финикию и Сирию. На севере он ограничился рубежом Каркемиша и Харрана, где начиналось судоходство по Ефрату и Тигру. Самая длинная граница империи проходила по востоку по западному побережью Тигра с небольшими углублениями до предгорий Элама, в районах плодородных земель. Самый древний рубеж на юге, давший начало всем месопотамским государствам, – морской берег Шумера. Просуществовала эта халдейская империя всего лишь полвека, став в 539 году добычей Кира Великого, но быстрым и блестящим возрождением религиозной культуры Первого вавилонского царства (равно как и бурным приливом великодержавной агрессии) она подвела глубокую, но плохо объяснимую черту под полуторатысячелетней историей города Врат Божьих. Еще Набупалассар между почти непрерывными войнами и подавлениями мятежей с удивительной настойчивостью тратил в мирные промежутки время на то, чтобы восстанавливать разрушенные древние города с их знаменитыми храмами, каналами и крепостными стенами, причем заботился о тщательной реставрации их украшений. Сын же, располагая большим временем и средствами, был убежден, что призван, как самый великий среди владык своего века, превзойти всех в величии и блеске своего государства. Не только Вавилон, но и все главные города Шумера и Аккада: Ур, Урук, Ниппур, Киш, Аккад, Борсиппа и Сипар были восстановлены во всем великолепии, к которому кроме храмов их великих богов были добавлены святилища верховного бога империи Баал-Мардука. Вавилон же был перестроен, расширен и украшен превыше всех городов ведомого мира. Прежний город на восточном берегу Евфрата был окружен новыми мощными стенами в правильный прямоугольник вдоль берега реки на площади в 4 кв. км. У ворот богини Иштар (северных) расположился новый главный дворец царя с небывалыми по мощности крепостными укреплениями и столь же небывалыми блеском и комфортом внутренней отделки. У входа – пальмовый сад с фонтанами и «висячие сады». В центре – Эсагила,

громадный храм Мардука и самый высокий во всей Месопотамии (91 м) семиступенчатый зиккурат Этеменанки, в святая святых которого на вершине в Новый Год происходило соитие Мардука и Иштар, воплощенных в царе и верховной жрице, и рождалась судьба империи на новый год.

Всего в священном городе было воздвигнуто четырнадцать храмов главным богам как древности, так и позднейших времен. Вдоль восточной стены расположились роскошные дома первых слугителей и слуг царя царей. От ворот Иштар шла на юг красивейшая дорога Процессий, длиной 300 м до поворота к Эсагиле и шириной в 26 м. Дорогу окружали глухие стены 7-метровой высоты, изукрашенные изображениями львов, тигров и антилоп. Между западной стеной и рекой шла прибрежная полоса, застроенная пристанями и торговыми складами. В середине её проходил каменный мост на западную часть города – бывшие предместья, присоединенные к городу прямоугольником внешних стен и мостом. С моста шла прямая дорога на запад к воротам бога грозы и бури Адада, разделявшая заречный город на две части. Северная была районом окруженных садами роскошных особняков вельмож. На южной с самого начала селились купцы и корабельщики, ремесленники и грузчики, лодочники и рыбаки. Недалеко от южных ворот бога Солнца Шамаша, покровителя богатства и торгового люда, высился его храм. В Шумере владыкой всех водных путей – главных дорог, потому и торговли, с глубокой древности был верховный бог матриархата, бог Луны Син. Но с переходом верховной власти в Междуречье к Аккаду богатством стал ведать Шамаш.

Типичный для всех трех мировых цивилизаций имперский период истории в Вавилоне был непродолжителен. Одно триумфальное сорокатрехлетнее царствование Навуходоносора II стало началом и концом славы. Через семнадцать лет над пьяной головой Валтасара (по словам пророка Даниила) или Набонида, последнего «сумасшедшего царя Вавилона» (прозвище, дарованное ему гражданами) вспыхнули роковые слова: «Мэне, тэкел, фарес!» История великого города была

закончена. В его стены почти беспрепятственно вступил другой великий царь – Кир из рода Ахеменидов. Началась двухсотпятидесятилетняя история персидской империи.

Кир, прославленный пророком Исайей превыше всех царей, действительно за краткий срок создал первую в мире громадную империю, простиравшуюся от Персидского залива до Эгейского и Каспийского морей. Он был талантливым полководцем, стратегом и тактиком и с небольшой, но великолепно обученной армией без больших потерь заставлял капитулировать значительно более многочисленные наемные армии азиатских владык. Но Исайя славил его не за это. А за то, что он был умен и благочестив, милосерден и скромен, за то, что ценил не золото и серебро, а моральную справедливость. Пророкн провозгласил его любимцем Бога Всевышнего, предшественником Мессии, избавителем народа Божьего. И это так и было. Кир не благоволил к богачам, в том числе и еврейским, ценил мудрых и скромных. Он отпустил евреев на родину. Но богатые и считавшие себя знатью предпочли разрушенному и опустошенному Иерусалиму роскошный Вавилон. Учить народ свой они стали, не теряя комфорта и денег. На родину отправили Эзру как верховного комиссара по теологии. Этот пророк научил народ всему, а главное – повелел отпустить всех иноверных жен и их детей, соблюдать кашрут, как главную святыню.

Век Кира был отнюдь не велик. Через девять лет он окончил свой земной путь, остановленный вражеской стрелой при осаде крепости – маленького города, сохранившего свою свободу еще от хеттских времен, которой лишил его Кир и которую он попытался восстановить. Он потерял ее навсегда, случайно лишив жизни великого царя.

За два века его наследники связали свои владения великолепными дорогами и быстроходными кораблями. В землях завоеванных народов насадили своих сатрапов с главной целью – выколачивать из них огромные налоги и жесточайшим образом подавлять все попытки к сопротивлению. Кроме Артаксеркса Второго, брезговавшего популярным среди знати

имперским национализмом и соблюдавшего на своем веку умеренный либерализм и толерантность к своим разноплеменным подданным, ни один из царя царей не лишал великую империю её надменного и беспощадного блеска.

Но понадобилось всего лишь три года, чтобы слава её сгорела дотла на кострах.

Юный царь почти всей Греции и Балкан

Главными событиями стыка эпох было «великое переселение народов», начавшееся, как принято считать, в IV веке и продолжавшееся по VII век и смена религий и образа жизни в большинстве государств. Римская цивилизация была сильнейшей, оставившей наибольший след в мире, посему дату переворота ее истории, когда власть из Рима перешла в новую столицу, в другой стране и capitoлийскую веру в Юпитера сменило государственное христианство, можно считать началом новой мировой цивилизации.

Первым предупреждением о грядущем «великом переселении народов» можно считать вторжение двух германских племен – кимбров и тевтонов – в пределы римского государства в конце II века до н. э. В 113 году до н. э. в первом же сражении с кимбрами при Аквилее римляне были разбиты, в течение семи последующих лет блистательный Рим терпел поражения при каждом столкновении с полчищами этих неведомо откуда взявшихся варваров. Наиболее вероятным представляется (но отнюдь не доказано) что кимбры находились до своей миграции на юг на севере Ютландского полуострова и на побережье Балтийского моря. Но в последние века до н. э. воды Северного моря часто подтапливали обжитые ими земли и, учитывая прирост населения, им пришлось пуститься на поиски нового места под солнцем. Поиск оказался фатально неудачным. Сначала, казалось бы, все складывалось для искателей как нельзя лучше. Не пожелавших пустить их на свои

земли римлян они разгромили и разогнали. Но в негостеприимные римские пределы не вторглись, а пошли дальше на запад, обойдя Альпы по их северным предгорьям. Однако ничего подходящего для себя не нашли на всем пути, по которому двигались, походя разрушая галльские городки и селения, до самых Пиренеев. Здесь столкнувшись с громадными горными массивами, непригодными для прокорма их племен и стад, и с отчаянным сопротивлением кельтиберов, они повернули обратно. Еще три сражения с римлянами в 107 и в 105 годах кончились гибелью трех римских армий и двух консулов на неторопливом пути варварских племен на восток.

В это время римским войскам, уже двенадцать лет продолжавшим малоуспешную войну в Африке с нумидийским царем Югуртой, удалось наконец достичь победы, благодаря таланту крестьянского сына Гая Мария, прошедшего весь путь от солдата до командующего легионом, прославившись личной храбростью и умелым командованием. Он привез в Рим хитрого и изворотливого Югурту, оправдав доверие сената, впервые назначившего главнокомандующим не представителя высших сословий, а выходца из крестьян. Любовь солдат к нему, победы и популярность в народе склонили сенат вручить ему, избранному консулом, верховное командование и в войне с устрашающими тучами варваров, наползающих на Италию. В этой войне Марий также показал полное превосходство над своими предшественниками, уничтожив полчища тевтонов и кимвров в двух сражениях, по одну сторону Альп и по другую. От первых не осталось ничего, кроме наименования их племени, часть кимвров бежала на север, к Дунаю, где рассеялась среди иных племен, часть же сдалась победителю, даровавшему им жизнь и обязавшему нести пограничную службу на северном рубеже римских владений, обрабатывая участки земли, которой были наделены. Однако самая большая часть их страшного воинства уже лежала в этой земле...

Причиной столь блистательной победы Мария, под командованием которого было всего 30 тысяч воинов, (не считая 20

тысяч второго консула Катутла), а против него на широкой равнине при Верцеллах стояла громада кимвров числом 300 тысяч, 4 квадрата со сторонами в 30 стадиев с тяжеловооруженной кавалерией на флангах, были несомненно полководческий талант Мария, заслугой которого была и его «новая армия», созданная им за пять лет, прошедших с его первого консульства, полученного за победу в Нумидийской войне, до пятого, которое он добыл (в нарушение римских законов) перед страшным нашествием северных варваров.

Своей властью он произвел коренную реформу римской армии. Много веков она набиралась для войны из свободных земледельцев, а по окончании войны немедленно возвращалась к своим пашням и лугам. Её основной состав, 4 легиона по 4500 бойцов в каждом, не менялся до 104 года до н. э. Набор производился только с учетом ценза. Основу легиона составляли семь когорт по пятьсот воинов, разделенные по цензу на три линии: первая – тяжелая пехота, копейщики (гастаты), вторая – главные рубаки с мечами и пилумами (принципы), третьи – когорта обладателей самого дорогого оружия и наибольшего опыта (триарии). Они вступали в бой только в наиболее напряженные моменты. Командирами легионов и когорт назначались исключительно представители знати.

Марий полностью отменил учет ценза. Любой неимущий, пролетарий мог встать в строй, важны были только его качества как будущего бойца. Срок службы в армии для всех равнялся шестнадцати годам. Каждому полагалось вещевое и пищевое довольствие, снабжение оружием и месячное жалование. Это была новая, наёмная армия, у солдат и офицеров которой сменились ценности. Тактической единицей стала центурия, во главе которой ставился опытный боец с командирскими качествами. После выхода в отставку полагалось наделение участком земли и денежное пособие. Это была первая в мире чисто наёмная армия, служба в которой человек превращался из гражданина в солдата, верного прежде всего своему командиру. В силу чего и командиры, имеющие гражданские звания, начиная с народного трибуна или городского

эдила, стали стремиться заполучить уважение и авторитет у солдат для поддержки в борьбе за выборные должности. А главным способом получить такую поддержку было умение получать гарнизонную службу в богатых провинциях или назначения в походы с целью завоевания богатых стран, потому, что главной наградой для легионеров стали не медали за храбрость и верность и не земля через шестнадцать лет, когда они уже забывали, как ее возделывать, а добыча от грабежей захваченных городов и поборы с жителей провинций за оказываемые им «услуги». Военное сословие – новая и грозная сила в государстве стало главным фактором превращения государства из республики в империю.

Однако структура будущей империи намечалась задолго до возникновения регулярных армий и даже до пробуждения первых мыслей о подобном громадном государстве. И намечали ее, не ведая того, не отважные покорители земель, а предприимчивые открыватели путей туда, где можно дешево приобрести товары, которые трудно найти поблизости от родных краев. Как землепроходцы коммерсанты всегда предшествовали конкистадорам и за много тысяч лет до походов Цезаря и Траяна янтарные камни с балтийских берегов попадали на шею жриц и предводительниц неолитических племен южной Европы отнюдь не в качестве воинских трофеев. А если обратиться к истории цивилизаций, то легко установить главные торговые пути связующие главные города молодых цивилизаций уже к концу первой эпохи, эпохи образования новых монархий. Простой обмен, с которого начиналась древнейшая торговля, оказался основой всех ее форм. Быстро приспосабливаясь к переменам спроса и предложения, расширяясь и стремясь к власти, он к последней эпохе достигает объединения (вынужденного) со своим постоянным оппонентом – военной мощью, превращая государство в империю. Общими усилиями они в большинстве случаев превращают его в руины.

ЖИВИ НЕ КАК ВСЕ

Бывают люди, в жизни которых с наибольшей цельностью и чёткостью отражаются основные черты тех общественных сословий, к которым они принадлежат.

В маленьком сибирском городке, выросшем при железнодорожной станции между Омском и Новосибирском, в семье рабочего-паровозника родился и вырос парень, жизнь которого до тех пор, пока его не загнали в лагерь за преступление, которого он не совершал, ничем не отличалась от жизни миллионов таких же, как он рабочих парней в стране. Жил как все, в школьные годы гоняли тряпичный мяч на пыльном пустыре, ходили в клуб – большой сарай со сценой и рядами длинных скамеек – смотреть кино про войну и про любовь. После фильма скамейки отодвигали к стенкам и в свете нескольких голых электрических лампочек под звуки трофейного аккордеона на грязном, густо засыпанном шелухой от семечек полу топтались танцоры от двенадцати до тридцати лет. После танцев регулярно завязывались драки, итоги которых оживленно обсуждались населением от семи до семидесяти лет. Курить начинали лет с десяти, прикладываться к бутылке – с четырнадцати, приворовывать с «краснухи» (из товарных вагонов) – тогда же, а то и раньше. Жизнь народа после войны была суровой и нищей, и воровать не у людей, а у государства среди подрастающего поколения считалось «честным» воровством, чем-то вроде благородного разбоя. Вырастая расходились в разные стороны: большая часть – в колею однообразной, беспросветной вплоть до утраты трудоспособности работы и не менее однообразного, полунищего быта – колею, из которой ничего более интересного, чем всё то же кино, и ничего более радостного, чем застолье с выпивкой до совершенного помрачения умов, не было видно, как из глубокого оврага; меньшая – в темный мир тюрем и лагерей, от которого житейская мудрость советовала русскому человеку не зарекаться так же, как от нищеты.

Угодил в него на двадцатом году жизни и Анатолий Марченко, хотя поездов он не грабил, пил, не теряя головы, и уже твердо входил в сужденную большинству колею. Потомок творящегося во мгле веков рода пахарей он легко втянулся в работу, сначала на стройке, потом в геологоразведке, к двадцати годам став уже толковым буровым мастером. И скоро бы, как водится, оженили молодца, а там – семья, дети, заработки да заботы, и покатила бы жизнь по той самой свича-ями и обычаями накатанной колее без загадок, без поисков, без какой-либо иной цели жизни, кроме «создания материальных условий для дальнейшего расцвета духовной и культурной жизни», словом – как у всех. Но, видимо, было что-то в его душе, что придало его судьбе сугубо личный характер.

Однажды он пытался остановить пьяную драку, будучи сам при этом совершенно трезв, и был доставлен в отделение милиции вместе с теми, кого разнимал. Ни милиционеру, ни следователю не понравился «упрямый хохол», державшийся без всякой робости и настаивавший на несправедливости его задержания. Дело рутинное – маленько «обломали рога небитому фраеру» и направили в суд дело о злом хулиганстве и сопротивлении органам власти с отягчающими обстоятельствами, а подравшихся, дав им по шеям, отпустили на все четыре стороны, приложив к делу их свидетельские показания. Народный суд за пять минут рассмотрел это нехитрое дело и приговорил раба божия Анатолия к пяти годам исправления трудом в лагерях общего режима.

Стражи порядка, конечно же, были правы: Анатолий Марченко был наделен чувством справедливости в большей степени, чем это положено при развитом социализме, причем работникам правоохранительных органов, руководствовавшихся исключительно принципами советского правопорядка и указаниями партии на этот счет, оно вообще было ни к чему. Рано или поздно он был обречен столкнуться в каком-нибудь узком месте с этим правопорядком, и столкнулся. Побои и другие оскорбления, нанесенные ему при аресте и в ходе следствия, циничная готовность суда скреплять милицейскую

ложь своим приговором и встреча с тем же «правопорядком» в лагере, где творить его людям в погонах помогали люди в наколках, круто изменили его отношение к «советской действительности». До ареста понятие «советская власть» было для него более-менее лишенным четкого содержания. Она была просто «начальством», некой стихией, господствующей над стихией «народа». Хорошего от неё ожидать не приходилось, но и возмущения в его душе она не вызывала, поскольку была от него далека и никаких непосредственных контактов он с ней не имел. Теперь же, когда он на своем горле почувствовал отвратительные руки власти и увидел вплотную её наглые свинцовые глаза, возмущение хлынуло в его сознание и затопило его. Оскорбленное и униженное чувство его человеческого достоинства, гнев и ярость против учиненного над ним произвола душили его и требовали выхода. Мир катастрофически сузился: теперь он был один, как перст, против навалившейся на него подлой и беспощадной силы. Отметая любые доводы рассудка, не отступала мысль о побеге.

О побеге из лагеря думают многие, впервые брошенные в его лютое чрево. Но обычно это просто следствие лагерного шока, поиск спасения от невыносимой действительности в мыслях о побеге. Шок постепенно проходит и человек смиряется с неизбежностью,

Анатолий не был обыкновенным человеком, он был человеком простым. Он думал так, как чувствовал, и поступал так, как думал. Побег был для него не избавлением от лагеря, а отказом смириться с наглым насилием власти над его жизнью, единственно доступным способом борьбы. И пусть судьба не спешила предоставить ему условия для имеющей хоть какой-нибудь шанс на успех попытки побега, принятое решение и сам поиск таких условий, высматривание неприметных слабых мест в системе охраны, позволяли ему не чувствовать себя отбывающим срок рабом.

Лагерь, наверное, одно из наилучших мест для знакомства людей, которые в обычной жизни, будучи отдалены друг от друга разными обстоятельствами, почти не имеют шансов на

сближение. Пока Анатолий соколиным глазом следил за охраной, а она за ним, у него оставалось всё же время и для того, чтобы приглядываться к новым для него людям среди тех, кто его окружал. С любопытством посматривал он на «трудовую интеллигенцию», которая с конца пятидесятых стала вновь прибывать в концлагеря с каждым этапом, как это было в последнюю сталинскую семилетку. В своей жизни до лагеря ему не приходилось сживать за чаем с людьми, имевшими университетское образование, несколько тысяч прочитанных книг в умственном багаже и резко критический взгляд на порядки в стране. Представления об интеллигенции у него были чисто народные: это те, которые на работу ходят в чистой одежде, на работе не горбят, а только пишут бумажки или чешут языком – придуряются, проще сказать. А те, которые в столицах, писатели разные и профессора, загребают такие деньги, что рабочему человеку и не снилось. Точно, как начальство, сидят в кабинетах и деньги ни за что получают, единственное отличие – что власти не имеют. Одним словом – придурки. Теперь он, сдерживая свою к ним неприязнь, прислушивался к их разговорам и отмечал про себя, что их жесткая критика власти, в отличие от его нелестных мыслей о ней, опирается на множество фактов, ему совершенно неизвестных, и убедительна. После того, как ему стало ясно, что взгляды и понятия, усвоенные им в среде, в которой он вырос, ничего толком не способны объяснить в путанице причин и следствий господствующей в жизни несправедливости, он решил сам разобраться в этом и стал с нуля строить свое мировоззрение. «Первое время я зорко следил за этой публикой, – пишет он в своей книге. – Внимательно вслушиваясь в речь каждого, следя за тоном, я боялся пропустить или не уловить что-нибудь, подтверждающее моё прежнее представление об интеллигенции». Мало-помалу многие высказанные людьми этого лагерного круга суждения вошли в строящуюся им систему взглядов, а со временем, получше присмотревшись к ним, он и относиться к ним стал с уважением, «...так как

обычно это свойство (интеллигентность) сочеталось с порядочностью, с нравственными принципами, которые особенно начинаешь ценить в жестких лагерных условиях». Когда же его постройка начала приобретать черты нечто целостного и из тумана догадок, подозрений и сомнений вырисовался четкий образ государства, отличительным признаком которого было органическое соединение политики государственного бандитизма с тотальной ложью, его осенило, что главная сила этого Змея-Горыныча не в его громадной армии с ядерными бомбами и ракетами, не в миллионах охранников, сыщиков и стукачей и не в особой змеиной мудрости его «голов», портреты которых на палках таскают советские граждане на демонстрациях, а во лжи. Именно ложь, всеохватывающая, всепроникающая, с беспримерной наглостью меняющая повсюду знаки на противоположные, превращая зло в добро, а добро в зло, именно эта ложь, а не страх, как думается сначала, и является главной силой, на которой эта власть держится. И вот тут он понял, что эти ребята – интеллигенты, «клевеющие на советскую власть», делают то, что и надо делать, разоблачают ложь и, предавая гласности правду о том произволе, что творится этой властью под непроницаемой для поверхностно смотрящего большинства завесой лжи, медленно, но неотвратимо приближают крах этой враждебной всем народам и самой жизни человеческой власти, обессиливают её. Отныне эта цель станет определять всю его последующую жизнь.

Сначала она в его голове соединилась с его мыслью о побеге, породив химерический план, который посещал за время существования ГУЛАГА немало отчаянных голов. Он заключался в том, чтобы, бежав из лагеря, сразу же совершить второй побег «на рывок» через железный занавес в свободный мир и там предать гласности правду, от которой, как он полагал, должен будет содрогнуться мир. План этот, как и сотни ему подобных до него, потерпел фиаско еще на первом этапе, и отсидев свой срок «до звонка», Анатолий вышел «на волю» с крайне смутным представлением, где и как он будет прорывать «железный занавес», но с твердой убежденностью, что

осуществить намеченное – его высший моральный долг. На счастье, у него оказалось несколько поручений от оставшихся в лагере друзей, для выполнения которых он должен был заехать на несколько дней в Москву. Он заехал и неожиданно для себя очутился в кругу людей, отнесшихся к нему, как к своему, хотя и незнакомому человеку. Их интерес к нему и участие к его судьбе стали решающим обстоятельством в том, как сложилась его дальнейшая жизнь и каким образом он стал решать поставленную перед собой главную задачу.

Прежде всего, принявшие его в свой круг друзья его лагерных друзей убедительнейшим образом доказали ему, что задуманный им переход границы – чистейшая авантюра, которая в самом лучшем случае немедленно окончится его возвращением в только что покинутый мир тюрем и лагерей. Но самое главное, его убедили, что он способен и должен сам написать книгу своих разоблачений, не передавая этого дела в руки журналистов, ни западных, ни отечественных. Более того, ему существеннейшим образом помогли сделать это, поскольку самостоятельно на первых порах он был совершенно не в состоянии превратить то, что хранила его память в удобочитаемый текст. Это превращение, осуществленное менее, чем за год, оказалось бы просто невозможным, если бы не педагогический талант его наставницы. Лариса Богораз, сама талантливый литератор, с большим тактом, терпением и настойчивостью направляла работу его ума, изнемогавшего в яростной борьбе с обилием образов, мыслей и чувств, кружившихся водоворотом в его сознании и затоплявших его. Она помогала ему извлекать из этого водоворота наиболее значительные факты, ясные мысли, выразительные обороты речи, учила очищать их от эмоциональной риторики и соединять в единый литературный текст, при этом категорически отказывалась вносить что-либо от себя. «Это твои воспоминания, твои мысли, твоя жизнь и только такими они должны оставаться, чтобы стать по-настоящему достоверными и убедительными», – повторяла она когда он просил её, чтобы она для ускорения работы сама обработала трудно поддающийся

изложению пассаж. В конце концов его природные способности, крайняя целеустремленность Ларисы, её педагогическое искусство и терпение были вознаграждены: к исходу первого года после его освобождения возникла книга «Мои показания».

Идею напечатать её под псевдонимом он отверг без раздумий. Какие могут быть псевдонимы при даче показаний?! Чего стоят тайные свидетельства?! Отправив рукопись за рубеж для опубликования её там, он послал в КГБ открытое письмо: «Пять месяцев назад я закончил книгу «Мои показания»... Я хотел бы, чтобы это моё свидетельство о советских лагерях и тюрьмах для политзаключенных стало известно гуманистам и прогрессивным людям других стран». Именно так, просто и ясно: «Иду на вы» – в стиле стародавних витязей его исторической прародины. Если уж борьба за гласность, то – за полную, без недомолвок. Он ничего не делал наполовину.

Вознаграждение за труды не заставило себя долго ждать. Он успел ещё только открыто заявить в письмах, направленных в «Правду» и в «Руде право», о праве чехов и словаков самим решать, с каким лицом им больше подходит социализм, и незамедлительно получил срок «за нарушение паспортного режима». А четырьмя днями позже были арестованы Лариса и шестеро её друзей за демонстрацию на Красной площади против вторжения карательных войск в Чехословакию.

Отбыв свой срок с довеском «за клевету на советский строй» (по показаниям лагерных сексотов), Анатолий уехал в Сибирь, туда, где находилась на ссылке Лариса. За то время, когда она помогала ему стать на ноги как писателю, он привязался к ней всей душой и очень скучал о ней в лагере. В Сибири они поженились и после окончания её ссылки поселились в Тарусе, городке на Оке, где судьба им подарила целых два года спокойной жизни, чтобы успел встать на ножки их родившийся в Сибири сын Павел. Покой этот был все же несколько относителен, так как сочетался с высокой активностью органов ГБ в этом живописном городке, бывшим некогда пенатами художников и писателей, а ставший приютом сословия, лишённого права приближаться к столице коммунизма ближе, чем на сто

верст. Вызовы и обыски непринужденно вплетались в дремотную идиллию провинциальной жизни, пока ей не пришел насильственный конец. Анатолию Марченко был предъявлен ультиматум: или за рубеж, «к родственникам в Израиле», или опять туда, «где вечно пляшут и поют».

В эти годы звезда посткультличностного ГБ достигла зенита. Физиономия столицы покрылась не нуждающимися в вывесках офисами Комитета, как лик путаны прыщами. Университетский значок на груди стал ведомственным отличием воспитанных профессионалом Андроповым кадров. Теперь борьбу с интеллигенцией, мыслящей иначе, нежели ЦК, и поголовно, согласно данным ЦК, имевшей родственников в Израиле, вела интеллигенция опричная, мыслящая неотличимо от ЦК, скромно гордящаяся своим духовным родством с вернейшими слугами государства от Малюты до Лаврентия. Инакомыслящих теперь не расстреливали, а подвергали чисто воспитательным средствам воздействия: выборочно сажали в лагеря, выборочно – в психлечебницы, многих отправляли всего-навсего в ссылку, но многих – к родственникам за границу. Некоторые даже, совершенно добровольно, в сложившейся ситуации отправлялись к родственникам на тот свет. Таким образом, к середине семидесятых годов тщательная зачистка территорий проживания советских людей была в основном завершена с минимальным расходом государственных средств, и для поддержания чистоты в городах коммунистического быта интеллигентным работникам «подотдела очистки» достаточно было только вовремя смахнуть появившуюся соринку в соответствующую воспитательную ёмкость.

Историческим следствием установления столь образцового порядка стало рождение умом и совестью эпохи термина «развитой социализм», а сугубо частным и малозначительным – отправка «за нарушение правил надзора» отказавшегося от поездки к родственникам за границу Анатолия Марченко в ссылку в Сибирь, туда, куда по своей воле он ехал четырьмя годами раньше к сосланной Ларисе. Условия этапирования

идеально соответствовали требованиям достигнутого порядка, благодаря чему красочное представление о нем сохранилось для истории в книге «От Тарусы до Чуны», написанной Анатолием по свежим следам. Он не отступал ни на шаг от избранной единожды позиции. Ложь должна быть разоблачена. Диктатура лжи и страха должна быть разрушена. Там же, в ссылке он начал работу над своей последней книгой «Живи, как все». Он не мог знать, что она окажется последней, не знал, что не сможет закончить её. Но знал Тот, Кто вдохнул в него жизнь и вложил в его душу бесстрашное стремление к справедливости, и эта книга стала его завещанием.

«...когда я стал писать эти воспоминания, то понял, что слова: «живи, как все» как раз ко мне и относятся. Эту сказку я слышу всю мою жизнь». В самом деле, заповедь: «Живи, как все», – это средоточие мирской мудрости, на все лады, вероятно с допотопных времен, звучит она из уст повидавших виды и набравшихся уму-разуму людей.

– Тебе что – больше всех надо? Не умничай, умней тебя в тюрьме сидят. Лбом стену не прошибешь – живи, как все.

– Ты что – умнее всех хочешь быть? Век правдой не проживешь. Живи, как все.

– И что тебе нейдет – какого тебе рожна надо? Пожалел бы ты самого себя, пока не сломал еще головы. Возьмись за ум – живи, как все...

Мир решительно не одобряет бросающихся в глаза отклонений от принятых в нем норм здравомыслия и благопорядочного поведения и никогда не возражает против порки норовистых молодцов.

«Живите, как все. Прекратите поливать грязью родину и советский строй. Если не перестанете клеветать, вас предупреждают: вы будете высланы из страны», – убеждало Анатолия «одно из славных русских лиц, со взором кротким без границ» после появления его первой книги. Но не убедил, в чем вскоре мог убедиться сам, прочтя в открытом письме вверенного ему надзору сочинителя следующие клеветнические измышления: «...участникам митингов и собраний в поддержку политики ЦК КПСС мне хотелось бы напомнить, что все так

называемые «ошибки» и «перегибы» в истории нашей страны происходили под бурные, долго не смолкающие аплодисменты наших высокосоциальных граждан... Мне было бы стыдно за мой народ, если бы я верил, что он действительно единодушно поддерживает политику ЦК КПСС и правительства по отношению к Чехословакии... Но если бы я оказался даже один с этим своим мнением, я и тогда не отказался бы от него. Потому что мне его подсказала моя совесть. А совесть, по-моему, надежнее, чем постоянно испытывающая перегибы линия ЦК и чем решения различных сессий, принимаемые в соответствии с колебаниями этой генеральной линии».

Жить по совести, а не как все, и «не следовать за большинством на зло» – заповедь не новая, но, как всякое слово Божие, никогда не ветшающая, Анатолий Марченко следовал ей так, как если бы она лично ему была дана в пламени огня на вершине Синая. Трудно сказать, был ли «нравственный закон, который внутри нас» записан в его душе, как и у всех других людей, или малость поглубже, но факт, что с годами эта запись у него не обшаркалась «естественным ходом вещей», как это очень часто бывает, а скорее наоборот, стала глубже и четче. Это стало особенно заметно после того, как он сблизился с людьми, «благодаря которым написаны мои книги и относительно благополучно... сложилась моя судьба, ...благодаря которым еще как-то возможно жить и дышать в нашей стране», после того как он выбрал в качестве своей жизненной позиции сопротивление Всевластию Лжи.

Он писал свою последнюю книгу урывками в ссылке и после того, как, отбыв ссылку, вернулся с женой и сыном в Подмосковье и, купив в городишке Карабаново, на окраине избенку-развалюху, начал строительство дома. Всё та же жизнь под постоянным полицейским надзором. Всё тот же «сто первый километр» от Москвы, только на этот раз по Северной железной дороге, где в былые времена проводники в ночных поездах шли по вагонам и стучали ключами по металлическим кронштейнам полков, предупреждая: «Граждане не спите!

Проезжаем Карабаново! Следите за вещами!» Всё тот же писательский комфорт: после смены на производстве и второй смены на своей стройке примоститься с карандашом и бумагой где-нибудь на краешке стола или с дощечкой на колене «на рабочем месте», чтобы, пока не начнут слипаться глаза, успеть набросать десяток-другой строк.

Чувство реальности никогда не принималось им в расчет как фактор, заслуживающий первостепенного внимания. На этот раз, по-видимому, он просто отмахнулся от него, решительно не желая думать, на каком свете он живет. На клочке земли, доставшемся ему на срок, столь же неопределенный (независимо от положений имущественного права, и вообще какого-либо права) для человека в его положении, как срок пребывания на свободе или, говоря более точно, проживания за зоной. Он начал строить большой капитальный дом, в котором смогли бы с удобством разместиться и его старики, и родители Ларисы и чтоб послужил он не одному поколению, но и внукам был надежной крышей над головой.

Дух сопротивления полицейскому произволу власти, ставшейся выжить его с родной земли или сжить со свету, заставлял его вгрызаться глубже в землю, строить дом, как дот на огневом рубеже. При его склонности смотреть на каждую новую задачу, которую он ставил перед собой, как на главное дело жизни эта стройка превратилась в один сплошной аврал длиною в год. Он спешил, подгоняемый неотступной тревогой, что может не успеть, не жалея ни себя, что было для него делом обычным, ни даже ближних своих, что наиболее явно свидетельствовало, какое чрезвычайное значение имело для него это дело. Дом стал символом победы над арестантской судьбой. Ему казалось, что завершение строительства станет предзнаменованием новой творческой поры его жизни, что дом не только станет местом, где будет жить его семья и у него впервые в жизни будет своя комната для работы, но и защитит его каким-то чудесным образом своими стенами от злых ветров, продувающих насквозь его жизнь, станет для

него точкой опоры в этом зыбком, неверном мире. Но победить судьбу не удалось.

Разумеется, в глубине души он сознавал, сколь призрачны его надежды, что на советской земле нет крепостей, которых бы не могли взять большевики в красных погонах. Но ведь каждому хочется верить, что может случиться чудо и его минует чаша, уготованная судьбой в России разоблачителям её опричного срама. Хотелось и ему, но не так сильно, чтобы заставить его перестать вызывать огонь на себя и отойти во второй эшелон, в молчаливую оборону. После ссылки в Горький академика Сахарова Анатолий пишет открытое письмо академику Капице, обвиняющее Академию наук СССР в коллаборационизме с КГБ СССР. Ответил ему КГБ, в ультимативной форме предложив немедленно убираться за рубеж: «Если не уедете – пеняйте на себя!» Уехать для него было равносильно капитуляции, Он продолжал строить и писать. Они не обманули: писателя изъяли и кинули в тюрьму, рукописи конфисковали, дом взорвали (бульдозера оказалось недостаточно, потребовался аммонал). Десять лет за решеткой, плюс пять лет ссылки как антисоветчику рецидивисту был приговор народного суда.

Свой третий этап по тюрьмам и лагерям советской страны Анатолий Марченко начал со смутным предчувствием, что на этот раз ему уже не вырваться из сучьих лап власти. На пятом десятке даёт себя знать пережитое в молодости: избиения в тюремных карцерах и лагерных изоляторах, ночи на бетонных полах без верхней одежды, перенесенный менингит и пожизненный отит с почти полной потерей слуха. Оттянуть еще десять лет, когда силы начинают идти на убыль, а болезни – набирать силу, много труднее, чем в молодые годы. А если учесть еще арестантскую усталость – усталость от даже неосознаваемого нервного напряжения в условиях, где твоя жизнь ничего не стоит и ничем не защищена, усталость от вспышек бессильной ярости при каждом издевательстве надзорслужбы или конвоя, от непрестанно сосущей душу тоски по воле, не говоря уж об изматывающей физические

силы работе на голоде и холоде, то начинать свежий «червонец» не просто трудно, а мучительно трудно. Тем более, что теперь он постоянно ощущал на себе пристальное злобное внимание чинов тюремной и лагерной администрации. Его формуляр был помечен знаком особого попечения о нем со стороны Комитета.

Согласно принципиальной установке генерального инквизитора, которому оставалось менее года до превращения в Генерального секретаря, по отношению к особо упорным и злым клеветникам и активным противникам советской власти, нечувствительным к нормативным средствам исправления, следовало применять более радикальные, разумеется, в исключительном порядке и под контролем работников Комитета.

На практике это означало, что в «крытых тюрьмах» для этих лиц создавались условия, максимально способствующие возникновению у них желания официально обратиться к администрации с просьбой об оказании им медицинской помощи. После чего к ним применялись самые передовые методы лечения, в результате чего они в значительной степени утрачивали свою повышенную возбудимость, память и личность, а по прошествии пары лет после выпуска их на свободу – и жизнь. Научный прогресс, происшедший в области фармакологии со времен первого красного фармацевта Ягоды, вооружил советскую карательную медицину эффективнейшими средствами почти совершенного умиротворения аномальных личностей, страдающих гипертрофией социальной функции. В случаях, когда больной не обращался за помощью, вполне приемлемы были и старые добротные средства, последовательное применение которых позволяет больному довольно быстро и, что самое главное, совершенно добровольно прийти к убеждению, что дальнейшее его существование в сложившихся условиях лишено всякого смысла. И только лишь в исключительных случаях патологического упрямства, проявляемого больным, целесообразно оказать ему содействие, когда он находится в наиболее благоприятном для

этого состоянии, найти выход к избавлению от долгой продолжительной болезни.

Нет нужды доказывать, что рекомендации такого рода, нисходя с вечно окутанных облаками высот, адресуются только одной паре самых надежных ушей и, тем не менее, звучат негромко и туманно, будучи прикрыты эвфемизмами, как особы, покидающие высшие сферы через служебный ход под густой вуалью. Лишь осторожно спускаясь по лестнице инстанций, они постепенно приобретают более конкретные очертания, чтобы те, кому непосредственно придется проводить их в, так сказать, жизнь, поняли, что именно от них требуется. Причем на всем пути этой замечательной эстафеты они нигде не оставляют осязаемого следа, не соприкасаясь ни с одной канцелярской бумажкой. Тем удивительней, что, когда они заканчивают свой путь, подобный скольжению легкого ветерка по длинным и извилистым коридорам власти, их появление в точке назначения непостижимым образом перестает быть тайной. В крытых тюрьмах, спец. изоляторах и в ПКТ лагерей строгого режима появляется их запах, так же как на лицах тех, «кому следует знать», – некая тень, свидетельствующая о причастности к сокровенному знанию, о доверии высших и о содействии низших сфер. Нюх старого сидельца сразу улавливает появление этого запаха, а глаз – эти характерные тени, подобия тех, что сгущаются вокруг глаз утомленных своей работой палачей и проституток.

Несомненно, ограниченное применение радикальных средств исправления во внесудебном и, естественно, не подлежащем педантичной документации порядке вновь придало советской репрессивной политике, направленной против внутренних врагов, большевистский чрезвычайный характер, утраченный было в период увлечения борьбой с последствиями культа личности. Последний негибимый марксист-ленинец как никто понимал ценность византийской логики наипервейшего. Чтобы учение о рае овладело массами, абсолютно необходимо существование ада. Пусть не такого большого, как при наипервейшем, но необходимо. Чувство меры должно

согласовываться с требованиями времени. «Хорошенького понемножку», – сказал, как известно, пращур империи рабочих и крестьян, государь Николай Павлович, повесив пятерых. Тут дело в принципе. Нужно только, чтобы в камерах тянуло по полу чуть-чуть ветерком, чтоб самую малость пахло чистым ленинизмом, революционной без примеси целесообразностью. Чтобы успешно исправлять охромевших и оступающихся, до них должна доходить информация о том, что горбатых время от времени исправляет могила.

Не испытывая страха и не теша себя надеждами на лучшее будущее, отправился Анатолий Марченко в свой последний этап: Владимирский централ – Дубровлаг – Чистопольская крытая тюрьма.

Шесть лет и каждый год тяжелее предыдущего, с каждым годом все уже становился просвет, связующий его с жизнью. Лишение очередных свиданий, переписки, помещение в карцер приняли регулярный характер – с Марченко «работали» и он не смутно чувствовал, а ясно видел, что вокруг него проведена черта, отделяющая его от остальных эзков, и круг неуклонно сужается. Видел он, как на него стала скалить зубы даже рядовая, с одной лычкой на погонах, сучня, обычно равнодушно жестокая ко всем заключенным без разбору. Видел и понимал, что положение его уже безвыходно, но не сдвинулся ни на полшага со своего одинокого рубежа. Он боролся до конца, жадно ловя каждое случайно доходящее известие о том, что делается в мире, и ища любую возможность послать туда свое не уходящее с поля боя слово.

В это время в Кремле, теряя последние силы, вел отчаянную борьбу за спасение дела Ленина-Сталина последний генеральный марксист – тюремщик Юрий Андропов. Они были совершенными антиподами и духовно, и политически, но при этом в их судьбах можно было обнаружить некоторые общие черты. Генеральный антипод Анатолия Марченко так же, как и он, родился в семье железнодорожника, в поселке при узловой станции, также начинал самостоятельную жизнь рабочим парнем и даже также обнаруживал в молодые годы стремление, к

справедливости... но вот тут различие в понимании справедливости развело их судьбы в противоположные стороны.

Марченко понимал попросту, как понималось это простыми людьми во все времена: справедливо – это по совести, Андропову же от молодых ногтей пришлось столкнуться с роковой проблемой всех сложных людей – душевным разладом, когда рассудок и чувства вступают что ни день в конфликты по самым разным поводам. Но он, будучи юношей умным и целеустремленным, навел в своей душе порядок, твердой рукой подавляя те чувства и мысли, которые затевают скандалы и мешают продвижению к поставленной цели. Цель его была вполне обыкновенной: выбиться в люди, в люди, которые руководят. У него на самой заре комсомольской юности прорезался вкус к руководству. Это было в те романтические годы, когда головы комсомольских вождей слетали одна за другой, как спелые яблоки, поскольку они никак не могли понять, чего от них хочет партия. А партия хотела только одного, чтобы комсомол стал её ушами и глазами. И когда эта идея наконец овладела комсомольскими массами, из неё, как на дрожжах начали вырастать руководители нового типа – зоркие, ушлые, хваткие, преданные всем сердцем своему любимому Вождю и Учителю Великому Сталину. Они достигли высшей простоты и ясности в понимании жизни, свято веря и твердо зная, что справедливо – это значит по-сталински, и человечно – это по-сталински, «А если что не так – не наше дело». Это снимало все проблемы, и сложные люди, проникшись сталинским духом, становились простыми и цельными. Будучи умным молодым человеком, Юрий Андропов понимал, что между человеческой совестью и совестью партийной, государственной, воплощенной в лице Вождя, существует некоторое существенное различие и надо выбирать. Понимал он и величие мудрости, сокрытой в двух коротких словах: «так надо!», и сделал нужный выбор. Пожертвовать общественными интересами, интересами партии и государства, ради сугубо личных, эгоистических он не мог и поэтому решительно встал «на горло собственной песне», порвав все ненужные связи, отбросив

все лишнее, что мешало служению высшим целям. В результате в том возрасте, когда Анатолий Марченко, отбыв свой первый срок, выбрал долю отщепенца, поднявшего руку на все самое святое для социалистического отечества, которое его вспоило и вскормило, Юрий Андропов занял свой первый номенклатурный пост, став вождем комсомола Карело-Финской ССР. Так закалялась сталь. И сталь эта оказалась столь высокой сталинской пробы, что, не достигнув еще и сорока, товарищ Андропов Ю.В. вошел в число лучших из лучших учеников товарища Сталина – в ЦК КПСС, куда войти можно было только с личного разрешения Хозяина. Состоялась, можно сказать, эстафета поколений: наипервейший марксист-ленинец заметил того, кому было суждено стать последним, «и, в гроб сходя, благословил». Великая утрата, постигшая партию и народ, стала чувствительным ударом и для карьеры товарища Андропова, переброшенного с партийной работы на советскую. Но уж если судьба благоволит к своему избраннику, ему все идет на пользу. Именно на посту советского посла в Венгрии ему довелось увидеть и понять, как заколебалась почва под властью самой первой и, казалось бы, самой надежной братской компартии, стоило только снять священные покровы с возвышавшейся над соцлагерем фигуры Светоча коммунизма и Вождя всего прогрессивного человечества. Он первым из советских коммунистов заметил, как начинает развращаться бездна, и своевременно предупредил руководителей партии и государства, предложив при этом план мероприятий по спасению братского режима, который во многом способствовал успеху. Партия оценила его вклад в дело умиротворения «сбитого с толку провокаторами» венгерского народа, и вскоре он вернулся на работу в ЦК. С тех пор все его силы были посвящены одной великой цели: предотвратить возникновение и развитие событий, способных подрывать могущество власти КПСС, единство мирового лагеря социализма; восстановить во всем его величии авторитет марксизма-ленинизма и тех, кто воздвиг его знамя над миром; укрепить в массах веру в неизбежность победы коммунизма, подорванную

безответственными популистами и близорукими прагматиками, пробравшимися на руководящие посты в партии. Опыт и проницательность убеждали его, что даже среди членов и работников ЦК очень немногие отдают себе отчет в том, что сила власти заключается прежде всего в том, насколько сильна вера масс в её право и силу, в авторитет её главной политической идеи. И с каждым годом росла его уверенность, что именно он призван спасти от краха великое дело коммунизма.

Возглавив ведомство госбезопасности, за годы неустанного труда он превратил его в самую могущественную политическую тайную полицию на планете. Масштабы борьбы, которую он вел, распространялись на все страны и народы, где только возникала опасность для международного коммунистического движения, охватывали всех мыслимых врагов коммунистической державы от самых мелких «диссидентов» внутри её до таких зубров антикоммунизма как римский Папа за её пределами. Успехи его на этом поприще были огромны и неоспоримы, внутри СССР стало тихо. Но за его рубежами силы реакции продолжали множиться и смыкали свои ряды. Смыкались международный сионизм и еврокоммунизм, католицизм и американский империализм. Он напрягал все силы, но у него не хватало полномочий, чтобы придать борьбе должный размах. В руководстве партии засели слепцы и невежды, нечистые на руку пройдохи. Надо было брать власть в собственные руки. Борьба на два фронта заставила его, не жалея себя, работать на пределе возможностей, но он выдержал и победил. Устранив одних и отодвинув других, он овладел наконец долгожданной верховной властью и тут... силы оставили его. В победоносной борьбе с многочисленными врагами коммунизма он потерпел поражение от своих собственных внутренних врагов, разрушавших его организм. Поднявшись на вершину политического могущества, он оказался поверженным навзничь и прицепленным к аппарату искусственной очистки крови. Такой страшный удар сломил бы кого угодно, но не его. Он и в этом состоянии продолжал свою великую борьбу. Так

же, как в своем служебном кабинете, он продолжал выслушивать донесения, отдавать распоряжения, диктовать директивные письма. Руки его дрожали, но воля оставалась тверда, как сталь. Эпизодически, когда его отцепляли от аппарата, он выезжал в Кремль для проведения заседаний Политбюро. В остальные дни по Кутузовскому проспекту и Новому Арбату в урочные часы проезжал пустой автомобиль с зашторенными окнами, сопровождаемый обычным эскортом: народ должен был знать, что верховная власть остается при исполнении своих священных обязанностей. Он мог бы гордиться, что сумел восстановить во всем величии институт государственной безопасности, но его мучило сознание, что он уже не успеет восстановить былое величие и монолитность всей державы.

Теоретический орган партии, журнал «Коммунист» к столетию со дня смерти Маркса и менее чем за год до смерти последнего истинного марксиста опубликовал его духовное и политическое завещание – наказ собратьям по партии, каким путем они должны идти, чтобы сделать то, чего не успел он. Сознывая, что на нем лежит огромная историческая ответственность творчески развить бесценное теоретическое наследие и, передавая это всепобеждающее оружие в неумелые руки своих легкомысленных наследников, он еще раз подробно объяснил, как им надо пользоваться. Тщательнейшим образом последовательно пересказав все главное, что было сказано его великими предшественниками, он под конец вложил в ствол любовно смазанного им огнестрельного чудо-оружия образца 1891/1930 годов патрон специального назначения, который он изготовил собственноручно, опираясь на прозрение Ленина (сделанное «опираясь на учение Маркса»): «Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме». «Отсюда, однако, не следует, – творчески развивает марксистско-ленинское положение Андропов, – что можно пренебрегать неантагонистическими противоречиями, игнорировать их в политике. Жизнь учит, что при подобном невнимании и противоречия, не являющиеся по своей природе антагонистическими,

могут порождать серьезные коллизии». Со свойственным ему исключительным чувством ответственности, он в течение пятнадцати лет, находясь на посту председателя КГБ, проверял в действии свое изобретение, прежде чем прийти к убеждению, что его следует поместить в сокровищницу идей марксизма-ленинизма. Он сделал все, что мог, и кто из ныне живущих марксистов-ленинцев бросит ему упрек в том, что он не спас первое в мире марксистское государство?! Ну не было ему дано стать спасителем, зато он был отменным карателем.

И даже уйдя в могилу, он оттуда продолжал хватать руками верного Чебрикова недодушенных врагов партии. Пусть неумоготу было уже дотянуться до горла Папы римского, задавить, пока он в камере, Гавела, и, пока не поздно, всех этих Куроней, Михников и Валенс, но над «своими» призрак еще не утратил власти. Устин, хоть и дурак, но Чебрикову – свой брат, в тридцать восьмом в одном гараже скрепляли братство кровью врагов народа, в слюняйстве не замечен. Хватило еще силы мертвой руке утащить на тот свет Алексу Тихого, Юрия Литвина, Гуннара Астру, Юри Кукка, Василя Стуса, провести курс «успокаивающей» терапии Виктору Некипелову, Андрею Сахарову, Марту Никлусу, цепенеющими пальцами дотянуться до Анатолия Марченко. Дальше – тишина. На второй год правления Горбачева начались выборочные досрочные освобождения отдельных политзаключенных в порядке широкой кампании, призванной убедить мир в наступлении новой эры ленинизма с человеческим лицом. Но пока в столице набухали почки второй оттепели, в тюрьмах и лагерях продолжала царить лютая стужа. Стоял омерзительный запах чебриковской тризны по Андропову, чекистская сучня опохмелялась.

Марченко по-прежнему избивали и морили в карцерах «за плохое поведение» – с ним «работали». С тех пор как его закованного в наручники в исправительных целях несколько сильнее обычного побили головой о бетонный пол карцера, ему больше уже ни разу не давали свиданий с женой. Три года его почти постоянно лишали «за нарушения режима» права

переписки. Иногда из Комитета в Чистополь наведывались кураторы посмотреть, как идут дела. Дела, конечно, шли, но медленнее, чем предполагалось. Сильный организм и воля обрабатываемого упорно сопротивлялись развитию «тяжелой продолжительной болезни», а ясное сознание не обнаруживало признаков впадения в ожидаемую амнезию. В свете предусмотренной новым курсом политики «открытости и гласности», так сказать, души нараспашку, Комитету было предложено в сжатые сроки подготовиться к освобождению всего оставшегося контингента политических заключенных. Исключений не предполагалось, но допускалось, что в отдельных, крайне редких случаях медицина может оказаться бессильна.

Комитет в свою очередь подбадривал тех, кто занимался непосредственной работой. Неожиданно в «работе» с Марченко возникли непредвиденные трудности. Почувствовав, вероятно, что силы его на исходе, Анатолий пошел в последний бой с тем оружием, какое у него только и осталось. Он объявил бессрочную голодовку вплоть до освобождения всех политзаключенных, сумев перед этим передать на волю сообщение о ней и её целях, адресованное проходившему в это время в Вене международному Совещанию по вопросам безопасности и прав человека. Естественно, что Комитет был взбешен происшедшей утечкой информации. Марченко немедленно перевели на строгий тюремный режим, что означало его полное исчезновение для всех, кроме тех, кому следовало продолжать с ним работать. Однако, появление информации об этом на страницах зарубежных газет вызвало в свободном мире резонанс, крайне неприятный для генсека. Будучи воспитанником Андропова, хранящим благодарную память о своем наставнике, он с полным доверием относился к созданному им Комитету, в работе которого и сам принимал известное, правда совершенно косвенное, участие в течение всей своей общественной деятельности со студенческих времен. Стойко игнорируя все мольбы Ларисы Богораз о помиловании её находящегося на грани жизни и смерти мужа, он, тем не менее, нервничал. Последний бой за свободу, который про-

должал вести, умирая в тюремном каземате, Анатолий становился международным фактом и продолжать делать вид, что подобные мелкие досадные инциденты вне его поля зрения, было уже нельзя. Требовалось проявить гуманизм, и ленинец с человеческим лицом оказался на высоте требований момента. Не сумели сделать чисто и вовремя – пеняйте на себя, теперь надо выпускать, и так, чтобы все выглядело прилично.

Ситуация сложилась критическая. Сделать так, чтобы Марченко, после проделанной над ним работы, выглядел прилично, было совершенно невозможно. На это потребовались бы долгие месяцы лечения. Выпустить же его или, вернее, выдать родственникам таким, каким он был в это время, решительно невозможно. На него, как мухи, слетелись бы иностранные корреспонденты, и он стал бы полуживым доказательством того, какой работой они занимаются в своих исправительных заведениях. И им не приходилось сомневаться, что в случае, если он выживет, то незамедлительно, как делал уже не раз, подробно и обстоятельно с именами и датами опишет все, что знает об их работе в новой книге. Допустить это было бы всё равно, что самих себя отдать под суд. Среди множества подвигов, числившихся на счету рыцарей передового отряда партии, таких еще не бывало. Да вряд ли и сам ударившийся в гуманизм их генсек был бы доволен таким оборотом дел. Решение напрашивалось само собой: выпустить дух из человека, в котором после четырехмесячной голодовки с эпизодическим насильственным кормлением и курса психофизиотерапии по Андропову еле теплилась жизнь – выход, простейший из возможных, и наиболее радикальный.

Сначала Ларисе Богораз из Комитета сообщили, что её муж «чувствует себя великолепно», через несколько дней ей доставили якобы только что написанное им письмо, с просьбой прислать ему продуктов и денег. А неделей позже на её имя из тюрьмы пришла телеграмма с сообщением о смерти её мужа, происшедшей, как ей сказали уже после её приезда, неожиданно в результате сердечно-легочной недостаточности, вызванной дистрофией миокарда. Через два дня после

смерти сугубо официальное сообщение для иностранных корреспондентов облеклось уже в классическую форму: «скончался в результате тяжелой продолжительной болезни». Классический стиль был любезен российской жандармерии буквально с пеленок. Когда по высочайшему соизволению в одиночной камере Акатуйской каторжной тюрьмы был убит самый твердый и непреклонный из декабристов Михаил Сергеевич Лунин, официальное сообщение об этом гласило: «1845 года декабря 3 дня государственный преступник Лунин поутру в 8 часов помер от кроваво-нервного удара».

Итак, бой был закончен. Труп победителя лежал в морге больницы, и трое охранников несли при нем караул до дня похорон, чтобы родственники не похитили его. По настоянию вдовы в только что восстановленной скромной церквушке состоялось отпевание под бдительным надзором сотрудников Комитета и в полдень 12 декабря тело Анатолия Тихоновича Марченко обрело свое последнее пристанище на краю городского кладбища. У могилы было девять человек родных и друзей, поодаль — надзирающие за «окончением» операции». На свежий холм мерзлой земли, осененный свежеструганным православным крестом, ветер стал быстро набрасывать белое покрывало мелкого колкого снега и, обратившись вспять, к началу века, можно было разглядеть сквозь сетку несущихся снежинок такой же холм мерзлой земли на кладбище в Полтаве и так же стоящих поодаль сотрудников ЧК, надзирая по личному указанию вождя мирового пролетариата за ответственной операцией вплоть до ее окончания, и сиротливо сгрудившуюся у могилы кучку людей, немногочисленных родных и близких великого ходатая за безвинных жертв мирской несправедливости и злобы Владимира Галактионовича Короленко, умершего в такой же черный день декабря лютого 1921 года.

Между этими двумя могилами пролегла почти вся история сословия политических заключенных, пролегли бессчетные кладбища, рвы и котлованы с останками множества честных и

мужественных людей, убитых, но не побежденных палачами, и защитивших от лжи доброе имя и достоинство человека.

Скорее всего, очень немногие из них веровали, что являются детьми Божиими. Большинство принадлежало к несчастному поколению безотцовщины, лишенному духом безбожия веры и надежды, и уходящему из этой жизни, полагая, что уходят во тьму небытия. Но и над ними, изгнанными за стремление к правде и справедливости, за неподдающуюся растлению совесть, простерты в небесах слова Господа: «Блаженны изгнанные за правду...»

И память о них сохранит за прожитым нами веком представление как о времени, в котором жили достойные люди.

15.12.1999

ЗНАМЕНИТАЯ ПЬЕСА ГОГОЛЯ

Знаменитая пьеса Гоголя «Ревизор» – единственная в русской литературе сатира, предметом которой, по существу, стали не ее персонажи, а сам феномен человеческого актерства в жизни, когда человек стремится стать не самим собой, а сыграть совершенно иную роль, чем-то особо желанную. Психологическая природа этого явления не представляет собой загадки. Это – недовольство тем, что было получено от жизни или от Бога, обостренное завистью к тому, кто получил именно то, чего так хотелось не получившему. Почувствовав себя обойденными и не желая быть такими, «какими задумал Бог», они выбирают путь открытой или неосознаваемой «борьбы с судьбой», в которой обречен играть роль, ту или иную, но всегда чужую.

В начале нашей эры еврейский мудрец Йошуа бен Хананя, перечисляя силы, которые «губят мир», на первое место поставил «глупого благочестивца», а на второе «хитрого нечестивца». Как раз эти два популярнейших амплуа, в которых выступают актеры мировой истории, наиболее важны для истории с «Ревизором», прототипами главных персонажей которого, хотел того автор или нет, по сути, были царь Николай I и Николай Гоголь.

Оба с юных лет отличались амбициозностью, скрытностью и завистливостью – качествами, обязательными для всех актеров этих амплуа. Оба, попав в случай, были неожиданно взысканы судьбой. Первый вдруг стал царем из-за неожиданной кончины старшего брата, Александра, и отказа от короны среднего, Константина. Второй вознесся на российский Парнас из-за оглушительного успеха первой талантливо написанной книги. Неожиданный счастливый поворот судьбы истомившимися в неизвестности искателями успеха и славы всегда воспринимается как знамение свыше. Оба сразу же начали вживаться в долгожданную роль, Гоголь, как положено глупому, упиваясь лестью и хвастаясь, царь как положено хитрому, с лицемерной скромностью и необходимой скрытностью.

В спектакле «Строгость и справедливость» Николай искусно сыграл роли следователя, судьи и палача, но все – за сценой. Повесив пятерых и отправив в Сибирь несколько сот, он на открытой сцене дал спектакль «Великодушие и милость», вызвав из ссылки Пушкина и после дружеской беседы представив его большому свету как «самого умного человека во всей России». Постоянный полицейский надзор за самым умным человеком он возложил на своего друга Бенкендорфа, цензуру взял на себя.

Умный, но простодушный Пушкин сразу и глубоко заглотил наживку. С лицейских лет его душа хранила воспоминания о том, как мелкопоместный дворянин Николай Карамзин гулял, оживленно беседуя с императором Александром, по паркам, что было совершенно недоступно множеству богатейших и титулованных сановников, или как тот же Карамзин с чуть заметной на умном лице иронической усмешкой прицеплял на орденскую ленту дарованные ему награды, когда следовало присутствовать на официальном приеме во дворце. Какая ни с чем не сравнимая прелесть – быть на дружеской ноге с царем в силу только лишь своего ума и таланта и истины ему с улыбкой говорить! Разобраться в царях бедному Пушкину оказалось, однако, не с руки, и его готовность сменить свое отчество Сергеевич на Николаевич не пробудила в душе монарха отцовских чувств. Как человек бездушный он любил властвовать над душами, но этим его интерес к ним и ограничивался.

Позднее, походя и не невзначай, он приобретет и душу Гоголя, бросив со смехом после представления «Ревизора»: «Всем досталось, а мне – более всех!» Для мечты о дружбе с императором этого было маловато. Но человек, о существовании которого он знает и о произведении, которого отозвался с похвалой, это уже не просто титулярный советник (чин, полученный Гоголем за преподавание по протекции Петра Плетнева истории юным отроковицам в Патриотическом институте)! Это вам уже не извините-подвиньтесь, а нечто гораздо более значительное! Во всяком случае с этой поры Гоголя все-

гда согревала мысль, что император знает о нем, и его величественная фигура всегда высилась в его сознании, в перспективе, витая над творческими замыслами.

С восторгом, однако, приняла «Ревизора» только просвещенная часть общества, занимавшая критическую позицию в отношении порядка, прикрывающего царящий в России беспорядок и произвол. И западники, и славянофилы увидели в Гоголе чудесное знамение, истинно национального писателя, явившегося из народных глубин, чтобы обнажить и осмеять язвы пресмыкающегося перед властью общества. Но ультрапатриоты и чиновничество были рассержены и даже разгневаны «клеветой на российскую действительность». Известный в свете мошенник и бретёр – граф Толстой-«американец» громко заявил, что Гоголь – «враг России, и его надобно в кандалах сослать в Сибирь».

В связи со всем этим Гоголь впал в тревожное и тоскливое состояние. Хотя при дворе пьесу читали и одобрили, но двор далеко, а вокруг Россия, где чиновник на каждом углу, а разбойники, вроде «Американца», гуляют вольно, как волки в лесу. Оказаться в недругах у людей сановных и знатных, служащих России и ревнующих о её величии, чести и славе, было слишком рискованно. Похвальное слово Государя, конечно, защита, но чутьё не обманывало Гоголя: по большому счету, царь на стороне знати. Непросто было ему решить и на какой стороне он сам. Не он ли ехал семь лет назад в столицу с мечтой о великих делах, кои свершит он на пользу и славу Отечеству, хотя и неведомо на каком поприще? С другой стороны, он догадывался, что успех его в основном связан с юмористическим даром, что без насмешки и острого словца ему не достичь в литературе большего, чем достиг он в истории.

Пару лет назад он в надежде «зашибить деньгу» упрямил Плетнева взять его в университет читать лекции по истории средних веков, которую, впрочем, он знал столь же мало, как древнюю и новую. По невежеству своему он полагал, что, будучи хорошим рассказчиком малороссийских анекдотов и

забавных историй, он, прочитав накануне в книжке содержание того, что следует рассказать, без труда и с успехом перескажет это на следующий день на лекции. И не испытывая поэтому ни малейшего смущения, он попросил себе звание ординарного профессора, кафедру и 6000 рублей единовременно на уплату своих долгов. Будучи профессором университета и преподавателем языка цесаревичу, Плетнев с трудом устроил его адъюнктом с жалованьем 600 рублей в год, и очень скоро Гоголь стал всеобщим посмешищем. На его лекции собирались студенты со всех факультетов, чтобы повеселиться от души. Трудно этому поверить, но в течение двух лет привыкший прилгать и хвастаться Гоголь сообщал в письмах своим друзьям и домашним о своих фундаментальных трудах по истории. «Историю Малороссии я пишу всю от начала до конца. Она будет или в шести малых или в четырех больших томах». «Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из восьми, если не из девяти». «Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! да каких крупных! полных, свежих! Мне кажется, что сделаю кое-что необщее во всеобщей истории». Это в письме Погодину, профессору истории! Ну разве не чистейший Хлестаков? А вот, Пушкину: «... кончу историю Украины... и напишу всеобщую историю, которой в настоящем виде её, до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже и в Европе нет». Он врет самозабвенно и даже самому себе: «Труды мои будут вдохновенны. Над ними будет веять недоступное земле божество! Я совершу».

Когда из университета его попросили и стало ясно, что в области истории ничего вдохновенного совершить не удастся, Гоголь решил перебросить свой талант на драматургию, пьесы при удаче оплачивались много выгоднее, чем рассказы. Со времен Матушки-государыни и Дениса фон Визена осмеивание помещиков и чиновников, преступающих законы государства по корысти или по самоволию и невежеству, в комедиях стало делом обычным. И талант Гоголя не подвел. Зор-

ким глазом он высмотрел дичь, не нарушителей закона, а своего земляка-драматурга, автора уже многих комедий, мало известных, однако, столичному обществу. Григорий Квитка ведем был, в основном, у себя в Малороссии, хотя нередко писал свои пьесы и на русском языке. Гоголю очень понравилась его комедия «Приезжий из столицы», написанная, когда Гоголь был еще гимназистом. Её главный герой Пустолобов, проходимец, разыгравший в уездном городишке роль высокопоставленного столичного вельможи и обобравший одуроченных им чиновников, пришелся Гоголю настолько по душе, что он решил сделать его собственным персонажем, подрисовав естественно и подмалевав своей талантливой кистью. Чтобы облагородить происхождение своей пьесы, он разыграл еще одну маленькую комедию в письме к Пушкину: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет... Рука дрожит написать... комедию.... Сделайте же милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, куда смешнее черта! Ради Бога, ум и желудок оба голодают». Насчет желудка, учитывая склонность гения к чревоугодию, он, вероятно, прав. Но с умом – явное преувеличение: пять актов в это время уже (или почти) написаны и «смешнее черта». Пушкин сделал милость, очевидно, не ранее конца октября, как на основании фактов делает вывод писатель и исследователь Викентий Вересаев. «А уже 4 декабря ... пьеса была готова, – действительно духом... (хотя хорошо известно, что) ...такая быстрота писания совершенно не свойственна Гоголю». Это дало возможность автору «Ревизора» скрыть под покровом имени Пушкина свою неблаговидную (мягко говоря) проделку. «Мысль «Ревизора» принадлежит Пушкину», – клятвенно заверит он современников и потомков в своей набожной «Авторской исповеди». Кому же взбредет в голову копаться, чтобы найти, что весь сюжет и большие куски текста целиком позаимствованы из давно сгинувшего в Малороссии «Приезжего из столицы, или Сума-тохи в уездном городе»? Однако, став из-за этой проделки «врагом России», Гоголь пребывает в растерянности и отчаянье. «Клянусь, никто не знает и не слышит моих страданий...

Мне опротивела моя пьеса. Я хотел бы убежать теперь Бог знает куда», – пишет он приятелю, и вскоре убегает за границу, надолго. Объездил все немецкие курорты, потом города Швейцарии, нигде не понравилось. На зиму перебрался в Париж, который, конечно, тоже не понравился, но здесь «Бог сделал чудо: указал мне теплую квартиру на солнце, с печкой, и я блаженствую». И поскольку деньги еще были – Жуковский выхлопотал их для него у императрицы, – он наконец в тепле, сытости и безопасности пришел в хорошее расположение духа и решил основательно приняться за оставленные было «Мертвые души», сюжет которых получил от Пушкина еще до «Ревизора» и которые теперь решил сделать своим опус магнус, благодаря которому можно будет высоко вознести главу. Он пишет Жуковскому: «...теперь я погружен весь в «Мертвые души». Огромно велико мое творение, и не скоро конец его... Кто-то незримый пишет предо мною могущественным жезлом».

Вероятней всего, что взятый у Пушкина сюжет в жанре плутовского романа о герое, скупавшем за гроши, души умерших крепостных, чтобы потом заложить за крупную сумму как живых, Гоголь задумал продлить, не без влияния Жуковского, чтобы в дальнейшем воскресить «мертвые души» своих персонажей посредством евангельской истины, вложенной в уста Государя. Таким образом было бы не только смыто обвинение в его клевете на Россию, но наоборот, через «грязный дворик» её нынешнего состояния открылся бы широкий путь к «прекрасному дворцу» России будущей, по которому она вошла бы в него, ведомая своим царем и его верным слугой и советчиком – Гоголем. Пушкину вряд ли пришелся бы по душе такой карамболь с его сюжетом. Впрочем, он и без того «в кругу своих домашних говорил, смеясь: «С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя». Но Жуковскому это должно было понравиться. Гоголь это чувствовал и ханжествовал перед ним, отпустив поводя, соблюдая при этом почтительный сыновний тон, ибо Василий Андреевич не только своим зорким глазом ревнителя

русской словесности первым заметил его в сумраке, где обитают безвестные сочинители, и, выведя на свет, попросил Плетнева помочь его первым шагам, открыв тем самым ему путь к последующей славе; не только продолжал поддерживать протекцией, советом и, периодически, безвозвратными ссудами денег, но, что для Гоголя было важнее всего, Жуковский был особо близок ко двору, будучи воспитателем наследника, и всегда мог замолвить за него словечко перед самим Государем или перед его августейшей супругой.

Однако вне этих высочайших сфер, в мире своих литературных, театральных и прочих приятелей и поклонников оживший Гоголь так неожиданно быстро и так высоко вознес свою не лучшим образом образованную голову и начал вещать и наставлять вдруг в истинах православия людей, значительно превосходивших его и умом, и образованием, и годами, что вот-вот, казалось бы, должен был превратиться в одного из тех самозванных пророков, которые так часто возникают на задворках церквей. Этому помешало только категорическое неприятие его новой роли и тона со стороны его недавних самых горячих почитателей и среди западников, и среди славянофилов.

«Мистическим субъектом он сделался вполне только тогда, когда успехи его внушили ему идею об особенном его призвании на Руси, не просто литературном, а реформаторском. Тогда он заговорил с друзьями языком ветхозаветного пророка», – писал об этой его метаморфозе П. Анненков.

Вот как воспринималась новая роль Гоголя его ближайшим в недавнем прошлом почитателем Михаилом Погодиным: «Православие и самодержавие у меня в доме: Гоголь служил всенощную, – неужели для восшествия на престол?» А вот Вера Самойлова, актриса Александринского театра: «Никогда так свысока не хвалил нас и государь. – «Мило, мило, а главное – умно провели свою роль. Вы с Мартыновым помирили меня с русской сценой».

Петр Плетнев написал ему в письме от октября 1844 года: «Наконец захотелось тебе послушать правды. Изволь, попот-

чую... Что такое ты? Как человек, существо скрытное, эгоистическое, надменное, недоверчивое и всем жертвующее для славы. Как друг – что ты такое? И могут ли быть у тебя друзья? Если бы они были, давно высказали бы тебе то, что ты читаешь теперь от меня... Твои друзья двоякие: одни искренне любят тебя за талант и ничего еще не читывали во глубине души твоей. Таков Жуковский, таковы Балабины, Смирнова, и таков был Пушкин. Другие твои друзья – московская братия. Это раскольники, обрадовавшиеся, что удалось им гениального человека, напоив его допьяна в своей харчевне настоящим лестью, приобщить к своему скиту... На них-то сменил ты меня... Ко мне заезжал, как на станцию, а к ним, как в свой дом... Но посмотрим, что ты как литератор. Человек одаренный... первый нашего века комик... но писатель монотонный, презревший необходимые усилия, чтобы покорить себе сознательно все сокровища языка... неправильный до безвкусыя и напыщенный до смешного, когда своеволие переносит тебя с комического на серьезное. Ты только гений-самоучка, поражающий творчеством своим и заставляющий жалеть о своей безграмотности и невежестве в области искусства». А вот, под конец – из тех самых «раскольников» Степан Шевырев, профессор Московского университета, многолетний бескорыстный помощник Гоголя и один из главных исследователей его творчества, в письме от марта 1847 года: «Ты избалован был всею Россиею: поднося тебе славу, она питала в тебе самолюбие. В книге твоей («Выбранные места из переписки с друзьями») оно выразилось колоссально, иногда чудовищно. Самолюбие никогда не бывает так чудовищно, как в соединении с верою. В вере оно уродство».

Лживость, иногда совершенно бессмысленная, сопутствовала Гоголю всю жизнь, будучи органически связана с его постоянным актерством. Из своих ролей (из «самого себя» по собственному признанию) он черпал черты для своих разнообразных персонажей. Он уверял, что таким образом расправляется со своими пороками. Уверовав в свою избранность

стать реформатором и спасителем России, Гоголь так проникся «православием, самодержавием и народностью», что загубил в этой роли и свой талант, и жизнь.

Кончив выбирать «бог вдохновенные» места из своих писем, он решил, что, находясь под особым покровительством свыше, создал нечто подобное новому Евангелию, и тотчас послал распоряжение Плетневу: «Все свои дела в сторону, и займись печатаньем этой книги... Она нужна, слишком нужна всем; вот что покамест могу сказать; все прочее объяснит тебе сама книга. К концу её печати все станет ясно...» И в следующем письме: «По выходу книги приготовь экземпляры и поднеси всему царскому дому до единого, не выключая и малолетних – всем великим князьям. ...скажи, что поднесение этой книги есть выражение того чувства, ...вследствие которого все, относящееся к их дому, стало близко моей душе».

Завершив таким образом все дела с книгой своего благовестия, Гоголь счел нужным сделать своего «Ревизора» и «Мертвые души» чем-то вроде иллюстративных комментариев к ней. С этой целью к «Ревизору» он присочинил «Развязку», объясняющую, что город, где происходит действие, это наша душа, чиновники-воры – это наши страсти, а ревизор – наша, пробужденная Богом совесть. Более обстоятельные объяснения должны были воспоследовать за вторым вариантом второго тома «Мертвых душ». Первый вариант, поскольку он был написан еще до того, как автор окончательно проникся исключительной важностью своего призвания и потому «не показал ясно, как день, путей и дорог (к спасению) всякому», был сожжен собственной рукой автора.

Чуда, однако, не свершилось, скорее наоборот. «Я написал и послал сильный протест к Плетневу, – сообщал сыну Сергей Аксаков, – чтобы не выпускал в свет новой книги Гоголя, которая состоит из отрывков писем к его друзьям и в которой есть завещание к целой России, где Гоголь просит, чтобы она не ставила над ним никакого памятника, и уведомляет, что сжег все свои бумаги. Я требую также, чтобы не печатать «Предупреждения» к пятому изданию «Ревизора»: ибо все

это с начала до конца чушь, дичь и нелепость и, если будет обнародована, сделает Гоголя посмешищем всей России».

Никогда не способный трезво оценить то, что выходило из-под его пера, Гоголь был горько разочарован тщетностью своего благовестия. Особенно горько для него было, что обожаемый им Государь ни словом не обмолвился на этот счет, а наследник выразил неудовольствие по поводу отдельных мест в книге при беседе с Жуковским. Гоголь скукожился и затих, но, как всегда, ненадолго. Он просто не мог слишком долго находиться ни в одной из своих ролей. Встречаясь с другом своей юности Александром Данилевским, он легко скидывал пропитанный елеем православный балахон и разом превращался вновь в любителя острого словца и красного винца, готового хохотать над чем угодно и чертыхаться, как в годы «Вечеров на хуторе». В молоденьком замухрышке-чиновнике, который в своих хмельных мечтах «всякий день во дворец ездит», перед которым «дрожит Государственный Совет», а караульные ему салютуют как главнокомандующему и даже с Пушкиным он запанибрата, Гоголь изобразил себя ярче, чем в любом другом своем персонаже.

Не будет преувеличением сказать, что для понимания истории села Горюхина и города Глупова фигура Хлестакова более значительна, чем образы Евгения Онегина, Пьера Безухова или Дмитрия Карамазова. Этот легковесный лжец, хвастун и плут гораздо ближе к народу и его царям, нежели тонко чувствующие и рефлексирющие герои русских романов и драм XIX века. Взять, к примеру, послание царя Николая мэрии Парижа по поводу свержения Людовика Филиппа, в котором он предупреждает отцов города, что «если парижане не прекратят своих революционных спектаклей, то он пошлет им миллион зрителей в серых шинелях». Ну чем не Хлестаков, которому шесть лет спустя эти французы с англичанами покажут в Крыму такие пьесы, что ему останется только принять крысиного яду?! Или вот, исправившийся под его благотельным влиянием Чаадаев: «Провидение... поручило нам интересы человечества... — в этом наше будущее, в этом наш

прогресс». Почти как Бенкендорф, объяснявший заступавшемуся за Чаадаева Михаилу Орлову, «с какой точки зрения надо понимать историю России»: «Прошлое России было блестяще, её настоящее более чем великолепно, а что касается будущего, оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение». И в то же время – почти Ленин: «Российский пролетариат есть, в конечном счете, самое передовое, самое лучшее что создало человечество в своем историческом развитии!»

Цари и вожди оказывают, разумеется, значительное влияние на подвластные им народы. Но прежде они сами испытывают на себе плохо осознаваемое, но могущественное влияние масс, которыми повелевают. «Глас народа – глас божий» – поговорка, дошедшая до нас не из Рима времен раннего христианства, а из Эллады VIII – VII веков до н. э., и смысл её темен для тех, кто слово «бог» читает как «Бог». Языческое национальное божество – это неведомый могучий дух, охватывающий смертных, поработанных страстями, неистовством инстинктивных чувств, и превращающий их единую яростную массу, утрачивающую, пока в их душах бушует вдохновение, инстинкт самосохранения. Нечто подобное имел в виду Пушкин, говоря, что «вокс попули» есть истинная причина Французской революции. Тогда глас народа раздался из уст Мирабо в Версале, в Зале для игры в мяч, где вопреки воле короля депутаты Генеральных Штатов собрались для выработки Конституции. В ответ на требование посланца короля, де Брезе, подчиниться приказу и разойтись граф громогласно произнес: «Идите, месье, и скажите тем, кто вас послал, что мы находимся здесь по воле народа и ничто, кроме силы штыков, не изгонит нас отсюда!»

Этими словами была объявлена революция. Когда же королевские войска окружили волнующийся Париж, заняли Марсово поле, и страх пополз по улицам, раздался голос Камилла Демулена: «Друзья! Неужели мы умрем, как затравленные зайцы?! Час пробил, великий час для француза и человека... Наш лозунг: скорая смерть или освобождение навеки!.. Нам

пристал лишь один клич: «К оружию!» Эти слова решили судьбу Франции. Чувства, а не разум, лежащие в основе поведения масс, делают случай наиболее частым обстоятельством проявления судьбы. А реплика актера, её герольда и нередко исполнителя одной из главных ролей в одноактной пьесе, сигналом к началу действия.

Но не только в столицах и в моменты революционных переворотов звучит «глас народа». Он может прозвучать не в громах и молниях, а, к примеру, в тихом монастыре, на окраине государства из уст смиренного инок, как произошло это в первой половине XVI века на Псковской земле, в Елеазаровой обители, откуда спасавшийся там инок Филофей в послании к великому князю Василию Ивановичу известил его о бывшем ему откровении, что два Рима, дескать, пали, третий – Москва – стоит, а четвертому не бывать... «и на всей земле один ты – христианский царь». Откуда у русского монаха такая национальная гордыня, что сына еще недавнего данника татарской Орды, владения которого еще до той поры на европейских картах значились входящими в Татарию, он провозглашает величайшим в христианском мире монархом, а маленькую грязную его столицу – центром мира на все времена?

И это лжепророчество – плод невежества и маниакального тщеславия, отдаленный предтеча хлестаковских монологов – обретает чудесным образом не только ноги, но и крылья, пять веков паря над Россией, оправдывая в глазах граждан «Третьего Рима» и бесконечный бандитизм, завоевавший им славу самых хищных захватчиков планеты, и пятивековое рабство их своим «природным государям», обрекшее их на полную утрату человеческого достоинства и вечную нищету. А причина этого ненасытного империализма и неизбывного раболепства, именуемых в соответствии с текстом избранной роли русской любовью ко всему человечеству и русской преданностью своим великим государям, в том «от праматерей» идущем утробном чувстве своей «первородной» или первобытной самости, от снедающей душу алчной страсти самоутверждения.

Трудно человеку держать под контролем своей человеческой разумной природы вырвавшееся за пределы естественно необходимого стадо своих животных инстинктов. И если для отдельного человека с Божьей помощью эта задача все-таки хоть как-то разрешима, то для народов, как свидетельствует история, такого решения нет. Тем не менее народы кичатся своим прошлым и сочиняют истории своих великих и благородных деяний, используя все краски своей палитры лжи, чтобы облечь свои воровские и грабительские подвиги в блистающие золотым шитьем и орденами мундиры победителей в самоотверженной борьбе со злом. Разумеется, каждый и воруется, и врет на свой лад и вкус, но принципиально это не нарушает духовного и политического единства мира сего. Это обстоятельство дало повод великому Шекспиру меланхолически заметить, что «весь мир – театр», а честному Томасу Джефферсону признаться: «Всякий раз, когда я вспоминаю о том, что Господь справедлив, я дрожу за свою страну».

Поразительно с какой ловкостью, добавив в образ мошенника Пустолобова свои собственные черты, Гоголь смастерил, как живого, Ивана Александровича Хлестакова, в котором оказалась блестяще запечатлена хвастливая и лживая половина дурной русской натуры в ансамбле со второй, воровской и карательной, представленной чиновниками. Получилась удивительно живописная и верная маленькая модель русского мира, в которой не хватает только сущего пустяка – образа русского человека простой и не завистливой души, любящего свою истерзанную и испоганенную человеческим своеволием землю, жалеющего несчастных людей и зверей, и хранящего в глубине души упорную веру, что когда-нибудь кончится это человеческое озверение и люди взмолятся Богу и по милости Его станут возвращаться к человеческому облику. Но пока в реальной жизни такой человек стал редок на русской земле, как белый журавль, не так уж часто водился он на ней и в прежние времена, а в пьесе Гоголя не попал совсем.

Тем не менее это нисколько не мешает ставить для этой замечательной пьесы декорации любой эпохи российской истории и разнообразить её репликами известных актеров этих эпох, от Ваньки Каина до Каина Генерального, как если бы она была написана перед появлением на свет России в качестве парадигмы на все её темные времена.

2004.

Иерусалим.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Р. БРАКМАНА «СЕКРЕТНАЯ ПАПКА»

Книга, о которой пойдет речь, была опубликована впервые в 2001 году в Англии и повторно в прошлом году в России. Во Франции её издание предполагается в текущем году. Её автор Роман Яковлевич Бракман – историк и журналист провел в качестве политзаключенного несколько лет своей юности в недрах сталинского ГУЛАГа, где его «научили свободу любить» настолько эффективно, что через пять лет после того как главный учитель покинул созданный им «лагерь мира и социализма», Бракман в числе первых вырвался из СССР на свободу.

Последние двадцать лет минувшего века он посвятил написанию этой уникальной книги, где впервые были собраны и подвергнуты анализу все существующие сведения о сотрудничестве создателя ГУЛАГа в первой, дореволюционной половине своей жизни с царской полицией. Независимо от того, насколько убедительны для того или иного читателя методы предпринятого анализа, уникальность книги заключена и в том, что она привлекает внимание всех мыслящих людей, кому не безразлична проблема выявления подлинной сути трагедии России и оккупированных ею народов в минувшем столетии.

Во всех государствах существует псевдопатриотическая конформистская традиция вытеснять из общественного сознания и хоронить в архивах сведения о событиях, пятнающих позором страницы их прошлого.

Для оправдания выдачи на казнь Ковентри 14 ноября 1940 года маловато соображений сохранения военных тайн королевства, они похоронены в архивах. И для сокрытия правды об убийстве Джона Кеннеди недостаточно слез председателя Верховного суда Уоррена, правда похоронена. Однако эти временные победы расчетливого эгоизма правительства или могущественных кланов общества над совестью невозможно

сопоставлять с той ненавистью, добычей которой становятся десятки миллионов людей. Такого известная нам история до XX века не знала, и поскольку отдельная личность бессильна, как бы она ни была отвратительна, совершить преступления таких масштабов, необходимо понять, какие же силы действовали в союзе с ней.

Первенство несомненно следует отдать страшной силе атеизма, впервые в истории громогласно провозгласившего свою полную победу в громадной стране. Совершенное крушение общественной морали, потерявшей свое единственное абсолютное основание, освободило место для утверждения ненависти как высшей нравственной ценности. Эпитет «классовая» служил лишь фиговым листком для оправдания бесчеловечной жестокости нового избранного народа «российского пролетариата» – «лучшего, что создало человечество в своем историческом развитии», как аттестовал его первый великий провокатор, несостоявшийся адвокат Ульянов-Ленин. Документы о сотрудничестве Ленина с германским Генеральным штабом в последние годы Первой мировой войны существуют и известны историкам. С документами, свидетельствующими о службе Сталина осведомителем охраны, дело обстоит сложнее. Отец народов не жалел времени, сил и жизней, чтобы отыскать и уничтожить подлинники всех подобных документов, хранившихся в разных охранных отделениях империи, заменяя их фальсификациями. Об этом с исчерпывающей подробностью повествует книга Бракмана, в которой автор приводит множество устных свидетельств революционеров-подпольщиков, прямо обвинявших Сталина в сотрудничестве с полицией, и множество документов из архивов охраны, где Сталин фигурирует как осведомитель, но под своими полицейскими кличками, как это было положено.

Сюжетным центром книги является судьба папки, в которой по приказанию начальника Департамента полиции были собраны все основные сведения об агенте Джугашвили за период его службы в полиции с 1906 по 1913 годы. Однако существует иной, не документальный, но неопровержимый в

случае со Сталиным способ доказательства его провокаторской роли. И этим доказательством является главное дело его жизни и сама его жизнь. Воспитанник семинарии и полиции, атеист и моральный нигилист, в революционном движении он был ярким представителем той бесовщины, которая поселилась между революционерами и охранниками вскоре после убийства Александра II. Жандармский капитан Судейкин и эсер Дегаев положили начало тайному сотрудничеству, в котором предательство каждой из сторон обеспечивало предателям незаурядный успех на службе безопасности империи. Новым Хозяином русской земли ей было придано чрезвычайное значение, а в русском языке слово «чрезвычайный» от начала имело смысл не просто «необычный» или «особенный», а «совершенно исключительный, сверх всякого порядка, опричь всех писанных законов». Чрезвычайное – это то, что исходит с самого верха, с закрытой облаками вершины власти, что передается только устно, только тем, на ком почило исключительное, Высочайшее доверие. Однако чрезвычайность может явиться и снизу, из глубины стихийных бездн как «Народная воля». «Глас Божий» может и прозвучать из уст «помазанника Божия», и прогреметь как глас народа. Для того, кто услышал этот глас, обращенный к нему, исчезают все запреты и препоны, возникающие на его пути, он пролегал опричь них. Он служит цели, которая выше законов, совести и всякого здравого смысла, цели чрезвычайной.

1879 год был годом, когда чрезвычайщина начала бурно разрастаться на русской почве, уже изрядно политой кровью революционно настроенной молодежи из сословия разночинцев, повысившего за полтора десятка пореформенных лет свой образовательный уровень и накопившего горькую обиду «за народ» и за себя против бар и царя, заедавших их век. Если в предыдущем году, мстя за судебную расправу над «пятьюдесятью» и «ста девяноста тремя» народниками-агитаторами, Сергей Кравчинский проскакал на лихом коне мимо коляски с шефом корпуса жандармов генералом Мезенцевым и,

воткнув в него кинжал, ускакал за границу, то в 79-м уже ранней весной уставший от долгого и бесплодного «хождения в народ» Александр Соловьев, подкараулив на Дворцовой площади самого царя, выпустил по нему три пули, но промахнулся и был без промедления казнен. Поднятие простолудинской руки на Помазанника Божия было делом несомненно чрезвычайным и произошедшим в России впервые. Эстафету опять перехватили власти и без колебаний вздернули на виселицу в этом знаменательном году полтора десятка революционеров. Важнейшим же его итогом стало образование первой в мире террористической партии «Народная воля», немедленно объявившей своей первоочередной задачей убийство Царя-освободителя, и практически одновременно с ней – «Тайной антисоциалистической Лиги», решившей «парализовать зло, образовать железный круг около Его Величества» и к маю 1880 года уже успевших внедрить четверть своих агентов в ряды революционеров.

И дело закрутилось, опричники с обеих сторон вступили в тайное состязание, как ловчее проникать в ряды друг друга, как выслеживать и подстерегать друг друга, как вместе с двух концов разрушать покосившуюся империю. Одного царя, несколько министров и дюжину губернаторов взорвали и застрелили, несколько сот революционеров повесили, расстреляли и заморили в тюрьмах и на каторге, а главное – создали беспрецедентную в мировой истории систему и школу провокации, которая успешно функционирует до сегодняшнего дня. В канун того самого 1879 года в маленьком грузинском городке Гори родился обыкновенный мальчик, ставший со временем самым крупным провокатором, известным истории, превративший ложь и беспощадность царской охраны и революционеров в гигантское полицейское государство. В это великое дело второй половины своей жизни он вложил всё, чем питалась его душа и мозг за четыре года, проведенных в духовной семинарии, и за тринадцать лет сотрудничества с императорской полицией. Плоды этого воспитания ярко запечат-

лелись на всех плодах его «творчества». Нет нужды в подтверждении полученного полицейского образования документами из департамента. Провокация была обязательным началом всякого его подвига, будь то убийство отдельно взятого «врага» или нападение на соседнее государство. Она вошла в плоть и кровь советской империи, и все его последователи по сегодняшний день следуют за ним, хотя и с меньшим успехом. Сталинская «наука побеждать» предполагала сначала большую ложь, а затем большую кровь, что само по себе было итогом долгой истории.

Отмеченная Фритьофом Хансеном особенность русской истории, заключающаяся в том, что «единственным в мире государством, которое непрерывно в течение пятисот лет увеличивает путем захватов свою территорию со средней скоростью – одно королевство Норвегия раз в семь лет, является Российская Империя», не может быть объяснена без понимания некоторых особенностей русского национального характера. В наиболее энергичном типе, доминирующем в русском народе, типе, названном Георгием Федотовым «московским», четко выделены три его фундаментальные составляющие, восходящие к образу «русского бога», обитающего в его душе. Этот бог, восседая на одной шестой части всей земли, огромен, чудовищно могуч и страшен. Кровь своих врагов – людей не русского бога, он льет нещадно, строг и к своим, но справедлив, а по случаю и милостив. Любит он русский пьяный дух и разгульное, а нередко и разбойное веселье, в котором дышит русская воля, но при этом, чтоб его, любя, боялись и покорны были его воле во всем. Кого же заподозрит в притворстве, проверит и голову долой. Измену выжигает каленым железом до третьего колена. Сам же для вящей непостижимости своей обожает говорить противоположное тому, чего хочет сделать. За что и любит его московский люд, и коли случится попасть на плаху, то помирает с именем его на устах. А родился тот великий бог из духа беззакония и лютого российского своеволия в византийских палатах Третьего Рима с татарской шапкой Мономаха на голове. Потому что по самости

своей волен русский московский человек, как над холопьями своими, и над женой своей и детьми, и над народом своим, и над всеми другими народами, веруя в единую только силу. Над всеми, правда, еще не волен, но с мечтой не расстанется даже и сегодня, сидя по уши в плодах своего исторического творчества. И поскольку никто его к этой заветной мечте не подвел так близко, как «родной и любимый», хоть и не плоть от плоти, но истинно дух от черносотенного московского духа, память о нем среди рабов его священна. Он их подлинный царь и бог, потому что воплотил в себе, как никто до него, их худшие грехи, придав им видимость величия превыше «всех царств мира и славы их». И пока жив «истинно русский» погромщик без примеси и провокатор без подделки – московский черносотенный человек, не забудет он своего благодетеля, творца великой фашистской державы.

И с равной уверенностью можно предположить, что книга Романа Бракмана сохранит в полной мере свою актуальность для русского народа, пока этот глубоко укоренившийся в нем фашизоидный тип будет оставаться его вождем и коллективным организатором, а все добрые люди, наделенные душой и совестью – молчащей перед Богом и людьми массой. Вся же российская история от Ивана Великого до Владимира Распродавца (и, увы, возможно и далее) – историей для всех о том, «как жить нельзя».

20.05.2005

В ЖУРНАЛ «ВАРПАС»

Выражая свою живейшую признательность редакции замечательного журнала, с содержанием которого я уже многие годы мог знакомиться, благодаря любезности моего старого друга Эдвардаса Бурокаса, я хочу как читатель высказать одну мысль, пришедшую мне в голову при его чтении. Дело в том, что мы, читатели и издатели «Варпаса», бывшие политзаключенные сталинских и хрущевских концлагерей, уже довольно старые люди. То обстоятельство, что для всех нас уже на за горами день, когда мы, кто несколько раньше, кто позже, предстанем перед своим Создателем, а «Варпас» останется на земле, заставляет задуматься, не прекратится ли его благовест в поминальный звон вслед за нашим уходом? Не слишком ли мало количество молодежи, читающей его сейчас?

Проблема различия взглядов и недостатка взаимопонимания между отцами и детьми свойственна всем временам. И то, что люди, родившиеся в конце 50-х годов и позже, бессознательно впитали некоторые стереотипы мышления и поведения, характерные для населения, находящегося под тоталитарной властью, явление неизбежное. Но именно оно обуславливает ту равнодушную пассивность и готовность мириться с «родимыми пятнами» коммунизма, которые наблюдается среди всех народов, находившихся не менее полувека под советской оккупацией.

Естественный процесс изживания этих пятен потребует не менее двух-трех поколений (если ориентироваться на известные исторические прецеденты), а ускорить его могут только помощь Божия и организованные усилия той части общества, которая осознает пагубность укоренения этого советского сорняка среди освободившихся народов. Самым ядовитым плевелом, несомненно, является атеизм, не без успеха, увы, насаждавшийся коммунистами, а самым очевидным для читателей из сегодняшней Литвы – государственный аппарат. Атеизм – это абсолютное зло, лишшающее человеческую совесть и

нравственность единственно неколебимой опоры, превращающее человеческий разум в слугу своего слуги – рассудка и обрекающее сердце на изоляцию в скорлупе эгоизма. В обществе, где господствует атеизм, происходит активный распад всех нравственных человеческих связей, и предпочтительное развитие получают идеи ненависти и уничтожения или корысти и распутства. Всемогущество правящего бюрократического аппарата – неотъемлемый спутник деспотической власти. Он подавляет всякую социальную инициативу в народе, любые самостоятельно возникшие организации и, в конечном счете, ликвидирует, начиная со свободы информации, все демократические свободы – то есть все, что может ограничить его всевластие. На этих двух столпах, прежде всего, зиждется всякая цивилизация ненависти и вражды, поэтому своего наивысшего расцвета атеизм и аппарат тоталитарной власти достигают при так называемом социализме.

Было бы ошибкой считать, что свобода конкуренции в экономике и в политике – главная конструктивная идея либерализма – надежно защищает человечество от двух вышеназванных его врагов. Конкуренция политических партий не может обеспечить обществу торжества справедливости, а свобода неограниченного успеха индивидуума – защиты от безбожия. Следует помнить, что удача и справедливость растут на разных концах поля души человеческой, а сомнения в необходимости Бога для успеха в достижении мирских целей для людей, живущих интересами, актуальными по преимуществу здесь и сейчас, равноценны сомнениям в Его существовании. Либерализм на первый взгляд гораздо человечней социализма, но, достигнув своей зрелости, когда главное его детище – мировой рынок, овладевает мировым сообществом, расчеловечивает людей ничуть не менее (если не более) эффективно, нежели социализм. И в процессе конвергенции с социализмом по этому высшему показателю приближается и в безбожии, и в бюрократизме к уровню своего менее удачли-

вого оппонента. В нынешней Европе 80% населения совершенно равнодушны к вере в Бога, а бюрократические аппараты государств и Европейского Союза постепенно и последовательно урезают компетенцию демократической инициативы. Разумеется, молодежь Литвы, как и любых других стран, не может в силу ограниченности своего жизненного опыта и недостатка навыка самостоятельного мышления оценить пагубность для человеческого достоинства господства рыночной идеологии и веры в моральную принципиальность аппарата власти. Но у молодежи есть завидная, хотя и не лишенная естественной наивности, способность верить в лучшее будущее, способность, увы, постоянно эксплуатируемая политическими и житейскими пройдохами. Но, несмотря ни на что, каждый раз, когда возникала необходимость пролагать пути к новым горизонтам в рядах первопроходцев молодых было большинство.

Уже второй век на всей планете звучат призывы к всеобщему миру и к установлению повсюду социальной справедливости, повсюду ищутся пути к достижению этих благородных целей. А войнам не видно конца, кровь людская течет то ручьями, то водопадами, и нищета расползается по миру, как проказа. Цивилизация, вступив в преклонный возраст, соблазненная своими научно-техническими успехами обнаружила такую юношескую самоуверенность, что очертя голову устремилась к реализации своего могущества в надежде все проблемы решить за счет своего гения, богатства и силы. Девятнадцатый век закончился международной конференцией, посвященной проблеме всеобщего мира и председательствовал на ней её инициатор – российский император, сразу же после её успешного окончания оккупировавший Маньчжурию, введя туда сотысячную армию, а через несколько лет сcepившийся в кровопролитной войне по этому поводу с Японией (одной из двадцати шести стран – участников мирной конференции). Возможно ли было вообще достигнуть мира посредством договоров, клятв и обещаний, даваемых друг другу государствами, правительства которых вынашивали в это же

время проекты оптимальных военных решений своих международных проблем? Глядя на эту первую попытку с расстояния в сто лет следует признать категорическую невозможность такого достижения. Научно-технический прогресс, набравший темп в течение века, вывел ряд держав, не имевших в начале его сил для участия в решении мировых проблем (США, Германия и Япония), в центр круга. В то же время ряд отставших (Россия, Австро-Венгрия, Турция, Китай) не отдавали себе ясного отчета в этом и сохраняли прежние амбиции. Такие «миролюбцы» как Николай Романов, который еще в бытность свою цесаревичем писал отцу из своего путешествия на Восток: «Однажды Индия станет нашей». (Папаша-«Миротворец» согласился с сыном, но с оговоркой: «Думать об этом всегда, но никогда не говорить вслух») сохраняли, несмотря на недостаток ума и характера, волчий политический инстинкт и колоссальную наследственную власть.

Ко времени созыва им мирной конференции аппетиты этого бездарного монарха соответствовали документу, известному как «Завещание Петра Великого»: Россия под его руководством должна была как единственное в мире «истинно христианская империя» завершить начатое Петром завоевание Турецкой империи и «восстановить православный крест на Святой Софии», затем присоединить Персию, Афганистан, Индию и Тибет, после чего превратить Китайскую империю в Желтороссию. А уже сверх программы великого пращура Николай намеревался стать полновластным генерал-адмиралом на Тихом океане, подобно Англии на Атлантическом. Его царственный кузен, «дорогой Вилли», за год до конференции съездил «с целью паломничества в Иерусалим», чтобы по дороге повидаться с султаном Абдул-Хамидом, который, теряя почву под ногами в своей державе и за её пределами, мечтал поправить дела, провозгласив султанат халифатом, а себя халифом. Вильгельм предложил неудачнику-«халифу» крайне и обоюдовыгодный договор: тот предоставляет Германии все права на строительство и эксплуатацию железной дороги Берлин – Багдад, а он, Вильгельм, перевооружает и модернизи-

рует его армию и обещает братский дележ доходов от громадных торговых оборотов, обещаемых будущей дорогой. То, что сделка – это наипаснейшая диверсия против Британской империи, Вильгельм, разумеется, понимал, но подогреваемый германским союзом промышленников и армейским генералитетом вошел в роль великого Цезаря, идущего к триумфу, и в состоянии аффекта заявил «Пусть султан и триста миллионов магометан, разбросанных по земле (то есть в Британской и в Российской империях), будут уверены, что германский император во все времена останется их другом». Думать он начал уже после того, что сделал и сказал, и размышления его к началу конференции сводились главным образом к тому, как бы уговорить все великие европейские державы объединиться против Англии. Однако случилось так, что престарелая английская королева наконец покинула этот мир, а её сын, став королем за несколько лет собственноручно сумел создать Антанту («Антант кордьяль» – «Сердечное согласие»), объединив недавних врагов – Англию, Францию и Россию, – в союз против Германии.

Участник конференции, демократические США, в это же время начинают войну на Филиппинах и через год захватят их, а также и Гавайи, заявляя тем самым о превращении Тихого океана в свою сферу влияния. Другой участник – Япония, осуществившая под руководством микадо Муцухито революцию Мэйдзи, готовится к реализации своей вновь обретенной военной мощи под знаменем новой идеологии «Путь Императора», в свете которой она видит себя законной властительницы зоны Тихого океана. Таким образом, к созыву первой международной мирной конференции были уже четко намечены контуры всех главных глобальных противостояний на весь XX век, простирающихся далее и в день сегодняшний.

Кому же по силам найти пути выхода из этой губительного «порочного круга»? Поиск их в католическом мире начался еще в понтификат Папы Льва XIII, но для прояснения правильного направления потребовалось еще более полувека, в которые произошли по воле крупнейших государств две са-

мые страшные в истории мировые войны и мир оказался расколот на либеральную и тоталитарную половины. Тем не менее, и в 1955 году понтифик Пий XII откровенно заявлял: «Церковь не скрывает, что она считает идеалом единение народа в истинной религии и единодушие в действиях между ней и государством». (Pie XII, *all. Vous avez voulu*, 7, IX 1955, AAS XXII). Это стремление к «единодушию» с государством, начавшееся в Константиновы веки, длилось с небольшими перерывами на ссоры гвельфов с гиббелинами добрых полторы тысячи лет, в течение которых князья Церкви искренне считали, что отпущение ими светским князьям грехов совершенно очищает их, преображая в законных представителей власти, правящих по воле Господа Бога.

Нам нелегко осознать, что подобно тому как мы сами, пока живем в этом мире, так и Церковь, к которой мы принадлежим, находится в состоянии непрерывной борьбы, то преодолевая искушения и соблазны мира, то оказываясь побежденной. Но, в отличие от наших природных братьев, остающихся вне Церкви, мы, по завещанной нам милости Божьей, всегда можем, упав, вновь подняться, ухватившись с молитвой за непоколебимое Слово Его. Как ни могущественны силы отпавшего от Бога мира, никто не может похитить нас из руки Его (Иоанн. X, 29), и врата ада не одолеют Церкви Христа (Матвей. XVI, 18). Этот бесценный дар спасения навеки от духовной смерти не освобождает нас однако от призвания к духовной войне в этом мире. Войне, происходящей прежде всего на поле нашей души и требующей от нас всех сил и всей мудрости, поскольку плевелы, которые стремятся заглушить ростки добра в нас, часто обладают таким внешним сходством с пшеницей, что и Ангелы Божии не могут их отличить, пока пшеница не созреет для жатвы (Матвей. XIII, 24). И если в самих себе мы нередко с большим трудом отличаем добро от зла, то во сколько раз труднее сделать это нам в душе другого! Но если осуждение других противопоставлено нам Господом, то рассуждение, без которого невозможен выбор, – это наш долг, ибо мы – ученики Господни, а наука различения добра

и зла – одна из первостепенных наших дисциплин. И «если верно то, что Церковь в своей работе по христианизации несла нелегкий груз невыполненного долга, соглашательства с земными властями, нечеткости пастырской позиции и разрушительной силы греха, необходимо тем не менее признать, что христианизация (народов)... оказалась гораздо важнее тех темных сторон, которые, к сожалению, присутствовали в конкретном историческом контексте». Эти слова из заключительного документа конференции латиноамериканских епископов в 1979 году в г. Пуэбло вполне корректны по отношению ко всей истории земной Церкви. В ней были века христианского героизма и беспримерной верности своему Господу и были века, когда преобладали «темные стороны», но мир не победил её, и Слово Божие было проповедано ею всем народам до пределов земли.

А с 1958 года, когда, выбором Святого Духа и конклава кардиналов, на престол Святого Петра взшел Папа Иоанн XXIII, прекратилось всякое «соглашательство с земными властями» и исчезла «нечеткость пастырской позиции». Началась новая эпоха в жизни Церкви, когда её понтифики, повинувшись лишь воле Единого Бога, в руководстве Церковью и в просвещении мира, главные усилия направили не на борьбу с заблуждениями, а на утверждении истины, на которую нашу Церковь наставляет Святой Дух: истины любви. Таким образом с уходом Папы Пия XII закончилась эпоха, начатая Иннокентием XIII, в которой доминировала беспощадная и обреченная на поражение война с ересями, расколом и мусульманским миром, эпоха, подорвавшая доверие к Церкви, а вместе с тем и веру в Бога, по причине явного противоречия между проповедью любви и делами ненависти – кострами инквизиции и крестовыми походами; между проповедью бескорыстия и справедливости и делами лжи: торговлей отпущением грехов и пособничеством властям в несправедном угнетении народов.

Папа Иоанн твердо и ясно дал понять Церкви, что её место в мире среди страдающего от нищеты и бесправия челове-

ства, среди людей, теряющих веру не от гордыни и самоуверенности, а от отчаяния. И поэтому борьба за социальную справедливость, за права, Богом данные всем людям, но похищенные у большинства властью и капиталом, что толкает несчастные массы в объятия социализма и атеизма, должна стать её борьбой, ведущейся не путем мятежа и насилия, а правовым путем в духе социального учения Церкви. За год до избрания его Папой он, тогда еще патриарх Венеции Анджело Ронкалли, обратился к «хозяевам жизни» со следующими словами: «Я обращаюсь к руководителям промышленности и администрации, к их техническим и хозяйственным советникам и именем Божиим заклинаю их помыслить, что способности и вещественные блага, которыми они располагают, предоставлены им не для того, чтобы сводить балансы, а чтобы быть орудиями Промысла Божия на благо всей земной семьи человеческой, что в силу этого они обязаны считать себя облеченными сложнейшим, но и необходимейшим социальным служением и что заслуга и почет будет уделом того, кто поступает в духе Ветхого и Нового Завета».

Чтобы победить ложь либерализма и социализма, которые сводят смысл человеческой жизни к исключительно экономическим проблемам, необходимо помочь людям почувствовать и понять, что значит быть человеком, в чем высочайшее достоинство существ, созданных всемогущим Богом по своему образу и подобию. Это свое виденье христианской социализации обществ Папа Иоанн изложил в своей первой энциклике «*Mater et Magistra*», где предельно четко сформулирован основной принцип такой социализации: «Люди есть и должны быть основой, целью и субъектом любых институтов, в которых происходит социальная жизнь. Каждый из них, будучи самим собой, должен рассматриваться не только согласно присущей ему общественной природе, но и в провиденциальном плане, возвышающем его до трансцендентного». В то время как господствующие сегодня идеологии упования как на главную надежду человечества на экономический и научно-технический прогресс дегуманизируют человеческое общество и

«человек, отделенный от Бога, становится бесчеловечным по отношению к самому себе и к другим».

Свою вторую энциклику «*Racem in terris*», написанную в последний год жизни, папа Иоанн как последнюю свою волю посвятил миру и благу человечества. Мир как Богом установленный порядок невозможен в мире, где постоянно нарушаются права человека. Надо отдавать себе отчет, что каждое из основных прав человека зиждется не на Декларации прав человека 1948 года, а на естественном законе, выражающем волю Бога, на законе нашего нравственного устройства. Мы сотворены для вдохновения Духом животворящим, а не для убийства; для верной и вековой любви к Богу и ко всему божьему в Боге, а не для прелюбодейства; для того, чтобы наделять от того, чем оделил нас Бог, и от плодов своего труда нуждающихся, с кем сблизил жизнь, а не красть у них; чтобы постигать Истину и свидетельствовать о ней, а не для лжи... Борьба за Богоданные права человека – это одновременно утверждение и закона Божьего, и мира на земле. Мир же является тем первым необходимым условием, без которого недостижима главная мечта земной жизни человечества – о всеобщем благе. Вторым по значению следует считать создание мировой власти, обладающей «действенными средствами» обеспечения прав человека и «для движения к общему благу», средствами, исключающими применение вооруженной силы. Папа не касался вопросов о том, какие институты должны быть созданы для реализации этих принципов. Он впервые в истории дал Церкви и всем людям доброй воли христианскую доктрину освобождения земного сообщества людей от терзающих его на протяжении всей истории массовых бедствий.

Его наследник на престоле Святого Петра, папа Павел VI стал его преемником в деле объединения устремлений Церкви к Царствию Небесному со стремлением помочь людям, пораженным страстями, господствующими в земном. Сама Любовь Божья «заставляет Церковь постоянно заботиться о подлинном земном благе человечества. Неустанно напоминая

своим детям, что у них нет здесь постоянного пристанища, она призывает их содействовать благу их земного града, ...укреплять мир, справедливость и братство между людьми, оказывать щедрую помощь своим братьям, особенно самым бедным и несчастным», – сказал Папа в своем «Кредо» в 1968 году. Ясно видя, как «либеральный эгоизм или, как его обычно называют, капитализм» и «коммунистический социализм» с двух сторон успешно рассекают последние связи нравственного закона, еще позволяющие ослепшим в безбожии людям как-то сохранять совесть, как антропоцентрический лжегуманизм в их руках, с ловкостью базарного мошенника убеждает, что подлинна в человеке только его животная сущность, потому что только её видит и изучает наука, видя «какая буря надвигается на мир», благодаря этому разбою, «какое крушение цивилизации» угадывается вследствие этой бури, видя и зная, что только христианская любовь единственно способна восстановить порванные связи и исцелить израненное и ограбленное разбойниками человечество, Папа Павел провозгласил курс на «Цивилизацию Любви». Его вера в возможность воскресить христианский дух в отчаявшихся людях, в возможность здесь и сейчас, среди бушующего в мире хаоса установить мир и братство, создать мировую власть «способную эффективно действовать на юридическом и политическом уровне», и основать цивилизацию, исповедующую принципы Евангельской Любви, эта вера всецело исходила из его святой веры в Бога и веры в то, что он правильно понял волю Его. Тридцать лет назад, в проповеди на всенощную, завершающую священный 1975 год, Папа предсказал приход «Цивилизации любви», которая «одержит верх над лихорадкой бесконечных социальных битв и даст миру долгожданное преобразование человечества, обратившегося наконец в христианство». Это предсказание еще несколько раз прозвучало из его уст в последние два года перед его уходом из мира к Богу.

С восхождением на папский престол Иоанна-Павла II начался самый динамичный этап в жизни Церкви в XX веке. В первой же своей энциклике «*Redemptor hominis*» новый Папа

заявил о своей совершенной преемственности в отношении целей, поставленных перед Церковью папами Иоанном XXIII и Павлом VI. «Церковь, одушевляемая эсхатологической верой, считает внимание к человеку, к его человечности, к будущему людей на земле, следовательно, к направлению всего развития и прогресса, главным элементом своей миссии, неразрывно с нею связанным». В мире, полном ложных идеологий и утопий, угрожающих и льстящих народам, Церковь должна утверждать единую Истину, вверенную ей Господом.

Будучи человеком, преисполненным мужества и энергии, папа Иоанн-Павел II взялся за реализацию идеи обновления Церкви и мира, развитую его двумя великими предшественниками, приняв в качестве программы действий борьбу за права человека. Однако в понимании этих прав Церковью имеются некоторые существенные отличия от понимания их авторами текста Всеобщей Декларации Прав, провозглашенной ООН в 1948 году. В предпоследней, 29-й статье Декларации утверждается, что «при осуществлении своих прав и свобод... человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом... для уважения прав и свобод других людей и удовлетворения справедливых требований морали» и пр. Обоснованием человеческих прав в данном случае, кроме безгласной Природы, объявляются закон и мораль, хотя общеизвестно, что и в том, и в другом существует множество различий в разных обществах и государствах. К примеру, в одних странах законы разрешают аборт, в других запрещают, в одних протестантские пасторы венчают гомосексуалистов, в других это является преступлением, в одних допускается провоз и употребление «мягких наркотиков», в других карается смертной казнью и т.д.

Отсутствие единого закона и морали оставляют провозглашенные права незащищенными перед любым произволом там, где он будет объявлен законом. Благодаря подобному плюрализму, права человека остаются фиговым листком для насилия и разврата везде, кроме узкого круга стран, где об-

щественная мораль еще сохраняет уважение к некогда утвержденному Церковью естественному закону. Этот закон называется Церковью естественным, потому что его заповеди основаны на естественном стремлении человека к добру и отворачиванию от зла, заложенном в его совесть и разум при его создании. Мы так устроены нашим Создателем и Отцом, что, творя добро, укрепляем свою связь с Источником жизни, а, творя зло, ослабляем её. «Все сотворил Он прекрасным в свое время и вложил мир (Вселенную) в сердца их» (Эккл. III, 11). Книга Экклезиаста свидетельствует о том, что и человек первоначально был прекрасен, прост и праведен (Эккл. VII, 29) и естественно, органично связан с окружающим его миром. Права и обязанности для него были едины, они заключались в том, чтобы жить, развиваться и размножаться – возделывать себя и окружающий мир, учась всему у своего Создателя, с которым он имел сверхъестественное право и возможность общаться непосредственно. Отпав от Бога, мы – люди – лишились права прямого общения с Ним, но естественные наши права остались у нас, хотя возможность пользоваться ими весьма сократилась из-за той самой «самостоятельности», на которую мы променяли свою преданность и любовь к Отцу. Произошло то, о чем с несравненной ясностью сказал Блаженный Августин: «Дух взбунтовался против Бога, а плоть против духа». Произвол вышедших из повиновения инстинктов и чудовищный расцвет зависти во многом определили духовный климат нашего мира. Мы сами стали лишать друг друга наших прав на счастье, на свободу и на жизнь и так преуспели в этом, что не единожды уже могли утопить мир в кровавых волнах мятежей и войн.

Однако, если взглянуть на всю нашу историю как на единый процесс, не так уж трудно заметить, что над ней господствует одна чудесная закономерность, проявляющаяся в двух спасающих нас от гибели обстоятельствах. Первое выражается в том, что, подобно тому как ужасные стихийные катастрофы, уносящие тысячи и тысячи жизней, никогда не нарушают того узкого диапазона физических условий на планете,

вне которого невозможно существование животных и людей, так и для непрестанно бушующих на земле войн, каких бы безумных пределов ни достигала ненависть, истреблявшая порой целые народы, они никогда не могли уничтожить человеческий мир в целом. Второе же заключается в том, что, несмотря на безусловное преобладание в истории всех царств мира сего несправедливых и жестоких режимов, способствующих процветанию человеческой подлости вообще и разнообразных пороков в частности, род людской не оподлел совершенно – и князю мира сего со всей громадной сворой его избранников и приспешников не удастся расчеловечить людей до полной утраты образа и подобия, в соответствии с которым они созданы. И когда ему удастся великое множество ущербных душ соблазнить тем, как выгодно и превосходно «быть из скотов скотиной», и они насилием и ложью поработают стократ большие множества растерянных и запуганных людей, против них непременно восстает великое меньшинство, ощутившее свое человеческое достоинство, и его сопротивление оказывается непреодолимым для мироправителей тьмы, как бы много восставших ни пало в борьбе. И в следующих поколениях вновь и вновь приходят в мир люди, благородные стремления которых выживают и преодолевают в их душах низкие побуждения и сомнения в жизнеспособности добрых.

История убедительно свидетельствует: несмотря на то, что в борьбе за души равнодушный эгоизм, а периодически – и губительная ненависть, одерживают постоянное превосходство, они не в состоянии истребить совершенно из человеческих душ неподкупную совесть, мужество разума и стремление к благородству. Век за веком терпящее поражение добро остается непобедимым. Никакие Нероны и Гитлеры, Ши Хуанди и Сталины при всей своей безграничной и беспощадной подлости и жестокости не могли восторжествовать над тысячами и тысячами людей, убитых, но не побежденных, не смогли ни на йоту поколебать позиций добра в человеческом мире.

Эта доступный нашему разуму факт непобедимости добра в мире, где господствует зло, не объясним средствами научного познания. И он с очевидностью свидетельствует нам: как ни слаба наша вера, добро на земле непостижимую уму стойкость свою получает с небес, поэтому земное зло не может его одолеть. Ведь ведомо нам, что Господь назвал главного правителя тьмы Князем мира сего, и этот прячущейся во тьме мятежный князь хорошо знает границы своей злой власти, которые он бессилен перейти, ибо они установлены Единым царствующим на небе и земле всемогущим Богом. Добро же на земле, как и на небе, пребывает в свете, «и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоанн. I, 5). Поэтому стыдно нам, верующим в Единого Бога и в Единого Господа, и в Духа Святого, ведущего и хранящего нас от зла, ужасаться могуществу зла в мире и жить с опущенной головой, будто мы жалкие эмигранты, лишенные прав и сил в этом чужом и враждебном мире. Этот мир сотворен нашим Создателем и Отцом, и хотя мы немало напортили в нем, но не будем «принимать себя слишком всерьёз» (следуя в этом за папой Иоанном XXIII, сказавшим однажды прелату, чуть ли не с отчаянием посетовавшему Папе о нерадивости и невежестве людей, с которыми ему приходится работать: «Мой друг, ...поступайте как я – не принимайте себя слишком всерьёз»). Мы не так сильны, чтобы нанести созданному Богом миру и самим себе столь серьёзные повреждения, чтобы он и мы стали неисправимы. У нас есть все основания верить в это, если только мы не страдаем тяжелой формой убежденности в своем исключительном превосходстве над простыми смертными, окружающими нас. И потому нам не пристало с унылым скепсисом размышлять о судьбах существующей цивилизации, гораздо достойней, поверив призыву данных нам Господом пастырей Церкви, начать по мере наших скромных сил возводить стены будущей на заложенном уже основании.

Здесь мне представляется разумным последовать примеру монахов-бенедиктинцев, отправившихся по призыву папы Григория Великого с Евангелием в сердце, грифельной доской

в одной руке и заступом в другой на опустошенные германскими варварами и заросшие сорняками пажити Европы, чтобы духовное просвещение её населения сочетать с его обучением грамоте и ведению сельского хозяйства. При громадной безработице в Литве, как и у всех её соседей в Восточной Европе, было бы верхом наивности ожидать, что чиновники из Брюсселя когда-нибудь и как-нибудь помогут литовцам выбраться из экономического тупика. Моральный кодекс нынешней цивилизации не позволяет ей тратить на помощь бедным родственникам более полупроцента от получаемой прибыли, и поэтому экономическое объединение богатых и бедных государств не обещает последним ничего, кроме того, что наиболее оборотистые их дельцы смогут втереться с краешку в компанию жирных котов Большого Рынка и сбывать туда наиболее ценное, что можно извлечь из своей страны. Для работы на своих предприятиях в бедных странах Рынок возьмет небольшое количество молодых и хорошо подготовленных специалистов, а основной массе населения придется прозябать на мелких подачках и подножном корму, чувствуя себя никому не нужными приживалами в собственной стране.

Это общий порядок вещей при рыночной цивилизации, и если он легко просматривается даже в самых богатых её странах, то можно ли надеяться избежать подобной участи для бедных? Поскольку основной целью грядущей цивилизации является не «экономическое процветание», а культура человеческого достоинства и братского отношения между людьми, то совершенно естественно, что и средства её создания подчинены принципам нравственного закона и духу естественной любви. Экономика должна развиваться, ориентируясь не на требования европейского или мирового рынка, а на обеспечение потребностей населения страны и возможности для каждого её жителя жить своим трудом. Возделывание земли и охрана её лесов и рек – изначальная и постоянная обязанность человека – должны быть в центре трудовой деятельности народа как насущная забота не только о пище, но и о про-

цветании среды своего обитания. Любовное отношение к родной земле должно ограничить рост индустриальных зон трезво оцениваемыми потребностями в промышленной продукции и пониманием, что нравственное одичание, неизбежно происходящее с людьми в перенаселенных промышленных городах, не может быть оправдано никакими прибылями. Высокая концентрация промышленности обрекает занятых в ней людей на утрату многих человеческих качеств, прежде всего – чувства ценности человеческой личности. Социальная структура новой цивилизации должна вырастать из демократической инфраструктуры – самоуправляемых сел, поселков и городов, отправив в исторический архив политические партии и сословные альянсы. Главным средством интеграции общества должна стать культура, развивающаяся в духе христианского гуманизма. Церковь вряд ли будет в будущей цивилизации как-либо соединена с общественной властью, но её духовный авторитет будет выше, чем когда-либо раньше, потому что хорошо и широко образованный священник, знающий и любящий своих прихожан, свой народ и родную землю, несущий при этом в своем сердце дух вселенской Церкви – короче, такой, каким был Кароль Войтыла, папа Иоанн-Павел II – такой священник будет важнейшим работником и творцом «Цивилизации любви».

Вероятно, именно такая страна как Литва раньше и легче, чем большие и богатые страны Европы, сможет заложить у себя краеугольные камни этой цивилизации. Здесь скорее могут возникнуть христианские земледельческие общины из молодых людей, способных предпочесть погоне за удачей в суете больших городов небогатый, но подлинно благородный образ жизни земледельца и землеустроителя. Здесь легче Церковь, когда-то строившая университеты в средневековой Европе, сможет создать университет для строителей новой цивилизации, где они и очно, и заочно смогут бесплатно изучать нужные им для этого дисциплины и где образуется центр новой католической культуры, культуры христианского общения в общеевропейском доме. Цель Цивилизации любви –

не максимум материального и интеллектуального могущества, не изобилие товаров, услуг и удовольствий, не покорение природы, космоса и т.д. до глобальной или космической катастрофы, а, прежде всего, возрождение в людях чувства ценности человеческой жизни и достоинства, прекращение войн, террора, кровавых мятежей и унижительного, бесправного положения большинства бедного населения земли перед богатым и властвующим меньшинством. Евангелизация народов, происходившая в течение двух тысячелетий не смогла решить этих вековых проблем. Доминантой нынешней цивилизации, как и при цивилизациях древности, остается концентрация богатства и власти. Очевидно, что только сменив доминанту на противоположную, можно надеяться на помощь Божию и на успех. Только на пути возрождения естественной любви между людьми, между человеком и природой могут быть достигнуты надежный мир и искренняя справедливость. Прежде всего, люди должны осознать и ощутить свою человеческую общность, осознать и ощутить, что все мы созданы по образу и подобию своего Создателя и в этом сокрыто наше высшее достоинство. Нам нечем гордиться друг перед другом, и у нас общая судьба – все мы раньше или позже придем к Нему. Без этого сознания, трудно нам ощутить чувство человеческого свойства и полюбить друг друга так же, как любим мы самих себя. Суметь ощутить в другом и в самом себе подобие Бога – значит вступить на порог нового мира. Почувствовать свое родство с щебечущими, мяукающими и мычащими младшими братьями, с травами и деревьями, с рекою, лугом, доброй землей и вечным небом – значит войти в родную Вселенную. Нашего внимания, труда и заботы ждет этот грядущий мир и вся Вселенная, и, если мы искренне откажемся ради них от карьеры в окружающем нас мире стяжательства, насилия и распутства, можно ли сомневаться в том, что Бог благословит нас!

Что же касается, увы, уже маленького круга бывших политзаключенных советских концлагерей, то можно смело сказать, что наш жизненный опыт может оказаться очень кстати для

молодых строителей новой цивилизации, особенно, на первых, самых трудных шагах. Вспомним, как, согнав нас на края земли, сталинская гэбня стала провоцировать кровавые конфликты между группами заключенных, наиболее сплоченными и недоступными попыткам их разложить, между оуновцами и «лесными братьями». Сколько крови пролилось в этих стычках в течении первых пяти лет?! Но с начала 50-х стало зарождаться сознание того очевидного факта, что и прибалты и украинцы, и белорусы – люди одной судьбы, а вражда между ними сеется исподтишка их же общими врагами – провокаторами из оперчекотделов. Но чтобы увидеть эту, не столь уж хитро творимую подлость, надо было прежде освободиться от ослепления ненавистью, и это оказалось возможным только в результате осознания своей человеческой общности.

Очень большую роль сыграли тогда священники – и литовцы, и латыши, и ксёндзы с Украины. Терпеливо и неустанно они искали во тьме тех страшных лет пути к совести и разуму несчастных и до предела озлобленных людей, которых методично срамливали между собою тренировавшиеся в искусстве провокации палачи. Прекращение межнациональной и вообще всякой жестокой групповой вражды в среде политзаключенных явилось в тех условиях подлинным чудом, неотделимым от начала формирования их общего самосознания. На место вражды пришло известное уважение друг к другу, а в случаях ссор сразу же сходились наиболее авторитетные представители групп, чаще всего бывшие командиры партизанских отрядов, и ссора гасилась без последствий. Мало-помалу в политзонах вообще установился климат терпимости, не лишенной грубоватого, но беззлобного юмора во всем, что касалось национальных различий. Сложились правила неписанной арестантской этики, которые вкратце можно сформулировать так: «Не знайся ни с «хозяином», ни с «кумом», ни с самым ледащим «псом»; тни свой срок, как все – не пытайся облегчить себе жизнь за счет другого; не зверей, уважай людей одной с тобой каторжной судьбы. А там – молись какому хошь богу, и кто ты, какого роду и кем был на

свободе – никому до того нет дела, лишь бы в лагере не стал предателем». Эти начала мира и справедливости, приходящие на место ненависти и вражды, причем в условиях, крайне мало способствующих проявлению мягкости и терпимости, – безусловно, один из интереснейших и важнейших феноменов в общественной жизни людей, но здесь не место его подробному анализу. Главное, что он свидетельствует об одном из вполне реальных путей преодоления старейшего зла на земле. И поэтому нам, старикам, есть чем поделиться для пользы общего дела с нашими сыновьями и внуками.

1.06.2005

КОНФЕРЕНЦИЯ «ВИЛЬНЮС – 2005»

Уважаемые господа и друзья, будучи весьма признателен Вам за присланное мне приглашение принять участие в работе конференции, я вынужден, к сожалению, отказаться, в связи с тем, что неожиданная травма ноги, потребовавшая операции, сделала меня временно нетранспортабельным. Считаю, однако, своим долгом прислать свои соображения относительно главных вопросов конференции. Разумеется, все нижесказанное – как частное мнение – не может быть лишено тех или иных погрешностей.

Предварительным условием результативного сопротивления возможной реставрации фашистского режима в той или иной стране я продолжаю, как и пять лет назад, считать по-прежнему отсутствующее в мировой практике сколько-нибудь удовлетворительное определение того, что из себя представляет патологический феномен фашизма как с исторической, так и с юридической точки зрения, и каковы его главные отличительные особенности. Без такого определения невозможно никакое практическое предупреждение его вполне вероятных рецидивов. Позволю себе еще раз, кратко изложить свой взгляд на историческую сторону проблемы.

Несмотря на то, что местом рождения фашизма является Россия, а датой – «Великая Октябрьская революция», своим именем он обязан сицилийским рабочим и крестьянам, которые, объединившись в 1893 году в «фаши» (фашо – итальянское *fascio* – связка, союз) – отряды от каждой деревни, каждого квартала Палермо, подняли восстание, руководствуясь лозунгами Маркса и верностью королю. Восстание было жестоко подавлено, но имя осталось и приобрело международный статус. И хотя коммунисты яростно отталкивают его от себя, тем не менее итальянский фашизм, гитлеризм, сталинизм, маоизм и все их более мелкие родственники по сути своей являются настоящими и чистопородными фашистскими режимами.

Почвой, на которой вырастает и из которой черпает свои силы фашизм, является простонародный тип людей, наделенный более других чувствами «одинаковости», зависти и амбициозности. Одинаковость эта выражается по преимуществу во внешнем виде, в образе жизни, в лексиконе и манере речи и высоко ценится её обладателями как главный признак свойства, причем природа свойства (как социальная, так и национальная) усматривается ими в зависимости от того, война или мир на дворе. Массы «одинаковых», не обнаруживающие склонности к объединению и социально пассивные в обычных условиях, становятся грозной и агрессивной силой, когда под командованием своих полководцев вторгаются в земли своих соседей или когда катастрофические условия жизни вследствие военного поражения резко обостряют в них чувства социальной зависти и негодования против «сытых» и уязвленных национальных амбиций против «предателей». Ибо, видя свое высшее достоинство в победоносных захватнических войнах своего отечества, они не могут смириться с мыслью о его поражении в «честном бою».

Верховная власть, чтимая дотоле как высшая на земле, разом теряет свой авторитет, и над объединенными яростным негодованием народными массами начинают вспыхивать зарницы приближающейся революционной грозы. Однако для победы таким революциям нужно соответствующее время – эпоха атеизма. Только тогда происходит явление народу до этих пор скрывавшихся в подполье одержимых бесами пламенных революционеров, солидарных с массами и готовых одарить их революционной верой и вооружить целеустремленной и праведной ненавистью и моральным нигилизмом. Из их среды рывком выделяется лидер, гениально угадывающий и выражающий главные чаяния народа и, буквально из рукава выхватив свернутый в трубочку революционный миф, зачитывает его перед народом, подражая принесшему с горы Синайской скрижали Завета пророку Моисею. Но религиозной составляющей в этом нет – только миф о народе, призванном

Историей выбросить лживые сказки о Боге и уничтожить погрязший в пороках и лжи старый мир, чтобы создать на его месте новый – мир справедливости, всеобщего счастья и ревностно соблюдаемого нового порядка. После захвата власти вдохновленный им народ немедленно провозглашает его вождем, а тот благословляет всех на очищение низвергнутого мира от скверны, на массовые убийства и грабежи ради светлого будущего, сам же немедленно приступает к созданию главной структуры фашистского государства – карательного механизма удержания власти. Кадры для него отбираются из фаши – объединений жадных до хорошего дела солдат, штурмовых отрядов революции. Выбираются лучшие из лучших, с хорошим нюхом и верным пониманием «прямых действий». То есть Вождь сказал – и дело сделано, безо всякой бумажной волокиты. Со временем эта структура становится не только чрезвычайной, но и всеведущей и всемогущей как прямое и чистейшее выражение воли Вождя, который сам превращается чудесным образом в Высшее существо, в рукотворного божка.

В стадии имаго фашистским государством овладевает гигантомания. Создается гигантский аппарат тоталитарной власти, гигантская индустрия лжи, гигантская армия и военно-промышленный комплекс, гигантский концлагерь и чудовищный механизм уничтожения людей и народов. Но век его, благодарение Господу, недолог. Он, как правило, не превышает срока жизни одного человеческого поколения.

Этот очень краткий очерк дает тем не менее возможность наметить главные признаки фашистского государства и фашистской идеологии. Законной матерью фашизма является народ, в котором доминирует психологический тип, отличающийся крайнем развитием трех аморальных черт:

Зависть – реакция самости (болезненно гипертрофированного инстинкта самоутверждения) на превосходство в чем-либо других людей.

Амбициозность – претензия на свое природное безусловное превосходство.

Чувство одинаковости со всеми, «кто нашего бога». Именно во множестве подобных до неразличимости себе видит «одинаковый» человек подтверждение правильности и праведности своих амбиций и своего права на власть над всеми, «кто не нашего бога».

И совершенно естественно, что верой такого народа становится противоестественная уверенность (питаемая извращенными инстинктами) в своей уникальной праведности и призванности уничтожить «проклятые народы или классы», от которых все зло на земле, и научить все остальные, покоренные народы настоящему порядку, как надо жить. Отсюда и слепая вера в своего вождя, какого никогда не было у других, чудесным образом узнающего, как надо жить, и создающего новый справедливый мир, и никогда не ошибающегося ни в чем, ибо он – истинное воплощение «нашего бога». Потому и государство его тоталитарно, что все власти проводят его волю. И партия – его правду, и «органы» – его справедливость, и армия – его силу и славу, и концлагеря – его наставление преступникам. Все предельно просто и цельно, ибо зиждется на вере и преданности, спаяно воедино ложью и страхом. Причем цельность этого гнусного образования такова, что его нельзя лишить ни одного из перечисленных элементов, чтобы ни разрушить всего.

Такова в самом общем виде модель фашистского государства, где ложь, живущая в сознании народа, лежит в основе идеи и государственного устройства, над которым безраздельно властвует один мерзавец, воплотивший в себе грех народа и самозабвенно играющий роль его бога.

Ложь о «Третьем Риме» или о «Третьем рейхе», дающая право одному народу казнить или миловать другие, право на мировое господство (безразлично, обосновывается это классовыми или расовыми теориями) – главная составляющая фашизма. Все остальные – производные от неё. В период борьбы фашистских групп, сект или партий за власть может использоваться для камуфляжа любая демагогия, но наличие в

утробной глубине фашистского мифа этого мотива неоспоримо свидетельствует о том, что под покровом прячется фашистская бестия, подлежащая разоблачению и суду. Идентификации этого мотива существенно помогает обязательное присутствие в качестве антифона мифа о еврейском (американском, китайском и пр.) «мировом заговоре». Идеиная ксенофобия органически едина с основной идеей фашизма и неотделима от неё.

Сталинизм – самая лживая разновидность фашизма – более всех других распинаясь в своем демократизме и миролюбии и более всех уничтожил, а еще более расчеловечил людей на земле. И до сих пор он подвергся лишь моральному осуждению. Это и позволяет ему продолжать свое преступное существование, невзирая ни на какие разоблачения его бесчисленных преступлений. Юридически он не осужден – так почему же ему не существовать, пусть и прячась до времени за кулисами фашизоидного «постперестроечного» государства, руководимого детьми и наследниками сталинских опричников, управляемого и обкрадываемого детьми и наследниками сталинских чиновников, обкрадываемого и восхваляемого думскими наследниками и детьми сталинских холуев. В народе по-прежнему полно злобы, и доминируют черносотенные «одинаковые», и выпивают, когда есть на что, «за великого Сталина». Но сил нет, и вдохновлявшей партии нет, и даже армии. Поэтому для воскрешения фашистского государства под сталинскими знаменами нет необходимых условий. Тем более, что и опричники, и чиновники знают: они живут и нагуливают жирок только за счет Запада, сбывая ему нефть и металлы, и молятся Богу, в которого не веруют, чтобы все и дальше так продолжалось. Запад это тоже устраивает. Развалившаяся до анархии Россия с ядерными ракетами ему гораздо страшнее, чем фашизоидная, и поэтому никакого Международного суда над преступным советским прошлым не предвидится. Не предвидится, скорее всего, и суда над фундаментальным исламом, исповедующим беспощадный джихад против всех неверных до полной победы ислама во

всем мире, поскольку мусульман слишком много, а если заглянуть в Коран повнимательней, то можно убедиться, что исламская агрессия вполне правоверна и благословенна Пророком. Поэтому Западу удобней не разоблачать ислам и ни в коем случае не судить его, а вести борьбу с преступными режимами, поддерживающими терроризм, и поддерживать умеренные мусульманские государства, декларируя свою искреннюю веру в существование истинного миролюбивого ислама.

После победы над главными фашистскими державами либерализм вообще не обнаруживает стремления разоблачать эту бестию до конца. Достигнув лидирующего положения в мире посредством создания мирового рынка, он твердо надеется достигнуть своих конечных целей своими средствами: дальнейшей интенсификацией научно-технического прогресса, дальнейшей интеграцией народов путем вовлечения их в сферу мирового рынка и сферу экуменического процесса сближения религий и культур и посредством создания общемирового правительства. Здесь не место, да и вообще сомнительно, существует ли такое место, где можно объективно рассматривать отрицательные стороны либерализма, но следует помнить, что, в отличие от своего главного конкурента – фашизма, либерализм не стремится к полному уничтожению побежденного врага, а предпочитает усваивать некоторые идеи, методы, технологии и кадры, которые могут пригодиться в будущем. Ведь не случайно, в конце концов, над Капитолием в Вашингтоне простер свои крылья римский орел.

Поэтому мне представляются безуспешными попытки организовать международный юридический процесс над преступлениями главной фашистской державы нашего мира. Ни одна великая держава не поддержит этой инициативы, а малые пойдутся.

В качестве превентивной меры против развивающегося процесса фашизации общества в какой-либо стране для нас существует единственное средство – сбор информации и предание сколь можно более широкой гласности разоблачению

специфически фашистских фактов, порождаемых этим процессом.

Особые обстоятельства стран, находившихся долгое время под фашистской оккупацией, заключаются в том, что среди людей, выросших в тех условиях много таких, кто свыкся с социально пассивным образом жизни, с тем, что все решают власти, от которых приходится ждать, в самом лучшем случае – требовать улучшения жизненных условий. Они остаются в стране почвой, необходимой для разрастания бюрократического аппарата – главного средства подавления зачатков демократии, какой-либо личной человеческой инициативы при фашистском режиме. В то же время в аппарат легко проникают, умело пробиваясь на руководящие позиции бывшие совслужащие средней руки, а с их помощью – и подросшие детки их прежних начальников. Они не только сознательно трудятся над приданием аппарату максимально возможного всевластия в стране, но и легко становятся агентами влияния в нем своих московских старших братьев, всячески помогая их проникновению под личиной частных фирм в ключевые отрасли экономики, прежде всего в предприятия энергетической промышленности. Их разоблачение и удаление из аппарата – дело нелегкое, но еще более трудной задачей является развитие демократической инфраструктуры в стране – единственной плодородной почвы для подлинно демократического строя, при котором только и возможны надежные границы для всегда стремящегося к разрастанию и подверженного коррупции чиновничьего корпуса.

Последним и самым главным рубежом защиты от империи концлагеря (равно как и от империи рынка) является граница между истиной Единого Бога и многоликой мирской ложью, проходящая через души людей. Атеизм – общее имя этой лжи – абсолютное зло, лишаящее человеческую совесть и нравственность единственно неколебимой опоры, превращающее разум в слугу своего слуги – рассудка и обрекающее сердце на изоляцию в скорлупе эгоизма. В обществе, где господствует атеизм, происходит неизбежный распад нравственных

человеческих связей и предпочтительное развитие получают злоба, корысть, распутство и отчаянье, подготавливая его к установлению наихудшей власти. Только вера и любовь к Богу воскрешают в сердцах человеческих терпимое и любовное отношение к людям, к родной земле и ко всему, что населяет её. Это самая надежная и единственно истинная защита от фашизма и от всяческого зла.

Веру дает только сам Бог. Но распространяет её Он через Церковь – учеников своих, несущих слово Его в мир. Он захотел, чтобы в громадном грязном море безбожия, затопившем бывшую Российскую империю, остался в литовской земле маленький островок искренней вселенской (католической) веры и оттуда началось не только Сопротивление, но и наступление подлинного христианства. И да будет воля Его.

24.08.2005

ПАСТЫРЬ ОТВЕРЖЕННЫХ

Осенью 1958 года в небольшом лагпункте «Озерлага», близ железнодорожной станции Вихоревка, куда администрация управления, постоянно тасующая контингенты заключенных, решила собрать политэзков-рецидивистов, появился высокий пожилой человек с прямой осанкой и неторопливой походкой. Когда в зону приходит новый этап, у вахты всегда собирается публика, спешащая узнать, кто – откуда, и вскоре стало известно, что новоприбывший – поляк, ксёндз и посажен повторно. Верующих самых разных конфессий в те времена можно было встретить в любой политзоне, и какого-либо интереса новый ксёндз у вполне равнодушной к религии массы заключенных не вызвал.

По утрам он ежедневно уходил из барака на довольно продолжительную прогулку. В одном из углов зоны, между запреткой и двумя бараками, образующими с ней квадрат, было свободное пространство, где по протоптанным в снегу вдоль барачных дорожкам прогуливались под надзором автоматчика на угловой вышке те, кто уставал от барачного многолюдства. Там однажды утром я и повстречался с этим человеком.

Несколько раз мы прошли мимо друг друга, и когда поравнялись в очередной раз, он остановился и спросил меня:

- Скажите, пожалуйста, вы давно в этом лагере?
- Второй месяц. Да здесь все недавно.
- А вы не знаете, почему нас не посылают на работу?
- Конвоя не хватает. Рецидивистам положен усиленный конвой, а охры маловато, поэтому пока водят одну маленькую бригаду из тех, у кого первая судимость.

Он поблагодарил, а потом еще спросил с улыбкой:

- И вы, такой молодой, тоже уже рецидивист?

Я посмотрел на него, как на иностранца, и готов был ответить грубоватой поговоркой, но, встретив внимательный взгляд его ярких тёмно-голубых глаз, нечасто встречающихся у пожилых людей и особенно среди обитателей наших мест, сдержался:

– Да тоже, и я не так уж молод для этого.
– И сколько, простите за любопытство, вам лет?
– Почти двадцать девять, заря туманной юности давно погасла.

– Когда же, если это не секрет, вы стали гостем этой организации в первый раз?

Несмотря на то, что лицо этого человека располагало к нему и вызвало у меня уважение, мне захотелось прекратить разговор. Чего-чего, а времени у заключенного избыток и для спешки при знакомстве нужды нет, скорее наоборот – есть смысл не спешить. Во всяком случае в лагере отвечать при первом знакомстве на расспросы личного характера – это все равно что в пивной, охмелев, расстегивать душу нараспашку.

Пока я искал слова помягче, чтобы не обидеть собеседника, он, по-видимому, почувствовав, что я не расположен к откровенности, легко отстранил заданный вопрос, как будто его и не было.

– Может быть, мы познакомимся? Меня зовут Владислав Иосифович, фамилия моя Буковинский, мне пятьдесят четыре года. После того как советские войска «освободили» Польшу, я как католический священник был арестован «за измену Родине» и связь с Ватиканом, восемь лет провел в лагерях. После освобождения жил в ссылке в Караганде и недавно был вновь арестован: из-за отсутствия католических церквей совершал богослужения в домах, где жили ссыльные католики. Но «дали» мне на этот раз, как у вас говорится, совсем немного, всего три года. Мне очень интересно и приятно познакомиться с вами — и он протянул мне руку. Я пожал её и назвал свое имя и фамилию и срок, проведенный в заключении.

– А отчество ваше как?

– Да какое там отчество, я вдвое младше вас.

– Это совсем ничего не значит, вы человек взрослый, а кроме того, разница наша с вами в возрасте существует только по астрономическому календарю, а по лагерному – мы с вами ровесники. Давайте из этого и будем исходить. Так как же зовут вашего батюшку?

– Петром.
– Прекрасное и святое имя, так зовут первого наместника Господа Иисуса в нашей церкви.
– Ну, положим, отец мой был коммунистом.
– Вы говорите «был,» его нет в живых?
– Он погиб, когда мне было полтора года.
– А по национальности он, вероятно, был поляком?
– Нет, он был евреем. А Феликсом назвал меня действительно в честь поляка. Но фамилия этого поляка была Дзержинский.

Немного помолчав, Буковинский сказал:

– Конечно, жизнь ваша не могла избежать драматических поворотов...

– Да о чем тут говорить, – перебил я его, – у кого тут их не было?!

– Вы безусловно правы, Феликс Петрович, никто сюда не попал, шагая по гладкой дорожке. Но бывают трагедии, которые обрушиваются неожиданно на множество людей самого разного происхождения и характера, и бывают такие, которые безусловно связаны с личными обстоятельствами жизни. Вы знаете, кстати, что Дзержинский в молодости мечтал стать священником, но впоследствии изменил свой выбор и стал тем, кем стал?

– Нет, этого мне не приходилось слышать, а, впрочем, почему бы и нет. Ведь писал он в своих приказах по ЧК, что незаконные меры допустимы «впредь до полного установления Добра». Что, впрочем, не помогло ему дожить до такого установления, а вот в установлении зла он преуспел, и наши судьбы тому свидетельства.

– Тут вы опять, конечно, правы, но будем великодушны. Не стоит добавлять к его многочисленным грехам еще и наши беды. Ведь понятия добра и зла так запутались в сознании людей, не имеющих ясных представлений, на чем основана их совесть, что ошибки и грехи их часто совершенно неизбежны.

Меня поразило это замечание. Я не встречал еще в лагерях человека, который считал бы Дзержинского ошибавшимся

грешником, а не убежденным палачом, создавшим советские карательные органы. Не то, чтобы я был в неведение о важности прощения в христианской вере, о котором ежедневно молят Бога наряду с насущным хлебом и с избавлением от дьявола. В то время я уже три года как сознавал над собою Бога и верил в святость Евангелия, но при всем при том оставался в том чрезвычайно распространенном среди рода человеческого состоянии, когда все сущее представляется разделенным на тьму и свет. Свет царит в мире Божьем, а в этом мире, где мы, все темно, жестоко и подло. Хорошие люди в нем встречаются, но они одиноки и могут лишь сохранять свое достоинство и ничего в мире не могут изменить.

Это не было моим продуманным мировоззрением, но как бы само собой стихийно сложившимся мироощущением. И такому взгляду на вещи вполне соответствовали и жизнь в лагере, и ненависть к охранникам и властям. В милосердие Всевышнего я верил смутно, а господство зла здесь, внизу, было очевидно. У меня хватало ума понимать, что это противоречие плохо совместимо с верой, и причина его, скорее всего, не в действительности, а во мне самом, но разрешить его я не мог. Однако присущий мне недостаток скромности позволял подозревать, что и другие люди не в лучшем, в этом смысле, положении, нежели я, и когда я сталкивался с человеком, обладающим цельностью взгляда на жизнь, я полагал, что имею дело или с глупостью, или с ханжеством.

В следующей нашей беседе, я не без лукавства спросил его:

– Скажите, Владислав Иосифович, а вам приходилось переживать противоречия?

– Ну что за вопрос? – улыбнулся он, – конечно, как любому человеку. Вот, например, по окончании гимназии я в согласии с желанием моего отца, чтобы я стал юристом, поступил на юридический факультет Краковского университета. Но к окончанию курса я понял, что душа моя не лежит к тому, чтобы «делить и судить» людей. Я почувствовал, что гораздо более карьеры судьи или адвоката меня влечет духовное поприще.

Курс я все-таки окончил, как хотел того отец, но, засунув диплом юриста в дальний ящик, поступил в семинарию при том же университете. И в этом я уже никогда не раскаивался.

– Несмотря на то, что карьера того же адвоката несравнимо спокойней и выгодней, чем та, что вам досталась на службе Римскому Папе?

– С точки зрения светского человека, вы, несомненно, правы. Но может быть, вам приходилось слышать или читать, что Иисус Христос не обещал своим ученикам ни богатства, ни власти в этом мире. И у вас не совсем правильное представление о служении священника: он служит не Папе, а Богу и людям, так же, как и сам Папа. Неверующему человеку это не всегда понятно. Когда меня арестовали в 1945 году, следователь очень хотел, чтобы я признался, что, находясь на службе Ватикану, занимался шпионажем. Я ему тогда вынужден был объяснить, что нахожусь на службе только у Бога, и если ему так уж хочется квалифицировать меня как шпиона, то я готов подписать признание, что являюсь шпионом Господа Бога. Это его совершенно вывело из себя.

Должен признаться, что я тоже этого недопонимал. Как для большинства советских людей, выросших в атеистическом обществе, священник для меня был просто представителем церкви, некоего клерикального учреждения. Человек же, живущий непосредственно под Богом и Ему служащий, представлялся мне не вполне реальным, каким-то мифологическим персонажем. Среди сектантов встречалось немало фанатиков, которые провозглашали себя божьими избранниками и даже пророками, но от них несло невежеством и иступленным кликушеством. В монотеистических конфессиях было немало людей добрых и скромных, но поражало, как они, веруя в милосердного Бога, спокойно утверждали, что все, кроме них, обречены на вечную погибель. Было похоже, что они веруют не в Господа, а в некий всевышний знак избранности их узколого вероисповедания, и служат они не Богу, а какому-то сво-

ему собственному моральному Закону. А все то, что не вписывается в него, для них как бы и не существует, потому и погибели его не жалко.

И вот предо мною умный, интеллигентный человек, который просто и скромно говорит, что служит Богу. И я чувствовал искренность этих слов, чувствовал, что для него этот Бог – не старик с бородой, парящий на облаках над алтарями церквей, не Абсолют религиозных философов и не точка Омега религиозного модернизма. Мне казалось, что для него это Некто, с кем он уже давно близок и Кого он безгранично почитает. Захотелось заглянуть через него и как-то представить себе этого Бога.

Надо сказать, что я вообще не смотрел в сторону ортодоксальных вероисповеданий, считая, что они безнадежно скомпрометированы их исторической практикой. Сектанты были узколобы и самодовольны, а адепты эзотерических учений отталкивали дурным вкусом своей баланды из всех религий, приправленной псевдонаучными доказательствами, своим чудовищным апломбом и, самое главное, тем что в ковчеге их «священной науки» лежит высшая тайна, что бог и дьявол – единая сущность, двойственно проявляющая себя в бытие мира и потому нет худа без добра и добра без худа. Этот единственный, по сути, фокус нечистого духа неотразим для людей, сознающих свою моральную раздвоенность, но предпочитающих раскаянью пред Богом, возвышающую их до божественных высот ложь. Однако за пределами этих трех типов верований остается только пустота атеизма. И в положении религиозного индивидуалиста я чувствовал себя изгоем, находящимся вне общества людей истинной веры. Рассыпанные по миру одиночки не могли представлять Единого Всемогущего Бога. Где-то должна была быть видимая отовсюду община верных учеников Его, но я её не видел и не находил.

Встреча с Буковинским вновь обострила притупившееся было от бесплодных поисков ощущение своего изгойства, и я стал уже стараться не упускать возможности побеседовать с ним на ежедневных прогулках. Но прямых вопросов о Боге и

о церкви я не задавал, заранее опасаясь, что буду разочарован более-менее стандартным ответом. Разочаровываться в этом совершенно новом для меня человеке не хотелось, и я решил сначала узнать у него, что он думает о смысле человеческой истории. После детских увлечений сначала античной, а потом средневековой историей, я в подростковом возрасте впервые обратил внимание на этот вопрос, ощутив его в самой простой форме: что такое главная сила, которая направляет события истории? Я потратил на поиски, не очень, конечно, сосредоточенные и не очень постоянные, но все же не прекращавшиеся, полтора десятка лет, но не получил от знакомых взрослых и образованных людей (среди которых самым важным был Маркс) никакого удовлетворительного ответа и ничего, естественно, не смог найти сам. Но и отбросить как неразрешимую загадку не мог. Почувствовав и уверовав, что есть Бог, я сразу избавился бы от сомнений относительно главной силы и общего направления истории! Но достаточно ясного для понимания конкретных событий представления о смысле истории как единого осмысленного процесса у меня не появилось.

Я верил, однако, что если есть Бог, то все исполнено смысла и понять его с Божьей помощью возможно. Но просить об этом Бога было как-то неловко, помня слова Господа о том, что «хватит каждому дню его забот», и сознавая, что, прося каждый день у Бога «насущенного хлеба» для этого дня, нелепо просить у Него одновременно и ключ к разгадке всех тайн истории. Да и, кроме того, возмутительной нескромностью было бы вообще просить того, чего Он не дал никому из прославленных мыслителей и знаменитых историков. А вот попытаться разузнать что-нибудь на этот счет у человека, видимо, гораздо более близкого к Богу, нежели я, предосудительным не казалось. И я попытался.

Но его ответ меня огорошил, хотя был сформулирован весьма деликатно.

– Мне кажется, – сказал Буковинский, – что вопрос, поднимаемый вами, чрезвычайно велик и труден. Вы, возможно, чи-

тали в Библии книгу великого мудреца древности Экклезиаста, который сказал: «Исследовать и испытывать мудростью всё, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем». Он признается, что сам «упражнялся в нем» и пришел к выводу, что «сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого, и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может этого постичь». Такой вывод, сделанный на основе личного неудачного опыта, не может являться категорическим запретом совершенно лишать людей надежды на понимание хода истории. Но все же стоит задуматься, велики ли у вас шансы обойти Экклезиаста на этом пути. В то же время не следует забывать, что знать смысл истории было бы для вас насущной необходимостью, если бы вы оказались призваны направлять её движение, но поскольку это, по-видимому, не так, то перед вами, как перед каждым человеком, одна главная задача – различать и выбирать свою дорогу на всех поворотах жизненного пути. А для этого вам, конечно же, необходимо понимать смысл своей жизни.

Такая постановка вопроса буквально вышибала меня из седла. История, на хребет которой я пытался забраться, оказывалась как бы и вообще мне ни к чему. Меня это никак не устраивало, и я пытался защищать свою позицию.

– Простите, но как вы представляете можно понять смысл жизни отдельного человека, не понимая общего смысла жизни всех людей? Ведь он наверняка выводится каким-то образом из этого целого. Как можно бессмысленно, как животные, терпеть царящее на земле зло и ни пытаться, ни искать путей борьбы с ним?

– Все обстоит именно так, как вы говорите, ответил мне Буковинский с мягкой улыбкой, – но вы не учитываете при этом, что смысл краткой земной жизни людей сам постижим лишь из высшего вечного смысла жизни, открывающегося человеку только при вступлении его в Царство Божие. Здесь смысл нашей жизни в том, чтобы, покайся пред Богом в своей измене Ему, учиться жить у Него, то есть учиться по

заповедям Синайского завета и Евангелия жить так, как живут в Его Царстве. Но большинство людей, не верующих в Бога или верующих неискренне, продолжают жить по своей воле и своему разумению так, как если бы они и не знали ничего о Боге. Их пороки – плевелы в их душах – разрастаются, заглушая добрые всходы. Бесы же постоянно провоцируют их, распаляя их тщеславие, их корысть и жажду удовольствий, клеветают им друг на друга, убеждая видеть источник своих несчастий не в самих себе, а в соседях, и стравливают их в непрестанных войнах. И Богу угодно, чтобы из этих плодов нашего своеволия и безумия выбирались мы и шли на Его зов, на путь, ведущий в Его царство, и увлекали за собою других. Так поколение за поколением, век за веком происходит исход отбираемого Богом одного из всех народов, обученного жить в условиях истинной свободы. С каким же из зол хотели бы вы здесь бороться и как предполагаете установить справедливость в случае победы?

Под впечатлением от услышанного я почувствовал, что мне необходимо все это осмыслить. Без этого я не мог продолжать беседу. Да и что я мог возразить? Сам я уже утратил веру, что в стране есть сколько-нибудь значительные силы, способные объединиться для борьбы с диктатурой партии и КГБ. Но, не желая терять лицо, я возразил, что занятие самосовершенствованием – дело, никто не спорит, полезное, но, когда шайка политических бандитов губит свой народ и угрожает всему миру, заниматься им, вместо того чтобы искать пути для борьбы, это просто благочестивая капитуляция.

Потом мне стало неловко за свою высокопарную, но фальшивую по сути, тираду и при следующей встрече я честно признался Владиславу Иосифовичу, что на самом деле уже не ищу никаких путей для борьбы, потому что за краткое время пребывания на свободе понял, что никакой «революционной ситуации», в существование которой нам хотелось верить в лагерях за Полярным кругом, не было и в помине, что людей, живущих в бараках на нищенскую зарплату за тяжкий труд, поднять на забастовку за «повышение зарплаты» можно, а на

политическую борьбу нельзя. А по возвращении в лагерь понял, что и массы участников венгерских событий, которые по сведению «голосов из-за бугра» были отправлены в сибирские лагеря, тоже фикция (спустя много лет я узнал, что руководитель хрущевского КГБ генерал Серов пытался это сделать, но Янош Кадар попросил оставить их в Венгрии, где обещал обеспечить достаточную изоляцию). Единственными собственными политэсками были студенты из больших городов, выражавшие свое сочувствие восставшим венграм и начавшие создавать небольшие группы марксистского толка с программами радикальных демократических реформ. Но наивны были и их марксизм-ленинизм, и их полудетские организации, и, главное, их полное непонимание того, что представляет собой громадное молчащее большинство – российский народ.

Однако только они, эти «жиды и студенты», и представляли собой «врага внутреннего», как и во времена чеховских унтеров Пришибеевых. А народ и партия, невзирая на крайнее различие их социального статуса, духовно являли собой весьма слабо колеблемое единство. Это для неподвзятых взглядов, возникающего только из достаточного опыта жизни в народе, наглядно иллюстрировали фотографии вождей на трибуне Мавзолея по праздникам, послесъездовские – членов ЦК и повсеместные – ударников соцсоревнования. Так что единственное, что я считал в себе достоинством – моя готовность к борьбе, могла быть использована лишь для сохранения духа несогласия с действительностью.

– Вероятно вы правы относительно единства народа и власти, держащей его в рабстве. У меня опыта намного меньше, чем у вас, но мнение мое похоже на ваше. Думаю, что большую роль здесь играет духовное рабство, многократно усилившееся с установлением именно атеистической власти. Ведь утратив веру в Бога, люди оказываются под неосознаваемой властью дьявола. Он поработывает их верой в ослепительное счастье, которое ждет их после того, как они уничтожат всех своих смертельных врагов, и всеподавляющим цепеня-

щим страхом перед возможностью совершить под тайным влиянием врагов роковую ошибку, ведущую к гибели. И только лишь руководящая ими мудрая власть защищает и спасает их в этой тяжелой и опасной борьбе. Так думают, так верят несчастные люди, попавши во власть дьявольских наваждений, и это духовное рабство лишает их способности видеть и понимать, что с ними происходит, и лишает их воли и сил освободиться от своего физического рабства. И никто, кроме Господа, не в силах избавить их от того и другого. Для вас же, Феликс Петрович, мне кажется, самым важным уроком истории является то, что вы убедились в отсутствии у вашего народа сил для освобождения. Думаю, лучшее, что вы могли бы предпринять для продолжения своих поисков смысла, это вдумчиво, не спеша почитать Евангелие. Эта Книга очень многим людям на земле объяснила и помогла решить их главные проблемы. Если вы не против моей рекомендации, то я смогу достать её вам на русском языке.

Я поблагодарил Владислава Иосифовича и, поняв, что дальнейшее умолчание о том, что я верю в Бога, хотя он и не спрашивал меня об этом прямо, было бы, тем не менее, похоже на нелепое заперительство, признался ему, что Евангелие я уже читал и в Бога верую.

– Очень рад это слышать! Признаюсь и я вам, что лицо ваше чем-то привлекло моё внимание при первой встрече. И как давно произошло это в вашей жизни?

Я вкратце рассказал о том, что три года назад, незадолго до неожиданного (конца моему двадцатипятилетнему сроку было не видно) освобождения, когда я работал на северной Чукотке в руднике Валькумей, со мной произошел случай, имевший полную возможность стать последним в моей жизни, но оказавшийся, тем не менее, самым счастливым. В тот день в бригаде, работавшей на нижнем горизонте, была моя очередь чистить дно уклонки под бункером, в который мы ссыпали руду, привозимую в вагонках от места выработки. Мелкие крошки и пыль, просыпавшиеся при каждой загрузке

скипа (ёмкости для поднятия руды на поверхность) скапливались на дне уклонки и каждые три дня её необходимо было чистить, для чего около начала уклонки на рельсах стояла прицепленная тросом к лебедке вагонка, которая вниз катилась самоходом, а вверх, груженная, вытаскивалась лебедкой. После разгрузки она вновь цеплялась к тросу, рабочий спускался вниз и встав в укрытие за креплениями ствола шахты, давал лебедчику сигнал фонариком, чтоб спускал вагонку. И вот в ту смену деду-лебедчику вдруг померещилось, что я ему сигналю в то время, когда я еще не дошел до конца уклонки. Услышав звук катящейся вагонки, я, как заяц, тремя скачками достиг дна и только успел нырнуть за стойки, как вагонка грохнулась о бревенчатый упор в считанных сантиметрах от меня. Замешкайся я хоть на миг – и мне не быть бы живым. Поднявшись наверх, я изругал деда последними словами и только увидев, что он почти плачет, замолчал. Как я узнал потом, он был из верующих, то ли баптист, то ли пятидесятник, и когда понял, что чуть не убил человека, сам обмер, еле на ногах держался. Я уж не рад был, что наорал на него.

– Ладно, дед, не причитай, слава Богу, обошлось. Только вперед смотри, не спутай мой зад с фонарем!

Прошло несколько дней и однажды дед, разузнав в каком я бараке, появился перед моими нарами с завернутой в тряпицу книжкой. – На-ко, сынок, почитай, – сказал он просительно, – тебе это надобно. – Чего это такое? Что-нибудь от Матвея – от Луки? – спросил я, догадываясь. – Ну, давай, почитаю.

Евангелие попало мне в руки впервые, читал я его не без любопытства, но, разумеется, не как священный, а чисто исторический текст. Тем не менее, отдельные, совсем не исторические, эпизоды запечатлелись в памяти. Например: диалог Нафанаила с Иисусом и взгляд Иисуса на Петра при крике петуха. Более всего произвел на меня впечатление язык, какого я ни в одной книге не слышал. Много лет спустя, читая Св. Бернарда из Клерво, я встретил выражение перед цитатой:

«Вот, голос Господа в Евангелии» и вспомнил то необыкновенное впечатление от звучания евангельских текстов при первом прочтении.

Когда через пару недель дед вновь пришел ко мне, я вернул ему книгу и поблагодарил его.

– Ну как? – спросил он меня с робкой надеждой в голосе.

– Что как? – ответил я. – Книга хорошая. Но, если ты думаешь, что я прочел и уверовал, то это зря. Я твою веру, дед, уважаю, и даже завидую тебе. – добавил я поспешно, видя его чуть ли ни горестные глаза. – Пойми, если бы я мог, я рад бы был даже на пень молиться. Но обманывать себя я не могу. Пойми это и не обижайся. Покряхтел мой дед (фамилию его – Кравченко – я потом узнал, а вот как звали его, так и не удосужился) и ушел.

А вскоре после этого (может, через неделю, может, через месяц – не помню) возвращался я после смены в жилую зону один, задержался на шахте и отстал от бригады. Режим в это время – 1954 год, октябрь месяц – был такой, что никакого конвоя, никакого надзора, только попки на вышках и пропуск на вахте из промзоны в жилую и обратно.

Никаких мыслей, кроме как о похлебке на ужин, в голове моей не было. Было тихо, чуть-чуть мела поземочка. Вдруг кто-то позвал меня по имени. Голос прозвучал очень четко и ясно. Я оглянулся: сзади – огоньки шахт и обогатительной фабрики, слева – вольный стан, впереди вахта, справа – темный бугор сопки и ни души, ни вокруг, ни на склоне, по которому я шел. И только сверху доносились опостылевшие шорохи зеленоватых полос северного сияния, постоянно дергавшихся и меняющих контуры своих изгибов. Галлюцинаций у меня никогда не было и спутать этот ясный голос я ни с чем не мог. Покрутив еще головой, я пошел дальше, не задумываясь, как обычно, над тем, чему объяснений нет. Но не прошел я и нескольких шагов, как этот голос прозвучал опять еще громче совсем рядом и в то же время откуда-то свысока. Я остановился и совершенно неожиданно для самого себя понял, почувствовал: это Он!

Никогда раньше я о Нем не думал. Упоминания о Нем в книгах или в разговорах были лишены для меня какого-либо реального содержания, это были чисто риторические выражения, имеющие какой-то смысл лишь для верующих чудаков. Он был невидим и неосознаваем для меня, как если бы некая непроницаемая пелена отделяла меня от Него. И вот, она мгновенно исчезла – и Он стал для меня реален так, как будто я с незапамятных времен знаю Его, знаю, что Он – единственный подлинно существующий, единственный вечный, всемогущий, всеведущий и вечно благой, и вся Вселенная полностью пребывает в руках Его.

Какое-то время я стоял, потрясенный открывшимся мне. Жизнь раскрылась предо мною своею безграничной глубиной, и все пережитое утратило всякое значение. Я находился на краю иного мира, с которым известный мне был ничтожен и несопоставим.

Думаю, что время это было непродолжительно, минута или две, а может, и всего секунда. Я уже больше ничего не видел и не слышал. Постояв немного на месте, где раздался надо мной голос, я еще раз окинул взглядом окружавший меня безлюдный ландшафт и пошел в лагерь. Две недели я жил с непрерывным мистическим ощущением, что Он надо мной. Но сознание моё уже на второй день вернулось на круги обычного «здорового смысла», с позиций которого я и пытался понять происшедшее со мной. Получалось что нужно или начать жить в соответствии с евангельскими заповедями или продолжать обдумывать способы борьбы с антинародным государством. В конце концов я выбрал последнее, и мистическое ощущение исчезло.

После этого прошли годы, посвященные бессмысленным поискам подпольной революционной партии (миф, в который я верил) – и повторному сроку, пока постепенно мнимость противостояния партии и народа стала для меня очевидной, после чего новая встреча со Священным писанием вновь привела меня к Богу. На этот раз, как удары колокола, прозвучали в моем мозгу слова пророка Исайи: «Перестаньте надеяться

на человека, дыхание которого в ноздрях его, ибо что он значит?!» Больше я в своей жизни никогда уже не искал никаких фаланг героев и никаких вождей здесь на земле. И теперь, когда жизнь почти уже прожита, единственным и главным в ней событием остается мгновение, пережитое на Чукотке.

Рассказ мой Владислав Иосифович выслушал очень внимательно, и разговоры наши с этой поры сосредоточились на содержании веры. В ответ на свои бессистемные вопросы я прослушал целый цикл лекций об учении церкви и её истории. Что касается богословия, то все услышанное вошло в моё сознание без сколько-нибудь существенного сопротивления, прояснив и приведя в порядок кое-какие сложившиеся у меня представления. Но об истории церкви, о её пути и постижении воли Бога, её ведущего, и о грехах её против Его воли, и против людей хорошенько расспросить я не успел.

Неожиданно приехал замначальника Управления Озерлага, полковник Кочетков, и на следующий день всех нас с вещами вывели в оцепление между лагерем и железной дорогой, где уже стоял состав. Началась сортировка «казенных душ». В середине состава вдоль вагонов стояло несколько столов, заваленных папками с личными делами заключенных. Вокруг сновали офицеры спецотдела, в центре за столом свободным от бумаг сидел Кочетков. Под низко надвинутой фуражкой мясистое одутловатое лицо старого карателя выглядело маской. Живыми были только почти закрытые сверху козырьком и темными мешками снизу глаза. К нему по одному подходили вызываемые зека, он бросал взгляд на подошедшего и, пока тот произносил свои установочные данные (фамилия, имя, статья, срок, начало и конец срока), не заглядывая в личное дело, подкладываемое ему, решал, куда его этапировать. Иногда Кочетков вдруг задавал короткий вопрос типа: «За что сидишь?», «Где сидел?» или «Чего шею замотал? Болен?» и т.п. Ответ его не интересовал, он глядел только на лицо и на то, как зек отвечает. Классифицировал он со своей, охровской точки зрения безошибочно.

Когда к столу подошел Буковинский, нюх старого псаря не сработал.

– Ты кто таков? – спросил он, присматриваясь.

– Священник католической церкви.

– Вон оно что! А я думаю, что за гусь? Ну что, поп, не спас тебя твой Папа?!

– Спасает только Бог.

– Выходит, не веришь ты в своего Папу. Значит, правильно тебя посадили!

И, оттолкнув папку офицеру, бросил:

– Попа до кучи.

Это означало, отправить в Чуну – поселок, около которого находился самый большой в Озерлаге лагерь при деревообделочном комбинате. Меня с группой «повторников», подлежащих, неведомо почему, более строгому режиму, отправили в тайгу, в противоположную сторону. Мы там просидели еще полгода без работы, потому что ни конвоиров, ни собак в количестве, положенном нам «по штату», не было. А весной нас отвезли в ту же Чуну.

Бессмысленные перемены и перетасовки были органическим пороком всей советской системы управления, гигантский бюрократический аппарат которой состоял из плохо образованных «выдвиженцев», руководствовавшихся в своей работе ложной информацией снизу и холопским страхом перед высшим начальством. В карательных органах этот порок достигал наивысших размеров, в силу наибольшей бесконтрольности и возможности списывать все что угодно на требования «режимных соображений».

В Чуне я получил возможность пользоваться общением с Владиславом Иосифовичем и с его старым другом, священником Брониславом Петровичем Джепецким целых два года. Священники стали друзьями еще в тридцатых годах в Луцке, где Бронислав Петрович был профессором догматики и заместителем ректора в семинарии, а Владислав Иосифович – настоятелем кафедрального собора. Вместе они были и арестованы осенью 1945 года и увезены в Киев, где их осудили

за «измену Советской власти» в пользу Ватикана. Бронислав Петрович страдал ишемической болезнью сердца. Он был невысок ростом, ходил с трудом и мало. Но зэки, в основном украинцы и поляки, постоянно приходили к нему, кто на исповедь, а кто с письмами из дома, попросить совета, за объяснением в трудно сложившихся обстоятельствах. Его всегда серьезный взгляд был внимателен и участлив к собеседнику, а тихий голос легко проникал в душу. Какая-то особая проницательность позволяла ему без труда вникнуть и разобраться в чужой трудности и дать простое и ясное объяснение проблемы. Владислав Иосифович, напротив, несмотря на свои большие после лет, проведенных на медном руднике в Джезказгане, ноги, был в движении большую часть времени. Он любил беседовать со своими многочисленными знакомыми, неторопливо прогуливаясь в отдаленной от наиболее многолюдных мест части лагеря. Глядя перед собою поверх «баркасов», опутанных колючей проволокой заборов зоны, на верхушки сосен и небо, и лишь изредка взглядывая на собеседника, он чутко вслушивался в его слова и интонации, и у меня, когда я присутствовал при этом, складывалось впечатление, что он видит своим внутренним взором возникающий из речи образ человека. Краткие вопросы, которые он задавал порою, оказывались всегда очень точными, он попадал в самую суть того, что заботило собеседника и что он пытался выразить и не мог, потому что сам не улавливал этой сути.

Мне запомнился его разговор с бывшим командиром одного отряда латышских «лесных братьев», который три года вел беспощадную войну с отрядами НКВД и с предателями-латышами. В плен его взяли истекавшим кровью после тяжелого ранения. Подвергаясь на следствии систематическим пыткам, он чудом выжил и, получив двадцать пять лет, оказался на Воркуте. Отбыв из них двенадцать, он оставался непримиримым врагом оккупировавшей его страну власти и потому был уважаем и авторитетен среди своих земляков. Он сохранил веру в Бога, может быть потому, что враги его были безбожниками. В разговоре с Владиславом Иосифовичем (латыша-

священника в лагере не было) он как будто хотел выяснить, как религиозный кодекс расценивает предательство. Он понимал, что существуют разные формы и степени предательства, но душа его была не ладу с умом в этом вопросе. Что-то мешало ему уравнивать их все, хотя сам он со своим отрядом попал в засаду из-за предательства.

Возмущался он поведением земляков, надевших повязки «активистов» с введением этой новой «воспитательной» инициативы в лагерях, чтобы привлечь «твердо вставших на путь исправления» заключенных к содействию администрации. Не очень внятно прозвучало его недовольство своей семьей, точнее детьми, живущими на родине. Дочь вышла замуж за латыша, демобилизовавшегося из армии в офицерском звании. А сын пытался вступить в комсомол, и вступил бы, если б его приняли.

– А в каком возрасте вы видели его в последний раз, – спросил Владислав Иосифович.

– Пять лет ему было, славный был мальчишка.

– Давайте подумаем, друг мой, вот о чем: за годы, прошедшие с той поры, вы, живя в плену у врагов, будучи человеком верным своим принципам и мужественным, не могли изменить своих взглядов и лишь укрепились в них. А ваши сын и дочь росли среди народа, который, не имея возможности освободиться от захватившей его страну власти, вынужден был как-то смириться со своим печальным положением и приспособливаться к новым условиям жизни. Так поступали сотни народов в истории человечества и, пережив времена порабощения, возвращались к самостоятельной жизни. Так жили полтысячи лет греки под властью турок, полтысячи лет испанцы под властью арабов, двести пятьдесят лет, множество народов – от китайцев до тех же русских – под властью монголов. Примеров не счесть. И каждый раз покоренные народы вынуждены были приспособливаться к условиям, которые диктовали ему поработители. Но если теряли свою свободу они, потеряв сначала свое единство, то под гнетом поработителей медленно приходили к осознанию его необходимости. Это

сознание помогло им освободиться и воссоздать свои государства, хотя одни при этом стремились к единству народа ради независимости, а другие – к порабощению своих поработителей, а затем, по их примеру, и других народов. Бог хочет единства людей, но в добре, а не во зле. И чтобы обрести доброе единство, нам нужно научиться прощать друг друга и просить у Бога прощения за грехи наши, совершенные против ближних наших, а значит и против Него, потому что Он – Отец всем нам.

Подумайте: ваши дети росли в стране, задавленной страхом перед беспощадной властью, стремящейся уничтожить в душах людей веру в Бога. В школе их учили, что Бога вообще нет, что советская власть всемогуща и всеведуща, всех любит и обо всех заботится, и что этому не верят только её враги, они же – враги народа. И что нужно обязательно сообщать о тех, кто распространяет лживые рассказы о советской власти.

Дома мать, наверняка, боялась говорить им правду, как боялись все родители, понимая, что ребенок может проговориться. Как же можно осуждать детей за то, что они, не зная правды, не могут различить, где добро, где зло?! Кто может помочь им? Да конечно же только вы – их отец, когда вернетесь. И сейчас нужно писать им письма, расспрашивать об их жизни, об их трудностях и радостях, и понемножку, памятуя слова Господа: «Будьте мудры, как змии», давать им понять, что, хотя власть есть власть, и законам её надо повиноваться, но достоинство человека – в свободе его совести и разума, и в душу его власть вторгаться не должна. Пока они не знают, что есть «кесарь» и Кто есть Бог, но придет время, узнают и поймут. И когда вы встретитесь, они не будут вам чужими.

...Я видел, как эта маленькая проповедь была воспринята суровым «лесным братом», потом не раз видел его оживленно беседующим с Владиславом Иосифовичем. Случилось мне оказаться свидетелем и разговора на несколько другую тему с одним киевским студентом, пламенным украинским нацио-

налистом. Он учился на историко-филологическом факультете, душа его была полна стихами Леси и Тараса, ум – сочинениями Грушевского, и когда треклятая «Радяньска влада» начала давить танками восставших мадьяр, он стал печатать и расклеивать листовки, призывающие подняться на помощь Венгрии. Отсидев два года из полученных шести, он продолжал кипеть возмущением, которое лишь возрастало, не находя достойного отклика у тех, кому он его выплескивал. Настал черед и Владислава Иосифовича. Ему был задан категорически прозвучавший вопрос:

– Почему Бог и Ватикан остались в стороне, когда москали душили венгерскую свободу? Трусливое предательство Запада понятно, но как понять равнодушное молчание всемогущего Бога?

Владислав Иосифович очень спокойно и доброжелательно спросил, как его зовут и сколько ему лет (оказалось, что зовут Андреем и ему двадцать два года) и в каких он отношениях с всемогущим Богом.

На третий вопрос ответ был несколько невнятен: вообще-то он верующий, но какое это имеет значение?

– Ну некоторое все-таки имеет, – с легкой улыбкой возразил Владислав Иосифович. – Ведь если бы я спросил вас, в каких отношениях вы с вашими родителями, или, как вы относитесь к власти, вы не сочли бы этот вопрос не имеющим значения. Нам, верующим людям, нельзя не помнить, как мы относимся к Богу, и не стараться почувствовать, как Он относится к нам. К сожалению, многим свойственно считать, что Бог должен о нас заботиться, помогать в трудное время и защищать в опасное, а от нас Ему нужно только, чтобы мы почитали Его и, проходя мимо костела, осеняли себя крестным знаменем. При таких представлениях Бог становится чисто внешней силой, никак не влияющей на наши мысли и чувства и не мешающей нам жить самим по себе. Получается, что Он нам нужен только для подстраховки в критической ситуации, а мы Ему – вообще неизвестно зачем. Вот вы говорите, что Он

не вмешивается, когда советская армия топит в крови восстание венгров за свободу, а можете вы сказать, когда вы вспоминали о Боге по какому-нибудь другому поводу до этого?

– Ну это так просто не вспомнишь, – ответил уже без запальчивости Андрей, – вы, конечно, правы, что мы мало думаем о Боге, но только я все-таки не могу понять, почему Он не считал нужным помочь венграм.

– Как же нам понять это, если мы не знаем, зачем мы вообще Ему нужны? – возразил Владислав Иосифович. – Давайте мы с вами, как взрослые люди, попытаемся подойти к этому вопросу серьезно, а не между прочим. Если вы, разумеется, не против?

– Да нет, что вы, я, конечно, не против. Даже буду вам очень благодарен.

– Ну вот и прекрасно. Так что мы вообще знаем о Боге? Ничего. То есть, объективно мы можем прийти к заключению о Его существовании на основании того, что существуем сами и существуем в мире, где все, от звезд до мельчайших травинок, подчинено известным законам, во многом изученным нашей наукой. Из этого факта возможны два вывода: или все существующее возникло само по себе, бесцельно и бессмысленно, и тогда просто не о чем говорить; или существует единый смысл для всего, «что стало быть», и он исходит из Единой причины, которую можно называть Богом. Все, что известно о Боге сверх того, открыла нам вера, которую мы получили от Него. Вера и разум открывают нам постепенно смысл Откровения Божьего в Священном Писании, смысл религиозного опыта, отраженного в церковном Предании и, наконец, смысл нашего собственного религиозного опыта в нашей жизни. Из Библии мы знаем, что Бог сотворил нас высшими созданиями в этом мире, чтобы мы были добрыми и мудрыми хозяевами в нем, вершителями воли и продолжателями дела Его. Однако по причине, которую нам, может быть, легче почувствовать, нежели понять, наше богоподобие и свобода стали для нас соблазном проявить собственную волю, выйдя за пределы всего, что дал и заповедал нам наш Создатель и

Отец, по сути своей – выйти за пределы добра. Мы не понимали, очевидно, сами себя и предрасположенность к тому, чтобы стать самими собой зародилась в нашей душе без малейшего представления о том, к каким последствиям это приведет. И хотя предвидевший подобное искушение Бог предупредил нас о смертельной опасности сознательного выбора зла, нас не устрасила неведомая нам смерть и не смутила мысль, что мы преступаем запрет Бога, когда дух зла посоветовал нам не верить тому, что сказал Бог, и вкусить зла, чтобы стать богами, всеведущими, как Он сам. Роковой выбор был нами сделан, ради самости своей мы стали предателями, не поверив Богу, а поверив дьяволу, сказавшего то, чего нам хотелось.

И мир перевернулся. Оказалось, что мы были в центре его. Создав нас, Бог завершил творение Вселенной, придав ей полное единство, и когда мы отвернулись от Бога, мир отвернулся от нас, вышел из нашего повиновения. Силы природы и все живое, стали подобно нам действовать по своей воле, внося хаос во все, что от начала было сотворено Богом прекрасным. Также и в нас самих преобразившаяся плоть наша стала претендовать на главенство, подчиняя ум и волю нашу своим беспорядочным желаниям. Не дух, но вещественные начала мира стали господствовать в нем. Страдания вошли в жизнь человека, и главное из них – мучительный страх смерти – стало вечным спутником его. Главное наследие первородного греха – алчная самость, неутолимая жажда самоутверждения свирепствует в жизни человечества. Мира и единства нет ни в семьях, ни в народах, ни между народами, но повсюду – зависть, подозрения, ненависть и вражда, непрерывно порождающие преступления и нескончаемые войны. Таков результат стремления человека жить без Бога, Отца жизни.

– А где же Бог? – спросите вы, как спросили по поводу венгерских событий.

Ответ на этот вопрос зависит от нашего представления о Боге. В мире распространено представление, согласно кото-

рому всемогущий Бог всевластен и все, что происходит, совершается по его воле, при этом за добрые дела Он награждает, а за злые карает. Такой взгляд вполне соответствует мирскому представлению о самодержавном владыке, поступающем, как он хочет, и никто не смеет спросить его, почему. Некоторые места в Библии, взятые отдельно от всего контекста, позволяют сделать такое предположение. С этой точки зрения, вопрос ваш бессмысленен и дерзок.

Но существует и другое представление, основанное на общем смысле Библии и Евангелия, согласно которому Бог есть свет и в Нем нет никакой тьмы. От Бога исходит только свет истины и тепло любви. Он животворит и созидает, ничего не разрушает и не уничтожает. Когда в Писании от Его имени говорится о карах, бедствиях и истреблениях – это выражения древних авторов, метафорически использующих имя Бога, чтобы передать неотвратимость губительных последствий преступлений, совершаемых людьми. Дело в том, что все, сотворенное Богом, сотворено для блага и, несмотря на повреждение в результате первородного греха, сохранило основы своего предназначения. Но если то, что создано и устроено для блага, использовать для зла, оно сломается. Само его строение оказывается в роковом противоречии с духом зла, заставляющим его действовать против своего предназначения, и после краткого существования оно разрушается и гибнет. И потому мы живем в мире, где все живое обречено на постоянную внутреннюю борьбу, заканчивающуюся смертью.

Бог же не переделывает нас и не лишает нас свободы, которую мы получили ценою своей измены Ему. Он хочет, чтобы в глубине наших душ зарождалась тоска об истинной жизни – тоска об истине любви, о Святом Духе Его. Чтобы чувство своей вины и стыда за низкие помыслы и дела лишило нас гордости и самодовольства, обратило к раскаянию. Тогда, ощутив свою духовную нищету, мы начинаем искать Его и станем способными услышать Слово Его, и Он окликает нас и приводит к Сыну своему Иисусу Христу, в котором мы узнаем Господа нашего. Он в главный час земной истории был послан

Отцом, чтобы спасти весь род человеческий, пребывавший под неодолимым гнетом смертного греха, искупив его своей крестной смертью, и чтобы стать основателем, краеугольным камнем Небесного Царства, «которому не будет конца». Он-то и вводит нас в Церковь свою, соединяя навеки в единую семью детей Божьих. И когда, наученные Им, мы выходим опять в мир, чтобы нести слово Евангелия Его каждому встречному, кто способен услышать Слово Божие, мы уже никогда не бываем одиноки. Дух его всегда с нами, и гораздо ближе, чем может быть кто-либо из ближних наших. Но для людей, живущих по своей воле, мы всегда чужие и нередко обвиняемся в том, что хотим лишить их радостей жизни. Винить их мы не можем, ведь в своем перевернутом сознании они видят счастье в скудных и часто порочных радостях этой краткой жизни, не ведая, что сотворены для вечного счастья жизни, вдохновенной Богом. Не можем мы их винить и тогда, когда они гонят и преследуют нас, потому что «не ведают, что творят». Потому что даже тогда, когда думают, что тем самым служат Богу, в своем перевернутом сознании имеют о Нем совершенно превратное представление. Мы же должны как верные ученики Господа Иисуса, неся среди них крест свой, искать тех, чья душа созрела для принятия Его благой вести, и проповедовать её, всегда веруя, что Он с нами, и со всеми «смирненными духом и сокрушенными сердцем» в этом мире.

Недалек Он и от тех, кто сражается за подлинно правое дело, и когда они полагают душу свою в этой борьбе, Он поднимает их и забирает в свет и покой. Но судьбы войн, смут и мятежей решаются по воле Его, явленной в Его установлениях, действующих внутри нас, но неисповедимых для нас. Представления же о Боге, сражающемся на стороне одного из воюющих народов, это неискоренимое, увы, наследие языческих представлений о Марсах, Одинах и Перунах, продолжающее уживаться с официальным христианством в невежественных народных традициях. Мы никогда ни на шаг не приблизимся к Богу, если будем представлять Его хоть в чем-то, хоть самую малость похожим на нас. Вот если нам в самих

себе удастся обнаружить отдаленное подобие Ему, сохранившееся от первоначального нашего образа, то это для нас большая радость и счастье. Вера, которую дает нам Бог, – это начало Его Откровения нам, это Откровение Его вечной Истины Любви, беспредельной и всемогущей. Она непостижима для нас, чудесна и свята, восхищает нас и повергает в трепет. И если в нашем представлении о Нем возникает какая-либо легкая тень – это тень нашей грешной души. Это наше неверие, провоцирующее нас уподобить Его самим себе. Мы мало знаем, и нам не следует, исходя из наших малых знаний, судить о больших событиях и, уж совсем нам не к лицу решать, что должен делать Бог.

...Я с большим вниманием слушал эту маленькую лекцию Владислава Иосифовича, в которой было много нового и важного для меня, и в то же время мне казалось, что он неоправданно щедро расточает свою мудрость на этого студента, у которого за душой, кроме лозунгов и подростковой запальчивости ничего нет. Однако впоследствии мне случилось еще несколько раз видеть их беседующими, а где-то через полгода, зимой я столкнулся с Андреем, выходившим в утренних сумерках из барака, где размещались автомобильно-тракторные курсы, а до подъема Бронислав Петрович и Владислав Иосифович, чередуясь, принимали исповеди. И я понял, насколько мелкими и плоскими были мои впечатления от людей, в которых я видел только примелькавшиеся типы, а Владислав Иосифович – их души.

По-видимому, благодаря исправному исполнению сексотами своих обязанностей, у администрации со временем сложилось мнение, что заключенному Буковинскому не следует много разгуливать по жилой зоне и лучше будет, если он займется полезным трудом в промзоне. С этой целью его и отправили на «легкий труд» – поддерживать чистоту в подземном коридоре, через который конвейерная лента транспортировала опилки от пилорам в котельную, где они использовались как топливо. Нужно было в течении всей смены ходить, пригнувшись, по низкому коридору и сметать в кучи непрерывно

ссыпающиеся вниз опилки, чтобы потом совковой лопатой забрасывать их обратно на конвейер.

Для Владислава Иосифовича при его больных ногах и высоким росте это было довольно мучительное занятие. Удачей было то, что место моей работы располагалось неподалеку. Я работал на штабелевке бревен, которые после разделки леса на лесобирже шли по бревнотаске к пилорамам, их надо было сначала раскатывать по размерам в диаметре в штабеля. От бревнотаски до трассы конвейера с опилками было всего каких-то метров двести, и, поскольку мы заканчивали свою работу раньше пилорам, я легко поспевал помочь Владиславу Иосифовичу. Мне надо было только забросать на конвейер кучи, сметенные им, и у нас еще оставалось немного время посидеть и побеседовать до возвращения в лагерь. Через полгода его все-таки по заключению медсанчасти освободили от этого издевательского «легкого труда», и он снова смог продолжать свои «перипатезисы», как шутливо называл свои надолго запомнившиеся многим его собеседникам прогулки.

Я в течение этого года прослушал у него целый курс истории церкви. В процессе слушаний позволил себе несколько существенных возражений относительно святости церкви, никак не сочетавшейся в моем сознании, как и в сознании великого множества верующих и неверующих людей, с крестовыми походами, начатыми со лживого утверждения папы Урбана, что «этого хочет Бог» и оставившими по себе память о массовых убийствах «нехристей» и христиан, о диких грабежах и насилиях и о грубом языческом извращении веры при благословении множества пап. Не сочеталась никак эта постоянно провозглашаемая святость с многовековым палачеством инквизиции, с вызывающей роскошью, алчностью и распутством многих пап и князей церкви и с прямым предательством своего призвания, когда тысячелетнее жесточайшее преследование свободы мысли и слова дошло до запрета простым людям читать Священное Писание.

Я долгое время не затрагивал этих зловещих тем, боясь, что Владислав Иосифович станет как-либо отрицать или смягчать эти преступления. А он мне был очень симпатичен, и я не хотел, чтобы он терял лицо передо мной. Но все-таки однажды я не сдержался и был поражен его реакцией. Молча выслушав мои инвективы, он, глубоко вздохнув, сказал, что это очень и очень скверные страницы в истории церкви, но, чтобы не впадать в разочарование и пессимизм, читать её надо, не забывая пророческих предупреждений Господа и всегда помня Его обещания. «Много званых, но мало избранных» – это неизбежное следствие того, что Бог оставляет людям свободу самим выбирать свой путь. Что Он как бы не знает «как семя всходит и растет» (Марк. 4, 27), а дьявол сеет между пшеницей плевелы, когда люди спят (Матфей. 13, 25), и только на доброй земле созревает доброе семя. И в притче о сеятеле, и в притче о званых на брачный пир Господь перечисляет много обстоятельств, сопутствующих тем, кто не достоин стать Его учениками. А «малое стадо» избранных знает лишь тот, Кто их избрал. Но «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоанн. 3, 16). И Господь говорит о верующих в Него: «Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех», «и никто не похитит их из руки Моей» (Иоанн. 10, 28-29). Так, с одной стороны, нам ведомо, что узок и труден путь для каждого из нас, идущих, неся свой крест, за Господом, но в то же время, если вера наша не лицемерна, то грехи наши не превзойдут, как обещал Он нам, милости Его.

Однако следует помнить, что даже те вошедшие в церковь, имеющие веру и силу быть учениками Истины любви, способность твердо противостоять грехам, – и они не защищены от ошибок, хотя никогда и не грешат сознательно. Разве не Петра, одаренного самой сильной верой и призванием укреплять и обращать братьев, сбивающихся с пути в час тяжких испытаний, обличил Иисус более, чем других апостолов, в грехах и ошибках? Не его ли Он назвал маловером в минуту, когда его, дерзнувшего на чудо, охватило сомнение? Не его

ли назвал Он сатаной, когда порыв человеческой жалости подтолкнул Петра убеждать Иисуса не подвергать Себя смертельной опасности, что значило отказаться от того Часа, на который Он пришел? И не Петру ли предсказал Господь, когда он высказал готовность пойти на смерть за своего любимого Господа и Учителя, что он трижды отречется от Него в эту же ночь? Гораздо мягче упрекнул Иисус Иакова и Иоанна, когда они хотели покарать небесным огнем жителей самарянского селения, не пожелавших впустить Его к себе. Господь сказал лишь братьям: «Не знаете, какого вы Духа!»

Можно ли сравнивать с этими великими святыми по возможности противостоять грехам обычных людей, очень часто входящих в церковь просто по традиции общества, в котором они живут, или потому, что так велит мирская власть? Став называться христианами, они сплошь и рядом ни только «не знают, что творят», совершая тяжкие грехи, но даже полагают, что тем самым делают то, чего хочет Бог. Когда недостойные духовные вожди призывают к войнам «во славу Божию» или к погромам и убийствам во имя «торжества веры», они привлекают не верных учеников Господа, а людей мира сего, именующихся христианами. Мир же, ненавидя Церковь Божию, радуется тому и обличает ее в этих преступлениях. Так осуждается без разбору вся церковь и позорится имя Божие.

Смешивать добро со злом – излюбленная стратегия Князя мира сего от начала соращения рода человеческого, когда он, смешав жажду познания с жаждой самоутверждения, спровоцировал прародителей на «освобождение» от Бога. Смешав надежду на покровительство Божье с жаждой богатства и наслаждений в этом мире, он спровоцировал избранный Богом народ отвергнуть посланного к нему Спасителя, позвавшего Израиля на страннический путь проповедников Божьих. Смешав свободу проповеди Слова Божия с благополучием в этом мире, он соблазнил церковь на примирение и сожителство с мирской властью, с духом мира сего. Так люди церкви вступают на путь измены Богу и вражды с Ним. Что ж

удивительного, если они, сменив духовную войну «против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» на войну «против крови и плоти» (Эфес. 6, 12), веками убивают людей в религиозных войнах и гордятся этим как богоугодными подвигами? Удивительно не то, что многие заблуждаются, а то, что немногие, находясь в этом множестве, сохраняют ясность и верность духа. Удивительно, потому что это – чудо, заповеданная Богом стойкость «малого стада». Так сохранился в заблудшем Израиле обещанный Им «остаток», из которого выросло дерево Церкви. Так неодолим остался для «врат ада» проходящий сквозь века по всему миру отряд избранных Господом воинов апостола Петра. Он невелик числом, но постоянно пополняется приводимыми в него Богом. Они не знают, что избраны, но верны призванию и знают путь, потому что ведет их Сам Господь. Каждый из них помогает ослабевшим в пути, обращает сбившихся с пути, находит ищущих Бога и приводит к Нему. Этот идущий за Богом отряд возглавляет церковь, и когда, как это происходит сейчас, по милости Божьей один из его рядов избирается на престол Святого Петра, это всегда означает новый поворот в жизни церкви, в направлении, указываемом Господом Иисусом. Такой представляется мне как верующему человеку в самых общих чертах история церкви, обычной и чудесной, грешной и Святой.

Эта лекция Владислава Иосифовича стала для меня особенно значительной. В каждой беседе с ним мои представления об основах веры расширялись и углублялись. Я осмысливал шаг за шагом яснее и надежнее те важнейшие понятия, перед которыми ранее остановился после первого приближения, не имея возможности самостоятельно разобраться в них. Много дало мне лучшее осознание и высоты неба веры, и глубины бездн сомнений. Я отчетливо понял, что вера не плод усилий души, а первый высший дар Божий, и поэтому только она спасает, ибо «человекам это невозможно» (Матвей. 19, 26); что когда Господь говорит исцеленным: «Вера твоя спасла тебя», Он говорит о вере, принятой человеком от Бога; что

это величайшее чудо – воскресение в сердце раскаявшегося человека образа Живого Бога – не нечто, данное в пользование ему как некое удостоверение его личности, но сам Отец Предвечный, открывший себя ему и давший осознать реальность своего Всемогущества, Всеведения и Всеблагодати, вознесший его в это мгновение над миром и мгновенно переменявший все ценности в сознании его. С этого момента Он всегда не только над ним, но и ближе к нему, чем кто-либо из ближних его. Вера в Него – огромная сила, но от человека зависит насколько глубоко откроется его сердце пред Богом. Бог не входит в душу, занятую духом самоутверждения и другими страстями мира сего, но только в нищую духом. Человек же, оставаясь в мире, не может не испытывать на себе его влияние – естественную силу сомнения, мощную, как притяжение Земли. Он силен противостоять ей, когда всецело открыт Богу и Дух Божий защищает его, но такая открытость редко бывает постоянным состоянием человеческой души и человеку должно учиться следовать за Богом при разной духовной погоде, даже и при «противном ветре», что, естественно, обуславливает многократные погрешности, преодолевать последствия которых – это наша земная школа. Мгновение сомнения всегда предшествует малой или большей неверности – в это мгновение человек утрачивает чувство близости Бога и, оставшись в одиночестве, начинает тонуть, доколе не воскликнет, как Петр: «Господи! Спаси меня». (Матвей. 14, 30).

Понял я из наставлений отца Владислава и отца Бронислава, что одной из главных черт веры является постоянная опора на Слово Божие и на руководимый верою разум. В земной жизни чувства не могут быть постоянной опорой, ибо часто меняются, то вспыхивают, то тлеют, то совершенно гаснут. А свет разума, питающегося от веры, постоянен. И если человек полагается более всего на искренние и горячие чувства, то остается бессильным перед сомнениями, приходящими после ухода чувства, наполнявшего дотоле душу. Легко плыть, когда благодатный ветер наполняет паруса, но, когда

он стихает, надо браться за вёсла, чтобы не стать игрушкой волн. Если сердце сухо и разум не воспаряет до небес, нужно твердо держать руль чувства веры. Чувство может опережать понимание, и может происходить от понимания, но естественные эмоциональные порывы не могут быть постоянными. Они переменчивы в силу самой своей природы – гормональных изменений в крови. Лишь сознавая примат разума над эмоциональной сферой, начинаешь понимать «Filioque» – великий догмат католической церкви, и получаешь представление о единстве истины и любви.

В 1960 году, в день Крещения Господня отец Бронислав ввел меня в церковь, крестным отцом моим был отец Владислав. Весной следующего года лагерь политзаключенных в Чуне был ликвидирован и всех нас этапировали в мордовский «Дубровлаг». Там, увы, всех священников отделили от общей массы и изолировали в специальный лагерь для осужденных за религиозную деятельность. В том же году отец Владислав был освобожден по окончании срока и вернулся к своей церкви в Караганду. Это была пора, когда Хрущев начал свою последнюю антирелигиозную кампанию. Отца Владислава вызвали в КГБ и, пострадав угрозой окончить свою жизнь в заключении, предложили уехать в Польшу. Но он отказался, объяснив свой отказ тем, что здесь у него много работы, которую он не может бросить. То же самое он сказал и моей матери, когда навестил её, будучи проездом после освобождения в Москве. Моя мать, сохранившая свою веру в коммунистические идеалы, опороченные сталинской, несмотря на гибель множества своих друзей в 30-х годах и на отбытый ею самую срок жены «врага народа», прониклась к отцу Владиславу глубоким уважением за те пару часов, которые он побыл у неё. Узнав, что он, отбыв два срока и имея право на восстановление польского гражданства, не едет в Польшу, а отправляется в Казахстан, была очень удивлена. Но он объяснил, что не может оставить своих прихожан, для которых он единственный священник, в то время как в Польше священников много.

За этими простыми словами было его глубокое убеждение в своем священническом долге. Он не выбирал себе места для жизни, а повиновался воле Божьей и шел туда, где в нем была нужда. Широкий круг верующих, образовавшийся вокруг него за те шесть лет, что прожил он в Караганде до второго ареста, стал той общиной, за которую он чувствовал себя ответственным перед Богом. Он не мог забыть выражение радостного изумления тех женщин, которых встретил на кладбище в 1954 году, когда они узнали, что он – католический священник. Они, прожившие здесь уже долгие годы, лишенные родины, потерявшие родных и близких, в тяжком труде и нужде, по десять-пятнадцать лет уже не слышали даже издали звона церковного колокола, не слышали Слова Божьего из уст священника, у них выросли дети, не бывавшие никогда на мессе. Они смотрели на него, нищего и больного, как на чудо, дарованное им Богом.

И они не ошиблись. Он стал для них тем добрым пастырем, в котором они так нуждались. Каждый день он служил мессу в разных домах, чтобы не навлечь репрессий на хозяев. Он проповедовал, укрепляя веру их в то, что страдания не напрасны, что Бог любит их и соберет их в своих обителях, он исповедовал, отпускал им грехи и причащал Плоти и Крови Господней, помогая им стать общиной детей Божьих. Он крестил детей, живших некрещенными, венчал пары, жившие невенчанными, входил во все тяготы их жизни, утешал, советовал и помогал найти выход и облегчение, а когда призывал их Господь он соборовал их в путь к Нему и отпевал. Он был им верным слугой Божьим, понимавшим их и воспитывающим души, благодаря чему их жизнь менялась и они переставали чувствовать себя несчастными, заброшенными в эту безбожную и беспощадную страну на погибель. У него был незаметный, но великий дар: он умел расслышать то, что мучило человека и чего он сам не мог высказать. Он всегда находил самые нужные слова, самый необходимый совет. Я верю, что Дух Божий слушал с ним и через него давал ответ, потому что он всегда старался исполнять волю Его. И потому он был истинным священником.

Несмотря на аристократизм, ощущавшийся в его внешности, чувствовавшийся в благородной сдержанности его характера, в безупречно правильной, всегда спокойной и обдуманной речи, отец Владислав был совершенно лишен хотя бы еле заметной склонности повелевать людьми. Он был безусловным антиподом тех исполненных важности своей священной миссии церковных чиновников, на каких, увы, так легко натолкнуться в любой администрации церкви. Священник, несущий свою голову, как Святые Дары, над серой массой простых людей, был для него чужд, как инопланетянин. Он выработал привычку говорить самыми простыми словами и ясными фразами, что не принято среди интеллектуалов, но что необходимо, чтобы быть понятым простыми людьми. Именно такой язык нужен был ему для осуществления своего призвания – быть священником Бога для десятков тысяч ссыльных, населявших степи Средней Азии.

Раз в несколько лет он ездил в Краков для лечения, встречался с родными и с оставшимися в городе друзьями молодых лет. Особое место в этих поездках имели его встречи с краковским архиепископом – кардиналом Каролем Войтылой. Дружеские отношения, возникшие между ними, продолжались до конца жизни отца Владислава. Содержание их долгих бесед было бы чрезвычайно значительно для читателя-христианина, но известно только краткое высказывание папы Иоанна-Павла II из его речи 23 сентября 2001 года в Астане перед католиками Казахстана: «Мне многое рассказывал о вас незабвенный отец Владислав Буковинский, с которым я многократно встречался и всегда восхищался его священнической верностью и апостольским горением».

Несмотря на различие жизненных путей, у этих двух людей было много общего, и прежде всего, конечно, их полная святая преданность воле Божьей. Оба они на пути, к которому были призваны, отдали до конца, до последнего часа все свои силы служению Богу и людям. Они с детства получили глубоко религиозное воспитание, но в годы ранней молодости у них не было мыслей о духовном призвании и по окончании гимназии оба поступили в Ягеллонский университет, Буковинский

на юридический, Войтыла на философско-филологический. У обоих к двадцати двум годам созрело решение встать на путь служения Богу. Буковинский поступил в семинарию Ягеллонского университета сразу же по окончании юрфака в 1928 году, Войтыла в 1942-м, после окончания двух курсов филфака – в ту же семинарию, бывшую подпольной при немецкой оккупации. Отец Владислав упоминал как-то, что во время войны преподавал в подпольной семинарии, но где именно не сказал (а может быть я просто не запомнил). Дело в том, что, став в 1939 году настоятелем кафедрального собора в Луцке, он вскоре оказался под пятой Советов. Почти сразу же начались массовые репрессии – очистка территории от всех неблагонадежных для большевистского фашизма. Отец Владислав организовал из числа наиболее смелых своих прихожан группу, оказывавшую помощь увозимым на восток в ссылку несчастным людям: передавали тайно в охраняемые эшелоны теплые вещи и продукты, помогали оставшимся без кормильцев семьям ссыльных. Через год он был за это арестован и посажен в луцкую тюрьму, а еще через год, когда немцы подходили к городу всех заключенных вывели поспешно во двор тюрьмы и расстреляли. Палачи очень спешили унести ноги и контрольных выстрелов не делали. Это спасло отца Владислава: раненный, он пролежал под грудой трупов до ночи и был обнаружен родственниками убитых, которым вошедшие в город немцы разрешили отвезти трупы к церкви для отпевания и похорон. Мне, к сожалению, неизвестно, насколько тяжело было состояние отца Владислава и где его лечили – в Луцке или он был отвезен в Краков. Известно только, что в 1946 году перед ним и его луцкими коллегами распахнулись ворота ГУЛАГа. А Кароль Войтыла, окончив семинарию, сокрытую в архиепископском дворце от немецких властей, запрещавших подготовку новых священников, был рукоположен митрополитом Адамом Сапегой. Теперь в их судьбах параллелей уже не было, кроме того, что сорок лет спустя и папа Иоанн-Павел II, находясь на переднем краю духовной войны с атеизмом, насаждаемом всюду, куда добралась кровавая власть СССР, тоже получил свою пулю от кремлевских убийц.

Божьей милостью тоже выжил и еще двадцать три года правил Церковью. Ни один из пап не предпринял стольких инициатив и не затратил столько сил, как Иоанн-Павел II, чтобы сделать церковь подлинно католической и объединить её, следуя заветам папы Иоанна XXIII, вокруг Бога, а не аппарата церкви, обратив лицом к сокрушенным сердцем и смиренным духом, с которыми Бог, к бедным и страдающим во всем мире. Он убеждал епископов, созывая их на конференции, что именно они призваны вместе с ним, учась у Святого Духа, постигать волю Божию о Церкви и мире и претворять её каждый в своей епархии. Своим примером он старался дать понять, что значит быть «странствующей церковью», посланной Богом ко всем народам. Он объяснял, что для каждого верующего обретение подлинной веры является чудом откровения Бога – Святого Духа, воскрешающего душу человека и возвращающего ему его достоинство образа и подобия Божьего, которое он не способен был осознать в себе до встречи с Богом. Что это достоинство открывает ему путь в Царство Божие и к познанию истины любви, которая хочет, чтобы в его сердце любовь к Богу соединилась с любовью к его братьям, блуждающим в сумерках этого мира и не находящих пути к Богу, о коем тоскуют их души, не ведая Его. Он учил, что каждый член церкви, будь он мирянин или священник, призван быть «закваской» в тесте этого мира, прилагающей силы, чтоб мир «взошел» навстречу Богу. И Богу было угодно, чтобы святая жизнь Иоанна-Павла II соединила новый век жизни церкви с веком Апостольской церкви.

Великое дело «аджорнаменто» церкви, начатое папой Иоанном XXIII, продолженное папами Павлом V и Иоанном-Павлом II, продолжаемое ныне папой Бенедиктом, как ни велико сопротивление ему консервативных сил в церкви, совершается и влияние его начинает ощущаться не только в странах, где преобладают христианские вероисповедания, но и за их пределами. В мире, где видимо господствуют расчеловечивающие человечество стремления к бесстыдной прибыли и к потребительскому счастью, все заметнее проявляются силы духовного сопротивления как антихристианской свободе и

произволу мирового рынка, так и террору конкурирующих с ним новых фашистских государств и банд, лжеправославных, лжемусульманских и лжедемократических. В основе этого сопротивления – возмущение морального чувства и чувства человеческого достоинства людей, не испытывающих большого доверия к политическим властям и определенно не доверяющих властям экономическим. Их угнетают нарастающая дегуманизация мирового сообщества и общий кризис культуры. Не желая смиряться с ситуацией духовного вакуума и безнадежности, они ищут смысл и моральную точку опоры в жизни, утратившей эти ценности. И если в прошлом веке такие поиски чаще всего заканчивались обретением веры в какую-нибудь социальную или научную утопию, то теперь, после страшных трагедий, показавших истинную ценность этих идолов, все чаще ищущий в какой-то момент встречается с Богом. Эпоха переменялась, и в то время как мир с дьявольским ускорением мчится навстречу грядущим катастрофам, продолжая гнаться за дразнящим призраком золотого века изобилия и распутства, на европейском Западе «сегодня возникают прекрасные и динамичные апостольские движения» (Иоанн-Павел II. Память и идентичность) и на всех кругах земли, в его пустынях появляется все больше путников, оставивших «котлы с мясом в земле Египетской» и идущих на зов Господень.

Среди многих других, не бросающихся в глаза при беглом взгляде явлений, возникших в церкви за последние полвека, явилась католическая церковь Казахстана.

В безбрежных степях, куда «отец народов» сослал их в большом количестве, чтобы добывали для его сатанинской державы подземные ископаемые и ложились костями в эту землю, в 1954 году появился маленький всход – община на окраине Караганды, собранная отцом Владиславом Буковинским из ссыльных украинцев, поляков и немцев.

В течение двадцати лет (кроме трех лет второго срока заключения) отец Владислав ходил из землянки в землянку, из дома в дом, служа отверженным людям как добрый пастырь,

стараясь понять каждую душу и дать ей духовную пищу, нужную ей. Никогда не имея ничего своего, как и должно члену ордена Иисуса, постоянно преодолевая мучившие его сердечные боли и боли в ногах, он смиренно нес свой крест, следуя за Господом Иисусом. В последние годы он особенно страдал, еле-еле передвигаясь на кровоточащих ногах и останавливаясь через каждые несколько десятков шагов. Но другого пути не было – строительство храма, невзирая на многократные прошения верующих, не разрешали. Разрешение было получено и храм Святого Иосифа был возведен самими верующими уже после того, как Бог призвал своего верного слугу к себе. Так он и ходил почти до самой могилы – исповедовал, служил мессы и проповедовал. Вникал во все трудности и беды своей паствы, помогал найти выход и поощрял к взаимопомощи, утешал и шутил, когда шутка была полезна. Воистину чудесна была его способность постигать болезни, мучающие души исповедающихся ему, и находить исцеляющее их Слово Божие. И он никогда даже не помышлял о том, чтобы уехать в Польшу, куда его настойчиво звали, чтобы дать себе хотя бы под конец пути немного покоя. Более того, даже за год до своего конца, когда он последний раз был в Кракове и врачи, оказавшись не в силах улучшить его состояние, настоятельно убеждали его остаться, предупреждая, что он может не вынести перелета, он тем не менее на Рождество вернулся к своим прихожанам. Он был истинным другом и отцом для своих многочисленных и разноязычных чад. И Бог благословил его труды. Люди, приведенные или возвращенные им в церковь, прочно приживались в ней, и из небольших общин, им созданных, выросла сегодняшняя, насчитывающая 360 000 католиков, цветущая и плодоносящая католическая церковь Казахстана, помнящая и чтущая имя своего доброго пастыря, святого апостола отверженных.

6.12.2008

ЗАМЕТКИ О ПАВЛЕ

Две тысячи лет назад Бог, в которого некоторые из нас еще веруют и называют «Отец наш, сущий на небесах», послал в мир своего Сына – Богочеловека Иисуса-Спасителя, о приходе которого предупредил еще за тысячу с лишним лет через своего пророка Моисея. Иисус возвестил, что Царствие Божие приблизилось к людям, что наступило последнее время, что необходимо искреннее покаяние в отступлении от Бога и во всех последовавших грехах, чтобы уверовать в Бога поистине и научиться слышать голос Его и слушаться его и понять Истину – Слово Его, в котором смысл жизни. Он научил «малое стадо», людей не от мира сего, чтобы распространено было Слово Божие по всей земле, и искупил грехи человеческие, принесся в жертву Себя, и ушел к Богу, пославшему в мир своего Святого Духа, Господа и Учителя, чтобы вести посланников Иисуса как сотрудников своих к нищим духом и жаждущих вдохновения от Бога, но не ведающих, как найти Лицо его. И ведомые Духом Божиим пошли по миру, как истинные странники и пришельцы, не ищущие ничего постоянного в этом мире, а только лишь тех, кто хочет услышать Слово Истины и принять Его в сердце свое.

Таково начало общины учеников Божьих, которую стали называть в Греции церковью, а в Риме – еkkлeзиeй. Однако уже в первый век ее вхождения в мир, как только она достигла греко-римских ее пределов, в ней произошел духовный переворот, возглавленный молодым питомцем талмудической школы, неожиданно обратившимся из фанатичного гонителя учения Иисуса в его яростного сторонника, из Савла в Павла. Как это часто бывает с неoфитами, они, переходя на противоположную сторону, в своем радикализме становятся «святее Папы», и Павел, видимо, искренне веруя, что обрел благодать стать в первый ряд, или даже первее Петра среди борцов за дело Иисуса, твердо встал на позицию отмены «закона», ставшего ненужным после явления Христа. Его не смутило, что прославляемый им Иисус Христос в своей Нагорной проповеди

сказал народу: «Не думайте, что Я пришел нарушить Учение или Пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из учения, пока не исполнится все». (Матвей. 5, 17-18). То, что Иисус в этой своей проповеди, обращенной ко всему народу, подробно объяснял, как надо понимать заповеди и что исполнение двух, названных Им главными, заповедей открывает врата вечной жизни (Лука. 10, 25-28) и Его призыв исследовать Писания, чтобы убедиться, что они свидетельствуют о Нем, и Его многократные употребления текстов Писания как доказательств истинности Его слов и дел – все это Павел не мог не знать от других учеников, видевших и слышавших Иисуса. Но в упоении своей ролью Первого апостола для всех народов, по его собственным словам, «Бог избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своей, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам» (Гал. 1, 15-16), он не пошел советоваться в Иерусалим к подлинным Апостолам, а по своему личному соображению и праву (поскольку сам Бог открыл в нем Иисуса) отредактировал Учение Иисуса, выкинув из него его единство с Учением, данным Богом через Моисея, дабы сделать его приемлемым для язычников. Кроме того, он добавил повеление, как бы исходящее от Господа: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти Богом установлены». (Рим. 13, 1). Этот языческий конформизм тоже помог делу примирения языческого мира с Евангелием Иисуса, хотя и не избавил под горячую руку от римской плахи римского гражданина Павла.

Следует ли считать, что церковь, возникшая к концу I века в греко-римском мире была «паулинской», то есть была создана, благодаря энергии учеников апостола Павла? Вероятно, более реалистично, не склоняясь перед харизматическим образом Апостола язычников, предположить, что успешность и слава его проповеди объясняются не её боговдохновенностью, а умелым приспособлением Евангелия Иисуса к

умственному складу язычников-прозелитов. Именно поэтому стало нужным принизить Божье учение, данное через Моисея, выделив в нем как самое главное храмовые жертвоприношения, и возвысить кесаря языческого мира как ставленника Божьего. Население Империи, уже мало верящее в своих древних богов, но почитающее силу и славу империиума, постепенно стало принимать все более приспособляющееся к нему вероучение, исповедующее равенство всех наций и состояний пред Богом, обещающее прощение всех грехов и победу над всеми врагами крестом, который возвещал со знамени кесаря: «Сим победишь!» от имени непобедимого Господа, родившегося в день праздника империи «Непобедимого Солнца»...

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» 2003 ГОД

– Вы утверждаете, что первооткрывателем картины сталинского Гулага был Марголин. Для всего мира явление ГУЛАГа открыл Солженицын. Однако, мало кто знает о Марголине. Почему так получилось?

– Я полагаю, что причины не в Солженицыне и не в Марголине, а во времени. Когда Марголин, освободившись в 1945 году, через год оказался в Израиле, авторитет Советского Союза там, как и во всем мире, был чрезвычайно высок. Об издании книги, разоблачающей советскую действительность, не могло быть и речи. Поэтому марголинское «Путешествие в страну Зэ-Ка», написанное сразу после освобождения, вышло в свет в США только в 1952 году. Но и тогда эта первая и во многом беспрецедентная по сей день книга осталась вне поля зрения широкой читательской публики. Несмотря на то, что холодная война между НАТО и СССР уже была в разгаре, либеральная общественность Запада оставалась во власти очарования победоносными успехами Лагеря мира и социализма. Любая критика его расценивалась как злонамеренная клевета.

В 1973 году, когда появился «Архипелаг Гулаг» Солженицына, западное общество, просвещенное докладом Хрущева на XX съезде КПСС, миротворческими «подвигами» Варшавского пакта в Венгрии и в Чехословакии и пр., и пр, считая себя жестоко и коварно обманутым, было уже вполне готово внимать сообщениям о новых ужасах, происшедших в СССР. К месту будет сказать, что перечень картин карательного произвола, составленный Солженицыным со слов свидетелей, был, несомненно, ярче и доходчивей для широкого читателя, чем описанные очевидцем, не только пережившим, но и глубоко осмыслившим преступления сталинского фашизма в концлагерях Марголиным.

– Скажите, почему по-прежнему замалчивается Марголин?

– А Марголин просто был забыт. Как забывается масса талантливых людей. Почему был забыт Моцарт вскоре после смерти, и прошел чуть ли не век, когда вдруг открыли Моцарта заново и началось буквально помешательство на нем? Почему люди проваливаются как бы в безвестность? Талантливые, гениальные люди исчезают. На всё есть время и воля Божья, как говорит поговорка. Это очень важные факторы, и то и другое.

Человек по духовной природе своей существо разумное и потому нуждается в смысле, чтобы жить, подобно тому, как его физическое существо нуждается в пище, воде и воздухе. Если смысл исчезает, то у человека остается мало шансов чтобы выжить. Бессмыслица уничтожает людей в тяжелых условиях. Некоторых она уничтожает и в обычных. А в тяжелейших условиях она уничтожает большинство. И если не уничтожает физически, то губит сознание, губит душу. Люди начинают верить в господство бессмысленного зла.

Виктор Франкль, венский психиатр и философ сумел понять это в гитлеровском аду, Марголин – в сталинском. Их труды и конгениальны, и различны. Конгениальны в том отношении, что они оба стремились к одному и тому же: не просто выжить, чтобы выжить, а чтобы понять и победить эту ложь и злобную ненависть фашизма к человеческому достоинству.

Думаю, что Марголин несколько шире и художественнее, чем Франкль, описал эту трагедию – не потому, что лагеря немецкие, ставшие, собственно, репликой советских, были менее живописны. Немецкие фашисты учились у советских фашистов и лагерную систему освоили значительно позже, чем в Советском Союзе. Когда возник ГУЛАГ в 1930 году, Гитлер еще и к власти-то не пришел. Не потому, что немецкий фашизм был ликвидирован общими усилиями – он недолго просуществовал, советский фашизм оказался намного живу-

чей, он был гораздо лживей. Гитлеровская ложь *была националистической и поэтому уже была ограничена* средой немецкого народа. А ленинизм-сталинизм шел по всей планете, возбуждая в обездоленных и угнетенных массах фашизоидную амбициозность и агрессивность. И Марголин прекрасно понимал колоссальную силу этого зла. Думаю, что он лучше всех советологов понял, в чем сущность коммунизма.

Скажем, Черчилль совершенно не идеализировал Советскую власть с момента ее возникновения, Но Черчилль мыслил чисто политически, проблемы нравственные его не особо тревожили, потому что политика рационалистична, прагматична и беспринципна всегда. Хорошо, если можно политические акции благопристойно нарядить в белые одежды, но, когда нельзя, легко обходятся и без них. И в принципе мировая политика всегда была смесью грязи и крови, более или менее прикрытых ложью.

Марголину принадлежит изумительно точное слово: расчеловечивание. Этим словом он определил суть лагерной политики коммунизма. Расчеловечить человека, превратить его в скотину, страх должен быть внедрен в него настолько глубоко, чтобы до конца жизни тот дрожал и повиновался. И боялся бы думать, и действительно, лагерь мира и социализма, стал единственным, подлинным концлагерем, где люди боялись думать.

Для преступления требуется темнота. То преступление, которое творилось в течение семидесяти лет, в России, происходило в темноте. И люди в темноте боялись думать. Были одиночки, мужественные и умные люди, которые или расплачивались жизнью, или же долговременными гонениями за независимость мышления, за отказ мыслить в соответствии с указаниями партии, – но это ничтожное меньшинство. Большинство людей боялось думать. Они сами себя заставляли думать, что Сталин строгий, но мудрый, и, в конечном счете под-

нял страну, победил Гитлера, ведет страну к светлому будущему. Марголин понимал, что лагерь – это некая парадигма, лежащая в центре социального творчества той шайки преступников, которая овладела властью в стране и которая порождена сама по себе агрессивно послушным большинством. Не Сталин создал сталинщину – сталинщина породила Сталина. Людей невозможно создать, эти люди были, их спустил с цепи Ленин своим знаменитым лозунгом «Грабь награбленное!» А собранные под знамена ленинизма грабители выбрали своим вождем Сталина. Им не нужны были интеллигентные вожди.

Книга Марголина, я думаю, и по сей день остается в этом отношении путешествием в страну Зэ-Ка. Она – не воспоминание и не рассуждение. Это как в пронзительных словах Галича: «Уходит наш поезд в Освенцим, сегодня и ежедневно». Изданные в России в начале перестройки работы Франкля под общим названием «Человек в поисках смысла» с предельной убедительностью показывают основополагающую роль смысла в человеческом сознании, когда оно оказывается в пограничной ситуации, на краю небытия. Но автор при этом хотя и сам находится в такой же ситуации, описывает и рассуждает с позиции наблюдающего мыслителя. Множество книг с потрясающей достоверностью описывают лагерную жизнь, но лишь эпизодически и частично осмысливают описываемое. Путешествие Марголина – это жизнь и её понимание в едином тексте.

– А Солженицын никогда не ссылался на Марголина?

– Я не большой знаток сочинений Солженицына, но поскольку единственным своим предшественником Солженицын считал Льва Толстого, то сомнительно, чтобы знание творчества своего предшественника имело место. Марголин написал свою книгу в 1946 году, сразу после того как отбыл пятилетний срок в советских концлагерях, куда был брошен без суда

в 1940 году, считая своим долгом как можно быстрее сделать достоянием гласности то, что в этой стране уничтожают людей. Но неожиданно для себя столкнулся с категорическим нежеланием израильских издательств публиковать что-либо на эту тему и с равнодушием к ней на Западе. Книга вышла в свет только в 1952 году в американском издательстве имени Михаила Чехова.

– Он написал не только эту книгу?

– Он написал много, но печатать практически не имел возможности. У него не было денег, чтобы самому издавать свои произведения. Он вел аскетический образ жизни, написал массу статей, которые печатались в Израиле в единственном журнале, «Бюллетене евреев – выходцев из Китая», выходившем (и продолжающим выходить) раз в два месяца маленьким тиражом. Он много писал для вашей газеты, Роман Гуль, его старый друг ещё по Берлинскому университету, публиковал его в своем «Новом журнале», печатался он в, увы, недолго просуществовавших «Воздушных путях», в «Новом русском слове». Несомненно, он печатался и во многих других газетах и журналах. Найти, собрать и подготовить к публикации как можно больше рассеянных по свету его трудов – первоочередная задача нашего общества. Оно возникло недавно. Два года назад отмечалось 30-летие со дня смерти Юлия Марголина в Иерусалиме. Группа друзей – все бывшие политэзки решили создать общество с целью изучения и популяризации литературного и философского наследия Марголина.

– Кто-нибудь из основателей общества знал лично Марголина?

– Два человека, один из них – председатель нашего общества Давид Хавкин. В своей статье о встрече со вновь прибывшими из России Марголин упоминает о нем с большой тепло-

той. К сожалению, прожив ровно семьдесят лет, Марголин покинул этот мир, через год после того, как стали приезжать первые группы репатриантов из СССР. После его смерти его вдова Ева Спектор и его преданная сотрудница Голда Елина объявили об учреждении «Общества памяти Юлия Марголина». Но для его создания в Израиле не нашлось тогда и десятка людей. Теперь ситуация несколько изменилась, и мы продолжили дело.

Помнить и понимать то, что оставлено Марголиным необходимо с нашей точки зрения потому, что оно по-прежнему актуально сегодня и, вероятно, останется таковым до Второго Пришествия. Это касается прежде всего его нравственной философии и критики фашизма всех мастей, узколобого национализма и либерализма без дна и покрывашки.

Людям в любой стране чрезвычайно важно понимание того, что наше нравственное состояние, совершенно неудовлетворительное в среднем и в целом, это главная проблема жизни. И оно не зависит напрямую от каких-то внешних факторов. Это прежде всего дело нашего разума, нашей совести, нашего милосердия – тех свойств, без которых не существует человеческое достоинство.

Марголин, как автор философских, литературных, публицистических произведений, который в течение всей своей жизни отстаивал приоритет нравственного начала при решении социальных, национальных и общечеловеческих проблем, остается актуальным, и сегодня его работы нужны людям и завтрашнему поколению тоже, ведь надежды на то, что эти проблемы получают удовлетворительное разрешение в каком-то обозримом будущем, не существует. А простейшее соображение: чем больше на земле порядочных люддей, тем терпимей становится возможность существования, не требует доказательств. Само их присутствие в жизни ограничивает зло, делает его менее убедительным, менее всемогущим.

Именно этот смысл вкладывал Марголин в исповедуемую им идею «сионизма Герцля-Жаботинского». Он слишком хорошо знал человеческую слабость и лживость проектов достижения всеобщего счастья, но, веря в неуничтожимость среди людей мечты о благородстве, в постоянное возрождение в каждом поколении потребности в разумении, справедливости, милосердии, в человеческом достоинстве, полагал, что стремлению к развитию этих задатков нет альтернативы для честного человека.

Поэтому мы и считаем своим долгом заинтересовать, насколько это в наших силах, поколение наших сыновей историей жизни и философией Юлия Марголина.

СОДЕРЖАНИЕ

Силуэты современников в интерьере веков	5
В последние годы халифата	333
Перемены времени (неоконченное)	415
Живи не как все	441
Знаменитая пьеса Гоголя	465
Рецензия на книгу Р. Брахмана «Секретная папка» ...	479
В журнал «Варпас»	485
Конференция «Вильнюс – 2005»	504
Пастырь отверженных	512
Заметки о Павле	549
Интервью журналу «Русская мысль» 2003 год	552